

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ НАУК О ЗЕМЛЕ
АССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ

ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ПРИОРИТЕТЫ ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

TRENDS IN THE SPATIAL DEVELOPMENT
OF MODERN RUSSIA AND PRIORITIES
OF ITS REGULATION

Материалы
Международной научной конференции
(XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО)

Тюмень, 12-17 сентября 2022 г.

Тюмень
ТюмГУ-Press
2022

УДК 332.1(470+571)
ББК У049(2Рос)
Т330

Редакционная коллегия:

Д.А. Дирин, кандидат географических наук, доцент
А.Г. Дружинин, доктор географических наук, профессор
А.А. Кашин, кандидат географических наук, доцент
А.В. Любичанковский, кандидат географических наук, доцент

Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования = Trends in the Spatial Development of Modern Russia and Priorities of its Regulation : материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень, 12-17 сентября 2022 г. / отв. ред. А.Г. Дружинин, Д.А. Дирин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт наук о Земле ; Ассоциация российских географов-обществоведов. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2022. — 770 с. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-400-01678-3

Сборник содержит материалы Международной научной конференции «Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования», состоявшейся в Тюменском государственном университете 12-17 сентября 2022 г. в рамках XIII Ежегодной научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Представлены результаты научных исследований, посвященных теоретическим, методическим и прикладным вопросам общественной географии, культурно- и политико-географическим проблемам развития территорий, а также различным аспектам туристско-рекреационной деятельности стран и регионов.

Адресуется научным работникам, сотрудникам органов государственной и муниципальной власти, преподавателям вузов, аспирантам и студентам.

The collection contains the materials of the international scientific conference « Trends in the spatial development of modern Russia and priorities of its regulation» held at the University of Tyumen in the framework of the XIII Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Human Geographers. It contains the results of scientific research, devoted to theoretical issues of human geography, cultural and political-geographical problems of territorial development as well as various aspects of tourism and recreational activities of countries and regions.

The materials of the conference can be of interest to researchers, employees of state and municipal authorities, university's professors, postgraduates and students.

УДК 332.1(470+571)
ББК У049(2Рос)

ISBN 978-5-400-01678-3

© Тюменский государственный университет, 2022
© Ассоциация российских географов-обществоведов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	15
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ	
Бабурин В. Л. ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ	17
Батомункуев В.С., Гомбоев Б.О., Зангеева Н.Р., Жамьянов Д.Ц.-Д., Цыбыкова А.Б., Шаралдаев Б.Б., Мотошкина М.А., Бадмаев А.Г., Цыдыпов В.Э., Рыгзынов Т.Ш., Аюшеева В.Г., Дойникова Е.Е., Банзаракцаев З.Е., Алексеев А.В. ОЦЕНКА И ПРОГНОЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ И ЕЕ ЧАСТЕЙ В МЕНЯЮЩИХСЯ ПРИРОДНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ.....	22
Безруков Л.А. ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТИНЕНТАЛИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И ВНУТРЕННЕМ РАЗВИТИИ РОССИИ	26
Водичев Е.Г. СИБИРЬ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ.....	30
Дирин Д.А. «ГОРНЫЙ ФАКТОР»: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ.....	35
Дружинин А.Г. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ: ПОТЕНЦИАЛ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	42
Замятин Д.Н. СОПРЯЖЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ЕГО КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ	50
Зырянов А.И. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТУРИСТСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)	50
Ибрагимов А.И. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТЮРКСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ)	60
Колосов В.А. «СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ПОНЯТИЯ В ГЕОГРАФИИ: СУВЕРЕНИТЕТ, ТЕРРИТОРИЯ, ГРАНИЦЫ	61
Кузнецов А.В. СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ЗАРУБЕЖНОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ	64

КУЗНЕЦОВА О.В. МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ	68
НАДЫРОВ Ш.М. КАЗАХСТАН В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ: ПРИОРИТЕТЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ	73
СТРЕЛЕЦКИЙ В.Н. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСИ И ГЛАВНЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI в.	77
ФЕДОРКО В.Н. ДИНАМИКА СЕТИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УЗБЕКИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ.....	85
ФЁДОРОВ Г.М. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСКЛАВА НА БАЛТИКЕ — КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	93
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПАНЕЛЬНОЙ СЕССИИ «НАШЕ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ: К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОЛОГА, ИСТОРИКА И ГЕОГРАФА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ГУМИЛЁВА»	
Любичанковский А.В. РАЗВИТИЕ ИДЕЙ Л.Н. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ	97
Чистобаев А.И. НЕТРИВИАЛЬНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	102
Шупер В.А. НАСЛЕДИЕ Л.Н. ГУМИЛЁВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).....	105
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ	
Секция 1	
РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ, ПРИОРИТЕТЫ, ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ И ДОСТИЖЕНИЯ	
АКИМОВА В.В. СТРАТЕГИИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ И В СТРАНАХ МИРА: ЧТО НЕ ТАК И КАК НАДО.....	110
Аксёнов К.Э., Галустов К.А. ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	115
Бабкин Р.А. ТИПОЛОГИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ МОНИТОРИНГА ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	120

Бочарников В.Н. ТИГРОНОМИКА КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ «ЗЕЛЕНОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ПРИРОДЫ» В ПРИМОРСКОМ КРАЕ	125
Волкова И.Н., Крылов П.М. ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПРЕДГОРНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ КАК ЧАСТИ АГЛОМЕРАЦИИ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД.....	129
Демидова К.В. ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ.....	134
Жук С.И. МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ	137
Заборцева Т.И. НАУЧНО-ПОИСКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ГЕОГРАФИИ им. В.Б.СОЧАВЫ СО РАН).....	141
Калуцков В.Н. ЧЕТЫРЕ ПРИНЦИПА ЛАНДШАФТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)	145
Карабатов В.А., Меркушев С.А. ДЕЛИМИТАЦИЯ «БОЛЬШИХ ЦЕНТРОВ» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ: ЗНАЧЕНИЕ, ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ	149
Кашин А.А. МАСШТАБИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ РЕКОНСТРУКЦИИ КАМПУСА «ФЕРТИКИ»...	149
Колдобская Н.А. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОХОЖДЕНИЯ «МУСОРНОЙ» РЕФОРМЫ В РОССИИ	159
Красноштанова Н.Е. НОВОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ РАЙОНОВ СЕВЕРА: АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	163
Кулаковский Е.С. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОВОГО ЗАКОНОПРОЕКТА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИИ	168
Макар С.В. К МЕТОДОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КООПЕРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	172
Михайлова А.А. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ	175

НИКОЛАЕВ Р.С., ЧЕКМЕНЕВА Л.Ю., ЧИЖОВА Л.О. ПОДХОДЫ И ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ	179
ПЕРМЯКОВ М.А., РОМАНОВА Е.П. НЕСООТВЕТСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ЛАНДШАФТНЫХ ГРАНИЦ КАК ПРИЧИНА НЕРАВНОМЕРНОЙ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ РАЙОНОВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	186
Пилипенко И.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО БАНКА РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ В 2000-2010-е гг.	192
РЫЗЫНОВ Т.Ш., БАТОМУНКУЕВ В.С., ГОМБОЕВ Б.О., БАЗАРЖАПОВ Ц.Ж. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ	197
САКАЕВ В.Т. ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ НОВЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ В РОССИИ: ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	204
Сидоров В.П. О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ЛОГИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА «КАМБАРКА» В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	208
Соколов С.Н. ЦЕНТРОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	211
Яковенко Н.В. ПРОЦЕСС СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА МЕЗОУРОВНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ, ПРАВОВОЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ И НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ	215

СЕКЦИЯ 2

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

АНИКИНА М.Л. ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ В БАШКОРТОСТАНЕ: ДИНАМИКА И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	220
Биктимиров Н.М., Джумаев Б.А. ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	226
БОГАТУРОВ Д.С. МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОНТАКТНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ ОСЕТИНСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ	230

Болхосоева Е.Б. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	233
Гайсин И.Т. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕКАМСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	238
Гусаков Т.Ю. ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КРЫМА.....	243
Добрякова В.А., Еланцева А.А., Истомина Л.С., Конюхова А.Д., Макарова К.И., Устинов К.Н. СОЗДАНИЕ СЕРИИ КАРТ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ И МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	248
Зяц Д.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ ВОСТОКА УКРАИНЫ.....	251
Карачурина Л.Б. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ	256
Королев А.Ю. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ АРЕАЛОВ НЕНАСЕЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ	260
Коськин А.А. СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ РФ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗА ПЕРИОД 2014–2020 гг.	266
Куница М.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ	272
Лазовская С.В. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ	278
Нагиев С.К. ДИНАМИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	284
АЗЕРБАЙДЖАНА И РОЛЬ МИГРАЦИИ: ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ ПЕРЕПИСЕЙ 1989, 2009 и 2019 гг.	284
Писаренко С.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	291
Подосян А.А, Шахойн К.В., Колян Ш.М. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ	297

САЗОНОВА Н.В., САЗОНОВА О.А., МАРЦИНЕВСКАЯ Л.В. ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	302
САФОНОВА И.В., ДИДЕНКО О.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА (ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ).....	306
СИКАЧ К.Ю., ВОРОНИН И.Н. РЫНОК ТРУДА КРЫМА: ОСНОВНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ	313
СИТНИКОВ П.Ю. ПРОГНОЗ ДИНАМИКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	317
СОЛОВЬЕВ И.А., ЧИХИЧИН В.В., ЗОЛЬНИКОВА Ю.Ф., ОВСЯННИКОВ Е.И. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ.....	321
УСТАВЩИКОВА С.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СУБЪЕКТАХ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА (2010-2021 гг.)	329
ФИЛИППОВА В.В. ТИПОЛОГИЯ РАЙОНОВ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ПО ЛЮДНОСТИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	334
ХУСНУТДИНОВА С.Р., КАСИМОВ Д.И. ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ЗА ПЕРИОД 2010-2021 гг.	339
ЩИТОВА Н.А., БЕЛОЗЕРОВ В.С., СОПНЕВ Н.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ РАЗНОГО ТИПА.	344
СЕКЦИЯ 3	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ, РЕСУРСНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ	
АБДУЛЛАЕВ А.М., ЗЕМЛЯНСКИЙ Д.Ю., КАЛИНОВСКИЙ Л.В., МЕДВЕДНИКОВА Д.М., ЧУЖЕНЬКОВА В.А. КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РОССИИ В ПЕРИОД 2015-2020 гг.	349
БАДИНА С.В. ФАКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	354
БАЛИНА Т.А., КОНЫШЕВ Е.В., ПОСПИШЕНКО М.А. ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕРМСКОГО КРАЯ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ	358

Бобровский Р.О., Панкратов А.А. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕХНОГЕННОГО РИСКА.....	363
Быков Н.И., Шигимага А.А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛЕЗАЩИТНЫХ ПОЛОС СУХОЙ СТЕПИ КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	369
Гнатюк Г.А., Итегелова А.П. РАССЕЛЕНИЕ И СФЕРА ОБСЛУЖИВАНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ	374
Гонтарь Н.В. ТОРГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ СО СТРАНАМИ КАСПИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	377
Горочная В.В. ПРОЧНОСТЬ МОРЕХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ И КЛАСТЕРОВ В РОССИЙСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ	382
Грибанова Г.И. АРКТИКА В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ — ДИХОТОМИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОПЕРНИЧЕСТВА.....	388
Григорьев И.И. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ (БПЛА), В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	393
Закиров И.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ.....	399
Каледин Н.В. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В РАЗВИТИИ РОССИИ: ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА.....	402
Ковалев Ю.Ю. ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ	407
Комов И.В. ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	411
Крупко А.Э. РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА И НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ.....	416
Кузнецова Э.А. «ЗЕЛЁНАЯ» ГЕОГРАФИЯ: РАСШИРЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ НЕГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ	420
Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА.....	425

Лялина А.В. ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ	429
Маменов С.Д., Ротанова И.Н. ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОЛЬШОМ АЛТАЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	438
Марциневская Л.В., Сазонова Н.В. ПЕРСПЕКТИВА ВКЛЮЧЕНИЯ ГПЗ «БЕЛОГОРЬЕ» В МИРОВУЮ СЕТЬ БИОСФЕРНЫХ РЕЗЕРВАТОВ	442
Мельников Е.Р., Осоргин К.С., Столбов В.А. ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД КАК БАЗА СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПЕРМСКОГО КРАЯ	447
Михеева Н.М., Диденко Д.Ю. ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РФ В РОССИЙСКО- КИТАЙСКОЕ И РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	451
Потоцкая Т.И. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕОГРАФИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ	459
Размахнина Ю.С. ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧНОСТИ НА ИТОГИ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2021 г. (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОСИБИРСКИХ РЕГИОНОВ)	464
Рыбкина И.Д. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ГАРАНТИРОВАННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ	469
Семёнов Ю.М., Шитов А.В., Климова О.В., Мердешева Е.В. ЛАНДШАФТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК БАЗА УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЭКОСИСТЕМ АЛТАЯ	475
Соцкова Л.М. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЛИОРАЦИИ В КРЫМУ	482
Субботина Т.В., Чупина Л.Б. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ	489
Ткачева Т.А. ОБРАЗ ТЕРРИТОРИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: МЕТОДИКА АНАЛИЗА И СТРУКТУРА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)	493
Фартышев А.Н. ТРАНСПОРТНАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОСТЬ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИМПОРТА И ЭКСПОРТА РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ КНР)	501

Фёдорова А.С.
РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИИ) 506

Фролова И.В.
САКРАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ 508

Швец А.Б., Вольхин Д.А.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ КРЫМА 514

СЕКЦИЯ 4

ДИХОТОМИЯ УНАСЛЕДОВАННОГО И ИННОВАЦИОННОГО В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Анимица Е.Г., Власова Н.Ю.
ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УРАЛА 518

Аксёнов К.А., Елманова Д.С., Мельникова Е.А.
ПОИСК БРЕНДА СРЕДИ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX в. (НА ПРИМЕРЕ ЛОМОНОСОВСКОГО РАЙОНА МОСКВЫ) 523

Горбанёв В.А.
ЕВРОПЕЙСКИЙ ЮГ В НОВОМ ФОРМАТЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
РАЙОНИРОВАНИЯ РОССИИ 528

Даньшин А.И.
СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ 534

Деточенко Л.В.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА И ВОЛГОГРАДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ 539

Житин Д.В.
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАЗЛИЧНОГО
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ТИПА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ
АГЛОМЕРАЦИИ 546

Красноярва Б.А., Шарабарина С.Н.
ТЕНДЕНЦИИ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКИХ
РЕГИОНОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 553

Куричев Н.К.
КОНЦЕНТРАЦИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД
КАК ФАКТОРЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 557

Кушнир К.В.
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЯРИЗОВАННЫХ
ЛАНДШАФТОВ РОССИЙСКОГО ПРИАЗОВЬЯ 561

Лекомцев А.Л.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
УДМУРТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 565

Павлов К.В. ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ И ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ	568
Преображенский Ю.В. КАРКАСНЫЙ И СЕТЕВОЙ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПРИРОДНЫХ СИСТЕМ.....	576
Родионова И.А. АНАЛИЗ ПОЗИЦИЙ РОССИИ В МИРОВОМ РЕЙТИНГЕ ЦИФРОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ	576
Саввинова А.Н. РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В МЕСТАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)	580
Савченко А.Б., Бородина Т.Л. РОЛЬ КОСМИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	586
Сафиуллин Р.Г. ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ РОССИИ ИЗ-ЗА ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ.....	592
Сафиуллин М.Р. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ.....	596
Сидоров И.В. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕФТЯНЫХ И ГАЗОВЫХ ВЫСТАВОК РОССИИ.....	600
Супрунчук И.П. ГЕОГРАФИЯ СПОРТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ	606
Чугунова Н.В., [Кухарук Н.С.], Полякова Т.А., Морковская Д.Н. ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ С УКРАИНОЙ ТЕРРИТОРИЙ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ	612
Шадрин А.И. НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ИЗУЧЕНИИ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ.....	617

СЕКЦИЯ 5

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Алексушин Г.В. «ДВИЖУЩАЯСЯ ГРАНИЦА» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА	621
--	-----

АДАШОВА Т.А., КРЕЙДЕНКО Т.Ф., РОГОТЕНЬ Н.Н. ЭКОТУРИЗМ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	624
АНТЮФЕЕВА Т.В., ЕСИПОВА С.А. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ В РЕСУРСОДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНАХ	628
БАУТИСТА Х., ОРЕХОВА А.А., МУСТАФИН М.Р. УСТОЙЧИВЫЙ ДАЙВ-ТУРИЗМ В РОССИИ	633
ВАЛЕЕВА Г.Ф., БУНАКОВ О.А., ЭЙДЕЛЬМАН Б.М. ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	638
ВИШНЯКОВ Н.В., ФЕСЕНКО В.В. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ДЛЯ ПРОГНОЗИРУЕМОЙ ОЦЕНКИ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕСТИНАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	642
ВОЛКОВ А.В., ШИРО М.С. БРЕНДИРОВАНИЕ «УМНЫХ ГОРОДОВ» КАК КАНАЛ РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ	648
ЕРМОШКИНА Г.Ф. ТУРИСТСКАЯ КОММОДИФИКАЦИЯ ТОПОНИМИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	652
ЗАБУРАЕВА Х.Ш. ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	657
ЗИГАНШИН И.И. ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОСТРОВОВ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА	661
ЗИНОВЬЕВА А.А. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19	667
ЗЫРЯНОВА И.С. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА	671
ИВЛИЕВА О.В., МА ЦЗЬЯ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)	676
КАЙЗЕР Ф.Ю., БРЕЛЬ О.А. КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ГОРНОЛЫЖНОГО ТУРИЗМА В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ — КУЗБАССЕ	680
КАЛЕДИН В.Н. АТОМНЫЙ ТУРИЗМ В РОССИИ	686

КУКЛИНА М.В., ДИРИН Д.А., КРАСНОШТАНОВА Н.Е., БОГДАНОВ В.Н., ТРУФАНОВ А.И. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ТОДЖИНСКОМ КОЖУУНЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА	692
МАКСИМОВ Д.В., САПОЖНИКОВА Т.Ю. ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ РЕКРЕАЦИОННЫЕ И ОБСЛУЖИВАЮЩИЕ ЦИКЛЫ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КAVКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД.....	696
МИНЕНКОВА В.В. УСТОЙЧИВЫЙ ТУРИЗМ В ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	700
ПОЗДЕЕВ А.О. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТУРИЗМ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ	705
РАУФОВ Р.Н., АЗИЗОВ Н.Х., КУЛМАТОВА Л.С. АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКИСТАНА.....	714
РУБЦОВ В.А., РОЖКО М.В., БУЛАТОВА Г.Н. СТРУКТУРА ЭЛЕКТРОННОГО КАТАЛОГА ТУРИСТСКОГО БАНКА ДАННЫХ	719
ТЕБИЕВА Д.И. ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ГОРНОЛЫЖНОГО КУРОРТА «ЦЕЙ» В ЭКСКУРСИОННЫЙ ОБЪЕКТ ЭКОФИЛЬНОГО ТУРИЗМА	724
ТИТОВА Т.Н., НОВОСЕЛЬСКИЙ К.И. СИНТЕЗ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРОВ НА УРАЛЕ	728
ШАБАЛИНА С.А. ЗОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА.....	733
ЯКОВЕНКО И.М., СТРАЧКОВА Н.В. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПАРКИ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРИСТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ.....	741
ЯКОВЛЕВ С.В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНО-ЛЮБИТЕЛЬСКОГО РЫБОЛОВСТВА НА ВНУТРЕННИХ ВОДОЕМАХ АРКТИКИ НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТАЙМЫРА	746
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	751

ПРЕДИСЛОВИЕ

В действующей с мая 2010 года Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) стало нормой и хорошей традицией ежегодно в сентябре проводить свои научные Ассамблеи; очередная, XIII-я, организована в этом году в Тюмени на базе Тюменского государственного университета (Институт Наук о Земле) и Тюменского регионального отделения АРГО. Главным, стержневым мероприятием любой Ассамблеи выступает, при этом, крупная, сфокусированная на приоритетной для нашей науки тематике международная научная конференция. Не стал исключением и 2022 год, непростой для России, вне сомнения во-многом для неё переломный, явивший фундаментальные вызовы, многократно актуализировавшие проблематику пространственной организации общества и социально-экономического развития территорий, равно как и учёта при этом глобальных и евразийских геополитических, геоэкономических, геодемографических и геокультурных детерминант.

Современные, разворачивающиеся практически на наших глазах общественно-географические «подвижки», столь масштабны и существенны своими долгосрочными последствиями, что вполне могут быть соотнесены с процессами конца 1980-х — начала 1990-х годов. И наша профессиональная задача — не только максимально корректно и полно отследить, оценить, осмыслить эти изменения, но и предложить внятный, обоснованный, экономически, социокультурно, геополитически и экологически приемлемый концептуальный контур *новой пространственной организации России*. Важно, при этом, сохраняя, приумножая продуктивный потенциал нашего относительно немногочисленного профессионального российского общественно-географического сообщества и воспроизводя его обретенные усилиями многих поколений интеллектуальные и нравственные ценности, а также традиции корпоративного единства (развиваемые ныне в том числе и в формате АРГО), не впадать в крайности саморазрушающего пессимизма (и алармизма), межгруппового противостояния, равно как и чрезмерного «шпаккозакидательства», игнорирования возникающих фундаментальных проблемных ситуаций и вызовов. Нашей стране, её народу, структурам управления — крайне важна (а сейчас — в особой мере) современная, внятная и адекватная россиеориентированная географическая картина мира, необходимы профессионально выверенные рекомендации в области регулирования (и реконструирования) пространственного развития Российской Федерации. Всё это предопределяет возрастающую востребованность

отечественного общественно-географического знания, повышает ценность, значимость его дальнейшего развития, в том числе и на основе содержательного профессионального диалога, обмена мнениями и результатами исследований, научной дискуссии (в том числе и на «площадке» научных Ассамблей АРГО).

Предлагаемый вниманию читателей сборник включает в себя тезисы докладов участников международной научной конференции «Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования». Это мероприятие объединило в себе 174 научных доклада, заявленных 225 авторами, представляющими не только Российскую Федерацию, но и Абхазию, Азербайджан, Армению, Беларусь, Казахстан, Китай, Турцию и Узбекистан. В числе докладчиков — 52 доктора наук (включая Академика РАН, Члена-корреспондента РАН), а также 130 кандидатов наук. Весьма обширным и разнообразным оказался, прежде всего, круг российских участников данного научного форума, аффилированных с такими научно-образовательными и исследовательскими центрами как Барнаул, Белгород, Брянск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Горно-Алтайск, Грозный, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Калининград, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Курск, Москва, Набережные Челны, Нижневартовск, Новокузнецк, Новосибирск, Оренбург, Пермь, Пушкин, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Смоленск, Ставрополь, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Уфа, Ханты-Мансийск и Якутск.

Размещённые в сборнике материалы, иллюстрируя публикационную активность российских географов-обществоведов, свидетельствуют также, что интересы нашей науки — весьма диверсифицированы. Надеемся, что данное издание вызовет интерес у исследовательского сообщества, всех, кто проявляет внимание к проблематике пространственной организации общества.

С уважением,

научные редакторы сборника

А.Г. Дружинин, Президент АРГО, доктор географических наук, профессор

Д.А. Дириш, кандидат географических наук, доцент

УДК 911.3:33; 338.45

Бабурин В. Л.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ

***Аннотация.** В статье в рамках единого методического подхода, базирующегося на комплексе моделей «ядро-периферия» с учетом возраста и специализации промышленных ареалов, анализируется распределение промышленного потенциала по субъектам Российской Федерации. В качестве главной цели ставится проверка работоспособности модели «ядро-периферия» во взаимосвязи с циклами индустриализации для сквозной типологии в первую очередь «срединных» регионов, слабо дифференцируемых при иных подходах.*

***Ключевые слова:** модель «ядро-периферия», циклы Кондратьева, промышленные революции, индустриальный потенциал*

Введение. Одним из способов структурирования пространственных взаимосвязей является использование концепции «ядро-периферия». Она находится в рамках общепhilosophического ядерно-сферического подхода, рассматривающего ядро-периферийные отношения в рамках диалектического единства противоположностей [6]. В рамках синергетического подхода, утверждается, что ядро является обязательным элементом любой самоорганизующейся системы. В рамках инновационной парадигмы ядро — это креативный центр (или как минимум транзитер инноваций), а периферия как правило выполняет функцию акцептора. При этом полупериферия обычно сильный акцептор, а периферия — слабый [1]. Вместе с тем система отношений «ядро-периферия» не статична и вполне возможны зеркальные преобразования.

В экономической географии данный подход обычно связывают с Дж. Фридманом и И. Валлерстайном. В концептуальном плане в их построениях все сводится к противопоставлению центра и периферии, при доминировании центра над периферией. В отличие от центра периферия неоднородна, в ней выделяется внутренняя (ближняя) более тесно связанная с центром и внешняя (дальняя) испытывающая слабое влияние центра подсистемы [2].

Собственно географическая традиция, складывалась несколько иначе. Хорошо знакомая нам теория Тюнена, очевидно выстроена в рамках концепции ядро-периферия, хотя и была ориентирована на выбор оптимальной

схемы размещения сельхозпредприятий по отношению к потребителю, в зависимости от издержек пространства. Лаунхардт В. дополнил модель Тюнена, включив в рассмотрение источники сырья и энергоресурсов [3; 4]. В теориях других немецких ученых можно наблюдать обратный подход. В центре, где можно минимизировать производственные издержки, где работает эффект агломерирования, расположено производство, а потребители рассредоточены вокруг него. Подобные идеи можно найти в работах А. Вебера, А. Леша и В. Кристаллера.

Классиком концепции «центр — периферия» на Западе считается Дж. Фридман, который предпринял попытку интегрировать районное и городское направления в региональных исследованиях и построить общую теорию регионального развития на базе модели «центр — периферия» [8]. Согласно этой концепции, неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между ядром и периферией.

Среди отечественных специалистов в данной области следует прежде всего назвать работы Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. приложивших эту теорию к многообразию советского/российского социально-экономического пространства и показавших в рамках циклического подхода смены ядерно-периферийных фаз развития регионов. Позже, А. Трейвиш рассмотрел ядро-периферийные отношения через призму базовых категорий регионального развития — неравномерность и структурное разнообразие [5; 7].

Методология исследования. Как было показано выше существует достаточно большое число теорий и методов определения ядро-периферийных отношений в системах различного уровня. Однако их изучение показывает, что не всегда сложные исследовательские процедуры дают принципиально новое знание.

В данном исследовании для выявления центр периферийных отношений в промышленности используются мера масштаба промышленности региона, ее производительность и генезис в рамках циклов Кондратьева-Шумпетера.

Анализ многочисленных параметрических типологий экономики России показывает, что крайности выделяются при любых наборах показателей, а вот середина крайне трудно дифференцируема. Ядро-периферийный подход позволяет использовать качественно-количественные методы сочетая расчетные значения с модельными представлениями о дифференциации пространства.

В качестве основных показателей были взяты: душевой объем промышленного производства (а не ВРП) и доля промышленности в ВРП. Для

снятия влияния уровней урбанизации и структуры экономики, на следующем шаге был использован показатель отношения объема выпуска промышленной продукции к численности занятых. В общем случае удельные значения отражают производительность труда и стадию индустриализации.

Дополняющим показателем являлся объем промышленного производства, отражающий масштаб экономики и косвенно масштаб ядра (уровень концентрации индустриальной мощи в нем).

Кроме того, учитывалась длительность индустриального цикла — время начала индустриализации и число пройденных кондратьевских циклов в промышленных ареалах России странах и регионах.

На этой основе было проведено выявление ядерных, субъядерных (оболочечных), субпериферийных (внутренняя периферия) и периферийных (внешняя периферия) территорий.

Обсуждение результатов. Пространственная ядро-периферийная система в России отчасти тождественная мировой, однако уровень концентрации здесь существенно ниже.

На три крупнейших региона приходится почти 31% (против 50 в мире) объема промышленного производства, а на первые 15 — 68% (против 85). Таким образом уровень концентрации промышленности в России, ниже, чем межстрановой в мировой промышленности.

1. Специализированные внутренние ресурсные ядра с площадным нефтегазодобывающим типом освоения территории (более 70 тыс. долл./чел.), а доля промышленности в ВРП свыше 60% — ХМАО, ЯНАО, НАО, Сахалинская область. При этом на Тюменскую область приходится 16% общероссийского промышленного производства. С учетом специфики учета реально (за вычетом доли Москвы) это не менее 25% объема промышленного производства, что соответствует доли Китая в мировой индустрии.

2. Субъядро (10-36 тыс. долл./чел.) с долей промышленности преимущественно выше 50% (за исключением Москвы) — с очаговым освоением при наличии крупных центров концентрации остальные регионы севера и северо-востока Чукотский АО, Республики Якутия и Коми, Красноярский и Пермский края, Иркутская, Тюменская и Архангельская (за счет НАО) области. За пределами этого массива, окружающего ядро Оренбургская и Астраханская области. Татарстан и Москва (имеют удельные значения, соответствующие средним по ЕС) хотя и попадают по масштабам промышленности и удельным значениям в эту граппу являются регионами другой природы.

В целом для первых 10 регионов прослеживается хорошо выраженная связь душевых объемов промышленной продукции и долей промышленности в ВРП

3. К субпериферии-1 (8-10) относятся регионы обрабатывающей промышленности с высоким удельным весом базовых и значительным горнодобывающих отраслей — Мурманская, Белгородская, Вологодская, Свердловская, Липецкая, Самарская, Томская, Самарская, Тульская области, Хакассия и Удмуртия, а также «пристоличные» Калужская и Ленинградская области. Во всех них (за исключением Мурманской области) доля промышленности превышает 35% ВРП

4. К субпериферии-2 (3-8) относится обширный массив из 30 регионов которые могут быть подразделены на несколько кластеров

4.1. Подавляющее число регионов Урала, Центральной России, Северо-Запада, юга Сибири (без республик) и Дальневосточные (за исключением Приморского края

5. Периферия-1 (1-3) — крупнейшие аграрные регионы страны (Краснодарский, Ставропольский, Алтайский, а также Приморский края), регионы внутренней периферии Европейской части России, Адыгея, Карачаево-Черкессия, Крым, Тыва и Бурятия.

6. Периферия-2 (менее 1 тыс. долл./чел.) — республики Северного Кавказа, Калмыкия и Алтай.

Для регионов субпериферии и периферии взаимосвязь уровня индустриализации с душевым производством достаточно высока — $R^2 = 7928$.

Таким образом мы можем говорить, что ресурсное ядро и неиндустриальная периферия имеют четкую географическую локализацию север-юг, отражая широтную зональность агроклиматического и почвенного потенциала с одной стороны и ресурсной дихотомии равнинно-шельфовой и горно-альпийских зон.

Ресурсный принцип сохраняет свою ареало-формирующую роль и для ресурсного субядра, которое территориально оконтуривает ядро с запада, юга и востока.

Взаимосвязь индустриализации и душевых показателей сохраняется и для макрорегионов. В частности, для Центральной России, при исключении постиндустриальной Москвы, у которой при формально малой доле промышленности в ВРП максимальное в регионе душевое промышленное производство.

При использовании показателей производства на численность занятых и масштаб производства ядро-периферийная модель промышленности России выглядит иначе.

Мы можем выделить ядро рассредоточенное ядро в составе Московского Столичного региона, Тюменской области, Татарстана, Красноярского, Пермского краев и Иркутской области. Внутри оно дифференцирована на ресурсную Тюменскую область, обрабатывающие отрасли МСР и Татар-

стана и интегральные Красноярский, Пермский края и Иркутская область с высоким удельным весом ОПК.

Субъядро формируют ресурсные Кемеровская, Оренбургская и Архангельская (за счет НАО) области, Санкт-Петербургско-Ленинградский регион обрабатывающих отраслей, базовые регионы тяжелой промышленности — Свердловская, Челябинская, Тульская, Белгородская Самарская области, Башкирия, Волгоградская, Омская области и Удмуртия.

Не трудно видеть, что ядерно-субъядерные регионы объединены в три ареала:

Два столичных регион сверхвысокой пространственной концентрации промышленности, Урало-Поволжье со средним уровнем концентрации, Западная и Восточная Сибирь с низким уровнем концентрации промышленности.

Полупериферия также формируется двумя типами промышленной специализации:

Среднеплотные регионы со средними региональными промышленными системами Центральной России, Волго-Вятского района без республик, Поволжья, Ставропольский, Краснодарский края юга России с максимальной плотностью АПК, Приморский край и особняком стоящая Калининградская область.

«Малые» ресурсные регионы — Севера и Дальнего Востока, а также Астраханская область, со смешанным типом промышленности.

Периферия-1 (ближняя) включает наименее развитые или депрессивные регионы Центральной России (Тамбовская, Орловская, Костромская области), Урала (Курганская область), относительно развитые республики Волго-Вятского района, республики юга Сибири, интегрированная в экономику Краснодарского края Адыгея, Алтайский (сибирский аналог Краснодарского края) и Камчатский края.

Периферия-2 (дальняя) включает в себя большинство республик Северного Кавказа, Калмыкию, Алтай и Псковскую область

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 22-27-00425 «Центро-периферийность в российском индустриальном пространстве», 10/06/21

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в экономике. М., Эдиториал УРСС, 2002. 120 с.
2. Валлерстайн И. Периферия. — Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004, с. 671.

3. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2002.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 44-495 с.
5. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 167 с.
6. Миньяр-Белоручев К.В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия. Новая и новейшая история 2019, № 6. С. 5-18.
7. Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность. Пространственная экономика, 2019. Т. 15, № 4. С. 13-35
8. Friedmann J. Regional Planning and Nation-Building: An Agenda for International Research, Economic Development and Cultural Change, Oct., 1967, Vol. 16, No. 1 (Oct., 1967). Pp. 119-129.

Vyacheslav L. Baburin

Lomonosov Moscow State University, Moscow

CENTER-PERIPHERAL FEATURES OF THE PLACEMENT OF RUSSIAN INDUSTRY

***Annotation.** In the article, within the framework of a single methodological approach based on a set of core-periphery models, taking into account the age and specialization of industrial areas, the distribution of industrial potential across the subjects of the Russian Federation is analyzed. The main goal is to test the operability of the core-periphery model in relation to the cycles of industrialization for a cross-cutting typology of primarily "middle" regions that are poorly differentiated with other approaches.*

***Keywords:** core-periphery model, Kondratiev cycles, industrial revolutions, industrial potential.*

УДК 911.3:32

**Батомункуев В. С., Гомбоев Б. О., Зангеева Н. Р.,
Жамьянов Д. Ц. Д., Цыбикова А. Б., Шаралдаев Б. Б.,
Мотошкина М. А., Бадмаев А. Г., Цыдыпов В. Э., Рыгзынов Т. Ш.,
Аюшеева В. Г., Дойникова Е. Е., Банзаракцаев З. Е., Алексеев А. В.**

*Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ*

ОЦЕНКА И ПРОГНОЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ И ЕЁ ЧАСТЕЙ В МЕНЯЮЩИХСЯ ПРИРОДНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

***Аннотация.** На основе данных по природному, производственному и человеческому капиталу в субъектах Азиатской России проведена кластеризация 27 регионов на 5 групп для определения сбалансированности эколого-социально-экономи-*

ческого развития исследуемой территории и её частей. Осуществлён прогноз, который базируется на сложившихся параметрах формирования и функционирования природно-ресурсных, хозяйственных, социальных и демографических процессов развития субъектов Азиатской России.

Ключевые слова: пространственное развитие, Азиатская Россия, оценка, прогноз, природный капитал, производственный капитал, человеческий капитал

Пространственное развитие Азиатской России в настоящее время и в среднесрочной перспективе осуществляется и будет осуществляться в условиях формирования и реализации новых глобальных геополитических стратегий «Один пояс, один путь», «Большая Евразия», расширения мировых транспортных сетей («Северный морской путь», «Сила Сибири – 2») при наличии уже сложившихся экономических и политических союзов и инициатив в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В целом, геополитические стратегии являются решающим фактором общественного развития, включая и пространственное развитие.

При этом, остаются и появляются другие глобальные факторы, неблагоприятно влияющие на мировое пространственное развитие, среди которых особо отмечается новая вирусная инфекция «COVID – 19», во время которой практически все страны снизили объемы и темпы роста социально-экономических показателей.

В рамках выполнения бюджетного проекта лаборатории геостратегических исследований и пространственного развития БИП СО РАН «Роль Азиатской России и сопредельных территорий в пространственном развитии страны в современных геополитических условиях» [1], на основе данных по природному, производственному и человеческому капиталу в субъектах исследуемой территории была проведена кластеризация 27 регионов на 5 групп (рис. 1).

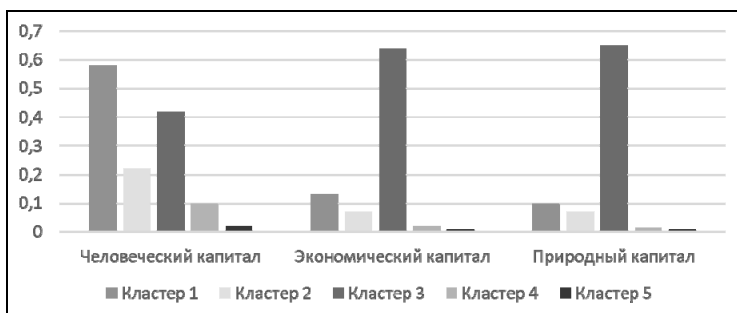

Рис. 1. Кластеризация субъектов Азиатской России по соотношению природного, производственного и человеческого капитала

В первый кластер вошли семь самых крупных промышленных регионов с высоким уровнем доходов населения и экономическим потенциалом: Свердловская область, Челябинская область, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Приморский край.

Во втором кластере расположились регионы со средним уровнем человеческого, промышленного и природного потенциала: Алтайский край, Омская область, Томская область, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Сахалинская область.

Третий кластер характеризуется самой нетипичной картиной: эта группа регионов отличается самой высокой вовлеченностью природного капитала в оборот и высоким уровнем производственного потенциала. В данный кластер вошли три региона, являющиеся лидерами нефтедобычи не только в азиатской части России, но и во всей Российской Федерации: Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ. При этом человеческий потенциал немного ниже производственного и природного, хотя и он на высоком уровне.

В четвертый кластер вошли регионы с относительно низким уровнем человеческого, промышленного и природного потенциала: Курганская область, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Забайкальский край, Амурская область.

Пятый кластер, в который вошли 6 регионов, характеризуется самыми низкими значениями по всем трем показателям: человеческому, производственному и природному капиталам. В этот кластер вошли следующие регионы: Республика Алтай, Республика Тыва, Камчатский край, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Проведённые оценочные работы показывают, что любой прогноз приобретает для рассматриваемой территории высокую степень неопределённости. Осуществлённый нами прогноз базируется на сложившихся параметрах формирования и функционирования природно-ресурсных, хозяйственных, социальных и демографических процессов развития субъектов Азиатской России. Главная ценность такого прогноза заключается не в том, чтобы показать перспективное состояние эколого-социально-экономических параметров развития территории, а продемонстрировать то, к чему приведёт сохранение сложившихся к настоящему времени тенденций этого развития.

Ниже приводятся прогнозные показатели использования природного, хозяйственного и социального капиталов в ключевых субъектах Азиатской России, представляющих все 5 групп выделенных нами кластеров (рис. 2).

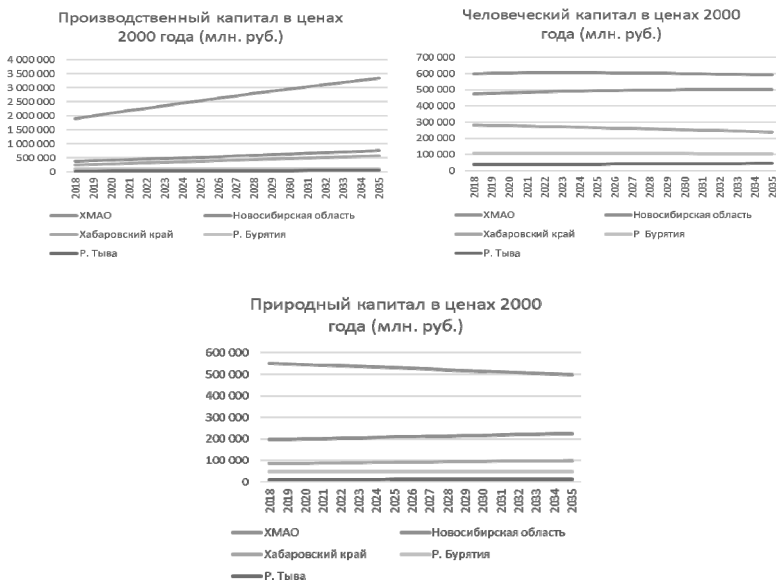

Рис. 2. Прогнозная оценка развития модельных субъектов Азиатской России

Более подробная характеристика прогнозных показателей в разрезе отдельных субъектов Азиатской России позволяет выявить устойчивые и критические параметры их интегрированного пространственного развития и предложить основные направления совершенствования этого развития.

Таким образом, прогноз пространственного развития субъектов Азиатской России позволяет выявить тенденции их индивидуального и совокупного развития и предложить основные направления их совершенствования как в рамках выделенных районов, так и по отдельным субъектам, выделяя при этом общие и дифференцированные меры по оптимизации пространственного развития.

Работа выполнена в рамках бюджетного проекта БИП СО РАН № 122021800169-0

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бюджетный проект лаборатории геостратегических исследований и пространственного развития БИП СО РАН «Роль Азиатской России и сопредельных территорий в пространственном развитии страны в современных геополитических условиях», рег. № НИОКТР АААА-А19-119060390027-8.

Valentin. S. Batomunkuev , Bair O. Gomboev, Natalya R. Zangeeva,
Daba Ts.-D. Zhamyanov, Aryuna B. Tsybikova,
Bayanzhargal B. Sharaldaev, Marina A. Motoshkina, Aldar G. Badmaev,
Vitaly E Tsydyпов, Tumun Sh. Rygzynov, Valentina G. Ayusheeva,
Ekaterina E. Doinikova, Zorikto E. Banzaraktsaev, Алексей V. Alekseev
Baikal Institute for Nature Management SB RAS,
Ulan-Ude (Russia)

ASSESSMENT AND FORECAST OF SPATIAL DEVELOPMENT OF ASIAN RUSSIA AND ITS PARTS IN CHANGING NATURAL, ECONOMIC AND SOCIAL CONDITIONS

***Annotation.** Based on data on natural, industrial and human capital in the subjects of Asian Russia, clustering of 27 regions into 5 groups was carried out to determine the balance of environmental, socio-economic development of the study area and its parts. A forecast has been made based on the established parameters of the formation and functioning of natural resource, economic, social and demographic processes of development of the subjects of Asian Russia.*

***Keywords:** spatial development, Asian Russia, assessment, forecast, natural capital, production capital, human capital.*

УДК 911.3:32+327.1

Безруков Л. А.

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТИНЕНТАЛИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И ВНУТРЕННЕМ РАЗВИТИИ РОССИИ

***Аннотация.** Сформулировано понятие евразийского континентализма и обоснована его актуальность для постсоветской России. Рассмотрены примеры реальных действий и процессов во внешней политике и внутреннем развитии России, которые как соответствуют тенденциям данной евразийской стратегии, так и противоречат им. Сделан вывод о долговременном характере создания евразийской континентальной интеграции.*

***Ключевые слова:** евразийский континентализм, внешняя политика, внутреннее развитие, «Большая Евразия», евразийская континентальная интеграция.*

В 1990-е гг. во внешней политике России присутствовали одновременно элементы трех основных стратегий — либерально-западнической, изоляционистской, евразийской. В 2000-е и особенно 2010-е гг. все большую роль во внешней (и отчасти внутренней) политике начинают играть элементы евразийской стратегии.

Под евразийской стратегией, или стратегией евразийского континентализма, будем понимать политику, благоприятствующую регионализации на субконтинентальном или континентальном уровне Евразии. Данная стратегия, отвергая однополярный мир под главенством США, нацелена в итоге на создание второго уравновешивающего полюса в виде объединения (блока) целого ряда евразийских стран. Исходя из срединного географического положения на континенте, геополитических, культурно-исторических и военно-стратегических соображений, ключевая связующая роль в этом объединении по праву должна принадлежать России. Континентальный евразийский проект особо актуален именно для России в силу высокой степени ее континентальности, ограниченности выходов к незамерзающим и открытым морям, исключительно протяженных сухопутных расстояний, большого числа стран-соседей, ресурсно-сырьевого характера экономики с массовыми экспортными потоками.

Важно ответить на вопрос о том, в какой мере и как фактически выражается евразийский континентализм во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах, а также в связанном с ними внутреннем развитии современной России. Назовем примеры тех реальных действий и процессов, которые соответствуют тенденциям евразийского континентализма, и примеры тех действий и процессов, которые им противоречат.

В условиях обострения отношений с западными странами континентальное положение России серьезно осложняет ее интеграцию в мировое хозяйство и обуславливает неизбежность укрепления всесторонних связей прежде всего со своими соседями посредством формирования собственной системы евразийских альянсов, свидетельством чему служит образование различных интеграционных структур на постсоветском и смежном пространстве. По инициативе или при непосредственном участии России созданы Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), Союзное государство России и Белоруссии, Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Наибольшая активность отмечается по линии ЕАЭС — региональной экономической интеграции Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России; в самые последние годы — по линии ОДКБ (мировотворческие операции в Нагорном Карабахе и Казахстане).

Все явственнее проявляются контуры более широкой евразийской интеграции в виде формирования «Большой Евразии». Исходя из политико-экономического понимания сущности нового блока, основу его в настоящее время образуют, по нашему мнению [1], страны-участники ЕАЭС и ШОС, страны-наблюдатели ШОС. На первоначальном этапе ведущую роль в реализации этого проекта призваны сыграть тандем Россия–Китай, тен-

денции поворота России на восток, а Китая на запад, сопряжения ЕАЭС и экономического пояса «Великого Шёлкового пути».

Высшее руководство России провозгласило курс на разворот значительной части международных хозяйственных связей в восточном направлении. Так, из-за дефицита незамерзающих морских выходов и портов жизненно важный для наполнения российского бюджета экспорт нефти и газа осуществлялся по трубопроводам через территории транзитных стран, что связано как с дополнительными затратами, так и с политическими рисками. Имеющиеся ограничения определили активные усилия России по преодолению транспортной зависимости. Для беспрепятственного экспорта в западном направлении построены новые нефте- и газопроводы в обход «проблемных» стран-транзитеров (с использованием главным образом морских маршрутов по Балтийскому и Черному морям). Формируется система магистральных трубопроводов в Сибири и на Дальнем Востоке для подачи на экспорт нефти и газа в восточном направлении (в первую очередь в Китай). Одновременно расширяются мощности имеющихся экспортных морских портов и строятся новые.

При развороте связей на восток ведущая роль отводится Сибири и Дальнему Востоку, которые, правда, по-прежнему рассматриваются преимущественно как пространственный плацдарм, необходимый для добычи, транзита и экспорта сырьевых ресурсов. В 2000–2010-е гг. произошел резкий сдвиг промышленного производства Сибири в периферийные северные районы и усиление ресурсно-сырьевого характера освоения (добыча нефти, природного газа, угля, золота и др.) [2]. Именно в Сибири сложились те основные ядра концентрации промышленного потенциала России, на основе продукции которых она занимает передовые места в мире по экспорту топлива и сырья.

Вместе с тем активизация восточного вектора России и создание «Большой Евразии» объективно могут стать важным рычагом развития и реиндустриализации Сибири, поскольку выход ее регионов по транспортным коридорам на ближние внутриматериковые рынки позволит резко сократить транспортные издержки, углубить переработку сибирского сырья на месте путем организации высоких и конечных переделов, получать транспортабельные полуфабрикаты и готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. В связи с этим коренным образом повысятся диверсифицированность и конкурентоспособность сибирской продукции, что создаст паритетные условия для расширения взаимовыгодного внешнеторгового сотрудничества, а сама Сибирь укрепит свои позиции главного ресурса развития России.

Внешнеполитические процессы, в которых задействована Россия, оцениваются с точки зрения евразийского континентализма весьма неоднозначно. С одной стороны, есть несомненные успехи военно-стратегического характера — удалось отстоять независимость Южной Осетии, присоединить Крым, укрепить суверенитет Сирии, прекратить военные действия в Нагорном Карабахе, поддержать государственность Казахстана и т. д. С другой стороны, заметно усилилось давление Запада и его военного инструмента в виде НАТО, возросла угроза приближения этого блока к границам России вследствие планов приема в его состав таких постсоветских стран, как Украина, Грузия и Молдавия, сократилась зона влияния православной (российско-евразийской) цивилизации. Одним из напряженных полей российско-натовского противостояния становится Арктика, в отношении раздела которой существуют нерешенные вопросы; обостряется проблема Севморпути, который заинтересованные страны стремятся превратить в международную морскую трассу.

О сложности реализации стратегии евразийского континентализма можно в первом приближении судить по существующей, довольно инерционной географической структуре экспорта страны. В 2010 г. экспорт России в направлении ближайших партнеров по ЕАЭС составлял всего лишь около 7,7 % общего объема, более расширенного круга партнеров по «Большой Евразии» (14 стран) — 15,1 %. В то же время подавляющая часть экспорта — 53,3 % — традиционно уходила в страны ЕС, еще большая часть — 59,1 % — в Евро-Атлантический регион в целом (ЕС, страны Западной Европы вне ЕС, США и Канада). За 10 лет с 2010 по 2019 г. ситуация изменилась следующим образом: доля ЕАЭС выросла до 9,1 %, «Большой Евразии» — до 23,7 %, тогда как доля ЕС снизилась до 44,6 %, Евро-Атлантики — до 49,1 %. Получается, что и в настоящее время удельный вес ЕС в российском экспорте в 4,9 раза выше веса блока ЕАЭС, значителен разрыв между Евро-Атлантикой и «Большой Евразией» — 2,1 раза.

Ближние тенденции характерны и для географической структуры импорта России, где ведущая роль принадлежит сейчас также странам ЕС (36,3 %) и Евро-Атлантики в целом (43,5 %), тогда как на долю ЕАЭС приходится только 8,2 %, «Большой Евразии» — 32,9 % (на 2/3 за счет Китая). Удельный вес ЕС в российском импорте в 4,4 раза выше аналогичного показателя ЕАЭС, не столь значителен разрыв между Евро-Атлантикой и «Большой Евразией» — 1,3 раза.

Таким образом, создание евразийской континентальной интеграции требует многих лет и даже десятилетий целеустремленной работы. Стратегия евразийского континентализма не только определяет зоны националь-

ных интересов России во внешнем мире, но и воздействует по большому счету на сами основы и перспективы существования страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безруков Л.А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.

2. Безруков Л.А. Трансформация структур хозяйства и населения Сибири на постсоветском этапе // География и природные ресурсы. 2020. № 4. С. 25–36.

Leonid A. Bezrukov

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

EURASIAN CONTINENTALISM IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY AND INTERNAL DEVELOPMENT

***Annotation.** The concept of Eurasian continentalism is formulated and its relevance for post-Soviet Russia is substantiated. Examples of real actions and processes in Russia's foreign policy and internal development are considered, which both correspond to the trends of this Eurasian strategy and contradict them. The conclusion is made about the long-term nature of the creation of the Eurasian continental integration.*

***Keywords:** Eurasian continentalism, foreign policy, internal development, "Greater Eurasia", Eurasian continental integration.*

УДК 913; 332.1

Водичев Е. Г.

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск; Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

СИБИРЬ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

***Аннотация.** В статье на основе ретроспективного анализа сформулированы представления о месте Сибири в глобальной динамике. Показана неэффективность стратегий, базирующихся на модели развития, уходящих корнями в ее имперское прошлое. Делается вывод о необходимости изменения парадигмы пространственного развития страны и обеспечения ее территориальной сбалансированности. Повышение уровня демографической и инвестиционной привлекательности Сибири является предпосылкой выхода страны на новую траекторию развития.*

***Ключевые слова:** Сибирь, пространственное развитие, Российская Федерация, континентальная империя, стратегии развития.*

Введение. Эпоха постмодерна значительно изменила конфигурацию политического и экономического пространства, что резко актуализировало дискурс о дальнейшем развитии России. Одним из наиболее острых вопро-

сов являются представления о роли Сибири в стратегиях РФ. Существует официальная точка зрения, отраженная в документах доктринального характера [1], которая, однако, оставляет возможность для альтернативных суждений. Цель данного текста — на основе ретроспективного анализа сформулировать авторское видение причин стратегического дисбаланса в пространственном развитии РФ. Концептуальной основой статьи являются представления о механизмах и закономерностях развития континентальных империй.

Результаты. СССР всей своей историей демонстрировал преемственность имперским геополитическим стратегиям прошлого, развиваясь как континентальная империя, прирастая новыми пространствами и расширяя свое влияние на ближнюю и дальнюю периферию. С падением СССР оказалась прерванной логика развития страны, сохранявшаяся, как минимум, на протяжении трех столетий. Империя в России рухнула лишь в 1991 году. Однако справедливо мнение, что страна одновременно являлась и европейской империей, и периферией. Как отмечает бельгийский историк Д. Ливен, «Империя предполагает огромную мощь, а также государство, правящее обширной территорией и множеством народов. ... Периферия означает, что Россия находилась на окраине Европы (и — шире — западной цивилизации) как с точки зрения мощи, так и с точки зрения ценности» [2].

Россия имела немало общего с другими империями. Но в отличие от держав, обладающих колониями в виде заморских территорий, Россия всегда оставалась континентальной империей. По словам В.О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [3]. Со временем колонизируемые пространства многократно превзошли исторический российский «хартленд».

Представление Российской империи и СССР именно как империй континентальных позволяет многое понять в их амбициях и стратегиях, поскольку законы развития таких государств всегда связаны с расширением пространства. Такую логику диктовали факторы обеспечения геополитического статуса и безопасности, а также заинтересованность в получении дополнительных ресурсов, определяющих имперский потенциал. Особую роль всегда играло азиатское направление. Позиционируя себя как европейскую державу, аргументы для утверждения своего глобального статуса Россия искала в Азии. К тому же новые территории позволяли апробировать социально-экономические и социокультурные инновации, поскольку периферийные регионы были свободны от традиционных форм российской экономики и социума.

Страна обретала новые ресурсы на востоке и юго-востоке. Естественно, что в центре такого вектора находилась Сибирь, хотя это направление включало в себя и территории «ближнего пояса» Центральной Азии. Постепенно расширялся сам «хартленд», понимаемый как важнейшая генерирующая часть системы [4]. Россия продвигала свои шаблоны, стремясь втянуть в свою орбиту как можно больше соседей. Итоги Второй мировой войны окончательно оформили СССР как континентальную империю с интересами и на востоке, и на западе, располагавшую совокупностью колоний и зависимых от нее марионеточных государств. При этом колониальные территории непосредственно входили в состав государства, а периферия формировала зависимые страны, которые одновременно выступали в качестве буфера между собственно империей и внешним миром.

Еще одной особенностью России, а затем и СССР, стало фактическое отсутствие у колониальной империи полноценной метрополии, роль которой замещали имперские столицы. Эта функция столиц приводила к постоянно возрастающей асимметрии между условным центром (метрополией) и периферией. В результате страна не только оставалась крупнейшей континентальной империей, располагающей огромными колониями в Евразии, но и транслировала колониальную матрицу управления на исторические земли в европейской части страны. Как справедливо отмечено, «Россия, переименованная в Советский Союз, сохранила все атрибуты империи и, в первую очередь, сильный централизм Москвы, контролирующей огромные разнородные части на периферии. Целостность российской империи зависит от московской центральной власти, любое ослабление которой усиливает центробежные тенденции на периферии» [5].

«Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» [6]. Название этой фундаментальной работы Н.М. Ядринцева отражает концептуальные представления о месте и роли восточного направления в экспансии Российской империи на конец XIX века. В советскую эпоху регион фактически продолжил существование как внутренняя колония с точки зрения использования его ресурсного потенциала. Необходимо отметить специфический характер российского имперского колониализма в Сибири: он базировался, прежде всего, на переселенческих практиках, добровольных и/или принудительных, и на режиме жесткой экономической эксплуатации в рамках концепта «регион для страны» при практически полном игнорировании интересов самого макрорегиона. Колониальный или квазиколониальный режим эксплуатации Сибири воплотился в утверждении именно такой модели центр-периферийных отношений. В самой метрополии уже со времен Ивана Грозного Сибирь считалась неотъемлемой частью страны.

Интенсивное экономическое развитие Сибири происходило лишь в последние сто лет. К рубежу 1980-х — 1990-х гг. Сибирь входила в число ведущих в экономическом отношении регионов страны. Но она оставалась ресурсно-территорией с нарастающими экологическими проблемами, непривлекательной для постоянного проживания. Отношения столиц и Сибири в историческом прошлом всегда выражались в виде дихотомии «метрополия — колония». Восточные территории представляли интерес, главным образом, с точки зрения их ресурсного потенциала, освоение которого осуществлялось селективно, в зависимости от военно-стратегического императива или экономической целесообразности страны в целом, а еще чаще ее столицы.

Как отмечают некоторые эксперты, после распада СССР «...русские все-таки удержали главную драгоценность своей имперской короны — Сибирь». Это произошло, несмотря на начавшийся в первые постимперские годы, в начале 1990-х гг. «парад суверенитетов» и вновь пробуждающуюся сибирскую идентичность [7]. «Сибирь стала не просто намного важнее для России. Она превратилась в ее главную экономическую ценность. ... В 2014 г. московская колония занимала 75% территории страны, там жило 20,5% ее населения, и она давала 76-78% национального экспорта» [8]. Но при этом РФ унаследовала прежние подходы, в том числе и явную недооценку социальных факторов развития, и недостаточность вложений в инфраструктуру и защиту окружающей среды.

Выводы. Ныне Россия переживает постимперский синдром, понимаемый как длительный исторический этап, затрагивающий как центр, так и периферию [9]. Распад СССР и утрата буфера из стран-сателлитов определяют необходимость акцентов на внутреннюю стабилизацию и трансформацию. Однако влияние двух ключевых аргументов — наличия ядерного оружия и огромных ресурсов и территории, обеспечили сохранение амбиций.

В условиях распада империи развитие страны по колониальным шаблонам в долгосрочной перспективе представляется неразумным. Попытки возвращения к ним обречены на неудачу из-за отсутствия экономических, социальных, технологических и моральных предпосылок. Это касается и Сибири, где изменение концепта развития актуально уже давно. Существует мнение, что этот регион не нужно искусственно «развивать»; надо просто дать ему возможность развиваться самому, как это делают наделенные богатыми ресурсами колонии» [8].

Выход из постимперского синдрома для России лежит, вероятно, на путях интеграции, прежде всего — на постсоветском пространстве. Именно здесь использование ресурсов и возможностей «мягкой силы» бывшей империи пока представляется наиболее актуальным. Но здесь же возникают и наибольшие вызовы, связанные с долговременной памятью об использова-

нии инструментов насилия и давления. Основные перспективы ныне связываются с интеграционными практиками Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Но для их активации необходимо рассматривать ЕАЭС не как средство восстановления прежней зоны влияния, а как инструмент повышения эффективности экономик независимых государств, включая Россию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.economy.gov.ru/minec/resources/bd09077d-0fe1-49e5-afe2-e6523919dbb6> (дата обращения: 08.11.2021)
2. Караганов С.А. Рецензия на книгу Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история. М., Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kak-imperiya-i-periferiya> (дата обращения: 08.11.2021).
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. Лекция II. // Сочинения в девяти томах. Т. I М., Мысль, 1987. С. 50.
4. Hooson, D.J.M. A new Soviet heartland? // The Geographical Journal. 1962. March. Vol. 128. No1. Pp.19-29; См. также: Hooson, David J.M. A new Soviet heartland? Princeton, New York, Toronto and London. DeVanNostrand, 1964.
5. Kučík, Vít. Ruskonení moderní národní stát, aleposlední evropská říše // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ceskapozice.lidovky.cz/tema/rusko-neni-moderni-narodni-stat-ale-posledni-evropska-rise.A171103_004319_pozice-tema_lube (дата обращения: 08.11.2021)
6. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, Сибирский хронограф, 2003.
7. Vodichev, Evgeny and Lamin, Vladimir. Russian identity and Siberian self-identification: historical traditions in the global world, pp. 111-138 // Russia and Globalization. Identity, Security, and Society in the Era of Change (edited by Douglas W. Blum). Woodrow Wilson International Center of Scientists. Washington, D.C., 2008.
8. Inozemtsev, Vladislav. Russia, the Last Colonial Empire // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/>(дата обращения: 08.11.2021)
9. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история; Trenin D. Moscow's task is to build a nation not an empire // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/dbbbb2da-0045-11e4-a3f2-00144feab7de?siteedition=intl#axzz36BPOwvkb> (дата обращения: 08.11.2021).

Evgeniy G. Vodichev

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk
National Research Tomsk State University, Tomsk*

SIBERIA: NEW CHALLENGES AND IMPERIAL HERITAGE

***Annotation.** Based on a retrospective analysis, the article formulates ideas about the status of Siberia in global dynamics. The ineffectiveness of strategies based on a development model rooted in its imperial past is shown in the paper. The conclusion is made*

about the need to change the paradigm of the country's spatial development and ensure its territorial balance. An increase in the level of demographic and investment attractiveness of the Siberians presented as a prerequisite for a new development trajectory.

Keywords: *Siberia, spatial development, Russian Federation, continental empire, development strategies.*

УДК 911.3

Дирин Д.А.

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

«ГОРНЫЙ ФАКТОР»: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Аннотация. *В статье анализируются общие фундаментальные факторы и закономерности формирования, пространственной организации и функционирования культурных ландшафтов в горных территориях.*

Ключевые слова: *горные культурные ландшафты, фундаментальные закономерности формирования и развития, горные территории, природопользование, дихотомия «горы-равнина».*

Постановка проблемы. Вопросы природной детерминированности культурного развития и пространственной дифференциации культур обсуждаются со времен античности. Одним из наиболее ярко выраженных природных факторов, воздействующих на общественную организацию, является рельеф. Данная статья посвящена анализу фундаментальных закономерностей и региональных особенностей пространственной организации и динамики культурных ландшафтов в горах.

Под термином «культурный ландшафт» автор понимает территориальные системы жизнедеятельности локальных сообществ людей, в которых, в результате длительного взаимодействия и взаимоадаптации культура данного сообщества глубоко проникает во вмещающую ее природную среду (через систему расселения, хозяйственные угодья, сооружения и пр.), а природа проникает в культуру (в виде фольклора, религиозно-мифологических и космогонических представлений, специализации хозяйственной деятельности используемых в быту природных материалов, традиционного рациона питания и пр.). Культурный ландшафт мы рассматриваем как основную таксономическую единицу геокультурного пространства. Геокультурное пространство — иерархическая система, в которых геокультурные комплексы более высокого таксономического уровня включают комплексы, находящиеся на ступеньку ниже в иерархи-

ческой лестнице и, соответственно, более однородные. Признаками, позволяющими проводить (и уточнять) границы между культурными ландшафтами являются природная специфика территории, этническая принадлежность населения, его конфессиональные особенности, лингвистические характеристики, специфика природопользования и пр. Следует учитывать также и организацию пространства — наличие в нем культурно-исторических доминант и их «зон тяготения», а также коммуникационную сеть [5]. Еще один фактор, позволяющий уточнять геокультурные границы и помогающий в анализе эволюции культурных ландшафтов — топонимика территории [4].

Каждый горный регион, безусловно, уникален и его культурные ландшафты сформировались в особых природных, социально-экономических, культурно-исторических и геополитических условиях, что определяет его своеобразие. Однако попробуем выделить общие фундаментальные факторы формирования и развития горных культурных ландшафтов, определяющие их схожие черты.

Анализ природных культурно-географических особенностей горных стран, имеющих спектр высотных поясов от низкогорья до высокогорья, позволяет выделить несколько общих закономерностей природного характера, влияющих схожим образом на их культурогенез и организацию культурных ландшафтов.

Природная детерминированность разнообразия систем природопользования. Горные системы (особенно такие высокие как Гималаи, Гиндукуш, Каракорум, Тянь-Шань, Памир, Альпы, Кавказ, Алтай, Саяны, Алтай, Анды и др.) играют барьерную функцию в глобальной климатической циркуляции, отклоняя движение воздушных масс и перераспределяя осадки, что, зачастую, координальным образом сказывается на ландшафтной структуре территории. Так, например, Кавказ, перехватывает влагонесущие воздушные массы с Атлантики и его западный макросклон (выходящий к черноморскому побережью) имеет чрезвычайно высокое увлажнение, что способствует формированию здесь на нижних ярусах рельефа ландшафтов влажных субтропиков. В то же время, находящийся в ветровой тени восточный макрасклон Кавказа, выходящий к каспийскому побережью, занимают аридные ландшафты горных полупустынь и сухих степей. Таким образом, горные системы становятся природными рубежами между несколькими физико-географическими странами и климатическими секторами. Вместе с высотной поясностью и членением территории на систему горных хребтов и долин, это детерминирует высокое разнообразие природных условий в пределах одной горной страны. Следовательно, возникает необходимость разнообразных способов хозяйственной адаптации к этим

условиям. Так, при сочетании различных типов лесных, степных, полупустынных, луговых, тундровых и гляциально-нивалных ландшафтов в пределах одной горной страны, населяющие ее сообщества воспроизводят и соответствующие культурно-хозяйственные типы: охотничье-рыболовный, полукочевого, отгонно-пастбищного и стойлового животноводства, земледельческий и др. В свою очередь, будучи материальным фундаментом культурного ландшафта, система природопользования накладывает отпечаток на все прочие черты культуры. Таким образом, разнообразие природных ландшафтов в горах обеспечивает разнообразие типов культурных ландшафтов [3].

Высотная и временная дифференциация хозяйственной деятельности в горах. Высотная поясность в горах определяет комплексное хозяйство горцев и высотную дифференциацию хозяйственных угодий. Меняющиеся с высотой ландшафтные зоны предопределяют разные типы их хозяйственного использования и определенный режим хозяйственной деятельности, связанные с сезонными ритмами природы также дифференцированными по высотным поясам. Так, в большинстве высокогорных районов существует высотное деление пастбищ на летние, зимние и весенне-осенние; выделяются разновысотные угодья для сбора растений-дикоросов, причем на склонах разных экспозиций формируются хозяйственные угодья разной специализации. Использование разновысотных угодий одной специализации дифференцировано по времени. Например, в Центральном Алтае сбор черники на высоте 1500 м начинается через 7-10 дней после её сбора на высоте 1200-1300 м. Также выделяются разновысотные охотничьи угодья разной специализации.

Природнообусловленная низкая численность населения. Для большинства горных территорий (исключения представляют лишь горные районы экваториального и субэкваториального климата) характерна невысокая плотность населения, по сравнению с окружающими их равнинами. Это связано с относительно низкой естественной продуктивностью горных ландшафтов и их уязвимостью к антропогенному воздействию, а также труднодоступностью большей части территории. Физически лишь небольшая часть территории (обычно не более 15-20%) любого горного региона может быть оценена как благоприятная для заселения и ведения хозяйственной деятельности. Это относительно выположенные широкие участки речных долин, обеспечивающие возможность сооружения фундаментальных зданий и других объектов хозяйственной инфраструктуры без значительного риска негативных гравитационных процессов (камнепады, лавины и т.п.), а также пригодные для сооружения коммуникаций, обеспечивающих связь между населенными пунктами внутри горного региона и с внеш-

ним миром. Также, в горных системах средних и высоких широт лимитирующим фактором роста численности населения является климат высокогорья, характеризующийся, зачастую, экстремальными зимними условиями. Также для многих высокогорных стран зимой характерен высокий снежный покров, ограничивающий возможности животноводства и, соответственно, рост численности населения при преобладающем животноводческом типе хозяйства. Снег к тому же изолирует отдельные горные долины, делая невозможным преодаление перевалов. Что также не способствует заселению таких территорий.

Таким образом, горный рельеф определяет дискретность культурных ландшафтов этих территорий, удалённость друг от друга отдельных горных общин, что неизбежно ведет к постепенному усилению их индивидуальных черт.

Дихотомия «горы-равнина». Формирование и функционирование горных культурных ландшафтов нельзя рассматривать без учета влияния сопредельных с горами равнинных территорий.

Горные сооружения всегда представляют собой естественные препятствия для культурного взаимодействия разделенных ими равнинных территорий. Чаще всего культурные рубежи между культурными ареалами глобального масштаба (уровня культурных миров или цивилизаций) проходят именно по горным системам. Однако сами горы при этом становятся культурными экотонами — зонами взаимопроникновения разных культур. Так, Алтай находится на стыке периферийных зон нескольких культурных миров (цивилизаций): а) тюрко-монгольского буддистско-исламского кочевнического (Внутренняя Азия); б) славянохристианского земледельческого (Россия); в) тюркско-финно-угорского христианско-анимистического лесопромышленного (Сибирь). В его геокультурном пространстве сплелись элементы всех названных цивилизационных типов.

Гималайско-Карокорумская горная система является крупнейшим геокультурным рубежом между сино-конфуцианской, буддистской, исламской и индуистской цивилизациями. Альпы также стали зоной взаимодействия и взаимопроникновения элементов культуры германских протестантских, латинских и славянских католических народов со свойственными им элементами культурных ландшафтов.

Хотя горные сообщества часто ведут изолированный образ жизни, нельзя отрицать в их культурогенезе роль взаимодействия с жителями равнин.

В горах часто имеются природные ресурсы весьма редкие и потому очень востребованные на лучше заселенных и экономически более развитых равнинах. Поэтому на горные регионы часто претендуют различные политические или геокультурные субъекты. Так, обилие леса, водных ре-

сурсов и металлических руд на Алтае и в Саянах, а также в Тянь-Шане являло большую редкость и ценность для народов Внутренней Азии. На протяжении истории эти горные страны неоднократно становились объектом экспансии разных этнокультурных групп, привнесивших свои элементы в культурные ландшафты данных территорий. Так, культурные ландшафты Кавказа формировались в условиях постоянно накатывавших волн завоевателей (скифы, аланы, тюрко-монголы и пр.), определивших многие ключевые особенности этногенеза, конфессиональных и хозяйственных особенностей этой территории. Также смена государственной принадлежности территории в результате военной или политической экспансии практически всегда отражается на особенностях организации и символике её культурных ландшафтов. Институциональный фактор является одним из важнейших в трансформации культурных ландшафтов.

Изолированность геокультурного пространства горных территорий. Геокультурное пространство горных регионов дифференцировано системой хребтов на отдельные ареалы в пределах речных долин и межгорных котловин с разной степенью изоляции. Этот фактор имеет несколько следствий. Во-первых, эти территории часто становятся убежищем для разного рода изгоев, скрывающихся от своих преследователей («природной крепостью» по терминологии Л. Гумилева), обеспечивая условия для того, чтобы пережить трудные времена, набраться силы и, возможно, вновь выйти на мировую историческую арену. Так, к примеру, осколки хунну, преследуемые сяньбийцами и китайцами укрылись в горах Тарбагатай и Алтай, где возродились уже как тюрки, создав мощный Тюркский каганат. Также Алтай становился убежищем для преследуемых правительством русских старообрядцев и других культурных сообществ, привнесивших на новую территорию элементы своей культуры и создававших собственные этнокультурные ландшафты, соответствующие их представлениям и имеющим навыкам освоения пространства.

Во-вторых, изолированность определяет самобытность и сохранность местных локальных культур, но также и культурное отставание от более открытых территорий. Именно в горах чаще всего сохраняются уникальные этнокультурные сообщества и их традиционные культурные ландшафты. Например, такими уникальными народами-изолятами являются калашы в Гиндукуше, тофалары, сойоты и тоджинцы в Восточных Саянах, падаунги в Мьянме и Таиланде и др.

В-третьих, изолированность горных территорий от более экономически развитых равнин, характеризующихся высокой скоростью социальных процессов, определяет замедленные темпы культурной диффузии в горах. Но при этом ее результаты более стабильны.

Таким образом, пространственная изолированность горных территорий способствует их высокому этнокультурному разнообразию, а также сохранению культурных реликтов и воспроизводству традиционных форм культурных ландшафтов.

Периферийность и социально-экономическая отсталость горных территорий по отношению к культурно-цивилизационным и экономическим центрам. Горы в силу сложностей освоения почти всегда являются периферийными пространствами относительно центров расселения и социально-экономической активности. Слабая внутритранспортная освоенность, удаленность от крупных международных коммуникаций, отсутствие современных предприятий определяет более низкий уровень жизни, чем на равнине. Воспроизводство традиционных типов природопользования и аграрное перенаселение во многих горных странах определяют их социально-экономическую отсталость и маргинальность, отток населения и массовость социальных девиаций (пьянство, наркомания, преступность), разрушающих культурные ландшафты.

Относительная стабильность природных условий в горах. Не смотря на уязвимость горных ландшафтов и большую величину графитационной энергии в горах, тем не менее, естественная динамика природной среды здесь более сглажена, чем на равнине. Так, вызванные цикличностью солнечной активности изменения климата не так катастрофичны для хозяйственной деятельности, как на равнине (особенно в доиндустриальную эпоху). К примеру, аридизация климата приводила к «выгоранию» пастбищ на равнинах Великой евразийской степи, голоду и великим переселениям народов, сопровождавшихся масштабными войнами. В то же время расположенные на периферии Внутренней Азии Алтай, Саяны, Тянь-Шань не испытывали столь резкого ухудшения условий хозяйствования. Изменение климата чаще приводило лишь к смещению высотных поясов ландшафтов, что требовало только выработки новых маршрутов кочевания и некоторой адаптации режима природопользования. Более того, аридизация климата в ряде горных районов даже улучшала условия животноводства, в результате уменьшения мощности снежного покрова зимой и расширения зимних пастбищ, которые, зачастую, и являются главным лимитирующим фактором поголовья домашних животных. Объем речного стока в горах, часто зарегулирован ледниками. Даже в условиях иссушения климата животноводство в горах практически не страдает от недостатка водоемов, так как ледники тают более активно и речной сток значительно не меняется, а иногда даже увеличивается [1].

Итак, природная динамика оказывает меньшее влияние на трансформацию культурных ландшафтов в горах, чем на равнинах. Однако, опять-таки,

в контексте дихотомии «горы-равнины» следует отметить, что изменение природных условий на равнине в доиндустриальном обществе провоцировало массовые миграции. Когда в степях Внутренней Азии наступала засуха, окружающие их горные регионы становились привлекательным местом для кочевников, в связи с чем в них происходила смена культур (за счет ассимиляции, смешения или вытеснения одних народов другими). Следовательно, волны культурогенеза в горах часто могут быть увязаны с динамикой климата [2].

Выводы. Несмотря на уникальность культурных каждой горной системы, сложившихся в специфических природных, социально-экономических, этно-культурных, конфессиональных, исторических и геополитических условиях, все горы мира имеют и схожие черты, накладывающие отпечаток на фундаментальные закономерности формирования, пространственной организации и функционирования культурных ландшафтов.

Среди ключевых особенностей горных территорий, оказывающих влияние на культурогенез и формирование культурных ландшафтов наиболее выраженными являются следующие: природная детерминированность разнообразия систем природопользования; высотная и временная дифференциация хозяйственной деятельности; природно обусловленная низкая численность населения; системные связи с окружающими равнинными территориями (дихотомия «горы-равнины»); изолированность геокультурного пространства; периферийность и социально-экономическая отсталость в сравнении с равнинами; Относительная стабильность природных условий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быкова В.А., Быков Н.И. Природные условия Юго-Восточного Алтая и их роль в жизни общества в пазырыкское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2014. 186 с.
2. Быков Н.И., Быкова В.А. Колебания климата и смена материальных культур на Алтае // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 6-8.
3. Дишин Д.А. Этнокультурные ландшафты Алтая: особенности формирования, пространственной организации и развития // Вопросы географии. 2014. №138. С. 327-345.
4. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт природного и культурного наследия, 1998. 210 с.
5. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

**"MOUNTAIN FACTOR": FUNDAMENTAL PATTERNS
OF FORMATION AND FUNCTIONING OF MOUNTAIN
CULTURAL LANDSCAPES**

***Annotation.** The article analyzes the general fundamental factors and patterns of formation, spatial organization and functioning of cultural landscapes in mountainous territories.*

***Keywords:** mountain cultural landscapes, fundamental patterns of formation and development, mountain territories, nature management, dichotomy "mountains-plain".*

УДК 911.3

Дружинин А. Г.

*Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университет, г. Ростов-на-Дону;
Институт географии Российской академии наук, г. Москва*

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ПОТЕНЦИАЛ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Аннотация. Охарактеризовано современное состояние социально-экономической географии в России (с акцентом на научные кадры, включая их численность, квалификацию, а также специализацию). Сформулированы приоритетные задачи развития российской социально-экономической географии с учётом планетарных геополитических, геоэкономических, технологических, социокультурных и экологических изменений.

Ключевые слова: общественная география, глобальные проблемы, Россия, Евразия.

Введение. Эволюция науки (в её национально, территориально очерченных форматах) — неотделима от судеб, исторических траекторий соответствующих народов, стран, цивилизаций, равно как и кросс-культурных взаимодействий. Укоренившись в нашей стране с середины XVIII столетия [1] в общем потоке идущих с Запада геокультурных заимствований [2], экономико-географические исследования, обретя далее собственную «почву» и специфику [3], последовательно развивались в логике расширения и «уплотнения» российского пространства, роста геостратегического потенциала России (СССР), коррекции её позиций и интересов. Три постсоветских десятилетия были ознаменованы очередным кардинальным изменени-

ем политико-экономической системы страны, её места в мире; эти метаморфозы оказали неизбежное воздействие на территориальную организацию российского общества, ставя перед обществоведческой «ветвью» географического научного знания новые задачи, инициируя в ней разноаспектные (в том числе и негативные по своему вектору) трансформационные процессы, уже ранее многократно идентифицируемые, осмысливаемые профессиональным сообществом [4-10]. В последние несколько лет глобальная социально-экономическая динамика являет всё возрастающую неустойчивость, поливариантность перспективы, актуализируя вопросы национально ориентированного научного «сопровождения» подобного рода геополитического, геоэкономического и геокультурного «транзита», равно как и соответствующего самосохранения, развития российской общественной географии.

Современная российская общественная география: кадровый потенциал и приоритетная тематика. Российская общественная география воплощает в себе ныне противоречивое сочетание инерционных, унаследованных, постепенно «затухающих» трендов с многоаспектными, фрагментарно укореняющимися новациями постсоветского периода, благоприятствующими развитию исследовательских подходов преимущественно «вширь» с охватом предельно широкого предметного поля (к примеру, из 79 защищённых за 2001-2019 гг. докторских диссертаций по специальности 25.00.24 — 14 были посвящены природоохранной тематике, 8 — культурной географии, 7 — различным аспектам российской регионалистики, 6 — социальным процессам, 5 — расселению, 4 — населению и его этнокультурным особенностям, 2 — политической географии и т. д.). Присущие последним трём десятилетиям проявления дальнейшего «расползания» сферы интересов российских географов-обществоведов дополняются возросшей методологической эклектикой, равно как и дефицитом собственно пространственного анализа. На этом фоне углубляется диссонанс между императивами консолидации и интеграции в рамках научной дисциплины и превалирующими в ней центробежными векторами. Возрастает и дистанция между первостепенной значимостью общественно-географического анализа и традиционно подчинённой, периферийной позицией социально-экономической географии в рамках российской географической науки (и в целом т. н. «Наук о Земле» — весьма дистанцированных от общественнознания), а также между потенциалом нашей профессиональной корпорации и стоящими перед ним масштабными исследовательскими задачами.

Десятилетие назад численность российских географов-обществоведов оценивалась в диапазоне 700-800 [11]. Учитывая, что только за неполные два последние десятилетия по проблематике общественной географии были

защищены 761 кандидатская и 79 докторских диссертаций, актуальную предельную численность нашего научного микросообщества можно, полагая, оценить в примерно в 1000 человек. Однако де-факто мы существенно «компактнее» в силу своей региональной, институциональной и предметной фрагментированности (из общего числа защитившихся с 2001 года докторов наук, к примеру, только половина активно соучаствует в различных форматах внутрикорпоративной коммуникации; на конец 2021 года лишь 586 наших коллег внесены в реестр членов АРГО) и многочисленности более возрастных генераций, постепенно утрачивающих связь с профессией.

«Размытость» рамок предмета исследований и состава, а также профессиональной компетенции и мотивации членов профессионального сообщества дополняется негативом влияния недолговечных научных «мод» и конъюнктур (наподобие географии туризма, значимой, необходимой, но, нем не менее, крайне «переоценённой», оказавшейся с начала «нулевых» годов практически лидирующей по числу защит диссертаций ветвью нашей науки) на фоне затухающей цикличности диссертационной активности (табл. 1), в том числе и по работам на соискание учёной степени доктора наук (рис. 1).

Таблица 1

Число авторефератов диссертаций* в рамках специальности 25.00.24 (сейчас — 1.6.13) размещённых в электронной базе Российской государственной библиотеки**

	Временной период защиты диссертаций, годы					Всего авторефератов за 2003-2019 гг.
	2001-2002	2003-2007	2008-2012	2013-2017	2018-2019	
Всего диссертаций по специальности 25.00.24, ед.	93	310	262	142	33	840
В среднем за 1 год данного временного периода	46	62	52	28	17	44
Докторские диссертации, ед.	11	35	17	15	1	79
В среднем за 1 год данного временного периода	5,5	7,0	3,4	3,0	0,5	4,1

* кандидатских и докторских

**Составлено по данным Российской государственной библиотеки на декабрь 2021 года <https://sigla.rsl.ru>

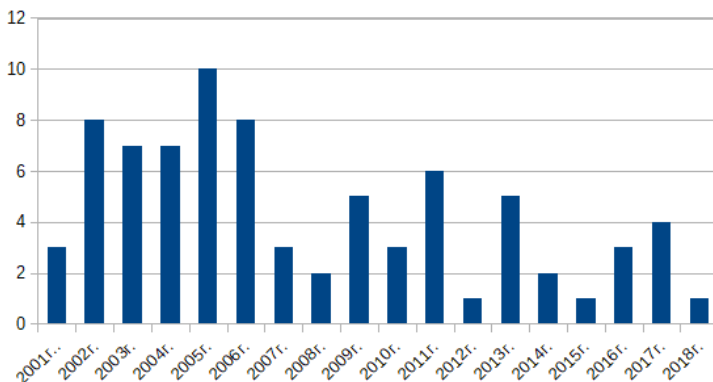

Рис. 1. Число авторефератов докторской диссертаций в рамках специальности 25.00.24 (сейчас — 1.6.13), размещённых в электронной базе Российской государственной библиотеки

Трансформационные процессы порождают эффект «сворачивающейся спирали» отрицательного мультипликатора, чьё действие для общественной географии в Российской Федерации в силу многих обстоятельств способно стать уже в средне- долгосрочной перспективе (когда из профессии начнут выходить современные 60-70-летние доктора наук) не только детерминирующим, но и фатальным.

Наша наука к середине XXI века: контуры поливариантного будущего. Будущее поливариантно, но попытка оценить его неизменно базируется на некоторых «данностях», неустранимых детерминантах. В их числе, прежде всего, практически неизбежная (по демографическим, финансовым и иным причинам) «съёживающаяся концентрация» российского общественно-географического сообщества, в том числе и на фоне пролонгированной потери социального (и политического) доверия к институту научного обществознания. Параллельно, в стране и мире усилятся пространственная социально-экономическая концентрация, вновь обретут силу интеграционные процессы, а превалирующая установка власти на конструирование (и реконструирование) социокультурных структур (включая и саму географическую картину мира) будет сочетаться с практическим игнорированием их «нецентральных», недоминирующих форматов. Всё это станет способствовать ещё большей дифференциации и фрагментации исследовательского сообщества, углублению дистанции между его «ядром» и периферийными, лимитрофными составляющими. Профессиональное (и социально востребованное) владение географическим мышлением в ещё

большей мере (чем сейчас) окажется уделом весьма немногих, но, при этом, сам инструментарий пространственного анализа (в его упрощённых и искажённых формах) технологизируется, алгоритмизируется, транснационализируется, будет (в существенной мере) передоверен искусственному интеллекту. Повсеместно возрастет политическая ангажированность общественно-географического знания, а научная логика, аргументация, критика будет (в ещё более существенной мере, чем ныне) ориентирована на решение прагматических геополитических задач. Долгосрочный прогноз российской общественной географии (во-многом, кстати, созвучный и общей перспективе страны в меняющейся Евразии) в этой ситуации может варьировать от её предельно инерционного (и, соответственно, негативного, в конечном итоге саморазрушающего) тренда, до вполне приемлемого умеренно-оптимистического сценария, предполагающего реализацию научным сообществом комплекса мобилизационно-адаптивных усилий и мер.

Приоритеты развития (жизнеспособности) российской общественной географии в меняющемся мире. В новой (непростой) для науки (и в целом социума) ситуации российским географам-обществоведам чрезвычайно важно продуктивно действовать и ощущать себя как сложившееся, консолидированное профессиональное сообщество. Осознавая свою предельную малочисленность, равно как и особый, эксклюзивный характер культивируемого научного метода, предмета исследований, нам, одновременно, крайне необходимо последовательно изживать мироощущение обездоленного меньшинства («шатающегося меж двор» по образному выражению А.И. Трейвиша [11]), «научного хуторка», преодолевать укоренённую отстранённость и периферийность, смело идя на междисциплинарные, международные контакты, равно как и на постановку, решение актуальнейших вопросов национальной и мировой повестки, научиться эффективно позиционировать себя (свои предметные возможности, традиции, достижения, взгляды, интересы) во всё более всеохватном, плотном и конкурентном информационном поле.

В *теоретико-методологической сфере* меняющийся мир потребует, полагаю, сочетания конструирования и отстаивания собственной национальной позиции (а на её основе и россиерентированной географической картины мира) со сверхтщательным учётом инноваций и трендов зарубежных научных сообществ на многовекторной основе. Императивом, жизненной необходимостью станет культивирование, выстраивание эффективного профессионального взаимодействия не только с географами США, Франции, Великобритании, Италии, других стран Запада, но и Китая, Индии, Турции, Ирана на единых инструментально-методологических и лингви-

стических платформах. Сберегая и воспроизводя наше богатое национальное научное наследие, нам одновременно придётся становится всё более восприимчивым к идущим извне исследовательским инновациям (и, при этом, резистентным к ним, способным их адекватно оценивать и, соответственно, «фильтровать»), адаптируя собственные подходы к условиям во многом уже иной (технологически, социокультурно, геополитически), пока лишь фрагментами осмысливаемой эпохи, которая формируется практически на наших глазах. Грядущие этнодемографические «подвижки», миграции, равно как и появление (активизация) в целом новых для России инновационно-культурных волн (китайской и исламской) — инициируют исследования в области географии идентичности, конфессиональной географии, пространственного анализа кросс-культурных коммуникаций, а также устойчивости-изменчивости территориальных систем культуры. Данная проблематика (как и в целом фактор культуры) полагаю, станет решающей и для обеспечения территориальной целостности Российского государства, и для успеха (действенности) его региональной политики. Соответствующим образом возрастёт запрос на внятные, обоснованные *геокультурные подходы*. В контексте возрастающей глобальной неопределённости, межблоковой и межстрановой конкуренции, а также роста авторитарности власти, попыток конвертировать усиливающиеся внутренние политико-экономические противоречия во внешнюю экспансию — усилится *геополитизация* общественной жизни, что придаст дополнительный импульс соответствующей ветви нашей науки. Логика геополитического противостояния потребует сочетания более углублённой территориально-хозяйственной автономии страны (но не её изоляционизма, не автаркии!) со способностью последней выстраивать собственные долгосрочные внешнеэкономические и внешнеполитические партнёрства, альянсы. Их перспектива будет во всё возрастающей мере предопределяться эффективностью хозяйствования, причём не только в узкокорпоративном либо отраслевом аспекте, но и применительно к региону, стране, трансграничным и межстрановым структурам. В этой связи неизбежна потребность в *неоэкономизации* нашей науки, возвращении в неё строгих расчётов, анализе эффектов (в том числе и экстерналий). Глобальные изменения требуют реальной (и весьма существенной) *технологизации* общественной географии на основе инкорпорирования в неё современных (непрерывно совершенствуемых, нарабатываемых) инструментальных приёмов: коммуникационных, аналитических, когнитивных (включая использование потенциала искусственного интеллекта, больших баз данных и т. п.). Науч-

ную значимость здесь обретает, безусловно, само освоение подобного рода технологий в интересах общественно-географического анализа, прогноза. Одновременно повышается и ценность корректной постановки исследовательских задач, а также интерпретации полученных результатов. В условиях, когда планетарные природно-климатические изменения и возрастающие медико-биологические угрозы (реальные и мнимые!) становятся фактическими детерминантами территориальной социально-экономической динамики, неизбежен и новый импульс *интеграционных процессов* в рамках всей системы географических наук. Его будет уравнивать дальнейшая *гуманизация* общественно-географического знания (трансфер подходов и идей философии, социологии, истории, политологии, экономики, культурологии). На этом фоне сверхкритической для сохранения нашей науки станет воспроизводство и развитие её «сердцевинных» подходов: акцент на *пространственных факторах, процессах, отношениях и структурах*, включая и развитие, возрождение (на новом теоретико-методологическом фундаменте, предполагающем внятный ответ на фундаментальный вопрос: «что есть *страна*»?) отечественного *страноведения*.

Заключение. Кризис, турбулентность, поливариантность перспективы — неизменные спутники (атрибуты) любого рода социального бытия, и, конечно же, предтеча, мотив позитива, развития. Применительно же к отечественной общественной географии (чьё современное состояние являет собой череду сопровождаемых перманентным кризисом её структурных, кадровых и методологических метаморфоз) развитие неизбежно означает самосохранение, предполагающее, в том числе, и самопознание (включая, как это постулировал ещё три с половиной десятилетия тому назад С.Б. Лавров, и формирование взгляда на нашу науку с «внецеховых позиций» [12, с. 29]), инициирующее широкую содержательную дискуссию о потенциале, перспективе, приоритетах российского профессионального общественно-географического сообщества.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИГ РАН 0148-2019-0008 (“Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности”).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение. 1980. 269 с.
2. Сущий С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.

3. Богучарсков В.Т. История географии и современность. М.: Академический проект. 2006. 560 с.
4. Котляков В.М. Мировой кризис конца XX века и географическая наука. Санкт-Петербург. 1995. 49 с.
5. Колосов В.А., Мироненко Н.С., Петров Н.В., Трейвиш А.И. Российская общественная география первой половины 90-х годов // Известия РАН. Серия географическая. 1996. № 3. С. 17-27.
6. Трофимов А.М. Особенности формирования современных научных школ в российской географии (критическое осмысление кризиса в географии) // Научный потенциал отечественной географии. Труды Международной научной конференции. Майкоп. 1999. С. 89-90.
7. Шупер В.А. Географическая теория и социальная практика: размышления над статьёй Г.А. Агранта // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2001. № 2. С. 65-72.
8. Дружинин А.Г. Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. 2008. № 5. С. 3-9
9. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 127-140.
10. Мартынов В.Л. Российская социально-экономическая география: современное состояние, основные проблемы и перспективы развития // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 109-126.
11. Трейвиш А.И. Как нас теперь называть (о содержании и наименовании нашей науки) // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2012 (1). С. 5-19.
12. Лавров С.Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука. 1984. С. 28-41.

Alexander G. Druzhinin

*North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems into the Southern
Federal University, Rostov-on-Don;
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

**MODERN RUSSIAN SOCIAL GEOGRAPHY:
POTENTIAL AND DEVELOPMENT PRIORITIES
IN A CHANGING WORLD**

Annotation. *The current state of socio-economic geography in Russia is characterized (with an emphasis on scientific personnel, including their number, qualifications, institutional and territorial "binding", as well as specialization). Priority tasks for the development of Russian socio-economic geography are formulated taking into account planetary geopolitical, geo-economic, technological, socio-cultural and environmental changes.*

Key words: *socio-economic geography, Global problems, Russia, Eurasia.*

СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ЕГО КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

***Аннотация.** Статья посвящена раскрытию понятия «сопространственность» и потенциалу его применения в исследованиях территориальных сообществ.*

***Ключевые слова:** география, пространство, сопространственность, научные понятия, территориальные сообщества.*

Идеологический распад проекта модерна (modernity) — начало этого процесса стало очевидным уже к 1910–1920 гг. — привёл к возникновению довольно хаотических, слабо упорядоченных по отношению к друг другу политических, социальных, экономических полей, в рамках которых отдельные автономные сетевые конструкции и взаимосвязи опирались в своём развитии на автохтонные знаково-символические иерархии и пограничные ментальные маркеры. Такая идеологическая ситуация привела в промежуточном социокультурном итоге к ментальным провалам, "пустотам", "трещинам", существующим между отдельными, фактически игнорирующими друг друга идеологическими дискурсами, чьи границы означают чаще всего только естественное убывание их социокультурного воздействия и влияния в зависимости от мощности идеологических источников и количественных и качественных характеристик аудитории (поля) данного дискурса, но не выход в пространство прямого или косвенного междискурсивного взаимодействия.

Прямым следствием подобной идеологической ситуации на протяжении всего XX века стало формирование множества воображаемых миров — со своими социокультурными нормами, правилами и дискурсивными образцами. Эти воображаемые миры-пространства первоначально развивались на базе традиционных представлений модерна — геокультурных, геополитических и геоэкономических. Существенные онтологические противоречия между традиционной картиной мира модерна и множеством образов других социокультурных и ментальных пространств обнаружались, обнажились лишь к концу XX века, когда распалась искусственно поддерживавшаяся обеими противоборствующими сторонами биполярная политико-идеологическая система, дополнявшаяся образом стран Третьего мира (развивающихся стран).

Идеологический проект глобализации, который должен был заменить расшатанные устои мира модерна, оказался пока — к началу XXI века — не в состоянии "скрепить", поддержать или же сохранить остатки единого, господствующего в большинстве региональных и локальных сообществ, дискурсивного пространства — несмотря на развитие таких мощных сопутствующих дискурсов и концепций, как постмодернизм, постколониализм и мультикультурализм, а также введение в социокультурные дискурсы глобализации понятия глокализации (Р. Робертсон). Основная когнитивная проблема проекта глобализации заключается в бессознательном (или же подсознательном) стремлении к достижению тех целей проекта модерна, которые — так или иначе — не были полностью достигнуты к началу XX века, хотя их достижение считалось в то время практически возможным, а социокультурные и экономические тенденции фиксировали наличие условий для их достижения (явление так называемой первоначальной глобализации конца XIX — начала XX века). В связи с этим, некоторая архаичность проекта глобализации сказывается прежде всего в предположении о возможности социокультурной синхронизации развития совершенно различных пространств, регионов и территорий, которые, однако, конструируют, продуцируют свои, не связанные прямо с другими, образы и представления, распространяющиеся за пределы их собственных физико- и политико-географических границ.

Ментальная и образная множественность земных пространств может быть представлена понятием *сопространственности*, впервые предложенным ещё немецким консерватором-романтиком Мартином Мюллером. Это понятие было вытеснено понятием *современности* и прочно забыто. Идеологическая ситуация начала XXI века способствует возрождению этого понятия и его потенциально активному использованию в целях выявления возможных условий когнитивного построения взаимодействующих междискурсивных и межцивилизационных пространств.

Интерпретация образа сопространственности связана с идеей о множественности и уникальности самих времён, развивающихся как бы внутри отдельных воображаемых пространств — будь то пространство западной или буддийской цивилизаций, пространство межцивилизационного лимитрофа — например, Кавказа, — или же пространство какого-либо сетевого сообщества, физическое пребывание членов которого может фиксироваться совершенно различными точками/координатами традиционного географического пространства. Отдельные времена могут не сходиться и даже расходиться — как это происходит с временами западной и исламской цивилизаций; признание подобного феномена должно быть исходным топосом для ментального или социокультурного окончания проекта модерна и так-

же — для конструирования нового идеологического проекта, ориентирующегося не на *со-временность*, но на *со-пространственность*. Именно переплетающаяся и взаимопроникающая сопространственность западной и исламской цивилизаций показывают всю анти-современность, несовременность или а-современность взаимодействия этих цивилизационных дискурсов, сохраняющих глубокие ментальные следы их сакрально-религиозных оснований.

Возможные решения охарактеризованной здесь проблемы могут быть найдены или быть сформулированы в рамках *геоспациализма* — методологического подхода, предполагающего, что онтологические статусы пространственности и её образных репрезентаций являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии; иными словами, определённое видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как "пучок" социокультурных образов, представляемых, как "реальность".

Сам процесс идеологического перехода от проекта модерна к новому проекту можно было бы назвать спациалистским, или геоспациалистским. Суть данного перехода — в автоматическом и спонтанном столкновении различных в онтологическом плане дискурсов, работающих и развивающихся в совершенно различных цивилизационных и социокультурных временах. Эти идеологические столкновения ведут к неконтролируемому никем из каких-либо значимых социокультурных и политических акторов/групп/сообществ расширению самого дискурсивного пространства, становящегося полем активных сосуществующих воображений, чьи источники располагают автономными временами, а в пространственном отношении являются попросту размытыми или "размазанными" в силу изначально сетевых конструкций подобных пространств.

Спациалистский проект — используя когнитивные возможности постмодернизма и постструктурализма — является, на самом деле, (гео)спациалистским идеологическим проектом. Это означает, что традиционное географическое пространство в том виде, в каком оно было сформировано и "упаковано" модерном, используется как бы не по назначению — в совершенно конкретных политических, экономических и социальных целях — а лишь как метагеографический образ, позволяющий разрабатывать всевозможные сочетания и сосуществования различных уникальных дискурсов и представлений, чья локализация является очевидным вопросом в рамках проекта модерна. Иначе говоря, любое земное местоположение (актора, группы, сообщества) в рамках (гео)спациализма подвергается когнитивному сомнению, поскольку определённый оригинальный или даже вторичный дискурс сразу же создает ситуацию сопространственности,

нахождения как бы в нескольких пространствах — с точки зрения традиционных представлений модерна.

Воображаемые географии, становящиеся необходимыми для любых сколько-нибудь значимых и влиятельных в социокультурном и политическом планах дискурсов, являются и условием существования и поддержания образного империализма, который постепенно может быть трансформирован в своего рода когнитивное орудие или способ, средство ментального дистанцирования различных пространств для формирования *метапространства* — поля, где соппространственные дискурсы как бы размещаются относительно друг друга в целях развития собственных представлений о траекториях и путях предполагающихся расширений. Тогда такие значительные социокультурные и научные концепции конца XX — начала XXI века, как постколониализм, ориентализм, мультикультурализм оказываются частными случаями начального этапа развития (гео)спациализма, на котором воображаемые географии являются пока лишь побочным и второстепенным ментальным продуктом образного империализма, а не закономерным (вполне образно-детерминистским, рационалистическим) следствием столкновения и борьбы цивилизационных дискурсов. Как только понятие и образ современности, а вместе с ними и понятие глобализации будут осознаны как частный идеологический дискурс, *сопространственный* любым другим значимым дискурсам, расширяющим своё феноменологическое пространство, образный империализм станет "чистым" операциональным образом, лишь поддерживающим "технически" на когнитивном уровне видимое расширение феномена соппространственности.

Проблематика соппространственности возникает в тот определённый момент времени (в широком историческом смысле), когда становится относительно ясным сосуществование разнородных, различных по генезису и способам функционирования территориальных идентичностей в пределах каких-либо территориальных сообществ, социальных групп или же на примере отдельных индивидуумов. На наш взгляд, эта проблематика становится актуальной на стадии позднего Модерна — сначала неявно, а затем явно и довольно остро. Основное содержание социокультурных процессов, связанных со становлением соппространственности (сопространственностей) можно охарактеризовать так: территориальные сообщества, а вместе с ними и территориальные идентичности постепенно начинают трансформироваться в более гибкие социо-ментальные структуры, для которых различного рода территориальные маркеры, а также пространственные образы-архетипы могут быть не согласованными и даже противоречащими друг другу в рамках традиционной формальной (аристотелевской) логики. В то

же время эти признаки могут быть «плавающими», неясными, размытыми, мерцающими — проявляясь при этом довольно жёстко в пограничных/лиминальных психологических, социокультурных и политических ситуациях. Так, например, человек может быть по происхождению (рождению) пикардийцем, жить в зрелом возрасте на юге Украины и считать себя «гражданином мира», что не отменяет при случае его чётких в социопсихологическом смысле реакций в тех или иных ситуациях. Вместе с тем, надо отметить, что соппространственность, являясь, по сути, онтологической категорией, может рассматриваться в феноменологическом аспекте как *пространственное сосуществование пространственных представлений*, образующих в определённых узлах (точках) знаково-символические «сгущения», концентрации смыслов совершенно различных мест и территорий, объединённые оригинальной онтологической, или экзистенциальной «манifestацией». Иначе говоря, соппространственность формируется в результате семиотического смещения, перемешивания несовместимых в традиционном контексте территориальных идентичностей, чьи пространственности как бы пронизывают друг друга, координируются по отношению друг к другу, создавая частное, «приватное», здесь-и-сейчас мета-пространство.

Dmitry N. Zamyatin

National Research University «Higher School of Economics», Moscow

CO-SPACIOUSNESS: THE CONCEPT AND ITS CONCEPTUAL USE IN THE RESEARCH OF TERRITORIAL COMMUNITIES

Annotation. The article is devoted to the disclosure of the concept of "co-space" and the potential of its application in the research of territorial communities.

Key words: geography, space, co-space, scientific concepts, territorial communities.

УДК 796.5

Зырянов А.И.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТУРИСТСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Аннотация. Туристские преимущества региона выявляются на основе сравнительной географии. Для развития туризма Пермского края и выбора направлений его профилирования важны такие особенности и достоинства региона: большие

размеры территории, позиция внутри страны вблизи границы Европы и Азии, транзитное и узловое транспортное положение, геоморфологическое разнообразие, множество пещер, соответствие региона бассейну Камы, богатство рек и минеральных вод, большая высота снежного покрова зимой, ценные пермские леса – парма, развитая сеть городов, старинные поселения, древние тракты, памятники строгановской истории и горнозаводской культуры, мощная промышленность, этническое богатство, пермская кухня, высокий уровень образованности и гостеприимство жителей.

Ключевые слова: *сравнительная география, регион, туристские преимущества.*

Современный туризм во многом имеет региональную организацию. Регион, как кирпичик туристской системы страны, должен выделяться преимуществами. Как определить их? Методология поиска преимуществ должна основываться на сравнительной географии [1]. Покажем, как сравнительно-географический подход используется при определении преимуществ Пермского края в туризме. Выделим характеристики края, которые имеют разряд особенностей, в соответствии с которыми следует выстраивать направления развития туристской сферы.

Позиционные преимущества

Большие размеры территории — 160,2 тыс. кв. км. По площади Пермский край больше всех регионов Европейской России, кроме трех самых северных (республик Карелии, Коми, Архангельской области и Ненецкого автономного округа), также обширнее и многих регионов в азиатской части страны.

Положение в относительном окружении главных городов страны. Пермский край располагается в относительной близости главных ареалов расселения России: Центра, Поволжья, Урала. В этом отношении расположение региона, благоприятнее многих более восточных, северных и даже некоторых более южных (Оренбургская, Астраханская) субъектов РФ для развития внутрироссийского туризма.

Расположение региона на стыке Урала и Поволжья, вхождение в состав и Уральского экономического района, и Приволжского федерального округа дает возможность участвовать Пермскому краю и в уральских, и в приволжских туристских проектах.

Положение у границы Европы и Азии. Граница частей света — символический туристский ресурс. На территории края сейчас известны четыре монумента, обозначающие эту условную географическую линию.

Транзитное и узловое транспортное положение. Положение на Транссибирской железнодорожной магистрали, в водообильной части судоходного и разветвленного Камско-Волжского речного бассейна, на тран-

зитных широтных автомобильных магистралях, наличие международного аэропорта «Пермь». Транспортный узел Перми более развитый и более комплексный, чем многие узлы центров ближайших регионов, уступает лишь самым крупным (Екатеринбургу, Казани, Самаре).

Компактная форма региона и расположение Перми в пределах геометрического центра края способствуют формированию оптимальных транспортных отношений главного города и региона, удобной конфигурации транспортной и маршрутной туристской сети. Это является конфигурационным преимуществом края по отношению многим регионам: Свердловской, Челябинской, Кировской, Оренбургской областей и Республике Башкортостан.

Природные преимущества

Геоморфологическое разнообразие. Горы Северного и Среднего Урала имеют десятки вершин, поднимающихся выше границы леса. Многие горные вершины имеют скалистые скульптурные гребни, реки восточной части имеют многочисленные высокие утесы — «камни», равнины центральной и западной частей края имеют немонотонный рельеф. Условия рельефа выгодно отличают Пермский край от десятков регионов, располагающихся на обширных Русской и Западно-Сибирской равнинах и дают большие возможности развития природно-ориентированных видов туризма.

Пермский геологический период хорошо проявляется почти на всей территории края в особенных формах рельефа, карстовых явлениях, полезных ископаемых, создает многие особенности пермского ландшафта. Этот геологический период был открыт на территории Прикамья и назван в честь Перми.

Пещеры сосредоточены почти на половине территории края — длинные и короткие, горизонтальные и с большим вертикальным профилем, их множество. Среди них самая известная, самая экскурсионная, с наиболее выгодным географическим положением в России — Кунгурская ледяная, одна из наиболее протяженных на Урале — Дивья, самая длинная в мире среди подводных гипсовых пещер — Ординская.

Речное богатство — 30 тысяч рек — особенность края. Это один из самых бассейновых регионов мира. Преимущества края — в существовании большой реки, одной из наиболее красивых в Европе, двух обширных водохранилищ, больших прудов в городах, поселках и селах, быстрых живописных рек. Пермский край среди регионов России имеет наибольшее число рек, удобных для организации туристских сплавов, несложных и аттрактивных.

Богатства месторождений минеральных вод и лечебных грязей способствовали созданию первого курорта на Урале — «Ключи» и одного из наиболее удобно транспортно расположенных курортов в России — «Усть-Качка». Пермский край имеет очень пеструю палитру ресурсов минеральных вод и по этим условиям превосходит как многие более западные соседние регионы Европейской части России, так и более восточные, зауральские.

Большая высота снежного покрова зимой позволяет развивать горнолыжный туризм и многие формы зимней рекреации [2]. В крае снежный покров в среднем на 10–30 см выше, чем в регионах, и на восточных склонах Урала (Свердловская, Тюменская, Курганская, Омская области), и в регионах Южного Урала (Республика Башкортостан, Челябинская, Оренбургская области), и в более западных регионах (Кировская, Костромская области, республики Удмуртия, Татарстан). В среднеуральской и североуральской части Пермского края (Горнозаводский, Гремячинский, Губахинский, Красновишерский городские округа) высота снежного покрова — одна из максимальных в Евразии. Более мощный покров характерен только для нескольких ареалов (Северная Скандинавия, Горная Шория, Камчатка).

Пермские дремучие леса. Такой фразой отметил природу Прикамья А.С. Пушкин. Леса особо ценные, они даже имеют свое местное название — «парма», ставшее одним из брендов края.

Заповедность и красота ландшафтов. В Пермском крае система ООПТ более развита, чем в равнинных регионах в связи с ландшафтными достоинствами пермских горных и предгорных поясов. Высокая контрастность ландшафтов способствует особой красоте пейзажей края.

Ряд климатических условий, как выигранных, и даже как коммерческих ресурсов для туристско-рекреационной сферы (полноценная сезонность, комфортный ветровой режим в связи с высокой лесистостью, редкость опасных метеорологических явлений, большая высота снежного покрова). Это факторы развития разнообразной, особенно зимней рекреации.

Историко-культурные и социально-экономические преимущества

В Пермском крае находятся **самые древние города Урала** — Чердынь и Соликамск. Среди многочисленных современных городов Урала самые старинные находятся в Пермском крае, поскольку русское освоение Урала началось с Пермского Севера.

Промышленная история Урала начинается с соляного производства на Пермском Севере. В крае сохранены места, музеефицированы элементы старинной соледобычи и соляного производства (Хохловка, Соликамск).

Эпоха Строгановых связана с Пермским краем. Третья часть современных земель края несколько веков принадлежала семейству Строгановых, что прослеживается в разнообразном историческом наследии на этих территориях (Усолье, Ильинский, Очер, Нытва, Лысьва, Кын).

Наследие «горнозаводской цивилизации» проявляется практически на всех территориях края, особенно на востоке, в центре, на юге и юго-западе. Существование в прошлом многочисленных медеплавильных и железоделательных заводов проявляется в облике многих нынешних сел, поселков и городов Пермского края, узнаваемых по дамбам, прудам, торговым зданиям и заводским постройкам.

Много маршрутов, связанных с известными людьми, пересекали край с запада на восток (пути Ермака, Второй Камчатской экспедиции, декабристов).

Несколько важных старинных торговых путей, трактов проходили через Пермский край (Кай — Юксеево — Коса — Соликамск (Юксеевский тракт), Соликамск — Верхотурье (Бабиновская дорога), Оса — Анненское — Кунгур (Сибирский тракт), Чердынь — Печора (Печорский тракт)).

Много (25) городов и поселков городского типа (27). По числу городов Пермский край — один из лидеров в России, большее число городов только в Московской, Ленинградской, Нижегородской, Свердловской, Челябинской областях и в Краснодарском крае.

Этническое богатство. Несколько коренных народов (русское старожильческое население, коми-пермяки, гайнинские татаро-башкиры, коми-язвинцы и другие) — живут в Пермском крае. Особые туристские ценности предоставляет Коми-Пермяцкий округ.

Аутентичность сельской местности, развитие традиционной местной гастрономии и превращение ее в туристский ресурс (пельмени, психушки, пистики, пиканы, сур, чак-чак, ушки, черничные пироги).

Этническая совместимость, традиционная межнациональная дружба, политическая стабильность в регионе и гостеприимство жителей. Для жителей края, благодаря особенностям и условиям природы и хозяйственной истории, характерны некоторые черты характера (терпеливость, трудолюбие, аполитичность, дружелюбие, интеллигентность), которые служат поведенческой основой для крепких межэтнических связей. Пермский край — это регион, где реально проявляется дружба народов.

Наличие широко известных разнообразных учреждений высшего образования и культуры. Среди достоинств края следует отметить высокий уровень образованности пермяков, их тягу к высокой культуре.

Сила географического названия «Пермь», относящегося и к главному городу, и ко всему региону, и к жителям края в связи с тем, что наименование большой исторической и природно-целостной территории взял рожденный этой территорией город, ставший ее центром.

26. Мощный промышленный потенциал региона. Наличие впечатляющих производственных ландшафтов (Березиковско-Соликамский узел, Осенцовский нефтехимический ареал, Камская, Воткинская и Широковская ГЭС и др.) создают предпосылки для развития промышленного туризма.

27. Протяженные автомобильные и железнодорожные мосты через большие реки и водохранилища (Камский коммунальный, Красавинский, Чусовской, Ильинский, Рябининский, Гайнский мосты).

28. Развитая автомобильная дорожная сеть, хорошее качество дорог, удобная конфигурация транспортной сети, позволяющая осуществлять кольцевые туристские маршруты. Дороги в Пермском крае более качественные, а межрегиональные лучи менее напряженные, чем во многих соседних регионах.

29. Возможности речных теплоходных круизов в несколько направлений (Астрахань, Ростов-на-Дону, Москва, Санкт-Петербург, Соловецкие острова), возможности развития туристского речного транспорта по Камскому водохранилищу, верховьям и притокам Камы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зырянов А.И. Туристская география Пермского края: учеб. пособие. Пермь, 2005. 128 с.
2. Зырянов А.И., Шилова Д.И. Структура и размещение сети горнолыжных комплексов Большого Урала // Известия РАН, серия географическая, 2020. Т. 84, № 2. С. 272-284.

Alexander. I. Zyrianov

Perm State National Research University, Perm

COMPARATIVE GEOGRAPHY AND TOURIST ADVANTAGES OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE PERMSKIY KRAY)

***Annotation.** The tourist advantages of the region are identified on the basis of comparative geography. For the development of tourism in the Permskiykray and the choice of directions for its profiling, the following features and advantages of the region are important: large size of the territory, position within the country near the border of Europe and Asia, transit and nodal transport position, geomorphological diversity, many caves, correspondence of the region to the Kama basin, richness of rivers and mineral waters, high snow cover in winter, valuable Permian forests — Parma, a developed network of cities, ancient settlements, historical roads, monuments of Stroganov history and*

mining culture, powerful industry, ethnic wealth, Permian cuisine, a high level of education and hospitality of the inhabitants.

Keywords: *comparative geography, region, tourist advantages.*

УДК 911.3

Ибрагимов А. И.

Эгейский университет, г. Измир, Турция

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТЮРКСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ)

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы и особенности формирования «Тюркского мира».

Ключевые слова: *тюркская интеграция, пространство, регионы «Тюркского мира».*

В последнее время возникла очень большая озабоченность в экспертном сообществе по поводу восстановления т.н. Турана, территории, которая по мнению исследователей включает в себя т. н. тюркское пространство.

Туран помимо чисто эмоционального проекта, должен обладать неким пространственным единением; как правило этнические миры обладают общим пространством и другими политическими и лингвистическими особенностями (Латинская Америка, Арабский Восток, Славянский мир)

Тюркский случай — несколько иной; он разорван между несколькими пространствами: Центрально-Азиатским, Анатолийским, Кавказским и Поволжским.

Центрально-Азиатское пространство составляет единый массив с площадью 3 882 тысяч км² и населением в более 60 млн человек. Разрыв в расстоянии от ключевой страны Тюркского мира Турции до своих т. н. братьев довольно значительный и составляет (до системно образующего государства Центральной Азии — Узбекистана) 3051 км.

Второй важный регион в контексте тюркского мира — это Азербайджанско-Турецкое пространство, в отличие о территории Тюркистана оно едино, как географически, так и ментально (правда здесь нет сплошной территории, но масштабы контактов это преодолевают. Процесс развала СССР значительно сблизил Азербайджан и Турцию. Этому также способствовали значительные энергетические ресурсы Каспия. Единение также динамизировал армяно-азербайджанский конфликт, сыгравший ключевую роль в интеграции двух государств с геополитических позиций.

Однако общей тюркской территории не существует. Можно говорить о двух блоках — Центрально-Азиатском и Анатолийско-Азербайджанском пространстве. Это накладывает определенные сложности на процесс становления единого тюркского пространства. Безусловно здесь большое значение будут играть и другие факторы, как лингвистические, так и политико-исторические.

Aidyn I. Ibragimov

Aegean University, Izmir, Turkey

THE MAIN FEATURES OF THE FORMATION OF A NEW TURKIC COOPERATION (CULTURAL, HISTORICAL AND REGIONAL CROSS-SECTION)

***Annotation.** The actual problems and features of the formation of the "Turkic world" are considered.*

***Key words:** Turkic integration, space, regions of the "Turkic world".*

УДК 911.3

Колосов В. А.

Институт географии Российской академии наук, г. Москва

«СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» ПОНЯТИЯ В ГЕОГРАФИИ: СУВЕРЕНИТЕТ, ТЕРРИТОРИЯ, ГРАНИЦЫ

***Аннотация.** Показано, что усложнение объекта, изучаемого географией, появление новых теоретических концепций и развитие междисциплинарных подходов — приводит к расширению ключевых понятий.*

***Ключевые слова:** общественная география, географические понятия, суверенитет, территория, границы.*

Усложнение объекта, изучаемого географией, появление новых теоретических концепций и развитие междисциплинарных подходов приводит к расширению ключевых понятий. Можно различать «старые» и «новые» понятия, возникшие за последние два-три десятилетия. При этом интерпретация «старых» понятий — таких, как границы, территория, пространство, регион, суверенитет — с течением времени стала неизмеримо более многообразной. Их набор в географических исследованиях меняется, в частности, под влиянием нарастающей фрагментации мирового политического пространства. Этот процесс, в свою очередь, является следствием глобализации и регионального неравенства, масштабных миграций, кризиса или зна-

чительной трансформации идентичности в одних регионах мира и ее усиления в других.

Несмотря на очевидную интернационализацию науки, состав и понимание даже базовых понятий, используемых географами и другими специалистами разных стран, значительно отличается (примеры — «город», «сельская местность», «городская агломерация»). Стремление «общественных» географов многих стран под административным давлением и в силу других факторов публиковать свои труды в «высокорейтинговых» международных журналах, в которых доминируют авторы из англоязычных стран, пока мало способствовало координации и унификации географических понятий. Ситуация усугубляется тем, что разные страны и даже районы одной и той же страны живут в разном историческом времени, в разной степени интегрированы в мировой поток научных исследований, в них господствуют разные экономические уклады. Соответственно, для описания и анализа реальности используются разные понятия. Наряду с «вечными», но ныне по-иному интерпретируемыми географическими категориями, есть и такие, которые почти забыты, особенно те, что были связаны с деятельностью известных ученых и не укоренились после их ухода.

Наиболее яркий пример усложнившейся интерпретации старого понятия — понимание суверенитета в разных странах и регионах. Одни государства придерживаются его традиционного нормативного толкования как самостоятельности органов государственной власти, другие готовы делегировать часть полномочий наднациональным институтам. Между государствами существуют резкие различия в демографическом и экономическом потенциале, влиянии в мире и регионе. Различается и политический статус политико-территориальных акторов. Численно преобладают малые и мельчайшие государства. Большинство сравнительно недавно образовавшихся государств по объективным причинам не имеет возможности нести издержки суверенитета и в полной мере выполнять государственные функции. Суверенитет многих государств ослаблен длительными внутренними конфликтами и политической нестабильностью. Неотъемлемым элементом геополитической картины мира стали непризнанные и частично признанные государства, обладающие большинством атрибутов государственности и нередко более устойчивые, чем государства, признанные международным сообществом. Кризис государственности привел к развитию понятий «градуированного» и «делимого», внешнего и внутреннего суверенитета, контроля над территорией и др.

Среди «новых» понятий можно отметить диалектические категории, например, интеграция — регионализация. Углубление глобальной взаимозависимости между странами и регионами, в том числе вследствие

обострения экологических проблем, сочетается с формированием интеграционных объединений, формальных (институализированных) и неформальных международных регионов. Этот процесс влечет перераспределение барьерных и контактных функций границ между внутренними и внешними границами международных регионов разного уровня. В результате избирательности процессов глобализации происходит перераспределение барьерной и контактной функции между политическими границами (*де-бордеринг — ре-бордеринг*).

Политико-административные границы и их влияние на общество ныне понимают одновременно как правовой институт, символ территориального суверенитета или географического места, материальный феномен и комплекс социальных представлений, саму разделительную линию и прилегающее к ней пространство. Границы образуют целостную систему, для характеристики которой существенны не только свойства и функции отдельных элементов, но и их сочетания и соотношения. Изоморфизм, или подобие (но не тождественность) границ означает, что их общие свойства проявляются, хотя и по-разному, на уровне страны, регионов и муниципалитетов. Изоморфизм предполагает также прямую и обратную связь между событиями, происходящими на разных пространственных уровнях. В России размер территории и многососедское географическое положение, региональное и этнокультурное разнообразие, пространственная неравномерность развития определяют постоянный интерес к исследованию влияния формальных и неформальных границ разного уровня на жизнь общества, в том числе в связи с непрекращающимся реформированием муниципального устройства.

Мировой политический и экономический кризис, разразившийся в начале 2022 года, всколыхнул старую дискуссию о соотношении растущей динамичности современного мира, ускорении изменений в обществе и его стабильных основах. Темпы исследований происходящих фундаментальных сдвигов явно не поспевают за изменением реалий, что проявляется в том числе и в хаотичности понятий, научной терминологии. В частности, географы и специалисты смежных дисциплин так и не пришли к общим понятиям при изучении непризнанных государств, которые называют государствами де-факто, псевдогосударствами, квазигосударствами и т.д.

Мы становимся свидетелями радикальных перемен в международной среде, для обозначения которых предложено множество новых и пока неустоявшихся понятий, например, «жидкий мир». До сего времени в политической географии, да и в широкой прессе часто использовалось понятие «мировой геополитический порядок», которому авторы теории мирового систем, крупные ученые И.Валлерстайн и П.Тейлор дали четкие определе-

ния. Предполагалось, что мировой порядок существует на протяжении достаточно длительного времени, хотя было очевидно, что период господства каждого последующего порядка сокращалось. Однако более чем за 30 лет, истекших после распада биполярного мира, так и неясно, можно ли назвать «порядком» нынешнее функционирование международной системы, грядет ли некая новая стабильность и не останется ли человечество в непрерывном «переходном периоде», не устарело ли само понятие мирового геополитического порядка. Возможно, прав известный американский политико-географ С.Коэн. Отмечая растущее разнообразие и индивидуализацию траекторий развития разных стран, он понимал геополитическую картину мира как совокупность непрерывных калейдоскопических изменений, при которых в разных частях света постоянно складываются и быстро распадаются интеграционные «узоры» (международные регионы). Их центрами выступают конкурирующие между собой региональные державы, гибко связанные между собой системой сетевых взаимодействий.

Vladimir A. Kolosov

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

"OLD" AND "NEW" CONCEPTS IN GEOGRAPHY: SOVEREIGNTY, TERRITORY, BORDERS

Annotation. It is shown that the complexity of the object studied by geography, the emergence of new theoretical concepts and the development of interdisciplinary approaches leads to the expansion of key concepts.

Key words: socio-economic geography, geographical concepts, sovereignty, territory, borders.

УДК 911.3; 911.7

Кузнецов А.В.

Институт научной информации по сообщениям наукам РАН, г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ЗАРУБЕЖНОГО СТРАНОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В XX в. зарубежное страноведение пережило «золотой век». Зародившись в Германии в недрах географии, в СССР страноведческие исследования вышли за ее пределы. Сейчас эта междисциплинарная наука должна помочь критическому заимствованию зарубежного опыта при проведении институциональных преобразований, а с помощью компаративистики изучать фундаментальные исторические процессы, идущие повсеместно, но имеющие яркую страновую окраску (меняющуюся роль столицы в развитии страны, сепаратизм и т. п.).

Ключевые слова: *зарубежное страноведение, история страноведения в России, прикладное значение страноведения, место социально-экономической географии в системе наук, актуальные задачи общественной географии.*

Для представителя общественной географии почти нет сомнений, что зарубежное страноведение является географической дисциплиной, комплексно изучающей природу, население, экономику и другие аспекты организации и развития стран – как говорится, «от геологии до идеологии». Эта традиция идет еще от известного немецкого ученого А. Геттнера, а также корифеев отечественной географии – В.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.Н. Баранского, Л.С. Берга (например, [1]). Довольно понятен и расцвет зарубежного страноведения в XX в., особенно в Советском Союзе, которому нужны были профессиональные сведения сначала о потенциальных военных противниках, а потом о политических и экономических партнерах, в том числе из числа освободившихся колоний. При рассмотрении страноведения в такой логике вполне понятно сведение этой научной дисциплины в начале XXI в. к регионоведению / лингвострановедению либо к части рекреационной географии (не случайно, в СПбГУ создана кафедра страноведения и международного туризма).

На наш взгляд, ситуация намного сложнее. Во-первых, страноведение 1920-х годов рассматривалось скорее как способ создать (вместе с ландшафтоведением) ядро единой географической науки, а не как новая научная дисциплина. Во-вторых, на практике в течение всего XX в. комплексные страноведческие исследования активно проводили не только географы, но и экономисты, историки, причем последние доминировали среди востоковедов в силу специфики обучения редким языкам в отечественных вузах (подробнее см. [2]). Примечательно, что даже в 1990-е годы, когда большинство общественных наук в России было вынуждено срочно адаптироваться к новым условиям и часто решать принципиально иные задачи, чем в советский период, географы-страноведы продолжали обсуждать абстрактную тему целостности географии. Социально-экономическую географию как часть единой географии предлагалось рассматривать в качестве сердцевины зарубежного страноведения, тогда как истории, этнографии, экономике, демографии, социологии и политологии отводилась роль «смежных дисциплин» [3]. С учетом искусственного (по крайней мере для многих международных классификаций наук) перенесения общественной географии в России в разряд естественных наук (в частности, и в перечне научных специальностей ВАК, и в классификаторе РНФ) связи географического страноведения с другими общественными науками, изучающими зарубежные страны, сильно ослабли. В настоящее время легко увидеть, что даже в сообществе страноведов, не связанных с востоковедением, геогра-

фов почти не осталось. Например, и среди российских латиноамериканистов, и среди отечественных франковедов или германистов доминируют историки, экономисты и политологи. Даже страноведы – обладатели университетских географических дипломов часто защищают в России кандидатские и докторские диссертации по соответствующим общественным наукам. Почти все страноведческие журналы в России (а их в ядре РИНЦ с десяток) также имеют далекое отношение к географии.

На наш взгляд, давно пора признать, что страноведение – самостоятельная комплексная междисциплинарная наука (по-видимому, на стыке по меньшей мере общественной географии, экономики, этнографии, истории и политологии), которая позволяет всесторонне изучать современные страны. При этом «современность» должна пониматься как временная категория, то есть охватывать текущий период и необходимую ретроспективу для понимания происходящих в стране процессов, их прогнозирования.

Разумеется, остались в прошлом десанты отечественных представителей районной школы географии, которые пытались помочь некоторым развивающимся странам оптимальным для развития экономики образом организовать свое пространство. Однако это не значит, что теперь зарубежное страноведение должно сосредоточиться на выпуске путеводителей для туристов. Современную Россию (впрочем, как и в 1990-е годы) скорее интересует критическое заимствование зарубежного опыта при проведении собственных институциональных преобразований в самых разных областях (а реформы в нашей стране еще будут в обозримой перспективе проводиться в весьма значительных масштабах). Нельзя не упомянуть и компаративистские исследования, которые позволяют глубже понять фундаментальные исторические процессы, идущие повсеместно, но имеющие яркую «страновую» окраску. На наш взгляд, можно предложить немало исследовательских тем, которые в состоянии «поднять» только страноведы – например, изучение меняющейся роли столицы в развитии страны, всестороннее рассмотрение модернизации общественно-политических структур, анализ феномена сепаратизма и т. п. В частности, опыт каких столиц мы реально можем применять для Москвы? Безусловно, остается и функция «понимания» стран-партнеров для выстраивания с ними конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества. Ведь в России, как показали последние 10-15 лет, наблюдается просто катастрофический дефицит специалистов по странам постсоветского пространства.

При этом следует признать, что для нового расцвета зарубежного страноведения требуется кропотливая работа по формированию «платежеспособного спроса» со стороны власти и бизнеса, причем не только в части оплаты текущих научных работ, но и для возрождения полноценной подго-

товки в вузах страноведов со знанием языков, географии, истории, экономики и культуры соответствующих государств и макрорегионов мира.

Вероятнее всего, начинать надо с параллельного усиленного развития двух ветвей – «западного страноведения» и «востоковедного страноведения», но при их тесном взаимодействии. Базой для «востоковедного страноведения», скорее всего, может стать Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, хотя нельзя забывать о других московских, а также петербургских и иных региональных вузах. С домом для «западного страноведения» сложнее, но потенциал бесспорно есть у трех столичных вузов: МГУ (хотя в настоящий момент самостоятельно решить такую задачу, скорее всего, не способен ни один факультет), МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ. Подготовка специалистов (сначала, видимо, на уровне магистратуры с учетом имеющегося разнообразия географических, исторических, востоковедческих бакалаврских образовательных программ, а также возможного партнерства с академическими институтами) должна осуществляться с прицелом на их трудоустройство по специальности, для чего руководителям факультетов и кафедр надо хотя бы интересоваться нуждами работодателей из научной и экспертно-аналитической сферы. Можно вспомнить и о советской практике подготовки специалистов одновременно с широким кругозором по той или иной стране и глубоким знанием какой-то предметной области (например, германист – специалист по энергетике или франковед – специалист по автомобилестроению).

Разумеется, от научных лидеров страноведческих исследований как комплексной междисциплинарной сферы потребуется много усилий, не связанных с непосредственной организацией научных работ. Отметим прежде всего задачи убеждать чиновников в необходимости организационной и финансовой поддержки страноведения, выявлять «скрытый» и при этом платежеспособный спрос на страноведческую экспертизу у крупных российских компаний, наконец, налаживать более тесные связи с партнерами в изучаемых странах. Готовя этот доклад, как и до этого специализированный тематический выпуск «Судьба страноведения в России» возглавляемого мною журнала RSCI «Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право» (2021, №6), я не питал иллюзий сразу дать ответы на все эти вопросы. Тем не менее дискуссия о дальнейшем развитии зарубежного страноведения в нашей стране давно назрела, причем географы еще имеют шанс вернуть себе командные высоты в этой междисциплинарной научной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берг Л.С., Григорьев А.А., Геттнер А., Гладцын И. Вопросы страноведения. Сборник статей. Москва, Ленинград: Московское акционерное издательское общество, 1925.
2. Кузнецов А.В. Кризис страноведения в России на фоне растущего спроса на знания о зарубежных странах и регионах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. - № 6. – С. 6-25. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-1
3. Машбиц Я.Г. Комплексное страноведение. – Москва, Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.

Alexey V. Kuznetsov

Institute for Scientific Information on Science Communications of the Russian Academy of Sciences, Moscow

MODERN TASKS FOR RUSSIAN SPECIALISTS IN THE FIELD OF FOREIGN COUNTRY STUDIES

Annotation. In the XX century, foreign country studies experienced a “golden age”. Having originated in Germany within geography, country studies went beyond its borders in the USSR. Now this interdisciplinary science should help to critically borrow foreign experience in carrying out institutional transformations, and with the help of comparative studies to investigate fundamental historical processes going everywhere, but having a bright country specifics (the changing role of the capital in the development of the country, separatism, etc.).

Key words: foreign country studies, history of country studies in Russia, application of country studies, place of socio-economic geography in the system of sciences, actual tasks of human geography.

УДК 911.9

Кузнецова О. В.

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Аннотация. Объектами федеральной пространственной политики должны становиться не только субъекты РФ и макрорегионы, но и муниципальные образования. Это необходимо для определения направлений развития городов разной плотности и сельской местности, становления национальной городской политики. Росту значимости муниципального уровня в федеральной политике препятствует

отсутствие системы аналитического мониторинга развития муниципалитетов, основанного, как в экономически развитых странах, на их типологии.

Ключевые слова: *стратегия пространственного развития, национальная городская политика, мониторинг муниципального развития, типология муниципальных образований.*

При разработке федеральной политики пространственного развития неизбежен выбор уровня территориальных единиц, которые становятся объектами этой политики или отдельных ее направлений. В России такими единицами могут быть:

- макрорегионы (федеральные округа, экономические районы, Арктическая зона РФ и т.д.);
- субъекты Российской Федерации;
- муниципальные образования (или муниципалитеты).

С самого начала становления федеральной политики регионального развития в 1990-х гг. основными ее объектами стали субъекты РФ, причины чего вполне очевидны: субъекты Федерации – не только объект, но и субъект регионального развития. У региональных органов власти немалое число полномочий в сфере регулирования социально-экономического развития, есть возможность выстраивания взаимодействия между федеральными и региональными властями в решении задач регионального развития. Кроме того, основной массив статистических данных собирается именно по субъектам РФ, что создает возможности для формализованных оценок уровня и динамики социально-экономического развития регионов, которые, в соответствии с лучшими мировыми практиками региональной политики, должны лежать в основе отбора поддерживаемых в ее рамках территорий.

Постепенно в России возрастала значимость макрорегионов как объектов федеральной пространственной политики. Первым таким очевидным примером стал Дальний Восток: еще в 1996 г. появилась первая федеральная программа его развития, а в последние годы было принято множество разнообразных решений по этому макрорегиону (создание отдельного министерства, специальных преференциальных режимов и др.). В 2000-е стали появляться решения по Северному Кавказу; в 2009-2010 гг. были утверждены стратегии развития федеральных округов; с середины 2010-х активно формируется арктическая политика. Усиление значимости макрорегионов как объектов федеральной пространственной политики тоже объяснимо: проблемность целых макрорегионов (а не отдельно взятых субъектов РФ в разных частях страны) является серьезным вызовом для такой политики, при этом проблемы входящих в состав мак-

рорегионов субъектов РФ в значительной мере схожи и требуют общих подходов к своему решению.

Муниципальным образованиям или схожим с ними территориальным единицам, например, городам (до формирования современных территориальных основ местного самоуправления) федеральные власти внимания всегда уделяли гораздо меньше. Объектами федеральной политики становились только отдельные типы городов/муниципалитетов, нуждающиеся в особой поддержке, чаще всего в силу своего особого статуса и/или возникшей социальной напряженности. В числе таковых – закрытые административно-территориальные образования (сохранявшие такой статус еще с советского периода и нуждавшиеся в особом регулировании своей деятельности), наукограды, федеральная политика в отношении которых начала формироваться еще в 1990-е, столкнувшись тогда же с особыми сложностями шахтерские города. Самым масштабным направлением федеральной поддержки муниципалитетов можно считать политику в отношении моногородов (монопрофильных муниципальных образований), которая начала формироваться как ответ на вызовы начавшегося в конце 2008 г. экономического кризиса.

Подобную ситуацию можно, конечно, объяснить сложностью работы на федеральном уровне с территориальными единицами, число которых достигает порядка 2-2,5 тыс. (речь идет о прежних административных районах и городах регионального подчинения, и нынешних городских округах и муниципальных районах/округах). К тому же статистика по муниципальным образованиям стала формироваться только с конца 2000-х гг. с полномасштабным вступлением в силу реформы местного самоуправления 2003 г. Вместе с тем и особого стремления со стороны федеральных властей заниматься проблемами территориальных диспропорций «внутри» субъектов Федерации не наблюдалось, сокращение таких диспропорций считалось задачей самих региональных властей. Хотя в экономически развитых странах, с хорошо развитой региональной политикой, давно обращают внимание в том числе и на центрo-периферийные различия в пределах регионов.

Более того, практически во всех странах мира, особенно экономически развитых, последние полтора десятка лет происходит становление новой национальной городской политики (началом формирования которой в ЕС считается 2007 г., когда была принята «Лейпцигская хартия устойчивого европейского города») [1; 2]. Рост внимания к городской проблематике, встраивание городской политики в региональную объясняется двумя важными тенденциями: возрастающей значимостью городов как центров экономического роста, инновационного развития, глобализации, но на фоне

обострения проблем самих городов, включая усиливающиеся социальное расслоение, приток мигрантов. В этих условиях национальным правительствам неизбежно приходится решать противоречивые задачи – с одной стороны, создавать условия для экономического развития ключевых городов, с другой, – продолжать политику сокращения межрегиональных различий. Совместить эти задачи можно путем формирования полицентричной городской системы, с центрами экономического роста в разных частях страны, что позволяет снижать концентрацию экономической активности в гипертрофированно развитых столичных агломерациях, различия в уровне развития между относительно крупными частями страны. Очевидно, что такого рода подходы актуальны и для России.

Ситуация в России с местом муниципалитетов в федеральной пространственной политике стала меняться в лучшую сторону. В принятом в 2014 г. федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» была предусмотрена разработка стратегии пространственного развития РФ как документа, не только определяющего в целом приоритеты, цели и задачи регионального развития страны, но и направленного на поддержание устойчивости системы расселения на территории России. Акцент на системе расселения неизбежно заставляет анализировать ситуацию не только в разрезе субъектов РФ, но и более дробных территориальных единиц.

Однако при подготовке и широком обсуждении Стратегии пространственного развития (утвержденной в начале 2019 г.) стало очевидным, что в России ощущается явный дефицит знаний о закономерностях и тенденциях пространственного развития в разрезе муниципалитетов. Нет представлений о различиях в уровне и динамике развития территорий разных типов: городов разной людности и статуса (прежде всего, административных центров регионов и т.н. вторых городов), с разным положением по отношению к ключевым городам и разной степенью периферийности (например, малых городов в составе крупнейших городских агломераций и малых городов в периферийных районах).

В экономически развитых странах мониторинг территориального развития основывается на сборе и обобщении информации по устойчивым типам территорий (отличающихся, прежде всего, по соотношению городского и сельского населения, плотности населения, людности крупнейшего населенного пункта, удаленности от крупного города), и именно такая система мониторинга муниципального развития нужна в России. Разработка совокупности типологий российских муниципальных образований (на уровне городских округов и муниципальных районов/округов) позволит

автоматизировать процесс обработки статистических данных в рамках мониторинга развития муниципальных образований и получать аналитические выводы по закономерностям и трендам развития разных типов муниципалитетов [3; 4].

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» на тему: «Формирование аналитической системы мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований Российской Федерации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Global State of National Urban Policy 2021: Achieving Sustainable Development Goals and Delivering Climate Action. – OECD/ UN-Habitat/ UNOPS, 2021, 162 p.
2. Кузнецова О.В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С 7-20.
3. OECD Regional typology // OECD. URL: https://www.oecd.org/cfe/regionaldevelopment/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf (дата обращения: 16.11.2021).
4. Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития // Федерализм. 2021. Т. 26, № 4 (104). С. 35-53.

Olga V. Kuznetsova

Federal Research Center "Informatics and Control" RAS; Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow

MUNICIPAL LEVEL IN FEDERAL SPATIAL POLICY: CURRENT PRIORITIES

Annotation. *The objects of federal spatial policy should be not only the subjects of the Russian Federation and macro-regions, but also municipalities. This is necessary to determine the directions of development of cities of different population and rural areas, the formation of a national urban policy. The growing importance of the municipal level in federal policy is hindered by the lack of a system of analytical monitoring of the development of municipalities, based, as in economically developed countries, on their typology.*

Keywords: *spatial development strategy, national urban policy, monitoring of municipal development, typology of municipalities.*

**КАЗАХСТАН В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ:
ПРИОРИТЕТЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы пространственной организации территории Республики Казахстан (РК) в пространстве современной Евразии, выявляются приоритетные направления, возможности их реализации, а также реальные риски, вызовы и угрозы. За последние 30 лет дан анализ динамики пространственного развития и расселения населения страны. Предлагаются структурные сдвиги и интеллектуализация экономически активного населения с целью вхождения Казахстана в число высокоразвитых стран мира.*

***Ключевые слова:** Евразия, пространство, геополитика, приоритеты, риски, регион, трансформация, парадигма, конфликт, ситуация.*

Находясь в центре Евразии, занимая 9 место в мире по размерам территории, располагаясь между Россией и Китаем, в непосредственной близости от стран Средней Азии, Среднего Востока и Передней Азии, Казахстан производит всего лишь около 0,4 % мирового ВВП. Причем по запасам урана на Казахстан приходится 40%, хрома 47%, а также значительная часть мировых запасов цветных и редких металлов, нефти и газа. Но тенденции мировых цен на эти ресурсы не дают возможность дальше планомерно продвигать инициативы в этих секторах экономики, что является вопросом на годы вперед [1]. Этим определяется субрегиональное и геополитическое положение Республики Казахстан (РК) в мировой экономике. Любая страна с колоссальными недровыми богатствами и трудноразрешимой конфликтной ситуацией, как правило, становится жертвой агрессии или вмешательства извне.

РК оказалась в зоне повышенного геополитического риска, обусловленного не только событиями в Афганистане, но и геополитической трансформацией громадного субрегиона на географической карте Евразии, которая, в основном, совпадает либо с зонами концентрации энерго — и других стратегических ресурсов, либо с зонами, которые являются ключевыми в достижении геостратегических целей. События в РК в начале января 2022 года тому свидетельство. Произошло наложение внутренних и внешних экономических факторов друг на друга, что привело к разползанию конфликтного потенциала по всей территории Казахстана. В результате внутренние конфликты, противоречия между промышленно-финансовыми группами, борьба за власть и другие трудности в одночасье

превратили РК в важнейшую сферу экономических интересов ведущих геополитических игроков.

В любом случае РК в системе новейших региональных и геополитических трансформаций в ЦА концентрирует по периметру своих границ клубок противоречий и потенциально конфликтных зон. Причем, если его рассматривать в системе «Большой Центральной Азии» (БЦА) [2], которая по версии американских ученых включает, помимо Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении, еще Афганистан, Пакистан, Иран и Синьцзян, то ситуация не только в корне меняется, но и приобретает множество вариантов развития не в пользу РК. Если страны и территории, включенные в эту территорию, не имеют определяющие общие особенности, не соответствуют экономическому и социальному развитию, тогда было бы естественным для региона быть организованным извне. Это, по сути, обосновывает концепцию БЦА, подтверждая, что при таком подходе страны региона превращаются в «подопытных кроликов» в руках геополитических игроков. Тогда БЦА, в определенном смысле, можно рассматривать, как пространственную форму организации управляемого экстремизма.

Между тем внутривосточная ситуация и межгосударственные отношения в ЦА далеки от нормального процесса «регионообразования» в соответствии с законами региональной науки.

Данный вопрос ждет своего решения, поскольку конфликтный потенциал, накопленный внутри каждой из стран и в целом в регионе, объективен, а противоречия очевидны. Регионы ЦА вполне вписываются в теорию управляемого хаоса и могут стать очередным плацдармом ее реализации. Разумеется, ввод сил ОДКБ во время январских событий в Казахстан предотвратил подобный сценарий развития. Но, при этом, страны ОДКБ, успешно решая в рамках ЕврАзЭСа вопросы торгово-экономического союза, мало уделяют внимания проблемам производственно-технологического сотрудничества на уровне экономической интеграции, что повышает риски подобных конфликтов.

В целом для мира очевидна смена геополитической парадигмы. Если ранее в ее основе лежала познавательная функция (мировоззренческая и информационно-аналитическая), то теперь, как справедливо отмечает А.И. Чистобаев [3], на передний план выходят прикладные аспекты (прогностическая функция). Главным для современной геополитики становится прогноз изменения геополитических сил на глобальном и региональном уровнях, причем не только военно-стратегических, но и социально-экономических, включая уровень человеческого потенциала государств. Такая прогностическая информация необходима политикам для формирования инструментария для защиты и реализации национальных

интересов и безопасности. Нельзя сказать, что в Казахстане исследования в области геополитики проводятся недостаточно глубоко. Однако ученые уделяют больше внимания геополитическим ситуациям, нежели закономерностям и законам социально-экономического и геополитического развития, что не позволяет своевременно оценить возможные угрозы.

Территория РК — своего рода «кровеносная система» евразийского пространства. Однако выявленные несоответствия геополитического характера привели к деформации в пространственной организации территории, а именно в преобладании поляризованного развития, то есть к агломерации предприятий, сконцентрированных в «полюсах роста», где экономический рост, предпринимательская деятельность, инновационный процесс отличаются наибольшей интенсивностью, оказывая влияние на другие территории. В результате в РК сложилась парадоксальная ситуация, когда концентрация усилий на сырьевом экспорте республики (при его относительной обособленности от внутреннего рынка) выступает одновременно и фактором экономического роста, и дестабилизации [4]. В пространственном аспекте это проявляется в чрезмерной концентрации финансовых, людских, интеллектуальных и других ресурсов всего лишь в нескольких регионах. Это нефтедобывающие регионы Западного Казахстана, финансовые ресурсы Нур-Султана и транспортно-логистические ресурсы Алматы. В социально-экономических аспектах это фасад государства с относительно благополучным антуражем, где проживает менее 1/3 населения страны с ярко выраженными социальными проблемами. Вся остальная часть территории и населения представляют собой протестные регионы с высоким уровнем конфликтного потенциала, которые ранее рассматривались как депрессивные в социально-экологическом отношении районы. Налицо территориальная форма социальных проявлений «голландской болезни», пустившая глубокие корни в РК. Это деформированная структура экономики и соответственно слабая занятость населения. Как вылечиться от этой болезни? Прежде всего, необходимо повышать эффективность сырье-ориентированных отраслей, хотя наши конкурентные преимущества вне ее. Но индикаторами вывода РК на траекторию высокоразвитой страны могут быть преимущественно структурные сдвиги в сторону перерабатывающих отраслей с высокой долей инновационной составляющей и конкурентными преимуществами. Новая индустриализация возможна на основе интеллектуализации экономически активного населения, включая рабочих среднего звена по отдельным параметрам до профессионального уровня инженерно-технического персонала. Данную проблему можно решить лишь путем встраивания Казахстана в мировые технологические цепи по инновационным отраслям в системе мировой экономике с привлечением

ТНК [5]. Для этого потребуется привлечение инновационных технологий. Однако, этого далеко недостаточно. Нужны собственные высоко конкурентные разработки, без чего данная идея теряет всяческий смысл. Это возможно путем постепенного вовлечения страны в производство комплектующих деталей с применением цветных и редких металлов и их сплавов для авиационной, ракетной и электронной промышленности, с высокой долей добавленной стоимости [6].

Таким образом, нами обоснован методологический подход в исследовании пространственной организации территории и трансформации территории РК в рамках современной Евразии, выявляются приоритетные направления, возможности их реализации, реальные риски и угрозы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. World Bank Commodities Price Forecast, October 26, 2017.
2. Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии // *Foreign Affair*, 2005.
3. Чистобаев А.И. Трансформация классических геополитических концепций в меняющемся мире. В сб.: Политическая география и геополитика в России: концепции в меняющемся мире // *Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. П. Семёнова-Тян-Шанского.* СПбГУ, Санкт-Петербург, 2021.
4. Надыров Ш. М., Нюсупова Г. Н., Мылкайдаров А. Т., Сарсенова И. Б., Чжан Бинь. Пространственная организация Казахстана в ракурсе геополитики в меняющемся мире В сб: Политическая география и геополитика в России: концепции в меняющемся мире // *Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В. П. Семёнова-Тян-Шанского.* СПбГУ. Санкт-Петербург, 2021.
5. Пространственная организация территории и расселения населения Республики Казахстан до 2030 года. Т.1, Под ред. С.Н. Нугурбекова., Е.У. Темирханова., Ж.К. Боипиевой., С.М. Касымова., Ш.М. Надырова — Астана АО «ИЭИ». Т.1 Концепция пространственного развития и расселения населения Республики Казахстан, 2008. 292с.
6. Надыров Ш.М., Ахаев А.А. Проблемы встраивания Республики Казахстан в мировые технологические цепи // *Материалы XXXVII Международной научно-практической конференции «Современная экономика и финансы: исследования и разработки.* Сб. тезисов, Санкт-Петербург, 2015.

Sheripzhan M. Nadyrov

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

KAZAKHSTAN IN THE NEW EURASIAN CONTEXT: PRIORITIES, OPPORTUNITIES, RISKS

Annotation. The article identifies the problems of the Republic of Kazakhstan (RK) territory spatial organization in the new Eurasian context, identified priority areas, opportuni-

ties for their implementation, as well as real risks, challenges, and threats. Analysis of spatial development dynamics for the past 30 years and resettlement of the country's population has been given. Economically active population structural shifts and intellectualization are proposed to include Kazakhstan among the highly developed world countries.

Key words: Eurasia, territory, geopolitics, priorities, risks, region, transformation, paradigm, conflict, situation.

УДК 911.3

Стрелецкий В.Н.

Институт географии Российской академии наук, г. Москва

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСИ И ГЛАВНЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Аннотация. *Рассматриваются особенности и важнейшие тренды трансформации социокультурного пространства России в первые десятилетия XXI века. Выявлены характерные особенности социо- и культурно-географической дифференциации в современной России по оси «центр-периферия». Особое внимание уделено сдвигам в этническом расселении и их культурно-географическим последствиям. Проведено сравнение социо- и этнокультурных сдвигов в российском пространстве по географическим осям запад-восток и север-юг.*

Ключевые слова: *Россия; социокультурное пространство; этнотерриториальные сдвиги; географические оси дифференциации; пространственная поляризация.*

Задача доклада и подготовленной к нему краткой статьи — обзор и анализ важнейших трендов трансформации социокультурного пространства России в постсоветский период, с особым акцентом на сдвиги, произошедшие за первые десятилетия XXI века.

В социокультурном пространстве России находят отражение и природно-ландшафтные особенности страны, и специфика ее исторического развития. Характерная социокультурная черта российского пространства — огромная *рассредоточенность населения*. Об этом много писали немецкий антропогеограф А. Геттнер [1], классики русской антропогеографии А.А. Крубер [2], В.П. Семёнов-Тян-Шанский [3] и другие мыслители. По их мнению, отсутствие в Северной Евразии резких природных рубежей, преград на пути миграций населения и суровые, порой малопригодные для постоянного обитания людей условия предопределяли дисперсность расселения, разрежённость и рассредоточенность социума. Зачастую этим и объясняют сравнительно слабые связи между территориальными сообществами.

ми разного типа, культурными, социально-экономическими и хозяйственными комплексами в России.

Вторая важнейшая особенность российского социокультурного пространства — его *гиперцентрализация*. Его вертикальная, иерархическая, в известном смысле — «*статусная*» (крупный город — средний город — малый город — село) дифференциация, во многих отношениях «сильнее», выраженнее, очевиднее дифференциации плоскостной, горизонтальной, *региональной*. «Статусные» различия в российском пространстве — не просто демографические, экистические, экономико-географические; они носят, прежде всего, именно *социокультурный характер*. Соответственно, при описании местонахождения какого-либо локуса в российском пространстве (особенно в пределах русского этнического мегаядра) определяющее значение в подавляющем большинстве случаев имеет уже не принадлежность его к тому или иному району, но, скорее, его собственный статус и близость к крупному центру [4]. Крупные города и глубинка (внутренняя периферия) в России — это по многим признакам разные социокультурные миры¹.

После распада СССР, в условиях глубокой социокультурной трансформации страны, эти различия стали еще более отчетливыми и очевидными. Релевантные сдвиги хорошо прослеживаются по оси «*центр-периферия*». Их социокультурная поляризация, резко выросшая в конце прошлого столетия, еще более усилилась за первые десятилетия XXI века. Крупнейшие города, претерпевшие за постсоветский период масштабную постиндустриальную модернизацию (особенно города федерального значения), стали главными в стране очагами концентрации среднего класса. В Москве и Санкт-Петербурге его удельный вес в общей численности их жителей превысил 2/5 к 2020 г.; доля лиц, имеющих высшее образование среди горожан старше 15 лет, достигла 45% и 41%, что намного больше, чем любом другом городе РФ. Именно крупные города стали в последние двадцать лет главными аренами массового распространения Интернета, развития креативных видов деятельности, проводниками социальных, институциональных, технологических, культурных инноваций.

---

¹ Как показано в работах Н.В. Зубаревич [5 и др.], условно можно говорить о «четырёх Россиях». Таковы: 1) наиболее модернизированные крупные города, прежде всего, «миллионники»; 2) менее крупные и средние города (многие из которых сохранили промышленную специализацию, унаследованные черты образа жизни населения и ценностных установок советской эпохи); 3) традиционалистская периферия большинства «русских» регионов страны (с депопулирующей сельской местностью и малыми городами); 4) экономически слаборазвитые и отличающиеся яркой этнокультурной спецификой республики Северного Кавказа и Юга Сибири.

На этом фоне быстро депопулировали и деградировали многие регионы сельского и мелкогогородского расселения на внутренней и внешней периферии, как в Европейской, так и в Азиатской России. В этом отношении социокультурная поляризация пространства России шла синхронно с социально-экономической поляризацией [6].

Не менее важным был и другой вектор социокультурной геодинамики в постсоветский период — существенное «переформатирование» *этнокультурного пространства* страны. Россия — страна полиэтничная и поликонфессиональная. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г.¹, в ней жили представители 160 этнических общностей, и их число неуклонно росло. По России в современных границах оно существенно выше, чем в переписях XX в. по всему бывшему СССР (кроме переписи 1926 г.). Этнокультурное многоцветье страны определяет и специфику общероссийской гражданской идентичности, и вызовы последней, на которые в ходе национально-государственного строительства приходится искать адекватные ответы.

Постсоветские миграции усилили этнокультурный плюрализм России. Наряду с переселением этнических русских (они преобладали среди иммигрантов в 1990-е годы) отмечен приток в страну носителей других народов и культур, особенно из стран Центральной Азии и Южного Кавказа. При этом полиэтнизм сочетался с наличием крупнейшего этноса, но за последние полвека его преобладание стало менее выраженным. Доля русских в населении РСФСР–РФ сократилась с 83.3% в 1959 г. до 81.5% в 1989 г. и 77.7% в 2010 г.

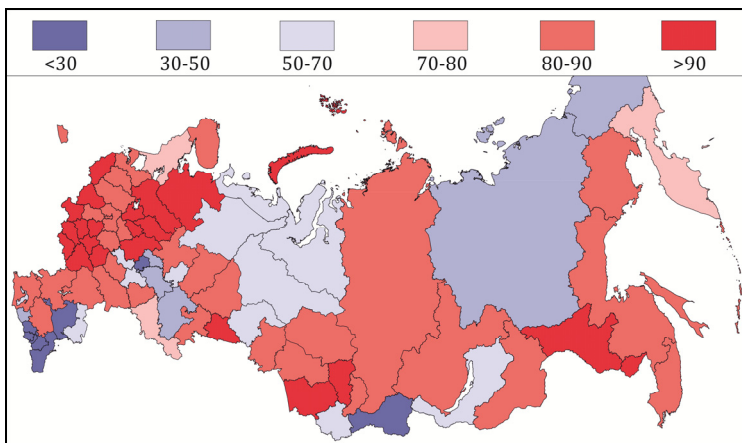
Контуры *русского мегаядра* страны не всегда соответствуют административным рубежам территориального массива «русских» областей и краёв, хотя республики в составе России в мегаядро обычно не входят. Статус субъекта РФ — не единственный критерий его принадлежности к мегаядру: к нему отнесены те регионы, где доля русских превышает 80% [4]. В «русских» регионах она зачастую ещё выше, а почти в двух десятках областей превышает 90%. (рис. 1). За период между Всесоюзной переписью населения 1989 г. и Всероссийской переписью 2010 г. контуры русского мегаядра почти не изменились. Однако число регионов с долей русского населения более 90% уменьшилось в центре и на северо-западе Европейской России из-за массового притока мигрантов в Московскую и Петербургскую агломерацию и в ближайшие к ним регионы.

Тем не менее, сдвиги в этническом расселении за постсоветский период довольно значительны. Важнейшей тенденцией конца XX — начала XXI в. стала концентрация основных нерусских народов в своих национально-

---

¹ Сведения о национальном составе населения дают его переписи, однако итоги последней (осень 2021 г.) к моменту написания статьи не публиковались.

государственных образованиях (рис. 2), то есть стягивание «титულных» народов республик в составе Российской Федерации к этим этническим территориям. Данный процесс усилил этнокультурную поляризацию (асимметрию) российского пространства. Важно и то, что многие этнорегионы расположены компактно, образуя обширные сгустки или кластеры. Таковы Горский Северный Кавказ, Урало-Поволжская мультикультурная область, Южно-Сибирский тюрко-монгольский пояс. У местных этносов своя историческая память, культурные традиции, социальные институты, религиозная специфика, их образ жизни во многом отличается от образа жизни русского населения.

Рис. 1. Доля русских в общей численности населения субъектов Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (в %).

Рассчитано и составлено автором по данным: [9]

Важен и этнодемографический аспект. У разных этносов в разных регионах страны демографическая динамика неодинакова. В республиках Северного Кавказа и соседней Калмыкии в постсоветский период шёл процесс коренизации населения: удельный вес титульных этносов рос, а доля русских снижалась в ходе как естественного прироста, так и миграционного оттока. С 1989 по 2010 г. доля русских в Карачаево-Черкесии упала с 42 до 31%, в Калмыкии — с 38 до 30%, в Кабардино-Балкарии — с 32 до 22%, в Северной Осетии — с 30 до 21%. На востоке Северо-Кавказского округа показатели ещё ниже: в Дагестане к 2010 г. она упала до 3,6%, в Чечне — до 1,9%, в Ингушетии — до 0,8% (абсолютный минимум среди субъектов РФ). Те же тенденции, но несколько слабее выражены в сибирских респуб-

ликах, Татарстане, Башкортостане. Демографическая динамика угрофинских народов была иной: у них рождаемость обычно уступала смертности и удельный вес «своих» в населении республик сокращался, как в Урало-Приволжье (за исключением Мордовии в 2002–2010 гг.), так и на севере Европейской России (в Карелии, Коми). Демографическое поведение этнических групп — во многом социокультурный феномен, сильно дифференцированный географически.

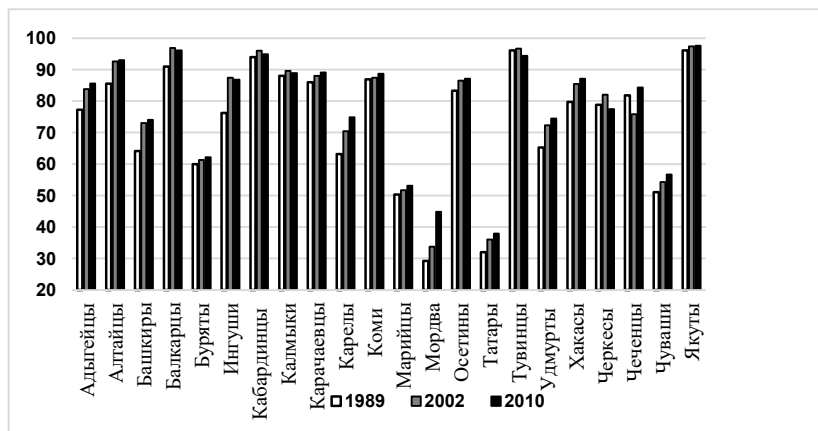

Рис. 2. Концентрация «титulyных» народов национальных республик России в «своих» национально-государственных образованиях, % к их населению (кроме народов Дагестана). Рассчитано и составлено автором по данным: [7, 8, 9]

Возрождение религиозной жизни, затронув все российские конфессии, от мировых религий до языческих культов народов Сибири, Урало-Поволжья, также стало фактором культурной поляризации пространства России. И мусульманский «ренессанс», и быстрый подъём буддизма при сравнительной широте их географии затронули в первую очередь те регионы, для народов которых ислам и буддизм традиционны. Если взаимодействие христианства и ислама (двух авраамических религий, восходящих к единому корню и имеющих сходные черты) происходило в России на протяжении веков и было значимо для многих территорий, то с буддизмом всё иначе. Буддистские регионы всегда занимали и отчасти сохранили сравнительно обособленное положение в российском пространстве. Это очень характерно для Тувы, сохранившей (при её исторически небольшом сроке пребывания в составе России) яркую социокультурную специфику. Буря-

тия и Калмыкия испытали большее российское культурное влияние. При этом регионы ислама (особенно северокавказские) и буддизма, будучи неотъемлемыми частями России как государства, в культурно-географическом отношении выступают частями обширных контактных зон, соединяющих нашу страну с сопредельными, относящимися к иным цивилизационным пространствам.

Большое значение имели в постсоветский период и сдвиги в социокультурном пространстве России по осям его широтной и меридиональной дифференциации. Различия *Запад-Восток* — одна из двух ключевых географических «макроосей» российского социокультурного пространства. Исторически эта ось фиксировала географический вектор продвижения российской цивилизации с равнин Восточной Европы (ее «месторазвития») в Северную Азию. На протяжении всей имперской и большей части советской эпох отечественной истории доля Азиатской России в общей численности населения страны неуклонно возрастала, но за позднесоветский и особенно постсоветский периоды она сократилась примерно с 1/4 до 1/5. Соответственно, существенно уменьшился ее не только демографический, но и социокультурный потенциал. Другим новым трендом стал постепенный генезис в постсоветский период, и именно к востоку от исторического макроядра страны, макрорегиональных культурных идентичностей (уральской, сибирской, дальневосточной) [10–15]. В советский период элементы таковых, если и существовали, то только в латентном состоянии; при этом они совершенно не исследовались и не фиксировались. Усиление восточного вектора в пространственном развитии России может иметь большое значение для социокультурного развития восточных регионов страны в 2020-е годы. Едва ли можно ожидать какого-либо перераспределения социокультурного потенциала в пользу Азиатской России, но прекращение ее нарастающей депопуляции вполне вероятно.

Ось социокультурной дифференциации *Север-Юг* хорошо выражена в широтной зональности не только природы, но и общества. В Европейской России лесостепной и степной Юг на протяжении нескольких веков резко отличался от исторического нечерноземного ядра Великороссии в социокультурном и этнокультурном отношении; как известно, отечественные этнографы в XIX и начале XX вв. выделяли «новороссов» Юга России как отдельный народ, наряду с великороссами, белорусами и украинцами. Культурно-политическое противостояние Юга Северу также имеет в нашей стране многовековую историческую традицию. Кроме того, экономически слабо развитые республики Северного Кавказа и Южной Сибири привносят в социокультурный контекст Юга страны и важнейшую этнокультурную составляющую. В постсоветский период Юг России (особенно Северный

Кавказ) резко выделялся в демографическом отношении (что существенно изменило в его пользу демографические пропорции за последние тридцать лет), оставаясь при этом на более ранней стадии модернизационного перехода и сохраняя многие патриархально-клановые структуры и другие традиционные социокультурные институты [16]. В Европейской России парадоксальным проявлением этого феномена становится своеобразная интерференция двух векторов: «чем южнее, тем “восточнее” в этноконфессиональном смысле» [17].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Геттнер А. Европейская Россия: Антропогеографический этюд / Пер. с нем. Л.Д. Синицкого. М.: Изд-во журнала "Землеведение", 1907. 174 с.
2. Крубер А.А. Опыты разделения Европейской России на районы // Землеведение. 1899. Кн. 3/4. С. 175–184.
3. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии // Записки ИРГО по отд. статистики. Т. 10. Вып. 2. СПб.: Типография Киришбаума, 1910. 212 с.
4. Стрелецкий В.Н. Этнокультурные проблемы развития и пространственной трансформации российской Системы // Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Монография / Отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. М.: Инфра-М, 2020. С. 84–134.
5. Зубаревич Н.В. Четыре России и новая политическая реальность https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/
6. Нефёдова Т.Г., Стрелецкий В.Н., Трейвиш А.И. Поляризация социально-экономического пространства современной России // Вестник РАН. 2022. №6 (в печати).
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения РСФСР / Госкомстат РСФСР. М.: Республиканский информ.-издат. центр, 1990. 747 с.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИМЦ «Статистика России», 2004. 2076 с.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации. М.: Госстатиздат, 2012. 2234 с.
10. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.

11. Головнёва Е.В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы // Изв. Уральского федер. ун-та. 2017. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 161, № 12 (1). С. 144-153.
12. Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк», или парадоксы региональной самоидентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116-129.
13. Жигунова М.А., Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Региональный вариант сибирской идентичности // Омский научный вестник. 2014. № 2 (12). С. 48-62.
14. Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 6. С. 37-47.
15. Назукина М.В. Мифы и реальность дальневосточного регионализма: внешний образ и идентичность макрорегиона // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 2. С. 195-204.
16. Стрелецкий В.Н. Этнокультурный плюрализм Северного Кавказа в контексте «вызовов» и трендов модернизации традиционного общества (социо- и культурно-географические аспекты) // Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты / Сб. науч. статей / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. С. 87-101.
17. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

Vladimir N. Streletsky

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

GEOGRAPHICAL AXES AND MAIN TRANSFORMATION VECTORS OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF RUSSIA IN THE EARLY 21ST CENTURY

Annotation: *The most important features and major trends in the transformation of the sociocultural space of Russia in the first decades of the 21st century are considered. The characteristic features of socio- and cultural-geographical differentiation in contemporary Russia along the “center-periphery” axis are revealed. Particular attention is paid to shifts in ethnic settlement and their cultural and geographical consequences. A comparison of socio- and ethno-cultural shifts in the Russian space along the geographical axes west-east and north-south is carried out.*

Keywords: *Russia; socio-cultural space; ethnic geographical shifts; geographical axes; spatial polarization.*

ДИНАМИКА СЕТИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ УЗБЕКИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается динамика числа городских поселений, в частности городов и городских посёлков, в Республике Узбекистан в течение последних тридцати лет (1990-2020 гг.). Обращается внимание на слабую динамику роста числа городов в анализируемый период, на наличие в стране большого числа городских посёлков, которые вполне соответствуют критериям городов и могут быть переведены в соответствующий разряд поселений.*

***Ключевые слова:** город, городской посёлок, сеть поселений, уровень урбанизации, численность населения, административный статус.*

По данным Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан, численность постоянного населения страны, по состоянию на 1.01.2020 г., составляла 33905,8 тысяч человек [11]. По сравнению с началом 1990 г. этот показатель вырос на 13683,8 тысяч человек, или на 67,7%. Изменилось за рассматриваемый период времени и соотношение городского и сельского населения в стране. Если на начало 1990 г. в городах и городских посёлках проживало 8242 тысяч человек, а уровень урбанизации республики составлял 40,8% [1], то на 1.01.2020 г. численность городского населения Узбекистана составляла 17144,1 тысяч человек, а его доля в населении республики 50,6% [11]. Следовательно, удельный вес горожан в общей численности населения республики за прошедший тридцатилетний период вырос на 9,8 процентных пункта.

Однако динамика этого показателя в течение рассматриваемого периода не была линейной (см. табл. 1). На протяжении 1990-2008 гг. его значение неуклонно понижалось, достигнув минимума в 2008 г. (35,8%), что было связано с миграционным оттоком европейского населения, преимущественно сконцентрированного в городах, и более низкими темпами естественного прироста горожан по сравнению с сельским населением. Ситуация существенно изменилась после Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан №68 «О дополнительных мерах по совершенствованию административно-территориального устройства населённых пунктов Республики Узбекистан» от 13.03.2009 г., в соответствии с которым 965 сельских населённых пунктов страны были отнесены к категории городских посёлков [5]. Это привело к резкому росту доли городского населения в Узбекистане

до 51,7%. Однако, начиная уже с 2010 г., удельный вес горожан в населении республики медленно снижается, составив 50,6%, по состоянию на 1 января 2020 г. [11]. Последняя тенденция, очевидно, отражает геодемографические различия между городской и сельской местностью республики.

Таблица 1

Динамика численности городского населения Узбекистана и его удельного веса в общей численности постоянного населения республики (1990-2020 гг.)

№	Год	Численность городского населения (тыс. чел., на 1 января)	Доля городского населения (% , на 1 января)
1	1990	8242,0	40,8
2	1995	8671,0	38,6
3	2000	9165,5	37,4
4	2005	9441,9	36,3
5	2010	14425,9	51,5
6	2015	15748,0	50,8
7	2020	17144,1	50,6

Таблица составлена автором по материалам Госкомстата РУз за соответствующие годы [1, 6, 11].

Таким образом, скачок уровня урбанизации Узбекистана, произошедший в 2009 году, был осуществлён исключительно за счёт поселковой составляющей урбанистической сети республики. Это значительно изменило соотношение городов и городских посёлков по их доле в сети городских поселений и общей численности городского населения страны (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение количества городов и городских посёлков, а также численности их постоянного населения в Узбекистане (1990-2019 гг., на 1 января)

Год	Города		Городские посёлки	
	Число (ед.) и доля в общей сети городских поселений (%)	Численность постоянного населения (тыс. чел.) и его доля в общей численности городского населения (%)	Число (ед.) и доля в общей сети городских поселений (%)	Численность постоянного населения (тыс. чел.) и его доля в общей численности городского населения (%)
1	2	3	4	5
1990	124 / 54,4	7515,5 / 91,2	104 / 45,6	726,5 / 8,8
1995	119 / 50	7728,4 / 89,1	119 / 50	942,6 / 10,9
2000	120 / 51,5	8114,9 / 88,5	113 / 48,5	1050,6 / 11,5

1	2	3	4	5
2005	120 / 51,5	8357,3 / 88,5	113 / 48,5	1084,6 / 11,5
2010	119 / 9,9	8848,3 / 61,3	1080 / 90,1	5577,6 / 38,7
2015	119 / 9,9	9595,9 / 60,9	1085 / 90,1	6152,1 / 39,1
2019	119 / 10,0	10359,4 / 61,6	1067 / 90,0	6447,3 / 38,4

Таблица составлена автором по материалам Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан за соответствующие годы [1,6,11].

Так, ещё в 2005 г. на долю городов приходилось 51,5% городских населённых пунктов и 88,5% общей численности горожан Узбекистана. Однако упомянутая выше административная реформа 2009 г. привела к тому, что в 2010 году удельный вес городов в составе урбанистической сети страны упал до 9,9%, а их доля в городском населении Узбекистана сократилась до 61,3%. В последующее десятилетие баланс показателей городов и городских посёлков в структуре городских поселений республики изменился незначительно, и урбанистическая сеть Узбекистана в настоящее время характеризуется высокой структурной долей городских посёлков.

На фоне многократного увеличения числа городских посёлков в анализируемый период динамика сети городов в Узбекистане выглядит более чем скромно (см. табл. 3). В общей сложности за период 1990-2020 гг. число городов в республике сократилось на 4 единицы — со 124 до 120 (на 3,3%). При этом лишь 4 городских посёлка за все эти 30 лет были переведены в разряд городов, тогда как 7 городов были разжалованы в городские посёлки, а 1 город (Нариманов) ещё в 1990 г. вошёл в черту города Ташкента в качестве Бектемирского района. Для сравнения, в Кыргызстане за период 1990-2020 гг. статус города получили 11 городских посёлков и сельских поселений, и только 1 город был разжалован в село, в результате чего общее число городов в стране выросло с 21 в 1990 г. до 31 в 2020 г [2]. В Туркменистане же число городов за это же время увеличилось с 18 до 51 за счёт перевода 34 городских посёлков в разряд городов при упразднении лишь 1 города — вошедшего в 2013 г. в черту города Ашхабада Абадана [3].

Согласно ст. 3 Закона Республики Узбекистан «Об административно-территориальном устройстве Республики Узбекистан», «города районного подчинения — населенные пункты с численностью населения, как правило, не менее семи тысяч человек, имеющие промышленные предприятия и развитую инфраструктуру» [4].

Среди городских посёлков Узбекистана имеется достаточно много населённых пунктов, удовлетворяющих вышеприведённым требованиям

города районного подчинения. В первую очередь, это касается городских посёлков — административных центров сельских районов с численностью населения значительно больше минимального ценза численности жителей города, установленного законодательством республики, располагающих при этом значимыми в локальном, а порой и в региональном масштабе промышленными предприятиями, объектами инфраструктуры, торговли и сервиса (см. табл. 4).

Таблица 3

Хронология изменения числа городов в Узбекистане за период 1990-2020 гг.

<i>Год</i>	<i>Число городов на 01.01.</i>	<i>Изменения в сети городов республики</i>	<i>Число городов на 31.12.</i>
1990	124	Город Нариманов Ташкентской области упразднён и включён в состав города Ташкента в качестве Бектемирского района	123
1992	123	Города Гурлен, Кошкунёр, Хазарасп, Ханка, Шават Хорезмской области переведены в разряд городских посёлков	118
1994	118	Городской посёлок Пайарык переведён в разряд городов	119
1995	119	Городской посёлок Шафиркан переведён в разряд городов	120
1998	120	Городской посёлок Янгирабад переведён в разряд городов	121
1999	121	Город Кармана преобразован в Карманинский район города Навои (в 2003 г. преобразован в городской посёлок — центр Карманнинского района)	120
2006	120	Город Марджанбулак Джизакской области переведён в разряд городских посёлков	119
2019	119	Городской посёлок Газган Навоийской области преобразован в город	120
2020	120	-	120

Таблица составлена автором

На современном этапе во многих городских посёлках-райцентрах республики большая часть трудоспособного населения не занята непосредственным образом в сельском хозяйстве.

В этой связи представляется актуальной постановка вопроса о пересмотре статуса некоторых крупных городских посёлков, в первую очередь, выполняющих функции административных центров районов, и переводе их

в разряд городов районного подчинения. Нахождение их в статусе городских посёлков не представляется соответствующим действующему законодательству в области административно-территориального устройства. Перевод их административного статуса в города районного подчинения — давно назревшее преобразование, отвечающее логике развития происходящих в последние годы урбанизационных процессов в Узбекистане.

Таблица 4

**Некоторые кандидаты для преобразования в города
среди городских поселков Узбекистана**

№	Регионы	Городские поселки	Численность населения (тыс. чел., 01.01.2019 г.)	Административные функции поселения
1	2	3	4	5
1	Республика Каракалпакстан	Караузяк	15746	Районный центр
2		Кегейли	12968	Районный центр
3		Алтынкуль	29673	-
4		Канлыкколь	12401	Районный центр
5		Тахтакупыр	16736	Районный центр
6	Андижанская область	Куйганёр	13041	Районный центр
7		Балыкчи	26181	Районный центр
8		Чинобод марказ	24483	-
9		Боз	17588	Районный центр
10		Булакбаши	33328	Районный центр
11	Джизакская обл.	Заамин	26332	Районный центр
12	Кашкадарьинская область	Янги Миришкор	17585	Районный центр
13	Навоийская область	Кармана	23651	Районный центр
14	Наманганская область	Джумашуй	14672	Районный центр
15		Ташбулак	21360	Районный центр
16		Уйчи	23693	Районный центр
17		Янгикурган	23913	Районный центр
18	Самаркандская область	Пайшанба	23902	Районный центр
19		Тайлак	14601	Районный центр
20	Сурхандарьинская область	Ангор	18783	Районный центр
21		Сариасия	18108	Районный центр
22		Узун	15039	Районный центр
23	Сырдарьинская область	Хаваст	28026	Районный центр

1	2	3	4	5
24	Ташкентская область	Янгибазар	15670	Районный центр
25		Салар	36164	-
26		Кибрай	11233	Районный центр
27	Ферганская область	Алтыарык	10246	Районный центр
28		Багдад	15915	Районный центр
29		Ташлак	19537	Районный центр
30		Вуадиль	17512	Районный центр
31	Хорезмская область	Ханка	41352	Районный центр
32		Гурлен	28717	Районный центр
33		Хазарасп	19940	Районный центр
34		Шават	19811	Районный центр
35		Кошкूपыр	19366	Районный центр

Таблица составлена автором по данным Госкомстата РУз на 01.01.2019 г.

Большое значение для социально-экономического и градостроительного развития городов имеет наличие у них самостоятельного административного статуса города областного или республиканского подчинения. В 1990 г. в республике имелся 1 город республиканского и 60 городов областного подчинения при том, что общее число городов в стране составляло 124 [6]. Однако уже в начале 1990-ых годов наметилась тенденция постепенного перевода городов областного подчинения в разряд городов районного подчинения с включением в состав того или иного сельского административного района. Только одним Постановлением Олий Мажлиса Республики Узбекистан № 383-П от 29 июля 2002 г. сразу 20 городов областного подчинения были разжалованы в города районного подчинения [7]. К 2013 г., после изменения статуса города Тахиаташ, в Узбекистане осталось 25 городов областного подчинения.

Начиная с 2017 г., число городов областного подчинения в Узбекистане стало постепенно возрастать. Так, в 2017 г. в статусе городов областного подчинения были восстановлены города Хива, Шахрисабз, Янгиюль и Ахангаран, городом областного подчинения был объявлен новоиспечённый центр Ташкентской области Нурафшон (бывшая Тойтепа) [9,10].

В 2019 г. городской посёлок Газган Нуратинского района Навоийской области был преобразован в город областного подчинения (минуя стадию города районного подчинения) [8]. Тем самым число городов областного подчинения в Узбекистане увеличилось до 31.

Однако, на наш взгляд, в настоящее время в Узбекистане имеется ещё ряд городов районного подчинения, которые потенциально могут быть преобразованы в города областного подчинения. Согласно статье 3 Закона Республики Узбекистан “Об административно-территориальном делении Республики Узбекистан” от 29.08.2020 г., “города областного подчинения (города, находящиеся в подчинении Республики Каракалпакстан) — населённые пункты с численностью населения, как правило, не менее тридцати тысяч человек, имеющие важное административное значение, развитую инфраструктуру, а также являющиеся перспективными экономическими и культурными центрами” [4]. Такие города районного подчинения, как Асак (69,3 тыс. чел., здесь и далее, по состоянию на 1.01.2019 г.), Шахрихан (79,1 тыс. чел.), Гиждуван (46,1 тыс. чел.), Касан (77,9 тыс. чел.), Чуст (74,2 тыс. чел.), Ургут (74,6 тыс. чел.), Денау (88,1 тыс. чел.), Кува (50,4 тыс. чел.), с учётом их административного, промышленного, торгового, социально-инфраструктурного потенциала, проявляющегося в межрайонном масштабе (в городе Денау имеется даже высшее учебное заведение — Денауский институт предпринимательства и педагогики Самаркандского государственного университета), в полной мере соответствуют вышеуказанному определению городов областного подчинения.

Обоснованность и целесообразность преобразования этих городов в самостоятельные административно-территориальные единицы определяется также большим демографическим и социально-экономическим потенциалом сельских районов, административными центрами которых они являются. В каждом из соответствующих сельских административных районов республики проживает более 250 тысяч человек, а в некоторых намного больше. Так, численность населения Ургутского района в настоящее время превышает 500 тыс. человек, в районе создана специальная экономическая зона, действуют сотни промышленных предприятий, имеется 149 учреждений общего среднего образования, а райцентр — город Ургут — остаётся городом районного подчинения.

Таким образом, к настоящему времени назрела проблема серьёзной ревизии сети городских поселений Узбекистана в части преобразования крупных городских посёлков с большим демографическим и производственным потенциалом, развитыми административными и обслуживающими функциями и существенными перспективами социально-экономического развития в города районного подчинения, а также по переводу наиболее крупных городов районного подчинения, являющихся административными центрами самых многонаселённых сельских районов респуб-

лики, в разряд городов областного подчинения. На эти вопросы целесообразно обратить пристальное внимание республиканским и местным органам государственной власти, а также специалистам в области экономической географии, региональной экономики и градостроительства для основательного изучения каждого конкретного городского поселения на предмет перспективности преобразования его административно-территориального статуса. На наш взгляд, эта проблематика является одним из самых востребованных направлений прикладных геоурбанистических исследований в Узбекистане на современном этапе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ата-Мирзаев О.Б., Тухлиев Н. Узбекистан: природа, население, экономика. Т.: O'zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2009. — 240 с.
2. Города Киргизии // Эл. доступ: https://ru.wikipedia.org/wiki/Города_Киргизии. Дата обращения: 20.02.2020 г.
3. Города Туркмении // Эл. доступ: https://ru.wikipedia.org/wiki/Города_Туркмении. Дата обращения: 20.02.2020 г.
4. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-635 «Об административно-территориальном устройстве Республики Узбекистан» от 28 августа 2020 г.
5. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №68 «О дополнительных мерах по совершенствованию административно-территориального устройства населённых пунктов Республики Узбекистан» от 13 марта 2009 года.
6. Численность городского и сельского населения Узбекской ССР на 1 января 1990 г. Статистический бюллетень. — Т.: ЦСУ Узбекской ССР, 1990. — 78с.
7. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Кенгашининг “Вилоятга бўйсунувчи айрим шаҳарларни туманга бўйсунувчи шаҳарлар тоифасига ўтказиш тўғрисида”ги 2002 йил 29 июлдаги 383-П-сон Қарори.
8. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенатининг “Навоий вилояти Нурота тумани Ғозгон шаҳарчасини Ғозгон шаҳри этиб ўзгартириш, Ғозгон шаҳрини вилоят бўйсунувидagi шаҳарлар туркумига киритиш ҳамда Навоий вилояти Нурота тумани чегараларини ўзгартириш тўғрисида”ги 2019 йил 3 майдаги СҚ-419-III-сон Қарори.
9. Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Тошкент вилояти таркибида Тошкент тумани, шунингдек вилоятга бўйсунувчи Янгийўл, Оҳангарон ва Нурафшон шаҳар ҳокимликларини ташкил этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 2017 йил 3 ноябрдаги ПҚ-3375-сон Қарори.
10. Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Хоразм вилоятининг Хива шаҳри ва Қашқадарё вилоятининг Шаҳрисабз шаҳри ҳокимликларини ташкил этиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 2017 йил 11 июлдаги ПҚ-3124-сон Қарори.
11. www.stat.uz [Официальный веб-сайт Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан].

DYNAMICS OF THE NETWORK OF URBAN SETTLEMENTS IN UZBEKISTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD AND PROSPECTS FOR ITS FURTHER DEVELOPMENT

***Annotation.** The article examines the dynamics of the number of urban settlements, in particular cities and urban settlements, in the Republic of Uzbekistan over the past thirty years (1990-2020). Attention is drawn to the weak dynamics of growth in the number of cities in the analyzed period, to the presence in the country of a large number of urban settlements that fully meet the criteria of cities and can be transferred to the corresponding category of settlements.*

***Key words:** town, urban settlement, network of settlements, level of urbanization, population, administrative status.*

УДК 911.3 (470.26)

Фёдоров Г. М.

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСКЛАВА НА БАЛТИКЕ — КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

***Аннотация.** Два главных негативных фактора затрудняют развитие экономики Калининградской области: эксклавность и эффект колеи. Противодействуют им два позитивных фактора: природный потенциал, включая приморское положение, и федеральная институциональная и финансовая поддержка. После более глубокого, чем в целом по России, экономического кризиса 1990-х годов, в 21 веке область развивается быстрее, чем в среднем другие регионы России.*

***Ключевые слова:** российский эксклав, Балтийский регион, экономическое развитие.*

Факторы регионального развития. Калининградская область Стратегией пространственного развития РФ отнесена к приоритетным геостратегическим территориям Российской Федерации. Это подчеркивает то особое внимание, которое федеральными органами власти уделяется региону, усилению его экономической и военно-политической безопасности, повышению его роли в экономике страны и обеспечении Национальной безопасности России. Это объясняет то внимание, которое уделяется в настоящее время изучению условий и факторов развития области, определению приоритетных направлений ее социально-экономического развития.

Ведущую роль в развитии области играют четыре главных фактора. Два негативных: эксклавность и эффект колеи. И два позитивных: природный потенциал, включая приморское положение, и федеральная институциональная и финансовая поддержка.

Эксклавность затрудняет транспортное сообщение с другими регионами страны, удорожая стоимость товаров и пассажирских перевозок. Но, главное, она негативно влияет на экономическую безопасность территории, что отчетливо проявилось в период проведения Россией в начале 2022 г. специальной военной операции, когда Литва закрыла свое воздушное пространство для полетов российской авиации. Угрозы возникают и при обеспечении других аспектов экономической безопасности — энергетической, продовольственной и др., не говоря уже о военно-политической безопасности, которой все более угрожает наращивание инфраструктуры НАТО и вооруженных формирований этой военно-политической организации вокруг области и в целом вблизи западных границ России.

Фактор колеи действует в условиях неоднократного изменения внешних и внутренних условий развития региона, вызывающих необходимость реструктуризации экономики, кардинальной в начале его советской истории, в 1990-е гг., в начале и во второй половине первого десятилетия 21 века и после 2014 г.

Более благоприятные, чем в других регионах Нечерноземья, природно-климатические условия способствуют развитию аграрного сектора. Приморское положение позволяет развивать рыбопромышленный комплекс, туризм и рекреацию, использовать дешевый морской транспорт для развития международной торговли с удаленными странами.

Режим Особой экономической зоны является важным институциональным фактором развития обрабатывающих производств. Государственная программа социально-экономического развития области осуществляет большую финансовую поддержку экономики, особенно обрабатывающей промышленности, условия функционирования которой резко изменились в связи с заменой режима таможенных льгот Закона об ОЭЗ 1996 г. на режим стимулирования инвестиций по закону 2006 г.

В обрабатывающих производствах региона действует новый «эффект колеи», обусловленный несоответствием сложившейся под воздействием закона об ОЭЗ 1996 г. структуры производства (доработка и сборка продукции на основе импортного сырья и полуфабрикатов) изменившимся условиям хозяйственной деятельности и механизму закона 2006 г. (с дополнениями 2018 г., расширившими перечень льготимуемых предприятий).

Кроме того, геополитические изменения в мире, ухудшение отношений России со странами Запада, обусловили диверсификацию внешнеэкономиче-

ческих связей области. Если раньше главную роль в ее внешней торговле играли страны Балтийского региона (особенно Польша, Литва и Германия), то теперь их значение резко снизилось за счет расширения связей региона со странами Восточной Азии (Китай, Республика Корея) и Латинской Америки (Бразилия, Парагвай).

В результате происходящих в мире геополитических и геоэкономических изменений, и, равным образом, перехода российской экономики на инновационный путь развития, на передний план вновь выступают задачи преодоления «эффекта колеи» путем реструктуризации и модернизации экономики народного хозяйства региона.

Характерные черты экономики области. Благодаря поддержке со стороны Федерации — институциональной (законы об ОЭЗ в Калининградской области 1996 г. и 2006 г.) и финансовой (Федеральная целевая программа развития Калининградской области, с 2014 г. — Государственная программа социально-экономического развития Калининградской области) — Калининградская область в 21 веке развивалась быстрее большинства российских регионов. Она повысила уровень своих социально-экономических показателей по сравнению со средними по РФ.

Эксклавное положение области обуславливает ее повышенную зависимость от действия внешних факторов, что влияет на высокий уровень волатильности динамики развития экономики. Повышена амплитуда колебаний индексов роста ВРП и промышленного производства. В годы, благоприятные для развития экономики РФ, темпы роста в Калининградской области превышают средние по стране, в неблагоприятные годы они ниже средних. Пандемия коронавируса Covid-19 также сильнее сказалась на развитии обрабатывающих производств области из-за снижения импорта сырья и полуфабрикатов (производство которых сократилось в странах-экспортерах). Можно ожидать, что с преодолением возникших трудностей и наращиванием производства в целом по стране, темпы развития области вновь станут выше средних по России.

Перспективы развития. Новая стратегия развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации должна обеспечивать не столько количественное увеличение показателей динамик производства, сколько его развитие за счет роста производительности труда. На решение этой проблемы направлено, в частности, формирование на базе БФУ им. И. Канта научно-технологического центра «Балтийская долина — Хьюмантек» [1].

Стратегия должна создавать условия динамичного сбалансированного развития при снижении имеющихся структурных и пространственных диспропорций. Она должна охватывать более широкий круг вопросов по срав-

нению с обычной региональной стратегией, с особым вниманием на обеспечение экономической безопасности, учет геостратегического значения области, ее возможности для повышения национальной безопасности России и безопасности Союзного государства, с учетом возможностей и интересов ОДКБ, ЕЭАС, ШОС.

Большее внимание должно уделять использованию внутренних ресурсов региона. Значительные возможности роста производства имеет аграрный сектор, рекреация и оздоровительный туризм. Целесообразно формирование янтарного кластера и межрегионального морского кластера с участием предприятий Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей. Следует, на наш взгляд, изучить и возможности развития рыбопромышленного комплекса. Возможно также создание новых производств, использующих морской транспорт для поставок в область на переработку сырья и экспорта готовой продукции.

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ №22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства РФ от 17.02.2022 N 185 «О создании инновационного научно-технологического центра "Балтийская долина — Хьюмантек» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409856/ (дата обращения 28 февраля 2022).

Gennadiy M. Fedorov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

ENSURING THE DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EXCLAVE IN THE BALTIC — THE KALININGRAD REGION

***Annotation.** Two main negative factors impede the development of the economy of the Kaliningrad region: exclavation and the gauge effect. They are counteracted by two positive factors: natural potential, including the coastal position, and federal institutional and financial support. After the economic crisis of the 1990s, which was deeper than in Russia as a whole, in the 21st century the region is developing faster than the average of other regions of Russia.*

***Key words:** Russian exclave, Baltic region, economic development.*

**МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ПАНЕЛЬНОЙ СЕССИИ
«НАШЕ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ: К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОЛОГА, ИСТОРИКА
И ГЕОГРАФА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ГУМИЛЁВА»**

УДК 911.3:39 740

Любичанковский А.В.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

**РАЗВИТИЕ ИДЕЙ Л.Н. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ**

Аннотация. В работе проанализированы возможности использования концепции этногенеза Л.Н. Гумилева в исследовательском поле поведенческой географии. Ряд категорий концепции этногенеза отнесены к понятийно-терминологическому аппарату географии поведения. Проблематизируется возможность перехода поведенческой географии в географию поведения, используя аналитику описательной части концепции этногенеза Л.Н. Гумилева.

Ключевые слова: поведенческая география, концепция этногенеза Л.Н. Гумилева.

Поведенческое (бихевиористское) направление в общественной географии, фокусирующееся на изучении территориальных различий в поведении человека и его ориентировании в пространстве, возникло в англо-американской научной школе в 1960-е годы. Главные представители этого направления — Дж. Голд, Р. Голледж, П. Гоулд, Д. Сти и др.

Н.Ю. Замятина и И.И. Митин отмечают, что в конце XX в. поведенческая география была вытеснена когнитивной географией (при этом эти два направления нередко смешиваются) [1]. Для целей нашей статьи мы будем рассматривать их как синонимичные.

Бихевиористский подход в социогеографии стал альтернативой нормативному подходу, исходившему из концепции «экономического человека», который якобы «свободен от множества целей и несовершенной информации, усложняющей наше поведение и принятие решений [2, с. 181].

Поведенческая, а затем и когнитивная география вышла на анализ представлений об окружающем пространстве у различных групп населения, используя эмпирический подход в науке, исходящий из характеристики сообщества, данного им самим. Это взгляд изнутри, определяемый воспри-

ятием местного сообщества. «Эмные» явления связаны с социально-психологической составляющей культуры.

Словом, это направление в географии занимается исследованиями пространственных представлений, проблематизируя тезис о взаимосвязи поведения людей с их восприятием мира. Когнитивная география идентифицирует у различных групп населения определенные образы окружающей среды и выявляет взаимосвязи между этими образами и фактическим поведением.

Автор считает возможным расширение исследовательского поля общественной географии за счет перехода от поведенческой географии к географии поведения. География может и должна заниматься вопросами делимитации в пространстве всего массива поведенческих комплексов, безусловно, предварительно разрабатывая методологию по их выявлению. Работу в этом направлении мы связываем с формированием геоэтологической концепции исследования ментальности населения [3, 4].

Поведенческий комплекс по сути можно рассматривать как стереотип поведения, связанный с определенной территориальной группой. Возникновение и функционирование стереотипа поведения можно постичь, если точно определить, из каких структурных элементов он состоит.

Для осуществления такой работы большую роль играет одна из самых значительных этнологических концепций XX века — концепция этногенеза Л.Н. Гумилева.

Стереотип поведения у Л.Н. Гумилева играет интегральную роль во всем процессе этногенеза, включая в свою системную этническую целостность нормы отношений между индивидом и коллективом; между этносом и внутриэтническими группами, а также связь с вмещающим ландшафтом, закрепленную определенной традицией. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны [5, с. 117-118].

Л.Н. Гумилев вводит в качестве перекрестного со стереотипом поведения этноса термин «этническая доминанта», понимая под этим словесные выражения тех или иных идеалов, имеющих единообразное значение и сходную смысловую динамику внутри этнической системы. Сменить идеал можно только лицемерно, потому что он кажется его последователю не столько индикатором, сколько символом его жизнеутверждения. Итак, под доминантой Л.Н. Гумилев понимает такое явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой и т.п.), который опреде-

ляет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие [5, с. 191-192].

Отметим также ещё один важный термин в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, который имеет громадный потенциал использования в поведенческой географии. Это — комплиментарность. Комплиментарность — положительная (отрицательная) — это ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих» [5, с. 719]. Комплиментарность фигурирует и на межэтническом уровне, определяя отношения между этносами, и на внутриэтническом уровне, скрепляя людей в единую этническую целостность.

Отмечу, что гумилевское представление об этносе не только как социальном, но прежде всего природном явлении, взаимодействующим с другими этносами с подсознательным ощущением симпатии или антипатии, не обесценивает идею межэтнической толерантности. Напротив, Лев Николаевич подчеркивает важность разнообразия антропосферы как фактора устойчивости. Упрощение системы ведет к потере ее резистентности (принцип кибернетики). Комплиментарность — предупреждение о необходимости внимательного отношения к межэтническим контактам — не оправдание, а лишь только возможное объяснение межнациональной вражды [6].

Явление комплиментарности в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева идентифицируется на всех иерархических уровнях этнической системы. На нижних уровнях это комплиментарные объединения небольших групп людей, связанных (часто эфемерно) единой целью и исторической судьбой (консорции) или однохарактерным бытом и общим местом обитания, существующих в течение нескольких поколений (конвексии). Комплиментарность здесь продуцирует активные взаимоотношения и сходную поведенческую модель. На уровне этноса комплиментарность проявляется в преобладании эндогамных браков. Межэтнические браки распространены гораздо реже, даже в полиэтничной среде (в противном случае происходит ассимиляция этноса). На суперэтническом уровне (в нашем представлении цивилизационном) комплиментарность приводит либо к симбиозу, либо к химере со всеми негативными последствиями такого контакта [7].

Отметим очень важную сущностную черту комплиментарности — вероятностный характер. Это статистическое явление, которое предполагает любое проявление на индивидуальном уровне и статистического взаимоконпенсирования при повышении ранга рассматриваемой системы. Категория комплиментарности в концепции этногенеза в наибольшей степени связана с понятием ментальность.

Ментальность в контексте этногенеза — это особенность психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность. Она выражается в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мысли, являясь существеннейшей частью этнической традиции. Формируется ментальность в ходе этногенеза (в том числе под влиянием этнических контактов). С повышением ранга рассматриваемой этнической системы ментальность проявляется все более ярко: если на уровне консорции (конвиксии) специфика ментальности не всегда заметна, то в суперэтнической целостности она выступает на первый план. Более того, в суперэтноте, где наблюдается разнообразие стереотипов поведения, ментальность является основным консолидирующим фактором. В общей суперэтнической ментальности выделяются этнические различия («острый галльский смысл», «сумрачный германский гений» и т.д.). Более подробное рассмотрение позволяет также выявить субэтнические нюансы ментальности: например, в России XIX в. их можно было увидеть между дворянами, разночинными интеллигентами, старообрядцами, православным духовенством, различавшимися не только своими стереотипами поведения (как субэтноты), но и ментальностью [7].

Таким образом, Л.Н. Гумилев справедливо вводит иерархическую последовательность: комплиментарность (функция отношения) — совокупность традиций в этнической доминанте — стереотип поведения и обобщающий уровень — ментальность.

В целом, внутренняя структура этноса, определяемая стереотипом поведения, рассматривается в этногенезе Л.Н. Гумилева как динамическое явление. Им выделено персистентное (гомеостатическое) равновесие с окружающей средой состояние, которое характеризуется отсутствием межпоколенческой изменчивости в укладе жизни. Такие культуры встроены в историю, однако их ментальной особенностью является то, что для них не важна история как процесс, характеризующий культуру. Вторым, более распространенным вариантом, является изменчивость стереотипа поведения от поколения к поколению, что указывает на движение по фазам в витальном цикле этногенеза.

В заключении сделаем следующие выводы:

- концепция этногенеза Л.Н. Гумилева позволяет структурировать поведенческий комплекс, рассматриваемый как объект исследования в поведенческой географии;
- методологический взгляд на стереотип поведения в концепции этногенеза Л.Н. Гумилева представляет концептуальную возможность расширения исследовательского поля поведенческой географии за счет включе-

ния в него подходов к делимитации в пространстве поведенческих комплексов (то есть осуществляя переход к географии поведения);

- в целом, представления о комплиментарности, идентифицируемых на всех таксонах этнической системы, этнической доминанте и ментальности населения, выдвигают новые возможности для аналитики описательной части концепции этногенеза Л.Н. Гумилева.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Замятина Н.Ю., Митин И.И. Поведенческая география / Большая российская энциклопедия. <http://bre.mkrf.ru/geography/text/3147409>

2. Джонстон Р. Дж. География и географы: очерк разв. англо-амер. Соц. Географии после 1945 г. М.: Прогресс, 1987. 368 с. С. 181.

3. Любичанковский, А.В. Пространство ментальности: понятийно-терминологический дискурс, географическая структура и иерархия // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2019. № 8. С. 44-54.

4. Любичанковский, А.В. Пространственные формы этоса в этологической географии // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов, 2020. № 1 (9). С. 37-49.

5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: Эксмо, 2008. — 736 с.

6. Любичанковский, А. В. Концепция этногенеза Л. Н. Гумилева в практике ментально-географических исследований: монография / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". Оренбург: ОГУ. 2015. 164 с.

7. Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л. Н. Гумилева / сост. В.А Мичурин ; под ред. Л. Н. Гумилёва. Л. Н. Гумилев. Этносфера: история людей и история природы, М.: Экопрос, 1993, стр. 493-542. <http://gumilevica.kulichki.net/MVA/mva09.htm>

Alexey V. Lyubichankovskiy

Orenburg State University, Orenburg

DEVELOPMENT OF IDEAS L.N. GUMILEV IN THE CONTEXT OF MODERN BEHAVIORAL GEOGRAPHY

***Annotation.** The paper analyzes the possibilities of using the concept of ethnogenesis L.N. Gumilyov in the research field of behavioral geography. A number of categories of the concept of ethnogenesis are related to the conceptual and terminological apparatus of the geography of behavior. The possibility of the transition of behavioral geography to the geography of behavior is problematized, using the analytics of the descriptive part of the concept of ethnogenesis by L.N. Gumilyov.*

***Keywords:** behavioral geography, the concept of ethnogenesis L.N. Gumilyov.*

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

***Аннотация.** Научному наследию Л.Н.Гумилева посвящены многочисленные труды ученых и журналистов. По-разному, оценивается ими вклад в науку, человеческие свойства Льва Николаевича. Автор доклада на протяжении многих лет был знаком с этим выдающимся мыслителем XX-го века, причем не только по долгу службы, но и в быту; своими воспоминаниями поделится с коллегами на очередной ассамблее АРГО.*

***Ключевые слова:** родители Л.Н. Гумилева, город Бежецк, Ленинградский университет, Научно-исследовательский институт географии, «экологическая ниша», этногенез.*

Великий русский поэт Анна Андреевна Ахматова (она не любила, когда ее называли поэтессой) после второго ареста Льва Гумилева (сначала был Беломорканал, потом — Норильск) писала:

Вот и dospорился, яростный спорщик,
До енисейских равнин...
Вам он бродяга, шуан, заговорщик, —
Мне он — единственный сын.

Четыре ареста, 14 лет в лагерях. В промежутке — фронт, прошел с боями до Берлина. И снова арест. Освобожден в мае 1956 года. Изможденный, 44-х лет, мужчина приехал в Ленинград с самодельным фанерным ящиком-чемоданом, в нем — рукописи на клочках оберточной бумаги, газет. Пройдут годы и написанный на нарах текст будет опубликован в научных журналах, книгах.

Но путь к признанию, а после смерти — и триумфу, был не простым. Работа библиотечарем в психбольнице, потом — повезло! — на время декретного отпуска сотрудницы Эрмитажа принят в качестве коллектора экспедиции в низовья Волги, на западное побережье Каспия. Собран уникальный материал. Директор Эрмитажа М.И. Артамонов добился дополнительной ставки — Лев Гумилев зачислен на постоянную работу. По проекции того же Артамонова декан исторического факультета университета В.В. Мавродин привлекает ученого (уже доктора исторических наук) к чтению лекций.

В 1962 г. благодаря поддержке тех же людей, а также профессоров географического факультета О.А. Дроздова, С.В. Калесника, М.П. Петрова,

Б.Н. Семевского произошло главное событие в трудовой биографии Л.Н. Гумилева — принят на работу в Географо-экономический научно-исследовательский институт (ГЭНИИ) Ленинградского университета. Здесь он трудился 30 лет, создал главный научный труд «Этногенез и биосфера Земли» и еще несколько научных фолиантов. Защитил вторую докторскую диссертацию, на этот раз — по географии, но не был утвержден ВАКом. ГЭНИИ (позднее НИГЭИ, НИИГ) Лев Николаевич назовет своей «экологической нишей», хотя и здесь не всегда ему сопутствовала удача — не все начальники понимали и ценили его. Но всегда была поддержка со стороны заведующего кафедрой экономической географии Б.Н. Семевского и сменившего его в этой должности С.Б. Лаврова. Книга Лаврова «Лев Гумилев. Судьба и идей» (2000) — наиболее полная, на сегодняшний день, биография выдающегося ученого и замечательного человека.

Автору этих строк довелось быть знакомым со Львом Николаевичем с 1965 года, быть его земляком (по окрестностям г. Бежецка Тверской области) и последним начальником — директором НИИГ, в котором ученый трудился до конца жизни. «Земляк», «начальник», «дорогой мой» — такими словами обращался он ко мне в самые памятные годы совместной работы (1986-1992) и во время вечерних встреч в квартире на улице Коломенской, 1 — последнего места проживания великого мыслителя XX-го века.

А еще нас объединял общий ученик (мой аспирант) — Иванов Константин Павлович, безвременно ушедший из жизни от руки убийцы, спустя полгода после кончины своего главного учителя. В память о них мною была издана (2002) книга «Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л. Н. Гумилева и 50-летию К.П. Иванова)», где в кратком виде впервые были доведены до широкого круга читателей неизвестные ранее события их жизни. В последующие годы я собрал сохранившиеся в памяти и в отрывочных записях новые нетривиальные факты и решил довести их в устной форме до вашего внимания, уважаемые участники очередной ассамблеи АРГО. В письменном варианте данная тема будет раскрыта в книге «Мои коллеги — географы-обществоведы. Дни жизни, наследие мысли», которую намерен издать в следующем году.

Жизненные перипетии сопутствовали Льву Николаевичу и в быту: коммунальная квартира, сосед — тайный надсмотрщик, отсутствие женской руки (до появления Натальи Викторовны), горечь утраты безвинно расстрелянного отца, сложности взаимоотношений с матерью.

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать –

Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалеко, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.

Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.

И еще один стих Анны Андреевны — он о нашем городе Бежецке:

Там белые церкви и звонкий светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.

Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном,
Но я не вышла, я захлопнула страшную дверь...
И город был полон веселым рождественским звоном.

Накануне второго Спаса (Спаса Преображения) 17-18 августа в г. Бежецке проводится Гумилевский фестиваль — в память о выдающихся людях России. Приглашаю!

Anatoliy I. Chistobaev

St. Petersburg State University, St. Petersburg

NON-TRIVIAL FACTS FROM THE LIFE OF LEV N. GUMILYOV. TO THE 110TH ANNIVERSARY FROM BIRTHDAY

***Annotation.** Numerous works of scientists and journalists are devoted to the scientific heritage of Lev Gumilyov. In different ways, they evaluate the contribution to science, the human properties of Lev Nikolayevich. The author of the report for many years was familiar with this outstanding thinker of the twentieth century, both for a long time in service and at home, he will share his memories with colleagues at the next ARGO assembly.*

***Keywords:** L.N Gumilyov's parents, city of Bezhet'sk, Leningrad University, Research Institute of Geography, «ecological niche», ethnogenesis.*

**НАСЛЕДИЕ Л.Н. ГУМИЛЁВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

***Аннотация.** Концепция пассионарности Л.Н. Гумилёва позволяет объединить пространство и время в развитии страны. Осваивая Сибирь, страна сможет ещё долго сохранять динамизм в перешедшем к стационарности мире. Наша национальная идея — сбережение пассионарной энергии народа с использованием её для перехода к новому экономическому укладу. Именно освоение новых территорий создаёт наиболее благоприятные условия для социально-экономической трансформации.*

***Ключевые слова:** Гумилёв Л.Н., пассионарность, освоение Сибири, новый экономический уклад, национальная идея.*

«Концепция, изложенная в статьях этой серии [«ландшафт и этнос» — В.Ш.] и развитая в журнале «Природа», получила от оппонентов наименование «географо-психологической». Несмотря на ироничность определения, я склонен с ним согласиться» [1, с. 94] — писал Л.Н. Гумилёв (1912-1992), опиравшийся при создании своей концепции на исследования биохимической энергии живого вещества В.И. Вернадского (1863-1945). Этнос им трактовался как явление энергетическое, как пассионарное поле одного ритма. В этом проявился картезианский, холистический подход, рассматривающий процессы как особые состояния пространства, в противоположность подходу ньютоновскому, трактующему пространство, скорее, какместилище вещей [2].

Такой подход должен восстановить позиции естествознания в формировании научной картины мира, в которой человечество — часть природы, обладающая особыми свойствами. Засилье постмодернизма привело не только к широчайшему распространению невежества, вплоть до совершенно средневековых предрассудков у людей с формально высоким образовательным уровнем, но и к грубейшим искажениям научных представлений элиты. Абсолютно господствует, например, ошибочное и опасное представление, будто прогресс науки и техники неуклонно уменьшает зависимость человека от природы, вплоть до того, что человечество, как эдакий слон в стекольной лавке, своими неуклюжими действиями даже меняет глобальный климат. В действительности эта зависимость никоим образом не ослабевает, но приобретает новые формы. В результате геомагнитной бури 1859 г. («событие Кэррингтона») вышла из строя вся телеграфная связь, а некоторые телеграфисты получили удар током. Если подобная

вспышка на Солнце произойдёт сейчас, то не надо и никакой войны. «Как известно, все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены закону больших чисел. Значит, чем выше порядок, тем неуклоннее воздействие закономерности на объект, и чем ниже порядок, тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы» [1, с. 102].

Теория этногенеза, в основе которой лежат представления о пассионарности, подвергается серьёзной и, увы, небезосновательной критике со стороны историков. Однако нет сомнения, что она будет ещё не одно десятилетие будоражить умы, хотя эту восхитительную гипотезу много легче опровергнуть, чем подтвердить. Возможно, она войдёт в историю науки одним из тех прекрасных и полезных заблуждений, вроде теплорода, флогистона, энтелехии, электрического флюида или эфира, которые очень способствовали её развитию. Как минимум, она останется плодотворной научной метафорой, выражающей ещё не познанные явления.

Автор далёк от мысли, что либералы заблуждаются во всём, но они до крайности преувеличивают роль институтов. Считается, что главное — правильно организовать институты, после чего страна будет идти вперёд верным курсом уже на автопилоте. У нас противоположный крен — в сторону «ручного управления», кое тоже, мягко говоря, не всегда отличается эффективностью. Между тем институты — как паруса, их должен наполнять ветер. Этот ветер во многом создаётся пассионарностью, которую, как и всю энергию нации, надо заботливо беречь и разумно расходовать. «Сбережение народа» должно иметь не только демографическое, но и энергетическое измерение.

«Иммунная система социума самодостаточна и в конце концов обеспечивает выявление латентно существующих интересов общества — пишут Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн. — Однако очевидно, что момент этот может наступить раньше или позже в зависимости от конкретных действий государства. Поэтому его рациональное поведение, способствующее выявлению и актуализации общественного интереса на ранних стадиях, требует внимательного и бережного отношения к меньшинству. Мы подозреваем, что именно в данной части общества «обитают» его пассионарии, обладающие повышенными способностями «видеть то, что временем закрыто» для большинства сограждан. Поэтому *поддержка пассионарного меньшинства, создание ему условий наибольшего благоприятствования* [курсив источника — В.Ш.] является, на наш взгляд, важнейшим принципом рационального поведения государства» [3, с. 390].

Разрабатываемая этими авторами концепция экономической социодинамики противостоит редукционистским представлениям, сводящим обще-

ственный интерес к совокупности индивидуальных интересов. Эта концепция, основанная на представлениях о самоорганизации, предполагает холизм, а не индивидуализм, в ней постулируется эмерджентность — наличие у общества как системы особых свойств и особых интересов. Здесь явно, по Ю. А. Шрейдеру (1927-1998), целое мыслится как многое, а не многое — как целое.

Для географов одной из важнейших задач на многие десятилетия вперёд должно стать совершенствование территориальной организации страны, преодоление её крайнего евроцентризма. Последний весьма успешно преодолевается во внешней политике, несколько менее результативно, но далеко не провально — в переориентации внешнеэкономических связей с Европы на Азию, однако эта политика, вполне соответствующая национальным интересам, имеет лишь ограниченное воздействие на территориальную организацию населения и хозяйства.

Между тем страна не может успешно действовать на мировой арене, стоя лицом к тем, кто давно повернулся к нам спиной, и наоборот. Если через 10–15 лет или позднее отношения с Западом начнут постепенно улучшаться, это мало скажется на соотношении направлений внешнеэкономических связей, поскольку перераспределение экономической мощи в пользу Востока и Юга — значительно более фундаментальный процесс, и он будет продолжаться при любых политических отношениях.

Совершенно недостаточное развитие Сибири, убожество нашего тихоокеанского фасада, за исключением приведённого в более или менее презентабельный вид Владивостока, — куда более серьёзные дефекты геополитического и геоэкономического положения страны, нежели утрата балтийских и черноморских портов. Географам вполне естественно воспринимать национальную идею в её проекции на пространство страны. Нам ни в коем случае не следует переписывать нашу историю, но следует многое в неё дописать. В ней совершенно недостаточно отражена роль Сибири как важнейшего фактора развития России, которая в равной мере осваивала Сибирь, и сама была сформирована ею. В широко известной статье 1993г. рано ушедшего от нас В.Л. Цымбурского (1957–2009) это положение было сформулировано последовательно и ярко [4].

Наша национальная идея — сбережение пассионарной энергии народа с использованием её для перехода к новому экономическому укладу и освоения Сибири, причём обе эти задачи взаимосвязаны. Именно освоение новых территорий создаёт наиболее благоприятные условия для социально-экономической трансформации — отсюда бурное экономическое развитие стран переселенческого капитализма. «Всё, что существует, — стремится к распространению, к экспансии. В этом плане политика обороны, удержания

— лишь частный случай. Там, где нет возможностей для экспансии, остаётся пытаться удерживать наличное. Ведь речь не об абсолютных величинах, а о соотносительных — экспансия кого-либо может оказываться следствием не возрастания его мощи, а падения, сокращения мощи другого, возникновения вакуума, который заполняется тем, кто оказывается дееспособным «здесь и сейчас», даже если его собственные силы не только не возрастают, но даже и сокращаются, но с меньшей скоростью, чем у других... Не получится выстроить забор между внешней и внутренней политикой. Более того, экспансия невозможна без внутренней перестройки, изменения самой России. История внутренней пересборки России — что хорошо видно и сейчас — это во многом и история её внешней политики» [5]. Наше счастье в том, что наша экспансия может вполне успешно разворачиваться внутри страны, а во внешней экспансии вообще нет большой нужды. Наша внешнеполитическая активность будет направлена на обеспечение безопасности страны и парирование внешних угроз её экономическому развитию.

Сибирь — бесценный ресурс не только как пространство, но и как время. Осваивая Сибирь, страна сможет ещё долго сохранять динамизм в перешедшем к стационарности мире. Образно говоря, наша национальная идея — максимально отсрочить старость, ориентироваться не на увядающую Европу, а на «молодые» континенты — Южную Америку и Африку. При этом освоенческая направленность будет способствовать и подъёму рождаемости — она всегда выше у первопоселенцев. Перефразируя Л.Н. Гумилёва, можно сказать, что пассионарная энергия — это металл монеты, аверс и реверс которой — пространство и время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гумилёв Л.Н. Внутренняя закономерность этногенеза (ландшафт и этнос. XIV) // Вестник Ленинградского университета, 1973, №6. С. 94-103.
2. Шупер В.А. Возможные пути влияния методологии на поиски решения экологической проблемы // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М.: Наука, 1981. С. 145-161.
3. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. 2-е изд., испр. М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. — 480 с.
4. Цымбурский В.Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993-2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.
5. Тесля А. В поисках русского. Национальная политика в постимперском осмыслении // Россия в глобальной политике, 2021, №2 Март/Апрель. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-poiskah-russkogo/> Дата обращения — 01.01.2022.

Vycheslav A. Shuper

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**LEV GUMILEV LEGACY AS A FACTOR IN THE FORMATION
OF THE NATIONAL IDEA
(TOWARD THE 110TH ANNIVERSARY OF BIRTH)**

***Annotation.** The passionarity conception by Lev Gumilev allows us to combine space and time in the development of the Russia. By development of Siberia, the Russia will be able to maintain dynamism for a long time in a world that has passed to stationarity. Our national idea is to save the passionarity energy of the people and use it for the transition to a new economic order. It is the development of new territories that creates the most favorable conditions for socio-economic transformation.*

***Key words:** Gumilev L., passionarity, development of Siberia, new economic order, national idea.*

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

СЕКЦИЯ 1

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ, ПРИОРИТЕТЫ, ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ И ДОСТИЖЕНИЯ

УДК 911.9:332.14:353.2

Акимова В.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

СТРАТЕГИИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ И В СТРАНАХ МИРА: ЧТО НЕ ТАК И КАК НАДО

***Аннотация.** Проведен сравнительный анализ отечественных и зарубежных стратегий долгосрочного развития городов на основе авторской ценностно-содержательной методике с учетом реалий постиндустриального общества. Оценка проводилась по двум типам критериев: базовым (наличие минимально необходимых блоков) и прогрессивным (соответствие идеям устойчивого развития (триединство экономики, общества и экологии)). Были выявлены существенные различия между стратегиями социально-экономического развития российских и зарубежных городов по таким направлениям, как экология, пространственное планирование и транспортное развитие. Важное отличие заключается и в ценностных подходах к формированию документов: за рубежом — это ценности устойчивого развития, в России — экономический рост любой ценой.*

***Ключевые слова:** стратегии социально-экономического развития городов, сравнительный анализ, устойчивое развитие, стратегическое планирование.*

Введение. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» обязал не только органы государственной власти всех уровней, но и все муниципальные образования разработать собственные стратегии долгосрочного социально-экономического развития. К настоящему времени практически все муниципалитеты страны разработали и утвердили свои стратегические документы. При этом вопрос об оценке качества и полезности разработанных стратегий остается дискуссионным.

Особенности процессов разработки приводят к тому, что стратегии часто носят декларативный характер, транслируя «призывы» документов более высокого уровня, которым они должны соответствовать, чтобы полу-

чить согласование региональных властей. Эти документы часто сложны для восприятия, написаны ведомственным языком, поскольку основной их «потребитель» — вышестоящие контролирующие министерства и ведомства, а не общество. Кроме того, стратегии после официального утверждения довольно быстро «угасают» и уходят из публичной повестки [1].

В этой связи возникают два принципиальных вопроса: первый — о повышении качества документов с точки зрения учета потребностей бенефициаров (граждан), а второй — о продлении востребованности стратегий, исключении ситуаций их «угасания» в течение нескольких лет.

Методология исследования. Критерии, по которым проводился анализ качества стратегий, включали:

а) 5 базовых критериев, характеризующих основные параметры стратегии (миссия, цели и приоритеты, индикаторы, логичность и т.д.);

б) 5 прогрессивных критериев, использование которых позволяет судить об учете лучших мировых практик и новейших теоретических подходов (транзитно-ориентированное развитие, устойчивый город, человеко-размерный подход и т.п.) при разработке стратегий, а также соответствие принципам зеленой экономики и устойчивого развития.

в) дополнительный критерий уникальности (творчества), оценивающий неучтенные, но принципиально важные параметры (творческий подход, уникальность стратегии, созданные новые идеологические смыслы, период угасания).

Дополнительный одиннадцатый критерий был добавлен к десяти основным для учета неформальной компоненты, которая осталась за рамками оценки. Он учитывает наличие уникальных, нестандартных элементов, отсутствующих в большинстве других рассмотренных в данном исследовании стратегических документов и отражает идею поиска уникальной ниши города в национальном и глобальном масштабе — некой «сверхидеи», которая бы существенно продлила период «угасания» стратегии, сделав ее востребованной на многие десятилетия, в том числе за счет формирования и реализации так называемых флагманских проектов с комплексной эффективностью.

Каждый из 11 критериев включает три критерия второго уровня: таким образом, всего стратегический документ оценивается по 33 критериям второго уровня, сгруппированных в 11 разделов. Стратегический документ по каждому из критериев второго уровня может получить оценки от 0 (тот или иной признак или элемент полностью отсутствует) до 5 (признак или элемент подробно описан и тщательно проработан). Для формирования интегральной оценки по базовым и прогрессивным критериям бралась средняя арифметическая, исходя из предположения, что вес каждого из критериев второго уровня одинаков.

Для поэлементного анализа были отобраны стратегии долгосрочного развития 16 городов мира (по убыванию численности населения): Лондон, Нью-Йорк, Барселона, Сидней, Сингапур, Мельбурн, Берлин, Вена, Стокгольм, Ванкувер, Бостон, Хельсинки, Канберра, Бристоль, Веллингтон и Цюрих. При этом учитывались, как навигационные (верхнеуровневые) стратегии устойчивого развития в целом, так и отдельные ключевые стратегии второго уровня, которые дополняют основные стратегии — например, стратегии устойчивого транспорта или пространственного развития.

Данные города были выбраны с учетом получения репрезентативной выборки с точки зрения качества жизни, численности населения и географического положения. Так, 15 из 16 выбранных городов входят в топ-50 лучших в рейтинге качества жизни [2]. В число отобранных вошли как крупные города-миллионники (Лондон, Нью-Йорк и др.), так и сравнительно небольшие компактные города (Бристоль, Веллингтон, Канберра, Цюрих), что позволило провести сравнение с российскими городами разного размера.

В России для поэлементного анализа нами были выбраны стратегии следующих городов (в порядке убывания численности населения): город федерального значения — Санкт-Петербург и следующие муниципальные образования — Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград, Краснодар, Саратов, Тольятти, Барнаул, Иркутск, Ярославль, Владивосток, Томск, Симферополь, Керчь, Гатчина Ялта. Список основан на городах из перечня перспективных крупных центров экономического роста Российской Федерации и субъектов РФ [3]. Для полноты картины в перечень включены промышленные и научно-образовательные центры (Томск, Саратов, Барнаул), туристические и историко-культурные (Ялта, Керчь, Ярославль, Гатчина) и логистические (Симферополь) центры.

Обсуждение результатов. Сравнение российских и зарубежных стратегий по базовым и прогрессивным критериям приведено в таблице. Для каждой группы анализируемых городов были взяты усредненные значения по всей выборке.

Результаты сравнительного анализа российских и зарубежных стратегий долгосрочного развития крупнейших городов мира свидетельствуют о том, что по базовым критериям и дополнительному критерию между отечественными и зарубежными стратегиями наблюдается примерный паритет. В то же время по прогрессивным критериям российские стратегии существенно отстают от зарубежных аналогов.

В значительной степени эти различия связаны с ролью стратегических документов в системе планирования. В целом российские стратегии произ-

водят впечатление ведомственных трудночитаемых документов. Они сложны для восприятия, написаны сухим академическим языком. За рубежом стратегия представляет собой адресный навигационный документ верхнего уровня, понятный непрофессионалам и задающий видение, цели и общие приоритеты развития, который связывает в единое целое стратегии второго уровня, объединенные ценностями устойчивого развития. В России во многих случаях стратегии второго уровня не разработаны или же являются исключительно ведомственными документами [4].

Таблица

Базовые и прогрессивные критерии: результаты оценки

<i>Критерий</i>	<i>Города мира</i>	<i>Города России</i>	<i>Разница</i>
<i>Базовые критерии</i>			
Критерий 1. Понятность и конкретность стратегии	4,4	1,4	- 3,0
Критерий 2. Диагностика ситуации, альтернативные сценарии развития	1,6	3,5	2,4
Критерий 3. Миссия и приоритеты	4,1	3,6	- 0,5
Критерий 4. Качество целевых индикаторов Отражение потребностей бенефициаров	2,4	1,0	- 1,4
Критерий 5. Реализация стратегии	2,6	2,35	- 0,25
<i>Прогрессивные критерии</i>			
Критерий 6. Взаимная увязка с Целями устойчивого развития ООН и концепцией устойчивого (зеленого) города	4,5	2,0	- 2,5
Критерий 7. Пространство	3,65	2,4	- 1,25
Критерий 8. Урбанистика, комфортность городской среды	3,9	1,0	- 2,9
Критерий 9. Устойчивая мобильность (устойчивый транспорт)	4,25	0,75	- 3,5
Критерий 10. Наука и технологии	3,5	4,0	0,5
<i>Дополнительный критерий</i>			
Критерий 11. Уникальность и оригинальность (флагманские проекты, «сверхидеи»)	3,75	3,9	0,15

Источник: анализ авторов.

Примечание. Минимальная оценка — 0 (выбранный признак или элемент в стратегическом документе полностью отсутствует); максимальная оценка — 5 (элемент подробно описан и тщательно проработан). В таблице указана разница баллов между городами России и городами мира (усредненные значения для всей выборки).

В большинстве отечественных стратегий представлены стандартные экономические индикаторы, например, рост валового регионального продукта, доходов населения или промышленного производства как ключевых показателей прогресса. Индикаторы, которые сегодня начинают быть широко представленными в зарубежных стратегиях (в рамках концепции устойчивого развития) — индекс истинного развития, качества жизни и т.д. практически не используются.

Наиболее слабый раздел российских стратегий — вопросы создания комфортной городской среды, общественного транспорта, комплексного развития территорий, архитектуры и т.д. Разделы, посвященные городскому развитию, часто написаны исходя из реактивной парадигмы планирования, предполагающей реакцию на существующие проблемы (проложить новую дорогу, отремонтировать здания). Общая концепция городского развития фактически отсутствует, во всяком случае, в том виде, в каком она реализована в зарубежных стратегиях. В стратегиях отсутствует система зонирования, которая регулирует возможности развития отдельных территорий и определяет, что можно строить на данном участке, какую деятельность и где можно вести¹ (формально в соответствии со стратегией должны быть разработаны генеральные планы, однако на практике генеральные планы и стратегии не согласованы, поскольку разрабатываются независимо друг от друга, исходя из нормативных потребностей по обеспеченности инфраструктурой возросшей численности населения). Таким образом, в российских стратегиях, в отличие от зарубежных, очень редко встречаются приоритеты и меры по реализации современной политики по созданию комфортной, человеко-ориентированной городской среды [4].

Наконец, самое важное отличие заключается в формировании исходных ценностей, заложенных в стратегических документах. За рубежом стратегии исходят из принципов устойчивого развития: реализации решений и проектов, которые оказывают одновременно положительное влияние на экономику, экологию и социальную сферу. В России во многих городских стратегиях, наоборот, на первое место выходит экономика, которая может развиваться за счет угнетения других сфер, что создает существенные риски для возникновения экологических и иных конфликтов, деградации экосистем и в целом общественных благ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Комаров В.М. Как повысить востребованность долгосрочных стратегий развития муниципальных образований // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2020. № 2. С. 7-11.

---

¹ Предполагается, что данные направления будут представлены в так называемых «Мастер-планах».

2. Vienna tops Mercer's 21st Quality of living ranking. Mercer. March 13, 2019. (UTL: <https://www.mercer.com/newsroom/2019-quality-of-living-survey.html>) (дата обращения 16.01.2022).

3. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019). Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года. Приложение N 3 к Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года. Перечень перспективных центров экономического роста.

4. Комаров В. М., Акимова В. В., Волошинская А. А. Стратегии городского развития в России и мире: сравнительный анализ // ЭКО. 2021. № 4. С. 150-171

Varvara V. Akimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

URBAN DEVELOPMENT STRATEGIES IN RUSSIA AND AROUND THE WORLD: WHAT IS WRONG AND HOW IT SHOULD BE

***Annotation.** A comparative analysis of national and foreign strategies for the long-term development of cities was carried out on the basis of the author's value-content methodology, taking into account the realities of a post-industrial society. The assessment was carried out according to two types of criteria: basic (the presence of the minimum necessary blocks) and progressive (compliance with the ideas of sustainable development (the trinity of economy, society and ecology)). Significant differences were revealed between the strategies for the socio-economic development of Russian and foreign cities in such areas as ecology, spatial planning and transport development. An important difference lies in the value approaches to the formation of documents: abroad, these are the values of sustainable development, in Russia, economic growth at any cost.*

***Keywords:** strategies for socio-economic development of cities, comparative analysis, sustainable development, strategic planning.*

УДК 911.3:32

Акщёнов К.Э.¹, Галустов К.А.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет

²Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Теория городских режимов Кларенса Стоуна является важной теорией, раскрывающей взаимоотношения акторов: власти, бизнеса и общества. Трансформация городских режимов является универсальной тенденцией для всего российского пространства, но имеет характерную только для России специфику. В настоящем исследовании мы рассматриваем классификацию городских режимов*

и анализируем, насколько она соответствует реально существующим практикам в городском пространстве Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: *городские режимы, городские политические режимы, использование городского пространства, акторы, трансформация, Санкт-Петербург.*

Российское общество уже 30 лет находится в состоянии постсоциалистической общественно-политической трансформации. При этом процесс протекает неравномерно во времени и пространстве. Особенно заметно это проявляется в крупнейших городах, на которые трансформация оказала наиболее существенное влияние. Этот процесс тесно связан с продолжающимся изменением общественно-экономической формации, сопряжённым с возникновением институтов частного бизнеса и гражданского общества, а также инновациями в политической жизни города.

Важным подходом в науке, который раскрывает взаимоотношения акторов: власти, бизнеса и общества, является теория городских режимов Кларенса Стоуна [1]. Считается, что эта теория является наиболее универсальной, так как с одной стороны, классический экологический подход чикагской школы объясняет социальные процессы с точки зрения «невидимой руки рынка» (чистый капитализм). С другой, левая марксистская философия работает в рамках отношений «эксплуататор — работник», которая не включает объяснение роли представителей современного общества, не являющихся наёмными работниками, а также сложного комплекса отношений власти и «бизнеса-буржуазии» [2].

Мы предполагаем, что в крупнейших городах России за последние 20 лет были сформированы городские режимы. При этом процесс трансформации городских режимов имеет некоторые уникальные географические особенности в крупнейших городах (Санкт-Петербурге, Москве), которые задают «стиль» и направления поведения власти, бизнеса и общества на территории остальной России. Однако, мы исходим из того, что теория городских режимов лишь отчасти применима и не всегда может объяснить сложный характер положения и взаимодействий акторов в современном российском городе.

В своём исследовании «Regime Politics. Governing Atlanta. 1946-1988» К. Стоун на примере города Атланта (США) доказывает, что сложившаяся в нём система управления в полной мере зависит от неформальных взаимоотношений городской администрации и бизнес-сообщества. И далее эта система взаимоотношений только углубляется в зависимости от «степени знакомства, приближенности, клиентелизма» власти и бизнеса, позволяет выстраивать систему, которая находится «за спиной» формального управления.

Стоит отдельно остановиться на том, что в отечественной литературе англоязычное понятие Стоуна «urban regime» исследователи переводят по-разному, встречаются понятия «городской режим», либо «городской политической режим», что в классическом понимании тождественно. Однако же, на наш взгляд термин «городской режим» имеет более широкое трактование и точнее описывает процессы, происходящие в городе, к каковым относятся отнюдь не только политические, но и экономические, социально-культурные. В нашем анализе приоритетным является анализ режимов городских акторов с точки зрения использования городского пространства. Поэтому в исследовании мы остановились именно на термине «городской режим».

Кларенс Стоун также предложил первую классификацию ключевых типов городских режимов [1,3]. Именно на неё мы будем ориентироваться в нашем исследовании:

1. Режим статус-кво. При такой форме акторы максимально заинтересованы в сохранении баланса и не вносят никаких идей по изменению городского пространства. Основной принцип — «лучше ничего не делай, лишь бы не стало хуже». Стоун увязывает возникновение такого режима с экономическими причинами, считая, что вероятность возникновения такого режима особенно растёт с уменьшением масштаба городов. «Статус-кво» максимально тормозит любую диффузию инноваций в городском пространстве. В более расширенной типологии Г. Стоукера и К. Моссбергера [4,5] этот режим называется «режим-сторож». Такой режим был во многом характерен для большинства постсоветских городов в первый период пост-социалистической трансформации (1990-е годы), когда только появляются бизнес и общество как акторы нового коалиционного управления. Черты этого режима также присутствуют и в Санкт-Петербурге 1990-х и 2010-х годов.

2. Режим роста. Данный вид опирается на концепцию Х. Молотча и Д. Логана под названием «машины роста» [6,7]. Режим роста формируется в формате кооперации власти, бизнеса или общества в интересах быстрого экономического роста города. Именно такой режим позволяет ощутить выгоды от взаимной кооперации, поэтому создаёт необходимость консенсуса между заинтересованными сторонами. Чаще всего такие коалиции формируются между властью, бизнесом и примыкающими к ним проектными, сервисными организациями, архитекторами. Типология Стоукера и Моссбергера [4,5] называет такой режим «режимом развития» или «инструментальным режимом». По мнению социологов А. Хохловой и Т. Тыкановой [8] именно такая «машина роста» сформировалась в Петербурге в

2000-е годы ввиду явного тактического компромисса интересов власти и крупного строительного бизнеса.

3. Прогрессивный режим «среднего класса» возникает на экономически развитых территориях, где общество начинает всерьёз противостоять издержкам, возникающим на ниве идей «роста». По мнению Стоуна, для такого режима является необходимым существование «активного среднего класса» (активного гражданского общества) с существенным количеством свободного времени [1]. Общей кооперационной повесткой для общества чаще всего становятся проблемы экологии, антимилитаристская проблематика, охрана культурного наследия. Обычно движущей силой режима являются госслужащие, фрилансеры, работники социальной сферы, чьё благосостояние непосредственно не связано с ростом. Как правило, такой режим возникает на противодействии общества стратегиям роста власти и бизнеса. По мнению Н.В. Зубаревич, «именно в городах начинают концентрироваться люди с более высокими доходами, высоким уровнем образования, более высоким человеческим и социальным капиталом» [9]. Отмечается, что обязательное наличие «среднего класса» означает эффективную стратегию участия общества. Власть с гораздо большим успехом отражает участие бедных слоёв населения против проектов городского строительства, реновации, экологических изменений. По нашему мнению, определённые черты именно такого режима складываются в Петербурге к середине 2010-х годов.

Обоснованная в литературе модель режима роста, то есть односторонней кооперации власти и бизнеса в Петербурге [8,10], как нам кажется, уже не в полной мере отвечает сложившимся реалиям, связанным с новым витком активности общества и проявившимся наиболее активно с массовым сопротивлением строительству «Охта-центра» в 2006-2010 годы. Данное событие, имевшее большой общественный резонанс далеко за пределами России, по нашему мнению, фактически стало началом демонтажа городского режима «машины роста» в Санкт-Петербурге, что демонстрируют исходы большинства городских конфликтов. Рост усиления гражданского участия связан с улучшением экономического благосостояния по итогам 2000-х годов, увеличением потребностей общества в комфортной городской среде. Экологический и экокультурный активизм также является одним из важнейших маркеров вовлечения среднего класса. Поэтому процесс замедления роста доходов населения в 2010-е годы позволил в значительной степени сформироваться определённым элементам классического «прогрессивного режима среднего класса», который позволяет обществу стать крупным и самостоятельным актором и иметь полноценные рычаги влияния на использование городского пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988 // Lawrence. 1989. 328 p.
2. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования. Россия и мир в XXI веке. М.: НИУ ВШЭ, 2008. С. 129-143.
4. Stoker G., Mossberger K. The Evolution of Urban Regime Theory: the Challenge of Conceptualization/ Urban Affairs Review, Vol. 36, № 6, 2001. P. 810-835.
5. Stoker G., Mossberger K. Urban Regime Theory in Comparative Perspective / Government and Policy, Vol. 12, 1994. P. 195-212.
6. Logan J.R., Molotch H.R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press, 1987.
7. Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. American Journal of Sociology. 1976. 82 (2). Pp. 309-332.
8. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «Машин роста» в борьбе за городское пространство//Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241-253.
9. Зубаревич Н.В. Страна городов: теория и практика российской урбанизации // Гл. в кн. «Стимулы, парадоксы, провалы: Город глазами экономистов»/ под ред. В. Аузана. М.: Strelka Press, 2015. С. 34.
10. Тыканова Е.В. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа)//Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 112-122.

Konstantin E. Aksenov¹, Kirill A. Galustov²

¹St Petersburg University, St Petersburg

²North-West Institute of management, St Petersburg

THE IMPACT OF SOCIALLY SIGNIFICANT URBAN ENVIRONMENT CHANGE PROJECTS ON THE TRANSFORMATION OF URBAN REGIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Clarence Stone's theory of urban regimes is the important theory describing relationships between different actors: authorities, business and society. The transformation of urban regimes is a universal trend for the entire Russian space, but there are specific features for Russia. In the paper, we consider the classification of urban regimes and analyze how it is connected to the real practices in the urban space of St. Petersburg.

Keywords: urban regimes, urban political regimes, use of the urban space, actors, transformation, Saint Petersburg.

ТИПОЛОГИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ МОНИТОРИНГА ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** В работе на основе обобщения отечественного опыта и сложившихся в мировой практике теоретических подходов к типологизации муниципальных образований приводится подход к типологии муниципальных образований для целей мониторинга их социально-экономического в России, основанного на слабо изменяющихся со временем (условно, объективных) характеристиках территорий.*

***Ключевые слова:** типология муниципальных образований, социально-экономический мониторинг, экономико-географическое положение.*

Любая типология характеризует территориальную контрастность и асимметрию социально-экономического развития. Дифференциация пространственных характеристик свойственна всем уровням административно-территориальной иерархии будь то страна, регион или муниципальное образование. Поэтому, к типологизации муниципальных образований теоретически могут быть приложены существующие наработки в области типологизации регионов или городов. Также как и для них, для муниципалитетов важны показатели людности, отраслевой структуры экономики и занятости, некоторых компонентов ЭГП и т.д. Также заметны и актуальны центр-периферийные различия.

Подобная совместимость приводит к соблазну формирования некой разноразмерной типологической «матрешки», которая унифицировала бы подходы и позволила создать удобный инструмент для полииерархического сопоставления административных единиц как в горизонтальной, так и в вертикальной проекции. Однако этот путь имеет и ряд ограничений (значительной правовой «пропасти», связанной со статусом территорий, слабой статистической базы на уровне муниципалитетов и т.д.), поэтому на сегодняшний день, кажется нам не реализуемым. В результате возникает запрос на формирование перечня оснований для типологии и связанных с ними показателей, характеризующих асимметрию на муниципальном уровне.

Несмотря на то, что многие муниципалитеты из регионов с разных концов страны гораздо более походят друг на друга, нежели на своих географических соседей, в чистом виде типологии муниципальных образований, используемые для всей страны в целом, встречаются редко [1; 2; 3; и др.].

Если, комплексных и охватывающих страну целиком типологий немного, то для отдельных частей страны (чаще для элементов расселения) их значительно больше. Основная часть российских исследований в этой области изначально посвящена отдельным, укрупненным типам территории, связанных общим генезисом и рассматривающийся авторами сообразно их научным интересам — *городам и агломерациям, сельской местности, приморским, приграничным или же северным территориям* [4; 5; 6; и др.]. Таким образом, широкое развитие получила микротипологизация, в рамках которой используются самые разные основания для деления.

В целом, по результатам обзора отечественных типологий можно выделить ряд оснований, которые могут быть использованы в построении комплексной типологии муниципальных образований. При этом мы исходим из необходимости использования минимально возможного числа наиболее устойчивых во времени параметров.

Все показатели можно свести в четыре группы: *демографические, экономические, статусно-расселенческие и географические* (см. табл. 1).

Таблица 1

Предлагаемые основания для типологии муниципальных образований

№	Категория	Показатель	Варианты деления
1	2	3	4
1	Демографическая	Максимально достигнутая численность населения ¹	малые (до 10 тыс. чел.), средние (10-50 тыс.), крупные (50-100 тыс.), сверхкрупные (свыше 100 тыс. чел.)
2	Экономическая	Специализация экономики	аграрные, ресурсные, индустриальные, транспортно-логистические, социальные, туристические, диверсифицированные
3	Статусно-расселенческая	Наличие городских центров	городской /смешанный/ сельский
		Административный статус	столичный / не столичный
		Положение в составе агломерации	ядро / пригород / вне агломерации
		Национальный статус	Моноэтнический / полиэтничный

¹ Нахождение в соответствующей группе не менее 10 лет, а современная людность муниципалитета составляет не менее 70% от значения нижней границы этой группы.

1	2	3	4
4	Географическая	Приморское положение	да/нет (по факту наличия береговой линии)
		Арктическое положение	да/нет (согласно перечню арктических территорий)
		Приграничное положение	да/нет (по факту наличия государственной границы)

Основным показателем, который характеризует демографические характеристики территории и используется практически во всех существующих типологиях, является *численность населения*. Именно людность становится точкой отсчета для характеристики территории, прямо или косвенно влияющим и на другие показатели.

Характеристикой экономического состояния муниципалитета может служить *специализация муниципалитета*. При этом в расчет может приниматься как структура ВМП, так и структура занятости.

Значимую роль для развития муниципалитета играет система его населенных пунктов. Прежде всего, важно *наличие городского центра* — как места концентрации ряда обслуживающих территорию функций.

Еще одним основанием, который в российских реалиях играет повышенную роль является *административный статус муниципалитета* [7]. Административная рента вкупе с людностью — зачастую выступает определяющим фактором успешного социально-экономического развития муниципалитета. Именно крупные города первыми входят в инновационные и трансформационные процессы, служат акцепторами нововведений извне и ретрансляторами их на подчинённую территорию.

В Российской традиции структура административно-территориального деления, за редкими исключениями, строится на принципах сосредоточения всех центральных функций в крупнейшем городе. Туда же традиционно стягиваются и экономические силы региона. Даже в тех немногих регионах, которые имеют, в противовес столице, другие крупные города (выступающие, как правило, промышленными центрами общестранового уровня), наблюдается процесс постепенного увеличения роли административных центров. Так, в 2016 году Кемерово «перерос» Новокузнецк, бывший до этого на протяжении всей истории существования Кемеровской области её крупнейшим городом. Аналогичным образом в ближайшие годы население Вологды превысит население Череповца. Уменьшается роль

крупных городов и в других субъектах федерации. Положительную динамику среди крупных не столичных центров сегодня испытывают только города в нефтегазодобывающих субъектах (Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой и т.д.), в составе столичных агломераций (Мытищи, Химки, Балашиха, Гатчина и т.д.), а также города-курорты (Сочи, Пятигорск, Кисловодск и т.д.).

Положение муниципалитета в составе или вне агломерации является еще одним важным основанием для типологии. Стоит отметить, что агломерационные структуры весьма изменчивы. Развитие пассажирского транспорта, позволяет повысить мобильность населения и соединить между собой ранее обособленные территориальные единицы. При этом нельзя не отметить, что процесс отнесения того или иного муниципалитета к агломерации сам по себе служит отдельно методологической задачей.

Некоторую специфику развития муниципалитета определяет также и его *этническая мозаичность*.

В целом, *экономико-географическое положение и природно-климатические характеристики территории* прямо или косвенно фигурирует во всех типологиях. Поэтому в зависимости от расположения, стоит отметить три типа муниципалитетов: *приморские, арктические и приграничные*.

После распада СССР Россия лишилась большинства своих экспортных портов на Чёрном и Балтийском морях. На этом фоне существенно возросла роль приморских муниципалитетов, прежде всего ближайших к основным рынкам сбыта Краснодарского края и Ленинградской области

Для муниципалитетов с неблагоприятными природно-климатическими условиями развитие транспортной инфраструктуры служит лимитирующим фактором для экономического роста. Для многих регионов Арктической зоны, Сибири и Дальнего Востока важным фактором служит нефте- и газо-экспортная инфраструктура. Там появляются новые экономические полюса (например, порт Сабетта) и новые экономические коридоры, трассируемые вдоль трубопроводов (например, вдоль газопровода «Сила Сибири»).

Приграничный статус большинства муниципалитетов сегодня сложно охарактеризовать как стимулирующий развитие. Геополитические трудности формируют высокую барьерность границ, а вместе с этим депрессивность обширных районов приграничья. Большинство приграничных муниципалитетов России (за исключением частей Северного Кавказа и Южной Сибири) испытывает серьёзную депопуляцию. Помимо этого, наблюдается «дрейф» экономики России от приграничных к внутренним муниципалите-

там регионов. Соответственно, можно говорить о недостаточно эффективном использовании ими своего положения. Тем не менее, в перспективе именно, расположенные в радиусе 2-3 часовой транспортной доступности от границы муниципальные образования станут экономическими «воротами» во внешний мир. И этот «естественный» геоэкономический потенциал также стоит учитывать при разработке комплексной типологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований / Ветров Г.Ю., Визгалов Д.В., Шанин А.А., Шевырова Н.И., М.: Фонд «Институт экономики города», 2002. 65 с.
2. Ворошилов, Н. В. К вопросу о типологизации муниципальных образований / Н. В. Ворошилов // Развитие территорий. — 2019. — № 3(17). — С. 28-34.
3. Ромашина А.А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 42-52.
4. Лимонов Л.Э., Несена М.В. Структурно-экономическая типология крупных российских городов // Известия РГО. 2015. Т. 147, вып. 6. С. 59-77.
5. Лажнецв В.Н. Социально-экономическая география и региональная политика: северный аспект // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 3(27). С. 103-110.
6. Дружинин А.Г., Лялина А.В. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Том 6 (16), вып. 2. С. 20-35.
7. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Российское экспертное обозрение. 2006. №2 (16). С. 19-22.

Roman A. Babkin

University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow

TYOLOGY OF MUNICIPALITIES FOR THE PURPOSES OF MONITORING THEIR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

***Annotation.** Based on the generalization of domestic experience and theoretical approaches to the typologization of municipalities that have developed in world practice, the paper presents an approach to the typology of municipalities for the purposes of monitoring their socio-economic in Russia, based on the weakly changing over time (conditionally objective) characteristics of territories.*

***Keywords:** typology of municipalities, socio-economic monitoring, economic and geographical location.*

ТИГРОНОМИКА КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОГРАММЫ «ЗЕЛЕНОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ПРИРОДЫ» В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

***Аннотация.** Предложена идея тигрономики — особого сегмента региональной экономики, ориентированной на практическое исполнение принципов «зеленого роста» в малонаселенных, богатых биологическими ресурсами и с высоким уровнем биоразнообразия территориях. Обозначены основные функциональные составляющие тигрономики, названы такие ее компоненты как промысловая охота, лесное хозяйство, туризм и природоохранная деятельность.*

***Ключевые слова:** Приморский край, тигр, охота, промысел, зеленая экономика, региональная экология.*

Человек влияет на природу, а природа воздействует на общество, предоставляя ему благоприятные или неблагоприятные условия для функционирования и развития, формируя прежде-неприемлемые стандарты взаимодействия с окружающей средой, пересматривая их с точки зрения влияния на качество жизни, удовлетворение жизнью, здоровье, ощущение счастья и т. п. Дикая природа, — это то место, когда человек, уставая от суеты городов, сможет освежиться, почувствовать обновление и вкус жизни, пребывая в восторге от результатов реальных мастеров самой большой игры — природы. Вынесенный в название данного сообщения неологизм «тигрономика», представляется как концептуальный термин, который может выделить, ограничить и показать редкую практику сосуществования крупных опасных хищников и населения в пределах конкретной российской территории — Приморского края.

В научных подходах, любая экономическая теория должна учитывать каким образом должен быть выстроен процесс производства и потребления товаров и услуг как расходования имеющегося в распоряжении общества ресурсов. «Тигрономику» следует рассматривать как новый концепт, сближающий научные экологические и экономические смыслы в более гармоничный сюжет коэволюции. Популярные трактовки экологии нередко обозначают данную дисциплину как изучающую взаимодействие человека и окружающей среды, что вполне очевидно, ведь с глубокой древности «дом — это «свое», безопасное пространство, где человек развивается как культурное существо, в отличие от чужого, внешнего пространства хаоса» [1]. Однако, для того, чтобы понять направление возможного сближения эколо-

гии и экономики следует начать с внимательного обращения к их общей этимологии.

Приставка-драйвер «эко» в определениях экологии и экономики одна и та же, и как хорошо известно, ассоциируется с древнегреческим «ойкос». Это слово обозначает — жилище, дом, кров, тем самым был получен прекрасный метафорический образ, в течении многих лет применяемый в очень широких смыслах. Если ж мы обратимся к смысловому значению «экономика», нам следует «пройти» от ее прикладного смысла учения о правилах ведения домашнего хозяйства (домоводство), что ввел в оборот древнегреческий философ Ксенофонт, живший в IV-III веках до н. э. В такой диспозиции вполне понятным становится известное анонимное утверждение о том, что экономика возникает, когда появляется дефицит, и находятся люди, умеющие из этого извлекать прибыль для себя. Конечно следует учесть, что, если в текущем обществе потребления, экономика в широком смысле слова транслируется как совокупность отношений, которые складываются между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ, ведь XX в. наглядно показал, что природа имеет пределы пользования ее ресурсами и услугами.

«Тигр» — это локомотив, тот основной драйвер, принадлежность к природе, которого неоспорима. Выполняя интерпретацию понятия следует заметить важность того, что в пользовательском смысле, в словосочетании «тигрономика» важен не только «тигр», но и срединный слог «НОМ». («Nom(os)). Это — обычай, порядок, традиция, правовая норма), термин базово утверждает специфику установления особого режима жизнедеятельности в пределах некой территории. «Номос» были независимыми городами-полисами Древней Греции, впрочем, сами греки заимствовали данный термин у древних египтян. Тысячелетиями Древний Египет состоял из локалитетов, в каждом из которых осуществлялась собственная политика, принимались целесообразные в их условиях законы, поддерживались традиции, установленные в соответствии с локальными религиозно-мифологическими верованиями. Если рассматривать территорию Приморского и юга Хабаровского края, где постоянно обитает тигр, вполне можно выделить ее как особый «тигриный регион».

Тигрономика, по мнению автора данного сообщения, представляет собой особый сегмент *региональной и пространственной экономик*; её можно считать особым направлением экономики природопользования и *сохранения биоразнообразия*. Она дает возможность гармонично дополнять основной в современном стратегическом планировании кластерный подход к дифференциации территории, нормализуя, легализуя и вводя в законный оборот реалистичное допущение о необходимости сохранения поляризо-

ванного экономического пространства. Но и в международном плане «Тигр(о)НОМ» — это не выдумка, а действующий с глубокой древности сосуществования тигра и людей, эту территорию можно очертить, рассматривая естественный мировой ареал тигра, который пока еще включает 12 стран.

Тигр не может жить как прежде без всякого контакта с человеком; регистрируются конфликты и проблемы, поэтому, что касается сохранения и регулирования взаимоотношений с крупными хищниками, невозможно обойтись без кооперации местных жителей и контролирующих состояние животного мира природоохранных структур. Приморский (или Уссурийский ранее) край — это единственная в мире территория, где тигр живет в серьезных зимних условиях, успешно выживает в глубокоснежье, местообитания хищника занимают более 80% всей территории Приморья. Но мы не можем легко найти искреннего интереса в сохранении тигра у представителей бизнеса, неслучайно в одном из образовательных блогов [2] верно подмечено, что «Происхождение экологии как интеллектуального движения глубоко антикапиталистично». Тигр — естественный конкурент человеку в «своих угодьях», и вероятно недалеко то время, когда будут приниматься законы о правах животных. В связи с этим главной составляющей здесь является *промысловый компонент*.

Так обозначается исчезнувший в постсоветский период сегмент экономической деятельности — промысловая охота. Это то занятие (включая с подготовкой дикорастущей продукцией и рыболовством), на чем исторически держалась жизнедеятельность на огромных пространствах Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Ранее было промысловое охотничье хозяйство с большими прибылями от реализации «мягкого золота» — пушнины — за валюту, от чего наше государство полностью отказалось в последнюю четверть века, оставив за собой лишь немногие функции контроля за охотничьими и лесными ресурсами. Мы уже потеряли в значительную часть людей, являвшихся профессиональными (и, как правило, потомственными) охотниками-промысловиками. Села сейчас заполняют мигранты, маргиналы... Китайцы-скупщики собирают за малые, но верные для народа деньги — пушнину, орех, лекарственное сырье. Но лейтмотив прежний: для того, чтобы прокормить и тигра, и человека, нужно рутинно обеспечивать высокую численность копытных в охотничьих угодьях и человека, и тигра.

Еще важна имиджевая составляющая: Российская Федерация, устами Президента РФ В.В. Путина и его доверенных людей, официально поддерживает многие специализированные мероприятия по сохранению тигра, но лишь в небольшой степени — его местообитаний. Особое значение имеет то, что в 2022 году, в очередной Год тигра по восточному календарю, во

время Всемирного экономического форума во Владивостоке состоится Второй Международный форум по сохранению популяции тигра на планете. К слову, первый «тигриный саммит» также прошел в России, в 2010 г, но в Санкт-Петербурге, той части европейской России, где возможно встречались еще предки тигры в доледниковую эпоху. Азиатские же страны рассматривают 2022 год как Год Тигра, и символика этого зверя широко используется ими в политике, экономике, культуре и обыденной жизни.

Природоохранный компонент — можно выделить как нацеленный на сохранение биоразнообразия и поддержания качества экосистемных услуг (средообразующие, социальные, культурные...), учитывающие тенденции глобального изменения климата и повышения риска экологических катастроф. Эти меры могут выполняться в рамках государственной поддержки сельского хозяйства и инноваций агропромышленных холдингов. Много способны сделать охотпользователи, при условии, что будут воспринимать тигра не как обузу и конкурента. И наконец, тигрономика, как ничто другое обеспечивающее контраст дикой природы и урбанизированных территорий, может привлечь внимание природно-ориентированному туризму, способным обеспечивать не только — «лечение дикой природой», но и сохранение хищника и его местообитаний в долгосрочной перспективе.

Экономическую составляющую имеют все программы биотехнии и дичеразведения, осуществления охотничьего туризма и трофейной охоты, некоторые разновидности особого сельско-охотничьего туризма, тигры и медведи обитают, не ограничиваясь своим пребыванием лишь в пределах, существующих ООПТ. Тигрономика — это сплав той нужной доли, что заключается в традиции, и еще то, что может быть добавлено из инноваций. О традиции, кратко было сказано, их главный смысл в том, что люди, которые традиционно живут рядом с тайгой — берегут ее как хозяева, они, возможно, не восхищаются природой так, как это делают другие, с экранов телевизоров, и в соцсетях, но постараются не допускать грязи и безобразий у себя на дворе. Социальный фактор представляется одним из важнейших в контексте осуществления тигрономики. *Нужные средства, и финансовый* компонент, как и институциональный, понимаемый как — региональная политика и управление территорией, и включающий значимость общины. Главное, что тигрономика может «поднять с колен» те локалитеты глубинки, рассматриваемые реципиент-обузой для любого регионального бюджета. Есть еще *культурный* аспект, это выявление традиционности, специфики аборигенной культуры, тех условий и принципов неистощительного, щадящего природопользования, в т.ч. восприимчивость к культуре и традициям коренных малочисленных народов и тех первопоселенцев (аборигенов), у которых еще остается ментальность пионеров уссурийской тайги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рымарович С. Н. Дом-ойкос, государство-полис и мир-космос: смысловая иерархия бытия в античной культуре // Вестник ТГУ. 2012. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-oykos-gosudarstvo-polis-i-mir-kosmos-smyslovaya-ierarhiya-bytiya-v-antichnoy-kulture> (дата обращения: 28.01.2022).
2. Хоаким Бук. Разница между экологией и экономикой <https://mises.in.ua/article/raznitsa-mezhdu-ekologiyei-i-ekonomikoi/>

Vladimir N. Bocharnikov

Pacific Geographical Institute Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok

TIGRONOMICS AS A BASIC ELEMENT OF THE IMPLEMENTATION OF THE «GREEN DEVELOPMENT FOR NATURE» PROGRAM IN PRIMORSKY KRAI

Annotation. *The idea of tigonomics is proposed — a special segment of the regional economy focused on the practical implementation of the principles of "green growth" in sparsely populated, rich in biological resources and with a high level of biodiversity territories. The main functional components of tigonomy are designated; its components such as commercial hunting, forestry, tourism and environmental protection are named.*

Keywords: *Primorsky Krai, tiger, hunting, fishing, green economy, regional ecology.*

УДК 332.14

Волкова И. Н.¹, Крылов П. М.²

¹ *Институт географии Российской академии наук, г. Москва*

² *Московский государственный областной университет, г. Мытищи*

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПРЕДГОРНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ КАК ЧАСТИ АГЛОМЕРАЦИИ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Аннотация. *Рассматривается территория Предгорного муниципального округа как часть региона Кавказских Минеральных Вод. Выделены характерные черты муниципального образования, значимые для территориального планирования. Предложены территории-аналоги (части городских агломераций) в пределах Ставропольского края и других регионов Северного Кавказа.*

Ключевые слова: *Предгорный муниципальный округ, территория-аналог, территориальное планирование, Кавказские Минеральные Воды.*

Введение. Законом Ставропольского края от 31 января 2020 года все муниципальные образования Предгорного муниципального района с 16

марта 2020 года были преобразованы путём их объединения в единое муниципальное образование Предгорный муниципальный округ (МО). Предгорный МО расположен в юго-западной части Ставропольского края. Площадь округа — 200 800 га. Округ входит в состав эколого-курортного региона Кавказские Минеральные Воды (далее — КМВ).

Структура экономики Предгорного МО СК во многом определяется исторической специализацией территории в области сельского хозяйства. На его долю приходится 65% валового производства. На промышленное производство приходится 18,7%, на торговлю — 7%, на прочие отрасли — 9,3%. Бюджет Предгорного МО сформирован в программно-целевом формате, который включает 10 муниципальных программ и 36 подпрограмм, а также не программные направления.

Отдельные муниципальные образования Ставропольского края, расположенные на территории региона КМВ, имеют следующую существенно различающуюся специализацию промышленного производства: 1) город-курорт Пятигорск — электроэнергетика, машиностроение, строительная индустрия, текстильная и пищевая промышленность; 2) Минераловодский городской округ — машиностроение (ремонт авиалайнеров), химическая, стекольная, пищевая, полиграфическая промышленность, промышленность строительных материалов; 3) город-курорт Кисловодск — мебельная, фарфорофаянсовая, пищевая (в том числе розлив минеральной воды), мукомольно-крупяная промышленность; 4) Георгиевский городской округ — машиностроение, строительная индустрия, кожевенная, винодельческая, плодоовощная и мукомольно-крупяная промышленность; 5) г. Лермонтов — электроэнергетика, машиностроение, производство мебели, минеральных удобрений и пластмассовых изделий для упаковывания товаров, торговля; 6) город-курорт Железноводск — пищевая промышленность (в том числе розлив минеральной воды); 7) город-курорт Ессентуки — пищевая промышленность (в том числе розлив минеральной воды); 8) Предгорный муниципальный округ — пищевая промышленность. Таким образом, Предгорный муниципальный округ своей промышленной специализацией близок к городу-курорту Ессентуки.

В связи с тем, что территория округа является частью планировочной структуры агломерации КМВ, здесь развиваются второстепенные планировочные элементы — подцентры расселения, оси расселения, подзоны расселения. На территории округа развивается часть транспортной, рекреационной, социально-экономической систем агломерации КМВ[1]. Опорный планировочный и расселенческий каркас территории округа органично вписаны в территориальную структуру региона КМВ, и тесно с ней связаны. Значительная часть сельских населенных пунктов МО развивается в

составе территориально сближенных поселений, формируя и развивая агломерацию Кавказских Минеральных Вод.

Пространственно-территориальное развитие муниципального округа планируется в рамках сложившейся линейно-радиальной структуры, в границах выделенных планировочных зон и их центров, вдоль развивающихся транспортных осей, как правило, на сопряженных с городами-курортами территориях и в направлениях от городов-курортов [2, 3].

Обоснование выбора территорий-аналогов для сравнения. Количественное измерение факторов регионального развития возможно, но существенно труднее, чем, например, измерение валового регионального продукта, занятости, подушевого дохода или других показателей «реальной» экономики [4]. В этой ситуации и оказывается очень востребован сравнительный институциональный анализ, который не всегда может обеспечить количественное измерение, однако позволяет дать качественную градацию сопоставляемых пар регионов-аналогов, сходных по количественным экономическим параметрам, но различающихся по характеру действующих в них экономических институтов и отдельных пространственно-планировочных характеристик. Традиция сопоставления различного устройства регионов-аналогов и объяснения уже состоявшихся или прогнозируемых различий в экономическом развитии институциональными факторами продолжается в современной научной литературе. Акцент при этом делается, в частности, на факторах культурного разнообразия как важнейших в современных условиях для эффективного развития и конкурентоспособности определенной территориальной системы на муниципальном и региональном уровнях. Опыт региональных исследований последних двух десятилетий показывает, что сравнительный институциональный анализ позволяет достаточно точно определить, в какой местной экономике какая по типу коммуникация доминирует [4]. Во многих случаях такой сравнительный анализ используется для сопоставления статичных состояний объектов-аналогов. В других случаях его применяют для объяснения расходящихся траекторий экономического развития первоначальных регионов-аналогов, или для объяснения причин смены регионов-экономических лидеров [4]. Чем выше территориальный уровень объектов-аналогов, для которых применяется сравнительный анализ, тем больший должен быть временной интервал для корректного сопоставления различий в результатах их экономического развития [4].

В России в практике градостроительства, территориального планирования, региональной экономики и социально-экономической географии не существует единой методики выбора регионов-аналогов. Разнообразие видов и форм территориальных единиц предполагает использование множе-

ства вариантов сравнения. Предгорный МО является уникальной территорией, находящейся в пределах сформировавшейся городской агломерации КМВ и одновременно характеризующейся высокой плотностью сельского населения при наличии множества сельских населенных пунктов с большим числом жителей, то есть имеющей крупноселенное сельское расселение. С позиций типа и формы расселения Предгорному МО соответствуют многие сельские районы равнинных и предгорных частей Краснодарского и Ставропольского краёв, Ростовской области, а также республик в составе Южного и Северо-Кавказского федерального округов. С точки зрения функций территории и внешних связей, включая наличие активной маятниковой миграции приагломерационной территории, Предгорный МО может быть назван аналогом с Волжским и Ставропольским районами Самарской области, находящимися в пределах полицентрической Самарско-Тольяттинской городской агломерации, с Ленинским районом Тульской области, расположенным вокруг города Тулы в пределах полицентрической Тульско-Новомосковской городской агломерации, с Новокузнецким муниципальным районом Кемеровской области, находящимся в центральной части полицентрической городской агломерации Кузбасса. Таким образом, выбрать один или несколько обоснованных с разных точек зрения регионов-аналогов для сравнения с Предгорным муниципальным округом не представляется возможным. Поэтому в качестве компромисса нами были выбраны в качестве регионов-аналогов три муниципальных округа Ставропольского края и три муниципальных района Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Обоснование выбора показателей для сравнения. В практике градостроительства, территориального планирования, региональной экономики и общественной географии нет широко признанного набора показателей, которые используются для сравнения регионов-аналогов. Это объясняется не только различиями в подходах для проведения сравнительного анализа, но также разным территориальным иерархическим уровнем регионов, наличием сравнения в исторической ретроспективе, качеством и достоверностью статистических и иных (качественных и количественных) данных, которые могли бы быть использованы для подобных целей. Наиболее значимыми показателя в целом можно считать: численность населения, площадь территории муниципального образования (и как следствие двух упомянутых показателей — плотность населения); также выделяют: экономико-географическое положение территории, особенности и формы размещения населённых пунктов и др. Сравнение территорий представлено ниже в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**Сравнение округа с аналогичными муниципальными образованиями
Ставропольского края**

<i>Муниципальный округ</i>	<i>Число жителей, тыс. чел.</i>	<i>Площадь территории, тыс. км²</i>	<i>Плотность населения, чел./км²</i>	<i>Особенности географического положения</i>
<i>Предгорный</i>	109,3	2047	53,4	В пределах агломерации КМВ
Минераловодский	135,8	1443	94,1	
Георгиевский	163,0	1920	84,9	
Шпаковский	148,3	2363	62,7	В Ставропольской агломерации

Таблица 2

**Сравнение округа с аналогичными муниципальными образованиями
Северо-Кавказского и Южного федеральных округов**

<i>Муниципальное образование</i>	<i>Число жителей, тыс. чел.</i>	<i>Площадь территории, тыс. км²</i>	<i>Плотность населения, чел./км²</i>	<i>Особенности географического положения</i>
<i>Предгорный муниципальный округ (Ставропольский край)</i>	109,3	2047	53,4	<i>расположен в агломерации КМВ</i>
Карабудахкентский муниципальный район (Республика Дагестан)	86,4	1427	60,6	расположен в Махачкалинской агломерации
Аксайский муниципальный район (Ростовская область)	122,3	1162	105,3	расположен в Ростовской агломерации
Симферопольский муниципальный район (Республика Крым)	165,3	1753	94,3	расположен в Симферопольской агломерации

Таким образом, в пределах Ставропольского края Предгорный МО по сочетанию сравниваемых показателей может считаться аналогом других трёх муниципальных округов (Шпаковского, Минераловодского и Георгиевского).

В пределах муниципальных образований Южного и Северо-Кавказского федеральных округов Предгорный муниципальный округ по сочетанию сравниваемых показателей может считаться аналогом других трёх муниципальных образований (Карабудахкентского, Аксайского и Симферопольского муниципальных районов).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крылов П.М. Пространственное планирование транспортной системы Ставропольского края // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2018. № 2. С. 71-79.
2. Корсунова Н.Н. Общая характеристика и анализа социально-экономического развития Предгорного района // В сборнике: Инновационные научные исследования: теория, методология, практика. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции [Электронный ресурс] / под общ. ред. А.И. Вострецова. 2016. С. 39-42.
3. Генеральный план городского округа города-курорта Кисловодска. Том 1. Положения о территориальном планировании городского округа города-курорта Кисловодска. М.: Гипрогор, 2011, 108 с.
4. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Сравнительный институциональный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития // Региональные исследования. 2012. № 1(35). С. 34-66.

Irina N. Volkova¹, Peter M. Krylov²

¹ *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow*

² *Moscow State Regional University, Mytishchi*

PROBLEMS OF TERRITORIAL PLANNING OF THE FOOTHILL MUNICIPAL DISTRICT OF STAVROPOL KRAI AS PART OF THE AGGLOMERATION OF CAUCASIAN MINERAL WATERS

***Annotation.** The territory of the Foothill Municipal District is considered as part of the Caucasian Mineral Waters region. The characteristic features of the municipality that are significant for territorial planning are highlighted. Analogous territories (parts of urban agglomerations) within the Stavropol Territory and other regions of the North Caucasus are proposed.*

***Keywords:** Foothill municipal District, analog territory, territorial planning, Caucasian Mineral Waters.*

УДК 332.1+338.4

Демидова К. В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

***Аннотация.** Выделены муниципалитеты, концентрирующие наибольший объём инвестиций в среднем за 2010-2015 годы, и муниципалитеты, экономика которых потенциально способна к восприятию эффектов от них. Показано, что*

инвестиционные проекты, реализуемые в Красноярском крае, не способствуют дополнительному развитию промышленного комплекса региона и оказывают влияние только на сферу транспорта, строительства и, частично, торговли. Максимум эффектов при этом концентрируется только в региональном центре.

Ключевые слова: инвестиционные проекты, экономические эффекты, Красноярский край.

В современной России проектный подход является одним из частых методов обеспечения экономического развития регионов. Однако для того, чтобы экономика той или иной территории смогла получить синергетический эффект от реализации проекта, она должна быть достаточно для этого подготовленной. В связи с этим, зачастую социально-экономические эффекты могут быть либо ограниченными, либо распространяться только на определённые территории, чаще всего — города с развитым промышленным, строительным комплексом, сферой торговли. Как отмечали О. Грицай, И. Иоффе и А. Трейвиш, без развитых центров периферия не может полноценно воспринять эффекты от экономического развития, «поэтому региональная политика обязана действовать через соответствующие центры, а не минуя их» [1].

Цель исследования — определить, повлияла ли реализация крупных инвестиционных проектов на экономическое развитие муниципалитетов Красноярского края и где концентрируется основная часть эффектов внутри региона.

Наиболее близкой к тематике данного исследования является теория полюсов роста, активно развивающаяся в XX в., и в классическом виде получившая развитие в работах Г. Мюрдаля, Ф. Перру, Ж. Р. Будвиля, П. Потье, Х. Лаусена, а также модель «центр-периферия» Дж. Фридмана. В отечественной географической науке центр-периферийная теория получает развитие в трудах О. Грицай, И. Иоффе, А. Трейвиша [1]. Исследование А. Дружинина и Е. Виденской посвящено анализу появления и особенностям развития полюсов роста на Юге России [2], а М. Бандман рассматривает полюса роста в границах Ангаро-Енисейского региона [3]. Внутрирегиональные изменения в связи с реализацией инвестиционных проектов рассматривают И. А. Дец для Байкальского региона [4], М. Д. Горячко и В. Л. Бабурин на примере олимпиады 2014 г. в Сочи [5].

Муниципалитеты реализации крупных инвестпроектов выделялись на основе среднего за 2010-15 гг. объёма на душу населения инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории муниципального образования. Среди них выделяются районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, где начали или продолжили реализовываться проекты в сфере добычи полезных ископаемых (Туруханский,

Таймырский Долгано-Ненецкий, Эвенкийский, Северо-Енисейский районы, г. Норильск), районы Нижнего Приангарья (Кежемский, Богучанский, Мотыгинский), несколько центров угледобычи, энергетики, нефтепереработки, а также муниципалитеты, относимые к Красноярской агломерации.

В качестве индикатора для выделения муниципальных образований, которые потенциально могут получить эффект от реализации проекта, выбрано количество организаций «производственного» ОКВЭД (включены ВЭД промышленной сферы, транспортировки и хранения, строительства, исключено сельское хозяйство). Так, выделена Красноярская агломерация и крупные города региона, а также районы и города с транспортной и промышленной специализацией.

В данных муниципальных образованиях рассматривалась динамика объёма отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, проданных товаров несобственного производства (без субъектов МСП) в сопоставимых ценах 2020 г. за 2014-2020 гг. (с временным лагом по сравнению с периодом рассмотрения инвестиций) как индикаторов прямых эффектов. Для проверки связи экономической динамики с реализацией проектов на основе базы данных «СПАРК» и сайтов организаций анализировались динамика выручки предприятий по ВЭД «Обрабатывающие производства», «Транспортировка и хранение» и «Строительство» и их участие в тендерах (согласно 223-ФЗ) или поставках, связанных с указанными проектами.

В результате получено, что если исключить из рассмотрения предприятия, построенные в рамках проектов, их появление не способствовало дополнительному развитию промышленного комплекса и росту выручки предприятий этой сферы на территории районов реализации проектов. В некоторых случаях (Туруханский район) может получить дополнительное развитие транспортная сфера для обеспечения удобства логистики при освоении нефтегазовых месторождений. Однако свыше 90% заказов (на примере АО «Ванкорнефть», ООО «РН-Ванкор» и АО «БоАЗ») концентрируется только в г. Красноярск.

Причина заключается в том, что основная доля эффектов пришлась на строительные и транспортные компании, наиболее крупные из которых зарегистрированы в региональном центре (так, например, выручка предприятий с ВЭД «Транспортировка и хранение» в Красноярске выросла более остальных ВЭД). Влияние на промышленный комплекс минимально, поскольку наиболее вероятно он не способен производить конкурентоспособную продукцию необходимого для крупных компаний качества, в результате чего закупки осуществляются в других регионах России или за рубежом и местные силы используются только для доставки необходимых грузов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. Наука, 1991. 168 с.
2. Дружинин А. Г., Виденская Е. Г. Детерминанты и особенности развития крупнейших городов как «полосов роста» территориально-хозяйственной системы Юга России в контексте глобализации //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 3. С. 40-57.
3. Бандман М. К. Ангаро-Енисейский регион и Северный морской путь // Марк Константинович Бандман. Избранные труды и продолжение начатого. 2014. С. 345-358.
4. Дец И. А. Проектный подход в территориальном развитии: Байкальский регион. — Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2018. 139 с.
5. Бабурин В. Л., Горячко М. Д. Трансформация и модернизация городской экономики под влиянием крупного инвестиционного проекта (на примере проекта «Сочи-2014») //Вопросы географии. 2016. № 141. С. 433-452.

Ksenia V. Demidova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

INTRAREGIONAL DISTRIBUTION OF THE LARGE INVESTMENT PROJECTS' EFFECTS IN THE KRASNOYARSK REGION

***Annotation.** The municipalities concentrating the largest investments on average for 2010-2015, and municipalities with economy that is potentially capable of perceiving the effects of investments are identified. It is shown that investment projects implemented in the Krasnoyarsk region do not lead to additional development of the industrial complex of the region and have an impact only on the sphere of transport, construction and trade. The maximum effects are concentrated in the regional center.*

***Keywords:** investment projects, economic effects, Krasnoyarsk region.*

УДК 332.14

Жук С. И.

Набережночелнинский филиал Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева, г. Набережные Челны

МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

***Аннотация.** В статье изучается роль экономической географии в процессе формирования современной экономической политики государства. Отмечается, что в условиях плановой экономики СССР наблюдалась востребованность в специалистах, работающих в области территориального развития хозяйственной системы. В результате рыночных преобразований значение экономической географии в проводимой экономической политики существенно снизилось. Те программы, ко-*

торые принимаются с целью развития тех или иных территорий страны, формируются без учета мнения географов-обществоведов.

Ключевые слова: *экономическая география, экономическая политика, территориальное развитие, экономический район.*

Среди общественных наук, предметом изучения которых выступает экономическая система, особое место занимает экономическая география. Экономическая география даёт научное обоснование хозяйственной политики в области размещения производительных сил и территориальной организации народного хозяйства [1, С. 8]. Это особенно важно применительно к нашей стране, обладающей самой большой в мире территорией.

В условиях плановой экономики СССР изучение вопросов, связанных с размещением производительных сил, территориальным разделением труда, было в центре внимания экономических и политических руководителей страны. Как следствие — появление теории экономического районирования. Ее положения использовались в ходе реализации программ по экономическому освоению новых территорий или развитию действующих, так как «экономическое районирование в условиях социализма ставит не только познавательную, но и, в первую очередь, преобразовательную задачу, так как оно является одним из рычагов ускоренного развития производительных сил и повышения экономической эффективности производства» [2].

В результате осуществления рыночных реформ, предполагавших формирование иного хозяйственного механизма, интерес к экономическому районированию и, вообще, к экономической географии, среди руководителей государства существенно снизился. Объяснение этому простое. Через механизм конкуренции (как казалось) рынок способствует эффективному и рациональному перераспределению ресурсов на производство необходимых обществу благ [3, С. 71]. Если это так, то осуществлять научные исследования, связанные с территориальной организацией хозяйственной жизни с целью ее целенаправленного изменения, представлялось излишним. Поэтому при формировании и реализации экономической политики в последние тридцать лет мнение географов-обществоведов не учитывалось, а их научные изыскания имели целевую аудиторию внутри самого научного сообщества.

Однако история становления рыночной экономики в нашей стране показывает, что рынок мало эффективен «...в вопросах перспективного развития экономики, так как практически не обеспечивает конкуренцию инвестиций на наиболее целесообразных и долгосрочных направлениях научно-технического прогресса и фундаментальных исследований» [4, С. 34]. В полной мере это относится и к территориальному развитию нашей страны. Основная масса всех инвестиций приходится на Москву, Санкт-

Петербург с прилегающими областями и наши северные нефтегазодобывающие регионы. Остальные субъекты могут рассчитывать только на собственные силы или на средства госпрограмм, которые существенно изменить ситуацию не могут. Отсюда колоссальная разница в социально-экономическом развитии регионов и отрицательная миграционная динамика рабочей силы в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации.

Для исправления негативных тенденций в территориальном развитии страны были приняты определенные меры. В частности, разработаны и реализуются программы, нацеленные на социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа, Северо-Кавказского федерального округа, регионов Арктической зоны и др. [5]. И как основа государственной политики в области развития регионов и территориального развития страны в целом, в 2019 году была разработана «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [6]. В целях реализации данной стратегии разработан соответствующий план.

Что касается программ развития ряда территорий страны, то они скорее носят декларативный характер, чем полноценную программу действий. Меры по развитию территорий не являются комплексными с точки зрения формирования или восстановления экономического района как системы взаимосвязанных регионов и производств. Так «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» [7] в основном направлена на поддержку частных предпринимателей, которые имея целью скорейшее получение прибыли в своей деятельности будут мало ориентироваться на указания властей. Собственно же хозяйственная активность самого государства не предполагает формирование экономического пространства как системы, как экономического района.

«Стратегия пространственного развития...» разработана как целеполагающий документ, но, при этом, в ней отсутствуют конкретные цифровые значения, которых следует достигнуть. Присутствующий перечень перспективных экономических специализаций регионов представляет собой повторение существующей региональной отраслевой структуры. Т.е. в стратегии не предполагается создание производств, принадлежащих отраслям, не получившим до настоящего времени развития в данном регионе. В целом этот документ, ориентированный на стратегическое планирование, носит формальный характер и не может быть положен в основу полноценной экономической политики, предполагающей территориальное развитие страны на основе экономического районирования.

Отсутствие полноценной экономической политики в области территориального развития страны, предполагающей серьезный научный анализ существующей ситуации и оценку перспектив развития, обуславливает низкую востребованность специалистов в области экономической географии. Как следствие, сама экономическая география не является приоритетной наукой для экономического руководства страны, ориентированного на использование финансовых инструментов в решении всех экономических задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Экономическая география России: учебник. / под общ. ред. акад. В.И. Видяпина, д-ра экон. наук, проф. М.В. Степанова. М.: 2007. 568 с.

2. Бакина Е.О. Экономическое районирование советского периода: взгляд географа / Е.О. Бакина, И.А. Семина // Научное обозрение: электр. журнал. 2020. №3. URL: <https://srjournal.ru/wp-content/uploads/2020/08/ID258.pdf> (дата обращения: 29.01.22).

3. Мацневский Н.С. Современная система рыночного хозяйства: преимущества и недостатки // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов 2013. № 6. С. 71-76.

4. Ладных В.К. Рыночная экономика должна быть плановой // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1997. № 4. С. 33-36.

5. Сбалансированное региональное развитие [Электронный ресурс] // Портал госпрограмм РФ — URL: <https://programs.gov.ru/Portal/home> (дата обращения: 30.01.22).

6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf (дата обращения: 30.01.22).

7. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года [Электронный ресурс] // Документы правительства РФ — URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 30.01.22).

Zhuk S.I.

Naberezhnye Chelny Branch of Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev, Naberezhnye Chelny

THE PLACE OF ECONOMIC GEOGRAPHY IN MODERN ECONOMIC POLICY

***Annotation.** The article examines the role of economic geography in the process of forming the modern economic policy of the state. It is noted that in the conditions of the planned economy of the USSR, there was a demand for specialists working in the field of territorial development of the economic system. As a result of market transformations, the importance of economic geography in the economic policy has significantly decreased.*

Those programs that are adopted with the aim of developing certain territories of the country are formed without taking into account the opinion of geographers-social scientists.

Keywords: *economic geography, economic policy, territorial development, economic area.*

УДК 911.3

Заборцева Т.И.

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

НАУЧНО-ПОИСКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ГЕОГРАФИИ им. В.Б.СОЧАВЫ СО РАН)

Аннотация. *Представлен обзор практикоориентированных работ, выполненных в рыночный период экономики в Институте географии им. В.Б.Сочавы СО РАН (г. Иркутск). Рассмотрены три основных направления взаимного сотрудничества (на примере лаборатории общественной географии института: с государственно-муниципальными структурами, нефтегазодобывающими компаниями, топливно-энергетическим сектором), детальнее — первое. Подчеркивается заинтересованность в выполнении прикладных работ географическим научным сообществом.*

Ключевые слова: *прикладная география, практикоориентированные работы, сибирский макрорегион, оценка воздействия на окружающую среду, сотрудничество, географические методы.*

Введение. Институт географии в Сибирском отделении РАН организован как отклик на социальный заказ планового периода страны — нацеленность науки на решение задач развития народного хозяйства сибирского макрорегиона (ныне Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН — ИГ СО РАН, в 2022 г. исполняется 65 лет). Структура института, его главные научные направления формировались В.Б. Сочавой на базе фундаментального посыла: «Предмет современной географии — изучение географической среды и разработка научных основ ее комплексного использования» [1, с.5]. Практическая потребность в прикладных географических исследованиях осознавалась многими, но первым выделил прикладную географию как особое направление в рамках системы географических наук Виктор Борисович Сочава. Главные позиции определены как проектирование мероприятий, их практическое осуществление [2]. В настоящее время большую часть работ, выполняемых географами на договорных условиях с предприятиями и организациями различных форм собственности, а также государственно-муниципальными органами власти можно отнести к науч-

но-поисковым работам [3], что, возможно и небесспорно. По сути же, это внебюджетная доходная статья финансового обеспечения академических институтов.

Основные результаты. Решение конкретных и разнообразных практических задач всегда сочетались с фундаментальными исследованиями в ИГ СО РАН [4]. Отдельные направления таких практикоориентированных работ продемонстрируем на примере лаборатории экономической и социальной географии института. Во-первых, важнейшими являются выполненные в разные годы концептуально-программные документы территориального развития. Прежде всего, разработаны Схемы развития производительных сил Иркутской области (2003, 2010 гг., руководитель от ИГ СО РАН Сысоева Н.М.) [5, 6]. Далее выполнены «Концепция обеспечения экологического благополучия г.Иркутска до 2010 г.», которую заменила с учетом изменившихся институциональных условий «Концепция обеспечения экологического благополучия г.Иркутска до 2020 г.». При разработке указанных концепций применили наработанный географический инструментарий авторского коллектива. На первом этапе детально проанализировали тематические карты г.Иркутска и его пригородов по состоянию основных сред (с обновлением ведомственной информации, полученной на основании запросов). На следующем этапе путем синтеза отраслевых карт получили интегральную карту, характеризующую дифференциацию территории г.Иркутска и пригородной зоны по качеству среды (автор В.П. Мосунов). Используемые методические приемы преобразования исходной информации на основе применения пакета прикладных программ Autocad, Surfer, Foxpro и электронной карты города (М 1:10 000) позволили итоговой карте быть понятной и доступной не только специалистам, но и рядовому пользователю. Считаю, одно из самых действенных предложений авторского коллектива и последующее «внедрение в практику» состояло в использовании механизма функционального зонирования городской территории (с последующим «выносом» предприятий-детериорантов из селитебной и рекреационных зон города, на протяжении 2005–2017 гг. насчитывалось до 20 таких объектов). На основании указанных концепций были разработаны Экологические программы г.Иркутска на соответствующие разработанным концепциям временные периоды, а позднее подготовлена и издана монография по вопросам экологической безопасности города [7].

Следует отметить, что наработанный опыт авторского коллектива стал востребованным и при подготовке Генерального плана г.Иркутска до 2020 г. (раздел «Оценка воздействия на окружающую среду и мероприятия по охране окружающей среды»), а также при разработке Программы комплексного социально-экономического развития г.Иркутска (2008–2020 гг.,

раздел по экологической безопасности города). Такое тесное сотрудничество с городским правительством позволило «включиться» автору в международную программу по направлению исследования «низкоуглеродные города» (Low Carbon Cities) в рамках Подпрограммы сотрудничества в области охраны окружающей среды в Северо-Восточной Азии (North East Asian Subregional Programme for Environment Cooperation — NEASPEC) с 2019 г. (совместно с г.Улан-Удэ, в 2021 г. включены Чита и Якутск).

Во-вторых, географическая широта видения современных экологических проблем позволила коллективу ИГ СО РАН продуктивно сотрудничать с предприятиями и организациями нефтегазохимического сектора страны в формате «Оценка воздействия на окружающую среду» (ОВОС при подготовке и бурении скважин на территории крупных месторождений углеводородных ресурсов, сооружении объектов по транспортировке углеводородного сырья). Одна из крупных работ выполнена для линейного объекта — газопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), а также разработки многочисленный ОВОС для «Русиа-Петролиум» при освоении Ковыктинского газоконденсатного месторождения, Иркутской нефтяной компании (ИНК) при оценке и последующему вводу в эксплуатацию нефтегазоносных площадей на севере и северо-востоке Иркутской области и других (конец XX — первое десятилетие XXI вв.).

В-третьих, неоднократно выполнялись предпроектные работы для крупных компаний топливно-энергетического сектора. В частности, для ПАО «РусГидро» при актуализации проекта строительства Богучанской ГЭС (Красноярский край, Кежемский район), экспортно-ориентированного АО «Тугнуйского угольного разреза» (Республика Бурятия, Забайкальский край) и др. (авторские разделы «Обращение с отходами производства и потребления»).

В тематических картах атласов, подготовленных и изданных ИГ СО РАН, также нашли отражение наработанный опыт и полученные знания при выполнении многочисленных научно-поисковых исследований [8-10].

Вместо заключения. Практикоориентированные исследования для географов-исследователей позволяют получить качественную информационную базу, «из первых рук» понять суть происходящих институционально-производственных преобразований, через публикации и выступления ввести в научный оборот новые конкретные знания (сотрудниками ИГ СО РАН защищено более двух десятков квалификационных работ, благодаря взаимовыгодному сотрудничеству с производственными предприятиями и организациями, властными структурами). В свою очередь, последние получают качественно выполненную работу (как правило, финансово необре-

менительную) по сопровождению дальнейшей производственной и управленческой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сочава В.Б. Современная география и ее задачи в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирский геогр. сборник. — 1962. — № 1. — С. 5-18.
2. VIII научн. совещание по прикладной географии: Тезисы научного совещания (Иркутск, 12-13 апр. 2005 г.). — Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2005. — 230 с.
3. Конева И.В. Организация географического знания: методологические ориентиры. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2011. — 143 с.
4. Географические исследования в Сибири: Т 5. Общественная география. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2007. — 374 с.
5. Схема развития и размещения производительных сил Иркутской области до 2005 г. — Иркутск, 2003. — 155 с.
6. Схема развития и размещения производительных сил Иркутской области до 2010 г. — Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2008. — 118 с.
7. Экологическая безопасность города Иркутска: географические аспекты. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2013. — 130 с.
8. Zabortseva T.I. Scientific and retrieval economic and geographical research in market conditions: regional experience // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. — 2019 — Vol. 381— Pp. 012101.
9. Атлас Байкальский регион: общество и природа. — Москва: Паулсен, 2021. — 320 с.
10. Экологический атлас Байкальского региона /Редкол.: В.М. Плюснин (пред.), А.Р. Батуев и др. — Иркутск: ИГ СО РАН, ИДСТУ СО РАН. — 2017. — [Электронный ресурс геопортала]. — Режим доступа: <http://atlas.isc.irk.ru>

Tatyana I. Zabortceva

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

SCIENTIFIC RESEARCH: TRADITIONS AND CURRENT STATE (ON THE EXAMPLE OF THE V.B.SOCHAVA INSTITUTE OF GEOGRAPHY SB RAS)

Annotation. *A review of practice-oriented works carried out in the market period of the economy at the Institute of Geography named after A.I. V.B. Sochava SB RAS (Irkutsk). Three main areas of mutual cooperation are considered (on the example of the laboratory of public geography of the institute: with state-municipal structures, oil and gas companies, the fuel and energy sector), the first one is more detailed. The interest in the implementation of applied work by the geographical scientific community is emphasized.*

Keywords: *applied geography, practice-oriented works, Siberian macroregion, environmental impact assessment, cooperation, geographical methods.*

ЧЕТЫРЕ ПРИНЦИПА ЛАНДШАФТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация.** Правильное ландшафтное планирование особо охраняемой природной территории — залог ее нормального функционирования, учитывая, что свыше 90% охраняемых территорий страны (к ним относятся региональные ООПТ) не имеют реального субъекта охраны. Предлагается четыре принципа ландшафтного планирования ООПТ: барьерный, историко-культурный, позиционный (эффект Родомана) и комплексный. Для иллюстрации действия принципов привлекается опыт работ в Тюменском регионе.*

***Ключевые слова:** ландшафтное планирование, особо охраняемая природная территория, принципы ландшафтного планирования ООПТ, культурный ландшафт, Тюменский регион.*

Региональные охраняемые территории представляют собой важную составляющую всей системы природного и культурного наследия страны. Их функционирование регулируется федеральными и соответствующими региональными законами[6]. Региональные ООПТ — самые многочисленные, как следствие, самые распространенные, но и самые уязвимые ООПТ в отношении любого антропогенного воздействия. При этом в качестве сетевой структуры они обладают значительными ресурсами регионального развития [2].

Региональные ООПТ не являются природоохранными учреждениями. Это означает, что управление данными территориями осуществляется региональными департаментами экологии, которые в зависимости от размеров Субъектов Федерации удалены от объектов управления на десятки и сотни километров.

При *отсутствии субъекта управления* важную роль в охране, точнее в самосохранении, региональных охраняемых территорий играет *грамотное географическое размещение ООПТ*. Об этой проблеме применительно к заповедникам писал В.Л. Каганский: «... реальное существование заповедников, то есть ограждение их ландшафта от человеческой деятельности в нашей стране в существующем большинстве случаев определяется их географическим положением и транспортной недоступностью, нежели мерами самих заповедников по поддержанию соответствующего режима» [1].

Можно выделить четыре принципа ландшафтного проектирования ООПТ:

- *барьерный принцип*: задействовать природные и институциональные барьеры.

- *историко-культурный принцип*: учитывать экологический опыт региональных сообществ.

- *позиционный принцип*: не забывать эффект Родомана.

- *комплексный принцип*: комплексировать охрану природы с охраной культуры.

Данные принципы ландшафтного проектирования можно интерпретировать как правила самосохранения российских ООПТ.

1. Барьерный принцип. *Чтобы природа могла «защищать себя сама», необходимо задействовать природные и техногенные барьеры.*

Еще задолго до появления профессионального ландшафтного планирования в разных концах Земли значимые для общества сакральные природные объекты (природные святыни) размещались в труднодоступных местах. Ныне данный принцип реализуется в необходимости учета *природных барьеров*, препятствующих свободному доступу к охраняемым территориям таких, как реки, болота, островные и обводненные территории, возвышенные участки рельефа, крутые склоны, неудобья и т.п. Данному правилу отвечают островные, горные и другие высоко расположенные ООПТ.

Примечательно, что этот принцип работает не только на удаленных от городов территориях, но и в крупных городах, где большая часть ООПТ создается именно в пределах неудобий — на крутых склонах, в оврагах, обводненных поймах рек, на заболоченных территориях. К примеру, ООПТ «Воробьевы горы» организована на крутых оползневых склонах долины реки Москвы, а ООПТ «Долина Сетуни» — на обводненной пойме реки Сетунь.

Ныне к природным барьерам добавились институциональные ограничения, также препятствующие доступу к охраняемым территориям: пограничная зона, огороженные участки общественной и частной собственности, закрытые территории и т. п. В наибольшей степени они стали проявляться в капиталистической России, где важным элементом ландшафта стали *заборы*, которые становятся все более мощными и высокими. Развивая идею Б.Б. Родомана об экологическом потенциале административных границ[5], можно говорить об *экологическом потенциале огороженных территорий*.

2. Историко-культурный принцип ориентирует на учет *национального экологического опыта и опыта региональных сообществ.*

Узкий экологический подход к охране природы предпочитает не замечать тысячелетний отечественный опыт охраны природы. Но в каждом регионе найдутся примеры создания ООПТ на основе исторических форм заповедования земель, к которым в России относятся: природные святыни,

включая общественные заказники и заповедные леса, государственные и частные заказные охотничьи угодья, леса засечных черт, корабельные рощи. Так, заповедник «Малая Сосьва» создан на месте священного места хантов на Малой Сосьве, а Кенозерский НП организован на основе системы святых рощ. Во времена царя Алексея Михайловича вокруг Москвы формируется целая сеть заповедных территорий (Сокольники, Измайлово, Останкино, Кунцево), которые ныне являются крупными московскими ООПТ или музеями-заповедниками. Первые советские заповедники (Крымский и Кавказский) организованы на основе царских охотничьих угодий — так называемых кубанской и крымской царской охоты. Часть бывших корабельных и засечных лесов уцелела и стала современными заповедниками или национальными парками, например, Мордовский заповедник, «Тулские засеки», «Калужские засеки» и НП «Угра» [3].

Данный принцип учитывает историческую преемственность заповедного режима природопользования во многих ООПТ и, тем самым, обеспечивает *устойчивость запретов на ведение хозяйственной деятельности и, как следствие, длительность существования заповедных культурных ландшафтов.*

Учет регионального экологического опыта придает ООПТ значимое историко-культурное измерение, свидетельствующее о том, что экологические традиции российского общества имеют глубинную историю. Оно задает самой ООПТ важный ландшафтный региональный или городской контекст, который не всегда учитывается в процессе ее функционирования.

3. *Позиционный принцип:* *чтобы природа могла «охранять себя сама», нужно не забывать эффект Родомана.*

Еще в 1960-е годы Б.Б. Родоман в процессе полевых наблюдений обнаружил зоны экономического вакуума, расположенные по границам административных единиц, где обрываются дороги, исчезают деревни, возрождается дикая природа, и включил эти пограничные зоны в концепцию поляризованной биосферы. Интерпретируя эти труднодоступные территории с экологических позиций, он назвал этот эффект *экологическим потенциалом административных границ* [5]. Он же использует сходный термин: «природоохранная сила административных границ». Б.Б. Родоман подчеркивает: «Чрезмерная доступность объекта уменьшает удовольствие от контакта с ним. Надо всемерно *охранять труднодоступность* (курсив мой — В.К.) экстремальных природных объектов, чтобы предотвратить их обесценивание» [4, 186].

Модель поляризованного ландшафта Б.Б. Родомана подсказывает ландшафтному планировщику, что оптимальные зоны обитания проектируемых ООПТ должны быть максимально удалены от населенных пунктов и

от транспортных коммуникаций, иначе, обладать *плохой транспортной доступностью*.

4. Комплексный принцип. Российский экологический опыт — это опыт комплексирования действий по охране природы и охране культуры. Значительная часть существующих ООПТ являются не природными, а природно-культурными комплексами, включая в свои границы различные историко-культурные артефакты — культурные ландшафты, места исторических событий, литературные и мифологические места, археологические и архитектурные объекты и т.д.

К примеру, в Тюменской области *памятник природы* регионального значения «Киселёвская гора с Чувашским мысом», расположенный на окраине Тобольска, является *местом исторического сражения* Ермака с Кучумом, а памятник природы «Окрестности села Вагай» (Тобольский район) представляет собой место гибели Ермака. Часто о ведущей роли историко-культурного компонента в ООПТ говорят сами названия памятников природы: «Роща декабристов» (Ялуторовск), «Зиновский курган», «Хохловский курган» (Ялуторовский район), «Колмаковский парк» (Заводоуковский городской округ).

Ландшафтный планировщик должен хорошо понимать, что для многих ООПТ не природные комплексы, как это не парадоксально звучит, а культурные объекты являются приоритетными объектами охраны; природа в таких случаях выступает важным контекстом исторического события или культурного объекта. Поэтому необходимо *комплексировать охрану природы с охраной культуры, чтобы природа «защищала и охраняла» и себя и культуру*.

Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 02/2021-И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы») и Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каганский В. Заповедник как элемент и фокус культурного ландшафта. Электронный ресурс: режим доступа <https://pandia.ru/text/80/288/78790.php>(дата обращения: 20.01.2022).
2. Калущков В.Н. Сеть особо охраняемых природных территорий как ресурс регионального развития (на материале региональных ООПТ Тюменской области) // Вопросы географии. Сб. 153. География и экология культуры. Сохранение наследия. М.: Медиа-ПРЕСС, 2021. С. 145-167.
3. Калущкова Н.Н. Теория и практика заповедного дела: Учебное пособие. М.: Географический ф-т МГУ, 2011. 148 с.

4. Родоман Б.Б. Ландшафт и личность // Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск, 2002. С. 179-189.

5. Родоман Б.Б. Экологическое значение административных границ // Проблемы приграничных регионов России. М., 2004. С. 82-85.

6. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (№406 ФЗ от 28.12.2013 г.). Электронный ресурс: режим доступа <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38000>(дата обращения: 20.01.2022).

Vladimir N. Kalutskov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

FOUR PRINCIPLES OF LANDSCAPE PLANNING OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL TERRITORIES (BASED ON THE MATERIAL OF THE TYUMEN REGION)

***Annotation.** Proper landscape planning of a specially protected natural area is the key to its normal functioning, given that over 90% of the protected areas of the country (regional protected areas) do not have a real subject of protection. Four principles of landscape planning of protected areas are proposed: barrier, historical and cultural, positional (Rodoman effect) and complex. To illustrate the operation of the principles, the experience of work in the Tyumen region is involved.*

***Keywords:** landscape planning, specially protected natural area, principles of landscape planning of protected areas cultural landscape, Tyumen region.*

УДК 911.375.6

Карабатов В.А., Меркушев С.А.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ДЕЛИМИТАЦИЯ «БОЛЬШИХ ЦЕНТРОВ» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ: ЗНАЧЕНИЕ, ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** Рассмотрены проблемы проведения границ центральных частей российских городов-миллионеров (на примере Перми, Волгограда и Омска). Выделены сегменты границ большого центра данных городов. Даны выводы и предложения по дальнейшей работе.*

***Ключевые слова:** города-миллионеры, зонирование, большой центр, границы, ГИС-технологии.*

Проблема делимитации больших центров является частным проявлением более общей проблемы — проведения границ разных частей городов в рамках зонирования или выделения планировочных районов при разработке основных градостроительных документов. Данный процесс является основополагающим

при формировании планировочной структуры городов, он призван учесть неодинаковую градостроительную ценность городских территорий, заложить основы бесконфликтного существования различных видов деятельности в городской среде с учетом приоритета интересов горожан.

Понятие «большой центр» в данном случае является синонимом понятия «центральная зона», в которую, в свою очередь входит историческое ядро. Е.Н. Перцик, выделяя данные зоны, приводит примеры по известным городам, выделяет их ключевые признаки [1]. Однако четких критериев проведения границ именно по конкретным улицам не приводится, хотя доводы автора по известным городам очень убедительны. Так, границей центральной зоны в Москве он считает окружающую железную дорогу (ныне МЦК). В Санкт-Петербурге центральная зона делимитируется менее конкретно: «... между Невой и Обводным каналом, Васильевский остров, Петроградская сторона и др.» [1, с. 144].

Авторы основных градостроительных документов, которые разрабатывались в России для городов-миллионеров в последние годы, по-разному подходят к зонированию. Часть из них стремится провести его, изначально абстрагировавшись от сложившейся сетки административного деления города и лишь потом в разной степени сопоставляя получившийся результат с ней [2-5].

Другие остаются в рамках сложившегося административного деления, общественно-географические принципы в этом случае уходят на второй план [6, 7]. Есть примеры сочетания двух выше названных подходов [8].

Однако следует отметить, что ни в одном из рассмотренных нами документов четких критериев того, почему именно по данной улице, проспекту или другому линейному объекту проводится граница той или иной зоны, не дается. Хотя наличие таких критериев в настоящее время представляется очень важным, так как при детальных оценках процессов трансформации городской среды все чаще делается акцент на внутригородских различиях, отдельно изучаются центральная и внешняя зоны. Четкие, формализованные подходы к проведению границ между ними, основанные на современных возможностях геоинформационных технологий, значительно упростят труд исследователей, позволят продвинуться в решении проблемы сопоставимости результатов внутригородских изысканий, проводимых в разных городах.

Один из авторов данного материала столкнулся с проблемой выделения внешней зоны городов-миллионеров при проведении сравнительной оценки привлекательности их внешних зон и обеспеченности общегородских аттракторов железнодорожным сообщением [9]. Границы между большими центрами и внешней зоной в этих городах были проведены им экспертным путем с опорой на несколько признаков. В первую очередь обращалось внимание на внутригородские объездные автомагистрали и железные доро-

ги: их барьерная (разделительная) функция ярко выражена. Также учитывались признаки, которые можно идентифицировать по аэрофотоснимкам и картам, например, хорошо видно, где заканчивается селитебная зона и начинается промышленная.

В других случаях приходилось использовать другие маркеры границ. Один из них — «всплеск» всех функций, свойственных центральной зоне, в приграничных кварталах. В этом случае в качестве границы принимается осевая улица такого квартала, реже — граница квартала со стороны внешней зоны. Для формализации этого критерия требуется выделение ключевых функций большого центра, с которыми будут сравниваться виды деятельности на исследуемой улице или в исследуемом квартале.

На первом этапе формализации выше описанного экспертного метода, при опоре на подходы Е.Г. Анимицы и М.Д. Шарыгина к классификации границ по функциям [10], ранее установленные экспертным путем границы больших центров Омска, Перми и Волгограда, были разделены на сегменты следующих типов:

1. разделительные — те, которые служат барьерами, приводя к достаточно яркой смене ключевых признаков в городских каркасе и ткани, к таким можно отнести железнодорожные и автомобильные магистрали (чаще всего внутригородские объездные дороги), а также случаи, когда происходит резкая смена функций (хотя трасса-разделитель отсутствует);

2. контактные, через которые беспрепятственно осуществляются различные связи, чаще всего это оси пограничных кварталов;

3. ограничительные — природные ограничители пространственного развития города на определенном этапе — речные долины, особенно глубоко врезаемые, обширные зеленые массивы;

4. проблемные — те, которые проведены по определенным улицам экспертным путем в условиях, когда ни один из выше перечисленных трех признаков четко не выражен. Результаты сегментации представлены в таблице 1, на рисунке 1.

Таблица 1

Распределение участков границ больших центров по типам

Тип границы	Омск		Волгоград		Пермь	
	Длина, км	Доля, %	Длина, км	Доля, %	Длина, км	Доля, %
Разделительная	4,65	16,93	14,22	52,38	7,58	31,49
Контактная	6,51	23,70	0,34	1,25	3,95	16,41
Ограничительная	10,48	38,15	11,17	41,14	9,02	37,47
Проблемная	5,83	21,22	1,42	5,23	3,52	14,62

Источник: составлено автором на основании расчетов, проведенных в ПО ArcMap.

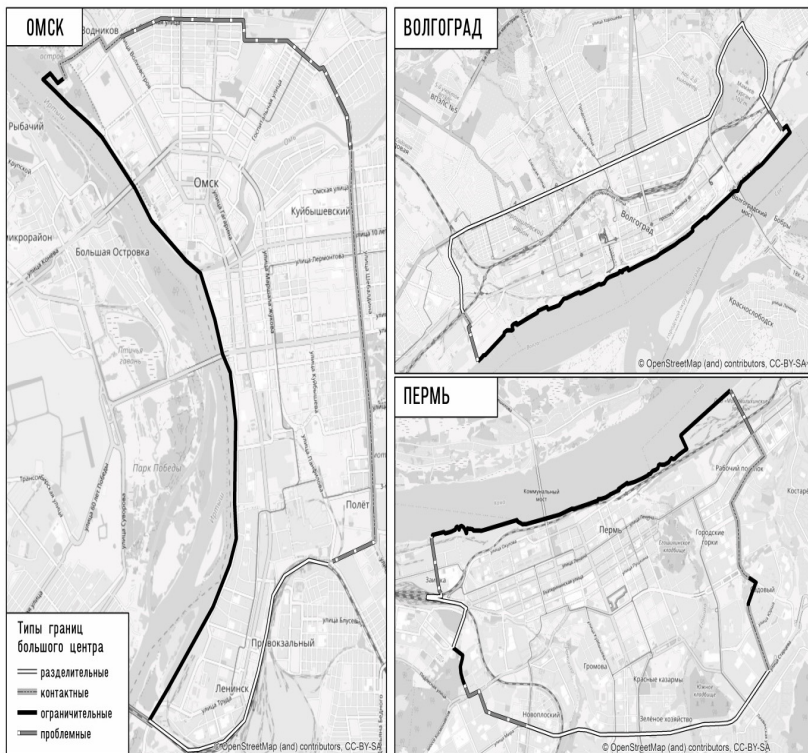

Рис. 1. Типы границ больших центров Омска, Волгограда и Перми

В наибольшей степени в формализации нуждаются сегменты второго и четвертого типов. Эта формализация будет проводиться с помощью ГИС-технологий, в частности оверлейных операций (соединение, наложение слоёв пространственно-координированной информации), сетевого анализа, с опорой на открытые данные (OSM).

В Перми и Омске доля контактных и проблемных сегментов в общей протяженности границ большого центра значительно выше аналогичного волгоградского показателя, соответственно 31,03% и 44,92%. Это свидетельствует о размытости перехода от центральной части к внешней зоне, большей вероятности того, что после следующих этапов формализации трассировка некоторых участков будет изменена.

Контактные сегменты пермской границы большого центра представлены в Мотовилихинском районе улицами Циолковского, Ким, Тургенева, Уинской и Пушкарской. К проблемному типу относятся участки в районе ПАО «Мотовилихинские заводы», АО «Гознак», Пермского национального исследовательского университета.

Примером контактной границы в Омске служит улица Богдана Хмельницкого, а также сегмент у парка «Зеленый Остров». Проблемный тип можно наблюдать на севере и северо-востоке большого центра.

Проблема делимитации границ центральных частей сегодня является достаточно актуальной, так как все больше исследователей, изучающих городскую среду, выходят на более дробные ступени территориальной иерархии, которые М.Д. Шарыгиным отнесены к топическому и нано уровням [11]. Перед авторами стоит большой круг вопросов, связанных с поиском и разработкой новых подходов к делимитации границ больших центров, ответы на которые необходимо найти на последующих этапах формализации данного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Перцик Е.Н. География городов (геоурбанистика). М.: Выш. шк., 1991. 319 с.
2. Генеральный план городского округа Казань. I. Положение о территориальном планировании // Генеральный план городского округа Казань. I. Положение о территориальном планировании // Официальный портал Казани. Градостроительство <https://kzn.ru/meriya/ispolnitelnyy-komitet/upravlenie-arkhitektury-i-gradostroitelstva-ispolnitelnogo-komiteta-g-kazani/gradostroitelstvotest/> (дата обращения: 04.11.2021).
3. Ростов-на-Дону. Материалы по обоснованию проекта внесения изменений в генеральный план. Том 1. Анализ современного состояния территории (комплексная градостроительная оценка). Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону: Научно-проектный институт пространственного планирования «ЭНКО», 2014. 310 с. // Ростов-на-Дону. <https://rostov-gorod.ru/administration/structure/departments/daig/action/01-grado-01-gen-plan/gp-2018/>(дата обращения: 20.11.2021).
4. Разработка положений о территориальном планировании Генерального плана города Челябинска и материалов по его обоснованию. Книга 2. Развитие социально-экономического комплекса. М.: ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор», 2019. 370 с. // Администрация города Челябинска. Управление по архитектурно-градостроительному проектированию города Челябинска <http://www.arch74.ru/documents/cityplan/> (дата обращения: 18.10.2021).
5. Текст генплана г. Уфы // Главархитектура г. Уфы. <http://www.gorodufa.ru/?p=123> (дата обращения: 26.10.2021).
6. Волгоград. Генеральный план. Том 2. Книга 1. Материалы по обоснованию генерального плана. Пояснительная записка. Волгоград: МБУ «Институт градостроительного планирования Волгограда “Мегаполис”», 2017. 235 с. // Волгоград.

Официальный сайт администрации города. URL: <http://www.volgadmin.ru/d/branches/grad/citybuilding/genplan> (дата обращения: 28.01.2022).

7. Материалы генерального плана г. Нижнего Новгорода. Пояснительная записка // Нижний Новгород. Официальный сайт <https://admgor.nnov.ru/Gorod/Napravleniya-raboty/Gradostroitelstvo/Materialy-generalnogo-plana-goroda-Nizhnego-Novgoroda> (дата обращения 31.10.2021).

8. Проект о внесении изменений в Генеральный план муниципального образования городской округ город Омск омской области. Т. 6. Омск: ООО «ИТП «Град», 2020. 143 с. // Официальный портал г. Омска. URL:<http://admomsk.ru> (дата обращения: 12.10.2021).

9. Меркушев С.А. Пассажи́рское железнодорожное сообщение и attractiveness внешних зон российских городов-миллионеров // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о земле. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 97-110.

10. Ани́мица Е.Г., Шары́гин М.Д. Феномен территориальной границы // Географический вестник. 2007. № 1-2. С. 5-10.

11. Шары́гин М.Д. Социально-экономические регионы: проблемы познания и организации // Шары́гин М.Д. Избранные труды. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С. 276-280.

Vladislav A. Karabatov, Sergey A. Merkushev

Perm State National Research University, Perm

DELIMITATION OF THE CENTRAL PARTS OF RUSSIAN CITY-MILLIONAIRES: RELEVANCE, APPROACHES, PROBLEMS

Annotation. The problems of delimiting the central parts of Russia's millionaire cities (using the examples of Perm, Volgograd, and Omsk) are briefly discussed. Segments of the borders of the central parts of cities are highlighted. Conclusions and suggestions for further work are given.

Key words: *city-millionaires, borders, GIS technology.*

УДК 378.16:911(470.51):711.168(045)

Кашин А.А.

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

МАСШТАБИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ РЕКОНСТРУКЦИИ КАМПУСА «ФЕРТИКИ»

Аннотация. В статье отражён один из важнейших подходов к реконструкции учебно-научной географической базы Удмуртского госуниверситета (кампус «Фертики») — принцип культурно-ландшафтного масштабирования. В локальной

точке создаются и актуализируются элементы ландшафтов, характерных для более обширной территории — Удмуртского Прикамья.

Ключевые слова: кампус «Фертики», Удмуртская Республика, Прикамье, масштабирование культурного ландшафта.

В 2020 г. в Удмуртском госуниверситете началась реконструкция учебно-научной станции — кампуса «Фертики», расположенного в Воткинском районе, в 5 км от р. Камы. Ситуация, характерная для многих региональных вузов, требует расширения существующего функционала станции. Важнейшим условием становится многопрофильность, включение большого числа заинтересованных сторон (а через это — прямо или косвенно — привлечение финансирования), а также оригинальность и осмысленность содержательного наполнения. При этом, несмотря на расширение видов деятельности и привлечение сторонних участников, во главе угла должна оставаться учебно-научная направленность и организация студенческих практик. Недопустима подмена ценностей и соблазн перехода к преимущественно коммерческому функционированию кампуса. Кроме того, весь процесс реконструкции должен быть и оставаться географически обоснованным, тем более что географические подходы способствуют интеграции многих направлений для решения единой задачи — гармоничного развития территории и создания комфортной среды.

Одним из ключевых подходов к реконструкции является культурно-ландшафтный. На небольшом участке (4 гектара земельного участка кампуса и около 40 км² прилегающей территории) должны быть репрезентованы наиболее характерные элементы культурного ландшафта более обширной территории — Удмуртского Прикамья. При этом непосредственно создание и реконструкция материальных элементов ландшафта возможны только на земельном участке станции, а на прилегающей территории, не находящейся в пользовании университета — только актуализация, через организацию туристических и экскурсионных маршрутов, вовлечение в исследовательскую тематику и совместную деятельность с хозяйствующими субъектами.

Главной целью такого подхода является формирование уникального содержательного наполнения, способствующего развитию кампуса как комплексного учебно-научного, творческого и рекреационного университетского полевого подразделения. Важным моментом является географическое просвещение и популяризация географических знаний, в том числе — с профориентационными целями. Необходимо это и с точки зрения позиционирования кафедры географии, института естественных наук и университета в целом.

Отдельные подходы были отражены в совместной статье с дизайнерами, участвующими в разработке проекта [1]. Во время полевого сезона 2021 г. часть работ начала выполняться, а другие — подготовлены для реализации в последующие сезоны (обоснование финансирования, закупка материалов и оборудования, инженерные изыскания и т.д.).

Кратко охарактеризуем некоторые из элементов культурного ландшафта, репрезентуемых — в выполняемых работах или в проекте — на территории кампуса. При этом, говоря о компонентной структуре культурного ландшафта [2], сделаем попытку совмещения природоцентричного и культуроцентричного подходов. Так, говоря об элементах природной среды, необходимы акценты на их роль в формировании системы расселения и хозяйства, а также преобразованности деятельностью человека. Элементы культурной среды будем рассматривать в их взаимосвязи и взаимообусловленности с природой.

В процессе проектирования разработана схема функционального зонирования территории. Выделены жилая, коммунально-бытовая, учебно-научная, рекреационная и парковая зоны. В элементах каждой из них нашли отражение некоторые особенности культурного ландшафта.

Жилая зона включает модульные каркасные здания для размещения студентов, рубленый бревенчатый дом для преподавателей и зимний гостевой дом. Несмотря на то, что каркасные металлоконструкции не являются традиционным строительным материалом, их цветовая гамма — коричневый и белый цвета — характерна для типичного домостроения лесной зоны (коричневый — цвет дерева, белый — декоративные элементы, для придания контрастности и выразительности). В благоустройстве жилой зоны используется натуральный камень, множество деревянных элементов (столики, скамейки, навесы), а также элементы озеленения (клумбы, в том числе «мобильные» — в вазонах) с использованием местных цветковых растений.

Ядром *учебно-научной зоны* является двухэтажный жилой деревянный дом 1926 г. постройки, перевезённый из Ижевска в начале 1990-х гг. В настоящее время он используется как учебно-лабораторный корпус, планируется его реконструкция. Подобный тип домов являлся типичным для Ижевского и Воткинского заводов (крупнейших прикамских поселений) начала XX века. Несмотря на сложности с его эксплуатацией и реконструкцией, он является архитектурной доминантой кампуса и историко-культурным памятником. В настоящее время в Ижевске происходит снос последних подобных зданий, и в случае сохранения дома в Фертиках он становится уникальным объектом, а его архитектурно-историческая ценность возрастает. Дом 4-квартирный (по 2 на каждом этаже), внутренняя планировка полностью сохранена. В ходе реконструкции планируется

оставить 4 помещения. Одно из них оборудовать под лекционный зал, второе — под камеральную комнату, третье — под творческую мастерскую, четвертое — под экспозиционно-выставочный зал (музей). Содержательное наполнение музея также разрабатывается в ходе совместной работы географов, историков, биологов и дизайнеров и имеет ландшафтную направленность.

Коммунально-бытовая зона, несмотря на свою утилитарность, также имеет черты типичности. В частности, полностью перестроены и функционируют две бани, внешний облик и технологии эксплуатации которых являются традиционными для местности. На территории имеется колодец с питьевой водой, с возможностью как ручной, так и автоматизированной эксплуатации. Модульную столовую с необходимым оборудованием нельзя отнести к традиционным объектам, но некоторые элементы питания и типичных блюд, осваиваемых в процессе работы кампуса, также являются ландшафтно-обусловленными, а в последние два года приобретён опыт их приготовления и презентации во время экскурсионных программ.

Рекреационная зона не является сплошной, речь идёт об элементах, задействованных в организации отдыха. Ряд из них имеет комплексное назначение, используется как для различных видов отдыха, так и для реализации учебных программ и экскурсий. Так, открытый очаг, запроектированный в пределах рекреационной зоны, будет сделан из природного камня. Для этого подготовлены и будут использоваться фонды учебно-научного геологического кабинета. В этом случае очаг приобретает формат открытой геологической экспозиции, где представлены образцы горных пород и минералов разных регионов России (Фенноскандия, Кавказ, Урал, Алтай), а также местные породы, использовавшиеся в качестве традиционного строительного материала (песчаники, конгломераты, гравелиты и т.д.). Использование местного природного материала также предусмотрено в формировании элементов благоустройства: беговых дорожек, мостиков, альпийских горок, опор декоративного освещения.

Важным объектом комплексного назначения является крытый навес с печью для обжига керамики и камином. Керамическая мастерская, проектируемая совместно с институтом искусств и дизайна, должна выполнять не только учебные функции для направления «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», но и стать комплексным туристическим объектом. В этом плане открываются возможности для междисциплинарных исследований. Так, поиски подходящего сырья (глины) исходя из особенностей геологического строения интересны с точки зрения отработки практических навыков для студентов-геологов. Сам процесс производства

— со стороны декоративно-прикладного искусства. Изучение керамики как элемента материальной культуры, воссоздание традиционной формы и технологий производства — историко-археологическая тематика.

Парковая зона также выполняет комплексные функции. Совместно со специалистами учебного ботанического сада УдГУ разработан дендрологический план, начало работ по разбивке парка намечено на весну 2022 г. Будучи рекреационным объектом, она несёт учебные и экскурсионные функции. Породный состав отражает флористическое разнообразие территории Прикамья. В этом отношении, находясь на стыке природных зон, с наложением аazonальных элементов (массивы эоловых песков и крупные речные долины), территория обладает повышенным разнообразием растительного покрова. Сочетание на небольшой территории древесных пород с разными экологическими особенностями позволяет продемонстрировать разнообразие условий.

В отношении подготовки площадки и разбивки парковой зоны важен сам момент включения значительного участка территории в хозяйственный оборот. Около 2,5-3 га территории (из 4) долгое время не использовались из-за близкого залегания грунтовых вод. Участок представлял собой заросли кустарников с влаголюбивой травянистой растительностью. Невозможность ухода приводила к пожароопасности, которую создавала высохшая трава. В рамках научно-исследовательской деятельности студентов было организовано гидрогеологическое изучение территории: пробурены разведочные скважины, установлен уровень залегания грунтовых вод. На основании этих данных спроектирован и сооружён дренажный канал. Выполнена планировка участка, подготовлена основа для разбивки парковой зоны.

Таким образом, в ходе выполненных и планируемых работ реализуется культурно-ландшафтный подход. Ряд элементов культурного ландшафта Удмуртского Прикамья репрезентуется непосредственно на территории, что позволяет использовать это в экскурсионных и учебных целях. Кроме того, это возможность сделать оригинальным и ландшафтно-осмысленным внешний облик и содержательное наполнение кампуса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Замятина Ю.А., Кашин А.А., Кондратьева О.А., Мухаметшин И.Р. Реконструкция кампуса «Фертики» Удмуртского госуниверситета: ландшафтное обоснование дизайн-проекта // Природные системы и ресурсы. 2021. Т. 11, № 2. С. 35–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/nsr.jvolsu.2021.2.5>
2. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

SCALING OF THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE UDMURT KAMA REGION IN THE DESIGN OF THE RECONSTRUCTION OF THE FERTIKI CAMPUS

Annotation. *The article reflects one of the most important approaches to the reconstruction of the educational and scientific geographical base of the Udmurt State University (Fertiki campus) — the principle of cultural and landscape scaling. At a local point, elements of landscapes characteristic of a larger territory — the Udmurt Kama Region — are created and updated.*

Keywords: *Fertiki Campus, Udmurt Republic, Kama region, scaling the cultural landscape.*

УДК 332.14:628.4.02

Колдобская Н. А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОХОЖДЕНИЯ «МУСОРНОЙ» РЕФОРМЫ В РОССИИ

Аннотация. *В статье отражены основные проблемы проведения реформы в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в России. С одной стороны, необходимость проведения такой реформы появилась уже давно, с другой стороны, спустя 4 года с начала её проведения, ощутимых результатов в регионах России пока нет. Наоборот, появляются всё новые вопросы, связанные с разработкой территориальных схем обращения с отходами и деятельностью региональных операторов. Проведенное исследование позволило выявить как общие особенности проведения реформы в России, так и ключевые проблемы в регионах.*

Ключевые слова: *мусорная реформа, твердые коммунальные отходы, схема обращения с ТКО, размещение отходов, отдельный сбор мусора, сортировка отходов, региональный оператор.*

Параллельно с 2017 года в России началась «мусорная» реформа, официальная цель которой — улучшение системы управления твердыми коммунальными отходами (ТКО) и минимизация ущерба для окружающей среды. В каждый регион России пришёл один или несколько региональных операторов, которые являются ответственными акторами за всю цепочку, начиная с вывоза и заканчивая переработкой. Также для каждого субъекта РФ появилась территориальная схема обращения с отходами, где должна приводиться официальная региональная статистика и перечень объектов инфраструктуры, связанной с переработкой и утилизацией мусора. С одной

стороны, необходимость реформы обусловлена тем, что на территории России находится более 60 млрд тонн мусора, и площадь свалок продолжает расти. В стране насчитывается более 14 тыс. крупных мусорных полигонов и свалок (не считая несанкционированных стихийных). Их площадь — более 4 млн га. Однако, в ходе проведения мусорной реформы было и есть очень много проблем и конфликтов, связанных с *корректностью статистических данных, расчетами нормативов накопления отходов, тарифообразованием. Во многих регионах процедура выбор регионального оператора не носила прозрачный характер, а территориальные схемы не проходили общественное обсуждение.*

Анализ статистики и публикаций о ходе прохождения реформы в регионах России, их обобщение позволяет сформулировать проблемы, характерные практически для всей страны:

- 1) регионы не приступали к внедрению раздельного сбора;
- 2) отсутствует дифференциация нормативов накопления отходов;
- 3) не учтен коммерческий мусор и мусор от социальных объектов;
- 4) не предусмотрены инвестиции в тарифах региональных операторов;
- 5) нормативы накопления сильно занижены или завышены;
- 6) не учтены затраты на обработку отходов у региональных операторов.

Кроме того, существуют проблемы, связанные в области переработки ТКО, которые не связаны напрямую с прохождением реформы.

1. Во многих регионах России проведение реформы «буксует». Сортировка ТКО применяется лишь в отдельных субъектах РФ. Нужно время, чтобы граждане осознали необходимость выбрасывать мусор в разные контейнеры и сортировать их. На отведенных местах выброса мусора должны находиться емкости для разных видов отходов. Для вывоза такого мусора необходим специализированный транспорт [1].

2. Исчерпанность мощностей полигонов, общая изношенность, несоответствие экологическим стандартам. Многие полигоны ТКО не соответствуют требованиям законодательства. Возникает необходимость создания новых площадок для захоронения отходов — комплексных сооружений, где будут использоваться специальные защитные прокладки от соприкосновения мусора с грунтовыми водами, применение реагентов, препятствующих распространению запаха. В этом случае действующие полигоны будут приведены в соответствие, и рекультивация свалок будет проводиться согласно региональным схемам.

3. Отсутствие ответственности у населения за выброс мусора. Воспитание гражданской позиции может помочь продвижению мусорной реформы, сокращению незаконных стихийных свалок. При этом до сих пор очень плохо организован вывоз мусора в сельской местности. Где-то действуют нормативы по объему с одного дома, где-то вообще жители бытовые отхо-

ды просто сжигают, не только загрязняя воздух, но и часто являясь источником пожаров.

4. Несоответствие новых объектов по переработке ТКО заявленной изначально документации (технологии, стоимость, экологические последствия и др.) [2].

5. Несанкционированные свалки.

6. Противоречия в нормативных актах относительно реализации мусорной реформы в регионах России. Больше всего нареканий зафиксировано в Алтайском крае, Хакасии, Новосибирской и Омской областях. В Туве, Хакасии, Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях предприятия отрасли закончили финансовый год с высокой кредиторской задолженностью [3].

Немаловажную роль в решении проблем, связанных с успешной реализацией мусорной реформы, должно стать эффективное взаимодействие общественников: экоактивистов, различных структур власти и бизнеса. [4] Более недисциплинированными в отношении оплаты за вывоз мусора оказываются предприниматели, ссылающиеся на несправедливые нормативы. Необходимо понимать, что субъекты РФ различаются не только географическим положением, климатическими условиями, но и финансовой составляющей, доходами граждан (табл. 1).

Таблица 1

Собираемость платежей за вывоз ТКО (январь — июнь 2021 г.)

<i>Регион</i>	<i>Собираемость платежей, %</i>
<i>1</i>	<i>2</i>
Татарстан	91%
Камчатский край	89%
Кемеровская область	83%
Липецкая область	83%
Мурманская область	82%
Ярославская область	82%
Ставропольский край	82%
Пермский край	43%
Республика Адыгея	40%
Свердловская область	37%
Республика Бурятия	34%
Республика Кабардино-Балкария	26%
Ленинградская область	18%
Республика Ингушетия	10%

1	2
Начислено	19,83 млрд
Поступило	13,459 млрд
%	68%
Дефицит	6,37 млрд
Предусмотрена компенсация за счет средств региона	
Республика Калмыкия	72%
Камчатский край	89%
Сахалинская область	67%
Челябинская область	80%
Пермский край	43%

Еще одна проблема — это заключение договоров регионального оператора с бизнесом. Стороны должны документально зафиксировать условия договора. Эту проблему, необходимо решать на законодательном уровне [5].

Всего по планам и отчетам о реализации реформы по всей стране планируется построить 131 новый мусороперерабатывающий комплекс, что должно увеличить объем перерабатываемых отходов с 5 до 60 %. Но для того, чтобы это произошло, нужно решить все проблемы, рассмотренные выше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Порошин О.С., Храмцов А.Б. Проблемы и перспективы реализации мусорной реформы в регионах России//Теория и практика общественного развития, № 12, 2020. С. 1-5.
2. Аракелова Г.А. Исследование проблем, влияющих на темпы реализации «мусорной реформы» в Российской Федерации // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы», 2019 №1, <https://resources.today/PDF/07ECOR119.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07ECOR119
3. Реформа системы обращения с ТКО [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Konkurencia.pdf> (дата обращения: 03.01.2022).
4. Реформа системы обращения с ТКО: вопросы конкуренции [Электронный ресурс] // Бюллетень о развитии конкуренции. 2019. Вып. № 28. Декабрь. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Konkurencia.pdf> (дата обращения: 03.11.2021).
5. Об утверждении требований к составу и содержанию территориальных схем обращения с отходами [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 16 марта 2016 г. № 197 // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71353036> (дата обращения: 04.01.2022).

REGIONAL ASPECTS OF THE «GARBAGE» REFORM IN RUSSIA

Annotation. *The article reflects the main problems of the reform in municipal solid waste management in Russia. On the one hand, the need for such a reform appeared a long time ago; on the other hand, after four years from the start of its implementation, there are no tangible results in the regions of Russia yet. On the contrary, there are more and more new issues related to the development of territorial waste management schemes and the activities of regional operators. The study made it possible to identify both the general features of the reform in Russia and the critical problems in the regions.*

Keywords: *garbage reform, municipal solid waste, MSW handling scheme, waste disposal, separate garbage collection, waste sorting, regional operator*

УДК 334.02

Красноштанова Н. Е.

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

НОВОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ РАЙОНОВ СЕВЕРА: АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Исследуется реакция социально-экономической среды северных районов Иркутской области на процессы нового промышленного освоения территории, обусловленные развитием нефтегазодобывающей отрасли. Особое внимание уделяется локальному уровню исследований, на котором особенно выявляются социальные аспекты влияния новой сферы деятельности, не фиксируемые статистической отчетностью. В основе лежат материалы, собранные во время полевых работ в феврале и марте 2022 года в Киренском, Катангском и Усть-Кутском районах Иркутской области.*

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, Север, новое хозяйственное освоение, устойчивое развитие.*

Введение. Промышленное освоение природных ресурсов продвигается все дальше на Север в удаленные от индустриальных центров и крупных транспортных артерий территории, оказывая влияние на местные сообщества, сформировавшие в течении длительного времени свой особый уклад жизнедеятельности и часто сохранившие традиционные формы хозяйственной деятельности, такие как оленеводство, охота, рыболовство, собирательство. Появляются новые вызовы перед северными и Арктическими сообществами, требующие безотлагательных действий [1]. Воздействие на местные сообщества оказывается посредством трансформаций экологической, социальной и экономической сфер жизнедеятельности населения.

Следовательно, новая хозяйственная деятельность в этих районах приводит к нарастанию конфликтов интересов разных заинтересованных сторон и новым вызовам для перехода к устойчивому развитию территорий. Цель работы идентификация на локальном уровне эффектов нового промышленного освоения углеводородных ресурсов (нефтегазовой отрасли) в социально-экономическом развитии районов Иркутской области, где в настоящее время проводятся активные работы по добыче, транспортировке, переработке нефти и газа.

Материалы и методы. Материалы собраны во время полевых работ в феврале и марте 2022 года на территории трех муниципальных районов Усть-Кутского, Киренского и Катангского методами социальных наук: интервьюирование, опросы, включенное наблюдение. В анализ включены также статистические данные по муниципалитетам, официальные отчеты глав администраций, нормативно-правовые акты, местные информационные ресурсы и др. Полевые исследования проведены в 18 поселениях различного статуса и удаленности от реализуемых проектов, связанных с промышленным освоением углеводородного сырья Восточной Сибири.

Территория исследования. Катангский район — самый северный и большой по площади район Иркутской области и единственный в регионе, относящийся к территориям Крайнего Севера. В то же время район является самым малонаселенным, в 2021 году там проживало 3214 чел., при этом доля коренных малочисленных народов (эвенков) составляет 16,9% [2]. Территория района поделена на 4 сельских поселения. Круглогодичное сообщение с поселениями района осуществляется только воздушным транспортом самолетом и вертолетом (внутрирайонные перевозки). На территории района в промышленной эксплуатации находятся Верхнечонское, Даниловское и Северо-Даниловское месторождения углеводородов. Южными соседями Катангского района являются Киренский и Усть-Кутский районы. Территория Киренского района приравнена к районам Крайнего Севера. Численность проживающего населения согласно Росстату в 2021 году составила 17081 чел. Здесь, также, как и в соседних районах, продолжается сокращение населения за счет миграционного оттока и низких показателей естественного прироста. В административном отношении район разделен на 9 поселений. В транспортном — район развит лучше, чем Катангский, здесь есть практически все виды транспорта: воздушный, автомобильный, водный, трубопроводный. В промышленной эксплуатации в районе находятся Дулисьминское и Западно-Аянское нефтегазоконденсатное месторождения. Усть-Кутский район, благодаря своему транспортно-географическому положению и ресурсному потенциалу, является в настоящее время центром развития нефтегазодобывающей отрасли в регионе.

Численность проживающего населения по официальным данным в 2021 году составила 47279 чел., что значительно больше, чем в соседних районах. В административном отношении территория муниципалитета поделена на 8 поселений. Практически все они имеют круглогодичное наземное сообщение, за исключением 3 поселков на юге района. Районный центр г. Усть-Кут является транспортным узлом и имеет стратегическое значение в развитии севера Иркутской области и Республики Саха (Якутия), так как здесь пересекаются основные транспортные артерии федерального значения: Байкало-Амурская магистраль, речной транспорт по реке Лена с выходом в Ледовитый океан, федеральная автотрасса «Виллюй», воздушный транспорт и трубопроводный. Сегодня на территории района разрабатываются Ярактинское, Ичединское, Марковское и Западно-Аянское нефтегазоконденсатные месторождения. В районном центре строятся газоперерабатывающий и полимерный заводы.

Реализация проектов промышленного освоения углеводородного сырья значительно сказалась на общеэкономических показателях исследуемых районов. За последние годы существенно выросли объемы промышленного производства и налоговые доходы местных бюджетов, ряд муниципалитетов перешли в разряд самодостаточных. До начала пандемии COVID-19 также устойчиво росли неналоговые поступления от нефтяных компаний в рамках соглашений о социально-экономическом сотрудничестве с районными и региональными властями [3].

Результаты и дискуссия. Проведенные на локальном уровне исследования выявили крайне неравномерное проявление социально-экономических последствий новой отрасли промышленности как в структурном, так и в пространственном отношении даже в пределах одного муниципального района. Наибольшие эффекты воздействия проявляются на территориях муниципальных образований: а) непосредственного ведения промышленных работ по извлечению и переработке углеводородного сырья; далее идут, б) работы, связанные с геологоразведкой и подготовкой к эксплуатации; в) транспортировка и хранение; и г) территории, где отсутствуют или были завершены какие-либо виды работ, связанные с освоением углеводородных ресурсов. Влияние на социальную, экономическую и экологическую сферы проявляется практически во всех случаях (см. таблицу). В экологическом отношении практически все местное население волнуют вопросы влияния нефтегазовой отрасли на охотничье-промысловые и рыбные ресурсы, являющиеся для многих жителей северных районов источником основных или дополнительных доходов, а также это продуктивное обеспечение (рыба и мясо), для коренных народов это основа сохранения традиционных форм занятости и самобытной культуры.

Заключение. В тезисах представлены общие результаты анализа собранного материала, как направления дальнейшей работы с данными. В настоящее время наибольшее разнообразие последствий развития нефтегазовой промышленности в районах исследования проявляется в социальной сфере, как положительных, так и отрицательных: рост качества и количества услуг населению; организация досуга; поддержка социальных организаций и т.д.; но в то же время происходит обострение проблем безопасности и правопорядка, особенно в городских поселениях; «эффект» усиления миграционного оттока населения; рост социальной напряженности и др.

Таблица 1

Влияние промышленных работ на компоненты среды локальных сообществ исследуемых районов

	<i>Экономика</i>	<i>Социальная среда</i>	<i>Экология</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
а)	Обычно в этом случае муниципалитеты самостоятельно формируют доходную часть бюджета преимущественно за счет НДФЛ	Часть населения вовлечена в промышленную деятельность, на прямую или через подрядные организации. Однако высока зависимость от транспортно-географического положения поселений, мобильности местных жителей и их профессиональной квалификации	Территории промышленных работ отчуждаются, охотничье-рыболовная деятельность в этих районах фактически прекращается
б)	Доходная часть бюджета существенно пополняется за счет новых видов деятельности	Местное население часто привлекается в качестве персонала, не требующего специальной квалификации (охранники, лесорубы, проводники, повара и т.д.)	Так как поисковые работы носят временный характер, то влияние на природные компоненты кратковременные, и как правило, обратимые
в)	Эксплуатация инфраструктуры для транспортировки сырья требует незначительного количества работников в специальных пунктах по маршруту. Наличие такого объекта на территории муниципалитета не вносит существенного дохода в местный бюджет	Единицы местных жителей, имеющих требуемую квалификацию могут быть трудоустроены на таких пунктах, что в целом не имеет заметного эффекта	Наличие линейных объектов транспортировки сырья меняет поведение промысловых животных. Меняются пути миграции и продуктивности отдельных охотничьих угодий

1	2	3	4
г)	Вклада в экономику муниципалитета нет	Местное население может трудоустроиться в промышленную компанию вахтовым методом, при условии благоприятного транспортного положения поселения с возможностью самостоятельно и в срок добираться до пунктов сбора	Влияние на природную среду может быть только посредованным. Такие территории являются основным местом воспроизводства животных и сохранения традиционных видов деятельности коренного населения

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Petrov A.N. et al. 2017 Arctic Sustainability Research: Past, Present and Future London: Routledge. P. 120.
2. Муниципальная подпрограмма «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера проживающих на территории Катангского района». URL: <http://katannga.pf/economy/municipalprograms/> (дата обращения 18.02.2022)
3. Красноштанова Н. Е. 2019 Влияние трансформаций социально-экономической среды на качество жизни населения севера Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. Т. 30. С. 38-55.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-78-00057 «Районы нового хозяйственного освоения Севера: перспективы устойчивого развития».

Natalya E. Krasnoshtanova

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

NEW ECONOMIC ACTIVITIES IN THE NORTHERN REGIONS: ASPECTS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Annotation. *The reaction of socio-economic environment of the northern districts of the Irkutsk Region to the processes of new industrial development caused by development of the oil and gas extractive activities is studied. Particular attention is paid to the local level of research, which particularly reveals the social aspects of the impact of the new sphere of activity that are not recorded by statistical data. The article is based on the materials collected during the fieldwork in February and March 2022 in the Kirensky, Katangsky and Ust-Kutsky districts of the Irkutsk Region.*

Key words: *socio-economic development, North, new economic development, sustainable development.*

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОВОГО ЗАКОНОПРОЕКТА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИИ

***Аннотация.** В докладе сопоставляются действующий и внесенный в Государственную Думу закон, посвященный местному самоуправлению в России. Дается оценка трансформации принципов территориальной организации муниципалитетов в связи с включением органов местного самоуправления в систему публичной власти. Делается вывод, что внесенный законопроект нуждается в корректировке.*

***Ключевые слова:** территориальная организация общества, система публичной власти, муниципальные образования, городской округ, муниципальный округ.*

Введение и постановка проблемы. Местное самоуправление в России находится в двух сменяющих друг друга состояниях — кризиса и реформирования. Муниципалитеты России снова находятся в преддверии очередной реформы в связи с приведением законодательства в соответствии с поправками в Конституцию в 2020 г. В конце 2021 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «Система местного самоуправления Российской Федерации в системе публичной власти».

Многие исследователи подчеркивают значимость комплексного подхода в решении проблем местного самоуправления [1, 4, 6]. Взятый курс на простое сокращение числа муниципальных образований, очевидно, не изменит уровня жизни населения, особенно в сельской местности. Данные обстоятельства актуализируют поиск приемлемой модели территориальной организации местного самоуправления с учетом отечественной специфики.

В условиях России территориальная организация местного самоуправления является одной из существенных проблем. С одной стороны, муниципальные образования направлены на решение вопросов локальных сообществ; с другой — выступают проводником государственной и региональной политики. Данное противоречие является значимым при формировании муниципалитетов.

В основе проведенного нами исследования лежит изучение нормативно-правовых актов Российской Федерации, касающихся муниципального управления. Особого внимания заслуживает сопоставление норм действующего [7] и внесенного закона по местному самоуправлению [2].

Результаты исследования и их обсуждения. Рассмотрим существенные отличия двух версий закона о местном самоуправлении.

Во-первых, расширяется и дополняется понятие местного самоуправления, в том числе за счет того, что «Президент РФ обеспечивает согласо-

ванное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации» (ст. 1 п. 5), но «органы местного самоуправления **не** входят в систему органов государственной власти» (ст. 1 п. 6).

Во-вторых, отсутствует отдельная статья, посвященная ключевым понятиям, что осложняет восприятие закона.

В-третьих, впервые определяется соотношение административно-территориального деления и муниципального устройства: «муниципальное образование не является административно-территориальной единицей» (ст. 4, п. 9).

Результаты проводимой муниципальной реформы, особенно в части реализации принципов территориальной организации местного самоуправления, во многом зависят от понимания соотношения административно-территориального и муниципального устройства субъектов РФ. Административно-территориальное устройство субъектов РФ первично по отношению к территориальной организации местного самоуправления, поскольку именно в соответствии с административным устройством территории субъекта РФ организуется деятельность не только органов государственной власти, но и местного самоуправления.

В-четвертых, в новом варианте закона закрепляется наметившаяся тенденция, а именно: упрощение муниципального устройства, формирование одноуровневой системы местного самоуправления, ликвидация низового уровня — сельских поселений и формирование городских (муниципальных) округов [3, 5]. В новой редакции закона предусмотрено три формы муниципалитетов: муниципальный округ, городской округ и внутригородские территории городов федерального значения.

В качестве критериев разграничения между городскими и муниципальными округами предлагаются следующие: 1) доля населения, проживающего в городских населенных пунктах (не менее 2/3 населения — городской округ); 2) размер территории сельских населенных пунктов и территории, предназначенной для развития инфраструктуры городского округа, не может превышать в два и более раз площадь территории городских населенных пунктов; 3) плотность населения в пределах городского округа должна в пять и более раз превышать среднюю плотность населения РФ.

В пояснительной записке указан способ образования муниципальных округов — объединение муниципальных районов и поселений.

В законопроекте определен следующий подход к установлению границ муниципалитетов: «границы городского округа, муниципального округа, как правило, устанавливаются с учетом *транспортной доступности до их*

административных центров и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в их состав. Указанные требования в соответствии с законами субъектов Российской Федерации могут не применяться на территориях с низкой плотностью населения, а также в отдаленных и труднодоступных местностях» [2].

Некоторые нюансы проявления законопроекта рассмотрим на примере Воронежской области. Так, в целом ряде районов не налажено устойчивое транспортное сообщение между районным центром и административными центрами поселений. Данная ситуация характерна как для пригородных районов — Рамонский, Хохольский, так и для некоторых удаленных от административного центра области районов — Петропавловский.

Рассмотрим в качестве примера транспортное сообщение некоторых (ключевых) районов: Грибановского Лискинского, Павловского, Панинского. Их выбор объясняется внутренними различиями (табл. 1).

Таблица 1

Транспортное сообщение с районным центром в отдельных районах Воронежской области

Район	Населенные пункты, не имеющие регулярной связи		Населенные пункты, имеющие эпизодическое сообщение (1 раз в день)		Населенные пункты, имеющие регулярное сообщение (2-3 раза в день)		Населенные пункты, имеющие устойчивое сообщение (4 и более раза в день)	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Грибановский	21,3	5,5	2,1	1,9	44,7	47,5	31,9	45,1
Лискинский	28,0	1,9	1,3	0,9	18,7	28,5	52,0	69,2
Павловский	22,6	1,5	-	-	54,5	28,5	22,6	70,0
Панинский	35,0	12,4	12,5	11,0	48,7	58,7	3,8	17,9

Легенда: I — доля населенных пунктов, %; II — Доля населения, проживающие в них, %.

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что от 20 % до 35 % населенных пунктов не имеют транспортной связи с районным центром (в предлагаемом варианте центре муниципального или городского округа) на сегодняшний момент, доля населения живущих в этих населенных пунктах варьируется от 1,9% до 12,4%, однако подавляющее большинство из них приходится на лиц пенсионного возраста.

Данные предложения не изменяют и не решают давно назревших проблем в муниципальном устройстве, а лишь консервируют их.

Закключение. В ходе анализа двух вариантов закона о местном самоуправлении выявлены противоречия, которые перетекают из одного вари-

анта закона в другой, в том числе в принципах территориальной организации местного самоуправления. Подобного рода «оптимизация» лишь усиливает процесс поляризации регионов, особенно в условиях разреженного российского пространства.

Наиболее проблемным при проведении муниципальной реформы оказывается положение сельских населенных пунктов. Опыт показывает, что удаление административного центра усугубляет проблемы развития территории, приводит к обострению местных проблемы. По мнению автора, в предлагаемом законе не учитывается потенциал территории, что, безусловно, отразится на социально-экономическом развитии региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глезер О. Б. Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России // Вопросы географии. 2013. №135. С. 224–244.

2. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата доступа: 09.01.2022).

3. Кулаковский Е. С. Типология городских округов в системе местного самоуправления Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2019. Т.29, Вып. 4. С. 525–533.

4. Пономарева З. В. Методика оптимизации территориальной организации местного самоуправления в сети сельских поселений // VI Семеновские чтения: материалы Международной научной конференции. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С.50–52.

5. Смирнова А. А. Изменение низовой муниципальной структуры: тверской опыт // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 5. С. 108–113.

6. Чистобаев А. И. Территориальная организация местного самоуправления в России // География в школе. 2014. № 7. С. 10–17

7. Федеральный закон №131-ФЗ от 06 октября 2003 года «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 09.01.2022).

Evgeniy S. Kulakovskiy

Voronezh State University, Voronezh

GEOGRAPHICAL EXPERTISE OF THE NEW DRAFT LAW ON LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA

***Annotation.** This report compares the current and proposed local government law in Russia to the State Duma. An assessment is given of the transformation of the principles of the territorial organization of municipalities, in connection with the inclusion of local*

self-government in the system of public authority. The author concludes that the bill needs to be adjusted.

Keywords: *territorial organization of society, system of public authority, municipalities, urban district, municipal district.*

УДК 332.012;332.12; 332.05;

Макар С. В.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва*

К МЕТОДОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КООПЕРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНОВ РОССИИ

***Аннотация.** Исходя из особенностей пространственного развития России и ее регионов, на основании исследования его предпосылок, приоритетов, зарубежного опыта, современных трендов, а также потребностей обеспечения связности пространственных компонент, представлены три научных подхода к формированию взаимодействий регионов, в т.ч. формированию кооперационных связей в экономике: ресурсно-комплементарный, агломерационный, инновационно-модернизационный. Данные подходы опираются на принцип дихотомии.*

***Ключевые слова:** пространственное развитие, связанность, методология, научный подход, дихотомия.*

Как известно, наличием концепции и научной парадигмы предопределяются текущие и перспективные направления развития страны и ее регионов. Анализ предпосылок трансформации [1], стратегических приоритетов [2], зарубежного опыта [3], потребности обеспечения связности пространственных структур обуславливают понимание реализации парадигмы как процессов, обеспеченных научно-обоснованными подходами к достижению целевых параметров, что в итоге определяет специфику реконструирования, реорганизации уже сложившихся пространственных структур, а также формирования новых пространственных компонент, инструментов познания экономического пространства [4] и возможностей управления его конструкциями.

В этой связи представленные научные подходы к формированию системы кооперационных связей и взаимодействий регионов опираются на принцип дихотомии, присущий российскому пространству. Для научного обоснования главных подходов выделены те аспекты, которые наиболее объективно характеризуют сложившуюся полимасштабную ситуацию. В

принципе, каждому пространственному аспекту может соответствовать определенный подход [5], однако, следуя современным трендам [6, 7, 8], а также закономерностям, нами позиционируется три комплексных подхода.

Во-первых, потребность определения ресурсной основы развития макро/региона предполагает два акцента — природно-ресурсный потенциал [9] и человеческий капитал [10]. Таким образом, между регионами возникает градиент, связанный с обеспечением производства природным сырьем [11] и применением для этого необходимого человеческого капитала. Данный подход обозначен как *ресурсно-комплементарный*.

Во-вторых, оценка структуры макропространства по критерию наличия в нем каркаса (либо его элементов [12]), как уже сложившегося хозяйства, так и для перспективного хозяйственного развития. Помимо городов и урбанизированных территорий в каркас включают транспортные пути и транспортные коридоры, в пределах которых происходит *концентрация* акторов и реальных пространственных структур. Антиподами насыщенных (урбанизированных) территорий выступают сельские территории как пространства *деконцентрации*. Между выделенными типами территорий возникает ресурсно-продуктовая связь. Исследования в рамках данного подхода опираются на учет аллокаций — как временных, так и пространственных — в размещении населения, хозяйственных структур, процессов, проектов. Данный подход обозначен как *агломерационный*.

В-третьих, пространственное развитие основано на соответствии структур макро/региона критериям инновационности. От регионов с наличием структур и компонент более высокого технологического уклада возникает градиент к регионам со структурами и компонентами более низкого технологического уклада [13, 14, 15]. Данный подход обозначен как *инновационно-модернизационный*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хайруллин В.А., Макар С.В., Ямалова Э.Н. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена //Дискуссия. 2021. № 5 (108). С. 88-104.
2. Кластеризация цифровой экономики: теория и практика: монография [Текст] / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. 807 с.
3. Строев П.В., Макар С.В. Зарубежный опыт пространственного развития и ключевые акценты для России// Региональная экономика. Т. 20, Вып. 1, январь 2022. С. 4-27. DOI: 10.24891/ге.20.1.4
4. ГИС-технологии для управления устойчивым пространственным развитием регионов/ под ред. П.В.Строева, Р.В.Фаттахова, С.В.Макар[и др.]. М.: А-проджект, 2018. 160 с.
5. Макар С.В. Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России: монография. М.: Экономика, 2012. 366 с.

6. Nosova, S.S, Norkina, A.N., Makar, S.V., Arakelova, I.V, Medvedeva, A. M., Chaplyuk, V. Z. The digital economy as a new paradigm for overcoming turbulence in the modern economy of Russia //Espacios.2018. V. 39(24). P.27-35.

7. Ткаченко А.А. Пространственное развитие России: Евразийский азимут //Экономика. Налоги. Право. 2021.Т.14. № 6. С.20-28.

8. Макар С.В., Ярашева А.В. Векторы экотрансформации экономического пространства регионов России в контексте потребности в управленческой адаптации// Самоуправление. 2021. № 6. С.375-379.

9. Макар С.В., Нещадин А.А. Развитие лесного потенциала России: экологические приоритеты // Экономика.Налоги. Право. 2014. № 6. С.42-48.

10. Власюк Л.И., Кашин В.К., Макар С.В. Индикаторы гуманизации регионального развития: человеческий капитал // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т.9.№ 6. С.68-76.

11. Экономика природопользования: учебник для бакалавров / В.Г. Глушкова, С.В. Макар. 2-е изд., перераб. и доп. Серия 58. Бакалавр. Академический курс. М.: Издательство Юрайт, 2015.-588 с.

12. Макар С.В., Строев П.В., Морковкин Д.Е. Акценты развития макро-регионального пространства России: социальная инфраструктура // Экономика в промышленности. 2019. Т.12. № 3. С.367-376. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-3-367-376.

13. Герасименко Т.И., Макар С.В., Носова С.С. О потенциальной роли инновационных территориальных кластеров в российских степных регионах // Степи северной Евразии: материалы IX международного симпозиума [электронный ресурс]/ под науч. Ред. А.А. Чибилева. Оренбург: ОГУ, 2020. С. 207-210.

14. Инновационный потенциал сельского хозяйства России: монография / А.М. Носонов, Л.И. Зинина, С.А. Тесленок и др. Саранск: Изд-во Мордовского унта, 2019. 217 с.

15. Макар С.В. Инновационный вектор развития лесного потенциала России// Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 10 (75). С. 8-16.

Svetlana V. Makar

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

ON THE METHODOLOGY OF SPATIAL DEVELOPMENT: SCIENTIFIC APPROACHES TO THE FORMATION OF A SYSTEM OF COOPERATIVE TIES AND INTERACTIONS BETWEEN RUSSIAN REGIONS

***Annotation.** Based on the peculiarities of the spatial development of Russia and its regions, on the basis of a study of its prerequisites, priorities, foreign experience, modern trends, as well as the need to ensure the connectivity of spatial components, three scientific approaches to the formation of interactions between regions are presented, incl. formation of cooperation ties in the economy: resource-complementary, agglomeration, innovation-modernization. These approaches are based on the principle of dichotomy.*

***Keywords:** spatial development, connectedness, methodology, scientific approach, dichotomy.*

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. *Рассматриваются угрозы цифровизации, включая проблемы межрегионального цифрового разрыва и информационной безопасности. Показана важность для устойчивого социально-экономического развития приграничных регионов РФ как интеграции в национальное цифровой пространство, так и цифровой трансформации трансграничного сотрудничества, включая поиск новых форм, механизмов и направлений его реализации.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, цифровой разрыв, интернет, приграничное сотрудничество, цифровой трансграничный регион.*

Научный и практический дискурс вокруг проблемы регионального развития все активнее фокусируется на вопросах цифровизации и более широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий для обеспечения устойчивости территориальных общественных систем [1]. Идея формирования цифрового общества получила освещение в трудах ученых по всему миру, объединив положения об информационной экономике и государстве, цифровом рынке труда, информационно-коммуникационной инфраструктуре, цифровом образовании и культуре [2].

При этом в современных исследованиях все больше уделяется внимание не только преимуществам цифровизации и цифровой трансформации территории, но и угрозам, рискам, сопровождающим данный процесс [3]. Например, Д. Евстафьев [4], анализируя уроки 2020 г., поднимает глобальную проблему обеспечения безопасности развития информационного общества в его современном формате, когда отсутствие международных регулятивных механизмов сопровождается разрушением ключевых структурирующих институтов постиндустриального общества. О несоответствии скорости совершенствования государственного регулирования и цифрового управления темпам развития цифровых технологий также говорит В.Н. Южаков в своей рецензии на монографию «Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении» [5]. В статье [6] обсуждается проблема удержания цифрового технологического суверенитета как необходимого условия национальной безопасности, что особенно актуально для России ввиду усиливающейся геополитической напряженности в отношениях со странами Запада.

К наиболее существенным угрозам для развития территориальных общественных систем относят цифровой разрыв, отражающий специфическую форму социального неравенства и проявляющийся в дивергенции населения по доступу к информационно-коммуникационной инфраструктуре и ее качеству; уровню развития цифровых навыков и интегрированности в цифровые экосистемы; существующим возможностям использования информационных технологий [7]. Более ранние научные работы [8; 9] показывают наличие цифровых разрывов в восприимчивости населения к внедрению информационно-коммуникационных технологий в свою повседневную жизнь под действием целого ряда социально-экономических, демографических и территориальных факторов [10-13].

Усиление цифрового разрыва ведет к асимметрии и поляризации информационного пространства с выделением в его структуре ядра и периферии, что происходит на уровне стран и регионов [14]. При этом мировое сообщество заинтересовано в повышении всеобщей доступности информационно-коммуникационных технологий как драйвера экономического развития, активно содействуя формированию общего информационного пространства [15].

Для России развитие цифровой экономики и цифрового государства является одним из приоритетных направлений, реализуемых посредством ряда национальных проектов. Однако разнообразие и многоукладность российских регионов не позволяют обеспечивать единую скорость формирования территориальных цифровых экосистем, требуя учета специфики сложившейся системы хозяйствования и расселения. Согласно результатам исследования Л.Г. Матвеевой и А.В. Каплиной [16], эффективность и сбалансированность модернизации экономики субъектов РФ связана не только с необходимостью развития ядра цифровой экосистемы, но и более широкого вовлечения в процесс цифровизации и информатизации потенциала остальных территорий, находящихся на периферии цифрового пространства.

К числу таких периферийных территорий, для которых цифровая трансформация приобретает все большую важность, могут быть отнесены приграничные регионы. Во-первых, это объясняется их отстающими позициями по многим значимым параметрам цифровизации от внутренних субъектов РФ [17] и приграничных регионов соседних государств [18], что порождает негативные эффекты для устойчивого развития приграничных экономики и общества. Во-вторых, связано с сильной зависимостью рубежных регионов от эффективности функционирования государственной границы, включая поддержание внешнеэкономических связей, обеспечение таможенного, миграционного и иного вида учета и контроля.

В настоящее время в России происходит активный процесс автоматизации и цифровизации деятельности таможенных органов, в том числе в рамках реализации федеральной целевой программы «Государственная граница РФ (2012-2020 годы)». Это уже позволило повысить доступность и качество таможенных услуг при сокращении затрат и сроков их предоставления [19]. Аналогичные системы функционируют и в других странах (например, входящих в состав ЕС). Также важной задачей является внедрение цифровых систем контроля за миграциями, которые будут способствовать развитию туризма и рынка труда приграничных регионов [20].

Эффективным подходом к нивелированию особенностей экономико-географического положения приграничных регионов, связанных с необходимостью преодоления ситуации двойной периферии, и реализации преимуществ близости к внешним рынкам является развитие (в результате целенаправленной политики добрососедства) трансграничного сотрудничества. Формы и характер его могут быть различны и зависят от целого ряда факторов: наднациональных, политических, исторических, культурных, языковых, социально-экономических, институциональных, инфраструктурных, инновационных и других [21].

В цифровую эпоху представляется важным развитие трансграничного сотрудничества в информационно-коммуникационной сфере и повышение цифровой интеграции приграничных регионов с перспективой формирования единого цифрового трансграничного региона [22]. Основой такого объединения должны стать гармонизация нормативно-правовой базы, регулирующей трансграничные цифровые процессы и потоки; общность информационного пространства, цифровой научно-образовательной среды и практик использования информационно-коммуникационных технологий в экономике, обществе и госуправлении; единство цифровой культуры и наличие совместных инициатив по цифровой трансформации традиционных трансграничных связей (например, в сфере транспорта и пограничного контроля).

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант 21-77-00082 «Цифровая трансформация трансграничного сотрудничества регионов России как фактор национальной безопасности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горлов К.Н., Ильичева М.В. Цифровизация как основа устойчивого развития региона: социально-политический и экономический аспекты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 42-50.
2. Климова А.Б. От информационного общества — к обществу знания // Дискуссия. 2016. № 7 (70). С. 73–79.
3. Светлаков А.Г., Глотина И.М. Влияние информационного пространства на экономическую безопасность региона // Экономика региона. 2018. № 14 (2). С. 474–484.

4. Евстафьев Д.Г. Между ангелом и бесом // Россия в глобальной политике. 2021. №2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/mezhdu-angelom-i-besom/#_ftn6 (дата обращения: 22.01.2022)
5. Южаков В.Н.К вопросу о цифровой трансформации государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 243–254
6. Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцов А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/suverenitet-i-cifra>(дата обращения: 22.01.2022).
7. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 19 (1). С. 108–120.
8. Беляцкая Т.Н., Князькова В.С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. 2019. № 10. С. 209–217.
9. Устинова Н.Г. Проблема цифрового неравенства в современной России // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2014. № 3 (37). С. 23–25.
10. Atkinson J., Black R., Curtis A. Exploring the digital divide in an Australian regional city: A case study of Albury // Australian Geographer. 2008. № 39 (4). P. 479–493.
11. Mumporeze N., Prieler M. Gender digital divide in Rwanda: A qualitative analysis of socioeconomic factors // Telematics and Informatics. 2017. № 7 (34). P. 1285–1293.
12. Song Z., Wang C., Bergmann L. China's prefectural digital divide: Spatial analysis and multivariate determinants of ICT diffusion // International Journal of Information Management. 2020. № 52.
13. Urbančíková N., Manakova N., Bielcheva G. Socio-economic and regional factors of digital literacy related to prosperity. Quality Innovation Prosperity. 2017. № 21 (2). P. 124–141.
14. Шарифьянов Т.Ф., Гайнанов Д.А. Модели преодоления цифрового неравенства в малых удаленных населенных пунктах на основе государственно-частного партнерства // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 8 (431). С. 19–32.
15. Зобова Л.Л., Щербакова Л.Н., Евдокимова Е.К. Цифровая пространственная конкуренция в глобальном информационном пространстве // Фундаментальные Исследования. 2018. № 5. С. 64–68.
16. Матвеева Л.Г., Каплина А.В. Направления развития цифровой экосистемы в регионах с разными хозяйственными укладами // Вестник Академии Знаний. 2020. № 40 (5). С. 274–279.
17. Михайлова А.А. Оценка межрегиональных диспропорций внедрения цифровых технологий в экономику приграничных регионов России // «Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества»: II Международная научно-практическая конференция, Минск, БГЭУ, 15–16 декабря 2021 г. С. 133–139.
18. Михайлова А.А. Трансграничная цифровизация Западного порубежья России: потенциал и перспективы // Балтийский регион. 2022. № 1 (14). С. 90–108. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-6.
19. Панаедова Г.И., Караулов Д.К. Современное состояние и основные направления применения информационных технологий в таможенной сфере //

Экономика и менеджмент в условиях цифровизации: состояние, проблемы, форсайт: труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 186–196.

20. Дронов Р.В., Ганчар Н.А. Нейтрализация цифровых угроз экономической безопасности приграничных регионов // Теоретические и прикладные аспекты экономической безопасности в условиях цифровизации: сборник статей ; под редакцией Р.В. Дронова, Е.Е. Шарафановой. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 74–79.

21. Хмелева Г.А., Федоренко Р.В. Основные тенденции и факторы формирования конкурентных преимуществ приграничных регионов // Экономические отношения. 2021. № 2 (11).С. 439–458.

22. Михайлова А.А. К вопросу о цифровой трансформации трансграничного сотрудничества приграничных регионов // Социально-экономическая география в XXI веке: новые реалии и практические возможности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 19–20 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е.А. Антипова (гл. ред.), А.П. Безрученко, А.В. Дыдышко. Минск: БГУ, 2022. С. 103–105.

Anna A. Mikhaylova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

SPATIAL FEATURES OF DIGITALIZATION IN THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Annotation. *The article considers the threats of digitalization, including the problems of inter-regional digital divide and information security. The importance of both integration into the national digital space and digital transformation of cross-border cooperation, including the search for new forms, mechanisms and directions for its implementation, is shown for the sustainable socio-economic development of the border regions of the Russian Federation.*

Keywords: *digital transformation, digital divide, internet, cross-border cooperation, digital cross-border region.*

УДК 911.3:314

Николаев Р. С., Чекменева Л. Ю., Чижова Л. О.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ПОДХОДЫ И ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Аннотация. *Раскрываются проблемы прогнозирования численности населения в меняющихся социально-экономических и геодемографических условиях. Сравняются подходы к прогнозированию и результаты прогнозов численности населения в Пермском крае. Подчеркивается, что демографический прогноз должен*

быть системным, вариативным (основываться на сценарных условиях), рассматривать специфические факторы демографического развития, а также принципы цикличности и колеблемости. На основе анализа тенденций основных демографических процессов в Пермском крае даётся прогноз его численности населения до 2050 г.

Ключевые слова: *Пермский край, численность населения, прогнозирование, территориальное планирование, демографический прогноз.*

Демографический прогноз — научно обоснованная информация о будущих тенденциях изменения численности, параметров воспроизводства и структур населения. На сегодняшний день существует большое количество видов прогнозов, различающихся по длине прогнозного горизонта (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и сверхдолгосрочные), а также целям прогнозирования (функциональные, аналитические, прогнозы-предостережения и нормативные) и методам, использующимся при создании прогноза. Наиболее эффективны прогнозы основанные на методе передвижки возрастов, который предполагает отслеживание динамики изменения численности отдельных когорт во времени.

Для создания правдивого полноценного прогноза численности населения формального анализа и простых математических вычислений недостаточно. В связи с этим целесообразно применение системного подхода, позволяющего учитывать большую совокупность демографических, экономических, социальных, политических факторов и условий.

На сегодняшний день одной из базовых демографических теорий, на которую может опираться демографический прогноз, является теория демографического перехода. Она подразумевает переход от высокой рождаемости и смертности к низким показателям рождаемости и смертности в связи с социально-экономическими изменениями. В 1980-е гг. базовая теория демографического перехода дополнилась изучением поведенческих факторов, влияющих на демографические процессы, голландскими учёными Д. Ван де Каа и Р. Лестагом, а также отечественным демографом М.А. Клуптом [1,2,3]. Таким образом, наше исследование также опирается на эти теоретические положения.

Важным аспектом при прогнозировании численности населения является учёт исторических и социально-экономических факторов, которые отражаются на демографических процессах, формируя их специфическую динамику. Так, для России и большинства регионов (в т.ч. Пермского края) характерна волнообразная динамика изменения демографических процессов. Причиной этому послужили кризисные ситуации XX в. социально-экономического характера (Мировые войны, распад СССР, экономические кризисы), что в результате стало причиной формирования многочисленных

и малочисленных поколений. Это в свою очередь приводит к изменению тенденций основных демографических процессов — рождаемости и смертности, что непременно следует учесть при моделировании ситуации демографического развития региона.

Для определения перспективной численности населения Пермского края к 2050 году мы опирались на имеющийся опыт прогнозирования численности населения Пермского края. В частности, были проанализированы работы «Прогнозный расчёт численности и состава населения городов (с населением 50 тыс. и выше) и районов Пермской области на период до 2005 года», выполненный под руководством доцента кафедры экономики Пермского государственного университета им. А.М. Горького В.С. Гельфанда, «Демографическая ситуация и трудовые ресурсы в Пермской области: прогноз и программа управления демографическими процессами», выполненной Центром по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством д.э.н., профессора В.А. Ионцева и «Прогнозирование медико-демографической ситуации в Пермском крае на период до 2020 г.» выполненного Пермским краевым научно-исследовательским клиническим институтом детской экопатологии под руководством д.мед.н., профессора Н.В. Зайцевой [4,5,6].

Анализ прогноза, выполненного пермскими учёными под руководством В.С. Гельфанда в 1984 г., показал важность учёта современных демографических теорий и тенденций.

Безусловно, создавая прогноз в 1984 г., коллектив учёных под руководством В.С. Гельфанда [4] не опирался на теорию демографического перехода, подразумевающую стабилизацию коэффициентов рождаемости и смертности практически на одном уровне. В то время данная теория не была дополнена положениями о втором демографическом переходе, подразумевающем изменения в репродуктивном поведении населения и переход к модели семьи с малым количеством детей, а также повышение среднего возраста матери при рождении первого ребенка (постарение рождаемости), что начало отражаться в рождаемости края уже в начале XXI в. и особенно ярко отражается сейчас. Таким образом, был заложен достаточно высокий показатель рождаемости в начале 80-х г., повысившийся тогда лишь на время ввиду вступившего в репродуктивный период многочисленного поколения. Отсюда можно сделать вывод о том, что в прогнозе недостаточно учтено влияние демографической волны особенно на изменение коэффициентов рождаемости в крае.

Также учёные Пермского университета не могли предвидеть случившийся в 1990-е г. социально-экономический кризис в стране, ставший причиной демографического кризиса и значительно отразившийся на тенден-

циях изменения численности населения в регионе. Это было одной из основных причин значительного различия полученной прогнозной численности населения Пермского края от её реального числа.

В результате недоучет этих факторов привел к получению завышенных прогнозных показателей численности населения края, которые предполагали, что к 2005 году численность населения Прикамья составит 3 271 063 чел. В сравнении с реальной численностью населения на тот момент, которая составляла, согласно данным Росстата, 2 748 233 чел. рассчитанная цифра превышала данное значение более чем на 500 тыс. чел.

В прогнозе, выполненном коллективом московских учёных под руководством В.А. Ионцева [5], данным позднее (2004 г.), в отличие от прогноза 1984 г. учтены факторы влияния демографической волны и смены репродуктивного поведения при разработке гипотез рождаемости для общего прогноза численности населения. Однако при разработке гипотез смертности, были заложены высокие показатели смертности, как результат социально-экономических изменений в стране в 1990-е г., а при разработке гипотез рождаемости была принята однодетная модель семьи, что привело к получению значительной естественной убыли населения, и в результате — к низкому показателю общей численности населения. Предполагалось, что к 2020 году численность населения Пермского края составит по благоприятному прогнозу 2 444,7 тыс. чел., а к 2050 году — 1 820,4 тыс. чел. (табл.1). Этот прогноз стал прогнозом-предостережением, показывающим необходимость проведения демографической политики и улучшения социально-экономических условий жизни населения.

Прогноз, разработанный в 2008 г. под руководством профессора Н.В. Зайцевой [6] на основе метода передвижки возрастов до 2020 г. показал наиболее близкие прогнозные результаты численности населения по сравнению с двумя прогнозами, составленными ранее. Однако стоит заметить, что это в первую очередь обусловлено более коротким периодом прогнозирования. Но в то же время, ввиду того, что разработанный прогноз был инерционным, т.е. без глубинного анализа репродуктивного поведения и учета проводимой демографической политики, повлиявшей на рост отложенных рождений, это стало причиной прогнозирования более низкого общего коэффициента рождаемости по сравнению с его реальным значением на тот период. В результате прогнозируемая численность населения в 2020 году составила 2 577 705 чел., что оказалось несколько ниже реальных значений (2 579 261 чел.).

В исследовании также осуществлен анализ прогнозных значений численности населения, осуществленный Росстатом до 2035 года, а также демографического прогноза из Схемы территориального планирования Перм-

ского края (см. табл. 1). Стоит отметить, что демографические прогнозы в стратегических и программных документах носят нормативный характер, то есть выступают в роли планового значения при реализации определенного сценария. В связи с этим в демографических прогнозах очень важное значение имеют сценарные условия и походы к их предвидению.

Таблица 1

Прогнозы численности населения Пермского края, чел.

<i>Источник прогноза</i>	<i>Прогнозный год</i>	<i>Прогнозное значение</i>
1. Прогноз по В.С. Гельфанду, 1984 г.	2005	3271,1
2. Прогноз по В.А. Ионцеву, 2004 г.	2050	1820,4
3. Прогноз по Н.В. Зайцевой, 2008 г.	2020	2577,7
4. Прогноз в Схеме территориального планирования Пермского края, 2019 г.	2035	
<i>а. Оптимистичный вариант</i>		2519,0
<i>б. Средний вариант</i>		2399,4
<i>в. Пессимистичный вариант</i>		2331,6
5. Прогноз Росстата, 2019 г.	2035	
<i>а. Высокий вариант</i>		2648,0
<i>б. Средний вариант</i>		2556,0
<i>в. Низкий вариант</i>		2348,0
6. Авторский прогноз	2050	2207,4

Сценарные условия, заложенные в прогнозах Росстата в 2018 году, уже потребовали корректировки, так как фактические значения даже в краткосрочном периоде стали отклоняться от прогнозных. Особенно существенно изменились показатели ожидаемой продолжительности жизни. Так, по прогнозу Росстата от 2019 года ожидаемая продолжительность жизни в Пермском крае должна была составить в 2020 году 71,67 [9]. Но в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции продолжительность жизни в регионе сократилась и составила 69,59 [10]. В связи с этим при долгосрочном демографическом прогнозе для определения сценарных условий (предполагаемых показателей воспроизводства населения) важно руководствоваться принципом цикличности, который предполагает наличие периодов роста и спада, волатильности показателей в связи с негативным влиянием внешних непрогнозируемых факторов.

Еще более сложная ситуация с прогнозом показателей механического движения, так как миграционные процессы имеют высокую степень вола-

тельности и зависят от множества как внешних, так и внутренних факторов. За последние десять лет годовое сальдо миграции в Пермском крае колебалось от 2 тыс. до -6,5 тыс. человек [8].

Для составления прогноза численности населения Пермского края были проанализированы тенденции изменения основных демографических процессов в крае, а именно рождаемости и смертности.

На сегодняшний день, в крае происходит стабилизация показателей рождаемости и смертности и наблюдается практически нулевой естественный прирост, что соответствует теории демографического перехода. Также на формирование демографической ситуации в крае, особенно на процессы рождаемости, оказала влияние демографическая волна, возникшая еще в начале XX в. В результате чего, наблюдается формирование многочисленных и малочисленных поколений, оказывающих влияние на абсолютное число рождений и смертей и периодическое повышение или понижение общих коэффициентов рождаемости и смертности в Пермском крае. Также стоит учесть фактор изменения репродуктивного поведения населения, т.к. на сегодняшний день в Пермском крае наблюдается процесс «постарения рождаемости». Средний возраст матери при рождении детей подходит к 30 годам [7]. Но при этом сохраняется ориентация на двухдетную модель семьи, что подтверждает суммарный коэффициент рождаемости, достигший к 2015 г. 2,01 [8].

Анализ показателей смертности выявил значительное снижение показателя младенческой смертности до 4,2 промилле в 2019 году (4,6 промилле в 2020 году) и незначительное повышение показателя средней ожидаемой продолжительности жизни населения Пермского края (в 2015 г. она составила 63 года у мужчин и 75 лет у женщин). Для анализа и отслеживания динамики смертности, нами были рассчитаны таблицы смертности на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2015-2019 гг.

Разработанный нами функциональный региональный прогноз общей численности мужского и женского населения Пермского края до 2050 г. (без учёта механического движения населения), основан на методе передвижки возрастов с учетом динамики основных демографических процессов на территории края, теории демографического перехода и учётом влияния формирования демографических волн в XX в., с помощью VBA программы демографического прогнозирования на базе приложения Microsoft Excel, разработанной при поддержке Российского фонда гуманитарных исследований в рамках проекта «Создание информационной системы социально-демографических данных с доступом через интернет». В сценарий прогноза были заложены коэффициент суммарной рождаемости (до

2035 г. — 1,57, после 2035 г. — 2,0), средний возраст матери при рождении ребенка (28 лет), ожидаемая продолжительность жизни при рождении отдельно для мужчин (62,7 г.) и для женщин (73,7 г.), коэффициент младенческой смертности (5,5‰) и доля мальчиков среди родившихся (постоянный показатель 0,515).

По нашим расчётам численность населения Пермского края на 2050 г. покажет более оптимистичное значение 2 207 394 чел. (табл.), чем уже имеющийся прогноз.

Таким образом, в нашем исследовании уточнены методологические подходы к прогнозированию численности населения. В системе учитываются демографические, социально-экономические факторы, поведенческие, политические (теория демографического перехода, демографическая волна, изменение современного репродуктивного поведения, повышение возраста матери при рождении ребенка («постарение рождаемости»), демографическая политика), оказывающие значительное влияние на прогноз численности населения. Однако современная эпидемиологическая ситуация внесет существенные коррективы в прогнозные значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Van de Kaa D. J. The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations// Population and Family in the Low Countries, 1994, С. 81-126.
2. Lesthaeghe R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition// Report on the Conference on “Fertility in the History of the 20th Century — Trends, Theories, Public Discourses, and Policies”, 2010, С. 1-19.
3. Клупт М.А. Демографическая повестка XXI в.: теории и реалии // Социологические исследования. № 8. 2010. С. 60-71.
4. Население Пермской области 1945-2002 гг. Заключительный отчёт / под ред. В.С. Гельфанда. Пермь, 1984. 5-112 с.
5. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / под ред. д.э.н., профессора В.А. Ионцева. М.: ТЕИС, 2004. С. 30-113.
6. Прогнозирование медико-демографической ситуации в Пермском крае на период до 2020 г. Отчёт о работе, выполненной в сфере государственного управления (Государственный контракт № 853 от 26 июня 2008 г.) / под ред. Н.В. Зайцевой. Пермь, 2008. С. 13-30.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае / Редактор С.Н. Бобылев, соредакторы Н.В. Зубаревич, П.И. Блусь, В.Г. Былинкина. Пермь: НП «Профессиональный интерес», 2015. С. 68-77.
8. Статистический ежегодник Пермского края. 2021: Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2021. 339 с.

9. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года: Стат. бюллетень/ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2018.

10. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Электронный ресурс [URL: <https://www.fedstat.ru>]. Дата обращения: 30.01.2022.

Roman S. Nikolaev, Larisa Yu. Chekmeneva, Liya O. Chizhova

Perm State National Research University, Perm

APPROACHES AND PRACTICE IN FORECASTING THE PERM REGION POPULATION

Annotation. *The article reveals the problems of population forecasting in changing socio-economic and geodemographic conditions. The authors give a comparison of approaches to forecasting and the results of population forecasts in the Perm region. The demographic forecast should be systematic, variable (based on scenario conditions), consider specific factors of demographic development, as well as the principles of cyclicity and fluctuation. Based on the analysis of trends in the main demographic processes in the Perm Krai, the authors propose their own population forecast in the region until 2050.*

Keywords: *Perm region, population, forecasting, spatial planning, demographic forecast.*

УДК 911.52 (470.51) (045)

¹Пермяков М. А., ²Романова Е. П.

¹*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск*

²*МБОУ «СОШ № 5» г. Можга, Удмуртская Республика*

НЕСООТВЕТСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ЛАНДШАФТНЫХ ГРАНИЦ КАК ПРИЧИНА НЕРАВНОМЕРНОЙ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ РАЙОНОВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *Несовпадение административных и ландшафтных (природных границ) всегда оказывает влияние на территориальную организацию населения и хозяйства. В данной статье рассмотрена динамика численности населения сельского населения в нескольких районах Удмуртской Республики, в которых по характеру природопользования чётко выделяются разные части: лесохозяйственные и полифункциональные аграрно-лесохозяйственные.*

Ключевые слова: *ландшафт, сельское население, сельскохозяйственное население, административное деление, Удмуртская Республика.*

В настоящее время природная обусловленность системы расселения и хозяйства уже не является всецело определяющей, однако влияние ландшафтных факторов до сих пор сказывается, в том числе через сложившуюся ранее систему расселения.

Исключением не является и территория Удмуртской Республики. Несмотря на её компактность и кажущуюся на первый взгляд однородность, внутри региона на самом деле существуют различия. Нами в ходе последних исследований было выявлено, что ландшафтные факторы продолжают оказывать влияние на сельское и, в особенности, на сельскохозяйственное население Удмуртской Республики [1,2], проявляющееся в территориальной дифференциации расселенческих показателей. Однако эти исследования рассматривали расселение населения лишь в пределах ландшафтов без учёта административно-территориальных единиц. Соответственно, целью данной работы является определение динамики численности населения в пределах административных районов Удмуртии с учётом их физико-географического деления.

Итак, в данной работе использована схема физико-географического районирования Удмуртской Республики В.И. Стурмана, согласно которой территория региона делится на 46 ландшафтов. Каждый ландшафт отличается от другого набором природных факторов [3], но они могут быть объединены в отдельные группы — типы, которых предварительно нами выделено 6:

- 1) долинные ландшафты;
- 2) возвышенные аккумулятивные холмистые на дерново-сильноподзолистых почвах на отложениях с преобладанием эоловых песков и супесей;
- 3) низменные аккумулятивные холмистые и грядово-волнистые на дерново-сильноподзолистых почвах на отложениях с преобладанием эоловых песков и супесей и древнеаллювиальных песков;
- 4) возвышенные эрозионно-денудационные и эрозионно-аккумулятивные холмистые на дерново-сильноподзолистых почвах на элювиальных и элювиально-делювиальных суглинках и глинах;
- 5) возвышенные эрозионно-денудационные и эрозионно-аккумулятивные холмистые и увалисто-холмистые на дерново-слабо- и среднеподзолистых почвах с фрагментами серых лесных и дерново-карбонатных на элювиально-делювиальных суглинках;
- 6) возвышенные эрозионно-денудационные и эрозионно-аккумулятивные холмистые и увалисто-холмистые на дерново-слабо и среднеподзолистых почвах с фрагментами серых лесных и дерново-карбонатных на элювиально-делювиальных суглинках.

Стоит заметить, что подобная типология носит предварительный характер и нуждается в более подробном обосновании, но уже условно можно определить, что 2, 3 и 4 типы — монофункциональные лесохозяйственные, 5 — полифункциональный аграрно-лесохозяйственный, 6 — аг-

рарный. С точки зрения сплошного расселения и освоения благоприятными являются 5 и 6 типы, 2, 3 и 4 осваивались очагово, а благоприятность 1-го типа не может трактоваться однозначно. При этом, можно обнаружить, что некоторые районы Удмуртии чётко делятся на две разные части: одна приурочена к аграрным и полифункциональным ландшафтам, другая — к лесохозяйственным (см. рис. 1).

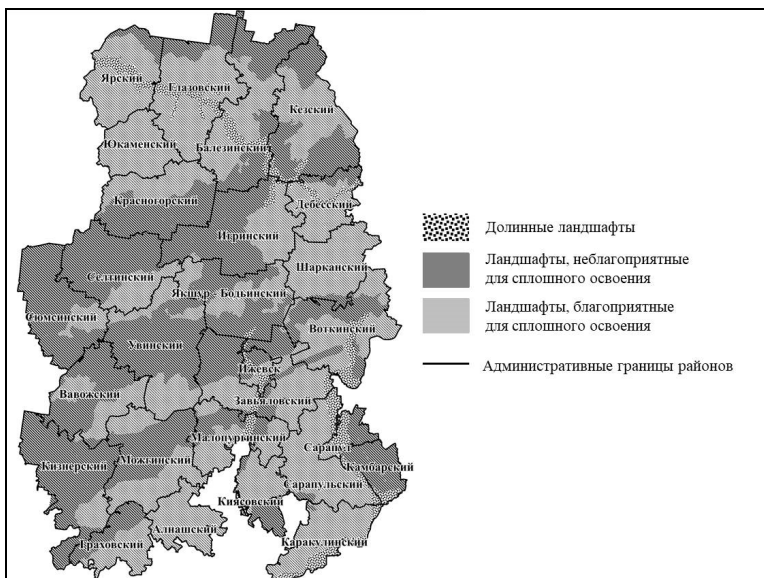

Рис. 1. Административная приуроченность ландшафтов, благоприятных и неблагоприятных для сплошного освоения

Наиболее хорошо это выражено в таких районах, как Бальезинский, Кезский, Граховский, Игринский, Якшур-Бодьинский, Селтинский, Сюзсинский, Красногорский и Кизнерский.

Для данных районов была вычислена численность населения на 1970 и 2020 гг. [4]. При этом не учитывались районные центры, поскольку их численность и динамика населения имеют неландшафтную основу. Для сравнения отдельно учитывалось сельскохозяйственное население, поскольку именно оно наиболее тесно связано со составляющими природу компонентами. Результаты представлены в таблице 1.

Для большинства районов (Бальезинского, Вавожского, Селтинского, Сюзсинского и Граховского) характерна такая особенность, что население

в ландшафтах с лесохозяйственным освоением снижается стремительнее, чем в ландшафтах с аграрным типом освоения. Здесь наиболее чётко выражается природная дифференциация: с одной стороны, сформировались природные комплексы низменных аккумулятивных равнин с эоловыми песчаными массивами, на которых формируются неплодородные дерново-сильнопodzолистые и различные гидроморфные почвы; а с другой — возвышенные ландшафты с расчленённым рельефом, свободные от болот, с преобладанием дерново-слабоподзолистых и нередко серых лесных почв.

Таблица 1

Динамика численности сельского и сельскохозяйственного населения по разным типам ландшафтов в исследуемых районах

Район	Неблагоприятные для сплошного заселения (монофункциональные лесохозяйственные)		Благоприятные для сплошного заселения (монофункциональные аграрные и полифункциональные аграрно-лесохозяйственные)	
	Динамика сельского населения, %	Динамика сельскохозяйственного населения, %	Динамика сельского населения, %	Динамика сельскохозяйственного населения, %
1	2	3	4	5
Балезинский	28,7	36,2	43,4	44,9
Вавожский	33,0	23,5	55,6	55,8
Граховский	14,0	18,0	38,6	37,5
Игринский	43,3	46,4	48,6	48,6
Кезский	31,2	22,2	31,2	33,1
Кизнерский	32,4	34,2	25,6	25,9
Красногорский	27,9	34,3	32,7	32,7
Селтинский	13,9	13,5	37,3	36,5
Сюмсинский	28,2	16,2	43,0	44,5
Якшур-Бодьинский	78,3	32,9	54,0	55,6

В первом случае сельскохозяйственное освоение затруднено, созданные здесь в советское время колхозы не смогли приспособиться к рынку и разорились, а предприятия лесной промышленности утратили своё былое значение, поэтому население стремительно сокращается за счёт миграции и, как следствие, естественной убыли. Этому способствует и редкая сеть населённых пунктов, что вызывает проблемы с транспортной обеспеченностью. Особенно тяжёлое положение характерно для бывших посёлков городского типа, где остро стоит проблема трудоустройства. Во втором случае условия для ведения сельского хозяйства довольно благоприятные; имеются как поч-

венные, так и лесные ресурсы (полифункциональность); население может прокормить себя на небольшой территории; создаются развитые транспортная сеть и инфраструктура, поэтому численность населения уменьшается медленнее, чем в соседних «несельскохозяйственных» ландшафтах. Данные процессы становятся причиной того, что в одном районе формируются два расселенческих «полюса»: один постепенно становится безлюдным, другой — начинает сосредотачивать в себе львиную долю населения района. Например, если в 1970-м году в ландшафтах лесохозяйственного профиля в Сюмсинском районе проживало свыше 16 тысяч человек (65% населения от района), то в 2020-м всего 5 тысяч (40% населения).

В Игринском, Кезском и Красногорском районах наблюдается несколько другая картина: сельское население в разных группах ландшафтов сокращается практически одинаково. Кезский район расположен на севере Удмуртии, где агроклиматические условия позволяют прокормить население лишь на небольшой территории, сельскохозяйственные поселения имеют малую людность. В свою очередь это является причиной слабой обеспеченности социальной инфраструктурой, которая лучше развита в несельскохозяйственных и, как правило, крупных поселениях. Игринский район имеет центральное положение, хорошо обеспечен транспортной инфраструктурой, обеспечен топливными полезными ископаемыми, которые здесь активно добываются, поэтому относительно других районов население здесь сокращается медленно.

Кизнерский отличается от других ускоренными темпами убыли населения в полифункциональных и монофункциональных аграрных ландшафтах. Данный феномен скорее объясняется наличием транспортной железнодорожной магистрали, близостью к заселённым районам Татарстана и сильного влияния Кизнера как крупного районного центра, концертирующего вокруг себя население в лесохозяйственных ландшафтах. К тому же, большая часть района принадлежит Люгинскому ландшафту, который отличается от других низменных на эоловых песках более высокой степенью освоённости.

В целом, для восьми из девяти указанных выше районов (исключение — Игринский) характерна значительная убыль населения, которая, помимо описанных факторов, связана с их крайним положением в пределах республики и удалённостью от городов.

В Якшур-Бодьинском районе численность населения сокращается быстро. Причинами этого являются высокая людность, сохранение большинства предприятий, нахождение в составе Ижевской агломерации, разработка нефтяных месторождений.

Таким образом, в административных районах Удмуртии, где наиболее чётко выделяются 2 разные части, динамика численности населения имеет

различный характер. Часть территории района остаётся практически безлюдной, когда другая начинает концентрировать в себе большую часть районного населения. Это подтверждает, что административные и природные границы в пределах Удмуртии во многих местах не совпадают. Подобные процессы не должны оставаться без внимания и требуют решений на муниципальном уровне. Речь не идёт о перекройке границ, но к каждой территории должен быть особый подход в управлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кашин А.А. Удмуртия в ландшафтном измерении: природа, культура, этнос: науч.-попул. монография / А. А. Кашин, М. А. Пермяков, Н. Н. Тимерханова, М-во науки и высш. образования РФ, ФГБОУ ВО "Удмуртский государственный университет", Ин-т естеств. наук, Ин-т удмурт. филологии, финно-угроведения и журналистики. — Ижевск: Удмуртский университет, 2019. [Электрон. ресурс] URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/18228> (дата обращения: 25.01.2022).

2. Пермяков М.А. Влияние ландшафтных факторов на динамику сельского населения (на примере Удмуртской Республики) / Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Теория и практика современных географических исследований», посвященной 180-летию российского путешественника и натуралиста, исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского в рамках XV Большого географического фестиваля. М.: Каллиграф, 2019. С. 169-173. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/17956> (дата обращения: 25.01.2022).

3. Природопользование и геоэкология Удмуртии: монография / под ред. В. И. Стурмана. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2013. 384 с.

4. Население / Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике [Электронный ресурс]. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/ (Дата обращения: 25.01.2022).

¹Maxim A. Permyakov, ²Elizaveta P. Romanova

¹Udmurt State University, Izhevsk¹

²Secondary educational school No. 5 of Mozhga, Udmurt Republic

THE MISMATCH OF ADMINISTRATIVE AND LANDSCAPE BOUNDARIES AS THE CAUSE OF UNEVEN POPULATION DYNAMICS WITHIN THE DISTRICTS OF THE UDMURT REPUBLIC

Annotation. *The mismatch of administrative and landscape (natural boundaries) always affects the territorial organization of population and economy. This article considers the dynamics of the rural population in several districts of the Udmurt Republic, in which different parts are clearly distinguished by the nature of nature management: forestry and polyfunctional agrarian-forestry.*

Keywords: *landscape, rural population, agricultural population, administrative division, Udmurt Republic.*

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО
БАНКА РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ В 2000-2010-е гг.**

Аннотация. В статье рассматривается динамика реализации и география проектов Евразийского банка развития (ЕАБР) в регионах России на основе составленной автором базы данных из 98 проектов ЕАБР.

Ключевые слова: Евразийский банк развития, Россия, проект, регион.

Евразийский банк развития (ЕАБР) был учрежден Россией и Казахстаном в 2006 г. с целью содействия «становлению и развитию рыночной экономики государств-участников..., их экономическому росту и расширению торгово-экономических связей между ними путем осуществления инвестиционной деятельности» [1]. ЕАБР является единственным многосторонним банком развития (МБР), который действует исключительно в странах-членах Евразийского экономического союза (помимо двух государств-учредителей — в Армении, Белоруссии и Киргизии), а также в Таджикистане, и, тем самым, способствует реализации интеграционной повестки на постсоветском пространстве.

В работах отечественных исследователей рассматривались основные показатели инвестиционной деятельности ЕАБР в своих странах операций [2, 3, 4], проводились сопоставления масштаба и особенностей работы ЕАБР и других МБР [5, 6], затрагивались некоторые отраслевые аспекты проектной работы банка [7]. Вместе с тем, изучению деятельности ЕАБР внутри стран операций уделялось несравненно меньше внимания. В данной работе мы рассмотрим географию проектов ЕАБР в регионах Российской Федерации с использованием составленной автором на основе официальных публикаций ЕАБР [8-11] и материалов из СМИ базы данных из 98 проектов банка, одобренных для реализации в 2007-2020 гг.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие краткие выводы:

1. Общий объем финансирования, предусмотренный в рамках проектов ЕАБР в Российской Федерации, составил накопленным итогом 5,35 млрд долл. При этом операционная деятельность ЕАБР отличалась цикличностью и значительной неравномерностью по годам (см. рис. 1). Так, после достижения рекордного объема операций в 1 млрд долл. по итогам 2012 г. банк не подписал ни одного проекта в 2015 г., а второй пик в проектной активности в 2018 г. (959 млн долл.) сменился более чем трехкратным спадом к 2020 г. (278 млн долл.). Такие результаты не вполне соответствуют мировой практике и контрциклической функции МБР [5, 12].

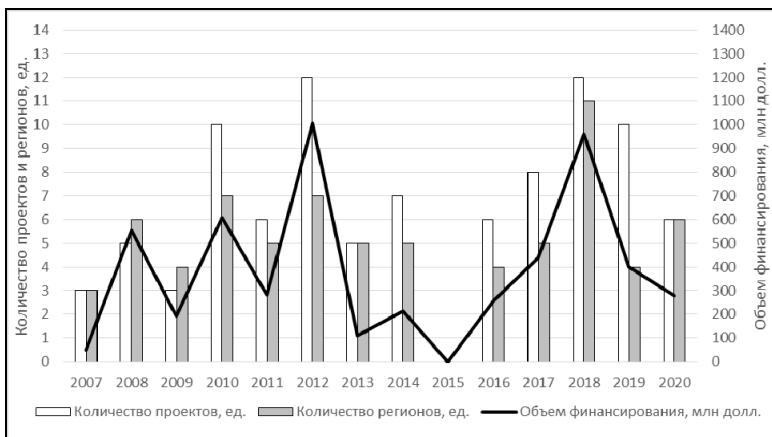

Рис. 1. Динамика проектной деятельности ЕАБР в регионах России в 2007-2020 гг.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным: [8-11].

2. Проектная деятельность ЕАБР за 14 лет охватила пока только 35% регионов России (30 из 85 субъектов Федерации — см. табл. 1), что, например, в два раза ниже уровня географической диверсификации операций Европейского банка реконструкции и развития в нашей стране в 1992-2014 гг. [12].

3. Санкт-Петербург и Ленинградская область оказались более крупными реципиентами инвестиций ЕАБР, чем, соответственно, Москва и Московская область. Кроме того, Ростовская (7 проектов) и Нижегородская (6 проектов) области по количеству реализованных проектов ЕАБР обогнали традиционно более инвестиционно-привлекательные регионы — например, Республику Татарстан (4 проекта) (табл. 1).

4. Такая ситуация объясняется узостью клиентской базы ЕАБР и наличием значительного количества повторных проектов с одними и теми же компаниями-клиентами. Например, в Санкт-Петербурге банк участвовал в финансировании строительства «Западного скоростного диаметра» (3 проекта объемом 609 млн долл.), в Ленинградской области — реализовал 3 проекта с АО «Тихвинский вагоностроительный завод» на общую сумму 364 млн долл., в Нижегородской области — трижды профинансировал строительство судов на АО «Окская судостроительная верфь» (130 млн долл.) и деятельность ПАО «НБД-Банк» (12 млн долл.), а в Ростовской области — выделил 6 кредитов ПАО «КБ «Центр-Инвест» (34 млн долл.).

Таблица 1

Список ведущих регионов по числу реализованных проектов ЕАБР

№	Регион(ы)	Количество проектов, ед.	Объем инвестиций, млн долл. *	Доля в общем	
				количестве проектов	объеме инвестиций
1	2	3	4	5	6
1	Москва	23	798,8	23,5%	14,9%
2	Санкт-Петербург	10	999,2	10,2%	18,7%
3	Регионы	8	292,0	8,2%	5,5%
4	Ростовская обл.	7	170,2	7,1%	3,2%
5	Нижегородская обл.	6	101,6	6,1%	1,9%
6	Ленинградская обл.	5	489,2	5,1%	9,1%
7	Московская обл.	5	148,7	5,1%	2,8%
8	Респ. Татарстан	4	211,7	4,1%	4,0%
9	Астраханская обл.	4	135,5	4,1%	2,5%
10	Респ. Хакасия	3	388,8	3,1%	7,3%
11	Иркутская обл.	2	200,0	2,0%	3,7%
12	Кемеровская обл.	2	152,8	2,0%	2,9%
13	Республика Саха (Якутия)	2	122,8	2,0%	2,3%
14	Респ. Мордовия	2	99,0	2,0%	1,9%
15	Респ. Чувашия	2	86,1	2,0%	1,6%
16	ХМАО	2	80,0	2,0%	1,5%
17	Новосибирская обл.	2	36,2	2,0%	0,7%
18	Магаданская обл.	2	32,1	2,0%	0,6%

* — в случае реализации проекта на территории двух или трех регионов, объем инвестиций для каждого региона был получен путем деления общего объема финансирования в рамках данного проекта на число регионов.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным [8-11] и материалам из СМИ.

5. Почти половина от общего объема инвестиций в России (48%) была ЕАБР направлена в сектор транспорта/транспортной инфраструктуры и энергетический сектор, в которых средний размер проектов составил соответственно 73 млн долл. и 86 млн долл. (табл. 2). Еще 30% финансирования пришлось на машиностроение, химическую и добывающую промышленность (средний размер операции — 111 млн долл., 87 млн долл. и 85 млн

долл.). Функция ЕАБР по поддержке торговли между странами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) реализовывалась в основном через выделение банкам-клиентам целевых кредитов для предоставления торгового финансирования компаниям из реального сектора экономики (первое место среди всех отраслей по количеству проектов и пятое — по объему операций).

Таблица 2

Распределение проектов ЕАБР в России по отраслям

Отрасль	Кол-во проектов, ед.	Объем инвестиций, млн долл.	Доля в общем	
			кол-ве проектов	объеме инвестиций
1	2	3	4	5
Банки	28	434,5	28,6%	8,1%
Транспорт/трансп. инфраструк-ра	20	1454,6	20,4%	27,2%
Энергетика	13	1114,4	13,3%	20,8%
Машиностроение	6	665,7	6,1%	12,4%
Химическая промышленность	6	519,9	6,1%	9,7%
Добывающая промышленность	5	425,0	5,1%	7,9%
Небанковский финанс. сектор	4	204,1	4,1%	3,8%
Муниципальная инфраструк-ра	2	125,6	2,0%	2,3%
Телекоммуникации	2	80,1	2,0%	1,5%
Недвижимость	2	55,7	2,0%	1,0%
Произв-во неметалл. изделий	2	36,2	2,0%	0,7%
Фонды прямых инвестиций	1	100,0	1,0%	1,9%
Деревообраб. промышленность	1	98,0	1,0%	1,8%
Агропромышленный комплекс	1	35,5	1,0%	0,7%

Источник: рассчитано и составлено автором по данным [8-11] и материалам из СМИ.

6. Также необходимо отметить крайне низкую долю в объеме финансирования ЕАБР в Российской Федерации агропромышленного комплекса (менее 1%) и сектора телекоммуникаций (1,5%). С учетом высокой приоритетности цифровой повестки в ЕАЭС и значительного сельскохозяйственного потенциала многих российских регионов, особенно в период действий российских контрсанкций, дальнейшее развитие проектной активности ЕАБР в первую очередь в этих двух отраслях представляется весьма перспективным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соглашение об учреждении Евразийского банка развития (г. Астана, 12 января 2006 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrejdanii-banka.pdf>.

2. Спивачевский П.М. Банки развития и их роль в формировании единого Евразийского экономического пространства: автореф. дис. ... к.э.н. СПб, 2012. 17 с.

3. Пилипенко И.В. Особенности деятельности многосторонних банков развития, созданных в 2000-2010 гг., в странах Евразийского экономического союза (часть I) // Проблемы современной экономики. 2020. №1(73). С. 12-17.

4. Пилипенко И.В. Особенности деятельности многосторонних банков развития, созданных в 2000-2010 гг., в странах Евразийского экономического союза (часть II) // Проблемы современной экономики. 2020. №2(74). С. 17-25.

5. Пилипенко И.В. Модель банка развития для содействия активизации инвестиционной деятельности в российской экономике // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т.3(98), № 2. С. 4-27.

6. Кузнецов А.В. Региональная роль Евразийского банка развития в посткоронавирусном мире // Мир новой экономики. 2020. №4. Т. 14. С. 22-32.

7. Алексеев П.В. Роль Евразийского банка развития в формировании Единого транспортного пространства ЕАЭС // Экономические науки. 2021. № 194. С. 151-154.

8. Обзоры инвестиционной деятельности международных банков развития в странах СНГ // Евразийский банк развития, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/cooperation/reviews-idb-investment/>.

9. Проекты ЕАБР // Евразийский банк развития, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/projects/eabr/>.

10. Сагимбаева Ж.Н. Обзор деятельности международных и региональных банков развития на Евразийском пространстве за 2-ое полугодие 2008 года // Евразийская экономическая интеграция. 2009. №1. С. 144-170.

11. Байбикова Э.Р., Стерлигова Ю.М. Обзор деятельности международных банков развития на Евразийском пространстве во II полугодии 2011 года // Евразийская экономическая интеграция. 2012. №1(14). С. 151-175.

12. Пилипенко И.В. Влияние Европейского банка реконструкции и развития на экономику государств-членов Евразийского экономического союза: проектный подход (Часть I) // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. №8(128). С. 21-39.

**MAIN FEATURES OF THE EURASIAN DEVELOPMENT BANK'S
PROJECT ACTIVITIES IN THE REGIONS OF RUSSIA IN THE 2000-
2010S**

Annotation. Based on a database of 98 projects composed by the author, this article considers the dynamics and geography of projects, which the Eurasian Development Bank (EDB) realized in the regions of Russia.

Keywords: Eurasian Development Bank, Russia, project, region.

УДК 911.3:32

**Рыгзынов Т. Ш., Батомункуев В. С.,
Гомбоев Б.О., Базаржапов Ц. Ж.**

*Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ*

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ**

Аннотация. В статье рассматривается эффективность транспортной инфраструктуры и взаимодействие сопредельных регионов Азиатской части России, Монголии, Китая и Казахстана с точки зрения создания международных экономических коридоров Шелкового пути и трансевразийских транспортных коридоров. Определены состояние транспортной инфраструктуры и ее влияние на формирование схемы территориальной организации хозяйственного комплекса. На основе количественных данных оценена территориальная дифференциация, причины дифференциации и предпосылки для дальнейшего сотрудничества России, Китая, Монголии и Казахстана в сфере международной торговли и экономического взаимодействия.

Ключевые слова: международное сотрудничество, приграничные территории, транспортная инфраструктура, транспортный коридор.

В современном мире транспортная инфраструктура является важной экономической системой, обеспечивающей основные процессы жизнедеятельности общества и производства внутри стран и международное взаимодействие между странами [1, 2]. В условиях глобализации необходимость совершенствования транспортной инфраструктуры является важным условием соответствия мировым стандартам, интеграции в мировую эко-

номическую систему и экономического благополучия [3]. В связи с этим совершенствование транспортной инфраструктуры и активное включение в новые анонсированные международные транспортные коридоры по маршрутам Шелкового и Чайного пути являются одними из приоритетных задач в рабочей повестке международного взаимодействия между Россией, Китаем и Монголией [4].

Объекты транспортной инфраструктуры Азиатской части России, Монголии, Китая и Казахстана, являются крупными звеньями территориально-хозяйственной структуры, играют важную роль в международном транспортном взаимодействии.

В проведенном исследовании транспортной инфраструктуры с характерными для данных объектов показателями обеспеченности и доступности, исследованы показатели продуктивности ее функционирования для более углубленного исследования степени взаимного влияния инфраструктуры и экономики региона. В соответствии с определенными и выбранными базовыми и производными индикаторами проведена оценка современного состояния и эффективности транспортной инфраструктуры Азиатской части России, Китая, Монголии и Казахстана.

Эффективность деятельности транспортной инфраструктуры оценивалась через три основных индикатора, отражающих производственную, социальную и коммуникационную роль объектов инфраструктуры [5]. Данные индикаторы рассчитаны на основе исходных данных о населении региона, плотности и производительности объектов транспортной инфраструктуры. Предлагаемый к рассмотрению методический инструментарий комплексной оценки развития транспортной инфраструктуры построен на использовании социально-экономического подхода и отличается от отраслевого тем, что учитывает связи между развитием транспортной инфраструктуры и развитием всех производительных сил и социальной сферы региона.

Анализ продуктивности функционирования транспортной инфраструктуры основан на показателях развития, условно разделенных на три основные группы:

1. Грузовая масса региона — показатель развития транспортной инфраструктуры с точки зрения пространственного размещения производительных сил («производственная» составляющая);
2. Транспортная мобильность населения — показатель развития транспортной инфраструктуры с точки зрения социальной направленности («социальная» составляющая);
3. Уровень развития межрегионального сотрудничества — обобщающий показатель транспортной обеспеченности и доступности региона («общерегиональная» составляющая).

На основе расчета обобщенного показателя, характеризующего обеспеченность объектами транспортной инфраструктуры и эффективности транспортной инфраструктуры получена интегральная оценка эффективности транспортной инфраструктуры рассматриваемого региона (рис. 1), которая отражает обеспеченность региона транспортной инфраструктурой и ее эффективность.

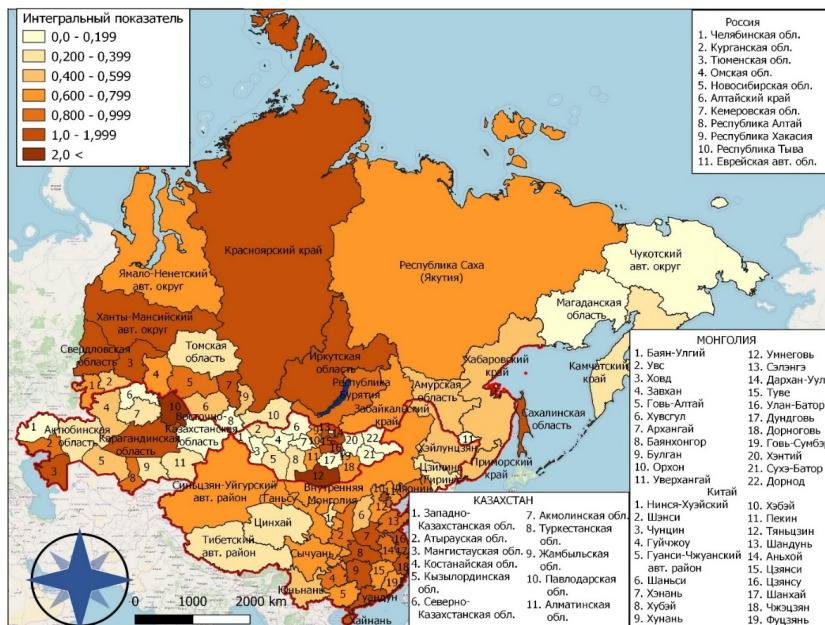

Рис. 1. Интегральный показатель эффективности транспортной инфраструктуры Азиатской части России, Китая, Монголии, Казахстана

Самые низкие уровни единого показателя эффективности транспортной инфраструктуры характерны для северо-востока Азиатской России, а также для приграничных регионов всех исследуемых стран. Эти территории традиционно отличаются слаборазвитой транспортной инфраструктурой, неравномерной плотностью застройки и сложными природно-климатическими условиями [6].

Для Азиатской России, Казахстана и Монголии наиболее высокие уровни унифицированного показателя характерны для регионов, расположенных вдоль основных транспортных путей, и для регионов с развитой

горнодобывающей промышленностью. Это связано с сильной неравномерностью социально-экономического развития территорий вследствие затяжного системного кризиса после распада СССР. Практически на всей территории бывшего СССР и Монголии (страны-сателлита) произошел спад производства, последствия которого до сих пор не преодолены. Экономический кризис привел к разрушению производственных цепочек, изменению традиционных рынков сбыта и операционных затрат.

В то же время некоторые регионы утратили большую часть своего промышленного потенциала и прежних функций, что сказалось на социально-экономическом положении и эффективности инфраструктуры в этих регионах [7]. Восстановительная динамика показателей в течение десятилетия 2000-2010 гг. во многом была обусловлена развитием промышленного производства, в основном сырьевого сектора. Перераспределение производства привело к росту промышленности в одних регионах и спаду в других, усугубив территориальные диспропорции. Благоприятная конъюнктура на мировых товарных рынках способствовала росту экономики регионов, ориентированных на экспорт полезных ископаемых и перераспределение социально-экономического потенциала между регионами [8]. Этот процесс, несомненно, повлиял на работу транспортной инфраструктуры.

Таким образом, крупнейшие промышленно-экономические центры развивались вдоль основных транспортных коридоров прежде всего за счет накопленного потенциала эквивалентного грузооборота и экспортного потенциала.

Показатели, рассчитанные по описанной выше методике, хорошо отражают процессы развития инфраструктуры. Используя эти данные, мы охарактеризовали функциональную и структурную динамику развития транспорта, причины изменений и оценили социально-экономические эффекты.

Оптимизация транзитного потенциала крупнейших транспортных маршрутов необходима в свете сильной конкуренции в сфере экспортных перевозок в России. Среди возможных направлений: увеличение грузо- и пассажиропотока, увеличение пропускной способности таможенного оформления, развитие сети подъездных путей, развитие приграничного сотрудничества, увеличение пропускной способности транспортной инфраструктуры. Кратчайшая железнодорожная линия между Европой и Пекином может появиться в результате реализации Россией, Монголией и Китаем проекта «Степной путь».

Стимулирование грузопотока по Северному морскому пути, а также рост контейнерных перевозок из Китая в Европу через китайско-казахстанскую границу может привести к снижению рентабельности Транссиба и БАМ.

С учетом этого в числе основных экономических приоритетов российской экспортной политики должна быть, прежде всего, коренная модернизация (электрификация и прокладка второго пути по российским стандартам) железной дороги Улан-Удэ — Улан-Батор — Замын-Ууд — самый короткий путь между Европой и Пекином; а также увеличение грузопотока через таможенные посты Забайкальск и Наушки.

Таким образом, Россия еще может минимизировать риски «реализации проектов международных транспортных коридоров в странах ближнего зарубежья, снижающих привлекательность транзитного потенциала Российской Федерации», которые из категории риска постепенно переходят в реальную угрозу для страны. экономическое развитие [9].

Реализация проектов прямого транспортного сообщения между Россией и Китаем через территорию Монголии (а также возможное строительство газопровода) позволит обеспечить все регионы необходимыми энергетическими и инфраструктурными условиями для освоения сырьевой базы и роста промышленного производства. Активное участие Китая в различных инфраструктурных проектах в Монголии указывает на растущую конкуренцию в регионе. Для России это могло бы стать фактором наращивания промышленного и экспортного потенциала, активного использования международных логистических коридоров, усиления транзитных возможностей и приграничного сотрудничества между Россией и Монголией.

Некоторые предлагаемые маршруты экономических коридоров инициативы «Один пояс, один путь», включая проекты Экономической зоны Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, совпадают с российско-монгольской трансграничной зоной, что создает условия для дальнейшего укрепления трехстороннего сотрудничества между Китаем и Монголией и Россией [10].

На этом фоне ожидаемый кратный рост торгово-экономических связей и партнерского взаимодействия может привести к существенному повышению экономической и геополитической роли приграничных территорий трех стран. Реализация таких масштабных проектов может привести к смягчению существующих этнокультурных, социально-экономических и экологических проблем.

В этой связи сотрудничество между странами в сферах военной и пограничной безопасности, охраны окружающей среды и борьбы с чрезвычайными ситуациями представляется крайне важным. В частности, приоритетными являются следующие задачи: борьба с международным терроризмом и организованной преступностью (организованные группы угона скота, контрабанда), управление чрезвычайными ситуациями (лесные пожары, степные пожары, трансграничный перенос загрязняющих веществ,

наводнения, эпидемии, эпизоотии), экологический мониторинг, рациональное использование водных и других ресурсов, организация коридоров сезонной миграции животных. В то же время рост внутривосточной транспортной инфраструктуры должен способствовать снижению межрегиональной асимметрии экономического развития.

Согласно полученным результатам, регионы, характеризующиеся высокими значениями, не демонстрируют, однако, и высокого экспортного потенциала. Другими словами, эти регионы являются транзитными для перевозимых грузов. В этих условиях значительное повышение эффективности российской экономики при сокращении экспорта сырья возможно за счет увеличения производства глубоко переработанной и высокотехнологичной продукции.

Текущая ориентация на увеличение грузооборота и расширение транспортной сети без существенных изменений в экспортной политике резко снижает эффективность всего транспортно-логистического комплекса. Для обеспечения эффективности экономических процессов основные меры должны быть направлены на снижение влияния сложных природно-климатических условий, диверсификацию производства и уход от сложившейся сырьевой модели хозяйства.

Работа выполнена в рамках бюджетного проекта БИП СО РАН № 122021800169-0

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кондратьев В. Б. Инфраструктура как фактор экономического роста / В. Б. Кондратьев // Российское предпринимательство. 2010. № 11-2. С. 29-37.
2. Каючкин Н. П. Географические основы транспортного освоения территории / Н. П. Каючкин; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т географии. Новосибирск: Наука, 2003. ISBN 5-02-031897-3.
3. Бакланов П. Я. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования / П. Я. Бакланов; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Тихоокеанский институт географии. Владивосток: Дальнаука, 2008. 215 с. ISBN 978-5-8044-0955-6.
4. Асаул М. А. Международные транспортные коридоры Евразии и Экономический пояс Шелкового пути / М. А. Асаул, И. Г. Малыгин, А. Е. Мохов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 4(30). С. 33-40.
5. Кудрявцев А. М. Методика комплексной оценки эффективности функционирования транспортной инфраструктуры региона / А. М. Кудрявцев, Л. Н. Руднева // Российское предпринимательство. 2014. № 8(254). С. 109-121.
6. Безруков Л. А. Суровость климата и эффективность экономики Сибири: мифы и реальность / Л. А. Безруков // География и природные ресурсы. 2012. № 3. С. 5-12.

7. Социально-экономическая география: понятия и термины: Словарь-справочник / А. А. Агирречу, А. Ю. Александрова, А. И. Алексеев [и др.]; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Географический факультет. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с. ISBN 978-5-93520-083-X.

8. Батжаргал Д. Современное состояние минерально-сырьевой базы Монголии / Д. Батжаргал, Б. Дашбал // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 122-127.

9. Российские транспортные мегапроекты в новых геополитических ситуациях / А. К. Тулохонов, Е. Ж. Гармаев, В. С. Батомункуев [и др.] // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 2(30). С. 37-45. DOI 10.31554/2222-9175-2018-30-37-45.

10. Yang Y., Dong S., Boldanov T., Li F., Cheng H., Liu Q., Li Y., Li Z. Construction of the Primorsky No. 1 and No. 2 International Transport Corridors: Risk Evaluation and Mitigation Policies. Sustainability 2021, 13, 2120. <https://doi.org/10.3390/su13042120>

**Tumun Sh. Rygzynov, Valentin S. Batomunkuev,
Bair O. Gomboev, Tsogto Zh. Bazarzhapov**

Baikal Institute of Nature Management Siberian branch of the Russian Academy of sciences, Ulan-Ude

EVALUATION OF THE EFFICIENCY OF THE TRANSPORT INFRASTRUCTURE OF THE ASIAN PART OF RUSSIA AND ADJACENT TERRITORIES IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF MODERN TRANSPORT CORRIDORS

Annotation. *The article discusses the efficiency of transport infrastructure and cooperation of neighboring regions located in Asian Russia, Mongolia and China in the context of creating new international economic corridors of the Silk Road. The selected methodological tools allow to study the state of transport infrastructure and its impact on the scheme of territorial organization of the economy. On the basis of quantitative data, we characterized the territorial differentiation, its causes and prerequisites for further cooperation. The article aims to highlight the possible ways of strengthening cooperation in the field of transport infrastructure and cross-border interaction.*

Keywords: *international cooperation, border area transport infrastructure, transport corridor.*

ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ НОВЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ В РОССИИ: ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

***Аннотация.** В последнее время в России активно обсуждаются проекты создания новых городских агломераций, в которых видятся новые точки для экономического роста и социального развития страны. Выдвигаются различные проекты, каждый из которых представляет интерес с точки зрения политико-демографических аспектов. В статье проводится анализ обсуждаемых проектов, определяются их сильные и слабые стороны, а также возможные последствия их реализации.*

***Ключевые слова:** Россия, агломерация, политическая демография, проекты.*

Как известно под агломерацией (от лат. — *agglomerare* — присоединять, накапливать, нагромождать) подразумевается компактная территориальная группировка поселений, объединенных интенсивными хозяйственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и др. связями. Считается, что пространственная сближенность и взаимодополняемость поселений агломерации способствует созданию благоприятных условий для развития в них разнообразных сфер деятельности [1].

Политическая демография рассматривает агломерации через призму процессов урбанизации и роста значения мегаполисов для политической сферы [2]. Д. Голдстоун указывал, что в обозримой перспективе 2/3 мирового населения будут составлять городские жители и их большая часть будет сконцентрирована в мегаполисах беднейших стран, а, значит, стоит ожидать усиления политической нестабильности, роста преступности и возникновения очагов международного терроризма [3]. Для российской ситуации данные угрозы минимальны в силу относительно высокого уровня социально-экономического развития. Но, это не значит, что формирование агломераций в нашей стране не порождает иных вызовов.

Идея целенаправленного формирования агломераций не нова — еще в начале XX века В.П. Семенов-Тянь-Шанский предлагал идею создания колонизационных баз в Сибири (по сути агломераций) как гарантов территориально-политического могущества России [4]. Время от времени эти идеи вновь оказываются в центре политической повестки. Сейчас, можно наблюдать целенаправленное педалирование этого вопроса со стороны политического истеблишмента страны, в частности, такие идеи выдвигали вице-премьер М. Хуснуллин [5], глава счетной палаты А. Кудрин [6] и др.

Попробуем разобраться в сути проектов. Так, А. Кудрин выдвигает идею объединения в несколько агломераций 20 городов-миллионников (или близких по численности), которые получают основные ресурсы и особый статус, например, создать агломерации Нижний Новгород — Казань — Самара, Екатеринбург-Челябинск-Пермь и Москва-Санкт-Петербург, причем необходимо обеспечить ускорение коммуникации между городами до временного интервала не более до 1,5 часов. Таким образом он предполагает обеспечить участие страны в глобальной конкуренции, где к 2025 году 60% мирового ВВП будет производиться в 600 крупных городах (причем, в первых 100 городах будет производиться 35% мирового ВВП), а этому критерию у нас соответствуют только Москва и Санкт-Петербург [6].

М. Хуснуллин выдвигает идею, что «нужно укрупнять регионы» создав 21 основную агломерацию и 3 тысячи опорных пунктов [5], причем должен быть один город-центр, вокруг которого будут объединяться тяготеющие к нему города, например, Казань предполагается объединить в одну агломерацию с городами Зеленодольск, Волжск и пгт Звенигово.

С. К. Шойгу заявлял о необходимости дополнительно построить «трипять» крупных городов с населением от 300 000 до 1 млн человек и с отраслевой специализации в Сибири и на Дальнем Востоке [7].

Конечно, создание агломераций может иметь положительные последствия, которые усматриваются в потенциальном росте доходов населения, повышении уровня и доступности услуг учреждений образования, здравоохранения, культуры, приведет к концентрации трудовых ресурсов, что в свою очередь, будет стимулировать потребности в строительстве жилья, создании транспортной инфраструктуры и позволит запустить новые промышленные объекты.

Однако проекты содержат и явно просматриваемые «слабые» стороны.

Прежде всего, целенаправленное формирование агломераций несет в себе риски нежизнеспособного проекта. Агломерации формируют интересы людей и потребности бизнеса, а не правительственные решения. Агломерации возникают тогда, когда этого настоятельно требует жизнь. Немало нежизнеспособных проектов подобного рода уже было в советское время и этот опыт следует учитывать.

Во-вторых, создание агломерации неизбежно усилит отток населения и «обезлюдение» с территорий примыкающей периферии.

В-третьих, любой центр становится своего рода «воронкой», высасывающей материальные и финансовые ресурсы из окружающего пространства. Эта тенденция тем более опасна, если агломерация создается на границах разных субъектов или же с участием населенных пунктов, административно относящихся к разным субъектам РФ, которые, таким

образом, могут оказаться под двойным экономическим «гнетом» — своего административного центра и центра агломерации.

В-четвертых, немаловажное значение имеют и сложности административного управления, особенно если агломерация будет включать в себя несколько населенных пунктов из разных регионов.

В-пятых, создание агломерации как «драйвера» экономического роста без дополнительного «накачивания» ее ресурсами из федерального центра невозможно. Создание агломерации, это, прежде всего, развитие транспортной инфраструктуры, что потребует огромных капиталовложений. В свете нынешней ситуации, насколько федеральный центр способен на подобные дополнительные траты с туманным результатом, который если и будет, то в лучшем случае через десятилетия.

Необходимо задуматься о конечной цели всех этих проектов. Действительно ли это стремление создать «центры экономического роста» или же очередная попытка «укрупнить регионы» и подвести новую основу под старую идею ликвидации национально-территориальных образований?

Есть ли реальное будущее у подобных проектов в нынешних условиях. Сейчас, в свете сложившейся экономической и геополитической ситуации, просматриваются два варианта:

1. О проектах забудут до «лучших времён», что еще раз подчеркнет иллюзорность самой идеи и ее истинную причину в виде стремления к «укрупнению» регионов.

2. Попытаются ускоренно реализовать, если действительно есть уверенность, что это нужно для рывка в социально-экономическом развитии, что это реально будущие «драйверы» роста.

С позиции политической демографии проекты создания агломераций в нынешней России несут некоторые риски, связанные с такими аспектами:

- Создание крупных агломераций, фактически мегаполисов, увеличит численность политически активного населения, что для действующего политического режима вряд ли является желаемым. Жители крупных городов и мегаполисов политически более эмансипированы и расположены к участию в политической активности, в том числе и в протестной. Чем выше численность населения, тем, объективно, выше численность политических активистов, сосредоточенных в рамках фактически одного населенного пункта.

- Создание агломераций может спровоцировать рост соперничества и конфликтов между региональными элитами.

- Усиление транспортной связанности населенных пунктов агломерации может порождать риски экологического и социального протеста, свя-

занного с принудительным выкупом земельных участков, вырубкой лесов, угрозой потери памятников природного или культурного наследия и т.д.

- Создание сильных агломераций может стать не фактором укрепления единства страны, а, наоборот, усилить центробежные тенденции, особенно если появятся мегаполисы, сопоставимые по демографическим и экономическим показателям со столичным регионом. Может усиливаться сепаратизм, но уже на региональной «почве».

Таким образом, в настоящее время проекты создания агломераций вызывают больше сомнений, чем оптимизма, и представляются крайне сложными для реализации в современных условиях.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лаппо Г.М. Городская агломерация / Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://bigenc.ru/geography/text/2371705> (проверено 15.03.2022).

2. Сакаев В.Т. Демография как фактор глобальной политики // Власть. 2014. №6. С.48-52.

3. Goldstone J. 2010. The New Population Bomb // Foreign Affairs. 2010. № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com> (проверено 13.03.2022).

4. Сакаев В.Т. Демографические процессы как фактор геополитики // В мире научных открытий. 2013. №11. С. 224-233.

5. Хуснуллин высказался за слияние регионов в агломерации // Коммерсант. 2021. 27 апреля. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4793076> (проверено 13.03.2022).

6. Кудрин: России необходимо создать 20 крупнейших агломераций / Сайт ПМЭФ -2017.[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4308990>(проверено 13.03.2022).

7. Шойгу назвал места для строительства новых городов в Сибири // Ведомости. 2021. 6 сентября. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/09/06/885308-detali-novie-goroda> (проверено 13.03.2022).

Vasil T. Sakaev

National Research University «Higher School of Economics», Moscow

PROJECTS FOR CREATING NEW AGGLOMERATIONS IN RUSSIA: THE ASPECTS OF POLITICAL DEMOGRAPHY

Annotation. *Recently, in the Russian society has been actively discussing projects of creation new urban agglomerations, in which they see new points for economic growth*

and social development of the country. Various projects are put forward, each of which provokes the interest in terms of determining the political demography aspects. The article analyses the projects under discussion, identifies their strengths and weaknesses, as well as the possible consequences of their implementation.

Keywords: *Russia, agglomeration, political demography, projects.*

УДК 910.3

Сидоров В. П.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ЛОГИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА «КАМБАРКА» В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

***Аннотация.** После начала 2010-х годов в Удмуртской Республике на правительственном уровне стали обсуждать проект создания в регионе международного мультимодального логистического центра «Камбарка». Были проведены первые слушания в среде ученых и практиков, намечены первые работы. Однако после смены руководства республики реализация проекта была отложена. По мнению автора статьи, проект не исчерпал своего потенциала.*

***Ключевые слова:** международный мультимодальный логистический центр, Камбарка, Удмуртская Республика*

Город Камбарки был основан 21 февраля 1741 г. В 1761 г. в городе начато строительство плотины. С 1917 до 1923 гг. Камбарка являлась волостным центром Осинского уезда Пермской губернии. В 1924 г. был создан Камбарский район, который вошел в состав Сарапульского округа Уральской области. В 1929 г. завод Камбарка переименован в рабочий поселок Камбарка. В 1931 г. Камбарский район был ликвидирован, его территория была присоединена к Сарапульскому району [1, 2]. В 1938 г. Камбарка был передан в Удмуртскую АССР. Вновь Камбарский район был образован в 1939 г. в результате разукрупнения Сарапульского района. В 1945 г. поселок Камбарка в город Камбарка. В 1967 г. вновь образован Камбарский район с центром г. Камбарка [2]. Население 10,05 тыс. жителей. Город расположен в юго-восточной части Удмуртской Республики, в восточной части Восточно-Европейской равнины, на несудоходной реке Камбарка (левом притоке Камы). Расстояние до Ижевска — 88 км [3]. В новейшей истории Камбарка прославилась как крупнейшее в стране хранилище химического оружия. Через Камбарку проходит железная дорога Казань–Екатеринбург. В городе имеется железнодорожная станция «Камбарка» Горьковской железной дороги. Расстояние по железной дороге до

станции «Ижевск» 126 км. Расстояние до ближайшего аэропорта «Ижевск» — 114 км. На расстоянии около 8 км от Камбарки в поселке Кама расположен речной порт «Камбарка». Он стал одним из крупнейших грузовых портов в Камском речном бассейне. Порт «Камбарка» переваливает порядка 1 млн т груза в год. Пиковый грузооборот порта достигал 6 млн т.

В первой половине 2010-х годов в Удмуртской Республике на правительственном уровне стали обсуждать проект создания в регионе международного мультимодального логистического центра (ММЛЦ) «Камбарка». К сильным сторонам реализации проекта ММЛЦ можно отнести:

- возможность в полной мере использовать выгодное транспортно-географическое положение Камбарки на пересечении Транссибирской железной дороги, второй по значимости реки в Европейской части России — Камы, потенциального транспортного коридора «Транссиб», запланированного в рамках транспортной стратегии РФ на 2010–2030 гг.;
- Камбарка входит в состав трансграничной Ижевской моноцентрической городской агломерации, насчитывающей более одного миллиона жителей из 4-х субъектов Российской Федерации;
- введение в эксплуатацию автомобильных мостов через реки Кама и Буй;
- возможность использования поселка Кама как самого северного глубоководного порта на р.Кама;
- возможность обслуживать перевозки, связанные с деятельностью завода по утилизации отходов повышенной степени опасности в Камбарке;
- возможность обслуживать перевозки на маршруте Урал — Волга — Каспийское море — Иран, Азербайджан;
- возможность обслуживать перевозки на маршруте Челябинск (ПАО «Мечел») — Ижевск (ПАО «Ижсталь»);
- возможность для причаливания в п. Кама туристским теплоходам.
- возможность создания дополнительных рабочих мест в депрессивных Камбарке и Камбарском районе.

Слабые стороны проекта:

- Нет постоянного гарантированного потока грузов. Пока не совсем понятно — на какие грузы будет ориентироваться ММЛЦ: насыпные, навалочные, генеральные. А это важно для создания специализированной инфраструктуры: транспортной, погрузочно-разгрузочной, складской;
- железнодорожная станция Камбарка — транспортный пункт, но не транспортный узел;
- недостаточная техническая оснащенность ж.д. станции Камбарка: короткая платформа, недостаточная длина подъездных путей, практически

мало складских помещений, недостаточно погрузочно-разгрузочной техники и т.д.;

- порт Камбарка расположен не в самой Камбарке, а в п. Кама.

К сожалению, в свое время не было проведено комплексного исследования потенциала проекта. Поэтому видится необходимым проведение нижеследующих финансово не особенно затратных работ, после окончания которых можно будет принять решение о возможности реализации проекта ММЛЦ «Камбарка»:

1. Общий анализ транспортной системы Удмуртской Республики, направления и структуры грузоперевозок.

2. Оценка направления, объема и структуры перевозок грузов на автомобильном транспорте по направлению к/от территории потенциального размещения ММЛЦ г. Камбарка.

3. Оценка направления, объема и структуры перевозок грузов на железнодорожном транспорте по направлению к/от территории потенциального размещения ММЛЦ г. Камбарка.

4. Оценка направления, объема и структуры перевозок грузов на речном транспорте по направлению к/от территории потенциального размещения ММЛЦ г. Камбарка.

5. Анализ и оценку конкурентных преимуществ и рисков размещения ММЛЦ в г. Камбарка.

6. Выделение и анализ потенциальной зоны обслуживания ММЛЦ г. Камбарка.

7. Оценка изменения транспортных потоков по транспортным коридорам, проходящим по территории Удмуртской Республики при условии создания ММЛЦ г. Камбарка, преимущества таких изменений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Администрация Камбарского района [официальный сайт]. URL: <http://www.kamrayon.ru/city/> (дата обращения 04.01.22).

2. Глава Удмуртской Республики и Правительство Удмуртской Республики [официальный сайт]. URL: <http://udmurt.ru/region/district/> (дата обращения 04.12.21).

3. Атлас Удмуртской Республики / Д. А. Адаховаский, Э.В. Алексеева, О.Г. Баранова [и др.], гл. ред. И. И. Рысин. 2-е изд. Москва: Феория; Ижевск : Удмуртия, 2020. 287 с. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/20076>. / (дата обращения 07.10.21).

ON THE FEASIBILITY OF CREATING THE INTERNATIONAL MULTIMODAL LOGISTICS CENTER «KAMBARKA» IN THE UDMURT REPUBLIC

Annotation. After the beginning of the 2010s in the Udmurt Republic, at the governmental level, they began to discuss the project of creating an international multimodal logistics center "Kambarka" in the region. The first hearings were held among scientists and practitioners, the first work was planned. However, after the change of leadership of the republic, the implementation of the project was postponed. According to the author of the article, the idea has not exhausted its potential, and its implementation can contribute to the socio-economic development of the region.

Keywords: international multimodal logistics center, Kambarka, Udmurt Republic.

УДК 911.3:528

Соколов С. Н.

Нижевартровский государственный университет, Нижневартовск

ЦЕНТРОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье раскрывается сущность центрографического метода, который можно применять в экономико-географическом исследовании. Центрографический метод существенно облегчает рассмотрение статистических и картографических данных, делает их достаточно наглядными, выразительными и обзорными.

Ключевые слова: центрография, экономико-географические исследования.

Слово «центрография» известно не каждому географу или картографу, и это не случайно. Центрографический метод — направление в социально-экономической географии, занимающееся определением географических центров различных социально-экономических, культурных и политических явлений по картам-центрограммам с использованием метода нахождения центра тяжести, заимствованного из механики [1]. П.М. Полян и А.И. Трейвиш пишут, что в пространственном распределении различных явлений с помощью анализа взаиморасположения центра явлений можно определять динамику смещения центров одного или нескольких явлений за достаточно продолжительный период времени [2]. Центрограммы позволяют

определить тенденции перемещения центра тяжести в расположении отдельных явлений, составить целые статистико-географические описания.

Изображение информации в виде картографических моделей позволяет представлять экономико-географические показатели в наглядной форме, оценивать их территориальное распределение, расширять информационную базу. В то же время, в научной литературе почти не освещены центрографический метод географического и картографического исследования и их связь с экономико-географическим положением [3]. Центрографический метод существенно облегчает рассмотрение статистических и картографических данных, делает их достаточно наглядными, выразительными и обзорными [4].

Центрографический метод был разработан в России Д.М. Менделеевым, описавшим его в 1901 г. в работе «К познанию России» [5]. К сожалению для отечественной науки, центрография была объявлена лженаукой в начале 1930-х гг. и фактически запрещена до середины 1970-х гг. Первая отечественная публикация, в которой центрография не называется псевдонаукой, вышла лишь в 1974 [6]. В то же время, на статью Е.Е. Святловского и У.К. Иллса, опубликованную на английском языке в 1937 году, продолжают ссылаться учёные всего мира. На русском языке она была опубликована только в 1989 г. [7]. Американский географ Р.Дж. Джонстон отмечает, что географы развили впервые применённую русскими методику центрографических измерений [8].

В статье А.Л. Дмитриева рассмотрена история центрографии и деятельности Центрографической лаборатории им. Д.И. Менделеева при Географическом обществе в Ленинграде, а также показана роль Е.Е. Святловского в становлении этого научного направления [9]. Е.Е. Святловский так определял сущность центрографического метода: «Центрографический метод является средством ввести в географическое изучение экономической действительности количественное измерение и определение пространственных соотношений в экономических явлениях». В настоящее время происходит постепенное возвращение интереса к центрографии, о чем свидетельствует ряд публикаций [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Центральность географического положения — важный фактор общественной жизни, который сказывается на оперативности функций управления, на географических векторах освоения территории, на размещении предприятий и учреждений и т.д.

Само слово «центрография» удачно объединяет в себе название как объекта, так и метода исследования. Объектом выступает «центр», а методом — картографическая форма его отображения [16]. Понятие «центр» рождено математикой и первоначально под ним подразумевалась цен-

тральная точка круга. Затем математический аппарат стал использоваться для нахождения центров треугольников, квадратов, шестиугольников и других правильных и неправильных плоских и объемных фигур [17].

Именно география стала той наукой, где возникла идея становления и развития центрографического метода исследования. Центрическое строение является характерным для многих социально-экономических объектов и явлений, исследуемых географами. По мнению В.А. Червякова, в географии вырисовывается пять особенностей, свидетельствующих о связи центрографии с картографией, математикой, статистикой и методом точечного моделирования. Выявленные особенности географических центров дают основание рассматривать центрографию как метод изучения социально-экономических явлений с помощью карты [18].

Наиболее распространенный способ нахождения отраслевых центров — аналитический. Он предполагает выполнение операций следующим способом. Вначале с географических карт снимается географические или прямоугольные координаты центров локализации статистических данных. Затем по специальным формулам вычисляются средневзвешенные координаты центров. И, наконец, по расчетным координатам на карту наносятся искомые центры.

Центрографический метод направлен на поиск географической точки, относительно которой суммарный момент сил тяжести, действующих на систему в рамках территориальной единицы, равен нулю [19]. В отличие от других методов, центрографический метод для анализа пространственной динамики системы расселения относительно редко применяется [20]. Этот метод может использоваться также в комплексных географических исследованиях, при экономической оценке природных ресурсов, в геоинформатике и т.д. [21]. Решению этих задач способствует включение в число изучаемых центров не только получаемых в результате расчетов, но и реально существующих объектов. Мы предлагаем применять данный метод и при обучении географии и картографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
2. Полян П.М., Трейвиш А.И. Центрографический метод исследования территориальных структур: проблемы развития и применение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990. № 2. С. 180-202.
3. Соколов С.Н. Картографический анализ интеграционного потенциала экономико-географического положения // Бюллетень науки и практики. 2017. №4. С. 149-161.

4. Соколов С.Н. Центрографический метод географического и картографического исследования // Географические науки и образование: Матер. X Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань: Астрахан. гос ун-т, 2017. С.85-88.
5. Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. 576 с.
6. Шарыгин М.Д. Центрографический метод исследования территориальных сдвигов производительных сил // География и математика. Тарту, 1974. С. 241-243.
7. Святловский Е.Е. Илс У.К. Центрографический метод и региональный анализ // География и хозяйство. Вып. 3. Центрографический метод в экономической географии. Л.: Изд-во ГО СССР, 1989. С. 9-20.
8. Джонстон Р.Дж. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. М. Прогресс, 1987. 368 с.
9. Дмитриев А.Л. Центрография и картографы в Ленинграде: страницы истории // Финансы и бизнес. 2016. № 3. С. 121-132.
10. Тархов С.А. Нетрадиционные центрографические методы // География и хозяйство. Вып. 3. Центрографический метод в экономической географии. Л.: Изд-во ГО СССР, 1989. С. 84-92.
11. Бурцева С. Теоретико-методологические основы применения центрографического метода // Вопросы статистики. 1997. № 8. С.58-62.
12. Червяков В. А. Количественные методы в географии: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 259 с.
13. Панин А.Н., Тикуннов В.С. Центрографический метод для анализа расселения коренных малочисленных народов (на примере народов Севера, Сибири и Дальнего Востока) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 6. С. 104-106.
14. Полян П.М. Территориальные структуры урбанизация расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. 783 с.
15. Aboufadel E., Austin, D. A New Method for Computing the Mean Center of Population of the United States // The Professional Geographer. 2006. Vol. 58, No. 1. P. 65-69.
16. Червяков В.А. Концепция поля в современной картографии. Новосибирск: Наука, 1978. 149 с.
17. Архипов Ю.Р., Блажко Н.И., Григорьев С.В. Математические методы в географии. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. 352 с.
18. Червяков В.А., Колмакова И.А. Центрография и перспективы её использования в современной географии // Известия АН. Серия географическая. 2002. № 6. С.55-59.
19. Рахаев Б.М., Энеева М.Н., Алибий Ф.М. Где находится экономический центр России, и каким было его поведение в 2005-2015 гг.? // Известия РГО. 2019. Т. 151, вып. 5. С. 67-78
20. Преображенский Ю.В. Проблема целостности системы расселения (на примере Нижнего Поволжья) // Общественно-географическая структура и динамика современного евразийского пространства: вызовы и возможности для России и её регионов: Материалы междунар. науч. конф. в рамках XI ежегод. науч. Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2020. С. 441-445.

21. Соколов С.Н. Оценка потенциала экономико-географического положения городов и агломераций Ханты-Мансийского автономного округа Югры // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы: Сб. матер. Всерос. науч. конф. М.: Моск. гос. ун-т, 2016. С. 138-144.

Sergei N. Sokolov

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk

CENTROGRAPHIC METHOD OF ECONOMIC-GEOGRAPHICAL RESEARCH

***Annotation.** The article reveals the essence of the centrographic method, which can be used in economic and geographical research. The centrographic method significantly facilitates the consideration of statistical and cartographic data, makes them sufficiently visual, expressive and overview.*

***Keywords:** centrography, economic and geographical research.*

УДК 332.145

Яковенко Н.В.

*Воронежский государственный лесотехнический университет
имени Г.Ф. Морозова, Воронеж*

ПРОЦЕСС СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА МЕЗОУРОВНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ, ПРАВОВОЕ, ИНФОРМАЦИОННОЕ И НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

***Аннотация.** Научно-обоснованной основой процесса стратегического планирования социально-экономического развития территорий мезоуровня (мезосистем) должна служить методология стратегического планирования, под которой следует понимать совокупность требований, выдвигаемых к субъектам планирования в процессе предсказания будущего объекта, которые воплощаются в систему принципов стратегического планирования и формируют логику этого процесса. В статье раскрыты институциональные, правовые, информационные и научные принципы обеспечения процесса стратегического планирования на мезоуровне.*

***Ключевые слова:** стратегическое планирование, мезоуровень, социально-экономическая политика.*

Целенаправленное воздействие на тенденции пространственного развития и размещения производительных сил относится к числу главных задач социально-экономической политики государства, особенно на этапе перехода к использованию методов стратегического планирования [1]. Территориальное, или пространственное планирование является сейчас одним из неотъемлемых атрибутов управленческой деятельности развитых стран.

Благодаря современным планам и программам возможно эффективное использование ресурсов всех уровней и видов, обеспечение качества среды обитания, сохранения культурного наследия, удовлетворения потребностей общества в целом и согласование индивидуальных запросов. Под планированием в общем смысле обычно понимается «...деятельность по оценке и перспективной организации ресурсов для достижения различных задач, и целей». В конкретизированном виде планирование — это «комплексный процесс, ведущий к консенсусу, основанному на признании всех включенных проблем, их оценке и определении целей. Конечной целью является разработка шаблона/модели для будущего развития...» [2].

Фундаментальные и практические вопросы теоретического изучения вопросов стратегического планирования на разных иерархических уровнях нашли отражение как в зарубежных [3-6], так и отечественных исследованиях ученых [7-12].

Предполагаем, что базисом формирования целостной системы стратегического планирования в государстве должна выступить концепция стратегического планирования на мезоуровне, основу которой составляют следующие положения: формулирование стратегической цели и определение государственных приоритетов на национальном уровне; разработка стратегий на местном уровне, интегрирование базовых положений стратегий местного уровня в стратегический план действий регионального уровня. Это будет способствовать взаимосогласованности, с одной стороны стратегий мезоуровня, с другой — стратегий макро- и мезоуровня, а также обеспечит консолидацию усилий правительств административно-территориальных единиц (АТЕ) к решению общих вопросов местного значения и позволит воплотить идею целостности стратегического планирования в государстве. Организация процесса стратегического планирования требует соответствующего институционального, правового, информационного и научного обеспечения.

Институциональное обеспечение процесса стратегического планирования на мезоуровне включает: 1) организацию деятельности институтов-посредников по вопросам стратегического планирования и управления стратегическим развитием АТЕ в лице агентств регионального развития, в функции которого будет входить анализ, координация и сопровождение процессов стратегического планирования; разработку и утверждение механизма взаимодействия агентств регионального развития с органами государственной власти по вопросам стратегического планирования и управления стратегическим развитием; регламентацию взаимоотношений и ответственности сторон, привлекаемых к разработке стратегий; проведение агентствами регионального развития инвентаризации и анализа ранее при-

нятых стратегий, долгосрочных программ и планов, разработка с учетом финансовых возможностей предложений по их пересмотру, системному согласованию.

Правовое обеспечение включает: принятие единого, базового закона о стратегическом планировании, с признанием в качестве документов государственного стратегического планирования стратегий социально-экономического развития АТЕ разных уровней; установление единого порядка разработки, проведения мониторинга и оценки их реализации; делегирование полномочий по осуществлению функции долгосрочного планирования, в частности разработки региональных стратегий развития, мониторинга и оценки их реализации от областных и государственных администраций институтам-посредникам по вопросам стратегического планирования и управления стратегическим развитием на уровне в лице агентств регионального развития с учетом возможностей постоянного анализа социально-экономического состояния АТЕ, проведения мониторинга и оценки реализации стратегий, внесения изменений в них; разработку и утверждение Положения об Агентстве регионального развития, которое будет определять структуру, функции, порядок организации и работы института-посредника в государстве по вопросам стратегического планирования и управления стратегическим развитием АТЕ.

Информационное обеспечение включает: обеспечение полноты, объективности, постоянной актуализации информации о состоянии и тенденциях социально-экономического развития АТЕ, перспективах реализации государственной политики в этой сфере, возможностях ее использования для обоснования управленческих решений субъектами национальной экономики, беспрепятственного доступа к ней всех заинтересованных лиц; подготовку агентством регионального развития ежегодного аналитического доклада о состоянии социально-экономического развития АТЕ, которая будет содержать обобщенные результаты анализа социально-экономического состояния, оценку тенденций развития, эффективности осуществленных мероприятий, предложения по приоритетным направлениям работы и сведениям относительно внесенных изменений в ранее утвержденные стратегии.

Научное обеспечение включает: постоянное совершенствование теоретико-методологической базы стратегического планирования в России на мезоуровне; разработку в высших учебных заведениях учебных модулей, программ, специальностей по подготовке специалистов по вопросам стратегического планирования на макро — и мезоуровне; организацию круглых столов, тренингов, специализированных курсов с целью обмена опытом и

распространения информации о новейших подходах к стратегическому планированию с учетом вызовов современности.

Следует сказать, что принцип научности является одним из важнейших, с учетом которого выстраивается весь процесс разработки стратегий. Методология стратегического планирования должна постоянно учитывать отечественные достижения и мировой опыт в области прогнозирования и планирования.

Таким образом, в условиях меняющегося современного мира в системе государственного управления социально-экономическими процессами, происходящими в экономике, важное место должно отводиться стратегическому планированию как непрерывному процессу плановой деятельности органов государственной власти и управления по определению целей, приоритетов и задач социально-экономического развития хозяйствующей системы на долгосрочную перспективу с одновременным формированием основ механизма их реализации и прогнозных значений основных показателей, которые способны охарактеризовать результаты внедрения запланированных стратегических мероприятий. Осознание необходимости планирования социально-экономических процессов, протекающих на уровне базовых единиц планирования как попытки территорий найти адекватные инструменты, которые бы помогли найти ответ на глобальные политические, экономические, социальные, технологические, экологические и другие вызовы современного мира являются закономерным этапом развития социально-экономических систем мезоуровня — административно-территориальных единиц страны, или территориальных объединений общин, в пределах агломераций и субрегионов.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ № 19-29-07400-мк. The reported study was funded by RFBR Project no 19-29-07400-mk.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Modica M., Reggiani A. Spatial economic resilience: overview and perspectives // *Networks and Spatial Economics*, 2015. No. 15(2). P. 211–233.
2. Glossary of Environmental Terms for Urban and Regional Planners. W. Huls-mann, B Locher, G. Schablitzki, J.Werner. Druckerei Fritz Perthel GmbH, Berlin, 1995. 66 p.
3. Amara R. Business planning for an uncertain future: Scenarios and Strategies / R. Amara, A. I. Lipinski. N.Y.: Pergamon press, 1983. 228 p.
4. Malm A.T. Strategic planning systems. A framework for analysis and design / A. T. Malm. Lund, 1978. 354 p.
5. Mintzberg H. The Rise and Fall of Strategic Planning / H. Mintzberg. New York: Free Press, 1994. P. 153-157.

6. Edwards L.M. Strategic Planning in Local Government: Is the Promise of Performance a Reality? Public Management and Policy Dissertations. 2012. P. 2.
7. Анимица Е.Г. Стратегическое планирование развития территории: сущность, основные принципы, проблемы [Электронный ресурс] // Известия УрГЭУ. 2005. № 12. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovanie-razvitiya-territorii-suschnostosnovnye-printsipy-problemy> (дата обращения: 14.02.2022).
8. Райзберг Б. Проблемы государственного стратегического планирования в современной России // Общество и экономика. 2008. № 1. С. 104-114.
9. Бабина О.И. Стратегическое планирование на мезоуровне: генезис, принципы, проблемы и методы // Сибирский журнал науки и технологий. 2017. Т. 18. № 4. С. 958-967.
10. Швец И.Ю., Швец Ю.Ю. Управление пространственным развитием региона: Монография. 1-е изд. М.: ООО "ОнтоПринт", 2016. — 402 с.
11. Yakovenko N.V., Ten R.V., Komov I.V. Sustainability assessment of social and economic development of municipalities in the Voronezh region // Sustainability. 2021. Т. 13. № 19.
12. Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В. Стратегическая конкурентоспособность региона: теоретические аспекты исследования // Наука Красноярья. — 2017. Т. 6, № 1-3. С. 93-96.

N.V. Yakovenko

*Voronezh State University of Forestry and Technologies
named after G. F. Morozov, Voronezh*

THE MESO-LEVEL STRATEGIC PLANNING PROCESS: INSTITUTIONAL, LEGAL, INFORMATIONAL AND SCIENTIFIC SUPPORT

***Annotation.** The science-based basis for the process of strategic planning of socio-economic development of meso-level areas (mesosystems) should be the methodology of strategic planning. It is a set of requirements put forward to the subjects of planning in the process of predicting the future object. These requirements are embodied in the system of strategic planning principles and form the logic of this process. The article reveals institutional, legal, informational and scientific principles of providing the process of strategic planning at the meso-level.*

***Keywords:** strategic planning, meso-level, socio-economic policy.*

УДК 911.3:61

Аникина М. Л.

Башкирский государственный университет,
г. Уфа

**ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ
В БАШКОРТОСТАНЕ: ДИНАМИКА
И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Аннотация. В статье раскрываются географические и динамические особенности заболеваемости психическими расстройствами населения Республики Башкортостан, эпидемиологическая обстановка в городах и районах субъекта.

Ключевые слова: заболеваемость, психические расстройства, территориальная дифференциация.

Исследования, посвященные проблемам здоровья населения, традиционно фокусируется на проблемах физического здоровья, несмотря на явные признаки того, что число случаев нарушения здоровья психосоциального и психического характера возрастает и имеет территориальные различия.

Важно понимать, что на рост числа психических заболеваний влияют следующие факторы:

- 1) физические;
- 2) биологические;
- 3) социально-экономические;
- 4) уровень здравоохранения;
- 5) состояние окружающей среды [1, с. 45-48].

К ним необходимо добавить, по нашему мнению, общественно-географические факторы. Ведь любые из перечисленных факторов имеют пространственные проявления и этим обуславливается территориальная дифференциация причин и особенностей психических заболеваний.

Особую роль в распространении психических расстройств играет социально-экономическая обстановка в обществе. Экономическая нестабильность, ускорение темпа жизни и урбанизация населения приводят к такому

явлению среди населения, как «социальный» стресс. При психоэмоциональном перенапряжении пластичность психики оказывается недостаточной для быстрого и адекватного приспособления к меняющимся условиям окружающей среды, что приводит к увеличению количества функциональных расстройств нервной системы [2].

За исследованный период (2010-2020 гг.) с 2010 по 2014-е годы в Башкортостане наблюдается рост первичной заболеваемости, за которым до 2020 г. происходит снижение. Наибольшее значение приходится на 2013 г. (рис. 1).

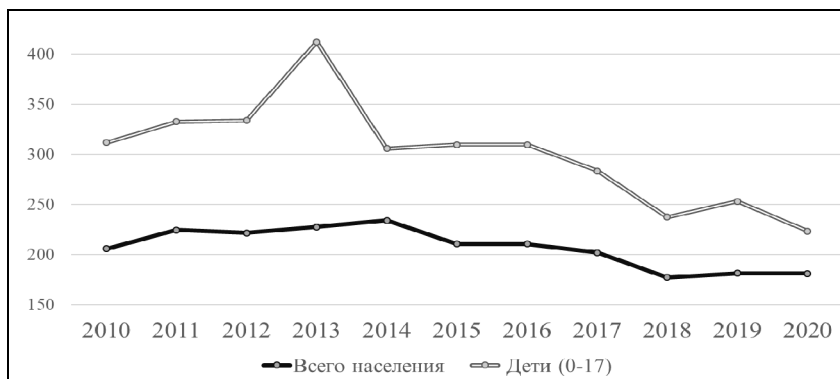

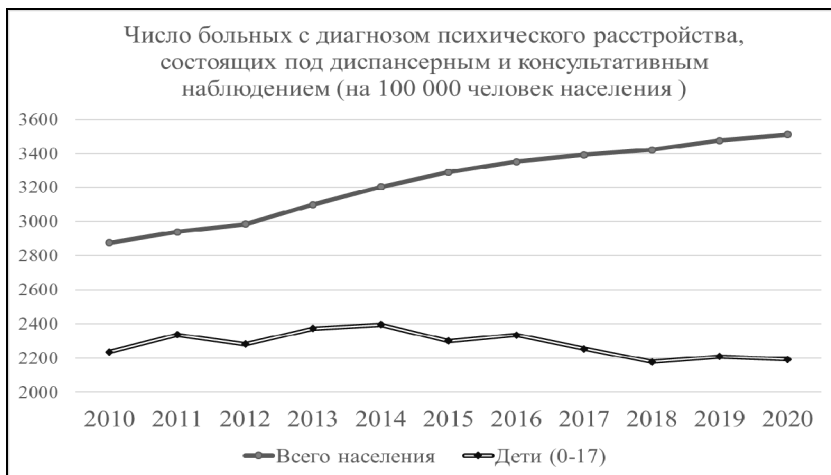
Рис. 1. Динамика первичной заболеваемости всего и детского населения Республики Башкортостан психическими расстройствами, на 100 тыс. человек населения

Составлено автором по данным [3].

Среди детского населения (0-17 лет) показатели первичной заболеваемости значительно выше. Рост наблюдается с 2010 по 2013-е годы, далее происходит снижение заболеваемости. Самый высокий показатель первичной заболеваемости среди детей приходится на 2013 г. [4, с. 43-57].

В целом первичная заболеваемость как всего, так и детского населения в 2020 г. ниже, чем в 2010 г.

Анализ общего числа больных, взятых под консультативное и диспансерное наблюдение, позволяет выявить постоянный рост заболеваемости среди всего населения, тогда как показатель заболеваемости детей и подростков от 0 до 17 лет подвержен колебаниям (рис. 2).

Рис. 2. Динамика заболеваемости всего и детского населения Республики Башкортостан психическими расстройствами, находящихся под диспансерным наблюдением, на 100 тыс. человек

Составлено автором по данным [3].

Рост больных с диагнозом психического расстройства происходит за счет роста больных психическими расстройствами непсихотического характера (рис. 3), т.е. острыми реакциями на стресс, адаптационными (приспособительными) невротическими реакциями, неврозами (тревоги, страхи, депрессии, ипохондрии, неврастения). За большинством психических заболеваний стоит гипертрофированная реакция на раздражитель или стресс с прогнозированием негативного сценария и последующим угнетающим состоянием [5].

Важно акцентировать внимание на том, что указанными расстройствами страдает именно взрослое население. Последующее ухудшение ситуации постепенно может привести к росту заболеваниями сердечно-сосудистыми заболеваниями и заболеваниями желудочно-кишечного тракта, систем, которые раньше других в организме человека реагируют на стресс и неврозы. Не последнюю роль в росте заболеваемости сыграла коронавирусная инфекция COVID-19. Одним из последствий перенесенного заболевания является ухудшение психического состояния и более острая реакция на раздражитель.

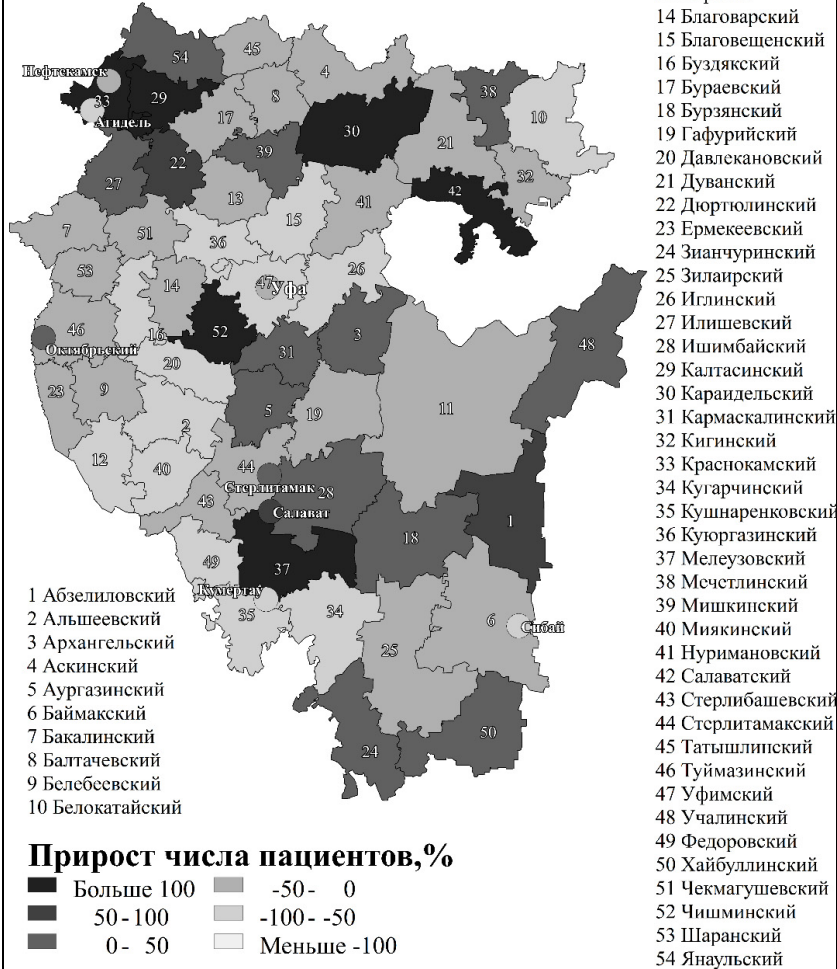
Рис. 3. Структура общей заболеваемости психическими расстройствами больных, на 100 тыс. человек населения

Составлено автором по данным [3].

В результате анализа первичной заболеваемости всего населения психическими расстройствами в разрезе административных единиц Республики Башкортостана путем расчета прироста заболеваемости 2011-2020 годов выявлена следующая ситуационная картина:

- в целом прирост первичной заболеваемости всего населения психическими расстройствами снизился на 19,3% (224,5 человек на 100 тыс. населения в 2011 г. и 181,1 человек на 100 тыс. населения в 2020 г.).
- при снижении заболеваемости по республике в целом, в отдельных районах выявляется трехкратное увеличение заболеваемости психическими расстройствами. Наибольший прирост первичной заболеваемости наблюдается в Чишминском районе (382,1%), Краснокамском районе (360,8%) и Салаватском районе (290,6%) (рис. 4);
- наибольшее снижение первичной заболеваемости наблюдается в Буздякском районе (77,7%), Уфимском районе (74,5%) и Кугарчинском районе (73,8%);

Прирост первичной заболеваемости психическими расстройствами в Башкортостане в 2011-2020 гг., взятых под диспансерное и консультативное наблюдение на 100 тыс. населения, %

Рис. 4. Прирост первичной заболеваемости психическими заболеваниями за 2011-2020 гг., %

Составлено автором по данным [3].

• в территориальном охвате прирост первичной заболеваемости наблюдается на северо-западе республики и на юге. Прирост выше у приграничных районов Башкортостана. Предстоит выявить корреляцию первичной заболеваемости психическими заболеваниями с общественно-географическими факторами (качеством жизни — социально-экономическим уровнем развития и его динамикой, состоянием медицинской сферы, экологическим состоянием и т.п. [6]) в данных районах.

Таким образом, среди населения Башкортостана снижается первичная заболеваемость психическими расстройствами. Но, в первую очередь в результате социально-экономической нестабильности в регионе, увеличивается общая заболеваемость всего населения ввиду увеличения психических расстройств непсихотического характера. Важно продолжать вести как профилактическую, так и лечебную деятельность среди населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глушанко В.С. Общественное здоровье и здравоохранение: курс лекций / под ред. В.П. Дейкало. 2-е изд., перераб. и доп. Витебск: ВГМУ, 2011. 491 с.
2. Непсихотические психические расстройства в неврологической клинике. Часть 1: конверсионные расстройства / О.А. Балунов [и др.] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2012. № 4. С. 77-80.
3. Официальный сайт Медицинского информационно-аналитического центра Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://миац-рб.рф/activities/sborniki> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Население Республики Башкортостан: воспроизводственные и миграционные процессы, занятость и размещение: монография / Д.Р. Абдуллина [и др.]; под ред. И.В. Закирова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 164 с.
5. Кржечковский А.Ю. Психические расстройства в экстремальных условиях и их медико-психологическая коррекция [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 3. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
6. Faronova Y.V., Zakirov I.V., Ibragimova Z.F., Sattarova G.A., Akhunov A.R. Spatial differences in the life quality change in the Russian Federation: level of the country constituent entity // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. Vol. 117. SCTCMG 2021. P. 540-545.

INCIDENCE OF MENTAL DISORDERS IN BASHKORTOSTAN: DYNAMICS AND TERRITORIAL FEATURES

***Annotatiom.** The article reveals the geographical and dynamic features of the incidence of mental disorders of the population of the Republic of Bashkortostan, the epidemiological situation in the cities and districts of the subject.*

***Keywords:** morbidity, mental disorders, territorial differentiation.*

УДК 314.72

Биктимиров Н.М., Джумаев Б.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

***Аннотация.** Работа проведена для выявления на примере выбранного региона современных трендов в исследовании миграционных процессов. В статье рассматриваются миграционные связи Республики Татарстан на различных территориальных уровнях. Выявлены различия в миграционных движениях в разрезе городского и сельского населения.*

***Ключевые слова:** миграционные процессы, миграционные потоки, миграционный прирост, регион, городское и сельское население.*

Регионы России сильно отличаются по привлекательности для внешних мигрантов, в большинстве регионах России количество прибытий значительно превышает выбытий, Татарстан как один из передовых регионов страны продолжает численно расти и здесь определенную роль продолжают играть внешние миграции. В росте населения Республики Татарстан поток мигрантов начинает, играет существенную роль с 1950 гг. XX века.

Среди актуальнейших вопросов миграции, волнующих многих регионов страны это — трудовая миграция. Миграция рассматривается как действенный инструмент для регулирования рынка труда.

Демографическая структура может реально измениться при уменьшении количества безработных и увеличении занятости более раннем возрасте [4].

Если рассмотрим изменения миграционных процессов, в Татарстане начиная с 2000 г., то можно увидеть снижение миграционного прироста РТ со всеми территориями, по которому ведется учёт, следовательно, на при-

мере исследуемого региона России можно удостовериться что снижается значение миграции в демографическом развитии большинства регионов России.

За 2014-2019 г. миграционный прирост, оставаясь положительным имеет тенденцию к снижению и за соответствующие годы снизилась на 2,2 раза. По данным 2019 г. из 45 муниципальных образований республики только в 11 образовался положительный миграционный прирост.

Обзор за изменением числа прибывших, выбывших, миграционный прирост (убыль) за 2000-2019 г. в целом по Республике Татарстан показал существенные изменения в соответствующих движениях. Миграционный прирост оставаясь всегда положительным практически постоянно подвергся изменениям в течении небольшого промежутка времени.

Между 2010 и 2011 произошел большой скачок в сторону увеличения, как прибытий, так и выбытий. За 2000-2019 годы максимальный миграционный прирост образовался в 2011 г (11998 чел.), минимальный в 2018 г. (2737 чел.) [1]. В преддверии Казанской Универсиады активировалось механическое движение на разных уровнях и разного характера.

Миграционные потоки внутри республики почти два раза больше по сравнению миграционными потоками республики с другими регионами России и 8-10 раз больше чем со странами СНГ.

По данным 2019 г. из 85 субъектов страны 59 миграционный обмен для Татарстана имеет миграционный прирост, с 26 образуется миграционная убыль населения.

Традиционными центрами миграционного притяжения для Татарстана остаются в первую очередь Московская область, потом г.Москва, г.Санкт-Петербург и Ленинградская область, а также Краснодарский край. За последние годы не только с этими регионами, но и с регионами расположенными близко к соответствующим территориям в результате миграционного обмена Татарстан теряет свое население (например, Ставропольский край, Воронежская и Ярославская области).

Из стран образовавшихся после распада СССР у Татарстана идет активный миграционный обмен с Украиной, Таджикистаном и Узбекистаном, причем доля Узбекистана и Украины начинает снижаться. За 2014-2019 г. в целом значительно изменился миграционный прирост с Таджикистаном, с 32 чел. в 2014 г., до 561 чел. в 2019 г. (17,5 раза) [1, С.135].

У населения республики в пожилых возрастах во встречных движениях с такими странами как Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия и Туркмения образовалась миграционная убыль.

Как считает, директор Института социально-политических исследований РАНС. В.Рязанцев, «кардинальным отличием российской миграцион-

ной ситуации является близкая этнодемографическая структура иммиграционных потоков. И хотя постепенно сокращается доля иммигрантов, хорошо владеющих русским языком, большинство быстро адаптируется в российском обществе, обладает сходным менталитетом, ориентированы на жизнь в России, готовы изучать русский язык при соответствующих условиях» [5, С. 119].

Особый интерес играет миграционное сальдо с зарубежными странами.

Миграционный прирост Татарстана за 2014-2019 г. со странами дальнего зарубежья был положителен только в 2017 г. и 2019 г., что в основном было достигнуто на счёт Вьетнама и Грузии, а отрицательный за счет Турции и Германии.

Появляются новые исследования, освещающие гендерных аспектов и различий, возникших в результате миграционных движений. Например, на сегодняшний день растёт доля мигрантов-женщин, которые участвовали в браке-разводных процессах. Как показывает статистические данные уровень образованности среди женщин, участвующих в миграционных процессах выше чем у мужчин [3].

За 1997-2019 передвижения внутри республики несколько раз менялись то в пользу городского, то в пользу сельского населения [2].

Пример Татарстана показывает, что сельское население в отличие от городской имеет более благоприятную ситуацию в области миграционного движения. Например, в 2019 г. у сельского населения за счет обмена с другими регионами РФ зарегистрирован самый высокий миграционный прирост за последние 20 лет, и самый высокий показатель за последние 7 лет благодаря зарубежным странам.

Изменения в миграционных движениях сельского населения по сравнению с городским более предсказуема, для миграции городского населения характерна неустойчивость, скачкообразный характер. Это связано с более высокой мобильностью, более высоким уровнем образованности, владением современными информационными технологиями и широкими связями городского населения [1, С.155].

Выводы

1. В течении 2000-2020 годов наивысший уровень миграционной активности республики соответствовала 2014 году. Начиная с 2011 г. резко начали увеличиваться количество прибывших в г.Казань, это совпало выбытием населения из многих муниципальных образований Республики Татарстан, что в первую очередь связан с проведением XXVII Всемирной летней Универсиады.

2. При анализе миграционного прироста/убыли населения по полу и возрастным группам становится ясно, что республика теряет свое население

ние в таком возрастном интервале как 15-19 лет ((-495 человек), причём обоёго пола. Другой возрастной интервал, где республика теряет свое население это самый верхний интервал образующую группу «65 и более».

3. Мониторинг за миграционным обменом Республики Татарстан с другими регионами страны показывает, что для выбывших из Татарстана характерно незначительное изменение численности, а количество прибывших в республику меняется более интенсивно.

4. Муниципальные образования Республики Татарстан, где доля внутренних мигрантов незначительна демонстрируют больше нестабильности в протекании миграционных процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографический доклад-2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения. Монография / под ред. д.с.н.Ч.И. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2020. 578 с.

2. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2020: Статистический сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата 2020 г. 160 с.

3. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда. Статистика и экономика. Т.14, №6. 2017.

4. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.10.2017 №821. Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Татарстан соотечественников, проживающих за рубежом, на 2017-2018 годы» и внесении изменения в перечень государственных программ Республики Татарстан.

5. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 9. С. 117-126. DOI: 10.31857/S013216250006666-5 [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jid=7818&jn=socis (дата обращения 31.01.2022).

Niyaz M. Biktimirov, Bobur A. Djumaev
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

FEATURES OF THE STUDY OF MIGRATION PROCESSES IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

***Annotation.** The work was carried out to identify modern trends in the study of migration processes on the example of the selected region. The article examines the migration relations of the Republic of Tatarstan at various territorial levels. Differences in migration movements in the context of urban and rural populations are revealed.*

***Keywords:** migration processes, migration flows, migration growth, region, urban and rural population*

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОНТАКТНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ ОСЕТИНСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

***Аннотация.** В статье представлены выводы об особенностях современного этнического расселения в Республике Северная Осетия. Долгие годы осетины и русские совместно проживают в городской и сельской местности. Местом традиционного расселения русских является север республики.*

***Ключевые слова:** городское и сельское расселение народов, компактность расселения, этническая структура населения городов и административных районов.*

Введение. Республика Северная Осетия (РСО) является типичным по своим природно-хозяйственным характеристикам регионом Северного Кавказа. Среди других она выделяется высоким уровнем урбанизации и малой заселенностью горной местности.

Данная публикация продолжает серию исследований в области современной этнической географии республик Северного Кавказа. Предыдущие исследования были посвящены изучению сформировавшейся мозаики этнического расселения: Адыгеи, Кабардино-Балкарии (КБР) и Карачаево-Черкесии.

При создании данной работы в основном использовались библиографический и статистический методы исследования. Был проведен анализ данных этнической структуры населения в пределах административных единиц Северной Осетии и отдельных населенных пунктов. В рамках представленной работы географическим объектом исследования выступают — территориальные этнические группы.

Современные особенности этнического расселения в Северной Осетии. Население исследуемой республики составляет около 700 тыс. чел. Начало XXI века стало одним из самых «демографически неудачных» периодов для республики. Наметилась тенденция сокращения численности, обусловленная естественными движением и миграционными процессами [1].

В этнической структуре 65% составляют осетины и 20% русские (перепись 2010 г.). За последние полвека абсолютная численность русского населения в РСО не претерпела серьезных изменений. При этом численность осетин увеличилась приблизительно в два раза. Данная тенденция обусловлена как демографическими, так и социально-экономическими факторами.

Особое место в республиканской системе расселения занимает город Владикавказ, численность его населения на 2021 г. составляла 302 тыс. чел. Столица РСО исторически является многонациональным городом. Тем не менее, в совокупности, осетины и русские составляют 88% всего населения. Около 2/3 населения столицы представлена осетинским этносом. При этом во Владикавказе на 2010 г. проживало 43% от всех представителей титульного этноса. Высокая доля столичных жителей среди осетин обусловлена тремя основными факторами:

- 1) исключительной ролью Владикавказа в территориальной организации хозяйства республики;
- 2) значительной перенаселенностью в сельской местности и, как следствие, миграцией по направлению «село — город» [2];
- 3) комплиментарностью между русским и осетинским населением, и отсутствием какой-либо социально-бытовой напряженности в советский период.

Русский ареал расселения РСО совпадает с территорией Моздокского района. По своему природно-хозяйственному типу данный район относится к категории равнинных и имеет много сходных черт с Прохладненским районом КБР. Моздокский район специализируется на сельском хозяйстве и имеет важное транспортно-стратегическое значение для региона. До 1944 г. территория района относилась к Ставропольскому краю. С давних времен в поселениях Моздокского района проживают представители терского казачества.

Как таковая, этноконтактная зона между русским и осетинским населением в РСО физически отсутствует: на местности равнинный Моздокский район соединен с основной территорией узким одноименным коридором. Район отличается значительной этнической мозаичностью. Помимо русских и осетин в структуре его населения можно выделить: кумыков, армян, чеченцев.

Как видно из данных представленной таблицы, осетинское население в основной своей совокупности концентрируется в пределах своего ареала расселения и в столице РСО. Наиболее многочисленны осетинские поселения находятся в предгорной местности.

В пределах равнинного Моздокского района на 2010 г. проживало всего 8 тысяч осетин, что составляло около 2% от их численности в НТО. При этом удельная доля титульного этноса в районе компактного расселения русских составляла лишь 10%. Наибольший же показатель удельной доли осетин наблюдается в горных районах.

В свою очередь, русские дисперсными группами также расселены в других районах РСО. Наиболее многочисленные группы русских сосредото-

точены в Пригородном и Правобережном районах. Данный факт лишний раз подтверждает отсутствие каких-либо серьезных проблем в вопросе межнациональных отношений на современном этапе развития РСО [3]. Практически полностью русское население отсутствует в горных малонаселенных районах республики.

Таблица

**Особенности расселения двух доминирующих по численности этносов
(результаты переписи населения 2010 г.)**

<i>Этносы</i>	<i>Административные единицы с наибольшей долей представителей этноса, %</i>	<i>Административные единицы с наименьшей долей представителей этноса, %</i>	<i>Проживающие в столице, %</i>	<i>Проживающие в своем ареале расселения, %</i>
Осетины	Ирафский — 98 Алагирский — 93	Моздокский — 10 Гиагинский — 67	43	55
Русские	Моздокский — 50 Владикавказ — 25	Ирафский — 1 Алагирский — 5	53	29

Заключение. В начале XXI века уровень межэтнической контактности между осетинами и русскими в РСО остается достаточно высоким. В первую очередь это обусловлено совместным проживанием народов во Владикавказе. Стоит отметить, что в постсоветский период уровень и параметры контактности на местности между исследуемыми народами остаются практически неизменными. Это можно объяснить тем, что за последние 30 лет не наблюдалось какого-либо значительного миграционного движения внутри самой республики.

Особое географическое положение Моздокского района изолирует русский ареал расселения от основной части РСО. Данное обстоятельство ограничивает взаимодействие района с осетинскими поселениями предгорных районов.

Если говорить о других республиках региона, можно констатировать, что много сходных черт во взаимной локализации русского и титульного народа на местности у РСО наблюдается с Кабардино-Балкарией (расселение кабардинцев и русских). На протяжении всего существования РСО и КБР северные районы республик так и не стали местом компактного расселения для титульных народов. При этом сохраняется высокий уровень межэтнической контактности титульных народов (кабардинцев и осетин) с русским населением в столицах регионов и других городах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бадов А.Д. Население Северной Осетии между переписями 2002-2010 гг.: изменения в горах и на равнине // Грозненский естественно-научный бюллетень. № 3(7). 2017. С. 12-16.
2. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Экологический потенциал природной среды и география населения Северной Осетии. / под ред. докт. ист. наук А.А. Магомедова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. 288 с.
3. Синанов Б.А. Оценка современного состояния межэтнических отношений в РСО-Алания (по материалам экспертного опроса) // Современные проблемы науки и образования. №2-3. 2015. С. 175-185.

Dmitry S. Bogaturov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

INTERETHNIC CONTACT IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIYA: MODERN SETTLEMENT OF OSSETIAN AND RUSSIAN PEOPLES

Annotation. The article presents conclusions about the features of modern ethnic settlement in the Republic of North Ossetia. For many years Ossetians and Russians have been living together in urban and rural areas. The place of traditional settlement of Russians is the north of the republic.

Keywords: urban and rural settlement of peoples, compact settlement, ethnic structure of the population of cities and administrative areas

---

УДК911.37

Болхосоева Е. Б.

*Бурятский государственный университета
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Уде*

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Аннотация. В работе дан анализ динамики численности населения и естественного прироста по районам Республики Бурятия за постсоветский период. В качестве статистического материала взяты результаты всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 годов, а также текущие оценочные данные в межпереписные годы. Анализ статистики населения Бурятии отражает динамику за последние 30 лет. Выявлены основные ареалы роста и снижения численности населения Бурятии.

Ключевые слова: Республика Бурятия, динамика численности населения, естественный прирост.

По оценочным статистическим данным население Республики Бурятия (РБ) достигло максимума 1052,0 тыс. человек в 1993 г. и до 2012 года синхронно сокращалось в tandem с общей численностью населения всех восточных субъектов РФ, снизившись до 971,4 тысяч. С 2013 г. происходит постепенный прирост населения. На 1 января 2021 г. произошло небольшое снижение и население республики составило 985,4 тыс. человек, в том числе городское — 582,6 тыс. человек (59 %) и сельское — 402,8 тыс. человек (41%) [1].

За весь постсоветский период уменьшение общего числа проживающих на территории РБ составило более 66 тыс. человек, и коснулось всех районов, наибольшее наблюдалось в отдаленных и северных районах. Если в целом по республике динамика численности населения была относительно положительной в последние годы, то в районах была прямо противоположной, кроме трех пристольных и города Улан-Удэ. Современная ситуация такова, что расширение пригородной зоны столицы республики очевидно является одним из главных направлений демографического и территориального роста города Улан-Удэ. Так, например, численность населения столицы возросло лишь на 24%, в то время как Иволгинского района на 148 % (таб.1). Причем прирост отмечается в сельских поселениях, наиболее близких к столице, таких как Сотниково, Нижняя Иволга и, особенно, Гуральба которые расширились на 70, 81 и 176 % соответственно за последние 10 лет, тогда, когда в остальных произошел отток населения [2].

Если население Иволгинского района изначально прогрессировало стремительными темпами из-за близости к столице за счет внутрирегиональной миграции, то в Тарбагатайском районе бум заселения начался лишь с 2013 года за счет выделения земель для СНТ и ДНТ в приграничных территориях к столице, что привело к увеличению жителей района сразу почти на 41 % (табл. 1). В Заиграевском же районе в целом наблюдается снижение общей численности населения, но с 2014 года фиксируется небольшой прирост.

Анализ таблицы 1 указывает на несколько аспектов движения населения республики. Первый, что наибольшее снижение численности населения произошло в северных районах республики, таких как Муйский (67 %), Северо-Байкальский (58 %) Баунтовский (38 %) районах, где в советский период шло интенсивное заселение из-за строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ) и освоения месторождений золота. Второй, не менее сильный отток населения наблюдается в сельскохозяйственных районах, например, Джидинский (35 %), Кижингинский (33 %) и т.д. Третий, наименьшей убылью жителей характеризуются центральные районы — Заиграевский (8 %), Прибайкальский (13 %). И четвертый, такое падение численности населения рай-

онов намного превышает республиканский, и миграция происходит именно в город Улан-Удэ и пристоличные территории.

Единственный район, в котором населения увеличивается за счет высокой рождаемости — Окинский, где коэффициент естественного прироста (КЕП) за 2019 год превышает среднереспубликанские более чем в 10 раз (табл. 2). Это один из самых отдаленных, труднодоступных и изолированных районов, где проживает преимущественно коренное население этих мест — буряты и сойоты. Тенденции естественного движения расселенчески и этнически обусловлены — районы, где большая часть населения составляют буряты имеют положительные показатели КЕП за весь постсоветский период — Джидинский, Еравнинский, Кижингинский, Курумканский; и эти же районы — сельскохозяйственные с достаточно высоким миграционным оттоком населения. Следует отметить, что, хотя признано значительное влияние экономических факторов на демографическое поведение, очевидно, что важнейшим фактором рождаемости являются и социально-ценностные установки населения.

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Бурятия в территориальном разрезе (тысяч человек) [1]

Административно-территориальные единицы (АТЕ)	1989	2002	2010	2021	снижение (+) / прирост (-)	
					тыс. чел.	%
1	2	3	4	5	6	7
Республика Бурятия	1038,2	981,2	972,0	985,4	- 52,8	- 5
г. Улан-Удэ	351,8	359,4	404,4	437,5	+ 85,7	+24
г. Северобайкальск	28,9	25,4	24,9	23,3	- 5,6	- 19
Баргузинский	27,7	26,3	23,6	21,3	- 6,4	- 23
Баунтовский	13,4 ¹	10,9	9,7	8,3	- 5,1	- 38
Бичурский	30,7	27,3	25,3	22,0	- 8,7	- 28
Джидинский	35,6	32,5	29,4	23,0	- 12,6	- 35
Еравнинский	21,8	18,8	18,7	16,5	- 5,3	- 24
Заиграевский	56,2	50,9	50,0	51,5	- 4,7	- 8
Закаменский	34,5	29,7	28,4	24,8	- 9,7	- 28
Иволгинский	24,9	26,8	38,0	61,8	+ 36,9	+ 148
Кабанский	68,4	65,6	59,9	55,2	- 13,2	- 19
Кижингинский	21,4	18,2	16,5	14,3	- 7,1	- 33
Курумканский	18,7	16,2	15,0	13,3	- 5,4	- 28
Кяхтинский	45,7	40,7	39,8	36,5	- 9,2	- 20

1	2	3	4	5	6	7
Муйский	28,7 ¹	16,6	13,1	9,5	-19,2	- 67
Мухоршибирский	28,8	28,6	25,0	22,7	- 6,1	- 21
Окинский	4,4	4,6	5,3	5,5	+1,1	+ 25
Прибайкальский	30,1	28,6	26,8	26,1	- 4,0	- 13
Северо-Байкальский	26,3 ¹	16,4	14,1	11,1	- 15,2	- 58
Селенгинский	57,0	50,6	46,4	41,2	- 15,8	- 28
Тарбагатайский	18,3	16,3	16,5	23,2	+ 4,9	+ 27
Тункинский	26,2	24,2	22,7	20,2	- 6,0	- 23
Хоринский	22,9	19,4	18,5	16,6	- 6,3	- 28

*По данным 1990 г. (за счет разукрупнения Баунтовского и Северо-Байкальского районов был образован Муйский район).

Таблица 2

**Динамика коэффициента естественного прироста населения
Республики Бурятия в территориальном разрезе [3]**

АТЕ	1989	1995	1999	2005	2009	2015	2019
1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Бурятия	12,0	-0,3	-1,6	-1,6	4,4	5,9	1,7
г. Улан-Удэ	9,4	-1,8	-2,7	-1,2	3,7	8,2	2,7
г.Северобайкальск	17,0	6,1	4,6	2,6	5,2	4,5	-0,5
Баргузинский	13,2	0,4	-1,1	-0,7	1,2	3,3	-2,0
Баунтовский	13,8	1,4	-1,3	-1,2	-0,5	3,2	-1,9
Бичурский	13,8	-1,9	-6,5	-6,1	0,5	0,2	-3,1
Джидинский	16,3	1,7	4,1	1,9	10,5	8,3	2,9
Еравнинский	16,3	3,7	2,7	1,1	7,6	6,2	3,4
Заиграевский	11,7	-2,2	-3,2	-6,2	2,7	2,2	1,7
Закаменский	14,0	-0,4	-2,3	1,1	5,6	5,9	0,9
Иволгинский	13,8	0,8	-0,2	1,6	10,1	11,0	7,4
Кабанский	8,2	-4,7	-7,3	-9,6	0,8	-1,9	-4,9
Кижингинский	21,7	2,2	2,2	1,6	12,4	7,4	3,6
Курумканский	17,4	5,5	2,9	3,3	5,7	7,6	0,6
Кяхтинский	10,9	2,4	0,3	1,3	6,5	5,1	2,8
Муйский	13,4 ¹	6,4	3,6	4,7	5,3	4,9	0,6
Мухоршибирский	9,9	0,6	-2,8	-3,7	1,3	2,8	-1,1
Окинский	20,9	13,7	6,6	10,8	16,2	14,5	12,6

1	2	3	4	5	6	7	8
Прибайкальский	9,5	-4,4	-4,9	-6,3	1,6	1,0	-2,2
Северо-Байкальский	15,9	1,6	1,3	-0,1	1,1	-0,4	-3,9
Селенгинский	12,7	-2,6	0,9	-1,8	3,8	3,6	-0,4
Тарбагатайский	8,0	-4,9	-7,8	-6,0	-0,7	4,8	0,1
Тункинский	16,7	0,3	-1,3	-6,6	7,3	5,5	3,9
Хоринский	17,0	2,8	-0,4	-1,7	8,6	4,9	2,1

Также КЕП заметно выше в районах миграционно положительных, таких как Иволгинский, Заиграевский, а также Муйский. По-видимому, влияние оказывают молодая возрастная структура и возможно, как в случае со столицей, более высокий уровень оказания медицинских услуг. Показатели естественного движения города Улан-Удэ уступали ранее по уровню республиканским — соответственно 9,4 % в 1989 г. и естественная убыль была выше, но с 2012 года КЕП Улан-Удэ становится выше республиканских. Основное влияние на динамику данного процесса оказывает рождаемость, но когда она снижается, то уже показатели смертности приобретают важное значение. Отмечается, что коэффициенты рождаемости в сельской местности обычно превышают соответствующий городской населения, но в последние годы из-за роста смертности среди сельчан показатели естественного прироста стали превышать у горожан, в том числе и в Улан-Удэ.

По данным таблицы 2 видно, что высокие показатели КЕП 80-х годов резко сменяется самыми низкими 90-х. И несмотря на то, что с 2000-х годах принимаются два ключевых документа, которые впервые в государственной практике должны были решить проблему демографии, ситуация немного сгладилась, но продолжает ухудшаться, что связано с очередной демографической волной. Ключевым фактором внутрорегиональной миграции является высокий уровень жизни населения города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Численность населения Республики Бурятия в разрезе районов. [Электронный ресурс]. -<https://burstat.gks.ru/demo>(дата обращения 25.01.2022).
2. Население по МО СП на 1 января 2021 г. [Электронный ресурс]. <https://burstat.gks.ru/demo>(дата обращения 25.01.2022).
3. Естественное движение населения Республики Бурятия в разрезе районов — [Электронный ресурс]. <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения 25.01.2022).

TERRITORIAL ASPECTS OF POPULATION MOVEMENT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Annotation. *The paper analyzes the dynamics of the population and natural increase in the regions of the Republic of Buryatia for the post-Soviet period. The results of the all-Russian population censuses of 1989, 2002 and 2010, as well as current estimates in the inter-census years, were taken as statistical material. An analysis of the statistics of the population of Buryatia reflects the dynamics over the past 30 years. The main areas of growth and decline in the population of Buryatia have been identified.*

Keywords: *The Republic of Buryatia, population dynamics, natural increase.*

УДК 911.375-057

Гайсин И.Т.

Казанский федеральный университет, г. Казань

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕКАМСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация. *В статье рассматривается Нижнекамский (Набережночелнинская агломерация) экономический район Республики Татарстан, которая включает: Агрызский, Актанышский, Елабужский, Заинский, Мензелинский, Муслимовский, Менделеевский, Нижнекамский, Тукаевский муниципальные районы и город Набережные Челны. Площадь территории составляет 16265 кв. километров или 24,0% территории республики. Население около 1141 тыс. человек или около 29,25% населения Татарстана. Данный экономический район включает семь городов: Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга, Менделеевск, Мензелинск, Агрыз, Заинск и посёлок городского типа Камские Поляны. В статье был проведен анализ численности городского населения данного экономического района. Как показывает анализ статистических материалов за 2021 год, развитие городского населения по сравнению с 2011 годом можно разделить как бы на две группы: группа, где наблюдается наибольший рост населения — это Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга и группа, где население почти не растет, находится на одном уровне — это города Агрыз, Заинск, Менделеевск, Мензелинск и п.г.т. Вятские Поляны.*

Ключевые слова: *география, городское население, Нижнекамский экономический район, городская агломерация, Республика Татарстан.*

Республика Татарстан имеет значительную территорию, располагающую разнообразными природными ресурсами, она неоднородно заселена и

освоена, имеет определённую специализацию хозяйства и специфику её размещения. В современных условиях выделение крупных экономических районов диктуется развитием научно-технического прогресса, контурных границ определяются ареалом размещения отраслей специализации и важнейших вспомогательных производств, связанных с отраслями рыночной специализации и технологическими поставками сырья, деталей, узлов, т.е. кооперацией производств. Крайнообразующим факторам современных экономических районов также можно отнести наличие крупных месторождений полезных ископаемых, высокую плотность населения и накопленный им трудовой опыт и т.д. В 2008 году в Республике Татарстан разработан проект «Развитие и размещение производительных сил РТ на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года», по заданию правительства Республики Татарстан и Министерства экономического развития России [1]. Изначально территория республики была поделена на семь экономических районов: Столичную, Камскую, Нефтяную, Западную, Северную, Южную и Восточную. Из них наиболее густонаселённая была Столичная, она же, наряду с Камской и Нефтяной, рассматривалась как двигатели экономики, поскольку в них было сосредоточено наибольшее число промышленных предприятий. В дальнейшем районирование (зонирование) незначительно трансформировалось, территории переименовали, в настоящий момент Республика Татарстан делится на шесть экономических районов (зон): Столичный (Казанская агломерация), Предволжский, Предкамский, Закамский, Нижнекамский (Набережночелнинская агломерация) и Юго-Восточный.

Нижнекамский экономический район включает: Агрызский, Актанышский, Елабужский, Заинский, Мензелинский, Муслюмовский, Менделеевский, Нижнекамский, Тукаевский муниципальные районы, город Набережные Челны. Площадь территории составляет 16265 кв. километров или 24,0% территории республики. Население около 1141 тыс. человек или около 29,25% населения Татарстана. Как показывает анализ статистических данных за 2021 год, среди городов района развитие городского населения по сравнению с 2011 годом можно разделить на две группы: группа, где наблюдается наибольший рост населения — это Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга и группа городов где население почти не растёт, находится на одном уровне — это Агрыз, Заинск, Менделеевск, Мензелинск и посёлок городского типа Вятские Поляны [1,2].

Население, проживающее в Нижнекамском экономическом районе, в основном обеспечено работой, мало безработных. Основными отраслями промышленности данного экономического района являются электроэнергетика, машиностроение, особенно автомобилестроение, химическая

и нефтехимическая промышленность, производство шин и резино-технических изделий.

В развитии транспорта большое значение имеет железнодорожный и автомобильный транспорт. В восточной части республики построена и функционирует железная дорога «Агрыз – Акбаш», соединившая нефтяные районы и промышленные центры экономического района: Набережные Челны, Нижнекамск, Заинск, Менделеевск. Данная дорога сыграла важную роль в развитии нефтяной и нефтехимической промышленности республики и её районов, однако, это строительство стало возможным лишь после сооружения плотины Нижнекамской ГЭС в Набережных Челнах. Через Набережные Челны проходят автомобильные дороги федерального значения: Москва-Казань-Уфа, Набережные Челны-Ижевск-Пермь. Хорошо развит водный транспорт, где по перевозкам грузов лидирующее место в республике занимает река Кама. По ней перевозят грузы: нефть, лес, хлеб, химические продукты, строительные материалы, соль, а также перевозят готовые изделия — грузовые автомобили, дизельные двигатели, автомобильные шины. А также перевозят минеральные удобрения, сельскохозяйственную продукцию в города Прикамья: Нижнекамск, Набережные Челны, Елабуга, Менделеевск.

Камская агломерация включает семь городов: Набережные Челны, Нижнекамск, Елабугу, Менделеевск, Мензелинск, Агрыз, Заинск и посёлок городского типа Камские Поляны. По статистическим данным 2021 года самыми крупными городами экономического района являются: Набережные Челны с населением — 534 тыс. чел. и город Нижнекамск — 240 тыс. человек. Далее идут города: Елабуга — 73,9 тыс.чел., Заинск — 41,8тыс.чел., Менделеевск — 22,1 тыс.чел., Агрыз — 19,3 тыс.чел., Мензелинск — 16,5тыс.чел. Население поселка городского типа Камские Поляны — 16,4 тыс. человек[1,3].

Город Набережные Челны является самым крупным городом Нижнекамского экономического района (Набережночелнинской городской агломерации). Расположен на северо-востоке республики на левом берегу реки Камы, реки Челны и Нижнекамского водохранилища. Население в 2021 году составляет 534,0тыс.чел., а в 2911году население всего было — 510,3тыс.чел. и рост за 10 лет составляет 21,8 тыс. человек. Параллельно с бурным ростом Набережных Челнов и соседнего Нижнекамска в начале 70-х годов XX века появились аэропорт Бегишево, была построена Нижнекамская ГЭС и в результате образовалось Нижнекамское водохранилище, железная дорога Агрыз –Круглое Поле [4]. В те годы Набережные Челны являлся экспериментальной площадкой по строительству нового города, где просматривается сочетание линейного города и микрорайонной за-

стройки. При строительстве города и КамАЗа руководством республики и страны приоритет отдавался строительству завода, а социальную инфраструктуру города предполагалось построить в последующем. Набережные Челны в структуре разделён на три района и представляет собой растянутую вдоль реки Кама жилую и промышленную зону.

Набережные Челны является крупным промышленным центром на Каме. Основные отрасли — машиностроение, электроэнергетика, строительная, пищевая и перерабатывающая промышленность. Главным градообразующим предприятием города является Камский автомобильный завод, на долю которого приходится почти три четверти объёма промышленной продукции, произведённой в Набережных Челнах. Набережные Челны является крупным железнодорожным, автотранспортным и авиационным узлом иречным портом на реке Кама.

Национальный состав, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года в городе проживали: татары — 47,42% (242,3 тыс. человек), русские — 44,87% (229,3 тыс.), чувашаи— 1,95% (10,0 тыс.), украинцы — 1,31 % (6,7 тыс.), башкиры — 1,16% (5,9 тыс.), марийцы — 0,66% (3,4 тыс.), удмурты — 0,39% (2,0 тыс.), мордва — 0,39% (2,0 тыс.) и др. — 1,82% (9,3 тыс.) [2].

Город Нижнекамск возник в начале 60-х годов XX века как посёлок при строительстве Нижнекамского химического комбината и с 1966 года имеет статус города. Город расположен в излучине реки Камы на левом её берегу, близ места впадения в неё реки Зай, находится в 2 км от речного порта, в 21 км от международного аэропорта «Бегишево» и в 35 км от железнодорожной станции Круглое поле Куйбышевской железной дороги [1, 22]. В настоящее время город является крупным культурным, индустриальным и спортивным ее центром. Жилые районы города отделены от промышленной зоны химического комбината, так как промышленная зона расположена в нескольких километрах восточнее от городских микрорайонов.

Население Нижнекамска в 2021 году составляло 240,1 тыс. чел. а в 2011 году 234,1 тыс. чел, ирост за 10 лет составлял 6,0 тыс. человек. Самая большая рождаемость за последние 20 лет имела место в 2011 году (4000 человек). Население Нижнекамскас2010года по национальной принадлежности выглядит следующим образом: татары (50,8%), русские (43,4%), чувашаи (2,4%), башкиры (0,7%), украинцы (0,6%). В последние годы в Нижнекамске наблюдается сокращение доли русского населения и увеличение доли татарского населения [2, 5].

Город Елабуга является административным центром Елабужского муниципального района и имеет 1000-летнюю историю. Город расположен на

высоком правом берегу реки Камы у впадения в неё реки Тоймы, в 200 км к востоку от столицы республики города Казани.

Население Елабуги в 2021 году составляло — 73,8 тыс.чел. а в 2011 году всего было 70,8 тыс. чел, и рост населения составил 2,9 тыс. человек. Национальный состав на 1 января 2013 года: русские — 51,7 %, татары — 42,6 %, чувашаи — 1,0%, удмурты — 0,8%, марийцы — 0,2%, представители др. национальностей — 3,7% [1,5].

В Елабуге с декабря 2005 года открыта особая экономическая зона «Алабуга» промышленно-производственного типа. Запущено серийное производство автомобиля FIAT Ducato на предприятии «SOLLERS-Елабуга». Были построены автозаводы СП компаний «SOLLERS-Isuzu» и «SOLLERS-Елабуга» и др.

По северной окраине Елабуги проходит автомобильная дорога М7 «Москва — Уфа», вблизи города от неё отходит ответвление «Елабуга — Ижевск — Пермь». Имеется пристань на реке Кама в устье Тоймы, регулярно принимающая туристические рейсы. Проведена железнодорожная ветка к СЭЗ «Алабуга» от станции Тихоново. Ближайший аэропорт — Бегишево.

Как показывает анализ статистических материалов, за 10 лет рост населения в 2021 году по сравнению с 2011 годом составил: Заинск 47 чел., Агрыз 54 чел., Менделеевск 54 чел., Мензелинск 6 человек. Это в основном связано с нехваткой рабочих мест и с увеличением людей пенсионного возраста. В поселке городского типа Камские Поляны население в 2021составляло 16,4 тыс. человек, а в 2011году — 15,8 тыс.чел. и рост население составил 694 человек [2].

Таким образом, по экономическому потенциалу Нижнекамский экономический район занимает второе местов республике после Столичного. Данный район имеет удобное экономико-географическое положение и располагает ресурсами углеводородного сырья, интенсивно развивается, в городах для людей созданы все необходимые условия для работы и отдыха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галимов Ш.Ш., Галимова Л.И.Экономическая география Татарстана. Население и хозяйство. 9 класс: учебное пособие для общеобразовательных организаций. Казань: Татар.дет.изд-во, 2020. 96 с.
2. Республика Татарстан. Стат. сборник.2020. Казань, 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatstat.gks.ru/publication_collection/document
3. Регионы России. Социально-экономические показатели 2020. Стат. Сб. / Росстат. М.2020. 1242 с.
4. Миронов А.В., Миронова А.А. Камский экономический район Республики Татарстан: природные особенности, экологическая обстановка и пути ее оптимизации. Наб.Челны: НГПИ, 2008. — 211с.
5. Россия в цифрах. 2020: Крат.стат.сб./Росстат. М., 2020. 550 с.

**SOME ASPECTS OF URBAN DEVELOPMENT POPULATION IN THE
NIZHNEKAMSK ECONOMIC DISTRICT OF THE REPUBLIC OF
TATARSTAN**

Annotation: *The article considers the Nizhnekamsk (NaberezhnyeChelny agglomeration) economic region of the Republic of Tatarstan, which includes: Agryzsky, Aktanyshsky, Yelabuga, Zainsky, Menzelinsky, Muslyumovsky, Mendeleevsky, Nizhnekamsky, Tukaevsky municipal districts and the city of NaberezhnyeChelny. The area of the territory is 16265 sq. kilometers or 24.0% of the territory of the republic. The population is about 1141 thousand people or about 29.25% of the population of Tatarstan. This economic region includes seven cities: NaberezhnyeChelny, Nizhnekamsk, Yelabuga, Mendeleevsk, Menzelinsk, Agryz, Zainsk and the urban-type settlement of KamskiyePolyany.*

The article deals with the size of the urban population of this economic region. As the analysis of statistical materials for 2021 shows, the development of the urban population compared to 2011 can be divided into two groups: the group where the largest population growth is observed are NaberezhnyeChelny, Nizhnekamsk, Yelabuga, and the group where the population is almost not growing is located on the same level — these are the cities of Agryz, Zainsk, Mendeleevsk, Menzelinsk and urban settlement. VyatskiyePolyany.

Keywords: *geography, urban population, Nizhnekasky economic region, urban agglomeration, Republic of Tatarstan.*

УДК 913

Гусаков Т. Ю.

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, г. Москва*

**ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ СЕЛЬСКИХ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КРЫМА**

Аннотация. *Статья рассматривает разработанные ранее типологии сельского расселения для различных регионов России применительно к Крымскому полуострову, нуждающемуся в ревитализации и перезагрузке сельской местности. Проводится анализ генезиса и специфики поселенческой сети региона и предлагаются варианты их учета в имеющихся типологиях.*

Ключевые слова: *сельская местность, миграции, типология сельских населенных пунктов, система расселения, этническое расселение.*

В последние несколько десятилетий происходит изменение жизненных ориентиров и представлений россиян, что привело к закономерному увеличению их подвижности. Эти перемены плотно связаны с падением участия сельских жителей в сельскохозяйственном производстве и развитием городской сферы услуг, и приводят к формированию прочных сельско-городских связей. Село медленно перетекает в город, городской образ жизни смешивается с сельским, образуя сельско-городской континуум, где все труднее что-либо разграничить и понять, когда это еще город, а когда уже село.

Проблема во многом в несправедливости применения шаблонных средств для разнородных регионов, хотя и внутри некоторых регионов есть существенные различия. Наиболее остро это ощутимо в многонациональных регионах с дисперсным расселением этносов. Примером такого региона является Крымский полуостров, на который и будут примеряться существующие типологии.

Невозможность выработки унифицированной траектории развития российской сельской местности и создания путевой карты для отдельного сельского населенного пункта (СНП) подталкивало научное сообщества к поиску общих черт разнообразных территории и выделению типов. За последние 60 лет было создано несколько типологий, выделяющие типы по экономическим, социальным, генетическим параметрам сельских территорий. В советский период большее внимание уделялось экономическим связям сельских территорий, что отражено в типологиях географа С.А. Ковалева [1] и экономиста Т. И. Заславской.

В современности авторы типологий идут по двум путям, связанным с решением проблем экономической эффективности села и не прекращающей депопуляции, подробнее об этом написано в работе Р. Ризатдинова [2]. В работе А.А. Ткаченко и др. при создании типологии учитывают функции СНП и их способность притягивать население поселений более низкого ранга [3], а в последней работе А.И. Алексеева и С.Г. Сафронова предложена типология является слепком современного состояния сельской поселенческой сети [4]. Более близка к крымской специфике типология сельских муниципальных районов Ставропольского края. Она предложена Т.Г. Нефедовой и основывается на учете трех факторов, формирующих территориальную дифференциацию: природные, пригородно-периферийные и национальные различия [5]. Но это слишком общий вариант типологии, в случае с классификацией СНП необходим более детальный анализ.

Система расселения Крымского полуострова является монолитом сельских и городских поселений, взаимосвязанных друг с другом. Исторически ее формирование было связано с характером и направленностью движения

населения и зависело от всплесков миграционных процессов. Кроме того, природно-климатическая неоднородность сказалась на густоте заселенности отдельных МР: степная зона более разрежена, предгорья и южный берег Крыма имеют большую плотность населения.

Современная поселенческая сеть Крыма была сформирована в 1960-70-е гг. под влиянием укрупнения мелких коллективных хозяйств и административных инструментов. В современности бывшие центральные усадьбы сконцентрировали в себе административные функции и по большей части сохранили численность населения на уровне 1990 г. Донорами их демографической стабильности выступали мелкие окрестные села.

Современное изменение этнического расселения из-за миграций и появление районов компактного проживания отдельных этносов трансформирует поселенческую сеть Крыма. Этнический фактор в последние десятилетия все сильнее воздействует на развитие сельской местности. Существует несколько параметров, по которым возможно провести типологию СНП. Росстат при формировании статистической отчетности выделяет типы поселений по населенности. Согласно результатам переписи населения 2014 г. в Крымском федеральном округе насчитывалось 1042 СНП (табл. 1).

Таблица 1

Группировка СНП по численности населения на Крымском полуострове по результатам переписи населения 2001 и 2014 гг. [6, 7]

Перепись населения	Всего	в том числе СНП							
		без населения	с числом жителей, человек						
			менее 50	51 - 200	201 - 500	501 - 1000	1001 - 2000	2001 - 3000	более 3000
2001 г.	1051	7	65	185	263	200	206	60	65
2014 г.	1042	11	76	212	251	211	169	55	57

Впрочем, данная типология удобна для подведения статистических итогов и не призвана отражать картину фактического развития сельских поселений. Например, после 2014 г. к числу СНП были отнесены и поселки городского типа, которые имеют городские черты (развитость социального сектора и промышленности, городская застройка и пр.). Деление поселений по численности населения условно и не отражает качественных характеристик, для прогнозирования траекторий развития недостаточно лишь количественных данных.

Другая вариация типологии СНП предложена группой ученых во главе с А.А. Ткаченко, рассматривающая «центральность» поселений (потенциальные возможности притяжения окрестного населения). По их рассуждениям типология СНП должна строиться на анализе функций поселений, поскольку они являются локальными центрами для поселений более низших рангов. Всего было выделено 5 классов центров расселения, обладающих различными наборами административных и обслуживающих функций (наличие в СНП социальной инфраструктуры и набора услуг, которые население может в нем получить) [3]. В этой типологии учитываются не все типы поселений (например, населенные пункты без населения и урочища), и к одному классу могут быть отнесены СНП с различными историей и перспективами развития (табл. 2).

Таблица 2

**Типология центров расселения Крымского полуострова по методике
А.А. Ткаченко (составлено автором)**

<i>Класс</i>	<i>Уровень центральности</i>	<i>Число пунктов</i>	<i>Суммарная численность, тыс. человек</i>	<i>Доля в общей численности сельского населения, %</i>	<i>Средняя плотность, человек</i>
1	Высший	145	355,2	38,3	2450
2	Выше среднего	113	185,8	20	1644
3	Средний	48	57,8	6,2	1204
4	Ниже среднего	165	86,2	9,3	523
5	Низший	217	72,8	7,8	335
Всего		688	757,8	81,6	1101

Локальные центры полуострова (бывшие центральные усадьбы и центры сельсоветов) не способны выполнять притягивающие функции, поскольку потенциал, который в них заложен иногда недостаточен для местных жителей (чаще всего из-за отсутствия достаточного количества мест приложения труда). Поэтому полноценными центрами на Крымском полуострове могут быть лишь поселки городского типа и города, находящиеся за гранью сельской местности. Курортные поселки, расположенные на западном побережье полуострова, являются «сезонными» центрами притяжения, поскольку их функционирование ограничено интенсивностью притока рекреантов.

Необходима интегральная типология, которая способна учесть, как количественные, так и качественные параметры СНП. Сложность ее разработки заключается в качественной оценке состояния сельской местности и

учета региональной специфики. Наиболее успешна в этом случае типология, предложенная в статье А.И. Алексеева и С.Г. Сафронова [4], построенная на анализе современного состояния сети СНП, их населенности, подвижности сельских жителей. Согласно данной типологии на Крымском полуострове присутствуют практически все выделенные типы.

Типология не учитывает центральные функции поселений, а также не учтены поселения, лишенные статуса населенного пункта и именуемые *урочищами*. После 1991 г. в сельской местности Крымского полуострова не произошел столь радикальный отказ от сельскохозяйственной деятельности, в отличие от неплодородных районов России. Из-за этого на межселенных территориях функционирует большое количество пунктов, не предполагающих наличие постоянного населения, без жилых построек (овчарни, молочно-товарные фермы, тепличные комплексы и пр.). В интегральной типологии необходимо учитывать и этот факт, поскольку сельскохозяйственное производство все дальше дистанцируется от сельских жителей и их селитебной зоны.

В современности важно рассмотрение специфики сельского существования трех наиболее значительных этнических групп: русских, украинцев и крымских татар. Из-за большой численности они способны определять тренды развития сельской местности в местах компактного проживания. В сельских районах Крыма было определено, что в большинстве своем этносы имеют различные приоритеты при конструировании жизненных стратегий и занимают разные экономические ниши.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ковалев С.А. Развитие сельского расселения в Советском Союзе // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 126-147.
2. Ризадинов Р. Вопросы типологий сельских регионов и сельских населенных пунктов в советской и российской аграрной науке // Векторы развития современной России / под общ. ред. М.Г. Пугачевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 77-95.
3. Вихрёв О.В., Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. №2. С. 30–37.
4. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Типология сельских населенных пунктов европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2017. №6. С. 55-61.
5. Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. С. 23–26.
6. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
7. Всеукраїнський перепис населення 2001. Результати. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/regions/reg_crum/ [дата обращения: 16.09.2021].

Timur Yu. Gusakov

*Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow*

APPROACHES TO THE TYPOLOGY OF RURAL SETTLEMENTS OF THE CRIMEA

Annotation. *The article considers the previously developed typologies of rural settlement for various regions of Russia in relation to the Crimean Peninsula, which needs to be revitalized and rebooted in the countryside. The analysis of the genesis and specifics of the settlement network of the region is carried out and options for their consideration in the existing typologies are proposed.*

Keywords: *countryside, migrations, typology of rural settlements, settlement system, ethnic settlement.*

УДК 502.53:528.946556.5:911.9

**Добрякова В. А., Еланцева А. А.,
Истомина Л. С., Конюхова А. Д., Макарова К. И., Устинов К. Н.**

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

СОЗДАНИЕ СЕРИИ КАРТ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ И МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В статье представлена серия карт по демографическим и миграционным процессам в Тюменской области в рамках реализации гранта РФФИ № 20-411-720005 "Демографическая динамика и совершенствование региональной демографической политики Тюменской области". Информационным источником являются официальные статистические данные Федеральной службы. В качестве основного инструмента использовался функционал ArcGISPro 2.8.*

Ключевые слова: *Карты размещения населения, карты демографических характеристик населения, Тюменская область, ГИС*

Введение. Население является одним из важнейших факторов, определяющих устойчивое развитие любой территории.

В работе представлена картографическая основа и набор карт для проведения анализа демографических и миграционных процессов, происходящих в Тюменской области в период с 2010 по 2020 годы, который проведен в рамках реализации гранта № 20-411-720005 «Демографическая динамика и совершенствование региональной демографической политики Тюменской области».

Проект направлен на изучение механизмов, определяющих динамику демографических процессов для разработки рекомендаций по максимальному использованию внутреннего потенциала территории.

Актуальность исследования связана, во-первых, с негативными демографическими тенденциями в современной России: значительное сокращение численности населения, начавшееся с 1993 года и продолжающееся до настоящего времени по абсолютным числам сопоставимо с войной и имеет, несомненно, серьезные геополитические и экономические последствия. Во-вторых, с особым своеобразием Тюменской области как объекта исследования, она имеет огромную площадь (8.5% всей территории РФ) и состоит из трех разнородных и относительно независимых частей. Заселенный сельскохозяйственный и более промышленно развитый юг области, нефтегазодобывающие северные Ханты-Мансийский автономный округ– Югра (район среднего Приобья) и Ямало-Ненецкий автономный округ (выходящий к Северному ледовитому океану), превышающие по площади юг области соответственно в 3,3 и в 4,7 раз. В каждом из этих субъектов исследуемые процессы идут по-разному и причины этого лежат как в объективных условиях, так и в принимаемых управленческих решениях [1, 2].

Правильно организованные карты позволяют выявить пространственно-временные закономерности и отношения, которые иными способами не распознаются [3,4].

Постановка задачи. Главной являлась задача построения серии карт, позволяющих явно показать территориальное распределение изучаемых явлений, выявить тенденции в их развитии и в конечном результате дать содержательную основу для поддержки принятия решений по управлению имеющимися ресурсами. Основным рабочим инструментом исследования выбрана ArcGISPro 2.8.

Результаты работы. Собрана статистика по муниципальным образованиям Тюменской области:

- население на 01.01.2020;
- население на 01.01.2021;
- естественный прирост на 01.01.2020;
- механический прирост на 01.01.2020.

1. Сформирована база географических данных.

2. Актуализирована картографическая основа на всю территорию Тюменской области в 3 масштабах:

- 1 : 500 000;
- 1 : 1 000 000;
- 1 : 5 000 000

3. Подготовлено 25 карт, объединенных в 2 раздела:

3.1. Карты размещения населения и расселения.

- Численность и плотность населения по трем субъектам РФ в 2010, 2020 гг., в сравнении.

- Анаморфозы по трем субъектам РФ в 2002, 2010, 2016, 2020 гг., в сравнении.

3.2. Карты демографических характеристик населения.

- Естественное движение населения по трем субъектам РФ в 2016, 2020 гг., в сравнении.

- Коэффициент рождаемости населения

- Коэффициент смертности населения

- Возрастной состав населения по трем субъектам РФ в 2016, 2020 гг., в сравнении.

- Механическое движение населения по трем субъектам РФ в 2016, 2020 гг., в сравнении.

- Механическое движение населения по возрастным группам по трем субъектам РФ в 2016, 2020 гг., в сравнении.

- Доля миграционного прироста в общем приросте населения по Тюменской области в 2016, 2020 гг., в сравнении.

- Процентное отклонение механического прироста населения по Тюменской области 2020 к 2016 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2019. 79 с. ISBN 978-5-907057-98-2

2. Добрякова, В. А. Анализ миграционных процессов в Тюменской области / В. А. Добрякова, А. Б. Добряков // Географический вестник. 2021. № 1(56). С. 42-52. — DOI 10.17072/2079-7877-2021-1-42-52.

3. Добрякова, В. А. Картографическое обеспечение раздела "население" экологического атласа Ямало-Ненецкого округа / В. А. Добрякова // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2018. Т. 24. № 1. С. 123-130. DOI 10.24057/2414-9179-2018-1-24-123-130.

4. Добрякова, В. А. Экологический атлас Ямало-Ненецкого автономного округа: результаты научных исследований, состояние, динамика, прогноз / В. А. Добрякова, И. Р. Идрисов // Геодезия и картография. 2019. Т. 80, № 1. С. 24-33. — DOI 10.22389/0016-7126-2019-943-1-24-33.

**Valentina A. Dobryakova, Alina A. Elantseva, Lada S. Istomina,
Alina D. Konyukhova, Christina I. Makarova, Kirill N. Ustinov**

University of Tyumen, Tyumen

CREATING A SERIES OF MAP ON DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES IN THE TYUMEN REGION

Annotation. The article presents a series of maps on demographic and migration processes in the Tyumen region within the framework of grant No. 20-411-720005 "Demographic dynamics and improvement of the regional demographic policy of the Tyumen

region". The information source is the official statistics of the Federal Service. ArcGIS-Pro 2.8 functionality was used as the main tool.

Keywords: Population maps, population demographic maps, Tyumen region, GIS

УДК 911.3:314

Заяц Д. В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Московский педагогический государственный университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ ВОСТОКА УКРАИНЫ

Аннотация. Вопрос численности населения и демографических показателей непризнанных государств востока Украины сильно политизирован. Есть основания не доверять официальным оценкам местных статистических служб. По всей видимости, реальная численность населения территорий на востоке Украины примерно в 2 раза ниже официально публикуемых данных.

Ключевые слова: численность населения, конфликт на востоке Украины, ДНР, ЛНР.

Российско-украинские отношения — одна из наиболее горячих тем международной повестки в начале 2022 г. Главный узел противоречий — ситуация на востоке Украины и статус Донецкой и Луганской Народных Республик (ДНР и ЛНР).

Вопрос о численности населения востока Украины крайне непрост. Согласно статистическим службам ДНР и ЛНР [1, 2], на 1 января 2022 г. наличное население ДНР составило 2211 тыс. чел., а ЛНР — 1405 тыс. чел. (см. табл.). На своих сайтах статистические службы ДНР и ЛНР сообщают о том, что расчет численности населения осуществляется по данным Всеукраинской переписи населения 2001 г. с учетом естественного и миграционного движения населения (информация отделов ЗАГС Министерства юстиции и Миграционной службы МВД).

Оценки численности населения неподконтрольных Киеву территорий Донецкой и Луганской областей Укрстатом [3] проведены по похожей методике и мало отличаются от данных республик. Население «зоны АТО» в Донецкой области на 1 января 2020 г. в Киеве оценивалось в 2245 тыс. человек (в ДНР — в 2266 тыс.). Население неподконтрольных территорий Луганской области на ту же дату Укрстатом — в 1440 тыс. чел., в ЛНР — в 1444 тыс. чел.

В 2020 г. на неподконтрольных Киеву частях областей востока Украины было проведено укрупнение единиц АТД 2-го порядка. Постановлением

Верховной рады Украины от 17.07.2020 г. принято новое административно-территориальное деление Донецкой и Луганской областей на 8 районов для каждой. Границы новых единиц АТД Украины в гораздо меньшей степени совпадают с линией разграничения военных формирований. Поэтому с 2020 г. сопоставление демографических данных Украины, ДНР и ЛНР проводить невозможно.

Процессы депопуляции в регионе начались задолго до вооруженного конфликта, первое снижение численности населения Донецкой области отмечено еще в 1994 г. На территории нынешней ДНР в 1989–2001 гг. и 2001–2014 гг. среднегодовые темпы убыли населения составляли 0,8%, а в период вооруженного конфликта увеличились до 1% (табл.). На территориях, ныне составляющих ЛНР, в 1989–2001 гг. среднегодовая убыль населения составляла 1%, затем в 2001–2014 гг. сократилась до 0,9% и в конфликтные годы возросла до 1,3%.

За период фактической независимости (с 2014г.) в ДНР сильнее всего сократилось население наиболее пострадавших от боевых действий города Дебальцево (на 46,7%), Тельмановского (50,5%) и Новоазовского (17,4%) районов. В ЛНР за тот же период наибольшие потери населения, согласно официальным данным, понесли город Первомайск (на 44,2%) и Славяно-сербский район (16,3%).

Демографическая ситуация в республиках Донбасса могла быть прояснена после проведения 1–14 октября 2019 г. первых в истории этих политических образований переписей населения. Однако их итоги не опубликованы до сих пор (январь 2022 г.). Основная причина такой задержки не техническая, а политическая¹.

Однако некоторые комментарии и свидетельства участников переписей населения ДНР и ЛНР попали в СМИ. Переписчица из Донецка утверждает, что в ее микрорайоне выехало около 40% населения [4]. Квартиры стоят пустыми, но на вторичный рынок жилья не выносятся. По этим квартирам продолжает приходиться оплата. Численность учащихся в школах в некоторых местностях ДНР и ЛНР с 2014 г. сократилась в 2–3 раза. О значительном уменьшении численности населения свидетельствуют и данные ночных космических снимков, регистрирующих падение освещенности

---

¹ Глава ДНР Денис Пушилин во время интервью СМИ, состоявшегося 11 ноября 2021 г. заявил, что перепись исказили неполнота ответов граждан, отсутствие искренности и желания отвечать на необходимый перечень вопросов. Он отметил, что в состоянии воюющего государства не существует таких методик, которые исключили бы ту погрешность, которая присутствовала при проведении переписи населения. Источник: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/4512187>

городов ЛНР и ДНР на 72 и 57% соответственно к апрелю 2015 г. по сравнению с довоенным временем (данные А. Шелудкова).

По данным Министерства социальной политики Украины, численность зарегистрированных в стране внутренних переселенцев (в том числе и из Крыма, но эта группа крайне невелика) составляет более 1,7 млн человек (на 1 февраля 2016 г.) [5]. Число переселенцев в пределах востока Украины, переехавших из народных республик на «украинскую» сторону Луганской и Донецкой областей, составляет, согласно украинским оценкам на 2015 г., соответственно 141 тыс. и 102 тыс. [6]. Это и привело к более стабильной демографической динамике подконтрольных Киеву частей областей востока Украины (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения регионов востока Украины, согласно официальным данным статистических служб СССР, Украины, ДНР и ЛНР

Территории	Численность наличного населения, тыс. чел.					Среднегодовая динамика населения, %			Убыль населения в 2014-2022* гг., %
	1989 (пер.)	2001 (пер.)	01.01. 2014	01.01. 2020	01.01. 2022	1989-2001	2001-2014	2014-2022*	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Города и районы ДНР	2979,7	2677,4	2398,4	2266,0	2211,5	-0,8	-0,8	-1,0	-7,8
г. Донецк	1128,9	1033,4	965,8	942,3	924,2	-0,7	-0,5	-0,5	-4,3
г. Горловка	363,1	314,7	274,7	257,9	250,0	-1,1	-1,0	-1,1	-9,0
г. Дебальцево	57,4	52,2	45,7	25,1	24,4	-0,8	-1,0	-5,8	-46,7
г. Докучаевск	25,3	26,9	24,4	23,6	23,0	0,5	-0,7	-0,7	-5,8
г. Енакиево	190,0	161,5	127,7	117,9	113,4	-1,3	-1,6	-1,4	-11,1
г. Ждановка	15,6	14,8	13,1	12,6	12,3	-0,4	-0,9	-0,8	-6,6
г. Кировское	32,6	30,9	28,2	27,4	26,9	-0,4	-0,7	-0,6	-4,4
г. Макеевка	477,0	432,8	389,9	369,7	360,2	-0,8	-0,8	-1,0	-7,6
г. Снежное	96,6	82,6	70,0	65,5	63,7	-1,2	-1,2	-1,1	-9,0
г. Торез	112,4	95,6	80,0	74,9	72,6	-1,2	-1,3	-1,2	-9,3
г. Харцызск	127,3	114,1	103,2	97,5	95,2	-0,9	-0,7	-1,0	-7,8
г. Шахтерск	88,8	71,7	60,3	56,6	55,0	-1,6	-1,2	-1,1	-8,9
г. Ясиноватая	39,4	37,5	35,7	43,1	41,9	-0,4	-0,4	2,2	17,5
Амвросиевский	61,2	55,1	45,0	42,3	41,0	-0,8	-1,4	-1,1	-8,9
Новоазовский	40,6	38,9	35,6	29,5	29,4	-0,3	-0,7	-2,2	-17,4
Старобешевский	60,3	56,0	50,3	47,7	46,5	-0,6	-0,8	-0,9	-7,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Тельмановский	37,2	35,1	29,2	14,5	14,4	-0,5	-1,3	-6,3	-50,5
Шахтерский	26,0	23,6	19,5	18,1	17,6	-0,8	-1,3	-1,2	-9,6
Города и районы ЛНР	2021,2	1781,5	1572,0	1438,9	1405,2	-1,0	-0,9	-1,3	-10,6
г. Алчевск	125,5	119,2	110,5	103,4	101,1	-0,4	-0,6	-1,1	-8,5
г. Антрацит	146,6	127,8	107,9	101,2	97,8	-1,1	-1,2	-1,2	-9,4
г. Брянка	72,6	61,4	52,9	50,1	48,7	-1,3	-1,1	-1,0	-7,9
г. Кировск	53,9	45,0	35,9	33,1	31,9	-1,4	-1,6	-1,4	-11,1
г. Краснодон	172,2	151,0	132,6	124,0	120,7	-1,0	-0,9	-1,1	-9,0
г. Красный Луч	173,5	145,1	122,8	114,9	111,1	-1,4	-1,2	-1,2	-9,5
г. Луганск	538,2	503,2	463,3	430,5	426,1	-0,5	-0,6	-1,0	-8,0
г. Первомайск	97,2	80,6	69,5	39,8	38,8	-1,4	-1,1	-5,5	-44,2
г. Ровеньки	102,2	91,7	83,3	78,7	76,5	-0,9	-0,7	-1,0	-8,2
г. Свердловск	145,0	124,8	109,5	103,5	100,8	-1,2	-0,9	-1,0	-8,0
г. Стаханов	138,1	108,3	91,4	84,8	81,3	-1,8	-1,2	-1,4	-11,0
Лутугинский	84,8	73,9	67,0	63,0	60,9	-1,1	-0,7	-1,1	-9,2
Перевальский	101,6	87,4	70,9	65,2	63,7	-1,2	-1,5	-1,3	-10,1
Славяносербский	69,8	62,1	54,7	46,8	45,7	-0,9	-0,9	-2,0	-16,3
Города и районы Донецкой обл.**	2352,7	2163,7	1945,5	1886,8	...	-0,7	-0,8	-0,5*	-3,0*
Города и районы Луганской обл.**	841,5	764,7	667,5	695,9	...	-0,8	-1,0	0,7*	4,3*

* Для городов и районов под контролем Киева — 2014–2020 гг.

** Контролируются правительством в Киеве.

пер. — данные переписи.

Так как точно определить реальную численность населения республик Донбасса не представляется возможным, прибегнем к косвенным методам. Этот подход основан на допущении инерционности процессов воспроизводства населения. По данным Укрстата, в 2013 г. общий коэффициент рождаемости составил в Донецкой области 9,4‰, а в Луганской 9,1‰. За 2014–2017 гг. наличное население районов и городов ДНР сократилось по официальным данным всего на 3,8%, но общий коэффициент рождаемости упал до 5,15‰, то есть в 1,83 раза. Можно предположить, что примерно в такой же пропорции сократилось и население ДНР. Общий коэффициент

рождаемости в ЛНР в 2017 г. упал до 4,9‰ (снизился в 1,86 раза по сравнению с 2013 г.). Показатели смертности при этом значительных изменений не испытали: в 2013 г. в обеих областях он составлял 15,9‰, а в ДНР в 2017 г. даже уменьшился до 14,7‰ (по ЛНР данные недоступны).

Вывод. Тематика демографического потенциала ЛНР и ДНР крайне политизирована обеими сторонами конфликта. Объективные данные не приводятся ни официальными статистическими службами непризнанных республик, ни Киевом, ни российскими государственными, общественными, либо научно-исследовательскими структурами. Для получения ясности необходимо ознакомление с результатами переписей населения ДНР и ЛНР, проведенных в 2019 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственная служба статистики Донецкой Народной Республики. Режим доступа: <http://gosstat-dnr.ru> (дата обращения: 21.01.2022).
2. Государственный комитет статистики Луганской Народной Республики. Режим доступа: <https://gkslnr.su> (дата обращения: 26.01.2022).
3. Державна служба статистики України. Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Гордо О. Перепись населения ДНР 2019: «У нас живут рабыня Изаура, Екатерина Вторая, остальные — русские» // Комсомольская правда — Донецк. 19.10.2019. Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27044.5/4109312> (дата обращения: 21.01.2022).
5. В Україні взято на облік 1,7 млн переселенців // LB.ua. Режим доступа: https://lb.ua/society/2016/02/01/326921_ukraine_vzyato_uchet_17 mln.html (дата обращения: 21.01.2022).
6. Из Криму та Донбасу виїхали 777 тис. осіб // LB.ua. Режим доступа: https://lb.ua/society/2015/03/10/298029_iz_krima_donbassa_viehali_777_tis.html (дата обращения: 21.01.2022).

Dmitry V. Zayats

Lomonosov Moscow State University, Moscow Pedagogical State University

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE REGIONS OF EASTERN UKRAINE

Annotation. *The issue of the population and demographic indicators of the unrecognized states of the east of Ukraine is highly politicized. There are reasons not to trust the official estimates of local statistical services. Apparently, the real population of the territories in the east of Ukraine is about 2 times lower than the officially published data.*

Keywords: *population, conflict in Eastern Ukraine, DPR, LPR.*

**МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ**

Аннотация. В статье на основе данных о нетто-миграции и плотности населения за 2012–2018 гг. анализируются возрастные особенности миграционного обмена между муниципальными образованиями (МО) России. Результаты показывают, что структура внутренней миграции в России соответствует этапу урбанизации модели городского развития, который характерен для всех возрастных групп. Нетто-миграция по всем возрастным группам выше в более густонаселенных МО. Пик миграции в более плотно населенные МО приходится на возрастную группу 15–19 лет.

Ключевые слова: возраст, плотность населения, муниципалитет

Данные. В качестве меры классификации МО использовалась плотность населения. Преимущества данного показателя состоят в том, что он может рассматриваться как комплексный показатель качества среды и может применяться для анализа концентрации населения и индикатора структуры расселения [1]. Основной недостаток — в площадь некоторых российских городских образований включены большие незаселенные территории, что сильно занижает реальные показатели плотности в отдельных МО. Средняя по России плотность населения очень мала (8,7 чел. на км²) и существенно различается между МО: значения варьируют от 0,01 (Хабаровский край) до 11,2 тыс. чел на км² (Московская обл.).

Расчеты и анализ возрастных коэффициентов (по 5-летним возрастным группам и объединенные для нескольких возрастных групп) внутренней миграции за 2012–2015 и 2016–2018 гг. базировались на данных по всем МО России (БД ПМО, <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>), за исключением: МО Дагестана и Чукотского АО; части ЗАТО. Анализ затрагивает 97,2% общей численности населения России, проживающего в 2334–2350¹ МО.

МО группировались по численности населения и положению в системе расселения: региональные центры; их пригороды (МО, центры которых находятся в радиусе 50 км от регионального центра); остальные МО.

Результаты. В 2012–2018 гг. потоки внутренней миграции были направлены прежде всего в высокоплотные территории — крупнейшие

---

¹ За 2012–2015 гг. и 2016–2018 гг. соответственно

МО, с населением свыше 1 млн чел. Среди групп МО с иной численностью населения миграционный прирост получали только обладающие сравнительно большой — свыше 50 чел. на км², плотностью населения. То есть население концентрировалось в высокоплотных по российским меркам МО.

По коэффициенту интенсивности нетто-миграции в оба периода значение показателя, сопоставимое с крупнейшими городами с плотностью населения свыше 1000 чел. на км², кроме крупнейших МО с плотным населением, имели также МО с численностью населения свыше 250 тыс. чел., а в 2016-2018 гг. — свыше 100 тыс. Не вполне однозначная, но все же, некоторым образом, заметная граница миграционного прироста/убыли проходит по плотности 10-50 чел. на км² и численности населения МО 100-250 тыс. чел.

В 2012-2015 гг. ежегодно в пользу МО с населением свыше 100 тыс. жителей и плотностью больше 50 чел. на км² перераспределялось 352 тыс. чел, в 2016-2018 гг. — 274 тыс. Такие территории занимают всего 0,9% территории России, на которой проживало около 58% ее населения.

Практически весь миграционный прирост сконцентрирован в региональных центрах и их пригородах, причем на региональные центры пришлось 70% и 52% нетто-прироста в 2012-2015 и 2016-2018 гг. соответственно. Региональные столицы были высокоаттрактивными и в советское время, в постсоветское время их привлекательность постоянно усиливалась. В 2010-2018 гг. 84% региональных центров имели положительную динамику численности населения, при этом в целом население многих регионов сокращалось. Центростремительной миграции в постсоветский период способствовало усиление внутрирегиональной социально-экономической поляризации, бюджетной и налоговой концентрации в региональных центрах [2].

С начала 2000-х гг. миграционная привлекательность и влияние региональных центров распространилось на их пригороды. Миграционный прирост характерен для всех пригородов вне зависимости от плотности их населения. В радиусе 50 км от региональных центров нетто-прирост имеют МО как с высокой плотностью, так и с низкой.

По интенсивности миграционного прироста пригороды опережают региональные центры. Исключение составляют немногочисленные пригороды столиц малонаселенных регионов с очень низкой плотностью населения, в которых города окружает тайга и лесотундра.

Население отдельных возрастных групп в разной мере склонно к концентрации в разных классах МО (по плотности населения, удаленности от региональных центров).

В крупных городах с высокой плотностью концентрируется прежде всего молодежь 15-19 лет, это возраст окончания школы и поступления в вузы. Помимо крупных городов, миграционный приток молодежи этого возраста отмечен в высокоплотные пригороды Москвы и Санкт-Петербурга, представленные городами — спальными районами. Но в целом пригороды крупных городов для этого возраста не так привлекательны, т.к., за редким исключением, университеты в России, по традиции располагаются в самих региональных центрах.

В возрастах 25-39 лет, когда люди активно создают семьи, но при этом находятся на пике экономической активности, наиболее привлекательны пригороды крупных городов. При этом сами города также сохраняют привлекательность. Семьи с детьми нуждаются в увеличении размера жилья, и исходя из цены жилья оно зачастую приобретается в пригородах. Это характерно не только для пригородов Москвы и Санкт-Петербурга, но и других крупных городов, особенно с численностью свыше 500 тыс. чел. Миграционный отток 25-39-х наблюдается из всей периферии, но особенно — из низкоплотной. Здесь к проблемам с поиском работы добавляются, зачастую, сложности устройства детей в школу.

В возрасте, предшествующем выходу на пенсию и пенсионных возрастах привлекательными для вселения, становятся не плотнонаселенные крупные города, а их пригороды. Однако пожилые мигранты в России не переезжают в самые малонаселенные периферийные МО. Отдаленные от центров территории, с самой низкой плотностью населения пожилых в России теряют, как теряют и население других возрастов. В то же время людей в возрасте 50+ привлекают периферийные территории в регионах с благоприятными природно-климатическими условиями. В целом интенсивность миграции людей в возрастах 50+ по-прежнему не высока, т.к. выход на пенсию в России «растянут» по времени. При этом регистрируемый выезд пожилых из крупных городов по-прежнему не очень распространен, так как мигранты боятся лишиться региональных социальных выплат, устанавливаемых пенсионерам, например, в Москве и Санкт-Петербурге. Потребности в антигородском образе жизни у россиян пожилого возраста реализуются с помощью дач, обычно это выезды сезонного и эпизодического характера, не фиксируемые статистикой миграции.

Заключение. Анализ показал, что внутренняя миграция населения в России способствует приросту населения на сравнительно небольшой по площади территории: в МО с плотностью населения свыше 50 чел. на кв км на 1,5% площади территории проживает 67% населения страны. Подавляющая часть этих МО имеет нетто-прирост миграции, граница плотности в 50 чел. на км² является неким рубежом, выше которого МО чаще имеют нетто-прирост. Второй рубеж отделяет МО с высокой интенсивностью

нетто-прироста от остальных: это достигается на плотности свыше 1000 чел. на км². Выше этого порога миграционный прирост имеют почти все МО. Они занимают 0,2% площади России и концентрируют 44,1% населения. В целом получившиеся соотношения свидетельствуют о продолжающейся концентрации населения на макроуровне и примерно соответствуют все еще стадиям крупногородской урбанизации [3].

Разные возрастные группы населения в большей или меньшей степени склонны к центростремительной миграции. Однозначно концентрируется в наиболее плотнонаселенных территориях молодежь 15-19 лет. В более старшем возрасте (25-39 лет) люди склонны выбирать для проживания менее заселенные (по отношению к региональным центрам) пригороды. Сравнительно с другими возрастными группами люди от 40 до 59 лет показывают в России наименьшую склонность к концентрации.

Результаты свидетельствуют не только об отставании в стадиях прохождения моделей городского развития, которое фиксируется уже достаточно давно [4], но и о продолжении специфического пути России в условиях обладания огромной территорией, центроориентированной экономической модели и специфической дачной мобильностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Coombes M., Raybould S. (2001). Public Policy and Population Distribution: Developing Appropriate Indicators of Settlement Patterns. *Environment and Planning C: Government and Policy*, 19(2). P. 223-248.
2. Зубаревич Н.В. Рента столичного положения. *Pro et Contra*, 2012, 6, С. 6-18.
3. Geyer H.S. Kontuly T. (1993). A theoretical foundation of the concept of differential urbanization. *International Regional Science Review*, 15(2), P. 157-177.
4. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория дифференциальной урбанизации и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации зарубежье веков. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 71-87.

Liliya B. Karachurina

*National Research University
“Higher School of Economics”, Moscow*

MUNICIPAL FORMATIONS OF RUSSIA THROUGH THE PRISM OF MIGRATION OF THE POPULATION OF DIFFERENT AGES

***Annotation.** This paper analyse sage-specific migration exchange between municipal formations (MFs) in Russia based on the net migration and population density data covering 2012-2018. The results indicate that internal migration pattern in Russia corresponds to the urbanisation stage of the urban development model and is observed a crossallagegroups. Net migration across all age groups is higher in more densely populated MFs. Migration to more densely populated territories peaks in the 15–19 age group.*

***Keywords:** age, population density, municipality*

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ АРЕАЛОВ НЕНАСЕЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

***Аннотация.** Определено понятие ареалов ненаселенности, как территорий, окружающих полюсы недоступности и ограниченные со всех сторон граничными объектами. Изучена их структура, предложены подходы к делимитации границ ареалов и границ между периферией и очагом на территории ареалов. Исследована структура ареала ненаселенности на Северном Урале, который является неоднородным, имеет два очага, периферию и пять видов зон посещаемости. Социально-экономическими функциями ареала будут: рекреационно-туристские, природоохраняющие, исследовательские, буферные и хозяйственные.*

***Ключевые слова:** полюс недоступности, ареал ненаселенности, туризм, рекреация, природные территории, Пермский край*

Введение. Ненаселенные территории России составляют 66 % территории страны, укрепляют первенство России в экополитике мира и вместе с ненаселенными территориями Канады и Аляски они должны быть признаны в качестве природного экологического ресурса Севера планеты [1,2]. Ненаселенные пространства больше всего подходят для организации природоориентированного туризма, что является одной из самых экологичных форм природопользования.

В связи с вышесказанным определяется цель исследования: изучить структуру и функциональные особенности территории ареалов ненаселенности. Для выполнения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Дефинировать и конкретизировать термин ареал ненаселенности.
2. Проанализировать структуру и особенности делимитации границ ареалов ненаселенности.
3. Изучить структуру и особенности социально-экономических функций ареала ненаселенности на территории Северного Урала.

Материалы и методы исследования. В наших предыдущих публикациях [3-5], мы анализировали понятие «полюс недоступности», сейчас необходимо продолжить данное исследование. Вокруг полюсов недоступности, определенных по принципу удаленности от граничных объектов, к которым относятся действующие населенные пункты, круглогодичные автомобильные или железные дороги, береговая линия судоходных водных объектов, а также территории с ведением постоянной хозяйственной деятельности с изменением типа ландшафта (сельскохозяйственные угодья, промышленные зоны, и т.д.), находятся ненаселенные территории. По-

сколькo они площадные, то могут определяться как ареал, зона, район или полигон.

Проанализировав данные термины, с помощью трудов Э.Б. Алаева [6], Б.Б. Родомана [7], М.Д. Шарыгина и В.А. Столбова [8], и словаря под редакцией А.П. Горкина [9], выясняется, что более всего, данные территории подпадают под определение ареала.

Некоторые ареалы ненаселенности будут структурно неравномерными или очаговыми. В очаге будет участок с минимальными признаками хозяйственной деятельности, для данной территории, или с их отсутствием. Поскольку очаг — это центр, распространяющий на окружающую геоторию свои признаки, то обычно в полюсе недоступности будет их максимальная концентрация и проявляться центробежное направление движения признаков отсутствия, или минимального количества антропогенного воздействия на природную среду.

С другой стороны, от граничных объектов будут распространяться признаки антропогенного воздействия на территорию ареала ненаселенности, максимальное количество которых будет около границ ареала, постепенно уменьшаясь при движении в сторону полюса недоступности.

На территории ареалов ненаселенности можно выделить следующие объекты: полюс недоступности, очаг и периферию (рис. 1).

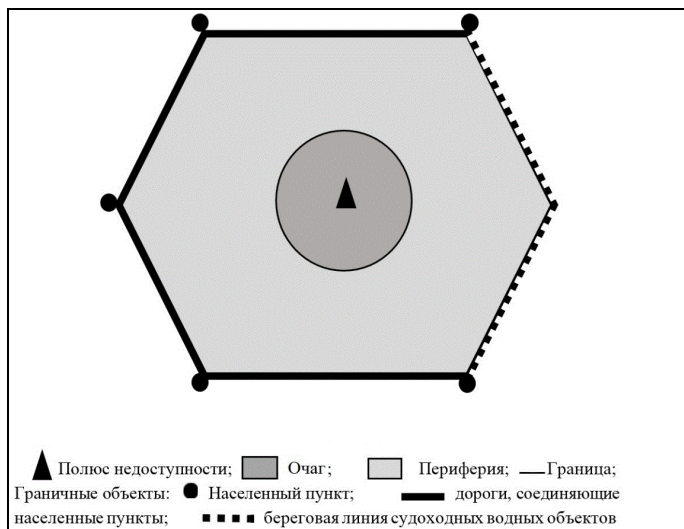

Рис. 1. Структура ареала недоступности

Необходимо определить критерии, с помощью которых можно отделить очаг от периферии. Это будет зависеть от конкретного ареала ненаселенности. Должны быть качественные изменения. Для этой цели произведена градация воздействия хозяйственной деятельности на природную среду, по четырем уровням (табл. 1). Соответственно, очаг и периферия должны относиться к разным уровням.

Таблица 1

Градация воздействия хозяйственной деятельности на природную среду

	<i>1</i> <i>уровень</i>	<i>2</i> <i>уровень</i>	<i>3</i> <i>уровень</i>	<i>4</i> <i>уровень</i>
Хозяйственная деятельность	Недавние сильные изменения природной среды, (до 5 лет) вызывающие негативное впечатление	Более ранние хозяйственные воздействия на природную среду, (5-30 лет). Произошло частичное восстановление	Давние воздействия на природную среду, более 30 лет. Вторичные хвойные леса, первичные леса с незначительным воздействием	Отсутствие хозяйственной деятельности. Возможно наличие туристской инфраструктуры, следов пребывания человека и туристских троп

На каждом конкретном участке может быть сочетание разных уровней хозяйственной деятельности. Для делимитации границ очага и периферии нужно конкретизировать количественные характеристики. Наиболее логично использовать простое преобладание конкретного уровня хозяйственной деятельности на отдельном участке ареала ненаселенности.

То есть если более 50% территории конкретного участка относится к тому же уровню, что и очаг, то данный участок будет относиться к очагу, а если менее 50 %, то к периферии. При этом рассчитывать уровень хозяйственной деятельности нужно по линиям параллельным границам ареала ненаселенности (рис. 2). В некоторых ареалах можно выделить несколько очагов, окруженных периферией.

Результаты и их обсуждение. В качестве примера структуры ареала ненаселенности и особенностей социально-экономических функций его территории рассмотрим ареал, расположенный на Северном Урале [5].

Координаты полюса недоступности данного ареала: 60°26'09,10" с.ш. и 59°08'55,86" в.д. Он равноудален на 35 км от следующих граничных объектов: с запада — поселок Золотанка, с северо-запада — поселок Велс, с юго-востока — поселок Баяновка, с юга — дорога, идущая от г. Североуральск на лесоразработки на восточном склоне хребта Кваркуш, с северо-востока — действующее месторождение на хребте Шемур (рис. 3).

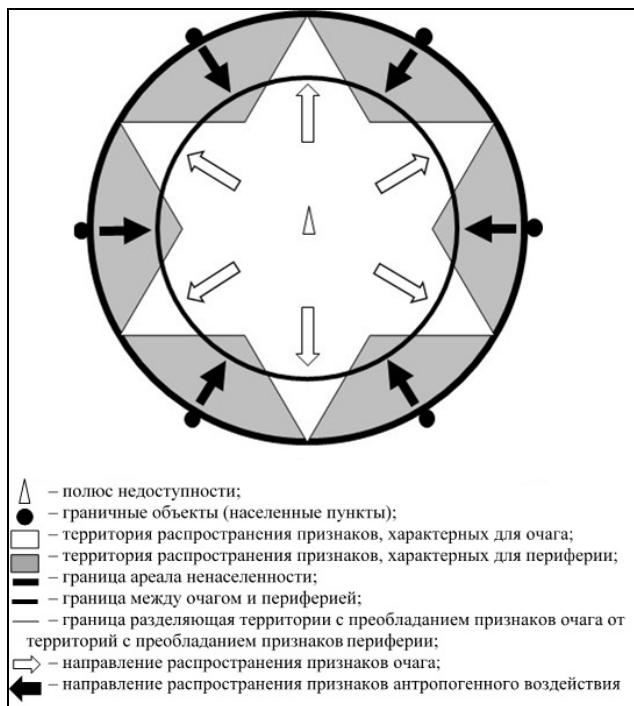

Рис. 2. Делимитация очага и периферии в ареале ненаселенности

Следует уточнить и обосновать границы изучаемого ареала ненаселенности. Точечными граничными объектами для данного ареала являются следующие:

- 1) три населенных пункта: Золотанка, Велс, со стороны Пермского края и Баяновка, со стороны Свердловской области;
- 2) четыре действующих месторождения полезных ископаемых: вновь эксплуатируемый Сибиревский прииск, карьер на хребте Шемур, медно-цинковый карьер, расположенные в Свердловской области и месторождение на р. Сурья в Пермском крае.

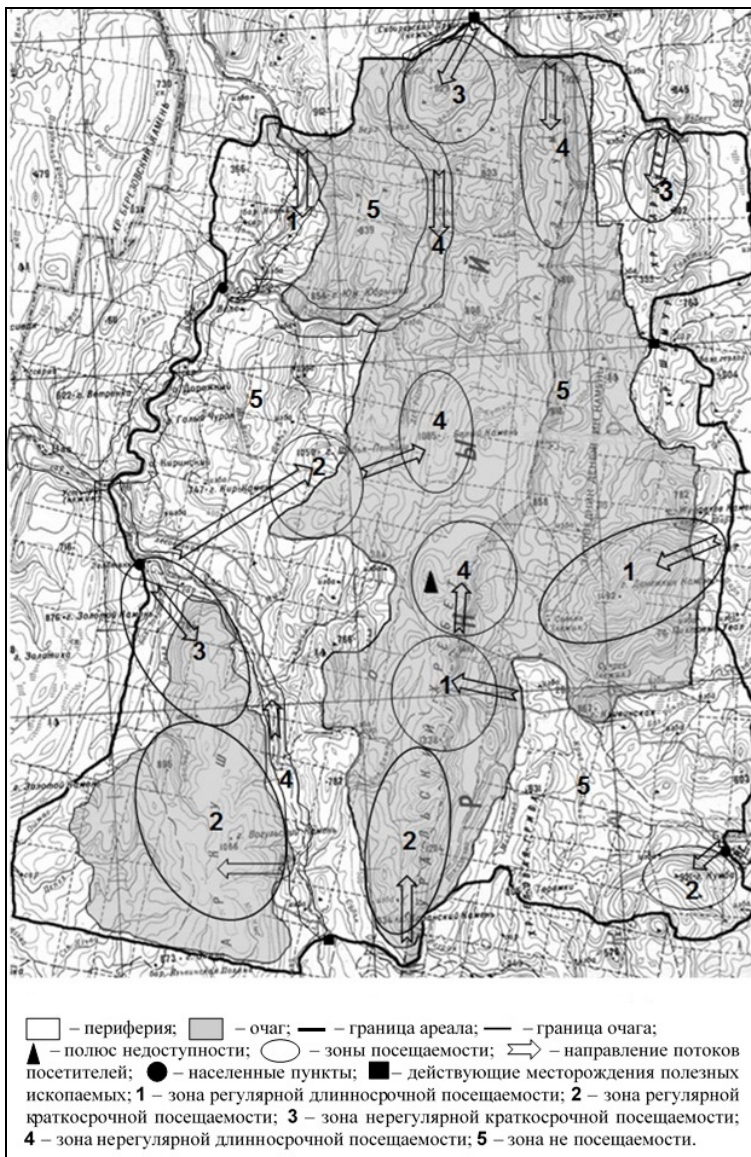

Рис. 3. Структура ареала ненаселенности Кваркушского туристского района

Линейными граничными объектами являются следующие:

1) участки дорог, соединяющие населенные пункты: Вая, Золотанка, Красный Берег, Велс и урочище 71 квартал, дороги, идущие от г. Североуральск к месторождению на р. Сурья, от пос. Полуночное на Сибиревский прииск, медно-цинковый карьер и месторождение на хребте Шемур;

2) участок реки Вишера, между поселком Велс и урочищем Усть-Улс;

3) условные линии, проведенные по просекам, для замыкания данного ареала и соединяющие его граничные объекты: дороги идущей на месторождение на р. Сурья с дорогой идущей от поселка Золотанка в поселок Красный Берег, и урочище 71 квартал с Сибиревским прииском.

Данный ареал имеет не равномерную структуру. В нем можно четко различить два очага и периферию. Оба очага относятся к 4 уровню по воздействию хозяйственной деятельности. Здесь расположены горные хребты первичными хвойными лесами: Главный Уральский, Белый Камень, Хозатумп, Мартай, Денежкин Камень и гора Южная Юбрьшка, а также участок долины реки Велс. На территории очага ареала расположен заповедник «Денежкин Камень». Во втором очаге — хребет Кваркуш.

Периферия имеет разный уровень воздействия хозяйственной деятельности, от 1 до 3, в зависимости от времени ее осуществления. Все леса на территории периферии — вторичные.

Заключение. На территории ареала можно выделить 5 видов зон посещаемости: регулярной длинносрочной и краткосрочной, нерегулярной длинносрочной и краткосрочной и не посещаемости (рис.3), которые определяются с помощью анализа отчетов о туристских путешествиях и полевых исследований.

Территории очага ареала, расположенные в различных зонах посещаемости, имеют рекреационно-туристские, природоохранные и исследовательские функции (заповедник «Денежкин Камень»). Территории имеющие буферную функцию, необходимые для уравнивания территорий с ведущейся хозяйственной деятельностью, для сохранения экологического равновесия в целом на Земле, расположены в зонах не посещаемости, на территории очага ареала. Территории периферии ареала ненаселенности, где производилась заготовка древесины имеют хозяйственную функцию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лола А.М., Меньшикова Е.П., Лола У.А. Профессиональное городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать // Градостроительство, 2011. № 3(13). С. 56-64.

2. Бочарников В.Н. Дикая природа и антропогенный ландшафт: интегрированный опыт геоинформационного картографирования территории России // Географический вестник. 2016. № 2(37). С. 161-173.

3. Королев А.Ю. Методика оценки природной рекреационной системы на примере Чусовского муниципального района // Географический вестник, 2019. № 3. С. 102-118.

4. Королев А.Ю. Оценка природной рекреационной системы в ареалах недоступности // Известия РАН, серия 5, геогр., 2020, № 3, С. 369-383.

5. Королев А.Ю. Специализация и структура районов природоориентированного туризма // Вестник Московского университета. Серия 5: География, 2020. № 5. С. 25-34.

6. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 348 с.

7. Родман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.

8. Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Введение в экономическую и социальную географию. М.: Дрофа, 2007, 255 с.

9. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск, Ойкумена, 2013. 328 с.

Andrey Yu. Korolev

Perm State National Research University, Perm

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF UNPOPULATED AREAS ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION

***Annotation.** The concept of uninhabited areas is defined as territories surrounding the poles of inaccessibility and limited on all sides by boundary objects. Their structure is studied, approaches to the delimitation of the boundaries of areas and the boundaries between the periphery and the focus on the territory of areas are proposed. The structure of the area of non-population in the Northern Urals, which is heterogeneous, has two centers, periphery and five types of zones of attendance, has been studied. The socio-economic functions of the area will be: recreational and tourist, environmental, research, buffer and economic*

***Keywords:** pole of inaccessibility, uninhabited area, tourism, recreation, natural areas, Perm region*

УДК 314.012

Коськин А. А.

ООО «ДубльГИС», г. Санкт-Петербург

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ РФ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ЗА ПЕРИОД 2014–2020 гг.

***Аннотация.** В статье рассматривается показатель динамики численности населения городов Тюменского региона за период 2014–2020 гг. Автором проведена оценка и сопоставление показателей естественного и миграционного прироста*

населения по каждому из городов региона. В результате выделено пять групп городов по соотношению в них показателей ЕПН, МПН и общего прироста/убыли населения, сформулированы первичные рекомендации в области улучшения демографической ситуации для каждой из групп.

Ключевые слова: Тюменский регион, урбанизационные процессы, региональная демографическая политика, численность населения.

Одной из отличительных особенностей Тюменского региона как объекта государственного регулирования является величина его территории, что закономерно проявляется в значительной дифференциации ряда социально-экономических, демографических и иных показателей, характеризующих результаты деятельности социально-экономических систем, в которых города занимают одну из ключевых позиций [1]. По этой причине к вопросу изучения урбанизационных процессов в исследуемом нами регионе невозможно подходить без разделения исследуемых объектов, в частности городов, на типы (группы, классы) с целью их дальнейшего анализа и определения закономерностей протекания процессов и явлений как внутри, так и между группами. В данной статье автором рассматривается такой показатель, как динамика численности населения городов Тюменского региона за период 2014–2020 гг.

Проводя анализ по данному показателю, автором был выделен ряд особенностей — численность населения большинства городов Тюменского региона (21 из 29) в период с 2014 по 2020 гг. увеличилась, при этом самые высокие показатели прироста населения отмечаются в двух крупнейших городах — Тюмени (прирост 18,7%) и Сургуте (прирост 14,5%) (рис. 1). Снижение же численности населения в основном наблюдается в малых городах до 50 тыс. человек (Мегион, Надым, Пыть-Ях, Муравлено, Лабытнанги, Белоярский), а также в Ишиме и Ноябрьске.

Таким образом, города Тюменского региона в общей совокупности демонстрируют значительный рост численности населения: если в 2010 году в городах проживало 2,44 млн человек, в 2014 году — 2,62 млн человек, то по данным на 2020 год в двадцати девяти городах проживет уже более 2,84 млн человек [2]. При этом общий уровень урбанизации территории Тюменского региона за последние десятилетия также вырос — с 77,1% (2000 г.) [3] до 81,0 % (2020 г.) [4], что свидетельствует об увеличении концентрации населения именно в городах, преимущественно с численностью населения более 50 тыс. человек.

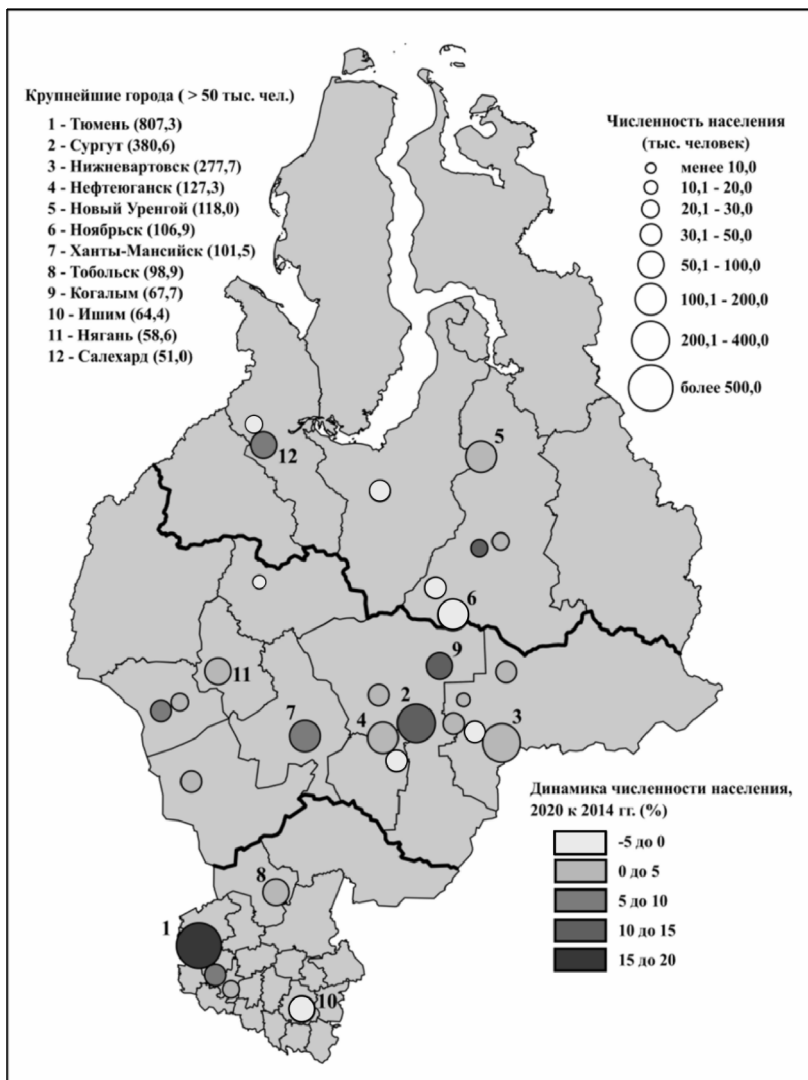

Рис. 1. Изменение численности населения городов Тюменского региона в 2014–2020 гг., %.

Составлено автором по материалам: [2].

Отметим, что при оценке динамики численности населения необходимо производить не только анализ изменения абсолютных значений (общий прирост/убыль населения), но и разобраться в генезисе этого явления, а именно понять за счёт каких демографических процессов осуществляется изменение численности городов — естественного или миграционного прироста (убыли) населения (ЕПН/МПН), а также в каком соотношении данные показатели находятся. Так, автором были собраны и проанализированы показатели ЕПН и МПН по каждому из городов за период с 2014 по 2020 г. (табл. 1), из чего следует следующее: за последние 6 лет естественный прирост населения отмечается практически во всех городах Тюменского региона, исключениями являются лишь Ишим, Ялуторовск и Заводоуковск (все — города южной части региона). При этом во многих городах (в 19 из 29), расположенных преимущественно в ХМАО и ЯНАО, наблюдается миграционная убыль населения — превышение эмиграции (выбывшее население) над иммиграцией (прибывшее население), что связывается с возможным механическим оттоком населения из северных городов, расположенных в суровых климатических условиях, в города с более мягким климатом, в том числе и в Тюмень, Ялуторовск, Заводоуковск.

Таблица 1

Естественный и миграционный прирост (убыль) населения городов Тюменского региона за период 2014–2020 гг., кол-во городов

Субъект	Кол-во городов	ЕПН		МПН		Общее изменение численности населения	
		отриц.	положит.	отриц.	положит.	уменьш.	увелич.
Тюменская область (юг)	5	3	2	2	3	1	4
ХМАО	16	0	16	10	6	3	13
ЯНАО	8	0	8	7	1	4	4
<i>Всего</i>	29	3	26	19	10	8	21

Составлено автором.

Следует отметить, что значительный рост числа трудовых ресурсов за последние годы в районах и городах ХМАО и ЯНАО, занятых в нефтегазовой сфере, практически не влияет на численность постоянного населения городов, так как подобные процессы (работа по межрегиональной вахте) носят признаки трудовых маятниковых миграций, не подразумевающих получение регистрации в местах приложения рабочей силы.

Таблица 2

Группировка городов Тюменского региона по соотношению показателей ЕПН, МПН и общего прироста/убыли населения за 2014–2020 гг.

<i>Города</i>	<i>ЕПН (+/-)</i>	<i>МПН (+/-)</i>	<i>Общий прирост (+/-)</i>	<i>Основные рекомендации в области улучшения демографической ситуации</i>
Тюмень, Сургут, Ханты-Мансийск, Нягань, Когалым, Советский, Губкинский, Югорск	+	+	+	Дальнейшее стимулирование рождаемости и укрепление семьи, создание рабочих мест с целью поддержания положительного миграционного прироста насел., диверсификация экономики городов, улучшение транспортной доступности, создание комфортной городской среды
Нижневартовск, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Тобольск, Салехард, Лангепас, Радужный, Лянтор, Урай, Тарко-Сале, Покачи	+	-	+	Формирование положительного сальдо миграции за счет ряда управленческих решений: создание комфортной городской среды, увеличение средней заработной платы, улучшение транспортной доступности городов, увеличение темпов жилищного строительства
Ноябрьск, Мегион, Надым, Пыть-Ях, Муравленко, Лабетнанги, Белоярский	+	-	-	Остановить миграционный отток населения за счёт диверсификации экономики и создания новых рабочих мест, улучшить жилищные условия, а также проводить политику по формированию комфортной городской среды.
Ялуторовск, Заводоуковск	-	+	+	Стимулирование рождаемости и миграционного прироста населения за счёт развития социальной инфраструктуры, создания новых рабочих мест для молодых специалистов (в т.ч. формирование инновационных промышленных кластеров), строительство доступного жилья для всех слоёв населения
Ишим	-	-	-	

Составлено автором.

Проводя оценку и сопоставление показателей ЕПН и МПН по каждому из городов Тюменского региона, можно обозначить следующее: в ряде случаев (в 11 из 29 городов) положительный естественный прирост населения перекрывает отрицательные показатели сальдо миграции и тем самым отмечается рост численности городов. Однако существуют и примеры, где этого не происходит — при положительном ЕПН происходит снижение численности населения — миграционная убыль населения превышает естественный прирост (подобное явления зафиксировано в 7 городах). Абсолютно положительную динамику как миграционного, так и естественного прироста населения можно отметить в 8 городах — Тюмени, Сургуте, Ханты-Мансийске, Нягани, Когалыме, Советском, Губкинском и Югорске. Исключительно за счет миграционного прироста (при отрицательном ЕПН) происходит рост Ялуторовска и Заводоуковска; Ишим же формирует самостоятельную группу городов, где ЕПН и МПН отрицательный. Таким образом, можно выделить 5 групп городов по соотношению в них показателей естественного, миграционного и общего прироста населения, а также сформулировать первичные рекомендации в области улучшения демографической ситуации для каждой из групп.

Как можно отметить, для большинства городов рекомендации имеют схожий характер: диверсификация экономики, улучшение транспортной доступности, создание новых рабочих мест, строительство жилья и так далее. Существующие программы социально-экономического развития городов Тюменского региона, направленные в том числе и на рост численности населения, безусловно, включают все перечисленные выше блоки. Однако качество исполнения этих программ по вопросам сохранения и приумножения населения городов различается — ключевым индикатором является фактический рост/снижение численности городов за определенный период (рис. 1), который, как уже указывалось, в общей совокупности имеет положительную тенденцию роста, и тем самым характеризует проводимую региональную демографическую политику, как эффективную, но требующую доработок по ряду острых проблем, а именно: 1) разрешение проблемы миграционного оттока населения из городов ХМАО и ЯНАО; 2) разработка комплекса предложений по обеспечению положительного естественного прироста населения в некоторых городах юга региона (Ишим, Ялуторовск, Заводоуковск) и тем самым формирование положительной динамики естественного прироста абсолютно во всех 29 городах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куклина Е. А. К вопросу о методах и инструментах реализации экономической политики регионального развития в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2016. №. 7 (91). С. 62-71.

2. База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 09.01.2022).

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. "004: P32 Стат. Сб. / Росстат. М., 2004. 966 с.

4. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.01.2022).

Alexey A. Koskin

The company "DoubleGIS", St. Petersburg

CURRENT DEVELOPMENT TRENDS IN URBANIZATION PROCESSES IN THE TYUMEN REGION OF RUSSIA: POPULATION CHANGES IN CITIES OVER THE PERIOD 2014–2020

***Annotation:** The article considers the indicator of the population dynamics of cities in the Tyumen region for the period 2014–2020. The author assessed and compared the indicators of natural and migration population growth for each of the cities in the region. As a result, five groups of cities were identified according to the ratio of the indicators of the NPG, MPG and the general population increase / decrease. Also, initial recommendations in the field of improving the demographic situation for each of the groups were formulated.*

***Keywords:** the Tyumen region, urbanization processes, regional population policy, population number.*

УДК 911.373:314.18 (470.31)

Куница М.Н.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

***Аннотация.** Рассмотрены особенности геодемографической структуры сельского населения Брянской области Центральной России. Выделены ведущие тренды ее трансформации в современный период. Проведена типология регионов области по комплексу показателей геодемографической структуры сельской местности. Отражена специфика ее пространственной дифференциации, главных демографических проблем функционирования сельского населения территории.*

***Ключевые слова:** сельское население, геодемографическая структура, естественное и миграционное движение населения, процесс, трансформация, дифференциация.*

Трансформация сельской местности староосвоенных районов Центра страны — характерная черта современного периода. Среди основных направлений Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года выделяется и повышение устойчивости системы расселения за счет социально-экономического развития сельских территорий [1]. Важным фактором и индикатором этих процессов является геодемографическая структура (ГДС) населения, значение которой как длительного и выраженного вызова усиливается. Данная тенденция активно проявляется в Брянской области, ГДС которой сочетает общие черты Центра страны (ЦФО) и специфику этого приграничного, чернобыльского региона.

Для анализируемого периода (с 1990 года) характерны трансформация, динамизм, проблемность процессов естественного, миграционного и социального движения населения. Наиболее длителен и выражен демографический кризис в сельской местности области. Его отличает депопуляция, естественная убыль, деформация половозрастной структуры, нестабильность семейных отношений, усложнение структуры миграций. Комплексное влияние экономических, геополитических, демографических волн, чернобыльского и нового «вызова» — пандемии в условиях реализации демографической политики и национального проекта «Здравоохранение» обусловили смену прогрессивных и регрессивных тенденций.

Длительная депопуляция — одна из ведущих особенностей и проблем региона. Рост населения в 1993-1996 годах не изменил основной тренд как следствие естественной убыли и доминирования миграционного оттока [2]. Количество сельских жителей за 1990-2020 годы сократилось до 349,5 тыс. чел. — на 27%, что значительно больше, чем в ЦФО в целом (-17%) и в его 7 субъектах на фоне повышения в Московской и Тульской областях. За данный период демографический потенциал снизился в 25 из 27 муниципальных образований области. В настоящее время увеличение людности характерно только для Брянского пригородного района. Депопуляция сельской местности остается важным фактором развития Брянщины. Даже переход к небольшому притоку не сможет компенсировать высокую естественную убыль. Прогнозируется уменьшение численности населения [3].

Депопуляция во многом обусловлена кризисом процессов естественного воспроизводства населения (рис. 1).

Для области характерен невысокий уровень рождаемости в селах. Его динамика сложна: снижение — рост вследствие повышения благосостояния семей, подъема демографической волны, проведения демографической

политики — снижение с 2015 года в условиях нестабильности социально-экономических процессов, демографической «ложбины» с сокращением населения репродуктивного возраста. «Рейтинг» Брянщины в ЦФО изменился: лидерство в конце XX века — выше — ниже среднего уровня по округу в последние 5 лет. Влияние разных факторов определило «чередование» доминирования показателей городской и сельской местности. Суммарный коэффициент рождаемости деревенских жительниц в 2020 году составил всего 1,205 [4]. Проблема его уменьшения комплексна. Важный приоритет ее ослабления — эффективная демографическая политика.

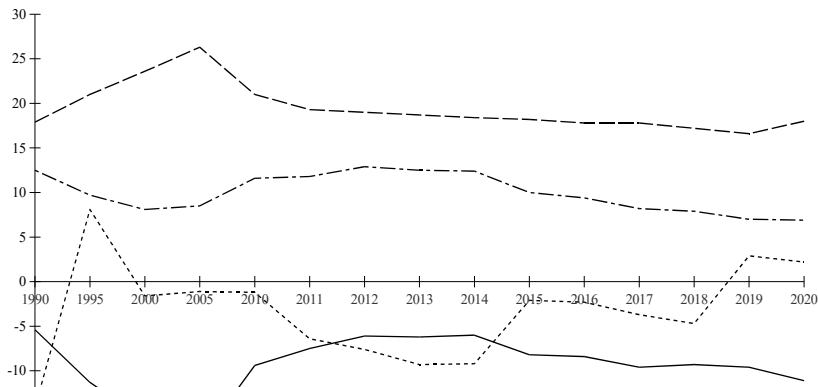

Рис. 1. Динамика показателей естественного и миграционного движения сельского населения Брянской области (‰)

Составлено автором по: [3, 5].

Смертность сельского населения остается высокой на фоне сложного тренда ее динамики (рост — снижение — рост с 2020 г.). Ситуация на Брянщине длительно более негативна, чем в ЦФО в целом, а в настоящее время — в 10 его субъектах в 2019 году и в 7 — в 2020 году. Положение в селах существенно хуже, чем в городских поселениях. Прогнозируется увеличение показателя [3]. Структура причин смерти долговременно аналогична ЦФО с доминированием заболеваний системы кровообращения, новообразований, внешних, органов пищеварения и дыхания. Однако в условиях пандемии в 2020 году в области на 3 место вышли болезни дыхания. Важна задача сохранения тенденции сокращения младенческой смертности.

В 2020 году в субъекте проявился общероссийский процесс возврата к снижению средней ожидаемой продолжительности жизни сельского насе-

ления — до 70,03, 64,76 и 76,07 лет обоих полов, мужчин и женщин соответственно [4]. Коэффициенты устойчиво меньше уровня ЦФО.

Комплексная проблема сельской местности области — длительная естественная убыль населения. Ее максимум пришелся на 2000-2006 годы. Затем проявился позитивный тренд сокращения вследствие роста рождаемости и падения смертности. С 2016 года ситуация ухудшается из-за отрицательной динамики рождаемости, а сейчас — и смертности. Уровень убыли постоянно больше, чем в ЦФО. Согласно критерию демографической безопасности, его можно оценить как кризисный (свыше -7,0%) в течение почти всего периода, снижение до предкризисного (-4,0 — -6,9%) было кратковременным, а к докризисному (менее -4,0%) не происходило [3, 6]. Сложны последствия пандемии. Суженный тип воспроизводства в ближайшей перспективе останется лимитирующим развитие Брянщины фактором. Для «смягчения» проблемы значима эффективная реализация национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий».

Происходит трансформация половозрастной структуры сельского населения. Процесс увеличения доли детей и подростков сменился сокращением. Основными трендами стало возобновление сужения трудоспособной и роста пенсионной когорты. В 2020 году соотношение этих групп составило 16,1-55,6-28,3% [3]. Половозрастная структура менее регрессивна, чем в целом в ЦФО, а средний возраст жителей — один из наиболее низких в округе (43,0 года). Однако проблема старения населения углубляется.

Важная черта демографического развития области — активное миграционное движение сельского населения. Проведена его периодизация. Для первого этапа (1990 г.) характерно «наложение» общероссийской тенденции оттока из деревень и интенсивного выезда людей из юго-западных радиоактивно загрязненных районов за пределы области. Второй (1991-1995 гг.) отличает активное притяжение в села возвратных чернобыльских и вынужденных мигрантов из стран СНГ, горожан. Для третьего этапа (1996-1999 гг.) типично падение притока в условиях нарастания социально-экономических проблем сельской местности. Четвертый (2000-2010 гг.) выделяется сокращением миграционного оборота, чередованием положительного и отрицательного сальдо, «исчерпанием» вынужденной и низким объемом трудовой миграции. На пятом этапе (2011-2014 гг.) наблюдался рост миграционного оборота и убыли на фоне невысокой привлекательности области для приезжих и активизации выезда ее жителей. Современный этап (с 2015 г.) сложен, на что влияют и новые вызовы — геополитические, экономические, пандемия. Колебания миграционного оборота, смена отрицательного положительным сальдо во многом связаны с возобновлением

вынужденных перемещений (в основном вследствие военных действий на востоке Украины), реализацией Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, притоком из стран СНГ, изменением трудовых миграций.

Выражена пространственная дифференциация геодемографической структуры сельского населения. Выделено 6 типов ГДС с разной динамикой процессов (с 1990 г.) и современной ситуацией. Комплекс демографических угроз в них определяет приоритеты региональной политики.

Первый тип — наименее неблагоприятная ГДС: увеличение численности населения при изменении ее динамики (снижение-рост), естественная убыль (современная — предкризисного-кризисного уровня), длительный замещающий миграционный прирост, невысокий показатель демографической старости (Брянский пригородный район).

Второй тип — относительно неблагоприятная ГДС: «нулевой рост» численности населения (равные показатели 1990 г. и 2020 г.) при сложном тренде (снижение-увеличение-снижение), динамичные процессы воспроизводства (естественная убыль — прирост — современная убыль докризисного уровня), долгий миграционный приток — отток, невысокий показатель демографической старости (полупригородный Дятьковский район).

Третий тип — довольно неблагоприятная ГДС: сложная динамика численности населения с 2 подтипами (– небольшой рост, — уменьшение при интенсивности ниже среднеобластной) на фоне естественной убыли (современной — кризисного уровня), смены миграционного притока и оттока, средних показателей демографической старости (полупригородные Жуковский, Выгоничский и Жирятинский районы).

Четвертый тип — неблагоприятная ГДС: уменьшение численности населения с интенсивностью выше среднеобластной, доминирование естественной убыли — до современного предкризисного и кризисного уровней, активных миграций с превалированием оттока, невысоких показателей демографической старости (юго-западные радиоактивно загрязненные Гордеевский, Злынковский, Клинцовский районы, Новозыбковский округ).

Пятый тип — очень неблагоприятная ГДС: уменьшение численности населения с интенсивностью выше среднеобластной, естественная убыль — до современного кризисного уровня, преобладание миграционного оттока, высокие показатели демографической старости (полупериферийные Брасовский, Дубровский, Карачевский, Навлинский, Трубчевский районы).

Шестой тип — длительно кризисная ГДС: уменьшение численности населения с интенсивностью выше среднеобластной, естественная убыль кризисного уровня, доминирование активного миграционного оттока, очень высокие показатели демографической старости. Он преобладает в

сельской местности области и характерен для 13 в основном периферийных районов.

Процессы трансформации геодемографической структуры населения сложны, динамичны, пространственно дифференцированы. Повышение качества воспроизводства демографического потенциала как «естественной» основы человеческого капитала — необходимое направление комплексного развития сельской местности региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 09.01.2022)
2. Куница М.Н. Геодемографическая структура сельского населения Брянской области: особенности, проблемы, роль в региональном развитии / М.Н. Куница // Вестник Брянского государственного университета: Точные и естественные науки. Брянск: РИО БГУ. 2010. № 4. С. 172-180.
3. Демографический ежегодник Брянской области. 2021: Статистический сборник. Брянск, 2021. 180 с.
4. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril_dem21.rar (дата обращения 24.01.2022).
5. Демографический ежегодник Брянской области. 2011: Статистический сборник. Брянск, 2011. 180 с.
6. Экономическая безопасность России / под ред. В.К. Сенчагова. Москва: Дело, 2005. 896 с.

Marina N. Kunitsa

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

TRANSFORMATION AND SPATIAL DIFFERENTIATION OF GEODEMOGRAPHIC STRUCTURE OF THE RURAL POPULATION OF THE BRYANSK REGION

***Annotation.** The features of geodemographic structure of the rural population of the Bryansk region of Central Russia are considered. The leading trends of its transformation in modern period are distinguished. The typology of the regions of subject on the basis of complex of indices of the geodemographic structure of the rural district is carried out in the article. The specificity of its spatial differentiation, main demographic problems of the functioning of rural population of the territory are reflects.*

***Key words:** rural population, geodemographic structure, natural movement and spatial mobility of population, process, transformation, differentiation.*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ

***Аннотация.** Современные миграционные потоки в Краснодарском крае характеризуются значительной активизацией, что обусловлено увеличением мобильности населения и возможностью новых интернет-технологий. Краснодарский край в течение последних десятилетий принимает большое количество мигрантов, что существенно оказывает влияние на рынки недвижимости и трудовых вакансий. Задачами миграционной политики Кубани является контроль и перераспределение потоков мигрантов, помощь в трудоустройстве и обеспечение доступным жильем, что способствует адаптации приезжих на территории края.*

***Ключевые слова:** миграция населения, миграционные процессы, причины миграции, население и естественный прирост Краснодарского края, привлекательность Краснодарского края для миграции, миграционная политика Краснодарского края.*

Миграция населения — это процесс, который затрагивает социально-экономические институты страны, при котором мигрант перемещается с определенной целью, планируя период и регулярность пребывания на другой территории, что вызвано рядом факторов: военных, политических, экономических, социальных, религиозных.

В историческом периоде миграции были трудоемким и рискованным процессом. В настоящее время только нелегальные миграции могут сопровождаться риском для жизни. Легальная миграция — это массовое явление, которое поддерживается принимающим государством и минимизирует стрессовые ситуации для мигрантов.

В современном мире существуют страны и регионы, которые в силу сложившейся демографической ситуации, проводят миграционную политику, направленную на привлечение мигрантов. Государству необходимо проводить анализ данных процессов, чтобы своевременно реагировать на происходящие изменения.

На территории России наиболее интенсивные потоки мигрантов фиксируются в Московской области г. Москве, г. Санкт-Петербурге, Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском крае.

Краснодарский край расположен на юго-западе РФ, омывается водами двух морей Черным и Азовским. Поток мигрантов в крае очень интенсивный, что связано со следующими причинами:

- 1) комфортными климатическими условиями;
- 2) развитой инфраструктурой;

- 3) благоприятной общественно-политической обстановкой;
- 4) широким спектром вакансий на рынке труда;
- 5) высоким уровнем жизни населения;
- 6) близостью к морям и курортным территориям.

На 1 января 2022 года население Краснодарского края составило 5687378 человека [1]. На численность населения влияют два основных фактора: естественный и механический прирост/убыль.

За 10 лет жителей Кубани стало больше на 402914 человек (рис. 1).

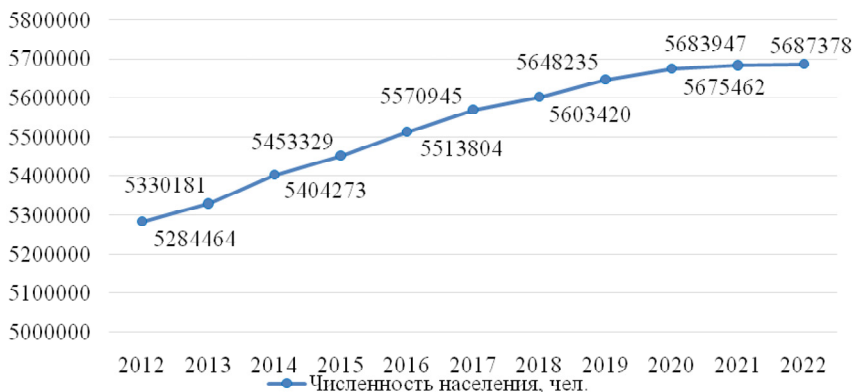

Рис. 1. Численность населения Краснодарского края на 1 января 2012-2022 года, чел. [1]

При этом естественный прирост за этот же период снизился и стал отрицательным. Если с 2012 по 2016 года наблюдалось незначительное снижение показателя (на 521 человек), то начиная с 2017 года, зафиксирована естественная убыль населения (рис. 2).

На основании статистических данных за период с 2012 по 2021 годы естественная убыль населения Краснодарского края составила 40965 человек. Таким образом, рост населения Кубани происходил за счет миграционных процессов, которые являются самыми высокими в ЮФО.

Внешние миграционные потоки в Краснодарский край направлены из стран ближнего зарубежья. Во время приграничных конфликтов наблюдались потоки беженцев из Абхазии и Южной Осетии (2008 год), Украины (2014-2022 гг.). В период стабилизации социально-экономической и политической обстановки преобладали потоки трудовых мигрантов из Узбекистана, Молдовы, Беларуси, Украины, Казахстана, Армении, Азербайджана.

Рис. 2. Естественный прирост/убыль населения Краснодарского края за 2012-2021 гг., чел. [1]

Доля граждан, прибывших на территорию Краснодарского края из других стран, рассмотрена на рисунке 3.

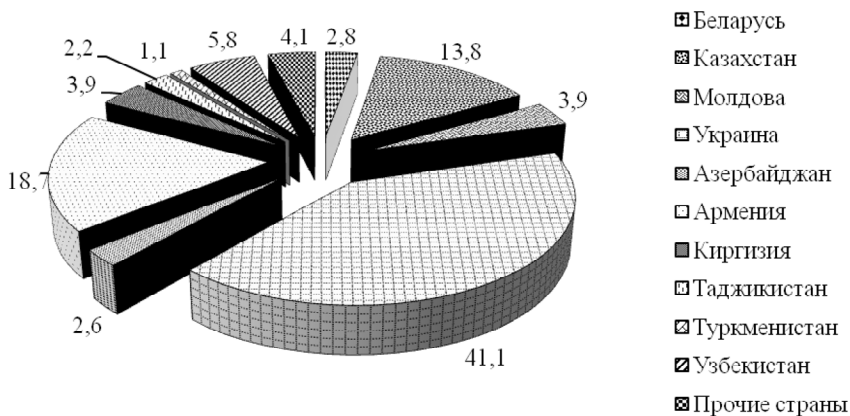

Рис. 3. Доля граждан, прибывших в Краснодарский край из других стран за 2021 г. в % [2]

Наибольшая доля мигрантов приходится на граждан трех стран — Украины, Казахстана, Армении (73,6%), наименьшая — на граждан Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Белоруссии (8,7%).

Внутренние потоки миграции из регионов России обусловлены социально-экономическими причинами. Наибольший удельный вес составляют жители Сибири, Дальнего Востока, Урала и Приволжья (рис. 4).

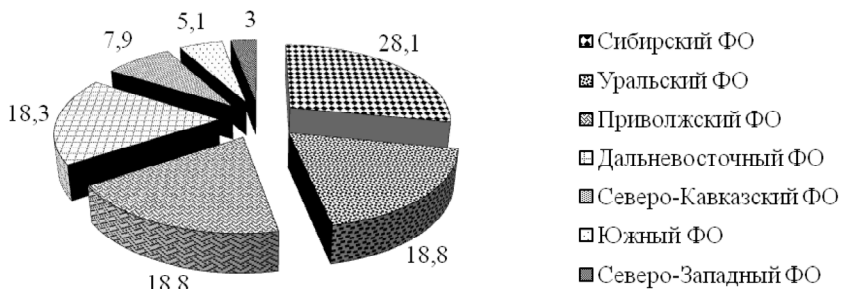

Рис. 4. Доля жителей из других федеральных округов России, мигрирующих в Краснодарский край за 2021 г., в процентах [2]

На жителей Сибирского, Уральского, Приволжского и Дальневосточного федеральных округов приходится 84% мигрантов.

В возрастной структуре мигрантов, преобладают граждане трудоспособного возраста (рис. 5).

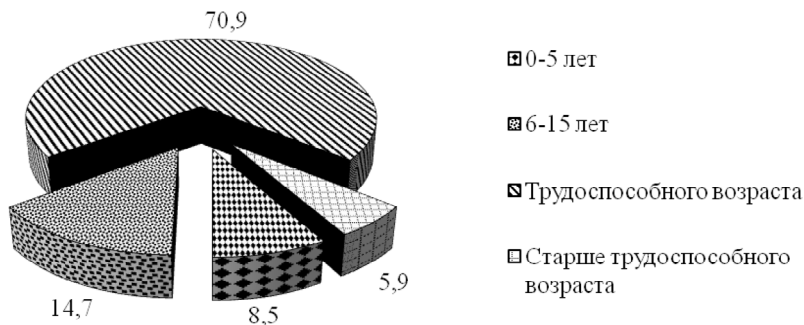

Рис. 5. Возрастная структура мигрантов в Краснодарский край за 2021 год, в % [1]

Граждане трудоспособного возраста составляют основу мигрантов (70,9%). За последние годы наблюдается увеличение числа пенсионеров, приезжающих на Кубань. Основными районами расселения являются приморские и предгорные территории. Более половины всех мигрантов — мужчины.

Мигранты расселяются в крупных городах края (Краснодар, Новороссийск, Сочи) (рис. 6).

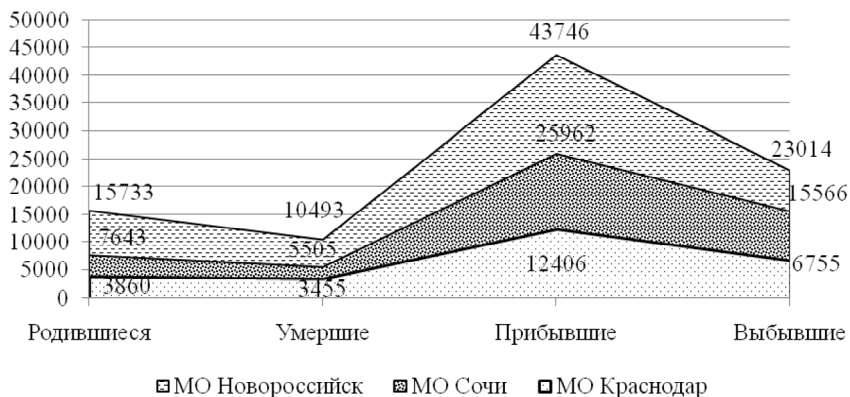

Рис. 6. Показатели естественного и миграционного прироста населения в МО Краснодар, Сочи и Новороссийск в 2021 г. [3]

Наибольший миграционный прирост в городе Новороссийске — 20732 человека, в Сочи — 10396 человек, в Краснодаре — 5651 человек.

Миграционный прирост на Кубани в 2021 году по сравнению с 2020 годом увеличился почти в 2 раза. На первое полугодие 2021 года составил 17,8 тыс. человек, что почти 2,1 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года. [1] В общей сложности за 2021 год на Кубань прибыло более 160000 человек, а выбыло около 100000. Доля переехавших внутри региона в 2021 году по сравнению с 2020 практически не изменилась и составила 24000 человек. Основу мигрантов составляют жители других регионов РФ, кроме того, за год почти 6000 человек приехало из других стран. В 2022 году поток мигрантов продолжил увеличиваться за счет беженцев из Украины.

Таким образом, можно говорить о значительной внешней и внутренней миграции населения в Краснодарский край, поэтому необходимо осуществлять комплексную миграционную политику, со стороны федеральных и местных органов власти.

Механизмы реализации миграционной политики:

- 1) совершенствование миграционного законодательства;
- 2) заключение и реализация международных договоров, обеспечивающих взаимное сотрудничество стран по миграционным вопросам;

- 3) защита прав мигрантов;
- 4) прием и временное размещение мигрантов в статусе беженца или вынужденного переселенца;
- 5) расчет баланса трудовых ресурсов.

Необходимо корректировать общие направления миграционной политики, предложенные федеральным центром.

Цель миграционной политики Краснодарского края:

- 1) оптимизация миграционного движения населения;
- 2) обеспечение равномерного экономического развития районов края за счет перераспределения миграционных потоков;
- 3) удовлетворение потребностей районов края в трудовых ресурсах;
- 4) ускорение ассимиляции населения в регионе за счет точечного распределения мигрантов и минимизация кластерного расселения, дабы не создавать в регионе обособленных групп по религиозному и национальному признаку;
- 5) компенсация неблагоприятных последствий внешней миграции;
- 6) обеспечение учета и контроля мигрантов.

Неконтролируемая миграция в Краснодарский край, имеет отрицательные стороны:

- увеличение стоимости квадратного метра жилья;
- переизбыток трудовых ресурсов в Краснодаре и приморских городах значительно удешевляет предлагаемые работы и услуги, что влияет на качество;
- ограниченность трудовых вакансий увеличивает число безработных;
- неравномерное распределение мигрантов по территории края.

Для решения проблемы, необходимо:

1. Разработать и реализовать проект по определению перспективных либо не рекомендуемых территорий и населенных пунктов для расселения мигрантов.

2. При поддержке крупных строительных компаний, запустить проектно-акцию по строительству доступного жилья для привлечения людей в непопулярные для переезда населенные пункты.

В то же время Краснодарский край, благодаря мигрантам получил следующие преимущества:

- обеспеченность трудовыми ресурсами на многие годы;
- широкий выбор специалистов различного профиля и квалификации;
- расширение культурной составляющей.

Таким образом, органам власти необходимо реализовывать миграционную политику в целях наиболее благоприятного сценария развития демографической ситуации в крае.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея // <https://krsdstat.gks.ru/>
2. Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/>
3. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // <https://www.kubsu.ru>

Snezhana V. Lazovskaya

College of Law, Economics and Management, Krasnodar

MIGRATION PROCESSES IN THE KRASNODAR TERRITORY AND THEIR IMPACT ON THE DEMOGRAPHIC SITUATION

***Annotation.** Modern migration flows in the Krasnodar Territory are characterized by significant activation, which is due to an increase in population mobility and the possibility of new Internet technologies. Over the past decades, the Krasnodar Territory has received a large number of migrants, which has a significant impact on the real estate and labor jobs markets. The tasks of the migration policy of the Kuban are to control and redistribute migrant flows, help in employment and provide affordable housing, which contributes to the adaptation of visitors to the territory of the region.*

***Key words:** population migration, migration processes, reasons for migration, population and natural growth of the Krasnodar Territory, attractiveness of the Krasnodar Territory for migration, migration policy of the Krasnodar Territory.*

УДК 323.113:314.743

Нагнев С. К.

*Бакинский государственный университет,
г. Баку (Азербайджан)*

ДИНАМИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

АЗЕРБАЙДЖАНА И РОЛЬ МИГРАЦИИ: ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ ПЕРЕПИСЕЙ 1989, 2009 И 2019 ГГ.

***Аннотация.** Статья посвящена краткому анализу изменений численности и территориальной структуры населения русских в Азербайджане, произошедших в период 1989-2019 годов. С учётом того, что перепись населения в Азербайджане в постсоветские годы не проводилась, сравнительный анализ выполнен на базе материалов Всесоюзной переписи населения 1989 г. и официальных материалов Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики. Показано изменение в постсоветский период численности русских в Азербайджане, их места в этнической структуре населения страны и распределения по регионам республики.*

***Ключевые слова:** Азербайджан, население, этнический состав, русские, перепись населения, текущий статистический учёт, численность, удельный вес, расселение, региональная структура.*

Распределение русского населения Азербайджана по территории региона меняется, масштабы и динамику этих изменений, их составляющие позволяют понять переписи населения и текущий учет естественного движения и миграции. Эти данные о русском населении взаимодополняют друг друга. Перепись 2009 г., первые результаты которой были опубликованы в марте 2010 г. [2], дала материал для оценки динамики численности русского населения Азербайджана в первом десятилетии XXI в, а перепись 2019 года — о втором десятилетии XXI. По данным текущего учета, русское население Азербайджана уменьшается с 1989 г., однако данные переписи позволяют корректировать эти цифры главным образом за счет перемены результатов международной миграции [3].

Этнический состав населения Азербайджана испытал весьма ощутимую трансформацию в постсоветский период под воздействием, прежде всего, масштабных миграционных процессов 1990-ых годов, охвативших всю территорию бывшего СССР (таблица 1).

В течение рассматриваемого временного периода в высокой (хотя и в меньшей по сравнению с азербайджанцами) степени выросла абсолютная численность и доля в национальной структуре населения республики лезгин и аваров. Примечательно, что удельные показатели большинства прочих основных этносов республики в этническом составе её населения в постсоветские годы снизились.

Таблица 1

Этнический состав населения Азербайджанской Республики в 1989 и 2019 гг.

Этносы	Начало 1989 г. [1]		1.01.2019 г. [3]		Прирост численности (1989-2019)	Рост доли в этническом составе населения (1989-2019)
	тыс. чел	%	тыс. чел.	%		
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Азербайджанцы	5805,0	82,7	9305,0	93,7	60,3	1,13
Лезгины	171,4	2,5	180,3	1,8	5,2	2,08
Армяне	390,5	5,6	120,3	1,2	-69,2	-11,7
Русские	392,3	5,6	119,3	1,2	-69,6	-11,7
Тальши	21,2	0,3	112,0	1,1	428,3	3,7
Авары	44,1	0,6	49,8	0,5	12,9	0,8
Турки	17,7	0,25	38,0	0,38	114,7	1,52
Татары	28,6	0,4	25,9	0,3	-10,3	-0,25
Таты	10,2	0,15	25,2	0,25	147,1	1,7

1	2	3	4	5	6	7
Украинцы	32,3	0,5	21,5	0,21	-33,4	-0,52
Сахуры	13,3	0,18	12,3	0,12	-7,6	-0,7
Грузины	14,2	0,2	9,9	0,1	-29,5	-0,5
Евреи	30,8	0,44	9,1	0,09	-67,7	-0,21
Курды	12,2	0,17	6,1	0,06	-50,0	-0,4
Грызы	...	0	4,4	0,04	100	0,04
Удины	6,1	0,09	3,8	0,04	-37,7	-0,45
Хыналыги	...	0	2,2	0,02	100	0,02
Другие народы	31,3	0,45	9,5	0,1	-33,3	-0,22

Составлено автором по данным: [1, 3].

В постсоветскую эпоху отмечается значительный прирост абсолютной численности (более 100% по сравнению с 1989 г.) талышей, татов и турок в Азербайджане. Однако, их долевые показатели в национальной структуре населения республики при этом незначительно увеличилось, составив 50-55% от базового показателя, зафиксированного в ходе последней Всесоюзной переписи населения.

У цахур и грузин в течении характеризуемого периода отмечается незначительное изменение (минимальный прирост или снижение) абсолютной численности при весьма ощутимом уменьшении удельного веса в этническом составе населения страны (57-60 % от уровня 1989 г.). Такие национальные меньшинства, как грызы и хыналыгцы компактно проживают на территории Большого Кавказа. Динамика же абсолютной и относительной численности евреев и украинцев Азербайджане определяется, скорее, гораздо более скромными масштабами их эмиграции из республики в сопоставлении с другими этническими группами при естественном движении населения, в целом обеспечивающем простое воспроизводство на протяжении последних десятилетий [4].

В то же время, в Азербайджане в период 1989-2019 гг. резко сократилась, как абсолютная, так и относительная численность русских, а также украинцев и татар, составляющих большую часть русскоязычного населения республики. Примечательно, что темпы сокращения численности и удельного веса этих трёх этносов за постсоветский период практически одинаковы. Это свидетельствует о примерно одинаковой интенсивности миграционного оттока представителей этих этносов и сопоставимости параметров их возрастной структуры в рассматриваемый исторический период.

В 1989 г., по данным последней Всесоюзной переписи населения, в Азербайджанской ССР проживало 392,3 тысяч этнических русских. Русские тогда составляли четвертую по численности национальность в национальном составе населения республики, на их долю приходилось 5,6% её жителей [1]. Численность русского населения стремительно уменьшалась в первые постсоветские годы в связи с интенсивной внешней миграцией, что в целом соответствовало общим для всего пространства бывшего СССР тенденциям [3,4]. В результате, по данным текущего статистического учёта постоянного населения на 1999 г., в республике проживало 141,7 тыс. русских, составлявших на тот период 1,8% ее населения. К 2009 г. численность русских сократилась на 21,5 тыс. чел. и составляла уже 119 тыс. чел. (1,3 % населения республики) [3]. По данным Госкомстата Республдики Азербайджан на 1.01.2019 г., в стране проживало около 119,3 тыс. русских, на долю которых приходилось 1,2 % населения республики.

Из приведённых в таблице 2 данных следует, что за 1989-2019 гг. численность русского населения Азербайджане сократилась в 3,3 раза, а его доля в общей численности жителей республики — почти в 4,5 раза. При этом заметно некоторое уменьшение темпов отрицательной динамики численности и доли русского населения Азербайджана, что объясняется, очевидно, постепенным снижением его миграционного потенциала.

Таблица 2

Динамика абсолютной и относительной численности русского населения Азербайджана (1989-2019 гг.)

Год	Численность русского населения в Азербайджане, тыс. чел.	Изменение численности населения русских за весь период, тыс. чел.	Среднее годовое изменение, тыс. чел.	Удельный вес русских в этнической структуре населения, %	Изменение доли русских в населении республики за весь период, %	Среднее годовое изменение, %
1989	392,3	-	-	5,6	-	-
1999	141,7	-250,6	-25,1	1,8	-3,8	-0,4
2009	119,3	-21,7	-2,2	1,3	-0,5	-0,05
2019	119,3	0	-0	1,3	0	0

Составлено автором по данным: АзГосКомСтат, 2020.

Следует отметить, что прослеживаемые по данным таблицы 2 тренды связаны не только с миграционным фактором, но и с возрастной структурой русского населения страны и резкими различиями в репродуктивных установках русских семей и представителей коренных национальностей

региона, приводящими к очень заметной дифференциации уровня рождаемости среди представителей различных этносов Азербайджана.

Наблюдается резкая неравномерность в распределении русского населения по территории Азербайджана — в основном большинство русских проживает в столице, столичном регионе и крупных региональных центрах (их более 100 тыс. чел, около 84% всего русского населения страны). Большая концентрация русских в городах связана, прежде всего, с тем, что столичные русские — потомки переселенцев во время правления СССР, с последующей их традиционно сложившейся занятостью в промышленном производстве, образовании, здравоохранении, науке и культуре.

Данные таблицы 3 отражают распределение русского населения по регионам страны — по экономическим районам Азербайджанской Республики и городу Баку по состоянию на 2021 г. Очевидно, что большинство русских жителей Азербайджана (более 90%) концентрировалось в столице республики — Баку. Второй показатель удельной доли русского населения на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялся за Абшерон-Хызынским экономическим районом (около 2,2 % общей численности русской диаспоры республики). Из них только 2143 человек проживают на территории Сумгайыта. Третью и четвертую позиции удерживают Горно-Ширванский и Гянджа-Дашкесенский экономические районы (по данным на 2021 г., 2,1% и 1,0%, соответственно). В Горно-Ширванском экономическом районе большая часть русского населения приходится на долю Исмаиллынского района, 2024 русских, компактно проживающие в селе Ивановка. А что касается насчет Гянджа-Дашкесенского экономического района, здесь основная часть населения проживают на территории Гянджи (около 900 русских).

Прибытие русских в Азербайджан в основном приходится на 30-40-е годы 19 века-период после оккупации Северного Азербайджана Россией. Для успешного осуществления в Азербайджане колониальной политики из центральных губерний России на Кавказ, в том числе и в Азербайджан, были переселены тысячи русских [8].

Они состоят в основном из сект, преследуемых официальной Русской православной церковью (духоборы, молоканы, субботники и др.). Первые русские села возникли в 30-40-х годах 19 века в Лянкярани (Пришиб, Николаевка, Астрахановка), Шамахе (Хильмилли, Мараза), Хызы (Алтыгадж) и Губе (Алтынтаг) и др. Второй этап прихода русских в Азербайджан и особенно в Мугань Гянджа приходится на 20-е годы 20 века. В настоящее время большинство русских проживает в городах.

Распределение русского населения по регионам Азербайджанской Республики

<i>Экономические районы</i>	<i>2021 год</i>
Бакинский	108525
Абшерон-Хызынский	2670
Губа-Хачмазский	967
Нахчыванский	101
Горно-Ширванский	2341
Шеки-Загатальский	780
Гянджа-Дашкесенский	1117
Гарабахский	247
Газах-Товузский	480
Лянкран-Астаринский	554
Центрально-Аранский	708
Миль-Муганский	287
Восточно-Зангезурский	105
Ширван-Сальянский	426

Составлено автором по данным: АзГосКомСтат, 2021.

Резкое сокращение доли русского населения можно объяснить распадом СССР. С этим связано резкий рост миграционного оттока русских в постсоветские годы.

На сегодняшний день русские компактно проживают в селе Ивановка Исмаиллинского района, селах Новосаратовка, Новоивановка, Горельск (ныне Дашбулаг) и Славянка Гядабекского района, Алексеевка (ныне Бурджали) Лянкранского района, село Русак Геранбойского района, село АлтыгадажХызынского района, селах Чухурюрд, Гызмейдан и Нагарахана Шамахинского района [6].

В таблице 4 показано доля русского населения в каждом регионе Азербайджана за 2021 г. При общем сокращении удельного веса русского населения во всех регионах страны в постсоветский период самые высокие показатели сохраняются за городом Баку (русские составляли 91 % населения города в 2021 г.), Абшерон-Хызынским (2,2 % в 2021 г.) и Горно-Ширванским (2,0 % в 2021 г.). Наименьший удельный вес русских в этническом составе отмечается в Гарабахском (0,2 % в 2021 г.), Миль-Муганском (0,24% в 2021 г.) и Восточно-Зангезурский (0,09 % в 2021 г.) экономических районах.

Можно выделить компактные ареалы проживания русских в Азербайджане: в Нахчыванском, Миль-Муганском, Гарабахском, Восточно-Зангезурском экономических районах (в пределах 100-300 человек).

Таблица 4

**Доля Русского населения по регионам Азербайджанской Республики
в 2021 г., %**

<i>Экономические районы</i>	<i>%</i>
Бакинский	91
Абшерон-Хызынский	2,2
Губа-Хачмазский	0,8
Нахчыванский	0,08
Горно-Ширванский	2,0
Шеки-Загатальский	0,7
Гянджа-Дашкесенский	0,9
Гарабахский	0,2
Газах-Товузский	0,4
Лянкяран-Астаринский	0,46
Центрально-Аранский	0,6
Миль-Муганский	0,24
Восточно-Зангезурский	0,09
Ширван-Сальянский	0,35

Составлено автором по данным: АзГосКомСтат, 2021

Эти этнотерриториальные структуры сложились исторически, главным образом, в связи со специализацией хозяйства, развитием индустриализации и урбанизацией отдельных территорий, в целом сохранившихся в постсоветский период на фоне общего сокращения численности русских в стране. Таким образом, очевидно сохранение в постсоветский период исторически сложившегося расселения русского населения Азербайджана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 03.01.2022).
2. Регионы Азербайджана. Демографический показатель за 2021 г., 813 с.
3. Население Азербайджана, 2021, 223 с.
4. Нагиев С.К. Демографическая обстановка в Азербайджане // Известия РГО, Санкт-Петербург, 2005. С. 71-77.

5. Afandiyev V.A., Nagiyev S.K. Economic and geographical development problems of Baku agglomeration *Analele asociatiei profesionale a Geografilor din Romania*. Anul 2012, P. 59.

6. Нагиев С.К. Региональные особенности территориальной подвижности населения Азербайджана. Статьи Азербайджанского географического общества. Том 14, 2009. С. 230-234.

7. Нагиев С.К. Новейшие тенденции развития расселения в Большом Баку // Материалы научной конференции, посвященные 90-летию со дня рождения Ризвана Пириева. Баку, 2014. С. 197-202.

8. Нагиев С.К., В.А. Эфендиев. Демографическая ситуация и демографическая политика в Азербайджане // Известия БГУ. Серия природных наук. Баку, 2016, №4, С. 81-90.

Saleh K. Nagiyev

Baku State University, Baku

DYNAMICS OF THE RUSSIAN POPULATION OF AZERBAIJAN AND THE ROLE OF MIGRATION: AN ESTIMATES BASED ON THE 1989, 2009 AND 2019

***Annotation.** The article is devoted to a brief analysis of changes in the number and territorial structure of the settlement of Russians in Azerbaijan that occurred in the period 1989-2019. Taking into account the fact that the population census in Azerbaijan in the post-Soviet years was not carried out, the comparative analysis was carried out on the basis of the materials of the All-Union Population Census of 1989 and official materials of the State Committee on Statistics of the Republic of Azerbaijan. The change in the post-Soviet period in the number of Russians in Azerbaijan, their place in the ethnic structure of the country's population and distribution by regions of the republic are shown.*

***Key words:** Azerbaijan, population, ethnic composition, Russians, population census, current statistical records, number, share, resettlement, regional structure.*

УДК 911

Писаренко С. В.

*Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

***Аннотация.** В статье анализируется изменение численности населения Сибирского макрорегиона в новейшее истории России в региональном разрезе. Проводится сравнительный анализ демографического состояния Сибири в 1990 г. и 2020 г. по ряду параметров.*

***Ключевые слова:** Сибирь, демография, численность населения, трудовые ресурсы, география, гуманитарная география, геополитика*

В условиях реализации региональной политики по развитию Сибири (включая Дальний Восток и восточный (к востоку от Уральских гор) сектор Арктики) требуется постоянное осмысление сложившейся демографической ситуации в макрорегионе.

В настоящей работе макрорегион Сибирь рассматривается в границах Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов. Проблематика определения границ исследуемой геотерритории подробно рассмотрена в работе [1], поэтому ограничимся данным утверждением.

Для демографического анализа субъектов РФ, входящих в Сибирский макрорегион, использовались статистические данные следующих показателей как: численность населения (с 1990-2020 гг.), естественный прирост и миграционный прирост (с 2000-2020 гг.).

По данным Росстата общая численность населения Сибири за последние 30 лет сократилась на 3469 тыс. чел. или на 2%, и на 2020 г. составляет 28 906 тыс. чел. или 19,7% от всех жителей страны (рис. 1) [2, 3].

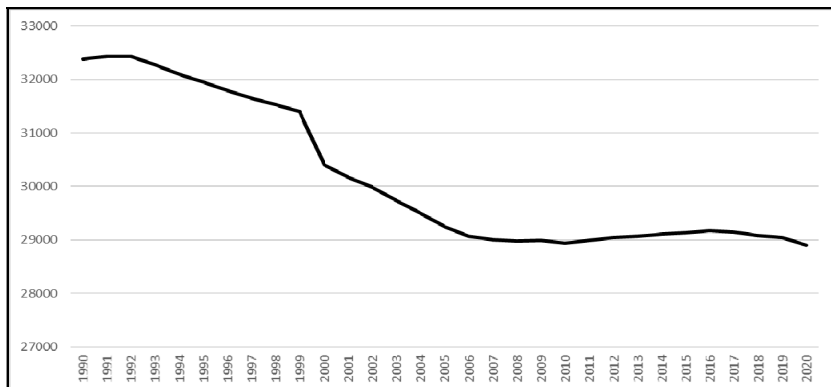

Рис. 1. Динамика численности населения Сибири с 1990 по 2020 г. (тыс. чел.)

Составлено автором по данным: [2, 3].

Сокращение численности населения (результат отношения между 2020 г. и 1990 г.) в региональном отношении Сибирского макрорегиона распределено неравномерно. Регионы сгруппированы по степени проявления данного явления: *к первой группе* (наименьшая от 8 до 161 тыс. чел.) относятся Республика Хакасия, Республика Якутия, Томская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ; *ко второй* (средняя, от 162 до 315 тыс. чел.) — Забайкальский, Красноярский, Камчатский края,

Омской, Сахалинской, Амурской, Магаданской областях; *третья* (высокая от 316 до 469 тыс. чел.) — Приморский, Хабаровский, Алтайский края, Кемеровская и Иркутская области (см. табл. 1).

Таблица 1

Расчеты демографических показателей

<i>Субъекты РФ Сибири</i>	<i>Изменение численности населения в тыс. чел. 1990 г. и 2020 г.</i>	<i>Изменение численности населения в %. 1990 г. и 2020 г.</i>	<i>Коэффициент миграционного прироста на 10000 чел. среднечисленное за 20 лет</i>	<i>Коэффициент естественного прироста на 10000 чел. среднечисленное за 20 лет</i>
Тюменская область	142	10,1	53,29	4,08
Ханты-Мансийский АО	408	31,9	22,86	8,03
Ямало-Ненецкий АО	58	11,9	-44,10	9,04
Республика Алтай	25	12,8	-14,52	5,62
Республика Бурятия	-66	-6,3	-31,76	2,24
Республика Тыва	26	8,6	-70,81	10,70
Республика Хакасия	-40	-7,0	-9,71	-1,26
Алтайский край	-358	-13,5	-32,24	-3,63
Забайкальский край	-265	-20,1	-60,24	0,12
Красноярский край	-307	-9,7	-12,24	-1,49
Иркутская область	-422	-15,1	-40,24	-1,09
Кемеровская область	-467	-15,1	-10,00	-4,62
Новосибирская область	41	1,5	33,57	-2,32
Омская область	-257	-11,9	-33,14	-2,18
Томская область	-8	-0,7	14,71	-0,91
Республика Саха (Якутия)	-137	-12,2	-51,90	6,16
Камчатский край	-167	-34,9	-83,14	-0,16
Приморский край	-432	-18,7	-29,76	-3,28
Хабаровский край	-324	-19,9	-34,14	-2,50
Амурская область	-272	-25,8	-59,32	-2,63
Магаданская область	-246	-63,9	-163,14	-1,46
Сахалинская область	-230	-32,2	-52,76	-2,30
Еврейская АО	-62	-28,3	-76,43	-2,88
Чукотский АО	-109	-69,0	-127,33	2,35

Составлено автором по данным: [2, 3].

Однако вычисление сокращения численности населения в относительных величинах формируют совершенно иную картину: максимальное в Магаданской области (-63,9%), в Чукотском автономном округе (-69,0%); относительно среднее — Камчатском крае (-34,9%), Сахалинской области (-32,2%), Еврейской автономной области (-28,3%), Амурской области (-25,8%), Забайкальском крае (-20,1%), Хабаровском крае (-19,9%) (см. табл. 1).

Прирост населения наблюдается в Тюменской области 142 тыс. чел., Ханты-Мансийском автономном округе 408 тыс. чел., Ямало-Ненецком автономном округе 58 тыс. чел.; Республике Алтай — 25 тыс. чел., Республике Тыве — 26 тыс. чел., Новосибирской области — 41 тыс. чел. (см. табл.).

Демографические тренды, обозначенные в начале XXI в., сохраняются, имея результирующей продолжающийся отток населения в западные и южные части России по причине сложившихся на северо-восточных и юго-восточных территориях Сибири неблагоприятных климатических, социально-экономических и экологических условий [1, 4, 5].

Положительная динамика численности населения остальных регионов Сибири основывается: на естественном приросте для Республик Алтай и Тывы в силу сложившихся национальных традиций и региональной демографической политики по увеличению доли титульных этносов (народов); на положительном сальдо миграции на протяжении десятилетий и повышенной рождаемости населения за счет национальных и религиозных традиций для Тюменской области (включая автономные округа); на миграционном притоке населения для Новосибирской области (см. табл. 1). Количество жителей Сибири без учета их распределения по территории не отображает в полной мере сложившейся демографической ситуации.

Как известно, основная часть населения макрорегиона концентрируется вдоль Транссибирской магистрали. Современные исследования показывают — тенденцию все большей концентрации строительства жилых помещений в агломерациях [6], по сути являясь фактором обезлюдения территории за счет миграции жителей муниципальных районов в региональный центр. А из последнего уезжают в Петербургский и Московский мегаполисы и прилегающие к ним регионы, пополняют их, расселяясь в многоэтажных спальных районах города в небольших квадратных метрах, строительство которых противоречит экономическим, экологическим и геостратегическим интересам новой России [7, с. 8].

Вместе с этим отсутствие на периферии рабочих мест (многие предприятия закрыты, остались только в/ч), перспектив и невозможность покинуть нажитые места приводят к формированию социальных болезней. Люди фактически выживают в условиях тайги до прихода ледокола с баржей,

и это в лучшем случае. Граждане не всегда имеют возможности (материальные, финансовые) покинуть депрессивный район. По масштабам бедности «сибирские» субъекты РФ к востоку от р. Енисея характеризуются «самым высоким» или «высоким» уровнями [8].

С одной стороны, на территории Сибири отмечается *геополитическая и геосоциальная недальновидность* [9] в угоду корпорациям (строительным), так как полученная прибыль от производства реинвестируется с помощью финансовых институтов (рождается финансовая инновация). Они, в свою очередь, по мнению видного географа обеспечивают бум рынка недвижимости с помощью привлечения заемного капитала, который работает в начале, и в конце цикла накопления, т.е. направлены на предложение и на спрос, порождая кризис. В результате происходит усиление финансистов и накопление сверхприбыли. А значит, это приведет к разрушению промышленности, более глубокому расслоению населения, а, стало быть, к негативным явлениям [10].

С другой, обозначены мега-проекты по развитию Сибири, которые по своему стратегическому значению важны для страны. Однако, не понятно какими трудовыми ресурсами они будут реализовываться. Как показывает практика, молодежь в целом, проживающая в Сибирском макрорегионе, стремится переехать в европейскую часть России несмотря на льготные условия (программа «Дальневосточный гектар», северный коэффициент и пр.) за лучшей жизнью. В свою очередь молодые люди с центральной части России не готовы мигрировать в Сибирь. В этой связи возникает вопрос: как создать, привлечь и удержать человеческий капитал в Сибири, поскольку существующие механизмы доказали свою неэффективность?

В одной из работ нами предлагалось цифровое решение в формате интерактивной платформы для привлечения и удержания специалистов, малого и среднего бизнеса, инвесторов для работы на Дальнем Востоке, строящаяся на метаданных: профессий, компетенции, мест подготовки специалистов СПО и ВО, детских садов, школ, больниц, видеороликов о рабочем процессе и мест проживания, социально-экономических портретов районов и т.д., привязанных к геопространству [11]. Площадка предполагает содействие в самоопределении и выстраивании индивидуальных профессиональных и социальных траекторий развития выпускников школ, СУЗов, ВУЗов и работающих специалистов, учитывая их потребности, конкурентные преимущества [11]. Однако, данное решение всего лишь инструмент, который должен зиждиться на концептуальном подходе, требующего проработки. Отметим, что на протяжении 20 лет Тюменская область (без автономных округов) ежегодно испытывала положительный миграционный приток.

Представляется важным создать правовые, социально-экономические, экологические условия для достойного проживания в Сибири на основе справедливого распределения доходов между регионами и федеральным центром; инвестирования в человеческий капитал; стабилизации расходов; применения жестких экологических стандартов к компаниям; формирование индустрии зеленой экономики, обеспечения максимальной информативности в области управления нефтяными и газовыми доходами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Писаренко С.В. Сибирь в западных геополитических конструкциях XX века: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Писаренко Сергей Васильевич. СПб., 2014. С. 153.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021 / Стат. сб./ Росстат. М., 2021. 1112 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021/Стат. сб./Росстат. М., 2018. 1162 с.
4. Писаренко С.В. О прогнозной оценке численности населения Сибири // География: проблемы науки и образования. LXIV Герценовские чтения. Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции LXIV Герценовские чтения, посвященной памяти А.М. Алпатьева, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 21-23 апреля 2011 г. СПб: Астерион, 2011. С. 302-304.
5. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа / А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
6. Рогов П.В. Пространственная трансформация строительной индустрии Сибири: автореф. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Рогов Петр Викторович. Иркутск., 2014. 24 с.
7. Гладкий Ю.Н., Гладкий И.Ю., Махова И.П. О пространственных издержках рыночной урбанизации в России // Общество.Среда.Развитие. 2016. №1. С. 4-9.
8. Кичигина А.В. Расслоение населения России по доходам: динамика, глубина и территориальные различия: автореф. ... канд. геогр. наук: 25.00.24/ Кичигина Анна Викторовна. СПб., 2012. 18 с.
9. Гладкий Ю.Н. О геосоциальных и геополитических издержках высотного строительства в России // География: развитие науки и образования. Том I. Коллективная монография по материалам ежегодной Международной научно-практической конференции LXXI Герценовские чтения, посвященной 155-летию со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 18-21 апреля 2018 года / Отв. ред. В.П. Соломин, В.А. Румянцев, Д.А. Субетто, Н.В. Ловелиус. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 38-42.
10. Harvey D. The crisis of capitalism [Электронный ресурс] / D. Harvey// Режим доступа: <http://davidharvey.org/2010/05/video-the-crises-of-capitalism-at-the-rsa/>.
11. Писаренко С.В., Сипачева В.Ю. Интерактивная карта: Восток для тебя // Экологическое равновесие: структура географического пространства: материалы VII междунар. науч.-практ. конф., 11 нояб. 2016 г. / отв. ред. Т.С. Комиссарова. — СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 309-312.
12. Хамфрис М., Сакс Д., Стиглиц Д. Как избежать ресурсного проклятья? / М. Хамфрис, Д. Сакс, Д. Стиглиц. М.: Изд. института Гайдара, 2011. 464 с.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN SIBERIA: REGIONAL DIMENSION

Annotation. The article analyzes the change in the population of the Siberian macroregion in the recent history of Russia in the regional context. A comparative analysis of the demographic state of Siberia in 1990 and 2020 is carried out according to a number of parameters.

Keywords: Siberia, demography, population, labor resources, geography, humanitarian geography, geopolitics

---

УДК 911.37

Подосян А.А.¹, Шахоян К.В.¹, Колян Ш.М.²

¹Ереванский государственный университет, Ереван (Республика Армения)

²Средняя школа № 105 города Ереван (Республика Армения)

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЕЙ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Аннотация. В статье дан анализ современных тенденций динамики численности, естественного движения и возрастной структуры сельского населения, средней плотности сел, выявлены имеющиеся проблемы и предложены некоторые пути их решения.

Ключевые слова. Республика Армения, сельская местность, сельское расселение, воспроизводство населения, людность сел, возрастная структура, тенденции динамики населения, проблемы.

Введение. В горных странах, подобных Армении, влияние демографических процессов на развитие сельских территорий и местностей усугубляется природными условиями, создающими дополнительные трудности в развитии сельских поселений, являясь в ряде случаев причиной депопуляционных тенденций.

Результаты анализа. В течение первого десятилетия после распада СССР в Армении наблюдался некоторый рост абсолютной численности сельского населения, достигнув своего максимума в 2001 г. (табл. 1).

С 2001 г. по 2021 г. численность сельского населения Республики Армения (РА) сократилась на 6,9%, городского — на 8,3% (табл.1). Это означает, что сокращение численности сельского населения за последние двадцать лет обусловлено не только оттоком населения в города, что является, как правило, результатом интенсификации сельского хозяйства, усиления процессов индустриализации и урбанизации, а есть результат отрицатель-

ного сальдо внешней миграции и наметившихся негативных тенденций воспроизводства населения.

Таблица 1

Показатели численности постоянного населения РА (2001-2021 гг.)

Годы	Всего (тыс. чел.)	В том числе		Доля, %	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
2001	3213.0	2066.1	1146.9	64.3	35.7
2011	3018.9	1911.3	1107.6	63.3	36.7
2020	2959.7	1892.1	1067.6	63.9	36.1
2021	2963.3	1896.6	1067.7	64.0	36.0

Составлено авторами по данным: [1; 2]

В условиях преобладания в стране экстенсивного сельскохозяйственно-го производства, нехватки поливной воды и сельскохозяйственной техники, неполное использование пахотных земель и других сельскохозяйственных угодий обусловлено нехваткой в крестьянских хозяйствах рабочих рук.

Сокращение абсолютной численности сельского населения за период с 2001 по 2021 г. наблюдалось во всех марзах страны, за исключением Армавирского и Гегаркуникского. В Ширакском и Лорийском марзах, на которые приходится 49,6% сельскохозяйственных угодий, в том числе пахотных земель страны (22,6 и 27% соответственно) и являющиеся важными производителями сельскохозяйственной продукции, в 2021 году по сравнению с 2001 годом численность сельского населения в совокупности уменьшилась на 42,6 тыс., что составляет примерно 54% от всей убыли сельского населения страны за указанный период. Суммарное производство сельскохозяйственной продукции Ширакского и Лорийского марзов в 2020 г. составило 18,1 % валового сельхозпроизводства РА, что в сравнении с аналогичным показателем в 2018 г. (19,2%) уменьшилось на 1,1% [4].

Сохранение сложившейся в последние годы тенденции убыли сельского населения может сказаться на углублении между областями, районами, поселениями существующих различий в уровне социально-экономического развития, увеличению в стране межрегиональных диспропорций развития.

В горных странах низкая людность сел существенно тормозит развитие хозяйства и может стать причиной их обезлюдения.

По состоянию на 2020 г. села с населением до 200 человек, в которых проживало 1,5% сельского населения, составляли 19% от общего числа сел РА, в селах с населением от 201 до 1000 человек, что составляет 37,8% всех сел, проживало 15,4% сельских жителей, а в селах с населением более 1000

человек, которые составляют немногим более 43%, проживало 83% сельского населения (табл. 2).

За 2015-2020 гг. количество сел с населением до 500 человек, наиболее уязвимых с точки зрения демографического и социально-экономического развития, увеличилось на 10,1%. Относительную стабильность с точки зрения количества и численности населения сохранили села с населением 501-1000 человек (табл. 2). За тот же период уменьшение количества сел с населением более 1000 человек (с 418 до 397), при сокращении людности означает, что в результате убыли населения эти поселения оказались в группе риска. Сохранение тенденций уменьшения в них людности может сказаться на организации жизненно важных услуг, развитии образования, здравоохранения, что вне зависимости от численности населения, приведет к постепенному «старению» населения и обезлюдению.

Таблица 2

Распределение сельского населения РА по людности (2015-2020 гг.)

Группировка сел по людности	Количество сел		В %			
			Доля сел		Доля населения	
	2015	2020	2015	2020	2015	2020
до 50	26	40	2.8	4.3	0.0	0.1
51-100	48	48	5.1	5.2	0.3	0.3
101-200	77	88	8.2	9.6	0.9	1.2
201-500	166	172	17.6	18.7	4.4	4.8
501-1000	177	176	18.7	19.1	10.1	10.6
1001-3000	312	301	33.0	32.7	45.0	45.0
3001-5000	72	65	7.6	7.0	21.6	20.8
Более 5000	34	31	3.6	3.4	17.7	17.2
Всего	944	921	100	100	100	100

Составлено авторами по данным: [4; 5].

Анализ показателей естественного движения сельского населения с 2005 по 2019 г. по регионам показывает, что в 2019 г. по сравнению с 2005 г. в 25-ти регионах из 37-ти имело место снижение рождаемости среди сельского населения и лишь в 12-ти регионах рождаемость возросла. Повышение уровня смертности наблюдалось в 28 регионах, в результате чего естественный прирост сельского населения был положительным лишь в 7 регионах, а в остальных 30 — он был отрицательным. Коэффициент естественного прироста сельского населения страны в 2019 г. по сравнению с

2005 г. уменьшился на 1,1%, а по сравнению с 2010 г. — на 3% (2010 г. — 5.8%, 2019 г. -2.8%, 2020 г. -0.5%) [6].

Таким образом, сохранение тенденции снижения показателей рождаемости и естественного прироста сельского населения РА чревато для сельских местностей негативными последствиями, а в селах с маленьким населением — старением и, как следствие, обезлюдением.

Анализ динамики основных возрастных групп сельского населения РА показывает, что за период 2001-2020 гг. доля населения моложе трудоспособного возраста в селах уменьшилась на 8,2%, абсолютная численность населения трудоспособного возраста увеличилась на 11,3%, составив в 2020 году 66% от общей численности сельского населения. Доля населения старше трудоспособного возраста в 2020 г. по сравнению с 2001 г. уменьшилась на 2,2 % (с 14,4% до 12,2%) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение сельского населения РА по основным возрастным группам (2001-2020 гг.)

Возрастная группа	2001г.		2005 г.		2011 г.		2015 г.		2020 г.	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Моложе трудоспособного возраста	342.0	30.0	307.8	26.7	240.3	21.7	235.5	21.5	233.0	21.8
Трудоспособного возраста	633.4	55.6	691.0	59.9	745.6	67.5	743.4	67.7	705.0	66.0
Старше трудоспособного возраста	163.6	14.4	154.7	13.4	121.7	10.8	118.8	10.8	129.6	12.2
Всего	1139.0	100	1153.5	100	1107.6	100	1097.7	100	1067.6	100

Составлено авторами по данным: [7-11].

В таблице 3 прослеживаются изменения соотношений показателей в основных возрастных группах сельского населения за последние два десятилетия:

- 1) устойчивое снижение удельного веса возрастной группы ниже трудоспособного возраста;
- 2) рост доли трудоспособного населения;
- 3) с 2001 по 2015 гг. снижение доли возрастной группы старше трудоспособного возраста, затем ее постепенный рост.

Это означает, что в Армении происходит старение сельского населения, о чем свидетельствует показатель доли населения старше 65 лет в 2020 г. — 12,3%.

Заключение. Результаты анализа данных за исследуемый период относительно демографической ситуации сельских поселений РА позволяют констатировать следующие факты:

- 1) сокращение абсолютной численности сельского населения;
- 2) снижение средней плотности сельских поселений;
- 3) в разных по плотности группах — увеличение поляризации численности населения;
- 4) рост количества поселений группы риска с населением до 500 человек при снижении в них средней плотности;
- 5) снижение показателей естественного прироста сельского населения в подавляющем большинстве регионов;
- 6) рост удельного веса возрастной группы выше трудоспособного возраста и тенденции демографического старения сельского населения.

Происходящие в стране демографические процессы в той или иной степени препятствуют социально-экономическому развитию сельских поселений. Для решения демографических проблем, с целью воздействия на негативные тенденции воспроизводства и улучшения возрастной структуры, необходимо разработать адекватную имеющимся проблемам региональную политику, планомерное проведение которой создаст определенные возможности для развития сельских местностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографический сборник Армении, 2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=82&id=2347>
2. Численность постоянного населения Республики Армения на 1 января 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=82&id=2380>
3. Подосян А.А. К вопросу о динамике численности и размещении населения и равномерном территориальном развитии Республики Армения // Материалы XII Ежегодной научной Ассамблеи АРГО. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2021. — С. 568-573.
4. Марзы Республики Армения и город Ереван в цифрах, 2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=82&id=2324>
5. Подосян А.А., Сельское население и поселения Республики Армения, Ереван 2017, 466 с. http://publishing.yసు.am/files/HH_gyughakan_bnakhchutyuny_ev_bnakavayrery.pdf. (на арм.яз.).
6. Показатели естественного движения населения Республики Армения, демографическая база данных. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=209>
7. Статистический ежегодник Республики Армения, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=586&year=2001>
8. Статистический ежегодник Республики Армения, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=586&year=2005>
9. Статистический ежегодник Республики Армения, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=586&year=2011>

10. Статистический ежегодник Республики Армения, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=586&year=2015>

11. Статистический ежегодник Республики Армения, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/am/?nid=586&year=2020>

Axel A. Potosyan¹, Karine V. Shahoyan¹, Shogik M. Qolyan²

¹*Yerevan State University, Yerevan*

²*Secondary School No. 105 of Yerevan, Yerevan*

CURRENT DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF RURAL AREAS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Annotation. *The analysis the RA rural population absolute number, natural increase, average population of villages and current tendencies of age structure dynamics have been done, the problems have been revealed as well.*

Keywords: *The Republic of Armenia, rural areas, rural settlement pattern, population reproduction, population number of villages, age structure, dynamics tendencies, problems.*

УДК 314.7

Сазонова Н.В.¹, Сазонова О.А.², Марциневская Л.В.¹

¹*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород*

²*Воронежский государственный аграрный университет
им. Императора Петра I, г. Воронеж*

ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Проанализировано развитие динамики рождаемости, смертности и естественного прироста населения в разные годы. Сформулирован вывод о сохранении необходимости дальнейшей реализации стабилизационных мер демографического характера.*

Ключевые слова: *демография, естественный прирост населения, коэффициент рождаемости, демографическая политика.*

Анализ демографической ситуации является одной из наиболее главных составляющих оценки тенденций экономического роста региона. С целью обеспечения устойчивого демографического развития в регионе создана единая межотраслевая нормативная правовая база, насчитывающая более 100 законодательных и нормативных актов и регулирующая реализацию полномочий органов государственной власти по решению комплекса вопросов поддержки семьи, материнства и детства, охраны здоровья и уве-

личения продолжительности жизни, миграции и расселения. основополагающим документом является «Концепция демографического развития Белгородской области на период до 2025 года», определяющая цели и задачи региональной демографической и семейной политики на перспективу.

Естественное движение — основной фактор изменения численности населения. Одной из главных проблем воспроизводства населения Белгородской области является низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности. Эти факторы определяются сложной совокупностью социальных и экономических и экологических условий.

Подчеркнём, что естественное движение населения Белгородской области напрямую зависит от ситуации в стране. Высокий уровень смертности свидетельствует о стрессовой реакции населения на ухудшение условий жизни, политической и экономической нестабильности.

Численность населения России на 1 января 2022 года составила 145,478 млн человек, снизившись за год почти на 693 тыс. человек. К смертности в 2020 году было приковано наибольшее внимание из-за коронавируса. И она действительно очень сильно выросла — на 324 тыс., или 18%. Этот рост превысил даже рост 1993 года и стал наибольшим после голодного 1947 года. При этом из 324 тыс. только 104 тыс. были вызваны коронавирусом как основной причиной — всего лишь 32%. Остальные 68%, или 220 тыс. смертей, вызваны иными причинами [1, 2].

Проследим развитие динамики рождаемости, смертности и естественного прироста населения с 1990 по 2021 годы в Белгородской области. Население Белгородской области в 2021 составило 1541259 человек, и снизилось за 2020 год на 7,9 тыс. человек, или на 0,5%.

До 2017 года население региона увеличивалось и в 2017 году этот показатель составлял 1552865 человек. Увеличение населения региона было обусловлено миграционным потоком, который частично восполнял естественную убыль. После 2017 года происходит снижение численности населения области, лишь в 2020 году наблюдается небольшое увеличение численности населения, а затем опять происходит снижение численности населения региона (рис. 1).

Показатели демографической ситуации в регионе следующие: так, показатель рождаемости в области стабильно снижается и в 2020 году составил 8,0 на 1000 населения (в 2019 г. — 8,5, в 2018 — 9,2), РФ — 10,1 (табл. 1) [3].

В 2021 году коэффициент рождаемости в регионе составляет 7,6 новорождённых на 1000 жителей.

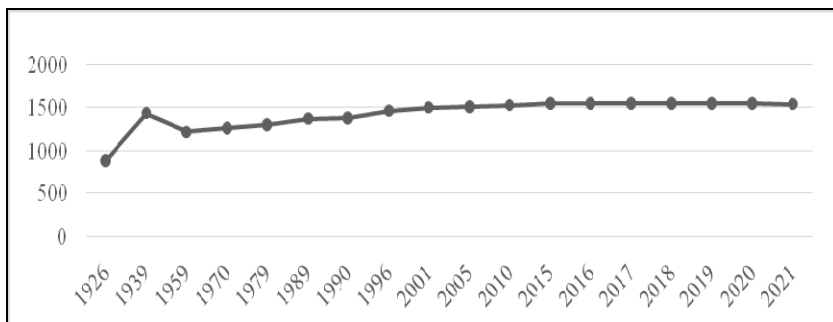

Рис. 1. Динамика численности населения Белгородской области 1926-2021 гг. (тыс. чел.)

Таблица 1

Основные демографические показатели Белгородской области

Годы	Всего, человек			На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
1990	18035	17910	125	12,9	12,9	0,0
1995	13696	21642	-7946	9,4	14,8	-5,4
2000	12101	23291	-11190	8,0	15,5	-7,5
2005	13486	24168	-10682	8,9	16,0	-7,1
2010	16635	22027	-5392	10,9	14,4	-3,5
2015	17773	21490	-3717	11,5	13,9	-2,4
2016	17247	21586	-4339	11,1	13,9	-2,8
2017	15093	20921	-5828	9,7	13,5	-3,8
2018	14317	20898	-6581	9,2	13,5	-4,3
2019	13183	20662	-7479	8,5	13,3	-4,8
2020	12294	24039	- 11745	8,0	15,6	-7,6

Самые высокие показатели рождаемости в 2020 году сложились в Белгородском районе, Яковлевском городском округе, Краснояружском; Борисовском, Прохоровском районах; Алексеевском городском округе и Ивнянском районе [3,4].

К показателям ниже среднего относятся: Губкинский, Шебекинский, Новооскольский и Грайворонский городские округа и Красногвардейский; Волоконовский, Вейделевский; Красненский, Корочанский и Ровеньский муниципальные районы.

Смертность населения в 2020 году уменьшилась на 0,7 % и составила 13,3 на 1000 человек населения (2019 г.–13,5), в РФ — 12,3 и превышает в 1,6 раза рождаемость. Самые низкие показатели смертности зарегистрированы в г. Белгороде, Белгородском районе, Старооскольском и Губкинском городских округах [3-5].

Выше среднего показателя по области этот показатель в Вейделевском, Прохоровском, Красногвардейском, Волоконовском; Корочанском; Ивнянском; Борисовском районах и Новооскольском, Шебекинском городских округах.

Наиболее благополучные, с точки зрения демографии, населенные пункты региона: Белгород, Старый Оскол, Валуйки, Строитель, Разумное, Ровеньки, Северный, Вейделевка, Томаровка, Стрелецкое, Красная Яруга, Дубовое, Майский, Прохоровка, Бессоновка, Пушкарное, Ливенка, Засосна, Таврово, Новая Таволжанка, Маслова Пристань.

Список городов Белгородской области, население которых показывает естественную убыль: Губкин, Шебекино, Алексеевка, Новый Оскол, Чернянка, Борисовка, Волоконовка, Грайворон, Октябрьский, Бирюч, Уразово, Ивня, Пролетарский, Ракитное, Роговатое, Бехтеевка, Скородное, Пятницкое, Головчино, Короча.

Рождаемость сельского населения значительно ниже, что объясняется меньшей долей женщин фертильного возраста в селе (29,3% — в селе и 70,7% — в городе) [3].

Сохранение высокого уровня смертности — наиболее тревожное явление в демографическом развитии Белгородской области. Наибольший удельный вес в структуре смертности населения по-прежнему занимает: смертность от болезней системы кровообращения — 54,2%, новообразований — 13,5%, внешних причин — 7,1%. Вместе они составляют 74,8%.

В заключение отметим, что в настоящее время сохраняется необходимость дальнейшей реализации стабилизационных мер демографического характера путем совершенствования законодательной базы по семейной и демографической политике; обеспечения государственных гарантий защиты и поддержки семьи, материнства, отцовства и детства; возрождения на территории области семейных ценностей, исторических традиций белгородской семьи, восстановления приоритета полной семьи, имеющей трех и более детей, повышения престижа родительского авторитета. Все вышеперечисленные направления положены в основу разработки настоящей Концепции демографического развития региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб./ Росстат. М., 2021. 256 с.
2. Россия в цифрах. 2020: Кратк. стат. сб. / Росстат. М., 2020. 550 с.

3. Белгородская область в цифрах. 2021: Кратк. стат. сб. / Белгородстат. 2021. 240 с.

4. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2021: Стат. сб./ Белгородстат. Белгород, 2021. 508 с.

5. Сазонова Н.В., Сазонова О.А. Современные геодемографические и геокультурные процессы Белгородской области // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: материалы междунар. науч. конф. в рамках X ежегод. науч. Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. 17–22 сентября 2019 г., Казань / под ред. В.А. Рубцова, Э.И. Байбакова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С.185-189.

Nina V. Sazonova¹, Oksana A. Sazonova, Larisa V. Marcinevskaya¹

¹Belgorod State National Research University, Belgorod

²Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University, Voronezh

ASSESSMENT OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE BELGOROD REGION

***Annotation.** The development of fertility dynamics, mortality and natural population growth in different years was analyzed. It was concluded that the need for further implementation of demographic stabilization measures was maintained.*

***Key words:** demography, natural population growth, birth rate, demographic policy.*

УДК 314.174

Сафонова И.В.¹, Диденко О.В.²

¹Воронежский государственный лесотехнический университет
им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж

²Воронежский государственный университет, г. Воронеж

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА (ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)

***Аннотация.** В статье рассматривается современная демографическая ситуация, которая сложилась в Воронежской области и которую можно обозначить как крайне неблагоприятную. На основе приведенных данных о динамике численности населения, межрегиональной и международной миграции осуществлена попытка анализа реального состояния современной демографической ситуации. В целом можно наблюдать негативные качественные изменения, которые начались еще в 1990-е годы и продолжаются до сих пор. Эти изменения, в частности сокращение численности населения, старение населения, увеличение численности пенсионеров, препятствуют развитию человеческого капитала.*

***Ключевые слова:** Воронежская область, демографическая ситуация, человеческий капитал.*

Человеческий капитал является потенциальным ресурсом социально-экономического развития любого региона и соответственно влияет как на качество, так и на уровень жизни населения. В структуре различных видов капитала именно человеческий капитал, его рациональное использование выступает стратегическим ресурсом развития, а также ключевым фактором формирования конкурентных преимуществ региона [1, 2].

Среди ученых не существует единого мнения относительно определения понятия "человеческий капитал" [3-7]. Построение его новой теоретической конструкции требует новых подходов к обоснованию методологических основ и социально-экономической сущности человеческого капитала. Человеческий капитал как потенциальный ресурс и определяющий фактор экономического развития стран и регионов выполняет определенные функции (рис. 1).

экономическая - обеспечивает рост дохода как индивида, так и национального богатства страны, способствующего экономическому развитию и повышению конкурентоспособности национальной экономики	воспроизводственная - способствует формированию, накоплению и развитию человеческого капитала в форме совокупности знаний, умений, навыков, опыта, здоровья, духовность и т. д.	стимулирующая - способствует приросту прибыли на основе использования продуктивных способностей человека, его творческого потенциала и профессионализма	инвестиционная - вложение в человека средств на образование, здоровье, физическое и духовное развитие, мобильность способствуют расширенному воспроизводству человеческого капитала и обеспечивают в будущем значительный экономический и социальный эффекты
инновационная - использование интеллектуального капитала обеспечивает ускорение темпов развития научно-технического прогресса и построения инновационно-инвестиционной модели развития страны	информационно-коммуникационная - способность индивида к получению и использование новейшей информации создает условия развития производительных сил информационного общества через использование коммуникационных потоков в условиях глобализации	креативная - способность личности к самовыражению, нестандартному мышлению и способствует реализации его творческого потенциала	социальная - совокупность отношений между людьми и норм, что способствует формированию социальных взаимодействий в обществе
	кумулятивно-ретрансляционная - формирование и развитие человеческого капитала во времени через накопление новых знаний, умений, способностей	синергетическая - эффективное использование человеческого капитала в различных сферах общественной жизни, что создает положительный синергетический эффект	

Рис. 1. Функции человеческого капитала (сост. по [8])

Неоднозначное течение демографических процессов в Воронежской области выдвигает перед региональными органами власти сложные социально-экономические задачи [9].

Демографические процессы все больше влияют на экономику, политику, культуру, международные отношения. И хотя вся история человечества

непосредственно связана с колебаниями в темпах воспроизведения населения, начало XX века ознаменовалось коренными изменениями в рождаемости и смертности, урбанизации, миграции.

Демографическая ситуация, являясь изначально лишь следствием социально-экономических и политических изменений, неизбежно и сама приобретает детерминирующие черты, выступая важнейшим фактором влияния во всех последующих циклах накопления национального человеческого капитала.

В состав Воронежской области входит 31 районы 3 городских округа, 28 городских и 416 сельских поселений. Наначало 2020 г. численность населения области составила 2324205 человек. 68,5% населения Воронежской области является городскими жителями. Основная часть населения проживает в областном центре — городском округе Воронеж (44,7% отобщей численности населения области). К наиболее населённым относятся также Лискинский (4,3%) и Новоусманский (3,5%) районы, а также Борисоглебский городской округ (3,2%).

Демографическая ситуация в регионе и в целом, и для отдельных её муниципальных образований, характеризуется явлением депопуляции — наблюдается стабильная убыль населения от года к году (рис. 2). Подобная ситуация характерна и для ЦФО в целом. Причём и в Воронежской области и в Центральном Федеральном округе с 2010 до 2015 отмечалась некоторое уменьшение естественной убыли, далее же значение обозначенного показателя начало существенно возрастать. Связано это с рядом факторов.

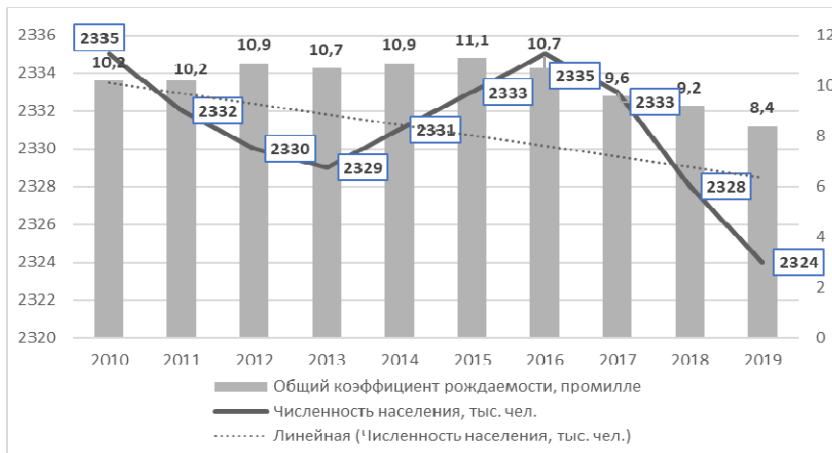

Рис. 2. Динамика численности населения Воронежской области, тыс.чел. (сост. авт.)

Во-первых, показатели рождаемости в регионе остаются достаточно низкими, на фоне всё возрастающих показателей смертности.

Во-вторых, наблюдается устойчивая тенденция к повышению ожидаемой продолжительности жизни и увеличению среднего возраста населения (рис. 3), что влечёт за собой увеличение в общей численности населения доли лиц пожилого возраста и сокращение молодёжи, что в свою очередь приводит к существенному увеличению демографической нагрузки.

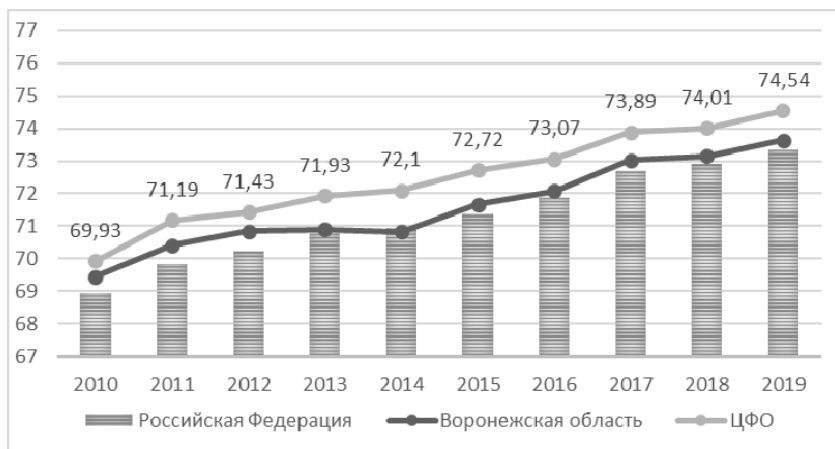

Рис. 3. Динамика показателя ожидаемая продолжительность жизни населения Российской Федерации, ЦФО и Воронежской области за 2010–2019 гг. (сост.авт.)

Очевидно, что данная нагрузка возрастает как раз за счёт роста численности лиц нетрудоспособного возраста. Коэффициент замещения в регионе практически не меняется от года к году, только в 2019 году отмечалось некоторое его повышение. В общем и целом, данный коэффициент для Воронежской области остаётся ниже среднего и по стране, и по ЦФО (рис. 4). Несколько стабилизируется ситуация с численностью населения Воронежской области за счёт механического движения, а именно за счёт внешних и внутренних миграций. В целом по стране коэффициент миграционного прироста населения достаточно низок, чего нельзя сказать о данном показателе для ЦФО, где основной зоной притяжения бесспорно являются г. Москва и Московская область (рис. 5).

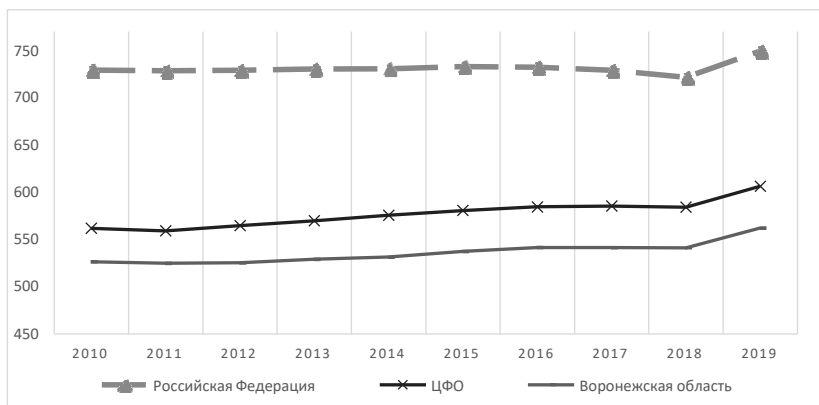

Рис. 4. Коэффициент замещения населения Российской Федерации, ЦФО и Воронежской области в 2010–2019 гг. (сост.авт.)

Рис. 5. Коэффициент миграционного прироста населения Российской Федерации, ЦФО и Воронежской области в 2010–2019 гг. (сост.авт.)

Этот показатель достаточно велик: в 2014 г. он максимально стал близким по отношению к среднему по ЦФО, а в 2016г. даже несколько превысил его, что обусловлено миграциями из соседних регионов Украины, граница которых проходит на юге области.

Не менее важным демографическим процессом, который влечет непосредственное влияние на сферу человеческого капитала, есть миграция.

Масштабы последней зависят от широкого спектра факторов: экономических, социальных (перемещение в целях получения образования, бракосочетания и тому подобное), этнополитических, религиозных, военных, экологических. В частности, противоречия между воспроизводством населения и возможностями экономического роста на определенной территории выступают причиной активизации внутренней миграции. В таком понимании миграция играет роль эффективного механизма распределения и перераспределения экономически активного населения, что упрощает выявление эффекта человеческого капитала большей частью же противоположными последствиями характеризуется миграция внешняя.

Следует отметить, что на территории Воронежской области отмечаются положительные тенденции в миграционном обмене, так, например, saldo миграции со странами СНГ составило +6214 чел., с другими зарубежными странами — + 25чел. Наиболее благоприятные тенденции в области миграционного притока наблюдаются в Новоусманском (1693чел.), Рамонском (1033чел.), Хохольском (363чел.), Богучарском (358чел.) и Острогожском (316чел.) районах. Однако, в Павловском (-444чел.), Бутурлиновском (-366чел.) и Кантемировском (-357чел.) районах наблюдается миграционный отток, что негативно сказывается в целом на демографической ситуации, и соответственно и развитии человеческого капитала.

И хотя в переписной период масштабы внешней миграции сократились, такой ход событий вызвал негативное влияние на ситуацию в сфере формирования и использования человеческого капитала и это очевидно, поскольку современные мигранты — это лица наиболее экономически продуктивных возрастных групп, имеющие достаточно высокий образовательный уровень и потеря которых крайне негативно сказывается на перспективах социально-экономического и демографического развития региона. И наоборот, малообразованные люди имеют невысокие шансы трудоустройства за рубежом, а потому предлагают свои услуги на отечественном рынке труда, ухудшая тем самым его образовательно-квалификационную структуру.

Заключение. Анализ основных тенденций демографического развития Воронежской области показывает наличие крайне негативных тенденций в ряде муниципалитетов, что представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для воспроизводства и развития человеческого капитала. Негативные качественные изменения в численности населения, приводят к серьезным преобразованиям в самой структуре населения, а это оказывает серьезное деструктивное влияние на существование и дальнейшее развитие региона. Таким образом, развитие человеческого капитала зависит от ряда факторов как на микро-, так и на макроуровне, и в том числе и от демографических.

Без действенного механизма со стороны государства в области демографической политики невозможны положительные сдвиги и вразвитии человеческого капитала.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ №19-29-07400-мк. The reported study was founded by RFBR Project no 19-29-07400-mk.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Yakovenko N.V., Didenko O. V., Safonova I.V. Socio-Ecological Well-Being of the Population (the Regions of the Central Federal District are Example) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272. Iss.3. PP. 1-8.
2. Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В. Стратегическая конкурентоспособность региона: теоретические аспекты исследования // Наука Красноярья. — 2017. Т. 6, №1-3. С. 93-96.
3. Becker G.S. Human Capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1964.
4. Ben-Porath Y. The production of Human Capital and the life Cycle of Earning // Journal of Political Economy. No. 75. PP.18-35.
5. Schultz T. Human capital: Policy Issues and Research Opportunities. Human Resources. Fiftieth Anniversary Colloquium VI. 1975. 20 p.
6. Подберезкин А.И. Человеческий капитал и его роль в модернизации России // Вестник МГИМО. 2010. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-i-ego-rol-v-modernizatsii> (дата обращения: 05.06.2021).
7. Скиба С.А. Теоретико-методологічні аспекти державного регулювання розвитку людського потенціалу // Збірник наукових праць Таврійського державного агротехнологічного університету (економічні науки). 2014. №4(28). С. 213-221.
8. Яковенко Н.В. "Качество жизни населения" как научная категория демографии /Яковенко Н.В.// Экология урбанизированных территорий. 2007. №1. С.41-46.

Irina V. Safonova¹, Olga V. Didenko²

¹ G.F.Morozov Voronezh State Forestry Engineering University, Voronezh

² Voronezh State University, Voronezh

DEMOGRAPHIC FACTORS AND THEIR IMPACT ON HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN THE REGION (VORONEZH REGION IS AN EXAMPLE)

Annotation. *The article deals with the current demographic situation in the Voronezh region, which can be described as extremely unfavourable. On the basis of the data on population dynamics and interregional and international migration, an attempt has been made to analyse the real state of the current demographic situation. In general, we can observe negative qualitative changes that began back in the 1990s and continue to this day. These changes, in particular the decline in population size, the ageing of the population and the increase in the number of pensioners, impede the development of human capital.*

Key words: *Voronezh region, demographic situation, human capital.*

РЫНОК ТРУДА КРЫМА: ОСНОВНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные территориальные особенности рынка труда Крыма. Обозначены и отражены в картографических материалах ключевые пространственно-временные сдвиги объекта исследования в последнее десятилетие. Определены структурные особенности безработицы на полуострове. Выявлены проблемы рынка труда.*

***Ключевые слова:** Крым, рынок труда, безработица.*

С 2014 года в ходе изменений в социально-экономическом развитии Крыма, обусловленных вхождением в 2014 году в состав Российской Федерации Республики Крым и города Севастополь, произошли значительные политические, экономические, социальные и культурные трансформации в жизни общества. Новые условия стали фактором динамического развития рынка труда и изменения качества жизни населения полуострова.

Республика Крым и город Севастополь демонстрируют динамическое развитие рынка труда в новых политических и социально-экономических условиях [3]. Существенно изменилось влияние системы региональных факторов формирования трудовых взаимоотношений, сказываются и общероссийские тенденции.

В 2020 году численность рабочей силы по Республике Крым составила 925,3 тысячи человек, среди которых 866,8 тыс. чел. являются занятыми, 58,5 отнесены к безработным.

По данным Государственного комитета статистики Республики Крым в 2020 уровень участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, в процентах) составил 59,2%. Уровень занятости (отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, в процентах) сформировался на уровне 55,5%. Начиная с 2014 года на фоне сокращения трудовых ресурсов, сокращался уровень безработицы. Но в 2020 году, из-за экономических трудностей, вызванных короновирусными ограничениями вновь наблюдался рост данного показателя.

С момента начала наблюдений (2010 года) произошли существенные структурные изменения на рынке труда Крыма. Практически во всех регионах вследствие характерных для региона демографических процессов (отрицательные естественный прирост, старение населения и др.) сократилось количество трудовых ресурсов и занятых на 1000 человек населения.

Традиционно более высок спрос на рабочую силу в крупных и приморских городах Республики Крым и городе Севастополе.

Практически во всех муниципальных образованиях после 2014 года численность принятых на работу, увеличилась по сравнению с количеством выбывших, исключение составили Симферополь, Ялта, Алушта и Керчь, где доля выбывших незначительно преобладает.

В городах преобладает население, занятое в здравоохранении и предоставлении социальных услуг, образовании и государственном управлении (рис. 1).

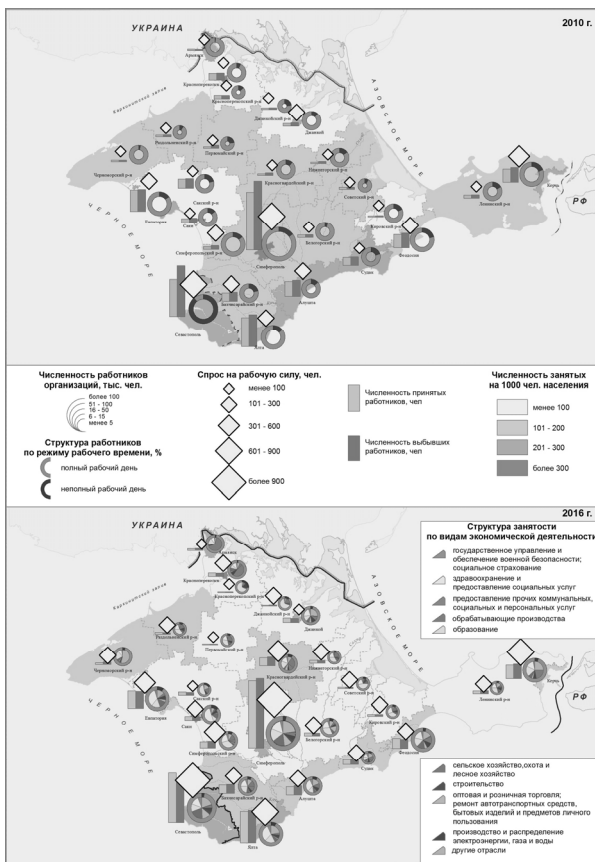

Рис. 1. Структура изменения занятости населения в Республике Крым и г. Севастополь, 2010-2016 гг.
Составлено авторами по: [4].

Сегодня к основным проблемам развития рынка труда на полуострове можно отнести: сокращение трудовых ресурсов, вследствие депопуляционных процессов, занятость населения в неформальном секторе экономики, сложности трудоустройства для определенных групп населения, диспропорции в структуре занятости населения, слабую эффективность работы государственных служб занятости.

Безработица является одной из важнейших макроэкономических проблем и характеристик рынка труда.

Уровень безработицы в 2020 году составил 6,3%, повысившись более чем на 1% вследствие спада экономического развития из-за экономических сложностей, связанных преимущественно с распространением коронавирусной инфекции. В целом до начала 2019 года количество безработных сокращалось во всех районах и городах Крыма. С 2010 года максимальное количество безработных регистрировалось в 2013 году. Минимальный уровень безработицы характерен для города Симферополя и Симферопольского района, и города Севастополя. Наивысший уровень безработицы регистрируется в северо-западных районах полуострова, ввиду социально-экономических проблем в этих районах: неблагоприятные трансформационные процессы в сельском хозяйстве, упадок промышленного производства, демографические проблемы (рис. 2).

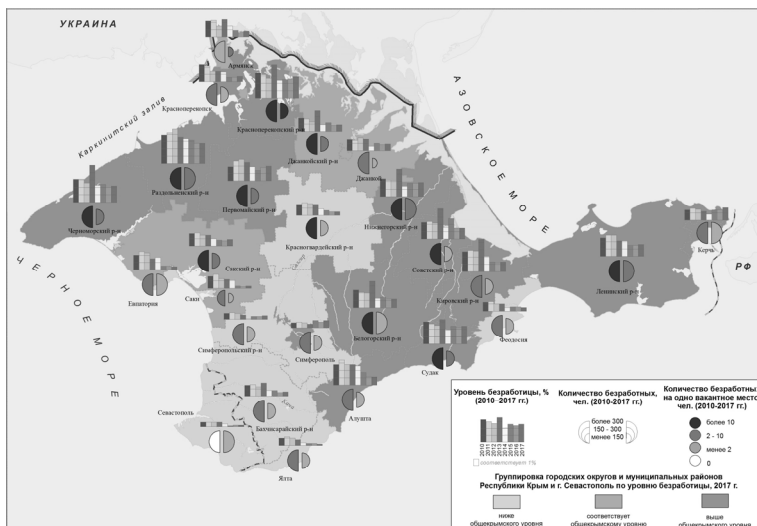

Рис. 2. Безработица в Республике Крым и г. Севастополь, 2010-2017 гг. Составлено авторами по: [4].

Потребность в трудовых ресурсах в Республике Крым и городе Севастополь испытывают рабочие профессии, также ощущается острая нехватка врачей и медицинских сестер. Кроме того, не достаточно обеспечена кадрами сфера обслуживания: требуются продавцы продовольственных и непродовольственных товаров, повара, горничные, официанты (в особенности, в период курортного сезона в Крыму) [2].

Для предотвращения социальных и экономических последствий безработицы разработана Государственная программа труда и занятости населения Республики Крым. Мероприятия программы позволяют создать условия для трудоустройства безработных и социальной их защиты; осуществлять выплату пособия; осуществлять обучение новым профессиям, переподготовку и повышение квалификации работника; проводить ярмарки вакансий; работодателей стимулировать на создание новых рабочих мест. Также в регионе существует специальная программа поддержки малого предпринимательства. Данная программа направлена на оказание помощи в открытии собственного дела, с этой же целью выдаются льготные кредиты [1].

Эффективное развития и функционирование рынка труда в Крыму является важнейшей элементом в формировании качества жизни населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байракова И. В., Романюк Е. В. Анализ безработицы и её форм в Республике Крым [Текст] / И. В. Байракова, Е. В. Романюк // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2018. №4. С. 49-55.
2. Бродовский С. Л., Бурец А. В., Иванникова М. М. Современные тенденции развития рынка труда Республики Крым [Текст] / С. Л. Бродовский, А. В. Бурец // Сборник трудов V Международной научно-практической конференции «Современные технологии управления персоналом». 2018. С. 26-32.
3. Павленко И.Г., Подсмашная И.Н. Исследование социально-демографических портретов рынка труда Республики Крым в условиях трансформации экономики региона [Текст] / И.Г. Павленко, И. Н. Подсмашная // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 135-139.
4. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/employment/ (дата обращения 03.01.2021).

Kseniya Yu. Sikach, Igor N. Voronin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

CRIMEAN LABOR MARKET: MAIN SPATIAL AND TEMPORAL TRENDS

Annotation. The article considers the main territorial features of the Crimean labor market. The key spatial and temporal shifts of the object of study in the last decade have

been identified and reflected in cartographic materials. The structural features of unemployment on the peninsula are determined. The problems of the labor market are revealed.

Keywords: *Crimea, labor market, unemployment.*

УДК 914.705+504,75(045)

Ситников П.Ю.

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

РОГНОЗ ДИНАМИКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *В статье проанализирована динамика демографических процессов Якиур-Бодынского района Удмуртской Республики за последние 14 лет и прогноз динамики на следующие 30 лет.*

Ключевые слова: *рождаемость, смертность, естественный прирост, возрастной состав, прогноз численности населения.*

Охрана здоровья сельского населения в настоящее время приобретает особую значимость, так как медико-социальные проблемы здравоохранения наиболее ярко проявляются в сельской местности. В последнее десятилетие наметились неблагоприятные тенденции в демографической ситуации сельских районов Удмуртии [1]. В сельской местности по сравнению с городской заметно выше смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, в т.ч. от отравления алкоголем, самоубийств, убийств. Также выше смертность от болезней органов дыхания, от инфекционных и паразитарных болезней. На селе более быстрыми темпами снижается доля детского и трудоспособного населения при росте доли лиц старше 50 лет. Отмечается повышение общей и первичной заболеваемости, как среди взрослого, так и среди детского населения.

Таким образом, вопросы охраны сельского населения весьма актуальны, поскольку медико-социальные проблемы, характерные для нашего общества, особенно ярко проявляются в сельской местности. Социальные и экономические условия жизни сельского населения, в большинстве случаев, хуже, чем городских жителей. Так как организационные сложности в охране здоровья связаны, прежде всего, с социальными и экономическими особенностями жизни населения в сельской местности, то именно эти факторы будут существенно влиять на состояние здоровья сельского населения.

Для оценки будущего сельских территорий важное значение имеет демографический прогноз, с помощью которого возможно оценить перспективы развития территории и наметить направления региональной политики.

Якшур-Бодьинский район, как объект исследования, был выбран случайно. Район расположен в центральной части республики. Районный центр — село Якшур-Бодья, находится в 42 км от Ижевска. Через район проходит федеральная трасса М-7 «Волга», разделяющая его на 2 части, таким образом часть поселений оказывается тесно связанной с Ижевском, а другая часть находится во внутренней периферии к нему. Наименьшей численностью в основном характеризуются периферийные (внешние) территории района, они же и отличаются отрицательной динамикой населения. Большая же часть населения сконцентрирована в крупных поселениях, которые продолжают расти, и именно для них характерна положительная динамика населения. Поэтому Якшур-Бодьинский район объединяет черты благополучных пригородных районов и отстающих периферийных.

В основе прогнозирования демографической ситуации в сельской местности лежит метод передвижки по возрастам. Под передвижкой по возрастам понимается переход лиц возраста « x » к последующему возрасту « $x+1$ », при этом численность этих лиц уменьшается вследствие смертности и сокращения рождаемости, а также изменяется за счет миграции. Расчет осуществляется отдельно для мужчин и женщин по пятигодовичным возрастным группам. Сценарий прогноза рассчитывался при условии сохранения демографических показателей за предшествующие пять лет (2016-2020):

- Коэффициент суммарной рождаемости — 2,33 (Удмуртская Республика);
- Средний возраст матери при рождении ребенка — 28,6 (Российская Федерация);
- Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, мужчины — 64,46 (Удмуртская Республика);
- Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, женщины — 76,82 (Удмуртская Республика);
- Коэффициент младенческой смертности (на 1000) — 5,22 (Удмуртская Республика);
- Ежегодное число прибывших — 554 (Якшур-Бодьинский район);
- Коэффициент выбытия на 1000 человек — 31,3 (Якшур-Бодьинский район).

Также в расчет включались специальные демографические показатели: возрастные коэффициенты смертности и рождаемости населения Удмуртской Республики.

Рождаемость в Якшур-Бодьинском районе за последние 10 лет снизилась почти в 2 раза: с 20,2% в 2012 году до 10,9% в 2021 году, что в целом соответствует средним показателям по сельским районам Удмуртской Республики — показатель с 2012 года стремительно снижается: так в 2012 го-

ду он составлял 15,3‰, а в 2019 году снизился до 9,7‰. Одной из причин снижения этого показателя стало достижение репродуктивного возраста большой когортой людей, появившихся на свет в середине 1990-х гг. Также одной из причин снижения рождаемости является повышение среднего возраста матери при рождении детей: в 1990 году он составлял 25,0, а в 2020 году составляет уже 28,6.

В тоже самое время с 2011 года наблюдается устойчивое снижение показателя коэффициента смертности с 16,8‰ до 11,6‰ в 2019 году. Исключением является 2020 год, в котором зафиксирован скачок смертности, вызванный прямыми и косвенными последствиями пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. На фоне общего снижения смертности населения сохраняется высокий уровень смертности трудоспособного населения, который в 2018 году составил 7,7‰. При этом уровень смертности мужчин трудоспособного возраста в 4,8 раза выше, чем женщин [2].

Сопоставляя данные рождаемости и смертности, можно отметить что за последние 10 лет наблюдались две разнонаправленные тенденции естественного движения населения: с 2009 года по 2016 год в Якшур-Бодьинском районе, и в республике в целом, наблюдался положительный естественный прирост, с максимальными значениями в 2012 году — 5,3‰. С 2018 года наблюдается естественная убыль населения с отрицательной динамикой.

Немаловажную роль в демографической ситуации играет половозрастной состав населения района. При этом следует отметить, что «демографическая яма» начала 1990-х годов самым непосредственным образом сказывается на процессах выраженной депопуляции населения в наши дни. Так в Якшур-Бодьинском районе на возрастную группу 25-29 лет (дети 1992-96 годов рождения) приходится минимальное количество жителей. При этом численность женского населения ниже по сравнению с мужским. Эта ситуация скажется на гораздо меньшее количество рожденных детей в ближайшие 10 лет.

Весомую роль в формировании демографического портрета территории вносят миграции. В структуре миграций по половозрастному составу преобладает молодежь, особенно в возрасте 20-24 года. Среди мигрантов женщины составляют 57,3%, причем в младшем трудоспособном возрасте (до 25 лет) их доля еще выше. Это объясняется тем, что большинство девушек покидают села для получения образования и поиска работы в городах. В трудоспособных возрастах более мобильными становятся мужчины. Значительный отток молодежи отрицательно сказывается на социально-экономическом и демографическом положении сельской местности в периферийных частях республики. Из-за уменьшения доли лиц, способных к

наибольшему воспроизводству населения, снижается рождаемость и трансформируется возрастная структура в пользу пожилых возрастов, что приводит к росту уровня смертности [3]. Данная тенденция несколько изменяется под действием географических факторов. В пригородных районах, к которым относится Якшур-Бодьинский район, более молодой состав населения, который «снижает» показатель смертности и увеличивает рождаемость.

Вместе с тем, для района в ближайшие пять лет прогнозируется крайне высокая демографическая нагрузка — более 1000 человек нетрудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного. Демографическая нагрузка в настоящее время составляет 958 человек на 1000 человек трудоспособного возраста, что выше среднереспубликанских показателей (822 человека в 2019 году) и выше среднероссийских показателей (775 человек). В прогнозе до 2051 года произойдет планомерное снижение нагрузки пожилыми и увеличение нагрузки детьми.

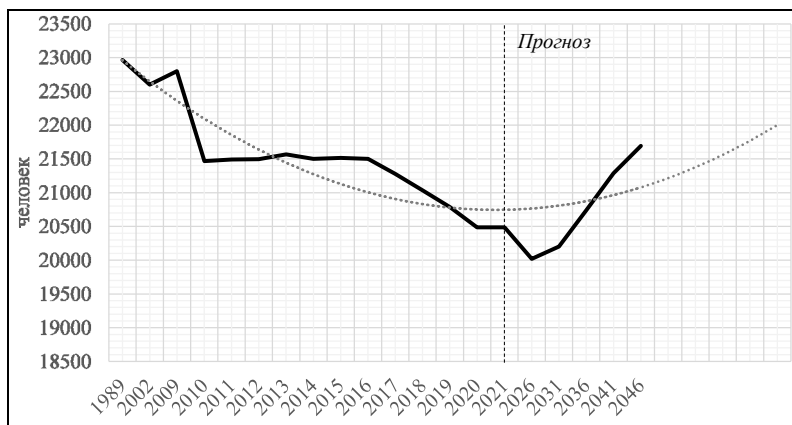

Рис. 1. Динамика численности населения Якшур-Бодьинского района

Демографическую ситуацию в Якшур-Бодьинском районе на протяжении последнего десятилетия можно характеризовать как условно благоприятную. Прогноз ее развития на ближайшие годы в целом также благоприятный. Агломерационный эффект Ижевска, значительно трансформирующий половозрастной состав населения района, относительно высокие показатели рождаемости и суммарного коэффициента рождаемости позволяют прогнозировать незначительное увеличение численности населения района.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ситников П. Ю. Анализ динамики основных демографических показателей качества жизни населения Удмуртской Республики. Материалы международной НПК в рамках XII Большого географического фестиваля. М.: Издательство «Перо», 2016. 936 с.
2. Естественное движение населения УР за 2014-2020 // URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/51924> (Дата обращения: 15 ноября 2021 года).
3. Ситников, П. Ю. Анализ демографической ситуации в Удмуртской Республике: состояние, динамика, тенденции / П. Ю. Ситников // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз: Материалы международной научной конференции– Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 605-609.
4. Информационно-аналитические материалы //БУЗ УР "Республиканский медицинский информационно-аналитический центр МЗ УР" URL: http://tmiac.udmmed.ru/inform-analit_materialy/(Дата обращения: 15 ноября 2021 года).

Pavel Yu. Sitnikov

Udmurt State University, Izhevsk

FORECAST OF THE DYNAMICS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RURAL AREAS OF THE UDMURT REPUBLIC

***Annotation.** The article analyzes the dynamics of demographic processes in Yakshur-Bodyinsky district of the Udmurt Republic for the past 14 years and forecasts the dynamics for the next 30 years.*

***Key words:** fertility, mortality, natural increase, age composition, population forecast.*

УДК314.04; 314.7

Соловьев И.А., Чихичин В.В.,

Зольникова Ю.Ф., Овсянников Е.И.

Северо-Кавказской федеральный университет, г. Ставрополь

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются динамика и внутриагломерационная дифференциация демографических и миграционных процессов в Архангельской городской агломерации. По результатам социологического опроса выявлены наиболее характерные особенности демографического и миграционного поведения жителей агломерации.*

Ключевые слова: городская агломерация, Архангельская городская агломерация, демографические и миграционные процессы, демографическое поведение, миграционные настроения.

Городским агломерациям в современной России уделяется повышенное внимание и на управленческом, и на исследовательском уровнях. Во многом эти пространственные сгустки населения, социально-экономического потенциала и улучшенного образа жизни являются локомотивами развития всей страны и/или своих регионов. В условиях непростых российских демографических реалий ситуация с воспроизводством населения в агломерациях является более благоприятной, чем на остальной территории.

На Крайнем Севере агломерации особенно заметны во всех отношениях. В условиях природных трудностей они интенсивно концентрируют население и потенциал. Но при этом их ресурса в большинстве случаев не хватает для удерживания ситуации хотя бы в стабильном состоянии. На примере Архангельской городской агломерации (АГА) продемонстрируем это, проанализировав миграционные и демографические процессы.

Методика исследования. Границы агломерации определялись территорией в пределах 1,5-часовой транспортной доступности. Динамика коэффициентов развитости Архангельской городской агломерации позаимствована из исследования Лаппо Г.М., Поляна П.М. и Селивановой Т.И. [1] — методика ИГАН. Статистические показатели, характеризующие население, взяты из базы данных показателей муниципальных образований [2] и с сайта Федеральной службы государственной статистики [3]. Исследованиям демографических и миграционных процессов АГА посвящено ряд работ Н.С. Игловской [4; 5].

Помимо анализа «сухих» показателей мы задались целью выявить демографическое поведение и миграционные настроения жителей агломерации. Для этого осенью 2021 г. было опрошено 117 респондентов методами «снежного кома» и «стихийным» демоскопическим опросом в общественных местах. В целом выборка представлена примерно равными долями респондентов с различным уровнем образования, сферой приложения труда, возрастными категориями, полового состава и семейного статуса.

Динамика численности населения агломерации. Ядром АГА является крупный город Архангельск (345 тыс. чел., 2020 г.), здесь концентрируется более половины населения агломерации. Спутник центрального города — Новодвинск (6,3% населения АГА) относится к категории малых (37,7 тыс. чел.). Вторым по величине населенным пунктом является Северодвинск — большой (181 тыс. чел.) город, на долю которого приходится около трети численности населения АГА. В состав агломерации входят все сельские населенные пункты Приморского района, большинство селений

Холмогорского района, а также поселок Ломовое, входящий в состав Плесецкого городского округа (рис. 1). Доля сельских жителей в численности населения АГА составляет 5,5%. Такая низкая доля селян характерна для агломераций Крайнего Севера.

Архангельская агломерация не является крупной и относится к наименее развитым. Коэффициент развитости в 1989 г. составлял 2,14. Сокращение численности населения в постсоветский период привело к его снижению к 2020 г. до 1,69.

За тридцать лет численность населения АГА сократилась на четверть: в 1989 г. — около 750 тыс. чел., на начало 2020 г. — около 600 тыс. чел. (табл. 1). При этом количество жителей Архангельской области за данный период сократилось почти на 40%, а сельских жителей — почти на 80%.

В постсоветский период доля АГА в численности населения своего региона выросла с 47,5 до 52,8%, т.е. на 5,3% (рис. 2). Это является свидетельством стягивания населения региона в зону единственной агломерации.

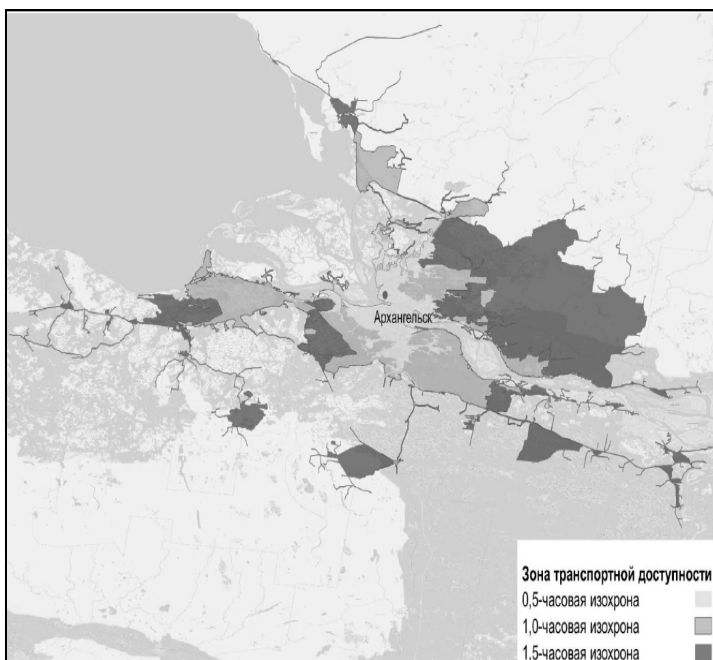

Рис. 1. Зоны транспортной доступности города-ядра Архангельской городской агломерации

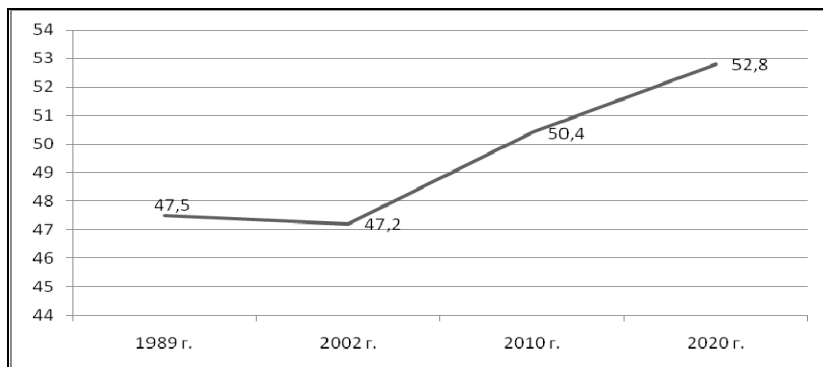

Рис. 2. Доля Архангельской ГА в численности населения Архангельской обл. в 1989-2020 гг., % [3]

Таблица 1

Динамика численности населения в Архангельской области, Архангельской городской агломерации и территориях, входящих в неё, 1989–2020 гг., тыс. чел., % [1]

Численность населения	1989 год		2002 год		2010 год		2020 год	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Архангельская область	1570,3	100	1336,5	100	1227,6	100	1127,0	100
городское население	1151,6	73,3	999,6	74,8	929,0	75,7	893,7	79,3
сельское население	418,1	26,7	336,9	25,2	298,6	24,3	233,3	20,7
АГА всего	746,6	100	631,0	100	618,4	100	595,6	100
Городское население АГА	714,8	95,7	600,9	95,2	581,7	94,1	563,0	94,5
Ядро АГА (г. Архангельск)	415,9	55,7	356,0	56,4	348,8	56,4	344,9	57,9
Спутника ядра (г. Новодвинск)	50,2	6,7	43,4	6,9	40,6	6,6	37,3	6,3
г. Северодвинск	248,7	33,3	201,5	31,9	192,3	31,1	180,8	30,3
Сельское население АГА, в т.ч.	31,8	4,3	30,1	4,8	36,7	5,9	32,6	5,5
Приморский р-н	31,8	4,3	29,4	-	26,2	-	24,3	-

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Усть-Пинежское СП ХР	-	-	-	-	1,0	-	0,7	-
Луковецкое СП ХР	-	-	-	-	2,7	-	1,9	-
Белогорское СП ХР	-	-	-	-	0,8	-	0,7	-
Ухтоостровское СП ХР	-	-	-	-	0,6	-	0,5	-
Матигорское СП ХР	-	-	-	-	2,7	-	2,8	-
Койдокурское СП ХР	-	-	-	-	0,4	-	0,3	-
Кехотское СП ХР	-	-	-	-	0,5	-	0,4	-
Ракульское СП ХР	-	-	-	-	1,4	-	1,0	-
Поселок Ломовое Плесецкого ГО	-	-	0,7	-	0,4	-	-	-

АГА — Архангельская городская агломерация; СП — сельское поселение; ХР — Холмогорский район; ГО — городской округ

Численность населения городов Архангельской агломерации за постсоветский период сократилось. Людность ядра уменьшилась в 1,2 раза, спутника — в 1,34 раза, а Северодвинска — в 1,37 раза (табл. 2).

Таблица 2

Прирост численности населения в Архангельской области и Архангельской городской агломерации, 1989–2020 гг., тыс. чел., % [6]

	1989–2002 гг.		2002–2010 гг.		2010–2020 гг.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Архангельская область	-233,8	-14,9	-108,9	-8,1	-100,6	-8,2
Городское население	-152,0	-13,2	-70,6	-7,1	-35,3	-3,8
Сельское население	-81,2	-19,4	-38,3	-11,4	-65,3	-21,9
АГА всего	-115,6	-15,5	-12,6	-2,0	-22,8	-3,7
Городское население АГА	-113,9	-15,9	-19,2	-3,2	-18,7	-3,2
Ядро АГА (Архангельск)	-59,9	-14,4	-7,2	-2,0	-3,9	-1,1
Спутника ядра (г. Новодвинск)	-6,8	-13,5	-2,8	-6,4	-3,3	-8,1
г. Северодвинск	-47,2	-19,0	-9,2	-4,6	-11,5	-6,0
Сельское население АГА	-1,7	-5,3	6,6	21,9	-4,1	-11,2

С 2010 по 2020 гг. агломерация ежегодно теряла 0,33% населения. В городе-ядре убыль количества жителей составляла 0,1% в среднем в год. В «ковидном» 2020 г. ее темпы увеличились, за исключением Приморского и Холмогорского районов (табл. 3). Убыль населения в Северодвинске выросла в 3,9 раза, в Архангельске — в 1,37 раза, в Новодвинске — в 1,16 раза. Небольшой рост количества жителей отмечается в Приморском районе, что предположительно связано с оттоком туда горожан агломерации.

Таблица 3

Прирост (убыль) численности населения городов агломерации, чел. [6]

<i>Города и районы</i>	<i>2019 г.</i>	<i>2020 г.</i>
Архангельск	-1364	-1872
Северодвинск	-301	-1184
Новодвинск	-383	-443
Приморский район	24	92
Холмогорский район	-634	-559

Демографические процессы и демографическое поведение населения. В период с 2012 года в Архангельске естественная убыль населения началась в 2017 г., в Северодвинске — в 2016 г., в Приморском районе — в 2015 г. В Новодвинске и Холмогорском районе она сохранялась все восемь лет. В период пандемии (в 2020 г.) она выросла во всех территориях агломерации. Наибольшими темпами отличались Северодвинск (в 2,33 раза) и Архангельск (в 1,67 раза) (табл. 4).

Таблица 4

Естественный прирост населения в 2012–2020 гг. (чел.) [1]

<i>Города и районы</i>	<i>2012</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>Всего</i>
Архангельск	156	138	270	80	80	-374	-689	-1147	-1911	-1486
Северодвинск	105	62	-91	230	-141	-95	-431	-400	-931	-761
Новодвинск	-58	-56	-64	-10	-60	-83	-105	-175	-221	-611
Приморский район	8	9	31	-3	-20	-54	-66	-99	-145	-194
Холмогорский район	-60	-59	-76	-159	-125	-205	-167	-176	-250	-1277

Социологический опрос показал, что жители Архангельской городской агломерации довольно адекватно оценивают демографическую ситуацию в ней, отмечая, что рождаемость ниже смертности. Значительная часть

опрошенных знакома с тем, что в населенных пунктах Архангельской области отмечается депопуляция.

подавляющая часть респондентов полагает, что наиболее оптимально в нашей стране иметь двух детей. При этом большинство из них считает, что рождение ребёнка — это укрепление отношений между супругами, продолжение рода и смысл жизни, а мотивами для рождения ребенка являются желание его иметь и необходимость продолжения рода. К сдерживающим факторам для рождения детей относятся: низкое материальное положение, желание сделать карьеру, необходимость получения образования, плохие жилищные условия.

Большинство участников опроса считают, что требуется увеличение государственной помощи для семей с детьми. При этом треть респондентов полагает, что для рождения детей уровень дохода на одного члена семьи должен составлять 50–100 тыс. руб. COVID-19 не сильно повлиял на планы по рождаемости.

Миграционные процессы и миграционное поведение населения. Численность населения Архангельской городской агломерации сокращается не только за счет естественной, но и за счет миграционной убыли. Миграционный отток населения с 2012 по 2020 год здесь составил 15,7 тыс. чел. (табл. 5). Наиболее катастрофическая ситуация с отъездом населения характерна для Северодвинска, Новодвинска и Холмогорского района.

Таблица 5

Миграционный прирост населения в 2012–2020 гг. (чел.) [1]

Города и районы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Архангельск	1326	-734	375	181	199	-1353	-702	-226	-84	-934
Северодвинск	-1693	-1361	-1052	-1369	-955	-667	-565	86	-164	-7576
Новодвинск	-293	-268	-327	-306	-111	-218	-247	-208	-219	-1978
Приморский район	-131	-117	-134	-162	-128	-140	-279	92	225	-999
Холмогорский район	-678	-571	-409	-404	-450	-473	-456	-458	-304	-4203

В агломерации происходит интенсивное замещение архангелогородцев и северодвинцев жителями других поселений области. Население из Архангельска и Северодвинска убывает в миграционном обмене с другими регионами России (-39,4 тыс. чел.), и, напротив, отмечается его прирост во внутриобластных потоках (20,3 тыс. чел.). Для международной миграции характерен прирост населения (3,2 тыс. чел.) (табл. 6).

Распределение миграционного прироста по потокам в 2012–2020 гг., чел. [1]

<i>Города и районы</i>	<i>Международная миграция</i>	<i>Межрегиональная миграция</i>	<i>Внутрирегиональная миграция</i>
Архангельск	2215	-21364	18131
Северодвинск	875	-13450	4835
Новодвинск	43	-2153	-90
Приморский р-н	40	-1490	674
Холмогорский р-н	30	-970	-3263
ИТОГО	3203	-39427	20287

Примерно четверть опрошенного населения Архангельской агломерации планирует сменить место постоянного жительства в ближайшее время и такая же часть подумывает об этом. Главными мотивами для переезда являются социально-экономические и экологические факторы: невозможность карьерного роста, отсутствие перспектив для детей, плохие природные или экологические условия, отсутствие работы. Большая часть респондентов планирует переезд в Санкт-Петербург и Москву. В планируемых внутриагломерационных переселениях среди опрошенных Архангельск не пользуется популярностью, переехать туда не пожелал ни один респондент.

Опрос выявил небольшую долю маятниковых мигрантов в агломерации, которые добираться на работу в основном на рейсовом автобусе или на автобусе от предприятия. На дорогу до места работы в основном тратят менее 1 часа. На миграционное поведение населения COVID-19 не оказал существенного влияния.

Выводы. Несмотря на то, что количество жителей Архангельской агломерации за последние три десятилетия заметно сократилось и продолжает сокращаться, ситуация в ней не такая катастрофическая, как в целом в области и в ее сельской местности. Численность населения АГА сокращается за счет естественной и миграционной убыли. Внутри агломерации наиболее кризисная ситуация отмечается в наиболее удаленном от ядра Холмогорском районе, что подтверждает тезис о том, что чем глубже периферия, тем проблемы воспроизводства населения острее.

Социологический опрос показал, что жители агломерации в курсе серьезных демографических проблем своего региона. У них довольно высокие требования для принятия решения по рождению детей. При этом они не особо рассчитывают на помощь государства. Большая часть населения агломерации стремится переехать в основном в столичные города. Основные выталкивающие факторы — природно-экологические, а из социально-экономических — отсутствие работы.

Материал подготовлен при поддержке гранта РФФИ № А 20-05-00386 «Пространственно-временные диспропорции демографического развития городских агломераций разного типа в Европейской части России».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лапко Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Агломерации России в XXI веке // Вестник фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 42–52.
2. База данных показателей муниципальных образований [электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (Дата обращения: 28.01.2022).
3. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 28.01.2022)
4. Игловская Н.С. Особенности динамики воспроизводственных процессов Архангельской городской агломерации // Вестник Поморского университета. Серия: естественные науки, 2009. №3. С. 36–41.
5. Игловская Н.С. Проблемы выделения границ и оценки экономико-географического положения Архангельской агломерации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки, 2014. №1. С. 5-12.

**Ivan A. Soloviev, Vasily V. Chikhichin,
Yuliya F. Zolnikova, Evgeniy I. Ovsyannikov**
North Caucasus Federal University, Stavropol

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES IN THE ARKHANGELSK URBAN AGGLOMERATION

***Annotation.** The article discusses the dynamics and intra-agglomeration differentiation of demographic and migration processes in the Arkhangelsk urban agglomeration. According to the results of the sociological survey, the most characteristic features of the demographic and migration behavior of the residents of the agglomeration were revealed.*

***Key words:** urban agglomeration, Arkhangelsk urban agglomeration, demographic and migration processes, demographic behavior, migration moods.*

УДК 911.3

Уставщикова С. В.

*Саратовский национальный исследовательский
университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СУБЪЕКТАХ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА (2010-2021 гг.)

***Аннотация.** В статье освещены региональные особенности и общие тенденции демографической ситуации в субъектах Волго-Уральского макрорегиона. Численность населения сокращается в результате, как отрицательного естественно-*

го прироста, так и миграционного. Межрегиональный отток населения перекрывает положительное международное миграционное сальдо в регионе. Закрепление собственного населения, молодежи в регионе, основная задача общественного развития.

Ключевые слова: демографическая ситуация, региональные особенности, Волго-Уральский макрорегион, миграция населения; межрегиональная и международная миграция.

Введение. Цель исследования состоит в изучении региональных особенностей демографической ситуации в субъектах Волго-Уральского макрорегиона [1]. В настоящее время в России именно демографический фактор является детерминантой экономического и общественного развития. Рассматривается период 2010-2021 гг. На это время придутся годы и с оздоровлением демографической ситуации и возврат к депопуляции. Изменение социально-экономической ситуации в стране позволило начать реализовывать Национальный приоритетный проект «Здоровье», направленный на мероприятия по сокращению смертности [2]. В октябре 2007 г. был принят и стал реализовываться Указ Президента РФ N 1351 "Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года" С изменениями и дополнениями от: 1 июля 2014 г. [3], Национальный проект «Демография» (2019-2024гг).

Преодоление депопуляции, хотя и ненадолго, переход к восходящей демографической динамике — это был результат осуществления той политики, которая проводилась последние годы в области повышения рождаемости и сокращения смертности. В начале рассматриваемого периода увеличивалась ожидаемая продолжительность жизни, суммарный коэффициент рождаемости. Однако, с 2018г. демографические показатели вновь стали ухудшаться, с 2019г. свою лепту вносит пандемия COVID-19.

Показатели демографической ситуации существенно различается по регионам России и Волго-Уральского макрорегиона (В-У макрорегион). Каков вклад субъектов В-У макрорегиона в демографические перспективы России, тема данного исследования.

Основная часть. Волго-Уральский макрорегиона — это один из 12 макрорегионов России, в состав которого входит 6 субъектов Федерации: Республика Башкортостан, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области. Макрорегион по величине территории — 502 тыс. кв. км. — 2,9% площади страны. На начало 2021 года в макрорегионе проживало 9,6% населения страны или 14,0 млн человек. Средняя плотность населения составляет 28,1 человек на один кв. км., проживает 9,3% всех горожан и 11,4% сельских жителей.

На демографическую ситуацию в регионе оказывают влияние множество факторов, в том числе: социально-экономическое развитие региона,

урбанизированность, этнический состав населения и другие (табл. 1). В В-У макрорегионе 6 субъектов федерации. Все они имеют разную численность населения, разную долю в населении макрорегиона (табл. 1) и по-разному участвуют в динамике численности населения. Так, во всех регионах наблюдалось сокращение численности населения за 2010-2021г.

Таблица 1

**Изменения численности населения
по регионам В-У макрорегиона [3, 4]**

<i>Регионы</i>	<i>Население 2021 к 2010, в %</i>	<i>Доля региона в населении макрорегиона</i>	<i>Доля городского населения, 2021г</i>
Р. Башкортостан	98,6	28,5	62,5
Оренбургская обл.	95,5	13,8	60,8
Пензенская обл.	92,7	9,2	69,1
Самарская обл.	98,1	22,5	79,7
Саратовская обл.	95,0	17,2	75,7
Ульяновская обл.	93,6	8,8	76,1

Именно за этот период на 4-5% произошло сокращение численности населения в 4 регионах. Башкирия и Самарская область практически сохранили исходную численность. Эти два субъекта концентрируют более половины населения В-У макрорегиона и от изменений, проходящих в них, в существенной степени зависит место макрорегиона в населении России.

Изменение численности происходят в результате двух процессов: демографического и миграционного. Произошли изменения в показателях рождаемости за 2010-2019 гг. во всех регионах. В рассматриваемый период началось сокращение численности женщин репродуктивного возраста, в ближайшие годы это будет существенно влиять на динамику числа родившихся. Анализ динамики превышения чисел умерших над числом родившихся, показывает изменение (ухудшение) показателя рождаемости в большей мере, чем изменения смертности. Уменьшаются показатели суммарной рождаемости (табл. 2). Дальнейшее сокращение рождаемости можно ожидать в Башкортостане и Саратовской области.

В этот же период произошло сокращение младенческой смертности по макрорегиону в среднем на 70%. Смертность населения от болезней системы кровообращения осталась на первом месте среди причин смертей, смертность от внешних причин отступила на 3 место. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась за период на 3,7-4,7 года, доля лиц старшего возраста выросла в среднем на 4%. Население макрорегиона стремительно стареет.

Таблица 2

Динамика демографических изменений в Волго-Уральском макрорегионе [3,4]

<i>Регионы</i>	<i>Изменение коэффициента естественного прироста за 2010/2019 гг.</i>	<i>Изменение суммарного коэффициента рождаемости за 2010-2019 гг.</i>	<i>ОПЖ при рождении, прирост за 2010-2020 гг. (лет).</i>	<i>Доля лиц старшего трудоспособного возраста на 1.01.2021 (%)</i>
Р. Башкортостан	0,6/-1,8	0,85	3,7	24,2
Оренбургская обл.	-0,5/-3	0,88	4,1	25,3
Пензенская обл.	-5,7/-6,1	0,92	4,3	29,7
Самарская обл.	-3,6/-3,9	0,97	4,7	26,9
Саратовская обл.	-4,9/-5,4	0,82	4,2	27,6
Ульяновская обл.	-5,1/-5,0	1,00	4,5	29,1

Таблица 3

Динамика миграционных изменений в Волго-Уральском макрорегионе [3,4]

<i>Регионы</i>	<i>Коэффициенты миграционного прироста на 10000 чел. населения, 2010/2020 гг.</i>	<i>Страны наибольшего притока мигрантов в 2018, 2019гг.</i>
Р. Башкортостан	2/-12,9	Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан
Оренбургская обл.	-47/-4	Казахстан, Таджикистан, Узбекистан
Пензенская обл.	-3/-12,1	Армения, Таджикистан
Самарская обл.	19/-1,2	Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан
Саратовская обл.	-15/-20,5	Казахстан, Узбекистан
Ульяновская обл.	-35/-9	Казахстан, Таджикистан, Узбекистан

Миграционная составляющая демографической ситуации в регионах макрорегиона неоднозначная и сложная. Все субъекты макрорегиона имеют значительный межрегиональный миграционный отток. В одних случаях он суммируется с отрицательными показателями международной миграции (Республика Башкирия, Пензенская, Саратовская области), в трех областях межрегиональный отток населения перекрывает положительное миграционное сальдо международной миграции (Оренбургская, Самарская, Ульяновская) [5]. Зарубежный потенциал пополнения населения региона мигра-

ционным путем находится в настоящее время в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане.

Большое значение для социально-экономического развития России имеет внутренняя межрегиональная миграция. В межрегиональной миграционной ситуации во всех субъектах макрорегиона сохраняются негативные тенденции. Московская область с Москвой, Ленинградская область с Санкт-Петербургом — первые межрегиональные миграционные реципиенты России. Все прочие регионы, являющиеся в отношении этих территорий миграционными донорами. К локальным миграционным реципиентам относятся Республика Татарстан, Самарская область для Саратовской, Пензенской областей [6].

Выводы. Большинство проблем во всех регионах общие: старение населения, необходимость формирования демографического поведения на основе двух — трехдетной семьи, выбор здорового образа жизни. В Оренбургской, Самарской, Ульяновской областях есть резервы сокращения смертности, повышения рождаемости. Именно эти регионы имеют отрицательный естественный прирост, но приток международных мигрантов. Поток мигрантов привносит омоложение населения, рост рождаемости. Необходимо направить большие усилия на сокращение межрегионального оттока, закрепив в своем регионе молодежь. Закрепление «своего» населения в регионе — главное направление общественного развития территорий. Тем не менее, сокращение численности населения в Волго-Уральском макрорегионе продолжится.

Библиографический список

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения 20.10.2021)
2. Национальный проект "Здоровье". Справка. URL: <https://ria.ru/society/20090512/170852739.html> (дата обращения 12.11.2021)
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 12.11.2021).
4. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения 12.11.2021)
5. Поволжский экономический район: население и экономика / Гусев В.А., Маркцева Л.В., Молочко А.В., Преображенский Ю.В., Уставщикова С.В., Цобберг О.А. Саратов, 2021.
6. Марцева Л.В., Уставщикова С.В. Саратовская область: география населения и хозяйства. Саратов, 2021.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE SUBJECTS OF THE VOLGA-URAL MACRO-REGION (2010-2021)

Annotation. The article highlights regional features and general trends in the demographic situation in the subjects of the Volga-Ural macroregion. The population is declining as a result of both negative natural growth and migration. The interregional outflow of the population is covered by the positive international migration balance in the region. Consolidation of its own population, youth in the region in particular, is the main task of social development.

Keywords: demographic situation, regional features, Volga-Ural macroregion, population migration; interregional and international migration.

УДК 911.3:33(571.56)

Филиппова В.В.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск

ТИПОЛОГИЯ РАЙОНОВ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ПО ЛЮДНОСТИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Аннотация. В статье представлена типология поселений по людности, в которых проживают представители коренных малочисленных народов Севера. Территорией исследования являются смежные с Республикой Саха (Якутия) регионы. Всего проанализировано 85 населенных пунктов. Проведен анализ изменений численности населения в них в 2010-2021 гг., который показал подверженность к оттоку населения из них.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, расселение, Якутия.

В настоящее время места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов определены в 28 субъектах РФ: в 7 республиках; в 6 краях; в 11 областях; в 4 автономных округах [1]. По данным 2010 г. 52,8% коренных малочисленных народов Севера являлись жителями сельской местности, а 47,2% — городской.

Одной из задач реализуемого проекта РНФ 21-17-00250 «Межрегиональные и внутрирегиональные коммуникации коренных малочисленных народов Севера в условиях глобальных вызовов: история и современность»

является типология районов проживания малочисленных этносов по наличию или отсутствию межрегиональных и внутрирегиональных коммуникаций на сопредельных с Республикой Саха (Якутия) территориях. Для решения данной задачи автором были выявлены сопредельные с Якутией территории, в которых проживают представители коренных малочисленных народов Севера для дальнейшего установления их межрегиональной и внутрирегиональной коммуникаций, что позволило определить территории для исследований – это Красноярский край, Иркутская область, Забайкальский край, Амурская область, Хабаровский край, Магаданская область и Чукотский автономный округ. Из муниципальных образований Республики Саха (Якутия), имеющих общие границы с исследуемыми районами [2].

Данная статья является продолжением исследований автора по выявлению географических различий и особенностей в динамике населения малочисленных этносов Якутии в сравнении с другими регионами на локальном уровне. Статья написана с использованием статистического, сравнительно-географического и картографического методов. Материалом для исследований послужили данные переписей и текущего учета численности населения, взятые с официальных сайтов территориальных органов Федеральной службы государственной статистики.

В базу данных введены сведения о численности жителей 85 населенных пунктов за 2010 и 2021 гг., в т.ч. город — 1, деревня — 1, поселок городского типа — 1, рабочий поселок — 1, поселок сельского типа — 21, село — 59 и 1 участок. Целью данной статьи поставлена типология населенных пунктов коренных малочисленных народов Севера исследуемых территорий по их людности.

В РФ для разных целей применяются разные классификации сельских поселений по людности. Согласно градации поселений, применяемой в СНиП 2.07.01-89 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» из 85 к мельчайшим (до 50 жителей) относятся 3 поселения Катангского района Иркутской области: Тетя, Инарингда, Оськино и с.Колымское Среднеканского городского округа Магаданской области. К малым поселениям (51-200 жителей) относятся 14 поселений, к средним (201-1000 жителей) – 54 поселений, к большим (1001-3000 жителей) – 9 поселений. Крупным (3001-5000 жителей) поселением является рабочий поселок Охотск Хабаровского края, крупнейшими (свыше 5000 жителей) являются город Билибино Чукотского АО и поселок сельского типа Тура Эвенкийского муниципального района Красноярского края. Без населения является п.Каяк, входящий в состав сельского поселения Хатанга Таймырского долгано-ненецкого муниципального района Красноярского края.

В статистике переписей населения принята другая, более дробная классификация сельских поселений. Группировка рассматриваемых поселений выглядит следующим образом. К категории «без населения» относятся п.Каяк. К градации 26-51 жителей относятся 4 поселения, к 101-200 жителей — 13, 201-500 жителей — 36, 501-1000 жителей — 20 поселений. Поселения с численностью 1001-2000 расположены в основном в Республике Саха (Якутия): с. Токко Олекминского района (1112 чел.), с. Томтор Оймьконского района (1175 чел.), Юрюнг-Хая (1179 чел.) Анабарского района и Хатыстыр Алданского района (1691 чел.). К этой категории относятся: с. Ербогачён — административный центр Катангского района Иркутской области (1939 чел.) и посёлок городского типа Сеймчан Среднеканского городского округа Магаданской области. Село Хатанга Таймырского долганоненецкого муниципального района Красноярского края и село Саскылах — центр Анабарского улуса имеют численность свыше 2000 чел., р.п. Охотск — свыше 3000 чел., а п. Тура и г.Билибино — свыше 5000 чел.

Типология по вышеприведённым градациям показала, что большинство поселений попадают в шкалу от 200 до 1000 чел., что не отображает действительной картины людности поселений, в которых проживают коренные малочисленные народы Севера. Расселение коренных малочисленных народов Севера сложилось в советский период в результате коллективизации, поселкования и перевода кочевого населения на оседлый образ жизни. До этого ареал расселения малочисленных этносов охватывал обширные районы, где они проживали дисперсно небольшими группами, меняя местоположение по сезонам. Населённые пункты, в которых они проживают в настоящее время это в основном бывшие центры и отделения совхозов и/или колхозов. Большая часть населённых пунктов, в которых проживают малочисленные народы Севера являются сельскими поселениями. Типология поселений по численности жителей в свою очередь связана с производственными функциями поселений и типом расселения, с историей создания и экономико-географическим положением [3].

Анализ по показателям людности населённых пунктов — мест проживания малочисленных этносов — позволил выделить следующую их группировку, представленную в таблице 1.

Согласно данной типологии видно, что наибольшее количество населённых пунктов приходится на градации 201-300 (15,5%) и 301-400 (17,9%) жителей. Основную долю поселений (63,1%) составляют населённые пункты с численностью менее 500 жителей.

В 2021 г. общая численность населения в рассматриваемых 85 поселениях составляла 54882 чел., из них 20,0% проживает в двух поселениях с градацией свыше 5000 чел., 16,6% в 6 поселениях (1001-2000 жителей),

10,8% в 7 поселениях с численностью жителей 801-1000. Соответственно, в поселениях с численностью свыше 800 жителей проживает 62,4% населения, 15,2% в пунктах с численностью 501-800 чел. и в поселениях менее 500 чел. — 22,3%.

Таблица 1

Группировка населенных пунктов по людности за 2021 г.

<i>Типология населенного пункта по людности</i>	<i>Количество населенных пунктов, единиц</i>	<i>Численность жителей в них, чел.</i>
5–50	5	142
51– 100	8	594
101–200	7	1099
201–300	13	3228
301–400	15	5068
401–500	5	2127
501–600	5	2741
601–700	4	2641
701–800	4	2966
801–1000	7	5952
1001–2000	6	9090
2001–3000	2	5101
3001–5000	1	3144
свыше 5000	2	10989

Источник: официальные сайты территориальных органов Федеральной службы государственной статистики).

Изучение изменений численности населения в 2010-2021 гг. показало почти повсеместное уменьшение жителей в них. За рассматриваемый период без постоянного населения осталось п.Каяк (рис. 1). Незначительное увеличение численности населения (до 10%) имеется в п.Сындаско на Таймыре, в г. Билибино, в якутских селах — Юрюнг-Хая, Ючюгей, Токко, Орто-Балаган, Жилинда, Походск, Саскылах и в п.Ессей Красноярского края. Значительное увеличение (20-50%) зафиксировано в с. Хатыстыр Алданского района Якутии и с.Булгин Охотского муниципального района. Рост населения на 50% и более наблюдается в с. Иня и п. Морской Охотского муниципального района Хабаровского края, с.Ербогачен Катангского района Иркутской области.

Таким образом, анализ размещения населения в пунктах проживания коренных малочисленных народов Севера показывает подверженность к

оттоку населения из них. Предпринятая типология пунктов проживания малочисленных этносов по людности дает возможность выявить процесс поляризации их расселения. Дальнейшее направление исследований предполагает выявление взаимосвязи людности поселений от их производственных функций и транспортной доступности.

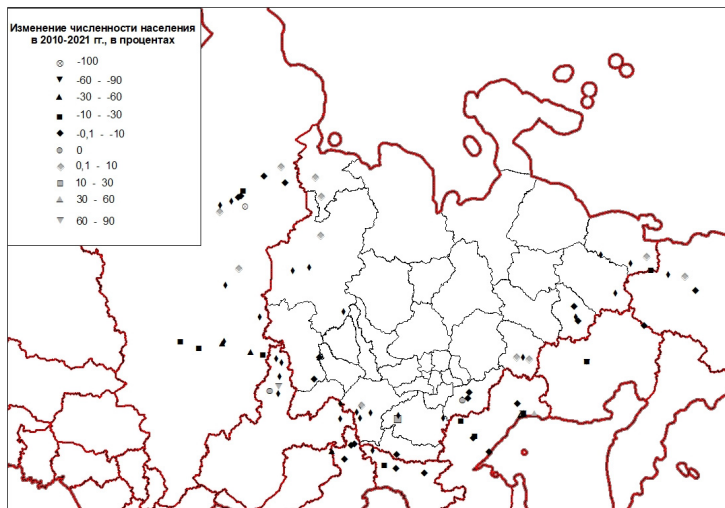

Рис. 1. Динамика населения в пунктах проживания коренных малочисленных народов Севера в смежных с Республикой Саха (Якутия) регионах в 2010-2021 гг., в %

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации».
2. Филиппова В.В. Расселение коренных малочисленных народов сопредельных с Якутией субъектов Российской Федерации: история и современность // Genesis: исторические исследования. 2021. № 12. С. 1-15. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.12.36995 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36995
3. Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям людности // Региональные исследования. 2013. №2 (40). С.37-42.

Victoriya V. Filippova

*Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North SB RAS;
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk*

SETTLEMENTS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH: TYPOLOGY BY THE POPULATION

***Annotation.** The article presents a typology of settlements of the indigenous peoples of the North by population. The study area is adjacent to Sakha Republic (Yakutia) region-sof Russia. A total of 85 settlements were analyzed. The analysis of population changes in them in 2010-2021 was carried out, which showed the susceptibility to population outflow from them.*

***Keywords:** indigenous peoples of the North, settlements, Yakutia.*

УДК 911

Хуснутдинова С.Р., Касимов Д.И.

Казанский федеральный университет, г. Казань

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ЗА ПЕРИОД 2010-2021 гг.

***Аннотация.** Статья посвящена анализу динамики городского и сельского населения Казанской экономической зоны, включающей Казанскую агломерацию и занимающей около половины территории Республики Татарстан. Показано, что рост численности городского населения муниципальных районов наблюдается ближе к столице республики — г.Казани.*

***Ключевые слова:** городское население, сельское население, город, агломерация, Республика Татарстан.*

Современные урбанизационные процессы имеют глобальный характер и несмотря на то, что разные регионы мира находятся на разных этапах урбанизационного развития, общий тренд на усиление роли городов в социально-экономических и демографических процессах уже не требует дополнительных подтверждений — мир стал городским и более 50% населения мира сейчас горожане. Урбанизация, как процесс повышения роли городов в развитии общества, относится к числу важнейших факторов, влияющих на демографические тренды нашего времени, и определяет не только изменение численности населения урбанизированных территорий, но и меняет образ жизни общества и мир в целом. Вопрос о том, как проявляются глобальные процессы на локальном уровне, является одним из сложных и всегда актуальных для научных исследований. Понимание того,

каким образом изменилась система расселения того или иного региона позволяет понять насколько выявленные глобальные закономерности действительно являются глобальными — то есть влияющими на отдельные территории в тот или иной период времени. Именно поэтому целью исследования явилось изучение процессов расселения городского населения на примере ведущей социально-экономической зоны Республики Татарстан — Казанской экономической зоны [1].

Согласно Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, в республике выделены три экономические зоны: Казанская, Камская и Альметьевская. В Стратегии приведено экономическое районирование, отличающееся от предыдущих версий. Ранее административные (муниципальные) районы объединялись в 6 экономических районов — Северо-Западный, Северо-Восточный, Юго-Восточный, Закамский, Предкамский, Предволжский.

Помимо введения в управленческий, а затем и научно-практический оборот терминов «экономическая зона» для обозначения крупных территориальных социально-экономических участков республики, Стратегия РТ-2030 обозначила и тем самым закрепила в риторике управления территорией региона понятие агломерация. Три региональные агломерации выступают в качестве центров социально-экономической жизни соответствующих зон и носят те же названия, что и экономические зоны, в которых они располагаются — Казанская, Камская и Альметьевская.

Как известно, агломерации являются современной формой расселения населения, при котором возрастает влияние городов-ядер на другие населенные пункты, а также увеличиваются потоки перемещений между населенными пунктами людей, товаров, услуг, информации. Одним из показателей, характеризующих лидерство территории в социально-экономическом плане является рост численности населения по сравнению с другими территориями. Изучение динамики численности населения Казанской экономической зоны, как крупнейшей по территории среди трех агломераций и имеющей центром столицу республики г.Казань является предметом исследования.

В пространственной структуре Казанской экономической зоны выделяются Казанская агломерация и пояс формирующего влияния Казанской агломерации, состоящих из трех подзон: Предкамской, Закамской и Предволжской [1].

В границах Казанской экономической зоны находятся 10 городов: городской округ Казань, Зеленодольск, Буинск, Лаишево, Тетюши, Болгар, Чистополь, Арск, Кукмор и Мамадыш [2].

Для наглядного понимания территориального распределения внутри Казанской экономической зоны и Казанской агломерации, нами была составлена карта муниципальных районов с городским и сельским типом административного центра

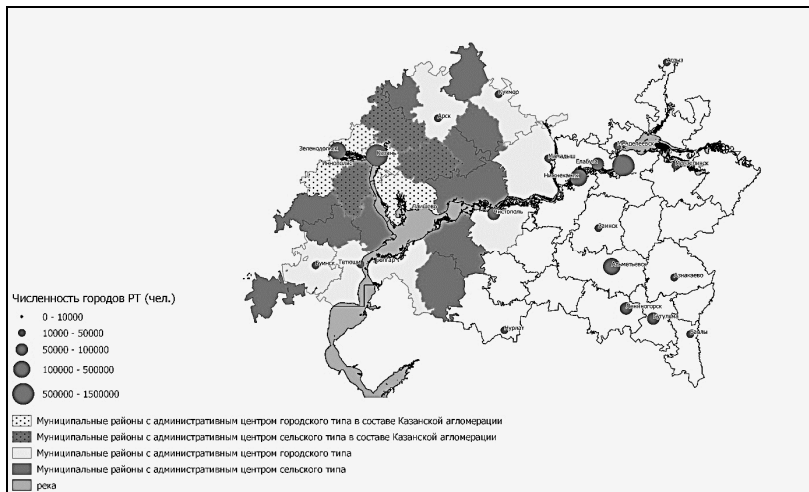

Рис. 1. Карта муниципальных районов Казанской экономической зоны Республики Татарстан

Составлено авторами на основе статистических данных [3,4].

По данным переписей населения (за 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г., 2002 г., 2010 г.) доля городского населения в Республике Татарстан увеличивалась. Большая часть городских жителей сосредоточена в столице и городах с населением 100 тыс. человек и более [4].

Таблица 1

Изменение численности городского населения муниципальных районов Казанской экономической зоны с городским административным центром за период 2010-2021 гг. (чел.).

Муниципальные районы	Год			
	2010г.	2015г.	2020г.	2021г.
1	2	3	4	5
Зеленодольский	122085	123942	124533	124272
Лаишевский	7668	8228	8773	8854
Арский	18083	19682	20383	20219

1	2	3	4	5
Кукморский	16917	17479	17796	17790
Буинский	20353	20854	20416	20093
Тетюшинский	11596	11449	10991	10804
Спасский	8632	8542	8230	8139
Чистопольский	60126	61110	59446	58771
Мамадышский	14433	15528	15880	15822

Составлено авторами по [3, 4].

Как показывают данные, рост численности городского населения наблюдается в Зеленодольском, Лаишевском, Арском, Кукморском, Мамадышском районах. В таких районах, как Буинский, Тетюшинский, Спасский, Чистопольский наблюдается уменьшение доли городского населения за тот же временной период. Прослеживается яркая географическая закономерность — население растет в тех районах, которые не отделены от Казани речными «барьерами» — Волгой и Камой. И если до начала 90-х годов прошлого века на Волге и Каме было активное судоходство, то позднее и до настоящего времени регулярное судоходство и пассажирское, и грузовое практически в упадке, а основным транспортом перемещений стал автомобильный.

В 2021 г. рост численности городского населения по сравнению с 2020 годом наблюдается только в Лаишевском районе, а также в самой Казани.

Таблица 2

Изменение численности сельского населения муниципальных районов Казанской экономической зоны с городским административным центром за период 2010-2021 гг. (чел.)

Муниципальные районы	Год			
	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Зеленодольский	36466	39618	41382	41320
Лаишевский	28847	30744	38650	42050
Арский	33583	32593	30908	30367
Кукморский	35103	33870	33044	32858
Буинский	25100	23413	21171	20661
Тетюшинский	13278	11992	10593	10256
Спасский	11921	11126	10369	10232
Чистопольский	20042	18094	16229	15920
Мамадышский	30571	28274	25731	25336

Составлено авторами по [3, 4].

Изменение численности сельского населения в муниципальных районах Казанской экономической зоны с городским типом административного центра происходило следующим образом. Рост наблюдается только в Зеленодольском и Лаишевском районах. Эти районы граничат с Казанью, входят в Казанскую агломерацию, где с каждым годом идет активное строительство новых коттеджных поселков и жилых комплексов. Лаишевский район в силу протяженной береговой линии Волги, значительных лесных массивов и хорошей автотранспортной связи с Казанью, а 20 веке налаженным речным сообщением, исторически является местом дачной рекреации. В 21 веке дачи значительно меняются и становятся «вторым домом».

Районы, удаленные на более значительное расстояние от Казани, теряют сельское население — снижение численности сельского населения наблюдается в Арском, Кукморском, Буинском, Тетюшинском, Спасском, Чистопольском и Мамадышском районах. Существенное снижение доли сельского населения показывает Чистопольский и Мамадышский район.

Анализируя динамику изменения численности населения, необходимо отметить значительную разницу между трендами изменения численности сельского и городского населения как в муниципальных районах с преобладанием городского населения, так и в районах, где значительную долю составляет сельское население.

Таким образом, анализ статистической информации показывает неравномерный рост численности городского населения в муниципальных районах с городским типом административного центра. Те районы, где происходит рост доли городского населения находят ближе или входят в Казанскую агломерацию, что можно объяснить «стягиванием» населения от периферии к центру Казанской экономической зоны и агломерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm> (дата обращения: 30.01.2022).
2. Реестр административно-территориальных единиц и населенных пунктов в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.tatarstan.ru/reestr-administrativno-territorialnih-edinit-i.htm> (дата обращения: 30.01.2022).
3. Всероссийская перепись населения — 2010г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tatstat.gks.ru/folder/39222> (дата обращения: 31.01.2022)
4. Федеральная служба государственной статистики. Паспорт муниципального образования РТ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst92 (дата обращения 30.01.2022).

CHANGES IN THE DYNAMICS OF THE URBAN AND RURAL POPULATION OF THE KAZAN ECONOMIC ZONE FOR 2010-2021

***Annotation.** The article is devoted to the analysis of statistical indicators of the size of the urban and rural population of municipal districts with an urban type of administrative centres of the Kazan economic zone around the Kazan agglomeration, as one of the strategically important active points of growth in the Republic of Tatarstan. Kazan economic zone includes Kazan agglomeration and occupies about half of the territory of the Republic of Tatarstan. It's shown that the growth of the urban population of municipal districts is observed closer to the capital of the republic — Kazan.*

***Key words:** urban and rural population, cities, agglomeration, the Republic of Tatarstan.*

УДК 314.04

Щитова Н.А., Белозеров В.С., Сопнев Н.В.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ РАЗНОГО ТИПА.

***Аннотация.** Исследование посвящено анализу и выявлению особенностей демографического поведения населения в городских агломерациях разного типа Европейской России на основе материалов полевого социологического исследования.*

***Ключевые слова:** городская агломерация, демографическое поведение, социологическое исследование, репродуктивное поведение, миграционное поведение.*

Под демографическим поведением территориальных общностей людей понимается совокупность реальных или ментальных действий и отношений, складывающихся под воздействием природно-хозяйственных и социокультурных особенностей мест их постоянного проживания и влияющих на протекание демографических процессов. От характера демографического поведения людей зависит изменение численности населения. Демографическое поведение включает репродуктивное поведение, имеющее отношение к естественному воспроизводству и миграционное поведение, обуславливающее механическое движение.

Целью данного исследования является анализ и выявление особенностей демографического поведения населения в городских агломерациях разного типа. Городские агломерации рассматриваются как опорные обра-

зования пространственного развития страны, однако исследования, проведенные в рамках гранта РФФИ «Пространственно-временные диспропорции демографического развития городских агломераций разного типа в Европейской части России», показывают, что демографические процессы протекают в них неодинаково. В связи с этим достаточно четко выделяются три основных типа: агломерации с растущим населением, агломерации с убывающим населением и агломерации, численность которых меняется волнообразно.

Эмпирический материал был получен в ходе полевого социологического исследования. Объектом исследования выступило население городских агломераций-ключей: Архангельской, Ивановской, Краснодарской, Ставропольской и Кавминводской. Агломерации — ключи отличаются по ряду признаков, в первую очередь по динамике демографических процессов. Краснодарская агломерация активно растет за счет естественного и особенно миграционного движения. В Ставропольской и Кавминводской агломерациях прирост численности населения носит неустойчивый характер. Ивановской и Архангельской агломерациям присущи депопуляционные процессы.

Массовый опрос проводился методами онлайн анкетирования и демокопического интервью по той же анкете. Дополнительная информация была получена в ходе экспертного опроса. Для проведения массового опроса населения была применена неслучайная выборка, использовалось сочетание двух основных методов отбора единиц наблюдения — стихийного и основного массива. В качестве экспертов выступили ученые, работники культуры, представители муниципальных управленческих структур. Структура выборки носила квотно-географический характер. Общая выборка составила 655 чел., было опрошено 18 экспертов.

Репродуктивное поведение. Согласно результатам опроса, репродуктивные установки жителей всех агломераций носят позитивный характер. В своем большинстве респонденты предпочитают двухдетную семью (около 60%) и около 30% — трехдетную, при этом, доля респондентов, выбирающих трехдетную семью в городах-ядрах несколько ниже (25%), чем в других поселениях: в пригородной зоне она составляет 37%, а в периферийной — до 43%. В Архангельской агломерации повышена доля опрошенных с ориентацией на одного ребенка, а в Кавминводской — на многодетную семью. В Кавминводской агломерации значительно ниже доля респондентов, выступающих за однодетную семью, и отсутствовали те, кто считает бездетную семью наилучшим вариантом.

Для абсолютного большинства значимость рождения детей связана с необходимостью продолжения рода и смыслом жизни. Около 10% опро-

шенных указали в качестве важного обстоятельства «укрепление взаимоотношений между супругами» и лишь очень небольшая доля (менее 7%) считают, что рождение ребенка — это, в первую очередь, материальные трудности и ограничение личной свободы. Преобладает позитивная мотивация при решении родить детей. Только около 7% респондентов указали корыстные мотивы.

В рейтинге факторов, лимитирующих рождение детей, первое место занимает «низкое материальное положение» (44.5%), на втором месте — «необходимость сделать карьеру» (24.5%), и на третьем — «необходимость получения образования» (16.4%). Четвертое место занял фактор «плохие жилищные условия» — 12%.

Материальные притязания жителей разных агломераций различаются. Самый высокий уровень доходов, который необходим для рождения детей, назван респондентами Краснодарской городской агломерации. Более половины из них считают, что доход должен быть выше 50 тыс. руб., при этом почти 20% указывают величину более 100 тыс. руб. Наименьшая планка уровня доходов характерна для респондентов Кавминводской и Ставропольской агломераций, для которых достаточен доход в 30-40 тыс. руб. Вероятно, что материальные притязания обусловлены величиной средней заработной платы. Однозначно мнение населения по поводу достаточности государственной помощи семьям с детьми. Более 74% опрошенных считают, что материальной помощи государства недостаточно и только менее 23% однозначно одобрили действия государства. Одновременно наибольшее количество «довольных» обнаружено в Архангельской, наименьшее — в Краснодарской агломерации.

Интересно, что информированность населения о состоянии демографической ситуации в их населенных пунктах низкая. На вопрос «Как Вы думаете, в вашем населенном пункте рождаемость выше смертности?» около 45% затруднились дать ответ, а более половины дали неверные ответы.

При этом представления людей, живущих в малых, особенно сельских поселениях, в большей степени соответствуют реальному положению дел. Лучше других осведомлены о состоянии демографической ситуации жители Ивановской и Архангельской городских агломераций, знающих о том, что в их населенных пунктах отмечается депопуляция населения.

Миграционное поведение. Самая высокая доля желающих сменить в ближайшее время место своего жительства выявлена в Архангельской городской агломерации. Планируют переезд около 46% опрошенных. Наименьший процент лиц, имеющих миграционные планы (21,5%) уста-

новлен в Краснодарской городской агломерации. Среди выталкивающих факторов преобладают мотивы, связанные с низкой социальной мобильностью. Более половины опрошенных не видят перспектив для своих детей, а 46% считают невозможность своего карьерного роста. Ожидаемо повышена значимость неблагоприятных климатических условий для жителей Архангельской агломерации. Экологические выталкивающие факторы действуют в некоторых поселениях Ставропольской агломерации

География перспективных мест переезда невелика. Первые места в приоритетах занимают Москва, Краснодар (для жителей других регионов), Санкт-Петербург. В планируемых внутриагломерационных переселениях привлекательными для переезда являются города-ядра исследуемых агломераций — Краснодар, Иваново, Ставрополь, Ессентуки и Пятигорск. Исключение составил Архангельск, переехать в который не высказал желание ни один респондент.

Большинство респондентов работают в своих населенных пунктах. Маятниковые миграции максимально развиты в Кавминводской и Ставропольской агломерациях, где они составляют около трети населения. Примерно 40% из них перемещаются на личном автотранспорте. Понижена доля респондентов, использующих личный транспорт, в Ставропольской и Архангельской агломерациях. В Кавминводской широко используются электрички, в Ставропольской — общественные автобусы.

Демографическая ситуация в пределах и Архангельской, и Ивановской агломерации оценивается экспертами как неблагоприятная. Велик отток населения за их пределы. Основные выталкивающие факторы: для Архангельской агломерации — эколого-природные в сочетании с экономическими, для Ивановской агломерации — низкий уровень материального благосостояния. В обеих агломерациях отток населения не замещается внутренней миграцией. Притягивающими факторами служат наличие высших учебных заведений, действующие крупные промышленные предприятия, более высокая зарплата (пример Новодвинска и Северодвинска, Плеса и Шуи). По мнению экспертов, высокая миграционная привлекательность Краснодарской агломерации имеет свои негативные последствия (размывание региональной идентичности, утрата традиционного образа жизни, рост цен и инфраструктурные издержки).

Качественные мигранты, по мнению экспертов, в ближайшее время, скорее всего, будут нужны всем. Выигрывать конкуренцию будут экономически развитые поселения с крупными современными промышленными производствами, с развитой сферой обслуживания. Миграционная полити-

ка, по их мнению, должна носить селективный характер, в числе основных критериев следует учитывать наличие профильного образования.

По мнению экспертов, демографическую ситуацию можно улучшить за счет создания новых рабочих мест. Создание комфортной городской среды, развитие социальной инфраструктуры может способствовать привлечению и удержанию активных молодых людей.

Проведенное исследование позволило получить новую эмпирическую информацию, позволяющей разработать аргументированные управленческие решения в области региональной демографической и миграционной политики.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №20-05-00386 А «Пространственно-временные диспропорции демографического развития городских агломераций разного типа в Европейской части России».

The study was carried out in the framework of RFBR grant No. 20-05-00386 A “Spatial and temporal disproportions of demographic development of urban agglomerations of different types in the European part of Russia”.

Natalia A. Shchitova, Vitaliy S. Belozerov, Nikolay V. Sopnev

North Caucasus Federal University, Stavropol

COMPARATIVE ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF TERRITORIAL COMMUNITIES OF PEOPLE IN URBAN AGGLOMERATIONS OF DIFFERENT TYPES.

Annotation. *The research is devoted to the analysis and identification of demographic features and features of demographic behavior of the population in urban agglomerations of different types of European Russia based on the materials of a field sociological study.*

Keywords: *Urban agglomeration, demographic behavior, sociological research, reproductive behavior, migration behavior.*

СЕКЦИЯ 3
СОВРЕМЕННЫЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ,
РЕСУРСНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

УДК 332.14, 911.375

Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю.,
Калиновский Л.В., Медведникова Д.М.,
Чуженькова В.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва*

**КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РОССИИ В ПЕРИОД 2015-2020 гг.**

***Аннотация.** Исследование посвящено комплексному анализу социально-экономического развития городов России в 2015-2020 гг. Результаты свидетельствуют, что сохраняется высокий уровень дифференциации городов по уровню развития с явным отрывом столичных агломераций. Среди наиболее острых проблем развития городов страны на современном этапе: дефицит демографических ресурсов для количественного роста; медленная постиндустриальная трансформация вместе с дефицитом инвестиций для развития крупных и средних предприятий; низкий уровень бюджетной самостоятельности и дефицит бюджетных ресурсов для реализации проектов развития.*

***Ключевые слова:** Города, городские агломерации, экономическое развитие, экономический рост, городская инфраструктура, социальное развитие, человеческий капитал, городская среда.*

Города России на современном этапе являются одной из ключевых ставок социально-экономического развития страны и регулярно становятся предметом обсуждения в научных и управленческих кругах. В последние годы внимание к изучению городов страны заметно повысилось, однако из-за труднодоступности данных исследователи развития российских городов, их актуального состояния и особенностей социально-экономической динамики зачастую ограничиваются анализом отдельных кейсов или небольших групп городов конкретных территорий.

К одной из первых работ, посвящённых комплексному анализу социально-экономического развития российских городов, можно отнести исследование А.И. Трейвиша и Т.Г. Нефедовой конца 90-х гг. Из 1090 городов, существовавших на тот момент, авторам удалось рассмотреть 940, оценить

их уровень развития и предложить типологию [1]. Помимо работы А.И. Трейвиша и Т.Г. Нефедовой [2], столь же большое количество городов не было рассмотрено более ни в каких исследованиях, тогда как анализ социально-экономической ситуации по небольшим выборкам городов проводятся регулярно. Значительное количество исследований российских городов, преимущественно с населением более 100 тыс. чел., проводятся на регулярной основе Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафроновым [3]. Вопросы развития городов и городских агломераций в России широко освещаются в исследованиях Г.М. Лаппо [4], П.М. Поляна [5], А.Г. Махровой [6, 7]. Исследование городов Азиатской части России в последние годы проводил Е.В. Антонов [8], специалисты фонда «Институт экономики города» акцентировали своё внимание на изучении региональных столиц [9], М.С. Гунько является автором серии исследовательских работ, посвящённых малым городам [10]. Значительный объём исследовательской литературы посвящён проблемам развития моногородов [11].

Научных работ с комплексным анализом всех городов Российской Федерации в последние годы написано не было. Данное исследование призвано заполнить этот пробел и объединило в себе обзор современного состояния и динамики развития различных сфер жизни всех городов нашей страны.

Ввиду особенностей ведения статистики в России (а именно тем, что преобладающее большинство статистических показателей собирается не по населённым пунктам, а по муниципальным образованиям) объектом данного исследования стали муниципальные образования Российской Федерации, на территории которых расположены городские населённые пункты. Стремление провести комплексный анализ социально-экономического развития всех городов России независимо от размеров и вклада в экономику страны заметно ограничило набор рассмотренных статистических показателей, однако авторам удалось собрать данные по всем ключевым сферам городской жизни, а именно по таким тематическим блокам, как: население, рынок труда, доходы населения, инвестиции в основной капитал, торговля и платные услуги, рынок жилья и бюджетная ситуация.

Итого в рамках исследования была сформирована база данных из 40 статистических показателей за 2015-2020 гг. для 1032 муниципальных образований, на территории которых располагаются города («городские» муниципальные образования). Неполнота и низкая достоверность данных БДМО Росстата и других источников позволила собрать сведения лишь по 1032 «городским» муниципальным образованиям из 1041. При этом точное количество рассматриваемых в анализе муниципалитетов различается по каждому показателю и зачастую не включает порядка 50-100 территори-

альных единиц. Однако это не мешает оценить общие тренды городского развития.

Результаты анализа собранных данных показали, что среди ключевых факторов, оказывающих значимое воздействие на направление и динамику современного развития городов России, можно выделить следующие:

Административный статус (столичность) — может оказывать как положительное влияние (выше доходы населения, лучше демографическая ситуация, образование), так и отрицательное (города со статусом региональной столицы получают меньше бюджетных трансфертов).

Агломерационный фактор — обеспечивает более высокий миграционный прирост, активность в строительной отрасли и концентрацию бюджетных налоговых и неналоговых поступлений.

Людность города: чем крупнее город — тем наблюдается более устойчивая динамика его социально-экономических показателей в целом, однако повышенные издержки на ведение бизнеса и более активная федеральная и региональная поддержка развития отстающих территорий, объясняют их пониженную инвестиционную привлекательность. Малые и средние города, хоть и получают больше трансфертов, не могут справиться с устойчивым сокращением населения и низким уровнем доходов.

Специализация города — определяет динамику отгрузки товаров и инвестиций, а также состояние рынка труда.

Региональные институциональные условия — оказывают существенное влияние на бюджетную ситуацию в городах (на их бюджетную обеспеченность и самостоятельность).

Среди ключевых тенденций социально-экономического развития городов выявлен дефицит демографических ресурсов для количественного роста городов. Пандемия коронавируса заметно усугубила ситуацию. За весь рассматриваемый период прирост численности городского населения составил 1,3 млн чел., несмотря на сокращение по стране в 2018-2020 гг., а доля городов в населении страны выросла на 0,6%. При этом численность населения малых и средних городов устойчиво сокращается (снизилась на 4,2% и 2,0% за 2015-2020 гг. соответственно). Сокращение числа жителей было зафиксировано в 73% российских городов.

Кроме негативной количественной динамики населения городских муниципалитетов страны, происходит заметное изменение его структуры. За счёт роста ожидаемой продолжительности жизни и снижения темпов рождаемости происходит старение населения и заметное превышение доли жителей старше трудоспособного возраста над молодёжью. В России повышено число городов с низкой долей молодого населения в сравнении с нормальным распределением, что также является тревожным фактом.

Помимо отсутствия человеческого капитала, наблюдается дефицит финансовых ресурсов развития у всех городов страны. Он отражается на низком уровне бюджетной самостоятельности и дефиците бюджетных ресурсов для реализации проектов развития. В среднем по городским округам с городами доля налоговых и неналоговых доходов составляет 35,9%, а среди безвозмездных поступлений более 56% занимают субвенции. Города не распоряжаются большей частью своего бюджета.

Ещё одной тенденцией развития городов заключается в сохранении высокой и стабильной дифференциации городов по уровню развития и возрастающей гиперцентрализации населения и ресурсов в столичных агломерациях. Наиболее ярко это отражается на динамике объёма инвестиций и объёмах вводимого жилья. Москва и Санкт-Петербург остаются локомотивами развития страны, тогда как остальные города, в т.ч. города-миллионники, заметно от них отстают.

Наиболее заметное ухудшение экономической динамики отмечается в крупных и крупнейших городах: в последние несколько лет для них наблюдается замедление инвестиционной активности и снижение бюджетной обеспеченности. Особенно заметно это проявилось в таких городах-миллионниках как Омск, Волгоград, Самара, Нижний Новгород.

Происходит изменение пространственной локализации роста. Ближний пояс некоторых городских агломераций демонстрирует опережающие темпы роста по сравнению с ядром. Также отмечается ускорение социально-экономического развития курортных и рекреационных городов.

Сопоставляя результаты анализа с выводами других исследователей российских городов, стоит отметить, что ключевые закономерности развития в 2015-2020 гг. практически не отличаются от тенденций, характерных для 2010-х гг. в целом. Так, например, усиление концентрации ресурсов в столичных городах продолжается, тогда как в ряде крупнейших городах наблюдается кризис социально-экономической ситуации. Общий уровень дифференциации российских городов, при исключении Москвы и Санкт-Петербурга, остаётся практически неизменным.

Полученные наработки в дальнейшем могут использоваться в качестве базы для регулярного обновления данных по городам России, ведения мониторинга социально-экономического развития на муниципальном уровне. Это будет способствовать принятию грамотных управленческих решений на различных иерархических уровнях власти в целях ускорения развития российских городов и страны в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. «Сильные» и «слабые» города России //Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998. С. 135-145.

2. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2(28). С. 42-57.
3. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 39-51.
4. Лаппо Г. М. География городов. Владос, 1997.
5. Полян П. М. Территориальные структуры-урбанизация-расселение. Новый хронограф, 2014.
6. Махрова А. Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. №. 4.
7. Антонов Е. В., Махрова А. Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наднагломерационного уровня в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. №. 4. С. 31-45.
8. Antonov E. V. Demographic and economic asymmetry of urban development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991–2014 // Regional Research of Russia. 2018. Vol. 8, no. 1. P. 16–33.
9. Рейтинг столичных городов России от Фонда «Институт экономики города» [Электронный ресурс]. URL: http://www.urbanomics.ru/research/analytics/rating_city_IUE.
10. Гунько М. С. Малые города центральной части Европейской России: состояние и роль в организации пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. №. 2. С. 43-52.
11. Землянский Д. Ю., Ламанов С. В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. №. 4. С. 69-74.

**Alexander M. Abdullaev, Dmitry Yu. Zemlyansky,
Leonid V. Kalinovskiy, Darina M. Medvednikova,
Valeria A. Chuzhenkova**

*Russian Academy of National Economy and public service
under the President Russian Federation, Moscow*

KEY TRENDS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES IN 2015-2020

Annotation. *The study is devoted to a comprehensive analysis of the socio-economic development of Russian cities in 2015-2020. The results indicate that a high level of differentiation of cities in terms of development remains with a clear separation of metropolitan agglomerations. Among the most acute problems of the country's urban development at the present stage are a shortage of demographic resources for quantitative growth; slow post-industrial transformation, together with a shortage of investments for the development of large and medium-sized enterprises; a low level of budgetary independence and a shortage of budgetary resources for the implementation of development projects.*

Key words: *Cities, urban agglomerations, economic development, economic growth, urban infrastructure, social development, human capital, urban environment.*

---

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва*

ФАКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

***Аннотация.** В статье представлен обзор экологических рисков функционирования Северного морского пути в условиях прогнозируемых климатических изменений. Реализация данных рисков может повлечь за собой значительные издержки, направленные на ликвидацию негативного влияния судоходства на морские и береговые экосистемы, затруднить достижение целевых индикаторов объема грузоперевозок.*

***Ключевые слова:** Арктическая зона Российской Федерации, Северный морской путь, экологические риски, судоходство.*

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года среди ключевых особенностей Арктической зоны, определяющих специальные подходы к ее социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности в Арктике особо отмечена устойчивая географическая, историческая и экономическая связь с Северным морским путем (СМП). Значение АЗРФ в социально-экономическом развитии Российской Федерации и обеспечении ее национальной безопасности обусловлено в том числе, как отмечается в документе, наличием СМП как транспортного коридора мирового значения, используемого для перевозки национальных и международных грузов, значение которого будет возрастать в результате климатических изменений. Объем перевозок грузов в акватории СМП, согласно прогнозу, должен возрасти до 90 млн тонн к 2030 году и до 130 млн тонн к 2035 году.

Как следует из вышесказанного, климатические изменения рассматриваются исключительно как положительный фактор развития судоходства (главным образом речь идет об облегчении ледовых условий). Однако в научной литературе [1, 2] приводится масса аргументов, подтверждающих преобладающее значение негативных эффектов от климатических изменений, в частности — обусловленных активацией опасных процессов и явлений в приполярных регионах и акватории морей. Экономическая оценка влияния этих факторов сложно осуществима ввиду высокой неопределенности, необходимости учета большого числа факторов и сложных нелинейных связей между ними.

При этом существует еще одна значимая группа рисков, связанная с климатическими изменениями и требующая экономгеографических оценок — это экологические риски, а также возникающие вследствие их реализации ущербы. Как показала катастрофа, связанная с разливом дизельного топлива в Норильске в 2020 году, ущерб от которой составил 146 млрд. рублей, экологические издержки могут быть весьма высоки и оказывать существенное влияние на социально-экономическое развитие конкретных территорий. В связи с этим возникает исследовательская задача выявления наиболее значимых экологических рисков функционирования СМП в условиях климатических изменений для целей их дальнейших количественных оценок, исходя из прогнозов увеличения объемов грузоперевозок (то есть оценок величины вероятного ущерба и издержек на проведение превентивных мероприятий). Также необходима информация о дифференциации морских и прибрежных территорий АЗРФ по уровню риска.

Итак, к ключевым факторам влияния судоходства на морские и береговые экосистемы в акватории СМП в условиях прогнозируемых климатических изменений и роста объемов перевозок можно отнести следующие:

1. Использование моторного топлива на судах. Загрязнение морского и воздушного бассейнов продуктами его сгорания. Вероятность утечек, в том числе — при бункеровке, перегрузке, авариях.

2. Транспортировка углеводородного сырья, нефтепродуктов, угля, фанштейна и пр. Угроза попадания транспортируемых грузов в море при перегрузке, авариях.

3. Радиационная опасность [3]. Вероятность аварий на атомных ледоколах, при транспортировке ядерных отходов с ПАТЭС «Академик Ломоносов», а также при возможной транспортировке энергоблока на перезагрузку. Потенциальная опасность устаревшей береговой инфраструктуры (например, разрушения вследствие таяния многолетнемерзлых грунтов отработанных радиоизотопных термоэлектрических генераторов — элементов питания маяков).

4. Сброс судовых отходов в море (эксплуатационных и грузовых, в том числе — нефтесодержащих, сточных вод, бытового мусора и пр.).

5. Шумовое загрязнение. Пространственное распределение и уровни подводного шума от судоходства различаются между периодами ледяного покрова (с ноября по май) и относительно открытым океаном (с июня по октябрь). Благодаря звукопоглощающему свойству морского льда летом уровень звука выше и за счет мелководной батиметрии Арктического бассейна распространяется он дальше, чем зимой. Тем самым изменение ледовых условий вследствие климатических изменений, а также активация судоходства, должны привести к усилению шумового загрязнения.

Исследования [4] показывают, что в настоящее время избыточный шум в акватории СМП наблюдается лишь в летний период.

6. Риск переноса инвазивных видов, в том числе — при замене судового балласта, что особенно актуально для транзитных рейсов.

7. Вероятность пожаров, взрывов, столкновений судов и пр. аварий на судах. Часть оценки экологических морских рисков заключается в оценке потенциальных экологических, а иногда и социально-экономических, последствий разливов опасных веществ с учетом чувствительности различных типов окружающей среды к ущербу, связанному с разливами [5].

8. Влияние брошенных рыболовецких сетей. Рыболовные суда зачастую осуществляют лов в запрещенных местах, заходят на акваторию заповедников, допускают сброс отходов и загрязненных вод вблизи побережья, теряют рыболовные снасти и т.д.

9. Выгрузка грузов на необорудованный берег (например, риски разливов при рейдовой выгрузке наливных грузов), активация абразионных береговых процессов и пр.

10. Проблема искусственных полыней. Искусственные полыньи, проделанные судами, могут привести к ледовому пленению китов, нарушению миграционных путей наземных млекопитающих, проходящих через морской лед и пр. [6].

11. Активация туристического освоения акватории СМП (в том числе круизного туризма) в условиях смягчения климатических условий и развития портовой инфраструктуры [7].

В первом приближении ареалы максимального экологического риска, требующие повышенного мониторинга и оценки вероятных ущербов, были выявлены по сочетанию следующих критериев:

1. Ареалы наиболее интенсивного движения судов (грузовых и пассажирских, в том числе — туристических). В основу взята информация обо всех треках кораблей в акватории СМП за 2013–2019 гг. РАМЕ (Protection of the Arctic Marine Environment, Arctic Council) и материалы отчета [8].

2. Ареалы максимального шумового загрязнения по данным [4].

3. Ареалы, прилегающие к территории морских портов, и портово-промышленных комплексов, в том числе, с учетом реализации запланированных крупных инвестиционных проектов [1].

Таким образом, исходя из перечисленных критериев, к ареалам максимального антропогенного воздействия и экологического риска можно отнести следующие территории:

1. Акватория, прилегающая к полуострову Ямал. Вероятнее всего, основная грузовая база СМП будет формироваться за счет двух проектов «Новатэка»: реализуемого с 2018 года «Ямал СПГ» и планируемого к за-

пуску в 2022-м «Арктик СПГ-2». Ведется строительство терминала СПГ и SGK «Утренний» в морском порту Сабетта и реконструкция судоходного подходного канала в Обской губе, утверждено строительство железнодорожного Северного широтного хода и подходов к нему, на котором в структуре грузоперевозок также будет доминировать газовый конденсат.

2. Западное (акватория, прилегающая к морскому порту «Енисей» (груды с Сырадасайского угольного месторождения) и морской нефтяной терминал «Порт Бухта Север» для транспортировки нефти проекта «Восток Ойл») и восточное (крупный ареал шумового загрязнения) побережье полуострова Таймыр.

3. Северное побережье Чукотского АО (ПАТЭС «Академик Ломоносов»), строительство нового терминала порта Певек (для обеспечения вывоза горнорудного концентрата Баимской рудной зоны).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-55-71003 «Быстрые изменения окружающей среды в Арктике: последствия для благополучия населения, устойчивости развития и демографии Арктического региона».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Badina S.V. Estimation of the value of building sand structure sin the context of permafrost degradation: The case of the Russian Arctic. Polar Science. 2021. Vol. 29. 100730.

2. Данилов А.И., Алексеев Г.В., Клепиков А.В. Последствия изменения климата для морской деятельности в Арктике. Лед и Снег. 2014. № 54(3). Стр. 91-99.

3. AMAP Assessment 2015: Radioactivity in the Arctic. URL: <https://www.amap.no/documents/doc/amap-assessment-2015-radioactivity-in-the-arctic/1457> (дата обращения: 20.01.2022).

4. Underwater Noise Pollution from Shipping in the Arctic Report, 2021. URL: https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2564/SAOIS203_2021_RVK_Virtual1-InfoDoc_PAME-Underwater-Noise-Arctic-Impacts-Management-Solutions-Final-Phase-1-Report.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 20.01.2022).

5. Guideline for Arctic Marine Risk Assessment. Arctic Council. URL: <https://eprp.dnvgl.com/risk/3> (дата обращения: 20.01.2022).

6. Arctic Marine Shipping Assessment 2009 Report. Arctic Council, April 2009, second printing. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/54> (дата обращения: 20.01.2022).

7. Arctic Marine Tourism Project (АМТР) Best Practice Guidelines. Arctic Council. 2015. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/414/АМТР%20Best%20Practice%20Guidelines.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 20.01.2022).

8. Arctic Marine Shipping Assessment 2009 Report. Arctic Council, April 2009, second printing. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/54> (дата обращения: 20.01.2022).

Svetlana V. Badina

*Lomonosov Moscow State University, Russian Economic University.
G.V. Plekhanov, Moscow*

ENVIRONMENTAL RISKS FACTORS OF THE NORTHERN SEA ROUTE FUNCTIONING UNDER THE CONDITIONS OF CLIMATE CHANGE

Annotation. *The article presents an overview of the environmental risks of the Northern Sea Route within projected climate change. The realization of these risks may entail significant costs aimed at eliminating the negative impact of shipping on marine and coastal ecosystems, making it difficult to achieve target indicators for the cargo transportation volume.*

Keywords: *Arctic zone of the Russian Federation, Northern Sea Route, environmental risks, shipping.*

УДК 910.1

Балина Т.А., Конышев Е.В., Поспищенко М.А.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕРМСКОГО КРАЯ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Рассматривается современное состояние легкой промышленности России как одной из старейших отраслей экономики, пережившей глубокий кризис в постсоветский период. Методологической основой работы послужил сравнительный анализ отраслевой структуры легкой промышленности Пермского края и Кировской области, выявляются общие черты. Подчеркивается значение предприятий отрасли в формировании региональных брендов. Акцентируется внимание на необходимости реновации отрасли в условиях острой конкуренции на мировых рынках индустрии моды.*

Ключевые слова: *легкая промышленность, депрессия, ресурсный регион, Пермский край, Кировская область.*

Легкая промышленность является полимасштабной, проблемной и очень интересной темой для географического изучения, по ряду причин. Во-первых, возникнув в глубокой древности, отрасль имеет яркие этапы развития, во время которых с открытием новых стран и вовлечением их в мировое хозяйство появлялись «заморские» товары, формировались отрасли международной специализации, выделялись лидеры. С освоением Великого Шелкового Пути и расцветом Эпохи Великих Географических Открытий легкая промышленность перестала быть частью натурального

хозяйства отдельных стран, а стала «активным участником» международного разделения труда.

Во-вторых, развитию легкой промышленности способствовали промышленные революции, механизация производства, развитие мировой торговли и др. факторы. Это обусловило переход от мануфактурного к фабричному производству, появление ткацких городов и регионов с сырьевой специализацией, расширение рынков сбыта и т.д. Уже к началу XX века в мире сложилась многоцентричная территориальная организация легкой промышленности, обеспечив ей важную роль в мировой и российской экономике.

В-третьих, на примере развития легкой промышленности можно рассматривать закономерности отраслевой и территориальной трансформации мировой промышленности. Теории Больших циклов Н.Д. Кондратьева и жизненного цикла продукта Р. Вернона объясняют формирование текстильных центров Европы два века назад, их кризис в середине XX века, перенос основных мощностей в развивающиеся страны на стыке тысячелетий. Данные модели являются методологической основой для изучения структурной и территориальной трансформации легкой промышленности в регионах России.

В-четвертых, в ряде стран Европы легкая промышленность, пережив глубокий кризис, находится в начале нового витка развития, преобразуется в инновационную и креативную индустрию. Глобализация и ускорение развития мирового хозяйства усилили конкуренцию между его центрами. С одной стороны, страны «Запада» остаются центрами индустрии моды, здесь формируются кластеры, базируются штаб-квартиры крупнейших транснациональных корпораций в сфере легкой промышленности. С другой стороны, стремительно активизируются новые центры мировой экономики «Востока», куда сместилось производство, ориентируясь на сырьевые рынки и дешевые трудовые ресурсы.

В условиях глобальной пространственно-структурной трансформации легкой промышленности кризис российской отрасли усугубили развал плановой экономики, утрата экономических связей по поставкам сырья, отсталость производственных мощностей и т.д. О кризисе легкой промышленности в постсоветский период опубликовано немало работ [1-3]. Особенно остры эти проблемы в Центральной России, где в малых и средних городах текстильные и швейные предприятия исторически являлись градообразующими [4, 5].

Мы обратились к диагностике состояния легкой промышленности в регионах, где она не является профильной, но исторически имеет важное значение. Пермский край и Кировская область — соседствующие субъекты с

многоотраслевой экономикой, базирующейся на добыче и переработке природных ресурсов, специализирующейся на химическом, лесозаготовительном производствах, сложном машиностроении. В советскую эпоху одновременно с тяжелыми производствами в этих регионах формировалась легкая промышленность, которая развивалась по другим «сценариям», в отличие от Центральной России.

В изучаемых регионах история развития и современная ситуация в легкой промышленности имеет много общего. Во-первых, *сложный состав* производств и их *комплексность*. Поскольку главной целью отрасли является обеспечение населения товарами народного потребления, то в условиях закрытой социалистической экономики необходимо было рационально организовать производство, «равномерно» распределив их по городам регионов, в том числе соседствующих. Так, в Пермском крае особое развитие получили швейная, текстильная, трикотажная, чулочно-перчаточная и коженно-обувная подотрасли, а также производство игрушек, галантерейных товаров и др. Производство тканей опиралось как на сырьевой фактор (льноводство Коми-Пермяцкого автономного округа обеспечивало льнокомбинат в Кудымкаре), так и на внедрение современных технологий (создание крупнейшего в стране Комбината шелковых тканей в г. Чайковский).

Развитию легкой промышленности в Кировской области так же способствовали наличие собственного сырья (лён-долгунец, кожи, меха) и обеспеченность рабочей силой. В середине XX в. отрасль была одной из главных отраслей специализации области, создавая треть от общей стоимости готовой продукции.

Во-вторых, отличительной чертой размещения предприятий легкой промышленности в наших регионах было то, что они создавали необходимый *гендерный баланс* на рынках труда. Возникнув как поселения вокруг промышленного предприятия, большинство «городов-заводов» использовали тяжелый физический труд, преимущественно мужские трудовые ресурсы. Легкая промышленность, используя женские трудовые ресурсы, создавала рабочие места и позволяла решать проблемы трудоустройства.

Третья и очень специфическая особенность легкой промышленности Кировской области и Пермского края, связана с использованием труда заключенных, что обусловлено сохранением *пенитенциарной системы*. Так, например, из 14 крупных предприятий легкой промышленности, существующих сегодня в Прикамье, шесть принадлежит системе ГУФСИН [6]. В силу этих причин превратить в креативные и инновационные эти швейные производства сложно, хотя они могут быть эффективными благодаря дешевизне трудовых ресурсов и наличию спецзаказов.

В 1990-е годы легкая промышленность Вятско-Прикамского региона оказалась в кризисе, не выдержав конкуренции с импортным «ширпотребом», еще и благодаря выгодному транспортному положению. Располагаясь на Транссибирской магистрали, Пермь и Киров стали удобными центрами для транспортировки и реализации китайских товаров, что нанесло сокрушительный удар по собственным производствам. Так, например, удельный вес легкой промышленности в структуре экономики Кировской области снизился с 16,7% в 1990 г. до 4,4% в 2000 г., а уже в 2020 г. до 2,2% в 2020 году. Несмотря на такое сокращение, область производит до 20% всех меховых изделий и около 40% кож по стране [7].

Современная легкая промышленность имеет новые векторы развития, сохраняя существующий потенциал и превращаясь в инновационный и привлекательный для инвестиций сектор экономики, который опирается на малое предпринимательство, формирование кластеров, формирующий региональный имидж [8, 9].

В Пермском крае насчитывается 70 организаций по производству текстильных изделий, 144 по производству одежды, 12 по производству кожи и изделий из кожи [10], среди которых самыми экономически и социально значимыми являются Лысьвенская чулочно-перчаточное производство («Лысьвенская мануфактура»), Верещагинская трикотажная фабрика и Чайковская текстильная компания («Чайковский текстиль»). Эти производства важны не только своей продукцией, но и существенным вкладом в формирование имиджа Пермского края. Из новых производств популярность набирает обувное производство «Трэк».

Пошив шуб и изделий из меха на протяжении десятилетий считались брендами Кировской области, где был сформирован полный цикл мехового производства. Крупнейшими предприятиями являются: «Сквирэл», «Белка Л», «Калинка-Морозовъ», «Соболь», «Кировская Меховая Фабрика»; «Кировская трикотажная фабрика»; фирма «Лель», входящая в пятерку крупнейших российских производителей детской обуви; «Вахруши — Юфть», специализирующееся на производстве кожевенных товаров, свыше 70% которых экспортируется. Особую известность получила в стране фабрика «Весна» — один из лидеров в производстве кукол в России. Ежегодно с конвейера фабрики сходит свыше миллиона кукол, игрушек из меха, а также развивающие игры и предметы детского творчества.

Таким образом, Пермский край и Кировская область имеют достаточно оснований для реновации данной отрасли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Губайдуллина И.Н. Проблемы развития легкой промышленности в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 2 (7). 2015. С. 87-93.
2. Шевченко О.Ю. Легкая промышленность: характеристика, проблемы // Проблемы и перспективы развития лёгкой промышленности и сферы услуг. Материалы Всерос.науч.-практ. конф. с междунар. уч. ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса». 2015. С. 62.
3. Красильников Д.Г., Урасова А.А. Развитие легкой промышленности в Пермском крае в современных условиях: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2016. № 2(29). С. 135–144.
4. Смирнов И.П. Средние города Центральной России. Тверь. 2019.
5. Крайкина Е.А., Никитина Л.Н. Сравнительный анализ развития текстильной и швейной промышленности (по данным Центрального и Северо- Западного федеральных округов) // Вестник молодых ученых Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2018. № 1. С. 454-459.
6. Российский союз предпринимателей текстильной и легкой промышленности URL: <https://www.souzlegprom.ru/ru/privolzhs kij-federalnyj-okrug.html> (дата обращения: 10.10.2021).
7. Алалыкина Г.М., Алалыкина И.Ю., Чкерыншев К.А. Экономика региона (территория, население и хозяйство Кировской области). — Киров: Вятский государственный университет, 2013. — 328 с.
8. Концепция развития легкой промышленности // Минпромторг РФ. — URL:[https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Kontseptsiya_razvitiya_legk_ou_promyshlennosti\[2\].pdf](https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/Kontseptsiya_razvitiya_legk_ou_promyshlennosti[2].pdf) (дата обращения: 10.10.2021).
9. Дмитриев Ю.А., Коных Б.А., Спирина Е.М., Шустров Л.И. Роль кластеров в развитии текстильной и легкой промышленности субъектов Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 1. № 11. С. 64-70.
10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. Пермьстат. URL: <https://permstat.gks.ru/storage/mediabank/DB2DaJNd/10.1.html> (дата обращения: 10.10.2021).

Tatyana A. Balina, Evgeniy V. Konyshev, Maria A. Pospishenko

Perm State National Research University, Perm

LIGHT INDUSTRY OF THE PERM KRAI AND KIROV REGION: DEVELOPMENT FEATURES

***Annotation.** The current state of light industry in Russia is considered as one of the oldest sectors of the economy that has experienced a deep crisis in the post-Soviet period. The methodological basis of the work was a comparative analysis of the sectoral structure of the light industry of the Perm Territory and the Kirov Region, common features are revealed. The importance of industry enterprises in the formation of regional brands is emphasized. Attention is focused on the renovation of the industry in the face of intense competition in the world markets of the fashion industry.*

***Key words:** light industry, depression, resource region, Perm region, Kirov region.*

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕХНОГЕННОГО РИСКА

***Аннотация.** В научном и практическом дискурсе относительно редко встречаются подходы к классификации отраслей по степени техногенной опасности, большая часть связана с классификацией предприятий. В географических исследованиях часто возникают задачи, требующие быстрых и унифицированных оценок уровня риска на конкретной территории в зависимости от ее отраслевой структуры. Для решения подобного рода задач в работе предложен методический подход к классификации отраслей по степени техногенной опасности, апробация которого проводится на примере Москвы.*

***Ключевые слова:** техногенные риски, уязвимость территориальных социально-экономических систем, техногенно опасные отрасли, техногенно опасные предприятия.*

Понятие техногенной опасности отдельного объекта или отрасли в настоящее время трактуется очень широко. В разных исследованиях техногенная опасность характеризуется с различных позиций, по-разному определяются объекты, на которые направлено опасное воздействие: от персонала предприятий до окружающей среды в целом. Большинство исследований, главным образом зарубежных, рассматривают техногенную опасность как часть понятия техногенного риска.

История развития вопроса, законодательная база и существующие исследования по теме. Первые нормативно-правовые акты (НПА), в которых формулируется определение опасных производственных объектов, возникают в СССР во время развития 3-го и 4-го технологических циклов Кондратьева, причем постепенно их количество и охват новых отраслей расширяется — возникает множество отраслевых НПА.

В современном российском **законодательстве** основным является Федеральный закон "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" от 21.07.1997 N 116-ФЗ [1], который регламентирует основные подходы к определению опасных производственных объектов и разделению их по 4-м классам опасности. Опасные производственные объекты вносятся в соответствующий реестр Ростехнадзором, тем не менее, он не представлен в открытом доступе, что методически усложняет исследования техногенной опасности.

Закон дополняется действующим СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 "Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов" [2], в приложении к которому дается классификация различных типов объектов по степени опасности и соответствие каждого из 5-ти классов опасности определенному радиусу санитарно-защитной зоны (СЗЗ). Также существует классификация видов экономической деятельности по классам профессионального риска [3].

В научных исследованиях, помимо того, что преобладают работы, посвященные классификации опасных объектов, а не отраслей, наблюдается четкое их разделение на две группы.

Первая группа исследований, написанная в основном специалистами технического или иного профиля, опирается на понимание опасности, большее соответствующее существующему законодательству, и уделяет основное внимание безопасности персонала. Основным объектом исследования в них является промышленное предприятие, соответственно, какие-либо полные классификации объектов и тем более отраслей не встречаются, хотя есть интересные методики расчета техногенной опасности [4, 5].

Вторая группа работ, написанная, как правило, экологами и физико-географами, использует более широкий подход — рассматривает опасность для окружающей среды, из которой человек не исключается. Здесь уже встречаются определенные классификации отраслей и предприятий [6, 7]. В географических исследованиях всю территориальную социально-экономическую систему невозможно представить совокупностью предприятий как микроэкономических объектов, поэтому необходимо выходить на более высокий уровень обобщения — отраслевую структуру экономики, к которому оправдано применять классификации.

Высокую полезность для данного исследования имеют эмпирические исследования, главным образом, различного рода отчеты о чрезвычайных ситуациях, где дается их отраслевая разбивка, а также структура производственных объектов по классам опасности, соответственно, представляется возможность сравнивать отрасли друг с другом по степени техногенной опасности. К таковым можно отнести ежегодный Государственный доклад МЧС России [8]. Подобные отчеты существуют и за рубежом [9, 10].

Классификация отраслей по степени потенциальной техногенной опасности

Классификация видов деятельности по степени потенциальной техногенной опасности была произведена исходя из существующих законодательных, теоретических, эмпирических классификаций отраслей, предприятий, опасных веществ.

Классификация промышленных видов деятельности приведена в Таблице 1. Большая часть отраслей сельского хозяйства и сферы услуг, за некоторыми исключениями: отдельные виды транспорта (49, 51) и научные исследования и разработки (72.1), отнесена к классу низкой опасности.

Таблица 1

Сокращенная классификация промышленных видов экономической деятельности по степени потенциальной техногенной опасности

<i>Классы техногенной опасности</i>		
<i>Высокий</i>	<i>Средний</i>	<i>Низкий</i>
05. Добыча угля 19. Производство кокса и нефтепродуктов 20. Производство химических веществ... 22. Производство резиновых и пластмассовых изделий 24. Производство металлургическое 35. Обеспечение электрической энергией...	06. Добыча нефти и природного газа 07. Добыча металлических руд 10. Производство пищевых продуктов 12. Производство табачных изделий 17. Производство бумаги... 21. Производство лекарственных средств... 23. Производство прочей неметаллической минеральной продукции 25. Производство готовых металлических изделий... 27. Производство электрического оборудования 28. Производство машин и оборудования... 30. Производство прочих транспортных средств... 36. Забор, очистка и распределение воды 37. Сбор и обработка сточных вод 38. Сбор, обработка и утилизация отходов...	01-03 (Раздел А). Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство... 08. Добыча прочих полезных ископаемых 09. Предоставление услуг в области добычи... 11. Производство напитков 13. Производство текстильных изделий 14. Производство одежды 15. Производство кожи... 16. Обработка древесины... 26. Производство компьютеров, электронных... 29. Производство автотранспортных средств... 31. Производство мебели 32. Производство прочих готовых изделий 33. Ремонт и монтаж машин и оборудования 39. Предоставление услуг в области ликвидации...

Источник: составлено авторами

Апробация методики на примере Москвы. В целях апробации методики была произведена классификация предприятий г. Москвы по степени потенциальной техногенной опасности в соответствии с их принадлежностью видам экономической деятельности. С участием авторов ранее был подготовлен ряд работ по оценке уязвимости наличного населения Москвы

к техногенным опасностям [11, 12, 13], в которых, с использованием данных сотовых операторов, установлено, что в ареалах воздействия потенциально опасных предприятий в Москве ежедневно находятся сотни тысяч человек.

Информация о предприятиях, действующих на территории Москвы, была получена двумя способами. Первым источником данных послужила выборка компаний, зарегистрированных в Москве, сформированная в СПАРК. Из нее были выбраны предприятия, относящиеся к видам деятельности среднего и высокого классов опасности. Для них был уточнен адрес производства в Москве, соответственно, были исключены компании, не имеющие производства в городе, а лишь зарегистрированные здесь. Вторым источником информации стал ГИС-слой с санитарно-защитными зонами (СЗЗ) из Генплана г. Москвы, который был наложен на картографическую основу OpenStreetMap, на которой отображена значительная часть крупных и средних предприятий Москвы. Для выявленных таким способом предприятий в СПАРК были собраны данные об их отраслевой принадлежности, численности занятых, некоторые финансовые показатели. После этого предприятия были классифицированы по степени техногенной опасности в зависимости от отраслевой принадлежности.

Основные финансово-экономические показатели предприятий Москвы, отнесенных к среднему и высокому классам опасности отражены в табл. 2.

Таблица 2

Основные экономические показатели предприятий, имеющих вид деятельности, отнесенный к среднему или высокому классу техногенной опасности

<i>Класс техногенной опасности</i>	<i>Среднесписочная численность работников, тыс. чел.</i>	<i>Стоимость основных фондов, млрд руб.</i>	<i>Неотрицательная валовая прибыль, млрд руб.</i>
Высокий	21,9	876,2	47,1
Средний	209,5	700,1	298,8
Итого	231,4	1576,3	345,9

Источник: составлено авторами по данным СПАРК и сайтов компаний

Результаты отображены на карте (рис. 1). Несмотря на то, что к настоящему времени уже много московских промышленных предприятий закрыто или выведено за пределы Москвы в Московскую область и другие регионы, основные высоко- и средне-опасные предприятия располагаются по-прежнему в пределах двух колец московских промзон: кольца, протянувшегося вдоль МКЖД, с наибольшей концентрацией в северной, восточной и юго-восточной части, и в отдельных промзонах, примыкающих к МКАДу.

Рис. 1. Предприятия г. Москвы, имеющие вид деятельности, отнесенный к среднему и высокому классам техногенной опасности и санитарно-защитные зоны в Генплане г. Москвы

Источник: составлено авторами по данным СПАРК и сайтов компаний, Генплана г. Москвы

При наложении данных предприятий на санитарно-защитные зоны (СЗЗ), выделенные в Генплане г. Москвы видно, что по сравнению с расположением СЗЗ, опасные предприятия больше концентрируются в восточной и северной частях пояса промзон, примыкающего к МКЖД, а также в западной, северной и южной промзонах, примыкающих к МКАДу. В некоторых промзонах (главным образом, в южной и юго-восточной частях промзоны, примыкающей к МКЖД) видно, что значительные площади СЗЗ не заняты крупными опасными предприятиями, это является следствием процесса, когда промышленные предприятия перестают вести производственную деятельность, при этом СЗЗ этого предприятия еще не ликвидирована.

Заключение. Проведенные ранее исследования показывают, что в ареалах воздействия потенциально опасных предприятий в Москве ежедневно находятся сотни тысяч человек. Тем не менее, актуальный перечень опасных предприятий не представлен в открытом доступе, что методически усложняет процедуру оценки техногенной опасности. В проведенной работе сделана попытка выявления опасных предприятий Москвы в зависимости от их отраслевой принадлежности, то есть использован методический прием «от общего к частному», который упрощает процедуру оценки. Для этого, с учетом существующих исследований, отчетов и нормативно-правовой базы, была составлена классификация отраслей по степени техногенной опасности, далее апробированная на примере Москвы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Москвы в рамках научного проекта № 21-35-70004.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 21.07.1997 N 116-ФЗ (ред. от 11.06.2021) "О промышленной безопасности опасных производственных объектов".
2. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 "Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов".
3. Приказ Минтруда России от 30.12.2016 N 851н "Об утверждении Классификации видов экономической деятельности по классам профессионального риска".
4. Пак А. В. Оценка влияния класса опасности опасных производственных объектов на величину индивидуального риска статистическими методами //Неделя науки СПбПУ. 2020. С. 269-272.
5. Гутарев С. В. Некоторые подходы к классификации и разработке паспортов безопасности потенциально опасных объектов //Технологии гражданской безопасности. 2020. Т. 17. №. 3 (65).
6. Дьяконов К.П., Дончева Л.В. Экологическое проектирование и экспертиза: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс. 384 с. 2005
7. Шевчук Л. М., Соколов С. М. Обоснование классификации опасности промышленных предприятий и размеров санитарно-защитных зон. — 2015.

8. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году»

9. UNDRR. Global assessment report on disaster risk reduction 2019. — 2019

10. Lees F. Lees' Loss prevention in the process industries: Hazard identification, assessment and control. — Butterworth-Heinemann, 2012.

11. Бадина С.В., Бабкин Р.А., Березняцкий А.Н. Перспективы применения данных сотовых операторов в исследованиях природного и техногенного риска // Фереализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 111-126.

12. Бадина С.В., Бабкин Р.А. Оценка уязвимости наличного населения Москвы к природным и техногенным опасностям // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Т. 27. № 4. С. 184-201.

13. Бабкин Р.А., Бадина С.В., Бобровский Р.О., Михайлов А.А. Оценка уязвимости населения Москвы к угрозам природного и техногенного характера В сб.: Международный демографический форум "Демография и глобальные вызовы". Материалы форума. Воронеж, 2021. С. 731-734.

Roman O. Bobrovskiy¹, Alexey A. Pankratov²

¹Russian Economic University G.V. Plekhanov, Moscow

²Lomonosov Moscow State University, Moscow

THE CLASSIFICATION OF THE POTENTIAL HAZARD OF INDUSTRIES IN GEOGRAPHICAL STUDIES OF MAN-MADE RISK

Annotation. Approaches to the classification of industries according to the degree of man-made hazard are quite rare in scientific and practical discourse, most of them are based on the classifications of enterprises. In geographical studies tasks that require quick and unified estimations of the level of man-made risk in a particular territory, depending on its industrial structure, often arise. To solve this kind of problems we propose methodical approach to the classification of industries according to the degree of hazard. Its approbation is carried out on the case of Moscow.

Key words: man-made risks, vulnerability of territorial socio-economic systems, hazardous industries, hazardous enterprises.

УДК631.617

Быков Н.И., Шигимага А.А.

Институт водных и экологический проблем СО РАН, г. Барнаул

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛЕЗАЩИТНЫХ ПОЛОС СУХОЙ СТЕПИ КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Рассмотрены вопросы современного состояния полезащитных лесных полос сухостепной зоны на примере Алтайского края. В качестве методов исследования использованы снегомерные, таксационные, дендрохронологические и

социологические методы. Установлены факторы определяющие состояние полезащитных полос анализируемого региона. Предложены методы сохранения данных лесополос.

Ключевые слова: *полезащитные лесные полосы, сухостепная зона, Алтайский край, социально-экономические проблемы*

Демографический рост российского государства в конце XIX в. и начале XX в. потребовал вовлечения в оборот дополнительных земель, ранее неиспользовавшихся для целей растениеводства. Это, в частности, привело к сельскохозяйственному освоению сухостепной подзоны, где климатические условия создают значительные риски для земледелия. Необходимость их смягчения стали главной причиной широкого развития здесь защитного лесоразведения. Так, например, в Алтайском крае начало ему было положено во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XX в., когда были созданы специализированные агролесомелиоративные питомники в Рубцовске, Славгороде, Ключах, Волчихе, Родино, Благовещенске. Работы по созданию полезащитных лесополос не прекращались даже в годы Великой Отечественной войны. К началу 70-х гг. XX в. на всей территории края площадь лесополос достигла 91,3 тыс. га. Однако социально-экономические преобразования в постсоветский период в значительной мере изменили характер землепользования и управления полезащитными лесополосами. Инвентаризация защитных лесных насаждений, выполненная в 2011 г. показала, что их общая площадь в Алтайском крае составила 79,4 тыс. га.

Сухостепная подзона в пределах Алтайского края протянулась с севера на юг на 300 км и с запада на восток на 100 км. Территория характеризуется преобладанием сухостепных возвышенных и низменных дренированных пологоувалистых и плоских ландшафтов (70%), интразональных лесных дюнно-грядовых (20%) и низинных недренированных лугово-солонцово-солончаковых ландшафтов на озерных котловинах (10%). Низменные и возвышенные участки сухой степи примерно на 80% распаханы и представляют собой сочетание полей с сельскохозяйственными культурами, разделенные полезащитными лесными полосами. Площадь защитных лесных насаждений в сухой степи, по данным инвентаризации 2011 г. составила 24 тыс. га. Из всех сохранившихся лесополос почти 91% площади приходится на полезащитные. По породному составу доминируют тополевые (46,8%), березовые (32,9%) и кленовые (10,8%) лесополосы. Имеются также лиственничные, сосновые и прочие лесополосы.

Для понимания социально-экономической и экологической проблематики существования лесополос авторами были использованы снегомерные, социологические, таксационные и дендрохронологические методы исследования. Социологические опросы осуществлялись методом прямого интервьюирования экспертов. При этом применялось формализованное (с

заранее продуманными вопросами) и неформализованное (длительная беседа свободной формы) интервью. Эта работа представляла собой поисковое (разведывательное) исследование, целью которого является определение содержания и границ проблемных ситуаций. В число экспертов вошли фермеры, специалисты лесного хозяйства, управленцы районных администраций, экологи. Число опрошенных составляет 35 человек.

Снегомерные работы проводились в течение четырех лет (2017-2020 гг.) на полях ООО «Партнер» в Михайловском районе для проверки модели распределения снежного покрова под влиянием полезащитных лесополос. Таксационные работы были выполнены в 13 лесополосах. Их основной задачей являлось установление зависимости морфологических показателей и возраста деревьев лесополос с их санитарным состоянием. Дендрохронологические исследования выполнены в 22 лесополосах для оценки влияния климатических факторов на рост основных древесных пород лесополос.

Опрос экспертов показал, что практически все население отмечает важное значение лесополос для сельскохозяйственного производства. В литературе имеются оценки, что благодаря данным насаждениям урожайность сельскохозяйственных культур повышается на 20-30%. Это происходит за счет снижения испаряемости с полей, увеличения снеготолщины, значительного ослабления ветровой и водной эрозии почв.

Многие эксперты указывают на то, что лесополосы поддерживают биологическое разнообразие территории. Они формируют дополнительные экологические ниши для растений и животных, служат коридорами их проникновения на другие территории. Население региона использует лесополосы как источник дополнительных ресурсов (грибы, дрова, объекты охоты, заготовка березового сока и веников, площадки для размещения пчел, место для отдыха и пр.).

Опрос экспертов выявил главную проблему современного существования лесополос — отсутствие хозяина. Она возникла как результат социально-экономических изменений российского общества в 90-х гг. XX в., прежде всего, в землепользовании. При получении сельским населением земельных паев в них не включались земли, занятые лесополосами. В итоге в крае лишь 21% площади лесополос (17 тыс. га) оказался на балансе сельскохозяйственных производителей. Из них 7,7 тыс. га используется на праве постоянного пользования и 8,8 тыс. га — на правах аренды. При этом перестало осуществляться финансирование всего комплекса работ по обновлению и восстановлению полезащитных лесных полос, что привело к разрушению всей технологической цепочки — отсутствуют специализированные организации для проектирования подобных работ, научные коллективы, ведущие селекционную работу, питомники для воспроизводства посадочного материала, не ведется подготовка кадров в этом направлении и

т.д. Собственно фермерские хозяйства не имеют прямой материальной заинтересованности в сохранности лесополос, а также квалифицированных специалистов, которые бы могли профессионально поддерживать лесополосы в должном состоянии. Иногда отмечается и негативное отношение сельхозпроизводителей к лесополосам по ряду причин. Так, например, увеличение высоты деревьев с возрастом в сочетании с усилением непродуваемости лесополос из-за отсутствия должного ухода за ними приводит к усилению асимметрии в распределении снежного покрова. Наши снегомерные работы подтверждают выводы других исследователей о том, что максимум толщины снежного покрова отмечается с подветренной стороны лесополос на расстоянии равном 1-2-кратной высоте деревьев, а шлейф уменьшения его толщины фиксируется на расстоянии равном 15-20-кратной высоте деревьев. Вследствие данной асимметрии распределения снежного покрова поле в значительной мере дифференцируется по срокам сева: 30-50-метровая полоса с подветренной стороны лесополосы позже освобождается от снега и соответственно позже готова к севу. В этой связи фермерам для рационального использования земель приходится эту полосу засеивать травами, что создает дополнительные неудобства и приводит к экономическим потерям. По мнению фермеров корневая система деревьев лесополос также изымает часть влаги с поля, что для сельхозпроизводителей сухостепной подзоны является негативным фактором. Иногда можно слышать и более категоричные суждения о том, что сохранение столь необходимой влаги в почве сухостепной подзоны возможно и без лесополос, с помощью земледельческих технологий (No-Till и т.п.).

Результаты инвентаризации, таксационные и дендрохронологических исследований свидетельствуют о том, что создается угроза скорой ликвидации лесополос, поскольку деревья в них близки к своему предельному возрасту, то есть переходят в сенильную стадию своего развития. В соответствии с Правилами санитарной безопасности в лесах почти все исследованные лесополосы относятся к категории ослабленных лесных насаждений (средневзвешенный балл 1.51–2.5) и лишь одна лесополоса к категории сильно ослабленных лесных насаждений. При этом средневзвешенный балл санитарного состояния всех обследованных лесополос составляет 2.14. Установленные зависимости санитарного состояния от морфологических и возрастных показателей деревьев свидетельствует о том, что лесополосы в ближайшие 5 лет должны перейти в категорию ослабленных насаждений.

Среди других факторов, негативно влияющих на защитные лесные полосы, эксперты называют сельскохозяйственные палы, самовольную рубку и пастьбу скота.

Дендрохронологические исследования показывают, что главным фактором радиального роста древесных растений лесополос является

увлажнение в летние месяцы. Поэтому отмечаемое потепление климата, вероятно, наиболее негативно отразится на лесополосах именно сухостепной подзоны, что требует подбора засухоустойчивых пород деревьев. Наибольшими скоростями роста отличаются тополь бальзамический и сосна обыкновенная. Береза и лиственница прирастают с меньшей скоростью. При этом тополь по сравнению с сосной характеризуется более интенсивным вертикальным ростом и, следовательно, асимметрия распределения снежного покрова рядом с тополевыми лесополосами нарастает стремительней. Также тополь менее долговечен, чаще подвержен стволовой гнили. Опрошенные эксперты также высказываются о необходимости более тщательного подхода к породному составу лесополос. В сухой степи предлагается лиственные породы заменить хвойными деревьями, преимущественно сосной, естественно с учетом географических особенностей (характер почв, уровень залегания грунтовых вод и т.д.) территории.

Вопрос сохранения полезационных лесополос носит комплексный характер. На первом этапе необходимо осуществить идентификацию выполняемых ими экосистемных услуг и определить их экономическую ценность. Далее определить получателя выгоды от данных услуг и сформировать механизм платежей (компенсации) за экоуслуги. Современная ситуация перехода общества к низкоуглеродной экономике создает дополнительные возможности для этого. Проблема обновления, восстановления и создания лесополос может быть учтена в экономическом механизме торговли углеродными квотами. Однако для этого требуется правовая и экономическая проработка данного вопроса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках научного проекта №19-45-220011 p_a «Реакция полезационных лесных полос сухостепной зоны Алтайского края на изменения климата»

Nikolay I. Bykov, Anna A. Shigimaga

Institute for Water and Environmental Problems of the SB RAS, Barnaul

THE CURRENT STATE OF THE PROTECTIVE STRIPS OF THE DRY STEPPE AS AN ECOLOGICAL AND SOCIO-ECONOMIC PROBLEM

Annotation. *The issues of the current state of field-protective forest belts of the dry steppe zone are considered on the example of the Altai Territory. Snow-gauging, taxation, dendrochronological and sociological methods were used as research methods. The factors determining the state of the shelter belts of the analyzed region have been established. Methods for preserving these forest belts are proposed.*

Keywords: *field-protective forest belts, dry steppe zone, Altai Territory, socio-economic problems.*

РАССЕЛЕНИЕ И СФЕРА ОБСЛУЖИВАНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ

***Аннотация.** Территориальная организация поселенческо-расселенческой структуры характеризуется множеством факторов, определяющими являются: природно-географическая основа территории и социально-экономические условия. В данном докладе рассматривается развитие системы расселения населения Арктических территорий в ходе хозяйственного освоения и заселения от малолюдной территории.*

***Ключевые слова:** расселение, население, Арктические территории, инфраструктура.*

Арктические территории, это та часть республики, которая наименее освоенная и заселенная, частично наиболее труднодоступные местности, здесь более суровые климатические условия чем в другой части Якутии. Район занимает почти 52,1% от всей территории республики здесь проживает около 7,5% от всего населения Якутии и плотность населения арктических районов от 0,01 до 0,06 на 1 км². В нее входит 13 муниципальных образований это — Абыйский, Анабарский национальный (долгано-эвенкийский), Аллаиховский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский национальный эвенкийский, Момский, Нижнеколымский, Оленёкский эвенкийский национальный, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Быгантайский национальный и 7 из них полностью находятся за линией полярного круга.

Основными критериями причисления к арктическим районам республики является то что на этих территориях проживание населения максимально дискомфортно это обуславливается влиянием многолетнего промерзания горных пород, некоторыми социально-экономическими факторами и др. Именно здесь происходит сильная локализация хозяйственной деятельности, эти муниципальные образования в большинстве своем не имеют наземных круглогодичных видов транспорта с центральной частью Якутии.

Несмотря на это арктические территории республики развиваются и осваиваются.

Развитие расселения и социальной инфраструктуры два взаимосвязанных процесса. Если изначально формирование социальной инфраструктуры зависит от поселенческого каркаса территории, то в дальнейшем уже от

степени развитости социальной инфраструктуры происходят изменения в расселении.

История формирования расселения и социальной инфраструктуры в Якутии делится на три основных этапа: дореволюционный, советский и современный. Для современного этапа в расселении характерно преобразование поселков городского типа в сельские, снижение численности населения в городских поселениях и сокращение мелких сельских поселений.

Современный этап развития социальной инфраструктуры начался переходом от централизованной плановой экономики к рыночной, что сопровождалось приватизацией предприятий. Появляется тенденция дальнейшего возрастания ее роли в экономическом и социальном развитии общества.

Проблемы рационального размещения производственных сил тесно связаны с совершенствованием системы сельского расселения. Однако имеются факторы ограничивающие экономическое развитие, такие как отдаленность, труднодоступность, необходимость и природные условия территории. Все это непосредственно сказывается на социальном обслуживании населения, поскольку расселение определяет территориальную организацию народнохозяйственного комплекса территории, а сфера обслуживания определяет социальный уровень развития и благосостояния общества.

По временным рамкам рассмотрение в сравнении 1939 и 1959 года, в них произошли значительные изменения — это рост средних сельских поселений. За счет сокращения мелких населенных пунктов наметилось масштабное перераспределение соотношения основных групп поселений. Из 13 административных единиц 3 перешагнули 10% рубеж средних населенных пунктов по людности, начинает обживаться северо-западная часть, усиливаются межселенные связи. В 1939 г. подавляющая масса жителей были сосредоточены в пределах территорий улусных центров, плотность населения была низкой, расселение носило распыленно-дисперсный характер. К 1959 г. плотность населения значительно выросла. Об этом свидетельствуют сдвиги в распределении полей плотности расселения: сближение ареалов полей плотности, вытягивание их вдоль рек Индигирка и Колыма, увеличение «пиковых» значений полей, слияние изолиний наименьшего значения [1].

В 2021 году увеличивается численность населения и повысилась плотность населения на арктических территориях. На обширном пространстве исследуемой территории расселение все больше притягивается к долинам рек становится все более концентрированным, на фоне сокращения мелких населенных пунктов и становления средне и крупно селенной. К примеру, в Нижнеколымском улусе это, прежде всего, связано с созданием транспортного узла в низовьях р. Колымы (р.п. Зеленый Мыс).

Во всех улусах продолжается частное строительство с усадебной застройкой. Средние населенные пункты в основном застроены многоквартирными домами, но имеются и многоквартирные дома. В последние годы идут работы по развитию населенных пунктов в районах. Так, например, в 2021 году за счет всех источников финансирования введено в эксплуатацию шесть объектов культуры. По национальному проекту республики «Культура» 9 детских школ искусств оснащены музыкальными инструментами, оборудованием и учебными материалами, созданы 11 муниципальных модельных библиотек, отремонтированы 2 культурно-досуговых учреждения и 2 детские школы искусств, введен культурно-спортивный комплекс в п. Зырянка Верхнеколымского района, а 2022 г. планируется ввод этнокультурного центра в селе Жиганск Жиганского района.

Так же на выступлении главы Республики Саха (Якутия) на сессии «Устойчивое развитие северных территорий и коренных городов» на форуме ПМЭФ-2021 было сказано о региональных программах, которые стартовали на территории Якутии в 2020 г., к примеру, это «Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035» которая поможет развивать и создавать социально-экономическую структуры арктических районов республики. Чем больше расстояния между населенными пунктами, а, следовательно, меньше их густота на территории, тем большим уровнем развития учреждений социальной инфраструктуры они обладают. Это можно объяснить тем, что расположенные на значительных расстояниях поселения от других населенных пунктов более высокого ранга, в силу слабого развития расселения, вынуждены развивать все отрасли социальной инфраструктуры [2].

Так на формирование системы обслуживания групп населенных мест какого-либо региона оказывает влияние прежде всего характер расселения, размеры поселений и их производственная специализация. В условиях каждого региона, имеющего свои специфические особенности расселения, возникает своя собственная сеть учреждений обслуживания.

Исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда №21-17-00250.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яновский В.В. Человек и Север / В.В. Яновский. — Магадан, 1969.
2. Указ Главы РС (Я) №1377 от 14 августа 2020 г. «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года».
3. Статистический ежегодник РС (Я): стат.сб. / Федер. служба гос. статистики, Террит. орган Федерал. службы гос. статистики по РС (Я); [Редкол.: Т.А. Торговкина (пред.) и др.]. — Якутский край, 2021.

Galina A. Gnatyuk, Anna P. Itegelova

Northeastern Federal University

M.K. Ammosova, Yakutsk

SETTLEMENT AND SERVICE SPHERE IN THE ARCTIC PART OF YAKUTIA

***Annotation.** The territorial organization of the settlement-settlement structure is an impact that manifests itself: the natural-geographical basis of the territory and socio-economic conditions. In the course of the economic development of the population and the settlement of a sparsely populated population, the development of the system of development of the population is currently changing.*

***Key words:** resettlement, population, Arctic territories, infrastructure.*

УДК 910.3

Гонтарь Н.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ТОРГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ СО СТРАНАМИ КАСПИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

***Аннотация.** Исследуется среднесрочная трансформация географии торговли России со странами Каспия в период 2013-2020 гг., геоэкономические и геополитические факторы пространственной организации внешней торговли России в макрорегионе.*

***Ключевые слова:** внешняя торговля, Россия, Каспий, геополитика, геоэкономика.*

Введение. Внешняя торговля России служит значимым фактором формирования доходов бюджета, удовлетворения технологического и потребительского спроса, а также — элементом геоэкономического позиционирования посредством наращивания инфраструктуры экспорта и поддержания устойчивых позиций страны на мировых рынках товаров и услуг. Наращивание доходов России от торговли несырьевыми неэнергетическими товарами до 250 млрд. долл. является целью Национального проекта «Международная кооперация и экспорт» [1]. Значимую роль в формировании внешнеторговых обменов играет пространственная организация торговли, в том числе с опорой на активно развивающийся потенциал морехозяйственного комплекса РФ (включая его каспийский сегмент).

С 2014 г. ухудшение отношений России со странами Запада актуализировало поиск Россией новых направлений межстранового взаимодействия,

политику «сдвига на восток», запуск экономических союзов со странами Евразии (ЕАЭС, Таможенный союз ЕАЭС), повышение внимания к макрорегиону Каспия («Стратегия развития российских морских портов в Каспийском бассейне... до 2030 года», ряд Госпрограмм).

В этой связи объектом анализа выступили факторы, среднесрочные (2013-2020 гг.) тренды стоимостного объема внешнеторговых обменов России и стран Каспия (Азербайджан, Туркмения, Иран, Казахстан), возможности повышения роли макрорегиона во внешней торговле России.

Факторы формирования пространственной структуры внешней торговли РФ на Каспии, имеющие глобальную природу — это рост товарооборота между экономическими полюсами Евразии (Китай и ЕС), что сделало Каспий важнейшим транзитным каналом и обусловило формирование МТК в направлении Европы (ТРАСЕКА, «Экономический пояс шелкового пути»). В 2021 г. запущены контейнерные поезда по коридору Китай-Казахстан-Азербайджан-Грузия в Европу. С 2013 г. расширился Транскаспийский международный транспортный маршрут.

Долгосрочный рост цен на углеводороды с 2000-х гг. вызвал начало эксплуатации новых месторождений нефти и газа на шельфе Каспия всеми странами бассейна, развитие инфраструктуры нефте- и газопроводов в Китай, Турцию и ЕС (Баку-Тбилиси-Джейхан, КТК, Трансадриатический газопровод как элемент Южного газотранспортного коридора).

В 2020 г. и — в смягченной форме — в 2021 г. значимым глобальным фактором сокращения мировых торговых потоков стали ограничения ввиду пандемии covid-19, включавшие закрытие границ, ограничение передвижения населения и товаров между странами.

Ряд факторов сдерживает торговые обмены России в макрорегионе. Так, фактически все (кроме Азербайджана) страны выходят к Каспию своими периферийными регионами, профиль которых — преимущественно порты и добывающие мощности, обеспечение экспорта и транзита сырья. Азербайджан, несмотря на развитую крупнейшую приморскую Бакинскую агломерацию [2], во многом ориентирован на взаимодействие с Турцией. Ограничивают торговлю стран бассейна схожий профиль экономик, слабое развитие локализованных в приморских зонах несырьевых отраслей (так, обмен аграрной продукцией не формирует значимого стоимостного объема ВЭД).

Ключевые транзитные коридоры на Каспии в целом минуют Россию. Коридор Север-Юг, который пролегает по территории РФ, не находит достаточного объема грузов (запуск железной дороги Баку–Тбилиси–Карс может сформировать рост поставок из РФ в Азербайджан и Турцию).

На уровне прикаспийских регионов РФ (Астраханская область, Калмыкия и Дагестан) потенциал торговых обменов связан с демографическим потенциалом (4,4 млн чел. в 2020 г.), созданием институциональных режимов для бизнеса (ОЭЗ «Лотос» в Астрахани и портовая ОЭЗ в п. Оля; обе структуры увязаны в единый Каспийский кластер), развитием портов в Махачкале и Астрахани, судостроения, обеспечивающего как потребности компаний РФ, так и стран бассейна.

Динамика и география стоимостных параметров товарооборота РФ со странами Каспия увязаны с общероссийскими трендами внешней торговли, и обусловлены стоимостью сырьевого экспорта, что формирует и возможности импорта товаров в РФ (условным маркером служат среднегодовые цены нефти марки Brent) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика оборота и структуры внешней торговли РФ в 2013-2020 гг., млрд долл. (составлено по [3])

<i>Год</i>	<i>Оборот внешней торговли РФ</i>	<i>Экспорт</i>	<i>Импорт</i>	<i>Среднегодовые цены Brent (справочно)</i>
2013	841,3	526	315,3	108,7
2014	784,4	497,4	287	98,9
2015	526,4	343,5	182,9	52,4
2016	460,5	280,7	179,8	43,7
2017	585,3	357,8	227,5	54,2
2018	688,2	449,8	238,4	71,3
2019	668,8	424,5	244,3	64,2
2020	567,8	336,4	231,4	41,5

При максимальных за период ценах сырья в 2013 г. ВЭД РФ характеризовалась высокими объемами, тогда как падение сырьевых цен с 2014 г. значительно сократило российский импорт. В 2020 г. фактором такого сжатия явились и ограничения межстрановых коммуникаций ввиду пандемии covid-19.

Место стран Каспия во внешней торговле РФ отражает динамика их доли в экспорте и импорте РФ (табл. 2).

Все показатели характеризовались цикличностью, причем в 2020 г. рост относительной доли стран Каспия был вызван падением цен на нефть и газ (которые не составляют значимую долю в торговле на Каспии), что ситуативно повысило долю стран бассейна. Среди стран Каспия ключевым

партнером РФ является Казахстан (табл. 3). Характерно, что товарооборот РФ со странами Каспия почти постоянно уступал обороту с Турцией (более значимая доля оборота со странами за пределами бассейна обусловлена присутствием в торговле с таковыми нефти, газа и иного сырья, часто демонстрирующего значительные ценовые уровни).

Таблица 2

**Динамика доли стран Каспия в ВЭД РФ в 2013-2020 гг., %
(составлено по [3])**

Год	Доля в обороте торговли РФ	Доля в экспорте РФ	Доля в импорте РФ
2013	3,6	4,4	2,3
2014	3,6	4,1	2,9
2015	3,9	4,4	3,1
2016	3,9	4,8	2,4
2017	3,8	4,5	2,7
2018	3,3	3,6	2,8
2019	3,9	4,4	3,1
2020	4,4	5,4	3,0

Таблица 3

Динамика оборота внешней торговли РФ со странами Каспия в 2013-2020 гг., млрд долл. (составлено по [3])

Год	Азербайджан	Казахстан	Туркмения	Иран	Страны Каспия, всего	Турция (справочно)
2013	3,6	23,7	1,6	1,6	30,5	32,7
2014	4	21,7	1,3	1,6	28,6	31,6
2015	2,8	15,6	1	1,3	20,7	23,3
2016	1,9	13,1	0,7	2,1	17,8	15,5
2017	2,6	17,5	0,4	1,7	22,2	22,1
2018	2,5	18,3	0,4	1,7	22,9	25,6
2019	3,2	20,1	0,7	2,1	26,1	26,1
2020	2,9	19,1	1	2,2	25,2	20,8

Динамика стоимостного объема оборота торговли со странами Каспия отличалась сокращением долей всех стран бассейна, кроме Ирана, значимым падением оборота в 2015 и 2016 гг.

Одним из факторов торговой динамики стало преобладание в импорте РФ: из Ирана и Азербайджана — растительной продукции, из Казахстана — минеральной и химической, металлов и изделий из них, из Туркмении — текстиля и пластмасс, тогда как в экспорте РФ в страны бассейна преобладали машины и оборудование, транспорт, металлы и изделия химической отрасли. Более высокая стоимость товаров экспорта РФ, обусловила значимо большую долю стран в экспорте РФ, чем в российском импорте. Однако и динамика доли экспорта РФ в страны бассейна отличалась неустойчивостью (табл. 4).

Так, доля стран Каспия (кроме Ирана) в российском экспорте в 2013-2020 гг. сократилась. После падения экспорта в 2015-2016 г. имел место восстановительный рост экспорта в Казахстан и Туркмению, однако он не достиг уровня 2013 г.

Заключение. Нисходящая динамика и неустойчивость показателей торговли РФ со странами Каспия позволяют говорить о данном направлении внешней торговли РФ как о недостаточно освоенном. Акселерация ВЭД на данном направлении актуальна, так как может обеспечить диверсификацию как географии торговли, так и товарной структуры (с учетом отсутствия сырьевого «крена» в торговле со странами бассейна). Инструменты реализации такой политики — создание условий наращивания производства в российских регионах Прикаспия, привлечения транзитных торговых потоков в страны Каспия, условий для развития совместных производств высокого передела (что нарастит стоимость экспорта).

Таблица 4

**Динамика экспорта РФ в страны Каспия
в 2013-2020 гг., млрд. долл. (составлено по [3])**

<i>Год</i>	<i>Азербайджан</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Туркмения</i>	<i>Иран</i>	<i>Страны Каспия, всего</i>	<i>Турция (справочно)</i>
2013	2,9	17,7	1,4	1,2	23,2	25,4
2014	3,4	14,3	1,2	1,3	20,2	24,9
2015	2,3	10,8	0,9	1	15	19,3
2016	1,5	9,5	0,6	1,8	13,4	13,4
2017	1,9	12,5	0,3	1,3	16	18,7
2018	1,7	13	0,3	1,2	16,2	21,4
2019	2,3	14,3	0,5	1,5	18,6	21,1
2020	2,1	14	0,7	1,4	18,2	15,7

Значимыми могут стать также меры, стимулирующие развитие инфраструктуры и транспорта для наращивания товарообмена, «приземление» на путях транзита предприятий обрабатывающего профиля. Существенным компонентом такой стратегии является трансграничный морехозяйственный комплекс как сфера инвестиций и межгосударственных проектов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00022., <https://xn--mlafn.xn--plai/project/22-28-00022/> в Южном федеральном университете.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гонтарь Н.В. Внешнеэкономические связи российских регионов на Каспии: морехозяйственная составляющая // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиновские чтения — 2020). Матер. Всероссийской науч.-практич.конф. с между. участием. Чебоксары: ЧГУ. 2020. С. 236-242.
2. Дружинин А.Г., Исмаилов Ч.Н.О., Гонтарь Н.В. Взаимодействие России и Азербайджана в прикаспийском регионе: возможности, барьеры, приоритеты// Научная мысль Кавказа. 2021. № 3 (107). С. 25-38.
3. Экспорт и импорт России по товарам и странам. <https://ru-stat.com/>

Nikolay V. Gontar

Southern Federal University, Rostov-on-Don

RUSSIA'S FOREIGN TRADE WITH CASPIAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL AND GEOECONOMIC CHANGES

***Annotation.** The medium-term transformation of Russia's trade geography with the Caspian countries in the period 2013-2020 is being studied, factors of spatial orientation of Russia's foreign trade in the region are being analyzed.*

***Key words:** foreign trade, Russia, Caspian, geopolitics, geoeconomics.*

УДК 332.1

Горочная В.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ПРОЧНОСТЬ МОРЕХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ И КЛАСТЕРОВ В РОССИЙСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема источников обеспечения ресурса прочности морехозяйственных комплексов и кластеров. Сформированный теоретический структурный конструкт рассматривается применительно к региону российского Причерноморья.*

***Ключевые слова:** приморские регионы, Причерноморье, прочность ТПК, морехозяйственный комплекс, морехозяйственный кластер.*

Морехозяйственный сегмент российской экономики является одним из наиболее важных её звеньев, опирается на конкурентные преимущества приморских регионов и обладает дополнительными резистентными свойствами по отношению к геоэкономической турбулентности [1]. Однако проявление таких свойств возможно лишь в условиях слаженной работы и устойчивости самого морехозяйственного комплекса каждого приморского региона. В связи с этим в современной ситуации внешнеэкономической нестабильности и усиливающихся под её давлением внутренних проблем необходимо более детально изучить механизмы формирования «ресурса прочности» морской и приморской экономики.

Как и в большинстве приморских регионов мира, в России данный сектор подвержен разноплановым и протекающим с разной интенсивностью процессам кластеризации [2]; при этом ресурс прочности формирующихся кластерных структур задаётся рядом факторов, определяющих их системную эмерджентность [3]. Однако не все морехозяйственные отрасли и не все приморские регионы России развиваются по кластерному принципу [2], что обусловлено как внутренними отраслевыми закономерностями и особенностями региональной деловой среды, но и естественной для приморских зон тенденцией к взаимопереходу процессов кластеризации и комплексообразования, задаваемому ритмикой смены режимов трансграничного и трансакваториального взаимодействия [4], [5]. Соответственно, наряду с исследованием кластерной эмерджентности необходимо рассмотрение истоков «прочности» морехозяйственных комплексов.

Теоретическая проработка вопросов устойчивости применительно к концепту территориально-производственного комплекса в российской исследовательской практике на сегодняшний день проведена в целом ряде работ И.С. Борисовой [6], [7], рассматривающей ТПК в дихотомическом противоречии положительных и отрицательных эффектов превалирования в регионе одной отрасли как результата территориального разделения труда в национальной экономической системе. При данном ракурсе рассмотрения основными источниками устойчивости / нестабильности являются: зависимость от отраслевой циклической динамики, бюджетная сбалансированность (в том числе — способность инвестировать в развитие других отраслей), производственные возможности как ресурс межотраслевого взаимодействия, рыночные факторы, инновационные возможности, роль в межрегиональной и национальной «диспозиции сил». Соответственно, инструментальный аппарат включает в себя аналитику производственных, рыночных, маркетинговых и инновационных циклов, финансовых межотраслевых балансов, интенсивности инвестиционной и инновационной деятельности, а также расчёт долевых показателей комплекса в национальной экономической системе [6].

Применительно к региональным морехозяйственным комплексам в большей мере применим принцип межотраслевого взаимодействия и диверсификации. Как в морехозяйственных кластерах [2], так и в ТПК, в силу их специфики, действует взаимозависимость отраслей за счёт эксплуатации единой системы природных (а зачастую и природно-технических) объектов, возможны положительные и отрицательные внешние эффекты, в том числе экологические риски. Наряду со связностью внутри морехозяйства действует и тесная сопряжённость со смежными «не-морскими» отраслями, взаимная диверсификация. Все данные факторы определяют необходимость проследить дополнительные механизмы устойчивости морехозяйственных комплексов:

- проявления эффекта масштаба в отраслевом и межотраслевом взаимодействии, дающий экономию производственных и транзакционных издержек;
- относительная самодостаточность и комплементарность производств, отсутствие «структурных лагун» (в том числе образующихся, когда отдельные производственные звенья в трансграничном пространстве «выпадают» при смене режимов внешнего взаимодействия);
- отсутствие взаимных негативных экстерналий «морских» отраслей региона как основа для долгосрочного устойчивого развития;
- мультипликативный эффект инвестиционной деятельности (в том числе в межотраслевом взаимодействии).

Все обозначенные механизмы справедливы и в отношении кластерной формы самоорганизации экономики. Однако, в отличие от кластера, ТПК не обладает внутренней конкурентной средой (во многих случаях — за счёт недостаточной «критической массы»), а потому более устойчив в структурном отношении, но испытывает меньше стимулов к инновационному развитию. Соответственно, дополнительные механизмы долгосрочного «ресурса прочности» ТПК связаны и с преодолением данных недостатков. Обозначим их следующим образом:

- наличие системных и постоянно действующих стимулов к развитию, технико-технологическому перевооружению, инновационной активности;
- рыночная адаптивность (как индивидуальная для предприятий-участников, так и общая).

В условиях, когда «критической массы» предприятий недостаточно для формирования кластера, эффект масштаба действует умеренно и в большей мере в пределах крупных производств, но не в межорганизационном пространстве, однако за счёт устойчивости производственных связей оказывается возможной экономия снижения транзакционных издержек.

Переводя реализацию данных механизмов в плоскость регионального менеджмента, следует сделать акцент на следующий инструментарий мониторинга и регулирования:

- управление через отраслевые пропорции регионального развития;
- восполнение «структурных дыр» (в т.ч. за счёт импортозамещения);
- формирование и поддержка структур внутриотраслевой и межотраслевой саморегуляции и представительства интересов, развитие региональной деловой среды в количественном и качественном отношении;
  - содействие НИОКР и внедрения инноваций (в т.ч. субсидирование и льготное кредитование, посредничество и косвенная поддержка);
  - организационное и информационное (в т.ч. на уровне программно-информационных средств и ресурсов) содействие сбытовой стратегии предприятий комплекса;
- стратегирование приоритетов регионального развития с учётом распределения экстерналий, экологических и социально-экономических рисков.

Представим сформированный концепт схематично (см. рис. 1).

Рассмотрим данное управленческое поле применительно к стратегически важной в масштабах национальной экономики Азово-Черноморской системе опорных баз российского морехозяйства, сосредотачивающей в крупных городских центрах более четверти приморского населения России, а также около трети всего морского портового грузооборота [8].

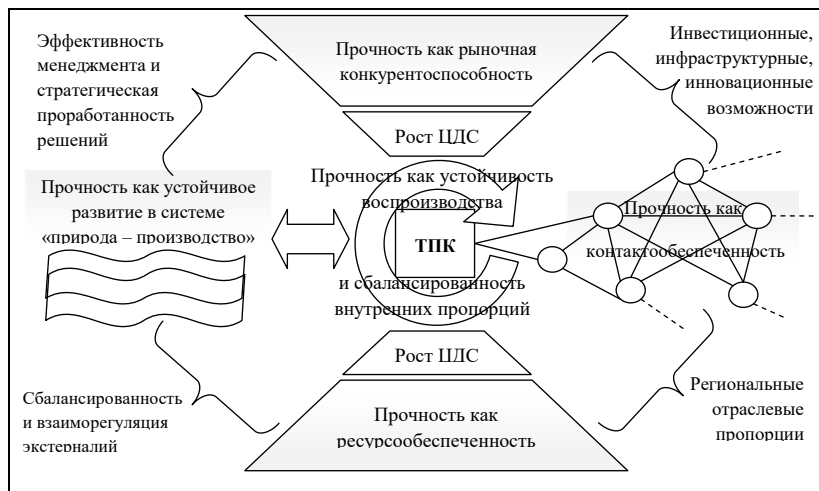

Рис. 1. Концептуальная схема структурных компонентов «ресурса прочности» комплексизации морехозяйства

Структурные пропорции экономики причерноморских регионов России способствуют органичной межотраслевой интеграции морехозяйственного комплекса и создают основу для его устойчивости. За последние годы доля сельского хозяйства, рыболовства и рыбоводства в экономике Ростовской области колеблется около 10%, в Краснодарском крае — около 9%, в Республике Крым — порядка 6% и в Севастополе — около 3% [9]. Активная экспортная стратегия сельхозпроизводства в Ростовской области и Краснодарском крае приводит к производственной диверсификации, формированию дополнительных мощностей портовой логистики и морского транспорта, обеспеченных стабильным заказом со стороны агроэкспортёров, а также субъектов региональной промышленности. Стабильность данного сектора обеспечивается и участием в мультимодальных перевозках, интеграцией с транспортно-логистической системой. Однако важно учитывать, что во многом рост сельскохозяйственного экспорта и транзита «упирается» в свои естественные пределы и экологические проблемы. В частности, взаимные экстерналии транспорта и агропроизводства, истощающего водные ресурсы системы «река-море» в Ростовской области, нуждаются в неотложном решении. Развитие морских грузоперевозок требует нового этапа межотраслевой интеграции в направлении роста ЦДС. Отдельные проекты по организации наукоёмкого импортозамещения в сфере морского приборостроения не в полной мере обеспечивают потребность в технико-технологическом и информационно-системном обновлении морских отраслей, которое укрепило бы их рыночную конкурентоспособность. Соответственно, основные «структурные дыры», которые необходимо восполнить, представлены с одной стороны — инженерно-конструкторскими звеньями, объектами инновационной инфраструктуры, а с другой — сбытовым сегментом, посредническими звеньями в поиске дополнительного заказа (в т.ч. международного и межрегионального сотрудничества) и маркетинга, которые могут быть представлены комплексными программно-информационными сбытовыми системами, автоматизирующими взаимный поиск заказчиков и исполнителей.

Существенную угрозу для большинства регионов представляет снижение инвестиционного потока и неоднозначная картина развития инновационной деятельности (нестабильная динамика Ростовской области и регионов Крымского полуострова на фоне активного роста в Краснодарском крае) [9] вследствие геоэкономической турбулентности, что требует стимулирующей политики, субсидирования расходов на НИОКР и внедрение инноваций. В Республике Крым и г. Севастополе к указанным проблемам добавляются внешнеэкономические ограничения и, в целом, периферийное положение морехозяйства в системе региональных отраслевых пропорций

[10], несмотря на значимость морского сообщения вдоль берегов полуострова и его стратегические позиции в северном Причерноморье.

Таким образом, механизмы обеспечения «ресурса прочности» морехозяйства связаны, с одной стороны — с управлением целостными отраслевыми пропорциями региональной экономики исходя из приоритетов максимальной межотраслевой интеграции «морских» отраслей как не обладающих самодостаточной организационной массой для масштабного кластерного развития, с другой стороны — с восполнением узких «структурных пробелов», посреднических звеньев. В ситуации регионов Причерноморья общий вектор регулирования структурных пропорций в большей мере актуален для регионов Крымского полуострова, находящихся в переходном состоянии. «Структурные пробелы» в Ростовской области и Краснодарском крае связаны с наукоёмкими и сбытовыми элементами, сопутствующей инфраструктурой. Восполнение недостаточной мотивации и инвестиционного потенциала в данном случае — приоритетные направления государственной поддержки.

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горочная В.В. Резистентность морехозяйственного комплекса западных регионов России в условиях геоэкономической турбулентности: факторы, механизмы, региональный опыт // Экономические науки. 2019, №180. С. 29–38.
2. Горочная В.В. Кооперационные связи в системе морской экономики России: стратегические приоритеты в условиях глобальных изменений и текущее состояние кластеризации и комплексообразования // Многополярная глобализация и Россия. Мат. VIII Междунар. науч.-практ. конференции памяти А.Ю. Архипова. Ростов-на-Дону — Таганрог, 2021. С. 71-76.
3. Горочная В.В. Эмерджентность экономических кластеров: механизмы возникновения, специфика трансграничных и трансакваториальных ареалов, роль морехозяйственных отраслей // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019, №4 (60). С. 9.
4. Дружинин А.Г., Горочная В.В. Производственное комплексообразование и экономический кластерогенез: институциональная специфика приморских зон // Научная мысль Кавказа. 2016, №4 (88). С. 5-15.
5. Druzhinin A., Gorochnaya V. Economic clusterization and complexation: the specificity of the coastal zones of the south of Russia // Journal of Applied Economic Sciences. 2016, Vol. 11, № 6. pp. 1017-1025.
6. Борисова И.С., Астафьева О.В. Развитие методологии повышения стратегической устойчивости территориального производственного комплекса с отраслевой доминантой // ТДР. 2014. №4. С. 119-122.

7. Борисова И.С. Особенности стратегических подходов к повышению устойчивости деятельности территориальных производственных комплексов // Теория и практика общественного развития. 2014. №16. С. 87-90.

8. Дружинин А.Г. Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, №3. С. 89-104.

9. Росстат. URL: gks.ru (дата обращения: 30.10.2021).

10. Вольхин Д.А. Морское хозяйство Крыма в интеграционно-дизинтеграционных процессах в Причерноморье // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. №4. С. 5-21.

Vasilisa V. Gorochnaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don

STRENGTH OF MARINE COMPLEXES AND CLUSTERS IN THE RUSSIAN BLACK SEA REGION

***Annotation.** The article deals with the issue of sources of ensuring strength of marine complexes and clusters. The formed theoretical structural construct is considered in relation the Russian Black Sea region.*

***Keywords:** coastal regions, Black Sea region, strength of territorial-production complex, maritime economic complex, maritime economic cluster.*

УДК 327.5

Грибанова Г. И.

*Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург*

АРКТИКА В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ — ДИХОТОМИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И СОПЕРНИЧЕСТВА

***Аннотация.** В статье раскрывается место и роль Арктики в современной глобальной политике. На основе методологии критической геополитики дается анализ специфики взаимодействия государств в военно-политической и экономической сферах. Делается вывод о неоднозначности и противоречивости процессов, происходящих в регионе, что является отражением борьбы за глобальное лидерство, характерной для нынешнего этапа глобализации.*

***Ключевые слова:** Арктика, сотрудничество, конкуренция, милитаризация, природные ресурсы, транспортная инфраструктура.*

Возрастающее внимание мировой общественности к Арктике обусловлено ускоренными темпами глобального потепления, стремительным таянием ледников, а также большим геополитическим и геоэкономическим потенциалом, которым обладает данный регион. Климатические измене-

ния, обнаружение богатых залежей природных ресурсов, появление новых возможностей судоходства подтолкнули циркумполярные (и не только) государства к закреплению за собой или приобретением посредством дипломатических усилий территорий Северного Ледовитого океана, либо концессий для экономической деятельности (включая судоходство) на её территории.

Оценивая роль Арктики в глобальной политике, исследователи, чаще всего, основывают свои выводы на методологии неореалистического или либерально-институционального подхода. Если неореалисты рассматривают Арктику, в первую очередь, в геополитических терминах, то сторонники либерально-институционального взгляда на современный мир ставят во главу угла необходимость совместного освоения разными странами данного региона. Иначе говоря, речь идет о дихотомии конкуренции и сотрудничества: Арктика как зона мира и Арктика как место усиливающейся гонки за ресурсами и растущей геополитической конкуренцией.

По нашему мнению, для более адекватного понимания того, что географические изменения не являются фаталистическими, целесообразно обратиться к критической геополитике. В то время как классическая геополитика подчеркивает как географические элементы, такие как местоположение, размер, топография, климат, распределение природных ресурсов и расположение океана и суши, влияют на государственную власть, критическая геополитика утверждает, что «пространство по существу повествуется и, следовательно, сильно зависит от контекста, а также от социальных конструкций, дискурсов и формируемых идентичностей» [1]. Иначе говоря, географические изменения влияют на соотношение сил, но именно то, как действующие лица переосмысливают арктическую территорию, определяет их внешнюю политику. Таким образом, вывод из критической геополитики состоит в том, чтобы объяснить, какие социальные конструкции, дискурсы и идентичности меняют восприятие пространства [2].

Соответственно, оценивая роль Арктики в современной глобальной повестке дня, нужно, на наш взгляд, учитывать следующие моменты.

Во-первых, пространственность не является фиксированной, но она является основным элементом в принятии внешнеполитических решений. Поскольку Арктика меняется из-за таяния полярных ледяных шапок и других неизвестных (пока) географических изменений, связанных с климатом, арктические государства должны постоянно переосмысливать как свои границы на севере, так и свои представления о районах, которые ранее были недоступны. Эта постоянная корректировка означает, что эти представления в значительной степени носят политический характер и являются предметом переговоров.

Во-вторых, поскольку геополитические реалии могут быть изменены под влиянием происходящих в Арктике трансформаций, закономерно будет предположить изменение самого восприятия Арктики как одного из важнейших объектов внешнеполитической деятельности. В результате усиление позиций страны в Арктическом регионе станет составной частью любой существовавшей ранее более широкой внешнеполитической цели.

В-третьих, различные акторы и уровни управления будут визуализировать арктическое пространство по-разному. Наряду с государствами большую роль в регионе будут играть (и уже играют) бизнес-корпорации, структуры гражданского общества, прежде всего общины коренных народов Севера и неправительственные организации экологического и правозащитного профиля. Однако на сегодняшний момент ключевыми игроками в регионе все-таки остаются государства.

В отличие от большинства других регионов мира, Арктика в значительной степени является своего рода «клубом инсайдеров», то есть тех государств, часть территории которых географически относится к Арктическому (или приарктическому) региону. В первую очередь, речь идет о пяти прибрежных государствах Северного Ледовитого океана: Канаде, Дании, Норвегии, России и США. Россия убеждена, что интересы этой группы, в том числе ее собственные, имеют приоритет. Все пять стран имеют прямой доступ к Северному Ледовитому океану и имеют там непосредственную зону морской юрисдикции, где они разрабатывают природные ресурсы и должны защищать свое коренное население. Именно эти государства имеют право, согласно Конвенции ООН по Морскому праву 1982 года выдвигать свои претензии в Арктике [3].

Далее следуют три других постоянных члена Арктического совета: Финляндия, Исландия и Швеция. Для них главную роль играют экономические соображения. Только после этого вступают в игру интересы других стран. К ним относятся страны-наблюдатели в Арктическом совете, в том числе Франция, ФРГ, Польша, Италия и Великобритания в Европе, а также Китай, Индия, Япония и Южная Корея в Азии. Для этой последней группы Арктика важна, главным образом, с точки зрения престижа, геополитики и навигации.

Взаимодействие различных стран в Арктике на сегодняшний день, главным образом, сконцентрировано на следующих направлениях.

1. Геополитическая конкуренция и проблема безопасности. Из периферии глобальной политики Арктика становится одной из основных площадок столкновения стратегических интересов ведущих держав. Не случайно, в последние годы и Россия и США приняли или обновили свои официальные Арктические стратегии, включая военные аспекты, в

которых Арктика рассматривается как жизненно важный для их безопасности регион.

Усиление процесса милитаризации Арктики является, к сожалению, общепризнанным фактом. Все арктические государства стремятся усилить своё военное присутствие в регионе, посредством строительства военной инфраструктуры, проведения тренировочных мероприятий, приобретения нового вооружения и др. Ситуация осложняется тем фактом, что в военно-политическом плане речь идет о противостоянии России четырем странам-членам НАТО. Однако вряд ли речь на данном этапе может идти о прямом вооруженном конфликте. Скорее, на наш взгляд, усилившаяся военная активность осуществляется с целью достижения политических целей (стремление повысить свой международный статус и авторитет, усилить своё влияние на процесс принятия решений, затрагивающих все страны Арктического региона).

2. Экономическое сотрудничество, активизации процесса освоения природных ресурсов. Прежде всего, необходимо подчеркнуть колоссальную ресурсную значимость Арктического региона. Так, здесь добывается 80% всего природного газа и 17% российской нефти, 90% российского никеля и кобальта, 60% меди и почти 100% алмазов, редких и редкоземельных металлов [4].

Арктика становится все более привлекательной для крупных бизнес структур, в том числе транснациональных корпораций, которые обладают достаточными финансовыми ресурсами и компетенциями в сфере управления крупными проектами, требующими масштабных инвестиций. Особенно это важно для проектов, связанных с добычей углеводородов. Поэтому именно крупные добывающие компании, имеющие в своем распоряжении уникальные технологий поиска, разведки, освоения и разработки становятся драйвером наиболее серьезных изменений в регионе. В первую очередь, речь идет о тех из них, которые ведут свое происхождение из стран, претендующих на значительные участки Арктического шельфа. Среди российских компаний наибольший уровень вовлеченности в арктические проекты демонстрируют «Газпром», «Газпром нефть», «НК «Роснефть», «НОВАТЭК» и «ЛУКОЙЛ»

3. Развитие транспортной инфраструктуры. Таяние снегов расширяет не только ресурсный, но и транспортный потенциал Арктики. В первую очередь, это облегчает использование арктических судоходных маршрутов, соединяющих Атлантический и Тихий океаны: Северо-Восточный и Северо-Западный проходы (ключевым звеном последнего является Северный морской путь), а в перспективе с учетом происходящих климатических изменений и Трансполярный морской путь.

Следует подчеркнуть, что по всем этим направлениям все более активную роль играют не только традиционные арктические государства, но и страны, на первый взгляд, не имеющие какого-либо географического отношения к Арктике. Стремясь доказать, что Арктика — это всеобщее достояние человечества, они формулируют свои собственные стратегии, стремясь войти равноправными партнерами в различного рода проекты, прежде всего, геоэкономического характера. В условиях резкого обострения отношений России со всеми другими членами Арктического совета, а также с большей частью стран-наблюдателей, с большой долей вероятности можно предложить, что главным партнером в ближайшем будущем для нашей страны будет выступать Китай. Однако важным представляется в этой связи все-таки стремиться к диверсификации международного сотрудничества РФ в этом регионе, укрепляя, в первую очередь, связи с Индией, которая в январе 2021 года приняла собственную Арктическую стратегию. Это будет способствовать и закреплению мультиполярного характера формирующегося мирового порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Wegge N, and Keil K. Between Classical and Critical Geopolitics in a Changing Arctic//Polar Geography. Vol. 41. 2018. Issue 2. P. 3.
2. Dittmer J, Sami Moiso, Ingram A. and Dodds K. Have You Heard the One about the Disappearing Ice? Recasting Arctic Geopolitics.// Political Geography. 2011. №30. p.202
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 10.03.2022).
4. Арктическая политика России: международные аспекты. Докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2021 г. / С. А. Караганов (рук. авт. кол.), А. Б. Лихачева, И. А. Степанов, Д. В. Суслов и др.; — М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 21.

Galina I. Gribanova

Saint Petersburg State University, St. Petersburg

THE ARCTIC IN GLOBAL POLITICS IS A DICHOTOMY OF COOPERATION AND RIVALRY

***Annotation.** The article reveals the place and role of the Arctic in modern global politics. Based on the methodology of critical geopolitics, the analysis of the specifics of the interaction of states in the military-political and economic spheres is given. The conclusion is made about the ambiguity and inconsistency of the processes taking place in the region, which is a reflection of the struggle for global leadership, characteristic of the current stage of globalization.*

***Keywords:** Arctic, cooperation, competition, militarization, natural resources, transport infrastructure.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ (БПЛА), В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

***Аннотация.** В статье рассматриваются возможности использования данных, полученных с квадрокоптера DJI Phantom 4 для создания различных картографических произведений. На основе анализа возможностей обработки данных, полученных с помощью БПЛА, выявлены результаты, свидетельствующие об их применимости для крупномасштабного тематического картографирования.*

***Ключевые слова:** беспилотный летательный аппарат (БПЛА), фотограмметрия, цифровая модель местности (ЦММ).*

Развитие геоинформационных систем (ГИС) обусловило использование геопространственных данных в очень многих областях общественной деятельности. В настоящее время существуют множество специальных геоинформационных систем, предоставляющих возможность анализировать и совершать различные действия с геопространственными данными. При организации и ведении ГИС приоритетной задачей является обеспечение точности планового и высотного положения различных объектов, как природного, так и антропогенного происхождения подтверждение актуальности получаемой информации. Данные можно получать из разных источников, но для правильных и своевременных стратегических решений данные необходимо получать как можно быстрее и мобильнее. Данные, получаемые с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), имеют сверхвысокое пространственное разрешение и высокую оперативность. При этом необходимо отметить, что доступность БПЛА и возросшее качество цифровых камер привели к резкой активизации их использования для проведения различных географических исследований.

Для обработки данных, полученных с помощью БПЛА, существует множество различных программных средств. В России одной из наиболее популярных программ является фотограмметрический комплекс AgisoftMetashape, максимально раскрывающий возможности фотограмметрии и включающий в себя технологии машинного обучения для анализа и пост-обработки. Помимо этого, разработанного российскими программистами, продукта имеются и зарубежные аналоги — Pix4Dmapper, DroneDeploy, AutodeskReCap 360, IMAGINE Photogrammetry и ряд других.

Metashape дает возможность обрабатывать изображения, получаемые с помощью RGB- или мультиспектральных камер, включая мультикамерные

системы, преобразовывать снимки в плотные облака точек, в текстурированные полигональные модели, в геопривязанные ортофотопланы, в цифровые модели рельефа/местности (ЦМР/ЦММ). Дальнейшая постобработка позволяет удалять тени и искажения текстур с поверхности моделей, рассчитывать вегетационные индексы, составлять файлы предписаний для агротехнических мероприятий, автоматически классифицировать плотные облака точек и т.д.

Алгоритм обработки данных большинства подобных программ не отличается сильным разнообразием. Рассмотрим его на примере AgisoftMetashape.

Исходными данными являются фотографии с воздуха, как правило, представленные в формате JPG. Каждый аэрофотоснимок должен иметь данные о центрах фотографирования, то есть координаты. Чаще всего используется либо глобальная система координат (WGS84, ПЗ-90.11) или местная система координат (МСК).

Обработка проводится в полуавтоматическом режиме (за исключением привязки снимков к наземным маркам). На начальном этапе проводится выравнивание фотографий друг относительно друга. Далее необходимо выделить на снимках опорные точки (в случае их наличия) с указанием координат их центров. После этого рассчитывается классифицированное плотное облако точек, которое содержит в себе данные о точках, принадлежащих к различным классам, например, «поверхность», «средняя растительность», «низкая растительность», «шум» и т.д. Так, для построения цифровой модели рельефа необходим только набор точек класса «поверхность», прочие точки исключаются из выборки. В нашем случае остаются все классы точек.

Результатом обработки в программе AgisoftMetashape являются цифровая карт высот, текстурированная полигональная 3d-модель местности (рис. 1) и ортофотоплан с возможностью их дальнейшего экспорта в различные форматы ГИС и САПР (MapInfo, ArcGis, AutoCad, Credo и др.).

В географических исследованиях существует множество сфер применения для данных, получаемых с помощью беспилотных летательных аппаратов. В первую очередь, это фотографии и видео съемка. Не вызывает сомнений, что они способствуют качественному и быстрому проведению исследования тех или иных природных или антропогенных явлений. Например, в общественной географии это исследование транспортных потоков, селитебной и промышленной застройки населенных пунктов, выявление особенностей развития инфраструктуры. В биогеографических исследованиях — изучение почвенно-растительного покрова, проведение лесопаталогических и лесотаксационных исследований, в физической гео-

графии — изучение почвенной эрозии и проведение гидрологических изысканий. Кроме того, можно отметить проведение с помощью БПЛА кадастровых и картографо-геодезических работ. Многие из выше перечисленных видов работ проводятся и в Удмуртском государственном университете (УдГУ) с помощью БПЛА (DJI Phantom 4).

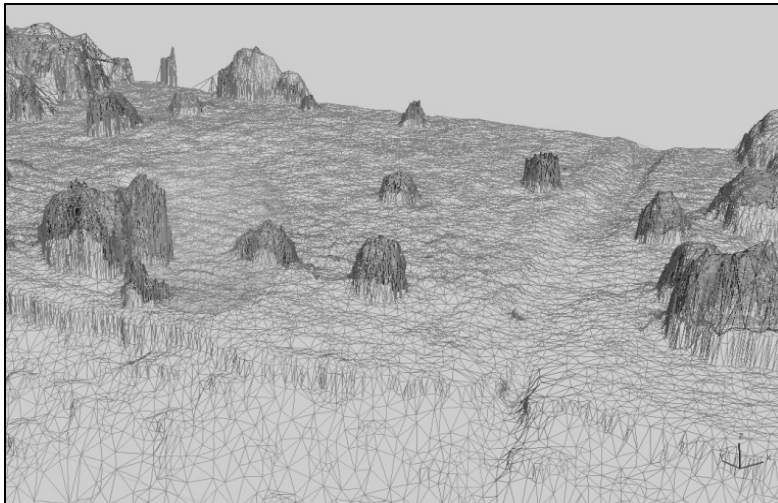
Рис. 1. Текстурированная цифровая модель местности

Варианты использования данных после обработки в фотограмметрических программах довольно многочисленны. Например, ортофотоплан может использоваться для межевания (рис. 2), инвентаризации и кадастровой оценки земельных участков, оценки эффективности использования земельных ресурсов, проектирования развития территорий, проектно-изыскательских работ, реконструкции и развития дорожных сетей, мониторинга состояния наземных и подземных коммуникаций (трубопроводов, ЛЭП и т. п.), мониторинга земель с целью охраны, экологического мониторинга границ и площадей земель, подверженных изменению, создания трехмерных моделей местности для ГИС.

Рис. 2. Кадастровый контроль границ земельных участков

Текстурированная полигональная 3d-модель местности может использоваться как самостоятельное картографическое произведение, так и в качестве основы для создания цифровых моделей рельефа (ЦМР) и цифровых моделей местности (рис. 3).

Рис. 3. Создание цифровой модель рельефа методом триангуляции

Проведение разновременных залетов позволяет с высокой точностью отслеживать динамику различных геолого-геоморфологических и гидрологических явлений без утомительных и трудозатратных наземных геодезических съемок. Использование БПЛА позволило нам получить фотоснимки и цифровые модели нескольких абразионных и оползневых участков на Воткинском водохранилище и р. Вятка. Данные модели позволяют производить полноценные измерения с высокой точностью, вплоть до расчета объема оползневой тела (рис. 4) или объема вынесенного грунта в результате эрозионных процессов.

В 2020 г. началась (и продолжается в настоящее время) масштабная реконструкция кампуса «Фертики» в Воткинском районе Удмуртии, имеющая своей целью создание междисциплинарного учебно-научного центра на основе базы проведения учебных практик института естественных наук Удмуртского университета. В ходе картографо-геодезического сопровождения строительных работ нами апробированы некоторые возможности данных, получаемых с помощью БПЛА. В частности, построена цифровая модель местности, позволяющая визуализировать в 3d-виде все строения на территории кампуса с полным соблюдением масштаба (рис. 5). Кроме того, идет регулярная актуализация изменений без выполнения дорогостоящих наземных топографо-геодезических работ.

Рис. 4. Фрагмент цифровой 3d-модель оползневой участка на р. Вятка

Рис. 5. Трехмерная визуализация цифровой модели местности

Возможности экспорта данных аэрофотосъемки в различные форматы позволяет использовать их в своих работах очень широкому кругу специалистов-географов. Например, формат GoogleKMZ позволяет добавлять ортофотопланы сразу на карты со спутниковыми снимками в сервисах Google, что позволяет проводить анализ изучаемых территорий на более высоком уровне.

Большие возможности использования БПЛА в географических исследованиях не вызывают сомнений. Теоретический и практический опыт использования данных с БПЛА позволяет предположить целесообразность использования высокодетальных данных дистанционного зондирования, полученных с помощью БПЛА, для целей крупномасштабного тематического картографирования. Возможность преобразования данных в различные форматы способствует широкому распространению результатов обработки аэрофотосъемки с БПЛА в рамках многих географических дисциплин.

Ivan I. Grigorev

Udmurt State University, Izhevsk

THE USE OF DATA OBTAINED BY UNMANNED AERIAL VEHICLES (UAVS) IN GEOGRAPHICAL RESEARCH

***Annotation.** The article discusses the possibilities of using data obtained from the DJI Phantom 4 quadcopter to create various cartographic works. Based on the analysis of the data processing capabilities obtained with the help of UAVs, the results indicating their applicability for large-scale thematic mapping have been revealed.*

***Keywords:** unmanned aerial vehicle(UAV), photogrammetry, digital terrain model (DMM).*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ

***Аннотация.** Рассмотрены региональные особенности внешнеэкономических связей России. Выделена роль внешнеэкономических связей в экономике России. Проанализировано распределение экспорта России по регионам, охарактеризована первая десятка. Оценена социально-экономическая эффективность внешнеэкономических связей регионов.*

***Ключевые слова:** внешнеэкономические связи, региональные особенности, экспорт на душу населения, международное географическое разделение труда, геополитический фактор.*

Внешеэкономические связи были и остаются важнейшей сферой, определяющей социально-экономическое развитие России. Доля экспорта в ВВП России в последние годы составляла 25-30 %, удельный вес внешней торговли в доходах государственного бюджета — около 20 %. В связи с пандемией коронавируса и ухудшением геополитической ситуации в мире данные показатели снизились.

Участие в международном географическом разделении труда для регионов России является ключевым фактором вхождения в мировую экономику. По потенциалу, объемам, структуре, характеру, эффективности и географической направленности внешняя торговля регионов России сильно дифференцирована.

Для внешней торговли регионов России характерна высокая контрастность [1, с. 89]. В 2020 г. на долю первых десяти субъектов РФ приходилось 68,0 % экспорта и 79,7 % импорта (табл.).

Таблица 1

Внешняя торговля регионов России в 2020 г. [2]

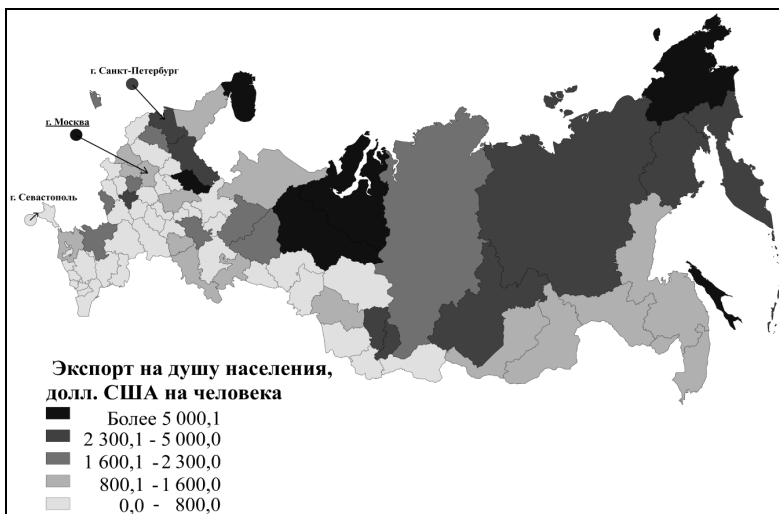
Субъект РФ	Экспорт, млн долл. США	Субъект РФ	Импорт, млн долл. США
1	2	3	4
Российская Федерация	337105,3	Российская Федерация	231668,0
1. г. Москва	135716,3	1. г. Москва	103057,3
2. г. Санкт-Петербург	21017,4	2. Московская область	25404,7
3. Кемеровская область	11623,4	3. г. Санкт-Петербург	21589,4
4. Сахалинская область	11323,8	4. Калининградская область	6759,5

1	2	3	4
5. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	11052,7	5. Калужская область	5963,9
6. Республика Татарстан	8825,1	6. Приморский край	5087,4
7. Ростовская область	8748,1	7. Свердловская область	5004,7
8. Свердловская область	7663,0	8. Краснодарский край	4521,3
9. Московская область	6840,8	9. Республика Татарстан	3640,3
10. Красноярский край	6395,0	10. Ленинградская область	3576,2
... 81. Карачаево-Черкесская Республика	15,2	... 81. Республика Тыва	9,2
82. Чеченская Республика	12,9	82. Республика Ингушетия	9,0
83. г. Севастополь	4,7	83. Еврейская авт.область	9,0
84. Республика Ингушетия	4,2	84. г. Севастополь	5,1
85. Республика Калмыкия	2,5	85. Республика Калмыкия	0,3

В первой десятке по объемам экспорта оказались город Москва и Московская область (прежде всего за счет столичной функции), город Санкт-Петербург (главный экспортный порт), Кемеровская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (важные сырьевые регионы, вывозящие каменный уголь, сжиженный газ и нефть), Республика Татарстан, Свердловская область и Красноярский край (развитые, с несколькими отраслями специализации) и др. Среди главных импортеров выделяются столичные город Москва и Московская область; имеющие выгодное транспортно-географическое положение город Санкт-Петербург, Калининградская и Ленинградская области, Приморский и Краснодарский края; Калужская область с высоким уровнем развития кластеров с участием иностранного капитала и т.п.

Показателем, относительно характеризующим социальный результат внешнеэкономической деятельности и эффективность внешнеэкономического комплекса регионов, является объем экспорта на душу населения. Объем экспорта на одного жителя России в 2020 г. составил 2302 долларов США, снижение этого показателя по сравнению с прошлыми годами, прежде всего, связано с пандемией коронавируса. Только у 17 из 85 субъектов РФ значение данного показателя выше, чем у среднероссийского. Лидером является Сахалинская область (23257 долларов США на человека), с 2009 г. экспортирующая сжиженный газ (рис. 1).

Рис. 1. Объем экспорта на одного человека по регионам России в 2020 г.,
долл. США [2]

Гигантская столичная рента позволяет г. Москве удерживаться в первой тройке экспортеров, несмотря на то, что здесь проживает 12,7 млн человек (8,7 % численности населения России). Главные газовая (Ямало-Ненецкий автономный округ) и нефтяная (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) базы России имеют высокие среднедушевые показатели экспорта [3]. Недостатком показателя является то, что он зависит не только от уровня развития внешней торговли, но и от численности населения. Сравнительно высокие показатели Мурманской и Костромской областей, Чукотского автономного округа, находящиеся в первой десятке, объясняются, прежде всего, низкой численностью населения регионов, а не значительной эффективностью внешнеэкономического комплекса.

Таким образом, российские регионы по объемам внешней торговли сильно дифференцированы, причем за последние 20 лет происходило усиление их поляризации по уровню развития внешнеэкономических связей. Необходимо использовать новые геополитические реалии для изменения географических направлений внешней торговли, смены специализации России как экспортера сырья, развития импортозамещения, что, возможно будет способствовать более равномерному и активному участию российских регионов в международном географическом разделении труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вардомский Л. Б., Скатерщикова Е. Е. Внешнеэкономическая деятельность регионов России. М.: КНОРУС, 2010. 448 с.
2. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Закиров И. В. Природно-ресурсный потенциал как фактор развития внешнеэкономических связей региона (на примере Республики Башкортостан) / Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». 2016. Т. 16. С. 42-54.

Ilnur V. Zakirov

Bashkir State University, Ufa

REGIONAL FEATURES OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF RUSSIA

***Annotation.** The regional features of Russia's foreign economic relations are considered. The role of foreign economic relations in the Russian economy is highlighted. The distribution of Russian exports by regions is analyzed, the top ten are characterized. The socio-economic efficiency of foreign economic relations of the regions was assessed.*

***Keywords:** foreign economic relations, regional features, export per capita, international geographical division of labor, geopolitical factor.*

УДК 911.3:32

Каледин Н. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В РАЗВИТИИ РОССИИ: ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

***Аннотация.** С позиций деятельностно-геопространственного подхода рассмотрены содержание понятия «геополитическая детерминанта» развития государства как системы конкретно-исторических геополитических отношений, выделены её ментальная, деятельностная и организационно-институциональная формы. Показана их специфика применительно к российской государственности в её исторические геополитические эпохи — доимперскую, имперскую, советскую, постсоветскую.*

***Ключевые слова:** геополитические отношения, геополитическая детерминанта, геополитические кризисы, геополитические детерминанты России*

С позиций концепции геополитической самоорганизации общества и представлений о геополитических адаптационных отношениях как ключе-

вом понятии политической географии и геополитики (Н.В. Каледин, А.Б. Елацков) [1, 2, 3] открывается возможность разработки новых категорий, актуальных для понимания многообразных геополитических процессов и их результатов. К их числу, на наш взгляд, необходимо отнести понятие «*геополитическая детерминанта*», помогающее понять исторические особенности развития государств, их объединений и иных политических субъектов в геопространстве.

Деятельностно-геопространственные методологические принципы названной концепции позволяют определить геополитическую детерминанту развития государства или иного субъекта международных отношений как *устойчивую конкретно-историческую систему геополитических отношений-результатов взаимодействия политического субъекта и геопространства (как внутреннего, так и внешнего)*. Она детерминирует освоение и контроль им геопространства (*территории, акватории, аэротерии, космотерии, их сочетаний или отдельных элементов*) и воздействие на него в собственных или иных интересах. Такая система является закономерным результатом взаимодействия субъекта в конкретно-историческом геопространстве с его соседями, региональными и глобальными центрами силы. Она обеспечивает конкретно-историческую *геополитическую идентичность, самоидентификацию субъекта в пределах его внутреннего и внешнего геопространства*.

Устойчивость, историческая продолжительность геополитической детерминанты определяется спецификой конкретно-исторических *геополитических процессов*, составляющих специфику исторических *геополитических периодов* (докапиталистического, капиталистического, современного) и присутствующих им *геополитических эпох* [4].

Для этих периодов и эпох характерен свой *специфический тип геополитических отношений* и обусловленные им *геополитические детерминанты*. При этом в рамках геополитических детерминант складываются специфические конкретно-исторические формы, инструменты контроля политическим субъектом геопространства, которые можно обозначить как «*геополитические скрепы*» (по аналогии с удачным термином «общественно-географические скрепы», введённым А.Г. Дружининым). Они объединяют, сплачивают определённые части геопространства контролируемые субъектом в геополитические целостности. Такими скрепами являются геополитические отношения интеграционного, «скрепляющего» характера, специфические для каждой страны и региональных общностей.

Геополитические отношения-скрепы можно различать по форме как *ментальные* (духовные, идеологические), *деятельностные* (геополитические процессы в «жёсткой» и «мягкой» формах — собственно геополитика)

и *результативные* (договоры, союзы, международные организации и другие институциональные результаты таких процессов).

В соответствии с динамикой конкретно-исторических геополитических процессов (как внутренних и внешних факторов геополитической самоорганизации общества) происходит закономерная смена геополитических детерминант, геополитической самоидентификации государств, их сообществ и присущих им конкретно-исторических типов геополитической идеологии и геополитической практики (геополитики).

С этих теоретических политико-географических позиций попробуем определить специфику геополитических детерминант и геополитической самоидентификации российской государственности в её конкретно-исторические геополитические эпохи, ранее выделенные нами применительно к динамике геополитических систем Евразийского региона, — *доимперскую, имперскую, советскую и постсоветскую* [5]. Этот «историко-геополитический путь» России может быть представлен как движение от *этно-конфессионально-геополитической* к *имперско-геополитической*, далее к *формационно-геополитической* и сменяющей её современной *цивилизационно-геополитической* детерминантам и идентичностям, для каждой из которых присущ свой конкретно-исторический тип «геополитических скреп».

В *доимперскую* геополитическую эпоху (до начала XVIII в.) доминировала *этно-конфессиональная геополитическая детерминанта* и самоидентификация, которые обусловили этно-конфессиональные государствообразующие идеологию и геополитику. Они отражали специфику Довестфальской и Вестфальской геополитических эпох в Европе с доминированием этно-геополитических и конфессионально-геополитических отношений в развитии государственности, с территориально-политической раздробленностью и её постепенным преодолением посредством укрупнения наиболее сильных государств (Московского, Новгородского и др.). Именно этно- и религиозно-геополитические отношения были различными по форме «геополитическими скрепами» формирующейся единой государственности. В концептуальном плане они получили реализацию в геополитической идеологии «Москва-Третий Рим» (с XVI в.), в деятельностно-геополитическом — в интеграции восточно-славянских княжеств и сопредельных с ними неславянских земель в Московское государство как этно-конфессиональную регионально-геополитическую общность.

В *имперскую* геополитическую эпоху (XVIII в. — Первая мировая война, 1917г.) определяющее значение для развития российского государства имела *имперско-геополитическая детерминанта* — приоритет имперско-геополитических интересов и отношений, складывавшихся и менявшихся

во взаимодействии с евразийскими соседями на западе, юге и востоке в результате геополитических процессов (прежде всего державно- и колониально-геополитических) в конце Вестфальской и особенно ярко в Венскую геополитические эпохи. «Геополитическими скрепами» применительно к России были геополитическая идеологема *«православие — самодержавие — народность»*, интегрированная с предыдущей и воплощённая как в административно-территориальном устройстве империи, так и во «внешнем геопространстве» — имперская геополитика с системой межимперских коалиций (Венская система международных отношений, Священный союз, Антанта) и договоров (с Швецией, Пруссией, Турцией, Японией и др.), в том числе колониальных (с Персией, Китаем, российскими протекторатами).

В *советскую геополитическую эпоху* (1917 — начало 1990-х гг.) доминирующей для российской (советской) государственности становится *социалистическая формационно-геополитическая* детерминанта и присущие ей «геополитические скрепы». Составлявшие их содержание социалистические геополитические отношения на ментальном уровне были представлены антикапиталистической идеологией, идеей мировой социалистической революции, а в политической практике «социалистической геополитикой» — созданием СССР, мировой социалистической системы (17 государств) с его ключевой интегрирующей ролью, поддержкой коммунистических и иных антикапиталистических сил в странах разных общественных формаций, в том числе содействие деколонизации мира и развитию многоукладных постколониальных развивающихся государств («третьего мира»). Фактически сложился наиболее динамичный в социально-экономическом отношении *глобальный социалистический геополитический регион*. Он был интегрирован посредством таких «геополитических скреп» как СЭВ, ОВД, *Совещания представителей коммунистических и рабочих партий*, система двусторонних межгосударственных договоров, единство соцстран на уровне ООН и других международных организаций, поддержка развивающихся стран социалистической ориентации.

В *постсоветскую геополитическую эпоху* (с начала 1990-х гг.) постепенно приоритетной для России, также как для других государств и их объединений, становится *цивилизационно-геополитическая детерминанта*, и соответствующие самоидентификация, «цивилизационная геополитика» и «геополитические скрепы». Они выражаются в приоритете в интеграционных процессах между странами и народами *цивилизационно-геополитических отношений*, отражающих сходство и различия их духовных (идеологических, культурных) принципов, комплементарность их геокультурных систем.

Для России как ключевого звена восточно-христианской (славяно-православной) цивилизации актуальность этих отношений обусловлена нарастающим взаимодействием в Евразии с сопредельными государствами-представителями славяно-православной и в особенности западной цивилизации. Оно усиливается с 1990-х гг., проявляясь, в частности, в тенденции разноскоростной «вестернизации» представителей первой (в том числе России) посредством заимствования западных политических, социальных, экономических, духовных принципов и технологий. Эта «цивилизационная зависимость» стимулирует геополитические противоречия между славяно-православными государствами, особенно соседствующими с «коллективным Западом» (Украина, Белоруссия, Молдавия, Россия).

В связи с этим важнейшими, приоритетными для России «геополитическими скрепами» становятся *комплементарные цивилизационно-геополитические отношения* между государствами как внутри восточно-христианской (славяно-православной), так и с представителями духовно близких цивилизаций (исламской, конфуцианско-буддистской, индуистской). На уровне геополитической деятельности и её результатов эти отношения представлены инструментами «жёсткой» и «мягкой» силы цивилизационной геополитики в форме «внутрицивилизационных» и «межцивилизационных» межгосударственных объединений с участием России (СНГ, ОДКБ, Союз Беларуси и России, ЕАЭС, ШОС и др.), двусторонних и многосторонних договоров и соглашений, в том числе России с «самопровозглашенными» государствами (Абхазией, Южной Осетией, ДНР, ЛНР). Одновременно такие комплементарные геополитические отношения являются «геополитическими скрепами» в интеграции Евразийского пространства.

Концептуально-геополитический уровень рассмотренной детерминанты представлен такими известными российскими концепциями как «нео-евразийство», «Остров Россия», «Большая Евразия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб. Изд-во СПбГУ. 1996.
2. Елацков А.Б. Общая Геополитика. Вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М., Издательство Инфра-М. 2017.
3. Каледин Н.В., Елацков А.Б. Геополитическая самоорганизация общества как теоретический объект политической географии и геополитики // Проблемы регионального развития в начале XXI века: матер. междунар. науч. конф. Федоров, Г. М. (ред.). Калининград, 2019, С. 83-90 .
4. Политическая география и геополитика: учебник для вузов/ под ред. Н. В. Каледина, Н. М. Михеевой. М. Издательство Юрайт, 2021.
5. Каледин Н.В. Евразийское пространство: структура и динамика геополитических систем /Общественно-географическая структура и динамика современного

евразийского пространства: вызовы и возможности для России и её регионов: Материалы межд. науч. конф. в рамках XI ежегод. науч. Ассамблеи российских географов-обществоведов 14-20 сентября 2020г. Владивосток. Бакланов, П. Я. & Мошков, А. В. (ред.). Владивосток, ТИГ ДВО РАН, С.71-76.

Nikolay V. Kaledin
Saint Petersburg State
University, St. Petersburg

GEOPOLITICAL DETERMINANTS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA: RESEARCH PRINCIPLES AND HISTORICAL DYNAMICS

***Annotation.** From the standpoint of the activity-geospatial approach, the content of the concept of "geopolitical determinant" of the development of the state as a system of specific historical geopolitical relations is considered, its mental, activity and organizational-institutional forms are identified. Their specificity is shown in relation to the Russian statehood in its historical geopolitical eras — pre-imperial, imperial, Soviet, post-Soviet.*

***Key words:** geopolitical relations, geopolitical determinant, geopolitical bonds, geopolitical determinants of Russia*

УДК 910.3

Ковалев Ю. Ю.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ЕГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема глобального изменения климата и его социально-экономические последствия для регионов России. Определены основные категории социально-экономических рисков, дана их характеристика. Особое внимание уделено рискам экспортной специализации России. Сделан вывод, что глобальное потепление несет в себе не только угрозу развитию страны, но шанс для гармонизации в системе отношений «природа-общество».*

***Ключевые слова:** глобальное изменение климата, Россия, климатические риски, низкоуглеродная экономика, декарбонизация, экологическая специализация.*

Глобальное изменение климата Земли — острейшая проблема современности, представляющая непосредственную угрозу социально-экономической и политической стабильности стран и регионов мира. Среди последствий изменения климата — все более экстремальные погодные явления. Экономический ущерб от опасных погодных явлений составил в мире по итогам 2021 г. более 250 млрд евро. Один ураган «Ида», пронес-

шийся над территории США в августе-сентябре 2021 г., уничтожил материальных ценностей на сумму порядка 57 млрд евро [1].

Россия с ее гигантской территорией непосредственно затронута глобальным изменением климата. Рост температур в России превышает среднемировые показатели (0,5°C за 10 лет в России и 0,2°C по миру). При этом наблюдается различная динамика повышения температур по регионам России. В Сибири и российском секторе Арктики темпы роста температур достигают своего максимума и составляют порядка 0,8° С за десятилетие. В июне 2021 г. в Арктике был зафиксирован абсолютный температурный рекорд для этого региона — 38 градусов по Цельсию или 100,4 по Фаренгейту [2]. Параллельно с увеличением температуры усилилась динамика опасных погодных и климатических явлений на территории России. По данным Росгидромета за период 1990–2000 гг. на территории России ежегодно фиксировалось 150–200 нанесших ущерб опасных гидрометеорологических явлений (ОЯ). В последующие годы их число возросло до 250–300 в год, а, начиная с 2007 года, в среднем один раз в два года число таких ОЯ превышало 400. При этом ОЯ, наблюдаемые в течение двух последних десятилетий, оказались более интенсивными и разрушительными, чем когда-либо [3, 5]. По прогнозам, потепление климата России в XXI в. будет заметно превышать средний рост температур по миру. Наибольший рост приземной температуры ожидается зимой, при этом он усиливается к северу, достигая максимальных значений в Арктике. К концу XXI в. ожидается увеличение температуры воздуха от 3 до 7 градусов по сравнению с показателями конца XX в. [3, 17]. Социальные и экономические последствия такого потепления могут быть катастрофичны для большинства регионов России. Здесь можно выделить следующий ряд категорий социально-экономических рисков:

1. Здоровье и жизнь людей (учащение опасных природных явлений и их последствия; заболевания, связанные с волнами жары и холода, загрязнением воды и пищи, переносом инфекций от насекомых и грызунов, аллергия и др.).

2. Продовольственная безопасность (риски из-за учащения засух и опустынивания земель на Юге России).

3. Износ и уязвимость зданий и др. сооружений промышленной и жилищной инфраструктуры из-за изменения проектных условий (колебания температуры, осадки, повышение грунтовых вод приводят к ускоренному износу зданий).

4. Разрушение трубопроводной и транспортной инфраструктуры из-за деформации русел рек, протаивания грунтов.

5. Потребление тепловой и электрической энергии. Потепление климата приведет к сокращению отопительного периода, а во время волн жары — увеличит потребление электроэнергии.

К этим категориям рисков следует еще добавить угрозы разрушения локальных экосистем, на которых базируется жизнедеятельность проживающего населения (чистая вода, земельные, лесные ресурсы и т.д.), усиление внутренних и внешних миграций, главным образом из стран т. н. «рокового эллипса», в которых последствия глобального изменения климата будут еще более катастрофичны (например, республик Средней Азии). Все это может оказать непосредственное влияние на политическую ситуацию в стране.

Главной предпосылкой стабильного развития страны в эпоху глобального изменения климата становится способность национальной экономической системы адекватно реагировать на изменяющиеся внешние условия. «Низкоуглеродная» трансформация мировой экономики для достижения целей Парижского соглашения (2015 г.) является основным вызовом для российской экономики. Это связано, во-первых, с ее высокой энергоемкостью (ВВП России в 2-3 раза выше, чем у большинства развитых стран), во-вторых — с абсолютным доминированием в экспорте страны углеводородного сырья и энергоемких товаров. По данным Росстата за январь-сентябрь 2021 года на топливно-энергетические товары приходилось 52% экспорта страны. На страны ЕС приходилось 1/3 экспортируемых товаров. Угрозой для российского экспорта, а значит и для бюджетных поступлений, является введение ЕС механизма трансграничного углеродного регулирования (ТУР), который подразумевает обложение углеводородов и энергоемких товаров т.н. углеродным налогом, рассчитываемый на основе произведенных ими парниковых газов (ПГ). При высокой цене на углерод (140 долл. за тонну) потери российского экспорта могут составить порядка 3 млрд долл. в год [3]. Соответственно рост цен на выбросы ПГ будет прямо отражаться на сокращении доходов от экспорта. По одному из сценариев НИУ ВШЭ развития российского экспорта энергоресурсов в ближайшем будущем, объем их торговли сократится к 2040 г. на 44% по сравнению с уровнем 2015 года [4,53]. Рост ВВП страны замедлится до 0,6-0,8% в год. На практике это будет обозначать наличие масштабного дефицита финансовых средств, необходимых для социального, экономического и политического развития страны. Тем самым феномен глобального изменения климата несет в себе для России двойную угрозу — внутреннюю (социально-экономические, политические последствия ГИК) и внешнюю (потеря рынков, инвестиций, поступлений в бюджет, технологическое отставание).

Однако глобальное изменение климата, а также участие России в создании нового, глобального «климатического режима» создает для российской экономики не только угрозы, но и новые возможности. Прежде всего, сохранение существующих и ренатурализация подвергнутых антропогенному воздействию разнообразных природных ландшафтов нашей огромной страны как поглотителей ПГ, сможет внести существенный вклад как в борьбу с глобальным потеплением, так и создать совершенно новый источник финансовых поступлений за счет положительного углеродного баланса всей страны (расширение механизма REDD+ Киотского протокола, а также альтернативные источники финансирования по примеру Бразилии, Боливии, Эквадора, Коста-Рики). Будущая экологическая специализация России, о которой писал Б.Б. Родоман, станет тогда реальностью [6]. Во-вторых, увеличение спроса на низкоуглеродные энергоносители (например, водород) или редкие металлы может ускорить развития данных производств в России и увеличить их долю в структуре экспорта. Эти материалы критически важны для развития систем хранения энергии, электротранспорта, топливных элементов, ветряной и солнечной энергетики, систем управления и т.д. — всех технологий, обеспечивающих энергетический переход и декарбонизацию [4].

Глобальное изменение климата — прямой вызов социально-экономическому, политическому развитию России. От того, каким образом страна будет реагировать на изменения, зависит ее будущее. Актуальнейшей задачей общественной географии является создание инновационных моделей развития региональных систем на основе принципов коэволюции природных и антропогенных структур в целях сохранения и дальнейшего развития страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Der Klimawandel bekommt ein Preisschild//Stuttgarter Zeitung № 7. 2022. P. 10.
2. ВМО официально признала новый температурный рекорд для Арктики// Новости ООН// URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1415602> (дата обращения 11.01.2022)
3. Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. Санкт-Петербург. 2017. — 106 с.
4. Митрова Т, Хохлов А., Мельников Ю., Пердеро А. и др. Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути // Сколково 2020.
5. “Зеленая революция” не избавит Европу от сырьевой зависимости от России//Российская газета. 11.01.2022 URL:<https://rg.ru/2022/01/11/zelenaiya-revoluciia-ne-izbavit-evropu-ot-zavisimosti-ot-syria-iz-rossii.html> (дата обращения 12.01.2022)
6. Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность, 2006, № 2.

GLOBAL CLIMATE CHANGE AND ITS SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES FOR RUSSIA

Annotation. *The article examines the problem of global climate change and its socio-economic consequences for the regions of Russia. The main categories of socio-economic risks are determined, their characteristics are given. Particular attention is paid to the risks of Russia's export specialization. It is concluded that global warming carries not only a threat to the country's development, but a chance for harmonization in the system of "nature-society" relations.*

Key words: *global climate change, Russia, climate threats, low-carbon economy, decarbonization, environmental specialization.*

УДК 332.145

Комов И. В.

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Экологизация жизнедеятельности человека все больше становится актуальной потребностью в сфере природопользования, и особенно в сфере землепользования. Нерациональное использование земель негативно влияет на здоровье человека, ограничивает социально-экономическое развитие страны, приводит к деградации окружающей среды. В связи с этим вопросы экологизации землепользования приобретают все большее значение. В статье раскрыто понятие, показаны и обоснованы основные и перспективные направления экологизации систем земледелия и землепользования.*

Ключевые слова: *земельные ресурсы, экономика, производственная сила, экологизация, землепользование.*

Экологизация землепользования является насущной проблемой современного общества. Проблемы социально-экономического развития продолжают быть актуальными для всех стран мира, и Россия не является исключением. Нашу страну охватывает экологический кризис, вызванный прежде всего чрезмерным загрязнением атмосферы и нерациональным использованием земельных ресурсов. Вопросы, связанные с экологизацией землепользования, требуют дальнейшего исследования и усовершенствования [1-3]. Стратегическим направлением выхода из кризиса, сложившегося в системе природопользования в целом, на глобальном уровне признан переход к модели сбалансированного развития (sustainable development).

Отдельными авторами идея сбалансированного развития трактуется как некий императив рыночных трансформаций экономической системы, поскольку, на их взгляд, именно биосферно-совместимая экономика должна стать «новой хозяйственной базой цивилизации», которая органично вписывалась бы в возможности природной среды и не нарушала бы ход ее эволюции [4,5].

Концепция сбалансированного развития требует глубоких изменений в экономической, социальной, экологической и этической сферах, а также их согласование с законами развития биосферы и принципами гуманизма [6-9].

Именно в этом направлении все больше специалистов видит стратегические перспективы государственного регулирования экономического развития, которые тесно связывались бы с экологическими императивами. Мировую стратегию сельскохозяйственного землепользования определяет созданная при ООН продовольственная сельскохозяйственная организация — ФАО. Политика ФАО по интенсификации сельскохозяйственного землепользования, во-первых, привела агроэкосистемы мира к кризисной ситуации; во-вторых, иллюзорным оказался и прогресс, который был достигнут за счет интенсификации отрасли. Действительно, за последние 10 лет производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 25%, однако рыночные цены на нее выросли на 100%, а реальные прибыли фермеров — лишь на 15% [10].

В связи с этим с 1985 г. развитые страны мира начали менять политику интенсификации сельскохозяйственного землепользования на новую - политику экологизации. Европейский Союз в начале 90-х гг. XX в. начал принимать решения, направленные на экологизацию землепользования [1].

Понятие «экологизация» в отличие от понятия «охрана природы» является более широким означает внедрение в экономику принципов рационального природопользования и минимизации воздействия на окружающую среду при экономической деятельности. В сфере землепользования это: изменения систем земледелия; изменение структуры посевов; установление жестких нормативов по загрязнению земель (почв); изъятие из оборота земель, непригодных для сельскохозяйственного использования и др. [6].

В развитии систем земледелия и землепользования человечество прошло 4 этапа экологизации: 1-й этап охватывает 50-70-е гг. XX века. Характеризуется развитием экологического оборудования. Имеется в виду производство очистных сооружений на свинофермах, птицефермах, строительство отстойников для хранения отходов сельскохозяйственного производства. Путем значительных материальных затрат на очистное оборудование в сфере землепользования удалось смягчить экологическую ситуацию. 2-й этап охватывает 80-е гг. XX в. Характеризуется интенсивным

применением эффективных и малоотходных технологий. Это позволило уменьшить потребность в очистных сооружениях. 3-й этап охватывает 90-е годы XX века. Характеризуется повышением эффективности землепользования. 4-й этап охватывает 2000-2020 гг. и предусматривает применение альтернативных (органических) систем земледелия, выращивания экологически безвредных продуктов питания, применение новых технологий и оборудования [6].

Объектом экологизации на государственном уровне может быть аграрная отрасль, на региональном — приоритетные для региона в выращивании сельскохозяйственные культуры, производства и технологии. На местном уровне — выращивание продуктов растениеводства, переработка мусора, захоронение отходов и тому подобное. Субъектами экологизации могут быть не только непосредственные производители экологически безопасной продукции, но и ее потребители [6].

Экологизация землепользования земель сельскохозяйственного назначения должна осуществляться благодаря ряду направлений (рис.).

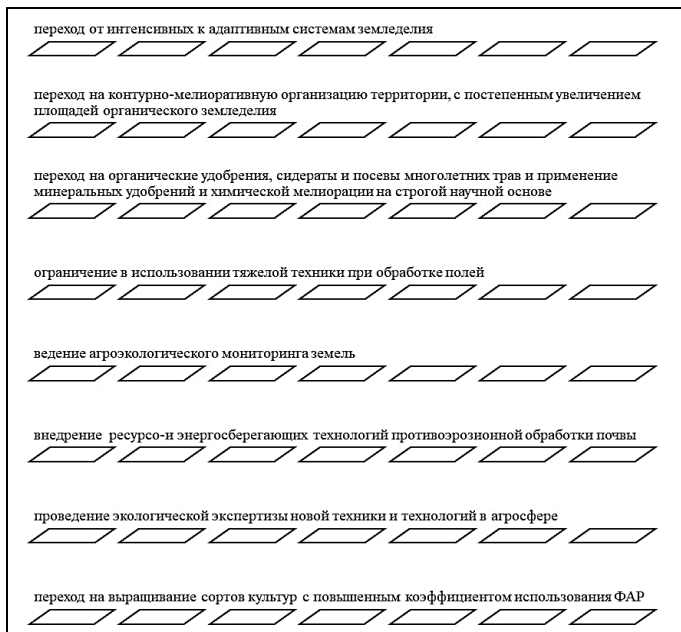

Рис. Направления экологизации землепользования земель сельскохозяйственного назначения (сост. по [11])

Второе направление предполагает регулирование влияния внешних факторов, когда ограничением являются ареалы неблагоприятного воздействия той или иной народнохозяйственной функции. Эколого-экономическое хозяйствование, предусматривающее создание условий по сохранению и воспроизведению природных качеств земли, возможно на основе концептуальных положений постепенного перехода от экономико — к эколого-ориентированному типу хозяйствования.

Одним из приоритетных направлений в экологизации землепользования является сочетание положительных сторон традиционного и «органического» земледелия.

В рамках экологизации агроструктур целесообразно поощрять их к: внедрению биологического (альтернативного) земледелия как системы, основывающейся на "мягком" воздействии на один из главных компонентов биосферы — почву с целью достижения устойчивого равновесного состояния агроландшафтов; внедрению современных технологий использования остатков сельскохозяйственного производства; замене синтетических минеральных удобрений навозом и компостом и др.

К перспективным направлениям в экологизации землепользования также следует отнести: экологизацию нормативной и законодательной базы на предупреждение недопущения экологических проблем в землепользовании; формирование экономического механизма экологизации землепользования таким образом, чтобы субъекту землепользования было выгоднее переориентировать свою деятельность на экологически безопасную; внедрение производства экологически чистых и качественных продуктов питания; экологизацию учебно-образовательного процесса в дошкольных, школьных заведениях с целью понимания определяющей роли природы, необходимости сохранения земли и экологизацию учебно-образовательного процесса в высших аграрных учебных учреждениях с целью подготовки кадров для профессионального решения экологических проблем землепользования [11].

Учет экологической составляющей при составлении стратегий, планов и программ развития земельных отношений в России, внедрение экологического управления на аграрных предприятиях, экологизация сельскохозяйственной деятельности должно быть обязательным, ведь это путь, которого придерживаются все развитые страны мира, и который соответствует современной секторальной экологической политике, реализуемой в странах Европы.

Собственно, поэтому государственная система законодательных и нормативно-правовых актов в сфере экологии землепользования должна соответствовать современному уровню развития и обеспечивать проведение единой земельной и экологической политики, а также содействовать формированию высокой экологической культуры общественности.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ № 19-29-07400-мк. The reported study was funded by RFBR Project no 19-29-07400-mk.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галушкина Т. П. Экологическая политика и механизмы ее реализации на региональном уровне / Т.П. Галушкина, В.И. Крутякова. Одесса: ИПРЭЭИ НАН Украины, 1999. 112 с
2. Gridchina A.V. Agrarian policy of the region in terms of economic development innovation/ A.V. Gridchina, L.L. Orekhova, S.V. Lyubimtseva, N.V. Yakovenko, I.V. Komov// International Journal of Economics and Financial Issues. -2016. Т. 6. № 6 (8). С. 54-59.
3. Mamychev A.Y. Economic security and organizational culture: theoretical approaches and categorical relationship / A.Y. Mamychev, E.A. Sulimova, N.V. Yakovenko, S.M. Savvidi, A.S. Molchan, V.A. Dianova // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № 1. С. 153-158.
4. Munasinghe M. Environmental economics and sustainable development / M. Munasinghe. Washington: World Bank, 1993. 120 p.
5. Андерсон Дж. М. Экология и науки об окружающей среде: биосфера, экосистема, человек / Пер. с англ. Ленинград: Гидрометеиздат, 1985. — 165 с.
6. Комов И.В., Яковенко Н.В. Агропромышленный комплекс как конкурентное преимущество социально-экономического развития Воронежской области // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 1 (32). С. 18.
7. Кириченко В. Рыночная трансформация экономики: теория и опыт //Российский экономический журнал. 2000. № 11-12.
8. Кулягин П.Х. Теорию коэволюции Н.Н. Моисеева можно рассматривать как развитие идей В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского и Т. Де Шардена о ноосфере. М., Сельхозгиз, 1958. 420 с.
9. ФАО. 2021. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства — 2021. Повышение жизнестойкости агропродовольственных систем в условиях потрясений и стрессов. Рим, ФАО // Режим доступа: <https://doi.org/10.4060/cb4476ru>
10. Кошкалда И.В. Экологизация землепользования как основная компонента устойчивого развития. Вістник ХНУ ім. В. В. Докучаєва. 2015. № 5. С. 21-35.
11. Перспективы экологической конверсии сельскохозяйственного производства / Писаренко В.Н., Писаренко П.В., Писаренко В.В.//Режим доступа: http://www.agromage.com/stat_id.php?id=574 .

Igor V. Komov

Voronezh State University, Voronezh

ECOLOGISATION OF LAND USE IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Annotation. Ecologisation of human livelihoods is increasingly becoming an urgent need in the sphere of nature management, and especially in the sphere of land use. Irrational use of land negatively affects human health, limits the socio-economic development

of the state and leads to environmental degradation. In this connection the questions of ecologisation of land use become more and more important. The main and prospective directions of ecologisation of farming systems and land use are revealed in the article.

Key words: land resources, economy, production force, ecologisation, land use.

УДК 910:330.3

Крупко А.Э.

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА И НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию социально-экономического развития и трансформации хозяйства и населения Воронежской области за постсоветское время, раскрыты главные особенности и тенденции развития региона.

Ключевые слова: трансформация, развитие, хозяйство, население, Воронежская область.

Развитие хозяйства и населения Воронежской области за 1990-2020 гг. имеет как общие для всей страны, так и специфические черты. К 1990 году (пик советского развития) регион, выделялся относительно высоким уровнем развития сельского хозяйства (2,2 тыс. руб. на 1 чел. или 1,22 раза выше по сравнению с Россией в целом), но более низким уровнем промышленности — 3,3 тыс. руб. на 1 чел. или 0,81 от уровня страны [1,2,3]. В Воронежской области наблюдалась максимально высокая доля машиностроения в ЦЧР — 46,4%, на пищевую приходилось 21%, химическую около 12% и на легкую 5% от общего объема промышленной продукции (8,2 млрд. руб. в 1990 г.) [1,3].

Рыночная перестройка в 90-е гг. обрушила производство региона, при этом даже более резко по сравнению с РФ. Индекс физического объема промышленного производства составил в 1998 г. (максимальное падение) 25% от уровня 1990 г., в РФ — 45,7%. Главную роль сыграло практически полное падение спроса на потребительскую машиностроительную продукцию и изделия легкой промышленности [2,3]. Регион характеризовался высоким уровнем производства потребительских товаров, особенно бытовой электроники (по некоторым он был полным монополистом в стране — видеомагнитофоны до 100% производства России) и продукции ВПК (на ВПК приходилось примерно 3/4 объема промышленности Воронежа). Открытие границ и конверсия, точнее почти полное уничтожение оборонного заказа, разрушили основные отрасли машиностроения очень быстро. Наиболее

жестко промышленный кризис проявился в 1994 году, когда общее падение производства за год составило почти 2/5 (индекс за год — 60,9%). В РФ Воронежская область в 1994 году заняла десятое место по темпам падения промышленного производства (первое место в 1994 году у Кабардино-Балкарии — индекс лишь 30%). Многие крупные предприятия, в том числе крупнейшее в области НПО «Энергия» (45 тыс. работников), в 1990-е и в начале 2000-х гг. просто исчезли. Даже на фоне общего падения промышленного производства (40,5% от уровня 1990 г. в 1995 году) доля машиностроения упала почти в 2 раза и почти сравнялась с пищевой отраслью, а в 2000 году пищевая промышленность уже опережала машиностроение (26,7% и 22,9%) [3,4]. В 2000-е годы рост производства за счет прежде всего пищевой и химической отраслей обусловил рост производства даже более быстрыми темпами (в 1,5 раза) по сравнению с РФ в целом. Но выход на уровень 1990 года промышленности пока недостижим. Объем промышленного производства достиг в 2020 году 718266,8 млн руб. всего, на душу населения 311,2 тыс. руб. При этом уровень промышленного производства области за рыночное время упал с 0,81 в 1990 г. до 0,42 в 2000 г. и до 0,65 в 2020 г. по сравнению с РФ в целом (476,6 тыс. руб. на душу населения в 2020 г.). По нашим расчетам уровень промышленности региона по отношению к 1990 г. в соответствии с развитием промышленности РФ составил в Воронежской области в 2020 г. лишь около 75%. На пищевую промышленность приходилось в 2020 г. 35,6% всей промышленной продукции и 46,3% обрабатывающей промышленности, на машиностроение соответственно 17,4% и 23%, на химическую — 8,9% и 11,9%. Практически полностью модернизированная электроэнергетика дает 19,2% от общего объема производства. Ведущими остаются старые заводы — авиационный, КБХА, механический, Россошанский химзавод или новые на основе старых — «Космос-Нефть-Газ», «Турбонасос» «Созвездие» (крупнейшее предприятие Воронежской области по объему продукции). В территориальном аспекте появились новые промышленные территории и зоны, на второе место вышел Рамонский МР, опередив старых лидеров (Лискинский, Бобровский МР), почти догнал Россошанский МР. Остается отсталыми или депрессивными Петропавловский, Терновский, Репьевский, и другие районы [5].

Сельское хозяйство тоже прошло через большой спад в 90-е гг. В целом общий объем производства продукции заметно вырос в Воронежской области, как и во многих других регионах РФ с относительно благоприятными агроклиматическими условиями. В 2020 г. регион занял пятое место в РФ по объему сельскохозяйственной продукции — 262,3 млрд. руб., на душу населения 7 место — 113,8 тыс. руб. (в РФ в целом — 44,3 тыс. руб.). Производство зерна выросло с 3848,7 тыс. тонн в 1990 г. до 6167,2 тыс. тонн в

2020 г. — 3 место в РФ. Но при самой низкой урожайности с 1 га в ЦЧР: соответственно сбор сахарной свеклы — 4795,5 и 3547,9 тыс. тонн (3 место), подсолнечника — 204,0 и 1051,1 тыс. тонн (4 место), картофеля — 657,3 и 717,9 тыс. тонн (4 место), овощей — 214,4 и 415,0 тыс. тонн (7 место), мяса — 298,0 и 381,7 (6 место), молока — 1496,4 и 1024,7 тыс. тонн (6 место). С другой стороны, по уровню сельского хозяйства впереди Воронежской области все регионы ЦЧР и даже Орловская область. Это объясняется отставанием в развитии мясного животноводства и более низким уровнем интенсификации сельского хозяйства и использования новых технологий ниже по сравнению с соседними регионами. Например, использование удобрений и урожайность зерновых на 1 га даже в рекордный 2020 год была ниже, чем у всех областей ЦЧР. Надой молока на 1 корову заметно уступает Белгородской и Липецкой областям.

За три последних десятилетия деиндустриализация экономики Воронежской области обусловила переход к постиндустриальному развитию, прежде всего за счет Воронежа, где на промышленность в 2020 г приходилось менее 1/3 всей продукции экономической сферы. Численность работников в промышленности уменьшилась с 366,6 тыс. чел. в 1990 г. до 216,0 тыс. чел. в 2000 г. и до 197,1 тыс. чел. в 2010 г., 189,8 тыс. чел. в 2019 г. [1-4, 6]. На начало 2021 г. численность занятых в промышленности по данным составила 184,7 тыс. чел., работников организаций промышленности — 107 тыс. чел., малых предприятий — 19597 чел. Это привело к падению ее доли в общем количестве всех занятых в экономике с 30,3% в 1990 г. до 20% в 2000 г. и 17% в 2020 г. [1, 2, 3, 6]. Доля работников обрабатывающей промышленности составила 13,3%, что не намного больше занятых в сельском хозяйстве — 12,0%. Численность занятых в сельском хозяйстве в 2020 году сократилась до 130,5 тыс. чел., в том числе 28532 чел. работников организаций, 7787 чел. численность фермеров и ИП, основная часть занятых (72%) приходится на хозяйства населения. При этом наблюдается большая потребность в трудовых ресурсах, особенно рабочих кадров, что во многом обусловлено разрушением советской системы образования. Воронежская область, где существует сеть из 26-ти вузов (10 вузов в 1990 г.) и каждый десятый житель — студент, сохраняет свое лидерство в ЦЧР, имеет два крупнейших вуза: классический государственный и опорный технический университеты [7]. Число учреждений начального и среднего профессионального образования уменьшилось с 99 ед. в 1990 г до 53 ед. 2020 г., а выпуск квалифицированных рабочих упал с 16,4 тыс. чел. до 2,6 тыс. чел., среднего профессионального звена с 10,6 до 8,2 тыс. чел., выпуск в вузах вырос с 8,4 тыс. чел. в 1990 г. до 18,4 тыс. чел. в 2020 г. [1-6]. Поэтому потребность в квалифицированных и в неквалифицированных рабочих удо-

влетворяется во многом за счет мигрантов. Но и население области в значительной части формируется за счет миграционного притока. С начала 1990 г. до конца 2020 г. население области сократилось с 2467 тыс. чел., до 2305,6 тысяч человек или на 161,4 тыс. чел. За 1990-2020 гг. в Воронежской области родилось 679,8 тыс. детей, умерло 1356,1 тыс. чел., естественная убыль составила 676,3 тыс. чел., миграционный прирост 514,9 тыс. чел. Население региона за эти годы примерно на 2/3 обновилось. Произошла трансформация возрастной структуры населения. Доля детей в Воронежской области сократилась с 22,3% в 1990 г. до 16% в 2020 г., а пенсионеров, наоборот, возросла с 24,9% до 29,3%. За рыночное время, особенно в последние 10-15 лет, заметно выросла деградация природной среды (лесов, вод, почв).

В целом, несмотря на некоторые благоприятные изменения, в регионе существуют множество проблем, которые обусловлены как объективными, так и субъективным (управленческими) факторами. Потенциал устойчивого развития природы и населения за время рынка заметно уменьшился. Хозяйство региона в целом адаптировалось к рыночной экономике, но лидирующие позиции в большинстве отраслей занимают чужие, в том числе и иностранные, собственники, поэтому способность его к самостоятельному развитию снизилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бондин В.А. Воронежская область: место и роль в социально-экономическом развитии России / В.А. Бондин, А.И. Зарытовская. Воронеж, 2004. 158 с.
2. Зеленцова С.Ю. Продовольственная безопасность и социальное развитие регионов/ С. Зеленцова, А. Крупко // АПК: экономика, управление. М., 2010, №3. С. 63-70.
3. Крупко А.Э. Устойчивое развитие систем населения и безопасность Воронежской области / А.Э. Крупко, С.Ю. Зеленцова, Ю.В. Поросенков. Воронеж, 2010. 224 с.
4. Крупко А.Э. Трансформация территориально-отраслевой структуры промышленности в части инновационного и устойчивого развития регионов ЦФО / А.Э. Крупко, Р.Е. Рогозина, М.В. Деревягина, Т.В. Щеголева // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2020. №7. С. 40-53.
5. Рогозина Р.Е. Приоритеты инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности муниципальных образований региона/ Р.Е.Рогозина, Л.Н. Шенцева, А.Э. Крупко // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2019. №10 С. 26-35.
6. Воронежский статистический ежегодник 2021. Воронеж, 2021. 312 с.
7. Шульгин А.В. Экономические аспекты высшего образования в ЦЧР и возможности применения позиций духовно-нравственной культуры / А.В. Шульгин, А.Э. Крупко, Л.В. Шульгина // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2020. №2. С. 49-55.

DEVELOPMENT AND TRANSFORMATION OF THE ECONOMY AND POPULATION OF THE VORONEZH REGION IN THE POST-SOVIET PERIOD

Annotation. This article is devoted to the study of socio-economic development and transformation of the economy and population of the Voronezh region in the post-Soviet time, revealing the main features and trends of the region.

Keywords: transformation, development, economy, population, Voronezh region.

УДК 378.147

Кузнецова Э. А.

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

«ЗЕЛЁНАЯ» ГЕОГРАФИЯ: РАСШИРЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ НЕГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. Цель разработанного элективного курса «Зеленая» география» — это расширение компетенций обучающихся о географии органического сельского хозяйства, биоэкономики, биопродуктов, возобновляемых источников энергии, «зеленых» проектов, формирование ресурсосберегающего подхода к природе. Практические работы элективного курса содержат задания для семинаров-дискуссий, а также работу с контурными картами.

Ключевые слова: «зеленая» география, элективный курс, ресурсосберегающий подход к природе.

В настоящее время все больше внимание уделяется вопросам в области антропогенного воздействия на окружающую природную среду. Изменение климата является одной из важнейших международных проблем XXI века [1]. Вопросы изменений климата и экологического регулирования стали одним из главных элементов международных отношений утверждается в документе «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года» [2]. Сегодня экологическое образование наполняется новыми смыслами: оно связано с проблемами выживания, национальной безопасности, проблемой ответственности перед собой и миром, способностью соизмерять свои поступки с экологическими императивами [3]. Реализовать задачи экологического образования и воспитания, ресурсосберегающего подхода к природе возможно через элективные курсы в том числе по географии. Элективные дисциплины — дис-

циплины, обеспечивающие расширение формируемых компетенций, предлагаемые к выбору для обязательного изучения обучающимися [4]. В разработанном нами элективном курсе «Зеленая» география» уделено внимание вопросам географии органического сельского хозяйства (метод ведения сельского хозяйства, в рамках которого происходит сознательная минимизация использования синтетических удобрений, пестицидов, регуляторов роста растений, кормовых добавок [5]), биоэкономики, биопродуктов, лесных биотехнологий, возобновляемых источников энергии, «зеленого» транспорта.

Далее приведены разработки заданий.

Тема «Нормативно-правовые акты Российской Федерации в области «зеленых» технологий»

Задание 1. Подготовиться к семинару–дискуссии по следующим вопросам:

- Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года,
- Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,
- ПНСТ 329-2018. Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. «Зеленые» стандарты. «Зеленая» продукция и «зеленые» технологии. Оценка соответствия по требованиям "зеленых" стандартов. Общие положения,
- Постановление Правительства РФ «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе «зеленого») развития в Российской Федерации, требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе «зеленого») развития в Российской Федерации» от 21 сентября 2021 г. № 1587,
- ГОСТ Р 59102-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Электромобили и автомобильные транспортные средства с комбинированными энергоустановками. Термины и определения.

Тема «Зеленая» энергетика»

Задание 1. Подготовиться к семинару–дискуссии по следующим вопросам:

- Солнечные электростанции: достоинства и недостатки;
- Гидроэлектростанции: достоинства и недостатки;
- Ветровые электростанции: достоинства и недостатки;
- Геотермальные и приливные электростанции: достоинства и недостатки;
- Биотопливо: достоинства и недостатки.

Задание 2. Нанести на карту России субъекты, в которых введены в эксплуатацию электростанции на возобновляемых источниках энергии (рис. 1).

Рис. 1. Введенные и планируемые мощности возобновляемых источников энергии в России [6]

Тема «Биопродукты»

Задание 1. Подготовиться к семинару–дискуссии по следующим вопросам:

- Биопродукты животноводства: точки роста и развития,
- Биопродукты садоводства: точки роста и развития,
- Биопродукты овощеводства: точки роста и развития,
- Лесные биопродукты: точки роста и развития,

Задание 2. Найти в ближайшем к дому продуктовом магазине биопродукты, установить их производителя, нанести их на контурную карту России и мира.

Тема «Лесные биотехнологии»

Задание 1. Подготовиться к семинару–дискуссии по следующим вопросам:

- Биоупаковка: упаковка из бумаги и волокон против пластика,
- Органические продукты из коры, листьев: за и против,
- Функциональная бумага: достоинства и недостатки,
- Деревянное домостроение: достоинства и недостатки.

Задание 2. Нанести на контурную карту России маршрут путешествия с целью ознакомления с лесными биотехнологиями, заполнить таблицу.

Таблица

Общие сведения о маршруте

Категория	Описание
ФИО автора	
Перечислите, по территории каких субъектов РФ пролегает ваш маршрут	
Общая стоимость маршрута (на 25 чел.) в рублях	
Цена на 1 человека в рублях	
Перечень необходимого снаряжения и одежды	

Тема «Зеленый» транспорт»

Задание 1. Подготовиться к семинару–дискуссии по следующим вопросам:

- Электромобили: достоинства и недостатки,
- Автомобили на водородных двигателях: достоинства и недостатки,
- Автомобили на биотопливе: достоинства и недостатки,
- «Зеленый» транспорт: какой он?

Задание 2. Нанести на контурную карту мира автозаводы, выпускающие электромобили и картодиаграммы на карту России по выпуску электромобилей (рис. 2).

Рис. 2. Парк электромобилей в России [7]

Таким образом, разработанный нами элективный курс «Зеленая» география» направлен на развитие у обучающихся познавательного интереса в области «зеленых» технологии, расширение их кругозора в рамках ресурсосберегающего подхода к природе, формирование навыков работы с различными источниками информации, в том числе с картографическими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецова, Э.А., Соколов, С.Н. Гидрология, метеорология и климатология: климатические расчеты: учебное пособие. — Нижневартовск: НВГУ, 2019. — 86 с.
2. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года: утв. Указом Президента от 30 апреля 2013 г. // СПС ГарантПлюс: [сайт]. 2020. URL: <http://base.garant.ru/70169264/> (дата обращения: 11.02.2022). Текст: электронный.
3. Захлебный А.Н. Приветственное слово участникам конференции // Экологическое образование для устойчивого развития: теория и педагогическая реальность: Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. Ч. I. 319 с.
4. Положение о реализации элективных и факультативных дисциплин по образовательным программам высшего образования, реализуемым по индивидуальным образовательным траекториям в ТюмГУ (от 24.12.2018). <https://www.utmn.ru/obrazovanie/normativnyye-dokumenty/normativnyye-dokumenty-tyumgu/op-vo-iot/> (дата обращения: 11.02.2022). Текст : электронный.
5. Органическое сельское хозяйство — перспективы развития// Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Махачкала, 28-29 октябрь 2021 г.). Махачкала. –334с.
6. Какие регионы России лидируют в реализации проектов ВИЭ? <https://rreda.ru/novosti/tpost/o0tsiyigx9-kakie-regioni-rossii-lidiruyut-v-realiza> (дата обращения: 11.02.2022). Текст : электронный.
7. Парк электромобилей в России. <https://3dnews.ru/975332/nissan-leaf-lidiruet-na-rossijskom-rinke-elektromobiley/?past-link> (дата обращения: 11.02.2022). Текст: электронный.

Elsa A. Kuznetsova

Tyumen State University, Tyumen

"GREEN" GEOGRAPHY: EXPANSION OF GEOGRAPHICAL COMPETENCIES AMONG STUDENTS OF NON-GEOGRAPHICAL AREAS OF TRAINING

***Annotation.** The purpose of the developed elective course «Green» Geography» is to expand competencies about the geography of organic agriculture, bioeconomics, bio-products, renewable energy sources, "green" projects, the formation of a resource-saving approach to nature. The practical works of the elective course contain tasks for seminars and discussions, as well as work with contour maps.*

***Key words:** "green" geography, elective course, resource-saving approach to nature.*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА

***Аннотация.** Эффективное управление пространственным развитием экономики невозможно без обращения к достижениям научной мысли. Цель статьи — выявить основные этапы эволюции подходов к моделированию пространственного развития хозяйственных систем, обозначив особенности моделей, которые были предложены в рамках каждого из них. Было выделено три стадии данного процесса: на первой из них внимание уделялось моделям размещения, на второй — моделям районирования, на третьей — «межсистемным» моделям.*

***Ключевые слова:** пространственное развитие, пространственная организация хозяйства, моделирование.*

В современных условиях усложнения взаимосвязей между хозяйствующими субъектами, появления новых вызовов их функционированию, вопросы преобразования пространства приобретают особую актуальность: высокий уровень инерционности пространственных трансформаций усложняет задачу адаптации территориальных систем к меняющимся обстоятельствам. Это определяет значимость грамотного управления данными процессами, эффективность которого, в свою очередь, во многом зависит от качества моделирования пространственного развития: модель может не только служить способом описания действительности, наглядно характеризовать те силы, которые оказывают существенное влияние на специфику пространственных преобразований, но и выступать инструментом отображения наилучшей формы организации пространства.

Первые попытки создания комплексных моделей, детально описывающих закономерности именно пространственной организации хозяйства, были предприняты авторами классических теорий размещения производительных сил (модель изолированного государства И. Тюнена [1], характеризовавшая особенности размещения сельскохозяйственных производств; модель рационального штандорта промышленного предприятия В. Лаунхардта [2], которая позволяла оценить влияние факторов, определяющих успешность расположения металлургического предприятия; модель промышленного штандорта А. Вебера [3], дополнившая перечень сил, влияющих на локализацию производств, такими условиями как трудовые издержки и фактор агломерации). Все они разрабатывались в интересах определения наиболее выгодного (обеспечивающего наименьшие издерж-

ки) местоположения отдельных хозяйственных единиц, а предлагаемые в их рамках модели были призваны решать вопросы, связанные с размещением.

Дальнейшие исследования вопросов пространственной организации экономических систем также подкреплялись значительным количеством работ в сфере моделирования. Так, В. Кристаллером [4] была предложена модель, фиксирующая параметры размещения населенных пунктов, отличающихся друг от друга своими масштабами и функционалом; Х. Хотеллинг [5] — модель линейного города, определяющая особенности конкуренции на пространственно распределенном рынке; А. Лешем [6] — модель, описывающая специфику распределения в пространстве производителей и потребителей. Таким образом, внимание исследователей постепенно сместилось с интересов отдельного хозяйствующего субъекта, который нуждается в наилучшем месте для осуществления своей деятельности, на проблемы пространственной организации масштабной территориальной системы, а на смену моделям размещения пришли модели районирования. Это, однако, не означает, что вопросы размещения отдельных субъектов (их групп) в пространстве теряют свою значимость и исключаются из поля зрения исследователей: развитие данного научного направления продолжается, а «классические» модели трансформируются и модернизируются. Например, модель, предложенная И. Тюненом, послужила основанием разработки модели концентрических зон города Э. Берджесса [7], объясняющей распределение социальных групп в отдельных районах.

С развитием региональной экономики в разрабатываемых моделях начинают находить отражение все новые концепции и подходы. Так, появляются модели поляризованного развития (основанные на трудах Ф. Перру [8], Ж.-Р. Будвиля [9] и др.), ключевой предпосылкой которых выступает положение о неоднородности экономического пространства и возможности формирования таких условий, которые могли бы способствовать распространению эффектов, возникающих в центрах роста, на окружающие территории (например, модель «вулкана» Х. Гирша [10]); кластерная модель развития, базирующаяся на идеях М. Портера [11] и др.). Отдельные аспекты пространственного развития находят отражение в рамках моделей экономического роста, появление которых было обусловлено попытками исследователей определить предпосылки и причины опережающего развития отдельных территориальных единиц (модель Р. Солоу [12], модель Удзавы — Лукаса [13] и др.).

Инструментарий моделирования пространственного развития со временем также претерпел некоторые изменения: если на этапе оформления научного направления особое значение имел стандартный экономико-

математический аппарат, широко применялись гравитационные модели (лежащие в основе уже упоминавшейся ранее модели рационального штандорта промышленного предприятия В. Лаунхардта, модели Рейли [14]), то со временем (начиная с 40-50-х гг. XX в.) для оценки процессов пространственных преобразований сложился специальный методический инструментарий, ориентированный на учет специфики локализации объектов в пространстве, оценку расстояния между ними, масштабов их концентрации и т.п. Пул моделей, разрабатываемых с помощью современных математических методов пространственного моделирования, весьма разнообразен (факторные и имитационные пространственные модели, модели пространственной кластеризации, эконометрические, сетевые и агент-ориентированные модели осуществления социально-экономических процессов в пространстве). В значительном числе научных работ сегодня пространственное моделирование выступает инструментом анализа, призванного охарактеризовать сложившиеся зависимости между отдельными территориальными единицами.

Подводя итог проведенному анализу, можно отметить, что процесс моделирования пространственного развития хозяйства в своей эволюции прошел несколько стадий: на первом этапе создаваемые модели концентрировались на определении наиболее оптимального местоположения отдельных экономических субъектов, на втором — на выявлении наилучшей пространственной организации всего хозяйственного комплекса, на третьем этапе модели стали более «межсистемными» — их авторы уделяют внимание влиянию пространственного развития на окружение, учитывают внутрисистемные взаимосвязи, а также пытаются обозначить новые источники экономического роста в трансформации пространства.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3442.2019.6.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тюнен И. фон. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.
2. Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage. Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure. 1882. Vol. 26. Pp. 106-115.
3. Weber A. Standort der Industrien. Tübingen, 1922. 268 p.
4. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt. 1980. 340 p.

5. Hotelling H. Stability in competition // The Economic Journal. 1929. Vol. 153. Iss. 39. Pp. 41-57.
6. Леш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. 663 с.
7. Бёрджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект // Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. М., 2015. С. 20-34.
8. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
9. Boudeville J. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh, 1966. 192 p.
10. Giersch H. Aspects of Growth, Structural Change, and Employment A Schumpeterian Perspective. Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv). 1979. Vol. 115. Issue 4. Pp. 629-652.
11. Porter M. On Competition, Updated and Expanded Edition. Harvard Business Review Press, 2008. 576 p.
12. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. Iss. 1. Pp. 65-94.
13. Lucas R.E. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 3-42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7
14. Reilly W.J. The law of retail gravitation. New York, 1931.

Yuliya G. Lavrikova, Arina V. Suvorova

*Institute of Economics, Ural Branch Russian
Academy of Sciences, Yekaterinburg*

EVOLUTION OF APPROACHES TO MODELING THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

Annotation. *Effective management of the spatial development of the economy is impossible without recourse to the achievements of scientific thought. The purpose of the article is to identify the main stages in the evolution of approaches to modeling the spatial development of economic systems and to identify the features of the models that were proposed within each of them. The authors identified three stages of this process: the first of them focused on location models, the second — on zoning models, and the third — on "intersystem" models.*

Keywords: *spatial development, spatial organization of the economy, modeling.*

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ

***Аннотация.** На основе доступных месячных и квартальных данных рассматривается динамика основных социальных и экономических факторов, определяющих изменение экономической доступности продовольствия в эксклавной Калининградской области. Проведено сопоставление с динамикой рассматриваемых показателей на уровне страны и федерального округа и выявлены негативные отклонения в изменении экономической доступности продовольствия в самом западном регионе страны относительно общестрановых трендов.*

***Ключевые слова:** продовольственная безопасность, доступность продовольствия, пандемия, covid-19, онлайн торговля, пограничье, Калининградская область, Россия.*

Введение. Калининградская область уже многие годы входит в десятку регионов-лидеров России по уровню и качеству жизни населения, регион остается одним из наиболее привлекательных субъектов страны для иммиграции [5,11]. В то же время очевидны системные проблемы региона, обусловленные, прежде всего, его эксклавым положением и небольшой площадью территории, которые оказывают негативное влияние на экономическую доступность продовольствия в регионе — зависимость от импорта [6], в т.ч. в сельском хозяйстве [3], чувствительность региональной экономики к изменению курса рубля по отношению к мировым валютам, зависимость от транзита российских товаров через территории иностранных государств (Беларусь, Литва), невысокий уровень экономической безопасности [1-2]. Невысокий уровень производительности труда и низкий инновационный потенциал региона [1], неудовлетворительный уровень сложности и конкурентоспособности выпускаемой продукции [7], отрицательный внешнеторговый баланс при низких объемах экспорта сдерживают рост оплаты труда населения и не способствуют решению проблемы бедности [4], а соответственно не способствует увеличению экономической доступности продовольствия.

Следствием этого во многом является пониженный уровень продовольственной безопасности региона при сравнении с другими территориями страны [8].

Экономическая доступность продовольствия, являясь важнейшей частью продовольственной безопасности, в периоды кризиса подвержена снижению вследствие влияния таких факторов, как рост рыночных цен на продовольствие, снижение реальных доходов населения, сокращение оборота розничной торговли продовольствием [9,12]. К такому выводу пришел Узун В.Я. [9], проанализировав последствия российских кризисов 1998-1999 гг., 2008-2009 гг., 2014-2016 гг. Влияние пандемии covid-19 на инфляционные процессы и доходы населения, очевидно, укладывается в обозначенные тренды. В данном исследовании под экономической доступностью продовольствия понимается возможность приобретения пищевой продукции должного качества по сложившимся ценам, в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления. В качестве основных факторов изменения экономической доступности продовольствия, для целей исследования рассмотрены следующие:

- денежные доходы населения;
- цены на продовольственные товары;
- оборот розничной торговли продовольственными товарами;

Методы и материалы. Для характеристики количественных изменений факторов экономической доступности продовольствия в Калининградской области использовались доступные статистические данные Росстата и его территориального отделения в Калининградской области за 2020-2021 гг., включающие показатели, характеризующие уровень жизни (денежные доходы населения, покупательная способность доходов), цены на продовольственные товары, оборот розничной торговли. Сравнение ключевых показателей проводилось относительно средних значений по Северо-западному федеральному округу РФ (СЗФО) и России в целом. Перечень показателей приведен в табл. 1.

Таблица 1

Показатели анализа факторов изменения экономической доступности продовольствия в Калининградской области в период пандемии Covid-19

<i>Фактор</i>	<i>Наименование показателя</i>	<i>Периодичность</i>	<i>Единица измерения</i>	<i>Источник</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Денежные доходы населения	Реальный размер денежных доходов населения*	поквартально	%	ЕМИСС (доходы и пенсии), статистический бюллетень «Социально-экономическое положение федеральных округов» (зарплата)

1	2	3	4	5
Денежные доходы населения	Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения	в среднем за год	товарный эквивалент среднедушевых денежных доходов	ЕМИСС
Потребительские цены	Индекс потребительских цен на продовольственные товары	месячная, к декабрю предыдущего года	%	ЕМИСС
Оборот розничной торговли продовольственными товарами	Оборот розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями в расчете на душу населения	суммарно за год	рубль	ЕМИСС (данные до 2020 г.), оперативный доклад «Социально-экономическое положение Калининградской области» (данные за 2021 г.), доклад «Социально-экономическое положение России» (данные за 2021 г.)
	Оборот розничной торговли продуктами питания на душу населения	суммарно за год	рубль	ЕМИСС

* в соответствии с Методологическими положениями по расчету показателей денежных доходов и расходов населения, утвержденными приказом Росстата от 02.07.2014 № 465 с изменениями от 20.11.2018

Результаты

Реальные доходы населения. Уровень жизни населения жителей Калининградской области в период пандемии значительно ухудшился по показателям денежных доходов населения, заработных плат работников и пенсий. Падение реальных денежных доходов населения в России и в целом по СЗФО сохранялось на протяжении 2-4 кварталов 2020 г. и первого квартала 2021 г. (рис. 1). В самом западном регионе страны сокращение доходов было зафиксировано еще в первом квартале 2020 г., что обусловлено последствиями закрытия границ со стороны сопредельных государств

[13]. Разрыв в реальных располагаемых денежных доходах населения с показателями по СЗФО достигал 6% в начале 2020 г. и 3% во втором квартале. Отмечается также более медленное восстановление доходов во втором-третьем кварталах 2021 г. как относительно округа, так и России в целом.

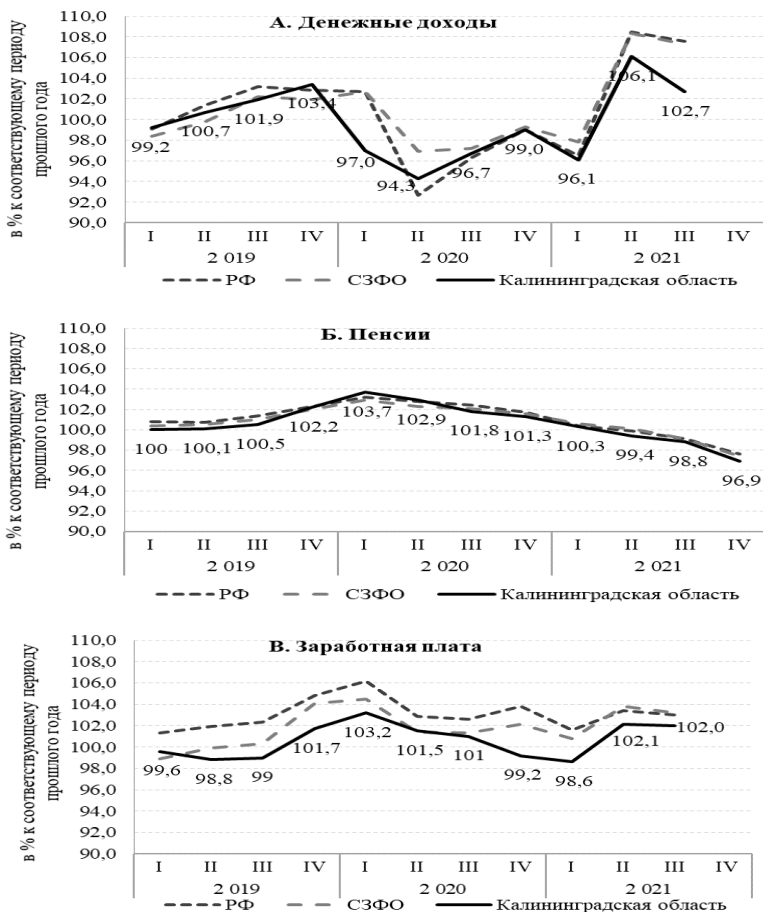

Рис. 1. Квартальная динамика реальных располагаемых доходов населения, заработных плат работников организаций и пенсий жителей Калининградской области в 2019-2021 гг.

Источник: Росстат.

В номинальном выражении среднедушевые денежные доходы населения в третьем квартале 2021 г. составили 31,8 тыс. рублей, во втором — 30,9 тыс. рублей. Региональные значения показателя более чем 21% отстают от среднероссийского уровня и на 26% — уровня по СЗФО.

Основным источником денежных доходов населения являются доходы от работы по найму, в общем объеме которых, в свою очередь, примерно три четверти составляет заработная плата работников организаций. Изменение уровня оплаты труда работников организаций Калининградской области имело отличия от общестрановых тенденций. Они заключаются в более продолжительном (и раннем) падении реальных заработных плат работников на протяжении последнего квартала 2020 г. и первого квартала 2021 г. (в России и СЗФО падение зафиксировано только в начале 2021 г.) и замедленном восстановлении темпов роста в последующем. В номинальном выражении среднемесячная начисленная заработная плата работников в крупных, средних и малых организаций в третьем квартале 2021 г. составила 40,9 тыс. рублей, во втором — 41,4 тыс. рублей. Разрыв в оплате труда относительно работников других регионов России превысил 27%, а относительно работников регионов СЗФО — 35%.

Темпы роста реального размера пенсий жителей Калининградской области, так же как и жителей других регионов страны, на протяжении всего пандемийного периода замедлялись и уже начиная со второго квартала 2021 г. фиксируется снижение, более ощутимое, чем в среднем по РФ и СЗФО. Средний размер назначенной пенсии в Калининградской области по данным статистики на 1 октября составил 15,1 тыс. рублей, что на 14% ниже, чем в среднем по СЗФО и на 5% ниже, чем в среднем по РФ.

Такие изменения не способствуют кардинальному улучшению ситуации с неравенством распределения доходов среди населения и борьбе с бедностью. Уровень бедности в 2020 г. в Калининградской области остался на уровне 13,5%, что превышает среднее значение показателя по России на 11%. Сохраняется смещение доходов в крайнюю 20-процентную группу населения с наибольшими доходами. Позитивным представляется то, что доля доходов, которыми располагают 20% наиболее обеспеченных жителей Калининградской области ниже, чем в среднем по стране — 42% против 46%.

Цены на продовольствие. Рост реальных денежных доходов населения Калининградской области во втором и третьем кварталах 2021 г. происходил на фоне существенно возросшей инфляции. Достигнутые пиковые значения индекса потребительских цен на продовольственные товары (кроме алкогольных напитков) в октябре-ноябре 2021 г. равнялись 12% относительно соответствующего периода предыдущего года. Заметный

скачок цен произошел в феврале 2021 г. и далее в сентябре. Примечательно, что если в 2020 г. удавалось сдерживать опережающий рост инфляции в пределах среднестранового уровня, то в 2021 г. траектория региональной инфляции практически круглогодично находится выше траектории показателя по России и СЗФО.

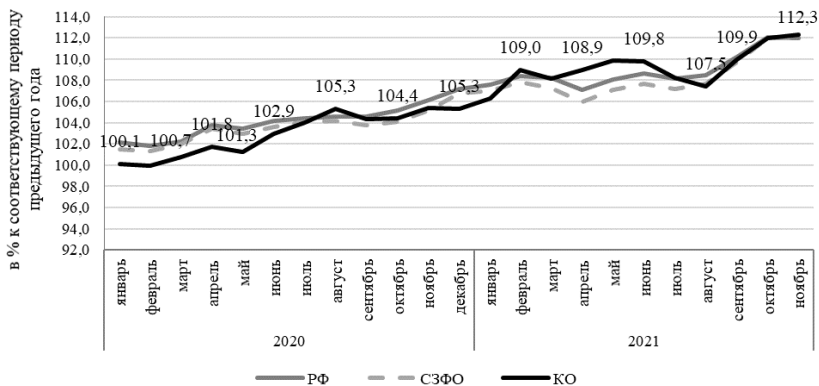

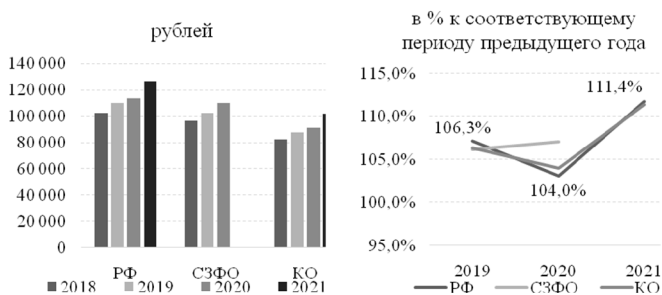
Рис. 2. Индекс потребительских цен на продовольственные товары (без алкогольных напитков) в Калининградской области в 2020-2021 г., в % к декабрю предыдущего года

Источник: Росстат

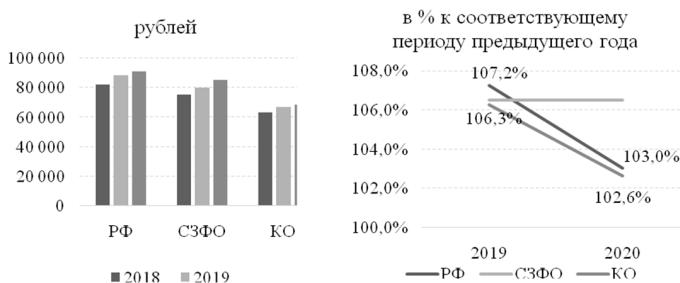
Оборот розничной торговли продовольственными товарами. Снижение роста оборота розничной торговли продуктами питания внесло свой вклад в экономическую доступность продовольствия в регионе в 2020 г. Так по данным 2020 г. оборот розничной торговли пищевыми продуктами на душу населения в Калининградской области составил 102,6% по отношению к 2019 г., что ниже средних значений по РФ и СЗФО (рис. 3). При этом в целом по группе продовольственных товаров, включающих напитки и табачные изделия, отмечается сокращение роста до 104% в 2020 г. Негативным представляется наращивание отставания региональных показателей по обороту розничной торговли пищевыми продуктами (в расчете на душу населения) от среднестрановых – на 1 пп до 24,4% в 2020 г.), среднеокружных — на 3 пп до 19,4% в 2020 г.

Одним из важнейших негативных проявлений падения доходов населения и роста инфляции в российском эксклаве стало сокращение покупательной способности денежных доходов населения. Фактически из 165 наименований продовольственных товаров регион в 2020 г. имел более высокую покупательную способность относительно населения страны в це-

лом только по пяти позициям, годом ранее — по шести (рис. 4). Это вода минеральная и питьевая, картофель, кисломолочные продукты в целом и отдельно сметана, рыба живая и охлажденная. По ряду позиций за прошедший год отмечается наращивание разрыва со среднестрановыми значениями, главным образом, за счет падения или незначительного (относительно темпов по стране) роста покупательной способности денежных доходов населения Калининградской области. По тем позициям, где имело место сокращение разрыва, причиной чаще всего было падение покупательной способности доходов населения страны в целом. Рост показателя в регионе способствовал ощутимому (более 20%) уменьшению отставания от среднероссийских значений только по таким позициям как, мясо индейки, творог, молоко, свекла.

а) продовольственные товары, включая пищевые продукты, напитки и табачные изделия

б) продукты питания

Рис. 3. Оборот розничной торговли продовольственными товарами в Калининградской области в 2019-2021 гг. в расчете на душу населения

Источник: Росстат

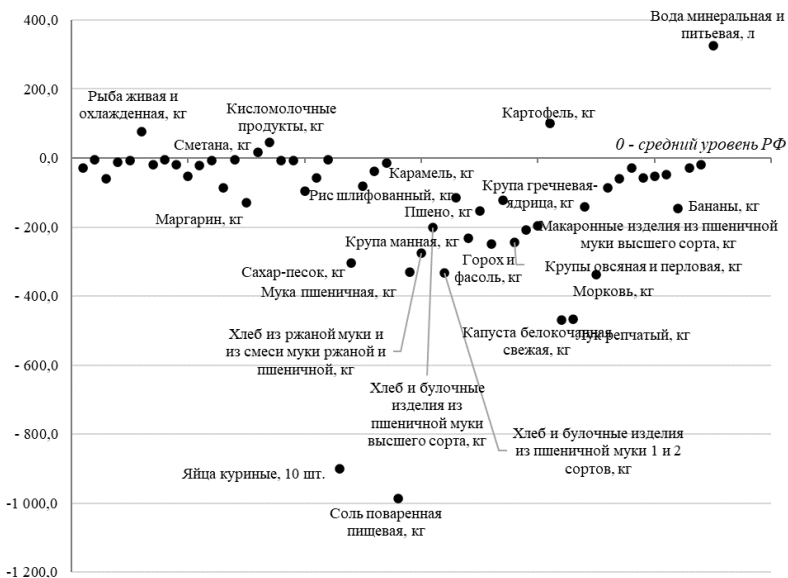

Рис. 4. Покупательная способность денежных доходов населения Калининградской области в 2020 г. относительно среднего уровня по России

Источник: Росстат

Заключение

В динамике факторов, оказывающих существенное влияние на экономическую доступность продовольствия, наметились крайне негативные тенденции, проявившиеся в самом западном эксклавному регионе более ярко, чем в среднем по стране или округу. Среди них более раннее и глубокое падение реальных денежных доходов населения (и заработных плат работников), их более медленное восстановление в последующем; более стремительный разгон инфляции на продовольственные товары в 2021 г.; увеличение отставания региональных показателей по обороту розничной торговли пищевыми продуктами (в расчете на душу населения) от средне-страновых значений. Следствием таких изменений, очевидно, является не только более осязаемое падение покупательской способности денежных доходов населения Калининградской области относительно среднего уровня по РФ, но и сокращение экономической доступности продовольствия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00739.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волошенко К.Ю. Экономическая безопасность в границах экономической сложности // Регионология. 2021. 2(115). 10.15507/2413-1407.115.029.202102.401-426
2. Волошенко К.Ю., Волошенко Е.В. Типология регионов Западного побережья России по
3. Волошенко К.Ю., Федоров Г.М. Перспективные направления институциональных изменений в сельском хозяйстве Калининградской области // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 89-101.
4. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000–2017 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019; (5):3-17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>
5. Лялина А.В. Роль миграционных процессов в формировании трудовых ресурсов региона / Калининградская область: 2019 — август 2021: монография под ред. Г.М. Федорова. 2021. Калининград. (в редакции)
6. Никифорова И.В. Импортная продовольственная зависимость как угроза продовольственной безопасности Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 3. С. 84—90
7. Руус Й., Волошенко К. Ю., Дрок Т. Е., Фарафонов Ю. Ю. Анализ экономической сложности Калининградской области — выбор отраслевых приоритетов в новой парадигме создания ценности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 156-180. doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-9
8. Смирнов В.В. Продовольственная безопасность регионов Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №3 (288). С. 29-42
9. Узун В.Я. Продовольственная безопасность в условиях пандемии: риски и меры по их снижению // Научные труды ВЭО России/223 том.
10. Волошенко К.Ю., Волошенко Е.В. Типология регионов Западного побережья России уровню экономической безопасности // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 20–33. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-2
11. Щербакова Е.М. Миграция в России, предварительные итоги 2020 года // ДемоскопWeekly. 2021. № 895-896. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0895/barom01.php> (Дата обращения: 13.02.2022)
12. Яшкова Н.В. Факторы экономической доступности продовольствия и их оценка в условиях цифровой экономики // Фундаментальные исследования. 2019. № 10. С. 160-164.
13. Yemelyanova, L.L., Lyalina, A.V. The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid covid-19, Baltic region, 2020. 12 (4). P. 61-82. 10.5922/2079-8555-2020-4-4.

FACTORS OF CHANGES IN THE ECONOMIC ACCESS TO FOOD IN THE KALININGRAD REGION DURING THE COVID-19

Annotation. Based on the available monthly and quarterly data, the dynamics of the main social and economic factors that determine the change in the economic access to food in the exclave Kaliningrad region is considered. A comparison was made with the dynamics of the indicators under consideration at the level of the country and the federal district, and negative deviations in the change in the economic access to food in the westernmost region of the country relative to country-wide trends were identified.

Keywords: food security, economic access to food, pandemic, covid-19, online trading, borderlands, Kaliningrad region, Russia.

УДК 339.923

Маменов С.Д., Ротанова И.Н.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОЛЬШОМ АЛТАЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Членство России и Казахстана в СНГ, ЕАЭС, ШОС, а также приграничное сотрудничество в рамках Международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай» дает возможности для развития сотрудничества. Рассмотрены основные перспективные направления экономического сотрудничества Алтайского края и Восточно-Казахстанской области в международном Алтайском регионе — Большом Алтае.

Ключевые слова: экономическое развитие, международное приграничное сотрудничество, международный Алтайский регион, Алтайский край, Восточный Казахстан.

В 1992 году, после того как Горную главу включили в Глобальную повестку развития XXI века, активные поиски и обсуждения моделей устойчивого развития горных территорий начались во всем мире. Не обошел стороной этот процесс и Россию, где горы и возвышенности занимают более 50% территории и характеризуются богатым природным и этнокультурным разнообразием [1,2]. Генеральная Ассамблея ООН объявила 2022 год Международным годом устойчивого горного развития. Исходя из это-

го, изучение экономических связей в международном Алтайском регионе — Большом Алтае приобретает особую актуальность.

В начале XXI века в приграничных территориях государств Большого Алтая сформировались определенные предпосылки для создания приграничного межрегионального объединения. С 2003 года Алтайский край и Республика Алтай (Россия), Восточно-Казахстанская область (ВКО) (Казахстан) вместе с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (Китай) и Баян-Ульгийским и Ховдским аймаками (Монголия) входят в состав международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай». Это создает условия для международного приграничного экономического и культурного взаимодействия.

Огромная горная территория Большого Алтая на протяжении нескольких веков была связана торговыми, экономическими, этническими, политическими и культурными отношениями. Так, территория Восточного Казахстана входила в состав Алтайского горного округа Томской губернии. Губерния была создана в 1804 году в результате проводимых административных реформ Сибири конца XVIII — начала XIX века. Она включала в себя территории современных Алтайского края, Республики Алтай, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей Российской Федерации, бывших Усть-Каменогорской и Семипалатинской областей Казахстана, западных земель Красноярского края и восточных земель Омской области.

Современное экономическое сотрудничество в Большом Алтае развивается продуктивно, основой чему служит ряд предпосылок и факторов. Наибольшее взаимодействие отмечается между Алтайским краем и ВКО, что подтверждается положительной динамикой товарооборота (табл. 1).

Таблица 1

Динамика товарооборота Алтайского края и Республики Казахстан

<i>Период</i>	<i>Товарооборот, тыс. долл. США</i>	<i>Экспорт, тыс. долл. США</i>	<i>Импорт, тыс. долл. США</i>
2009	353719,0	241493,9	112225,1
2018	474426,2	355547,3	118879,9

Составлена авторами по данным: [3]

Росту экономического взаимодействия способствуют автомобильная и железнодорожная связность двух приграничных регионов [4].

Основываясь на публикациях ряда авторов [5-9], факторы и уровень экономического развития Алтайского края и ВКО характеризуются показателями, которые можно объединить в три крупные группы:

- 1) природно-ресурсный потенциал;

- 2) исходный экономический потенциал;
- 3) региональная политика и управление.

Группа 1 включает

- климатические, водные, почвенно-земельные ресурсы;
- био- и ландшафтное разнообразие, ископаемое минеральное сырье

и др.;

Группа 2 подразделяется на взаимосвязанные подгруппы:

- промышленно-производственный и инвестиционный потенциал, включающий: ВРП, объем производства, рентабельность, количество предприятий промышленности, иностранные инвестиции;
- развитие инфраструктуры: эксплуатационная длина железнодорожных путей, плотность автомобильных дорог с твердым покрытием, пассажирооборот, грузооборот.

Группа 3 дифференцируется на подгруппы:

- социально-демографические факторы;
- научно-технический потенциал;
- целевые программы развития;
- инвестиционная политика.

Анализируя влияние факторов группы 1, важно отметить, что оба приграничных региона характеризуются схожими: климатом, ландшафтами, проблемами в становлении региональной экономики в условиях рынка, а также наличием исходного экономического потенциала и современными рыночными преобразованиями [10, 11].

Названные факторы могут быть использованы и для оценки перспектив развития экономического сотрудничества, так как они способны оказывать влияние на внешнеторговый оборот как показатели экономического взаимодействия. Кроме того, вышеизложенное позволяет рассматривать приграничные регионы России и Казахстана с позиции интегрирования экономической системы и разрабатывать предложения для комплексного использования ресурсов, имеющихся на прилегающих территориях, а также транспортных коридоров [5, 6, 8].

Большой Алтай разделен политическими границами, но представляет собой единое географическое — природное и общественно-экономическое образование, состоящее из локальных единиц региональной дифференциации — субъектов разных стран, расположенных в одной горной системе. Выгода международного единства заключается во взаимодействии и взаимодополняемости его частей. Географическое положение Большого Алтая, его достаточно развитая международная инфраструктурно-транспортная сеть открывают новые возможности для установления

прочных экономических и торговых связей на межрегиональном и международном уровнях.

К перспективным факторам экономической интеграции приграничных регионов Большого Алтая, и в первую очередь, Алтайского края и Восточно-Казахстанской области, предлагается отнести:

- Повышение степени открытости региональных рынков;
- Развитие приграничного сотрудничества;
- Укрепление и обустройство внешних границ;
- Упрощение процесса перемещения товаров, рост взаимной, особенно приграничной торговли;
- Расширение сферы деятельности коммерческих банков и других финансово-инвестиционных структур;
- Дополнительные возможности роста транзитного потенциала.

Реализация перспективных экономических планов стран и регионов Большого Алтая, развитие международного сотрудничества зависят, как от уровня заинтересованности стран в сотрудничестве, так и от реально существующих возможностей экономической интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глобальная повестка развития в 21 веке (Рио-де-Жанейро, 1992) <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf> (Дата обращения 15.01.2022).

2. Самойлова Г.С., Авессаломова И.А. Горные регионы России: морфометрический анализ и ландшафтное разнообразие // Вопросы географии. Том 137. ВОО. РГО. 2014. С. 39-63.

3. Агентство по статистике Республики Казахстан: Статистический ежегодник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz> (Дата обращения 07.10.2021).

4. Маменов С.Д., Ротанова И.Н. Алтайский регион в пространстве трансконтинентальных железнодорожных коридоров: от Турксиба к трансевразийским мегапроектам // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. 2020. № 4 (64). Номер статьи: 6414.

5. Пермякова, Е.С. Приграничный агропромышленный регион: предпосылки и перспективы экономической интеграции. Дисс. на соискание степени канд. полит. наук. — Барнаул, 2012.

6. Сычева И.Н., Михайлушкин П.В., Полтарыхин А.Л., Пермякова Е.С. Приграничный агропромышленный регион: предпосылки и перспективы экономической интеграции. Барнаул. АЗБУКА. 2013.

7. Суслов В.И., Суспицын С.А., Селиверстов В.Е. Социально-экономическое развитие Сибири в системе российских и мирохозяйственных связей // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 197-201.

8. Найзабаева Ш.Х., Борисенко М.А., Маменов С.Д., Ротанова И.Н. Развитие транспортно-логистических узлов Восточно-Казахстанской области // Региональная

экономика и управление: электронный научный журнал. ISSN 1999-2645. — 2021. — № 4 (68). Номер статьи: 6822. Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/6822/>.

9. Артемьева К.А., Маменов С.Д., Дунец А.Н. Приграничные территории: сущность понятия и возможности сотрудничества России и Казахстана // География и природопользование Сибири: сборник статей / под ред. проф. Г.Я. Барышникова; АлтГУ. Вып. 26. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. — С. 15-23.

10. Жундубаев М.К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы. Дисс. на соискание степени канд. полит. наук. М., 2014.

11. Межрегиональное и приграничное сотрудничество в государствах-участниках СНГ. Информационно-аналитическая записка / Департамент экономического сотрудничества Исполнительного комитета СНГ. М. 2011.

Sergey D. Mamenov, Irina N. Rotanova

Altai State University, Barnaul

OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC COOPERATION IN THE GREATER ALTAI (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY AND THE EAST KAZAKHSTAN REGION)

Annotation. The membership of Russia and Kazakhstan in the CIS, the EEC, the SCO, as well as cross-border cooperation within the framework of the International Coordinating Council «Our Common Home — Altai» provides opportunities for developing cooperation. The main promising areas of economic cooperation between the Altai Krai and the East Kazakhstan Region in the international Altai region — Greater Altai are considered.

Key words: economic development, international cross-border cooperation, international Altai region, Altai Krai, East Kazakhstan.

УДК. 574.1

Марциневская Л. В., Сазонова Н. В.

Белгородский государственный университет, г. Белгород

ПЕРСПЕКТИВА ВКЛЮЧЕНИЯ ГПЗ «БЕЛОГОРЬЕ» В МИРОВУЮ СЕТЬ БИОСФЕРНЫХ РЕЗЕРВАТОВ

Аннотация. Статья посвящена состоянию и перспективам включения государственного природного заповедника «Белогорья» в глобальную сеть биосферных резерватов.

Ключевые слова: биосферный резерват, заповедник, экологический каркас.

История создания биосферных резерватов имеет достаточно длительную и вполне успешную историю развития, начиная с 70-х годов XX века. В рамках программы «Человек и биосфера» создана и функционирует Все-

мирная сеть ООПТ, объединяющая в себе заповедные территории и акватории, призванные не только охранять ландшафтное и биологическое разнообразие, но и демонстрировать наиболее удачные подходы к комплексному и устойчивому управлению природными ресурсами и хозяйственной деятельностью в системе «человек и природа».

Важнейшей особенностью биосферных резерватов является содействие устойчивому развитию конкретных регионов через сохранение естественных экосистем в сочетании с оптимальными видами и методами природопользования в соответствии с местными природными условиями и культурными традициями этносов, населяющих местность.

В настоящее время в Международную сеть биосферных резерватов интегрировано 714 ООПТ, включая 21 трансграничную. В этой глобальной сети Россия имеет крупнейшую сеть биосферных резерватов. В 2021 году в нашей стране функционировало 47 БР, это второе место в мире после Испании, где организовано 49 ООПТ с международным статусом «биосферный резерват». Несмотря на устойчивый рост количества БР специалисты РК МАБ подчёркивают необходимость дальнейшего расширения данной сети и самое главное улучшения её качества [1].

Анализируя сложившуюся географическую заповедную сеть, следует отметить слабую представленность лесостепных и степных ландшафтов в структуре отечественных БР. Это объясняется не только их территориальной ограниченностью данных природных зон, но и их существенной трансформацией вследствие давнего и интенсивного хозяйственного освоения.

Ядрами сохранения ландшафтного и биологического разнообразия лесостепных экосистем Восточно-Европейской равнины стали ООПТ Центрального Черноземья, к которым относится и ООПТ Белгородской области. В современную заповедную сеть нашего края вошло значительное количество региональных ООПТ и только один объект федерального значения — это государственный природный заповедник «Белогорье». В 2012 году государственному природному заповеднику «Белогорье» и ещё 8 охраняемым территориям регионального подчинения (6 заказникам и 2 природным паркам) официально присвоен статус перспективных участков Изумрудной сети Европы (EmeraldNetworkEurope) [2]. Но спустя 10 лет эти территории столь важные для сохранения общеевропейской дикой природы по-прежнему остаются в статусе номинантов. На наш взгляд существуют и иные возможности предания высокого природоохранного статуса ГПЗ «Белогорье». Оценка перспектив включения заповедника в мировую сеть биосферных резерватов и стала предметом наших исследований. Для Белгородской области, где доля ООПТ в структуре современного землепользования, невероятно мала, предание международного статуса может стать одним из возможных

вариантов улучшения охраны природы. С одной стороны, это повысит статус и соответственно правовую защищённость, с другой стороны даст возможность интеграции не только в экологический каркас, но и в социально-экономическую структуру нашего региона.

Важно отметить, что заповедник представляет все зональные ландшафты нашего края, на его территории сохраняется более 1100 видов сосудистых растений (свыше 85 % флоры Белгородской области), около 300 видов позвоночных животных (70 % фауны позвоночных области) и более 60% беспозвоночных). На сегодняшний день в состав заповедника входит пять кластерных участков (рис. 1).

Рис. 1. Картограмма расположения кластерных участков ГПЗ «Белогорье»

Из картограммы видно, что, они находятся на значительном друг от друга расстоянии в границах трех административных районов: Борисовском, Губкинском и Новооскольском. Общая площадь заповедных участков составляет 2131 га. В Борисовском районе в верхнем течении реки Ворсклы расположен старейший кластерный участок «Лес на Ворскле». Природоохранный статус он получил еще в 1924 году. Площадь заповедного участка составляет 1038 га. Самыми ценными в природоохранном отношении являются биогеоценозы дубрав среднерусской лесостепи.

В этом же районе находится кластерный участок «Острасьевы Яры», он представляет собой овражно-балочную сеть, протяженностью около 3 км и шириной 200-800 м. Заповедная территория имеет сравнительно неболь-

шую площадь, всего 90 га. Несмотря на маленькую площадь, участок «Острасевы яры» имеет богатый и разнообразный видовой растительный состав, поэтому представляет большой научный интерес. Ландшафтный облик представлен участками байрачных лесов, разнотравно-луговыми степями, болотными и прибрежно-водными сообществами. На небольшой территории произрастает около 450 видов растений, среди которых насчитывается 35 видов растений редких для лесостепной зоны.

В Губкинском районе расположены также два заповедных кластера: «Ямская степь» и «Лысые горы». До 1999 года они входили в состав Центрально-Черноземного государственного природного биосферного заповедника имени профессора В.В. Алехина. Заповедный участок «Ямская степь» является южным вариантом ковыльно-разнотравно-луговой степи. Только на этом участке сохранились степные биомы в плакорных условиях, остальные участки степей нашей области приурочены к неудобьям — балкам, оврагам и крутым склонам речных долин. Для заповедного урочища характерна богатая насыщенность как видовой (67 видов /м²), так и численной (до 1000 экземпляров/м²).

Ландшафт заповедного участка «Лысые горы» поистине можно назвать уникальным — для северных луговых степей это редкие варианты сухой приледниковой альпийско-тундровой растительности. Сниженноальпийские сообщества образовались после смен ледниковых эпох, из-за чего периодически менялись границы степной зоны. В результате чего на территории сохранились и произрастают в настоящее время тундровые, лесные, пустынные, горные виды растений. Таким образом, особую ценность кластерного участка представляют сохранившиеся реликтовые ландшафты.

Заповедный участок «Стенки-Изгорья» находится в Новооскольском районе. Общая площадь территории кластерного участка составляет 267 га. Ландшафт заповедного участка «Стенки-Изгорья» представлен нагорной дубравой с фрагментами мелового бора, степными растительными сообществами, а также пойменным комплексом реки Оскол [1]. На территории заповедника находятся уникальные ландшафты и экосистемы.

Анализируя представленные материалы, можно с уверенностью утверждать, что природоохранная ценность заповедника «Белогорье» не вызывает сомнения. Во-первых, кластерные участки представляют весь спектр экологических систем, являющихся репрезентативными для наших зональных ландшафтов, а также включают реликтовые и интразональные природные сообщества. В границах природоохраненных территорий произрастают и обитают виды, занесенные в региональные и национальную Красные книги, и виды, номинированные в «Изумрудную книгу Российской Федерации», как имеющие общеевропейскую значимость. Таким образом, с позиции природоохранной ценности, статус биосферного резервата более чем убедителен.

Существенным препятствием для номинирования является небольшие размеры заповедника, недостатки в обустройстве буферных зон вокруг заповедных ядра отсутствие переходных зон. В связи с этим, мы предлагаем: 1) увеличить суммарную площадь ООПТ преимущественно за счёт прилегающих долинных и склоновых ландшафтов, которые в силу своих природных особенностей, не были вовлечены в сельскохозяйственный оборот и сохранили свою естественную растительность и животный мир, включая редкие и уязвимые виды; 2) создать буферные зоны не менее 3 км в виде кольцевой структуры в двух кластерах: «Острасьевы Яры» и «Стенки Изгорья», а та же замкнуть разорванную буферную зона вокруг заповедного ядра «Лес на Ворскле»; 3) вокруг буферных зон создать переходные зоны, являющиеся обязательным элементом в структуре биосферного резервата, в которых должны быть реализованы те виды природопользования, которые будут способствовать как сохранению природного наследия региона, так и его социально-экономическому развитию. В эти переходные, или как иначе их называют, зоны сотрудничества должны войти ближайшие населенные пункты, где ведутся традиционные, как правило, сельскохозяйственные виды природопользования.

Кроме того, необходимо актуализировать картографические материалы, провести системную работу с основными природопользователями и разработать план управления.

Основные выводы по анализу основных сведений о перспективе включения ГПЗ «Белогорье» в мировую сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО содержатся в таблице.

Таблица

Анализ перспектив включения ГПЗ «Белогорье» в мировую сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО

Положительные моменты	Отрицательные моменты
<ol style="list-style-type: none"> 1. Организация долгосрочной территориальной формы охраны природы в рамках национального законодательства 2. Наличие пакета юридических документов 3. Наличие списка краснокнижных видов растений и животных 4. Проведение научных исследований 5. Наличие фото- и видеоматериалы 6. Организация на базе заповедника образовательной и просветительской деятельности 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Несоответствие функционального зонирования статусу «биосферный резерват» 2. Отсутствие карты растительности и карты экосистем биосферного резервата 3. Отсутствие списка основных природопользователей 4. Отсутствие плана управления

В завершении следует отметить, что для контроля намеченной работы следует создать соответствующий механизм управления, а именно Координационный совет. Совет должен поступательно решить многосторонние задачи: задачи территориального планирования расширяемой заповедной территории, организации эффективной системы экологического мониторинга, а также планирования и координации хозяйственной деятельности на территории биосферного резервата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Неронов В.М., Луцкекина А.А. История и дальнейшие задачи развития программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) и сети биосферных резерватов в России // Международные отношения и мировая политика, 2018 5(4). — С. 336-350.
2. Марциневская Л.В. Кухарук Н.С., Шипанова А.А. Современный этап организации и функционирования ООПТ в староосвоенных районах Европейской части России (на примере Белгородской области // Географическая наука Узбекистана и России: общие проблемы, потенциал перспективы сотрудничества / Отв. ред. Ф.Х. Хиктатов и А.Г. Дружинин. Материалы Международной научно-практической конференции. Ташкент, 2019– С. 193-197.

Larisa V. Martsinevskaya, Nina V. Sazonova

Belgorod State University, Belgorod

THE PROSPECT OF THE INCLUSION OF THE «BELOGORYE» GAS PROCESSING PLANT TO THE WORLD NETWORK OF BIOSPHERE RESERVES

Annotation. The article is devoted to the state and prospects of inclusion of the state nature reserve "Belogorya" in the global network of biosphere reserves.

Keywords: biosphere reserve, nature reserve, ecological framework.

УДК 911.37:911.53

Мельников Е. Р., Осоргин К. С., Столбов В. А.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД КАК БАЗА СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассматривается бренд «Пермский период» как уникальное явление, формирующее положительный, привлекательный образ Пермского края. Конкретизированы составляющие «Пермского периода», их роль в создании позитивного образа региона и повышении социального и символического

капитала. Определяются возможности повышения внутреннего потенциала региона и населяющих его местных сообществ.

Ключевые слова: символический капитал, социальный капитал, местное сообщество, Пермский край, бренд.

Человеку на современном этапе развития общества важны накопления не только экономического, сугубо материального капитала, но и капитала символического. Понятие «символический капитал» было введено в науку французским социологом Пьером Бурдьё, который в своём труде дал весьма лаконичное определение — «это капитал чести и престижа» [1]. Символический капитал можно трактовать как «комплекс нематериальных активов территории, ее символические и ментальные ресурсы в виде имиджа, бренда, престижа, доверия и репутации» [2]. Потенциал территории существенно обогащается символическим содержанием — формированием позитивного имиджа региона (территории) [3].

Географическая интерпретация данного понятия представляет собой привязку символического капитала к месту, к территории (а иногда — и к акватории, так как «место» не всегда имеет именно территориальную привязку, как, например, река Кама [4]). Совокупность различных форм капитала (наряду с символическим — природного, социального, экономического) в рамках разного рода мест формирует имидж (бренд), которые работают на узнавание региона (территории), создают базис для потенциального получения выгоды [5]. Иначе говоря, задача местного сообщества — конвертация символического капитала в капитал социально-экономический. В этом случае территория получает стимул для своего развития, перспективу, скреплённую желанием представителей местного сообщества в постоянном проживании на данной территории [6]. Конечно же, это возможно только при условии консолидации усилий членов местных сообществ, объединённых общей идеей [7].

Один из элементов символического капитала в его привязке к территории — уникальные наименования, названия внутри регионов, которые формируют его региональную идентичность [8].

Ассоциативный ряд Пермского края возглавляет, несомненно, Пермский период (система) — единственная веха в геологической истории Земли, связанная с Россией (СССР). Актуализация потенциального содержания этого бренда логически содержит и Пермь Великую (огромную территорию, присоединённую к Великому Новгороду в XI-XII веках), и Стефана Пермского (епископа, возглавившего христианский миссионерский поход в пермские земли), и пермский «Звериный стиль», и Коми-Пермяков.

Объединённые в единый символический образ подобные ассоциативные элементы складываются в репутацию территории, её инвестиционную

и туристическую привлекательность, познавательную ценность, формируют региональную идентичность членов местного социума.

Пермский период делает регион значимым и узнаваемым не только для представителей ряда профессиональных сообществ (геологов, географов, палеонтологов, нефтяников, шахтеров, металлургов, историков, религиоведов и т. д.), но и широкого круга лиц, заинтересованных в познавательной деятельности, интеллектуальном и творческом развитии, воспитании чувства патриотизма и территориальной сопричастности у подрастающего поколения.

Осознание подобных возможностей всё шире распространяется в среде культурной элиты края. На решение этой задачи нацелен «Музей пермских древностей», где достойное место занимает экспозиция, посвящённая Пермской геологической системе. Ещё большие перспективы открываются в связи с предстоящим открытием «Музея Пермского периода», концепция которого в настоящее время разрабатывается [9].

Справедливости ради, следует указать на ряд негативных характеристик Прикамья, связанных с определёнными историческими этапами его освоения. Это период новгородской и московской колонизации, сопровождавшийся военными столкновениями с представителями коренных народов; не всегда миролюбивые отношения с тюркскими этносами; эпоха ГУЛАГа 1920-х — 1970-г гг.; депортация крымских татар, немцев Поволжья; трудармия в годы Великой Отечественной войны и многое другое. Подобные факты, вопреки мнению властей, резко ограничивших, например, возможности посещения колонии «Перми-36», не подрывают репутацию края, а способствуют правильному пониманию направленности демографических процессов на его территории, осознанию специфических черт ментальности жителей Западного Урала: гостеприимства, взаимовыручки, толерантности, религиозной терпимости и пр., акцентируют внимание на сложности и противоречивости хода становления социума.

Пермский период как территориальный бренд целесообразно рассматривать не только в исторической (генетической) системе координат, но и в пространственном (межмуниципальном) аспекте. Развёртывание пространственно-временной проекции бренда представляет собой логически выстроенную систему музейно-выставочных комплексов, культурно-исторических артефактов и природных объектов, последовательно раскрывающих те или иные его аспекты. Ведущую роль в этой системе несомненно должны играть муниципальные краеведческие и ведомственные индустриально-технологические музеи. В настоящее время в крае действуют более 35 муниципальных и множество частных музеев, экспозиции которых посвящены как особенностям Пермского геологического периода (зве-

ро-ящеры, калийные соли, медистые песчаники, нефть, газ, уголь, селенит и т.д.), так и его более поздним «отголоскам» — медеплавильным, железоделательным и химическим предприятиям, авиационной и космической промышленности, институтам военно-промышленного комплекса, культуре, искусству, образованию, медицине.

Создание на базе подобных организаций целостного аттрактивного продукта, пронизанного единым замыслом и умело продвигаемого на внутренних и внешний рынки, существенно повысило бы ценность края в глазах российского и мирового сообщества. Главную роль в этом процессе должны играть даже не носители интересов территории (идея достаточно давно и широко овладела массами), а их выразители — представители власти, бизнеса, лидеры общественных мнений [10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 57.
2. Географический подход к изучению символического капитала страны с позиции ожидаемой продолжительности жизни населения / Т.А. Балина, В.А. Столбов, Л.Ю. Чекменева, В.А. Горбанёв // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2021. Т. 31. № 2. С. 198-208.
3. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный потенциал и региональный капитал: «возможное» — «реальное» — «необходимое» // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 4. С. 1014-1027.
4. Чупина Л.Б. Место и его свойства в географических исследованиях // Россия и её регионы в полимасштабных интеграционно-дизинтеграционных процессах. Пермь, 2017. С. 297–300.
5. Осоргин К.С. Понятия «место» и «местное сообщество»: подходы к интерпретации // Географический вестник = Geographical bulletin. 2018. №1(44). С. 83–89.
6. Столбов В.А., Тежикова Е.Ю. Символический (имиджевый) капитал городов Пермского края: семантический подход к оценке качества городской среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 1. С. 140-152.
7. Шарыгин, М.Д. Местное сообщество: сущностные атрибуты, структура и функции (концептуальная модель) / М. Д. Шарыгин, К. С. Осоргин // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Пермь, 07–11 ноября 2018 года / Под редакцией Т.В. Субботиной, Л.Б. Чупиной. — Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 350-354.
8. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: мат. 4 Конвента РАМИ в 10 т. Т.2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2007. С. 81–107.
9. Пермский период. Будущий музей о Пермском периоде в истории Земли и в нашей жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://museumperm.ru/branch/permian>. Дата обращения: 28.01.2022

10. Шарыгин, М.Д. Территориальная основа организации местного сообщества / М. Д. Шарыгин, К. С. Осоргин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 94-104.

Egor R. Mel'nikov, Konstantin S. Osorgin, Vyacheslav A. Stolbov

Perm State National Research University, Perm

THE PERM PERIOD AS A BASE OF THE SYMBOLIC CAPITAL OF THE PERM REGION

***Annotation.** The article considers the brand «Perm period» as a unique phenomenon that forms a more positive, attractive image of the Perm region. The components of the «Perm period», their role in creating a positive image of the region and increasing the social and symbolic capital are specified. The possibilities of increasing the internal potential of the region and the local communities inhabiting it are determined.*

***Keywords:** symbolic capital, social capital, local community, Perm region, brand.*

УДК 338.2; 913

Михеева Н. М.¹, Диденко Д. Ю.²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург

² Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РФ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ И РОССИЙСКО-ЮЖНО-КОРЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

***Аннотация.** В статье анализируется динамика развития торгово-экономических отношений российских дальневосточных регионов с Китаем и Республикой Корея. Отмечается, что уровень торговых отношений в условиях пандемии снизился не значительно, объем торговых отношений Республики Корея с Сахалинской, Магаданской областями и Приморским краем значительно увеличился. Авторы отмечают, что важное влияние на развитие торговых отношений оказывают геополитические факторы (усиление позиций РФ в Восточной Азии, межкорейский диалог, интерес к возможности международного управления СМП), так и геоэкономические (успешное развитие российско-китайского приграничного сотрудничества, формирование транспортно-логистических систем на Дальнем Востоке, санкционные политики США и стран ЕС).*

***Ключевые слова:** Китай, Республика Корея, дальневосточные регионы России, торгов-экономическое сотрудничество*

В последнее десятилетие возрос интерес стран Восточной Азии к развитию сотрудничества с Россией в сфере торгово-экономических отношений, к совместным транспортно-логистическим проектам, что отразилось и в расширении связей в образовательной и культурной областях. Повышенный интерес к развитию различных форм сотрудничества очевидно обусловлен рядом факторов как социально-экономического, так геополитического и геоэкономического плана. Китай и Республика Корея проявляют большой интерес к развитию сотрудничества в различных областях, особенно к развитию контактов с географически близкими, богатыми ресурсами регионами Дальнего Востока (ДВ). Среди наиболее важных причин многие исследователи отмечают возрастающую потребность экономики Китая в поставках топливно-энергетических ресурсов, в первую очередь газа и нефти, активное развитие приграничного российско-китайского сотрудничества, которое позволило за последние десятилетия сформировать значительный спрос на китайские товары в РФ, в целом, и особенно в географически близких и транспортно-доступных российских регионах [1, 3, 4]. На сегодняшний день российская продукция на китайском рынке представлена далеко не только минеральными ресурсами, но и высоко технологичными товарами. За последние 30 лет, с момента установления дипломатических отношений, значительно расширились системы сотрудничества Республики Кореи с российскими регионами. Если на начальных этапах в направлениях торгово-экономического сотрудничестве четко прослеживалась заинтересованность корейской стороны в поставках топливно-энергетических (преимущественно угля) и минеральных ресурсах, то в последнее десятилетие активно стали развиваться сотрудничество в сфере судостроения (поставки комплектующих), систем навигации, большой интерес проявляет корейская сторона к созданию и развитию транспортно-логистических систем в Восточной и Юго-Восточной Азии с использованием российских портов и крупных железнодорожных узлов (в перспективе). Со стороны РК была проявлена большая заинтересованность в участии в крупных горнодобывающих проектах, которая вряд ли будет реализована в новых геополитических условиях.

Целью данной статьи является анализ динамики развития торгово-экономических отношений российских дальневосточных регионов с Китаем и РК, установление влияния на сотрудничество геополитических и геоэкономических факторов.

Для анализа динамики торгово-экономических отношений выбран период с 2017 г. по 2021 гг. Временные рамки выбранного периода обусловлены тем, что начала с 2017 г. были введены более жесткие санкции со стороны США и стран ЕС в отношении зарубежных компаний,

сотрудничающих с представителями крупного российского бизнеса в сфере горнодобывающей промышленности, металлургии, машиностроения и финансовых услуг. 2021 г. — это последний период, за который присутствует полная информация о показателях внешней торговли отдельных субъектов РФ. За этот же период анализируется динамика развития международных контактов дальневосточных российских регионов. Основные статистические данные взяты авторами с официального сайта Дальневосточного таможенного управления [1].

За последние три десятилетия резко возросла торгово-экономическая активность дальневосточных регионов РФ с Китаем, чтоб во многом объясняется географической близостью (6 из 12 регионов имеют с Китаем общую границу), активным развитием приграничного сотрудничества, развитием промышленной кооперации в приграничных районах. Спорным остается вопрос о том на сколько китайская инициатива «Один пояс, один путь» стимулировала развитие контактов [4]. В тоже время очевидно, что активная политика Китая в Арктике, политика РФ по диверсификации энергопоставок в зарубежные страны отразились на активности, том числе и торгово-экономической, между приграничными территориями, территориями, вовлекаемые в новые транспортно-логистические системы, активно развивающиеся на Дальнем Востоке. До недавнего времени для РК наиболее значимый интерес представляли возможности, которые открывает использование СМП для диверсификации поставок грузов в Европу, возможности обмена технологиями с российскими предприятиями в области радионавигации и судостроения (преимущественно для использования в сложных полярных условиях). Жесткая санкционные политики стран Запада после 2014 и их ужесточение после февраля 2022 крайне негативно отразились на развитии экономических отношений РК с РФ.

За последние тридцать лет практически для всех российских регионов ДВ Китай стал ведущими торговым партнером, исключение является Магаданская и Сахалинская области, где китайские товары и услуги значительно уступают экспорту из РК и Японии (см. табл.). Для Еврейской АО, Забайкальского края, Амурской области Китай является ведущим торговым партнером, его доля в торговом обороте значительно превосходит 50%. Стоит отметить, что в Амурской области последние три года при общем увеличении товарооборота из Китая, доля этой страны снижается (см. табл.) Еврейский АО практически полностью зависит от импорта и экспорта из Китая (98,3% и 98,3% соответственно в 2021), при этом более 89% всех продовольственных товаров в регионе китайского производства. В Чукотском АО Китай также занимает ведущие позиции (95,6%-экспорт, 27,0% импорт 2021). При том, ограничения во время пандемии не сказались

на объемах и структуре китайских поставок, в среднем по 10 регионам объем торговли увеличился на 2.3%., товарная структура расширилась на 2.5%. В тоже время доля участия Китая в крупных инфраструктурных проектах в данных регионах невелика, определенным исключением является порт Владивосток.

Отмечается увеличение импорта из РК на Сахалине, Приморском крае, Камчатке. У ряда регионов за последние годы произошли принципиальные изменения в структуре торговых партнеров. В Хабаровском крае Китай и РК постепенно уступают свои ведущие позиции по объему торговли в стоимостном выражении и по номенклатуре товаров Казахстана, что многие эксперты связывают с развитием интеграции в ЕАЭС [2, 3].

Таблица

Китай и Республика Корея в товарообороте регионов Дальнего Востока

Регион России	год	Китай			Республика Корея		
		экспорт, % от общего*	импорт, %	доля во внешней торговле, %	экспорт, %	импорт, %	объем внешней торговли, %
1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Бурятия	2021	42,6 (1)	42,0 (1)	42,5 (1)	3,9 (7)	1,0 (9)	3,7 (7)
	2020	49,4 (1)	48,4 (1)	49,3 (1)	7,0 (3)	1,0 (8)	6,6 (3)
	2019	29,5 (1)	57,3 (1)	32,1 (1)	16,7 (3)	1,2 (8)	15,1 (2)
	2018	34,6 (1)	62,9 (1)	37,4 (1)	14,7 (2)	-	13,2 (2)
Магаданская область	2021	0,8 (9)	29,1 (1)	5,0 (5)	33,7 (2)	8,9 (4)	30,1
	2020	3,9 (5)	46,3 (1)	10,0 (4)	21,0 (2)	5,1 (4)	21,7 (2)
	2019	10,6 (3)	31,7 (1)	13,3 (3)	23,6 (2)	2,2 (3)	22,3 (2)
	2018	3,8 (5)	33,0 (1)	7,6 (5)	22,2 (2)	13,2 (2)	21,0 (2)
	2017	5,3 (5)	27,3 (1)	8,6 (5)	17,1 (3)	12,1 (2)	16,4 (3)
Хабаровский край	2021	34,9 (1)	28,6 (2)	33,0 (2)	20,9 (2)	5,5 (5)	16,2 (3)
	2020	38,7 (1)	28,6 (2)	35,6 (2)	21% (3)	5,2 (4)	21,0 (3)
	2019	38,4 (1)	30,8 (2)	36,0 (1)	17,2 (2)	8,4 (4)	14,3 (3)
	2018	62,2 (1)	47,1 (1)	59,6 (1)	16,3 (2)	13,1 (2)	15,8 (2)
	2017	68,1 (1)	36,0 (1)	68,7 (1)	13,2 (2)	13,1 (2)	13,2 (2)
Приморский край	2021	33,8 (2)	55,1 (1)	48,3 (1)	35,3 (1)	15,0 (3)	21,5 (2)
	2020	45,5 (1)	56,2 (1)	52,4 (1)	28,8 (2)	9,6 (3)	16,5 (2)
	2019	35,1 (1)	54,0 (1)	45,7 (1)	20,7 (3)	9,6 (3)	14,5 (3)
	2018	39,5 (1)	63,6 (1)	52,7 (1)	27,8 (2)	9,9 (2)	18,0 (2)
	2017	36,3 (1)	57,1 (1)	47,7 (1)	24,3 (2)	1,3 (3)	16,6 (2)

1	2	3	4	5	6	7	8
Чукотский АО	2021	95,6 (1)	27,0 (2)	80,0 (1)	3,0 (3)	1,2 (4)	2,5 (4)
	2020	78,0 (1)	24,3 (2)	65,9 (1)	4,0 (3)	0,1(5)	3,1 (4)
	2019	80,0 (1)	43,9 (1)	71,2 (1)	7,6 (3)	0,2 (4)	5,7 (4)
	2018	68,8 (1)	39,1 (1)	60,1 (1)	11,1 (3)	0,6 (4)	8,4 (3)
	2017	91,4 (1)	40,8 (1)	75,3 (1)	2,7 (2)	3,6 (5)	3,0 (4)
Камчатский Край	2021	19,0 (3)	3,5 (6)	16,2 (3)	36,3 (1)	16,9 (3)	32,8 (1)
	2020	48,4 (1)	5,7 (5)	39,2 (1)	33,6 (2)	22,3 (2)	31,2 (2)
	2019	44,3 (1)	7,6 (6)	38,0(1)	34,7 (2)	24,6 (1)	33,0 (2)
	2018	42,8 (1)	11,9 (2)	34,9 (2)	31,5 (2)	44,3 (1)	32,6 (2)
	2017	38,9 (2)	9,4 (4)	40,3 (1)	44,6 (1)	26,6 (1)	42,2 (1)
Амурская область	2021	53,7 (1)	51,3 (1)	52,6 (1)	0,1 (7)	18,6 (2)	8,9 (3)
	2020	53,4 (1)	77,7 (1)	59,5 (1)	0,8 (8)	1,2 (7)	0,8 (9)
	2019	61,9 (1)	77,9 (1)	67,8 (1)	0,8 (9)	0,9 (7)	0,8 (7)
	2018	91,5 (1)	74,0 (1)	83,5 (1)	0,8 (7)	1,6 (5)	0,7 (6)
	2017	89,0 (1)	86,7 (1)	88,0 (1)	1,5 (3)	1,3 (6)	1,4 (3)
Сахалинская область	2021	17,4 (3)	5,9 (7)	17,0 (3)	56,6 (1)	8,8 (5)	54,9 (1)
	2020	15,7 (3)	10,5 (3)	15,3 (3)	47,5 (1)	7,3 (4)	44,5 (1)
	2019	13,3 (3)	13,6 (2)	13,4 (3)	49,8 (1)	7,6 (4)	47,3 (1)
	2018	12,2 (3)	5,6 (7)	12,2 (3)	47,5 (1)	5,5 (8)	45,7 (1)
	2017	10,7 (3)	1,2 (9)	9,8 (3)	43,5 (1)	33,7 (1)	42,4 (1)
Еврейская АО	2021	98,3 (1)	97,0 (1)	98,3 (1)	0,1	< 0,02	-
	2020	97,1 (1)	94,6 (1)	97,0 (1)	-	-	-
	2019	95,0 (1)	98,3 (1)	95,5 (1)	-	< 0,02	-
	2018	94,9 (1)	93,2 (1)	94,7 (1)	0,1	< 0,02	-
	2017	99,2 (1)	92,8 (1)	97,8 (1)	0,2	0,1	-
Забайкальский край	2021	95,9 (1)	69,2 (1)	87,8 (1)	0,1 (9)	-	0,1 (4)
	2020	95,7 (1)	88,1 (1)	93,5 (1)	1,2 (7)	< 0,1	0,8 (8)
	2019	86,6 (1)	97,5 (1)	90,7 (1)	2,6 (3)	0,1 (2)	1,6 (3)

Составлено по [2], товарооборот с Тайванем (Китай) не учитывался.

В скобках указано место среди торговых партнеров

РК за последние пять лет значительно увеличила свое присутствие в торговом балансе регионов. В Сахалинской области РК является ведущим торговым партнёром, значительно расширив номенклатуру товаров и услуг импортируемых и экспортируемых в регион. Ограничения, связанные с

пандемией в 2019-2021 отразились на снижении импорта, объемы экспортных поставок незначительно, но росли.

За последние пять лет РК активно развивает торговые отношения практически со всеми регионами ДВ (за исключением, Еврейской АО и Забайкальского Края), при этом объемы торговли растут. В структуре поставок наметились изменения, преимущественно связанные с санкционными ограничениями — возросла доля минеральных ресурсов, сократилась доля высокотехнологичной продукции.

Результатами российско-китайского сотрудничества в арктическом регионе стал ряд реализованных проектов на территории Ямала, Чукотском АО, в Приморском крае. На данный момент Китай активно использует СМП для проводки своих судов в Европу, а с 2008 г. имеет опыт самостоятельной проводки судов. Наиболее крупный, фактически формирующий на данный момент систему перевозки СПГ в Арктике для Китая является проект «Ямал-СПГ»¹. Принципиально важным является формирование и развитие транспортно-логистических узлов на Сахалине, в Камчатском крае, во Владивостоке.

Для РК дальневосточные регионы РФ интересны не только как значимые торговые партнеры (поставки угля, рыбной продукции, древесины), большой интерес вызывает транспортно-логистический потенциал территорий, находящихся не только на побережье, но имеющих транспортную инфраструктуру, ориентированную на Трансиб [7]. Идеи создания транспортного кольца с вовлечением территорий КНДР в транспортно-логистические системы, ориентированные на перевозки через СМП, инициативы по созданию новых транспортных коридоров Центральной и Юго-Восточной Азии такие как например Туманганская инициатива² значительно повысили активность корейских бизнес структур по развитию отношений с российскими, преимущественно дальневосточными регионами. Один из наиболее крупных проектов, ориентированных на улучшение ситуации на Корейском полуострове был «Насон-Хунчунь-Хасан» («Раджин – Хасан»). Изначально проект ориентирован на развитие порта Раджин, (Северная часть КНДР, в 150 км к юго-западу от Владивостока). Резкое ухудшение отношений между РК и КНДР с конца 2016 г. фактически заморозило проект. На данный момент действует пять международных специальных

---

¹ Доля судоходных компаний в совместных предприятиях — перевозчиках сжиженного газа (СПГ). составляет примерно 50%, при этом семь из пятнадцати газозовов принадлежат Китаю.

² Туманганская инициатива (Greater Tumen Initiative, GTI, РТИ) — развитие трансграничного района на стыке границ России, Китая, Северной Кореи И Монголии в бассейне реки Туманная.

экономических зон, три из которых расположены на восточное побережье Корейского полуострова и ориентированы на развитие транспортно-логических систем Восточной Азии. Существуют инициативы по развитию и морских портово-хозяйственных комплексов и созданию новых транспортных хабов на севере РК на базе портов Ульсана и Йосу (Yeosu), которые в дальнейшем будут ориентированы на использование транспортных систем дальневосточных регионов и возможно СПМ. Изменение геополитической ситуации после февраля 2022 г. и введение жестких санкций против РФ на данный момент заморозили все переговорные форматы, в рамках которых обсуждались проекты.

В условиях пандемии Covid-19 интенсивность контактов несколько снизилась. В период 2019-2021 товарооборот между РФ-Республикой Корея снизился совокупно на 18,7%. Наиболее уязвимыми сферами сотрудничества стали: импорт продукции машиностроения и электроники в РФ продукции машиностроения и микроэлектроники (ощутимое сокращение объемов), резко сократились поставки комплектующих для судостроительной отрасли.

На развитие сотрудничества между Китаем, РК и Россией большое влияние оказывает ряд геополитических и геоэкономических факторов.

Среди *геополитических факторов* стоит отметить:

- растущие влияние РФ на международную обстановку в Восточной Азии;

- активная политики Китая в Арктике. Начиная с начала XXI в. он стал полноценным участником экономических и политических процессов, развивающихся в Арктике;

- стремление РК принять участие в формирующейся системе арктического сотрудничества;

- успешно развивающееся до 2019 г. трехстороннее сотрудничество (РК-КНДР-РФ) на корейском полуострове, где была значительна роль России в урегулировании корейской ядерной проблемы и посредническая роль в развитии межкорейского диалога;

- значительная заинтересованность Китая в развитии системы международных перевозок по Северному морскому пути.

Среди *геоэкономических факторов* выделяются:

- стремление обоих азиатских государств к активному участию в создании транспортно-логистических систем с использованием Северного Морского Пути;

- участие в крупных горнодобывающих проектах в дальневосточных регионах и на Ямале;
- заинтересованность в кооперации в сфере судостроения и радионавигации;
- для Китая ряд дальневосточных регионов РФ в последние десятилетия стал традиционным рынком сбыта промышленной и продовольственной продукции, РК значительно расширила свои торговые отношения с регионом за счет роста импорта высокотехнологичной продукции;
- успешно развивающееся приграничное российско-китайское сотрудничество;
- традиционный интерес к минеральным и топливно-энергетическим ресурсам дальневосточных регионов РФ;
- санкционная политика США, стран ЕС и Японии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дальневосточное таможенное управление. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/2056> (дата обращения 30/04/2022)
2. Каминская Т.Е., Савич А.В. Развитие внешнеэкономической деятельности Хабаровского края // Ученые заметки ТОГУ, 2020, Т. 11, №4, С. 232-243.
3. Куклина Е. А. Современный Китай в экономическом пространстве Арктики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 22–31.
4. Михеева Н.М. Особенности географии проектов, реализуемых Китаем в рамках стратегии «Один пояс — Один путь» // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: Материалы международной научной конференции в рамках X научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), 17-22 сентября 2019 г., Казань / Редактор В.А. Рубцов; Э.И. Байбаков. Казанский Федеральный университет. ред. Казань: Казанский федеральный университет, 2019. — С. 337-341.
5. Михеева Н.М. Россия и Китай: приоритеты сотрудничества // Арктика: общество, наука и право: сб. материалов форума с международным участием. Санкт-Петербург, 23–24 октября 2018 г. / под ред. Н.К. Харлампевой. — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2020, С.101-109.
6. Чукотка открыта Тихоокеанскому региону и всему миру. Информационно-презентационное издание. Анадырь, 2020.
7. Miheeva N., Didenko, D., Aladyshkin, I. Prospects of Russian-Korean High-Tech Cooperation in the Arctic: New Challenges in Light of Sanctions and COVID-19// IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Т. 816, № 1, 012019.

Natalia M. Mikheeva ¹, Dmitry Yu. Didenko ²

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg

² European University in St. Petersburg

THE RUSSIAN'S FAR EASTERN REGIONS IN RUSSIAN-CHINESE AND RUSSIAN- KOREAN COOPERATION: EXPERIENCE OF POLITICAL AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS

Annotation. *The article analyzes the dynamics of development of trade and economic relations of the Russian Far Eastern regions with China and the Republic of Korea. It is noted that the level of trade relations in the context of the pandemic has not decreased significantly, the volume of trade relations of the Republic of Korea with the Sakhalin, Magadan regions and the Primorsky Territory has increased significantly. The authors note that geopolitical factors have an important impact on the development of trade relations (strengthening of Russia's position in East Asia, inter-Korean dialogue), interest in the possibility of international management of the NSR), and geo-economic (successful development of Russian-Chinese cross-border cooperation, the formation of transport and logistics systems in the Far East, sanctions policies of the United States and the EU countries).*

Key words: *China, Republic of Korea, Far Eastern regions of Russia, trade and economic cooperation*

УДК 914/919

Потоцкая Т. И.

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕОГРАФИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены основные подходы к исследованию географии транснационального бизнеса в России: подход, основанный на анализе потоков и характера прямых иностранных инвестиций и подход, базирующийся на анализе материалов о деятельности отдельных транснациональных компаний. Дана характеристика каждого из них. Выделены достоинства и недостатки их применения. Сделан вывод о целесообразности совместного их использования для продуктивного экономико-географического анализа иностранной транснациональной деятельности в России.*

Ключевые слова: *экономическая география, прямые иностранные инвестиции, транснациональные компании, Россия*

Транснационализация мировой экономики — одно из основных условий успешного развития любой национальной экономики в современном

мире. Это обстоятельство делает исследование любых ее проявлений, в том числе и географических, востребованными. На этой основе в рамках отечественной экономической географии сформировалось отдельное научное направление, которое часто называют «корпоративной географией». Наиболее значимые работы в данной области связаны с изысканиями Н.А. Служи [1], М.Пильки [2], Е.А. Гречко [3], Д. Самусенко [4] и др.

Не останавливаясь на характеристике их содержания, только отмечу, что при исследовании географии транснационального бизнеса наиболее часто используются два подхода. Первый основан на анализе потоков и характера прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и предполагает работу на национальном (страновом) и районном территориальных уровнях. Второй базируется на анализе материалов о деятельности отдельных транснациональных компаний и предполагает работу на локальном территориальном уровне. Каждый из них имеет как достоинства, так и недостатки.

Основными преимуществами использования подхода, базирующегося на исследовании ПИИ, являются: достоверность статистики, так как она основана на данных платежного баланса каждого государства и, как следствие, её территориальная всеохватность, открытость и постоянная актуализация. Именно поэтому академические изыскания географии транснациональной деятельности на основе ПИИ являются наиболее распространенными [5] и др. Вместе с тем, статистика ПИИ не позволяет отсечь ту их часть, которая существенно искажает полученные на ее основе географические выводы — «фантомные инвестиции». Они, по сути, являются псевдоиностранными прямыми инвестициями. Это не подлинные инвестиции из-за рубежа, а средства инвесторов-резидентов, вложенные на родине через другие страны (как правило, специальные юрисдикции, такие как Кипр, Нидерланды, Нормандские острова, Ирландия, Гонконг, Багамские острова, Виргинские острова, Бермудские острова, Кайманы и др.). Речь идет о так называемых круговых схемах (round-tripping) вывода средств за рубеж с их последующим возвращением под видом иностранных вложений. По мнению финансовых аналитиков, чем больше объем фантомных инвестиций, тем меньше в стране реальных иностранных инвестиций. Это явление характерно для большинства стран мира, в том числе и для России, где они формируют по разным оценкам от 25% до 58% ПИИ [6]. Наиболее очевидные причины, определяющие значительную долю круговых инвестиций в экономике России: стремление к оптимизации налогов; стремление застраховаться от политических рисков; бегство от неопределенности внутреннего регулирования; возможность скрыть личность бенефициара от властей; сохранность инвестиции и удобство распределения прибыли. В тоже время, не учитывать ПИИ, идущие из офшоров в страну с

целью избегания учета круговых инвестиций, не целесообразно, поскольку не все инвестиции из данных территорий можно отнести к фантомным.

В дополнение к вышесказанному необходимо отметить, что одним из недостатков работы с ПИИ при выявлении географических особенностей функционирования транснационального бизнеса является ограниченность территориального масштаба исследования. Официальная статистика по ПИИ не позволяет проводить изыскание на локальном уровне.

Вместе с тем, изучение географии транснациональной деятельности на основе информации о транснациональных компаниях (ТНК) лишено перечисленных недостатков, связанных с аналитикой ПИИ. Априори, информация о работе конкретной компании в конкретной стране предполагает локальный уровень и открытую информацию (если компания торгуемая). В силу того, что большинство крупных ТНК — торгуемые, при проведении исследования есть смысл отталкиваться от материалов именно по ним. Однако использование данного подхода требует от исследователя кропотливости, последовательности и даже креативности, необходимых для составления консолидированной базы данных по крупным иностранным компаниям, работающим в пределах определенного государства, поскольку таких готовых баз данных нет.

Различные деловые издания пытаются их создавать. В нашей стране наиболее известная ежегодно обновляемая база — это «Рейтинг Форбс / Forbes 50 крупнейших иностранных компаний в России» [7]. В него включены компании, более чем на 50% принадлежащие иностранным владельцам. Не включают в базу банки, страховые, лизинговые, инвестиционные и другие финансовые компании ввиду их существенных отличий от торговых и промышленных компаний в бизнесе и бухгалтерском учете. Не включаются и компании, деятельность которых сводится к управлению активами. Основные характеристики компаний, входящих в данный список — время начала работы в России, объем выручки и его динамика в сравнении с предыдущим годом. За основу оценки выручки взяты сведения, официально предоставленные компаниями, их годовые отчеты с консолидированной выручкой российских активов, данные, представленные в системе СПАРК. При отсутствии официальной информации берется расчетная оценка, основанная на данных о финансовом положении головной компании и подразделений.

В силу очевидной информационной недостаточности данного рейтинга, его можно рассматривать скорее, как отправную точку для проведения исследования. Попыткой расширить спектр изучаемых крупных иностранных компаний, работающих в России, можно считать рейтинг аналитического департамента компании White Square Journal «100 крупнейших иностран-

ных компаний в России» [8]. По сравнению с рейтингом Форбс, он содержит уже и большее количество компаний (100 вместо 50), и большее количество показателей: указана страновая принадлежность и специализация компании в России.

Дальнейшее расширение базы данных возможно за счет включения в нее таких показателей как: место расположения головного офиса в России; количество филиалов и место их расположения в России; количество собственных предприятий (производственных / торговых) и место их расположения в России; наличие образовательной деятельности и место ее локации; наличие исследовательской деятельности и место ее локации; стоимость чистых активов по каждой анализируемой компании. Существует целый ряд Интернет-ресурсов, которые содержат информацию такого рода [9], [10], [11] и др. Используя их, можно получить вполне репрезентативную выборку, позволяющую ответить на традиционные экономико-географические вопросы «что, где и почему?». В контексте заявленной темы — это: какие виды экономической деятельности в рамках иностранного транснационального бизнеса формируются в России, на территории каких субъектов РФ и площадках это происходит и какие факторы этому способствуют.

Таким образом, перечисленные подходы, применяемые при выявлении географических аспектов иностранной транснациональной деятельности на территории России, решают разные задачи. Статистика по ПИИ позволяет, во-первых, определить в целом объем иностранных финансовых средств, инвестируемых в экономику России; во-вторых, увидеть распределение их по странам-донорам и на этой основе сделать предварительную оценку объема и доли «фантомных инвестиций»; в-третьих, выявить субъекты РФ, наиболее активно принимающие инвестиции.

В свою очередь, база данных по иностранным ТНК, действующим в России, позволяет выявить виды экономической деятельности, наиболее привлекательные для иностранного бизнеса (специализация компании в стране приема может значительно отличаться от специализации этой же компании в стране-регистрации) и степень приоритетности каждого из них. Более того, она дает возможность скорректировать географическую информацию, полученную на основе ПИИ, определив, во-первых, компании, реально работающие в стране и соответственно, перечень стран-доноров, реально инвестирующих в ее экономику и степень их активности; во-вторых, выявив не только субъекты РФ, но и отдельные площадки локации компаний в их пределах, что облегчает поиск ответа на вопрос о факторах размещения.

Очевидно, что для глубокого продуктивного экономико-географического анализа иностранной транснациональной деятельности в России целесообразно использовать оба подхода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Слука Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 1. С. 203-226.
2. Pilka M.E., Sluka N.A., Szymańska D. The World's Largest Foreign Tncs In U.S. Global Cities: Observations In Studying Industrial Composition // *Cities*. 2022. Т. 120. С. 103432.
3. Гречко Е.А. Географические различия систем корпоративного управления. — Москва: ЮРАЙТ, 2020. — 157 с.
4. Самусенко Д.Н. Масштабы и структура прямых зарубежных инвестиций в России // *Вопросы экономических наук*. 2019. № 6 (100). С. 53-59.
5. Мироненко Н.С., Фомичев П.Ю., Гитер Б.А. Транснационализация мирового хозяйства // *Пространственные структуры мирового хозяйства*. М.: Пресс-Соло, 1999. С. 197-224.
6. Ткачёв И., Гальчева А. МВФ оценил долю «фантомных» иностранных инвестиций в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2019/5df78cc59a79470da759cc2e> (дата обращения 09.12.2021).
7. Рейтинг Forbes. 50 крупнейших иностранных компаний в России — 2020 // *Forbes.Ru*, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/441733-50-krupnejsih-inostrannyh-kompanij-v-rossii-2021-rejting-forbes> (дата обращения 14.02.2021).
8. Рейтинг топ-100 иностранных компаний в России 2019, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wsjournal.ru/rejting-top-100-inostrannyh-kompanij-v-rossii-2019> (дата обращения 01.07.2021).
9. Е-ДОСЪЕ — Электронный эколог. Независимая информация о российских организациях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-ecolog.ru> (дата обращения 11.10.2021).
10. Rusprofile [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.rusprofile.ru> (дата обращения 14.12.2021).
11. Tadviser: Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения 02.12.2021).

Tatyana I. Pototskaya

Smolensk State University, Smolensk

APPROACHES TO STUDY OF THE GEOGRAPHY OF FOREIGN TRANSNATIONAL BUSINESS IN RUSSIA

Annotation. The article considers the main approaches to the study of the geography of transnational business in Russia: an approach based on the analysis of the flows

and nature of foreign direct investment and an approach based on the analysis of materials on the activities of certain transnational companies. The characteristic of each of them is given. The advantages and disadvantages of their application are highlighted. The conclusion is made about the expediency of their joint use for a productive economic and geographical analysis of foreign transnational activities in Russia.

***Keywords:** economic geography, foreign direct investment, transnational companies, Russia.*

УДК 911.3:32(571.53)

Размахнина Ю. С.

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧНОСТИ НА ИТОГИ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2021 Г. (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОСИБИРСКИХ РЕГИОНОВ)

***Аннотация.** Изучается влияние этнического фактора на итоги выборов в Государственную Думу 2021 г. Проанализированы показатели электорального поведения — явка и политические предпочтения.*

***Ключевые слова:** выборы в Государственную Думу 2011 г., коренные этносы, Восточная Сибирь, явка, политические предпочтения*

В качестве района исследования избрана Восточная Сибирь, к регионам которой в нашем понимании относятся республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, Забайкальский и Красноярский края, Иркутская область, в которых рассматривались МО с долей коренных народов не менее 0,1 %. Таким образом, из 229 восточносибирских МО было учтено 196 (85,6 %), куда вошли все муниципалитеты республик и менее всего представлены МО Красноярского края. Работа основывается на материалах Всероссийской переписи 2010 г. (данные переписи 2021 г. пока недоступны) и отчетах избирательных кампаний восточносибирских регионов о проведении выборов в Государственную Думу 2021 г. Методом исследования выступает корреляционный анализ математической статистики. В качестве итогов выборов нами рассматриваются явка и политические предпочтения.

Влияние этнического фактора в первом примере проявляется в том, что высокая доля коренных этносов МО часто обуславливает высокую явку на выборы. Важно отметить, что коренные этносы чаще проживают в сельской местности, нежели в городах, но так называемый электоральный раскол «город — село» не умаляет значимость этнической компоненты как одного из факторов явки. На примере Иркутской области нами были рас-

смотрены 575 избирательных кампаний (выборы глав поселений) в 2010–2019 гг. в МО с долей русского населения не менее 80 %, из них в 277 выборах (более половины) явка составила менее 50 %. При этом в МО с высокой долей коренного населения (более 80 %) за указанное время имелось лишь 5 избирательных кампаний с явкой менее 50 % [1, с. 55–56].

Зарубежными исследователями [2, с. 18] высказывается предположение о возможных фальсификациях в ходе выборов, если по итогу явка на них составила 75 % и выше, что было ими обнаружено при анализе выборов в Государственную Думу 2011 г. Подобный уровень явки чаще всего характерен для МО с высокой долей нерусского коренного населения (республики Северного Кавказа, Восточной Сибири и пр.). Выдвигая доказательства своей точки зрения, они ссылаются на среднюю явку на этих выборах (60 %) и слабое социально-экономическое положение регионов, где явка была чрезвычайно высока и т.д. В этой связи следует упомянуть о типе контролируемой электоральной культуры, введенном Р.Ф. Туровским [3, с. 208], к которому он относит территорию Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Под данным понятием подразумевается, что власти способны на подконтрольной ими территории обеспечить необходимый уровень явки и количество голосов за того или иного кандидата или партию.

Политические предпочтения аборигенных этносов заключаются в поддержке «Единой России», причинами чего в том числе являются зависимое положение некоторых регионов от федеральных дотаций (Бурятия, Тува и т.д.), личный характер отношений между главами субъектов РФ и президентом, беспрецедентное использование ресурса на местах и пр. В то время как оппозиционные партии не столь популярны у коренных народов, что может быть также объяснено заявлениями их партийных лидеров: «Защитить русских!» (ЛДПР), «Слабый народ никогда не сплотит страну. Сегодня стоит вопрос не национальных окраин, а национальной сердцевины» (КПРФ) [3, с. 164].

Анализ тесноты связи между долей коренных народов и явкой по указанным регионам выявил коэффициент корреляции высокой силы (0,73), в то время как максимальной силы данный показатель достигает в Якутии (0,75). Коэффициенты средней силы обнаружены в трех субъектах РФ: Иркутская область (0,61), Республика Бурятия (0,57) и Забайкальский край (0,52). Отсутствие значимой корреляции между долей коренных народов и итогами выборов наблюдается в республиках Хакасии и Тыве, Красноярском крае.

Более пристально анализируя уровень явки по МО Восточной Сибири заметна его зависимость от доли коренных народов. Особенно это заметно на примере муниципалитетов, где явка составила 75 % и выше. Практиче-

ски во всех МО Тувы (за исключением городских округов) наблюдалась очень высокая явка (табл. 1). В то же время имеются и исключения, например, Северо-Енисейский район Красноярского края, что в данном случае может объясняться другими факторами: социально-экономическое положение, место проживания и т.д.

Таблица 1

Уровень явки 75–100 % в муниципальных образованиях Восточной Сибири на выборах в Государственную Думу 2021 г.

Регион	№	Муниципальное образование	Доля коренных народов, %	Уровень явки, %
Республика Бурятия	1	Закаменский	65,8	79,8
Республика Саха (Якутия)	2	Анабарский	93,5	79,5
Республика Тыва	4	Барун-Хемчикский	99,5	95,9
	5	Дзун-Хемчикский	99,6	89,1
	6	Каа-Хемский	64,5	92,6
	7	Кызыльский	79,1	82,0
	8	Монгун-Тайгинский	99,6	98,5
	9	Овюрский	98,9	99,5
	10	Пий-Хемский	69,8	92,6
	11	Сут-Хольский	99,9	99,1
	12	Тандинский	78,4	95,5
	13	Тере-Хольский	97,2	98,3
	14	Тес-Хемский	98,5	99,3
	15	Тоджинский	82,2	82,6
	16	Улуг-Хемский	92,6	83,2
	17	Чаа-Хольский	99,7	95,3
18	Чеди-Хольский	93,8	96,8	
19	Эрзинский	99,3	97,8	
Красноярский край	20	Северо-Енисейский	0,3	81,0

Наибольшее количество голосов по всем восточносибирским субъектам РФ набрали следующие партии: «Единая Россия» (34,8%), КПРФ (29,1%), ЛДПР (10,9%), «Новые Люди» (10,3%), «Справедливая Россия» (7,3%). Значимая корреляция по всем восточносибирским регионам между долей коренных народов и голосованием за партии обнаружена в отношении ЛДПР (-0,80) и «Единой России» (0,62). В региональном разрезе наиболее весомые коэффициенты к этим партиям отмечены в Бурятии:

ЛДПР (-0,87) (см. рисунок), ЕР (0,65); Якутии: ЛДПР (-0,83), ЕР (0,78). Отсутствие значимой корреляции в отношении указанных двух партий характерно для Республики Хакасия, Красноярского края и Иркутской области.

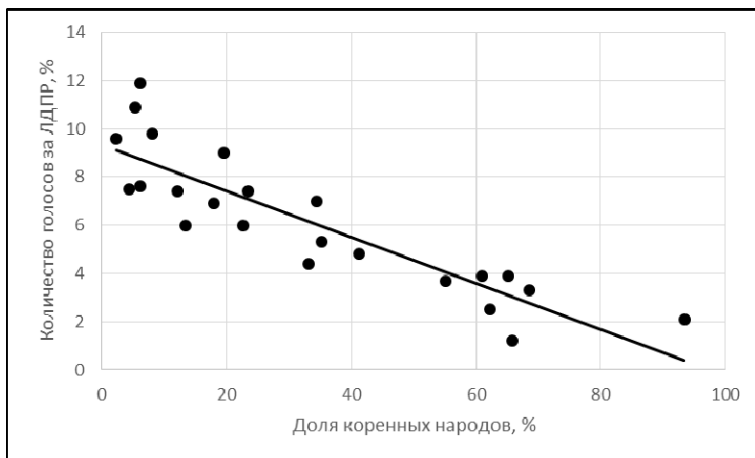

Рис. 1. Теснота связи между долей коренных народов и количеством голосов за ЛДПР в Республике Бурятия на выборах в Государственную Думу 2021 г. Составлено автором

Достаточно показательно выглядит распределение среднего количества голосов за ЛДПР по регионам и рассмотренных нами МО: Забайкальский край — 13,4 %, Красноярский край — 12,8 %, Иркутская область — 9,7 %, республики Хакасия — 8,9 %, Бурятия — 6,2 %, Саха (Якутия) — 5,5 %, Тыва — 1 %. На примере Республики Тыва, где ЕР традиционно набирает крайнее малое количество голосов, заметна дифференциация по муниципалитетам: выше результат у партии в городских округах и МО с долей коренного населения ниже 90 % (табл. 2).

Таким образом, выборы в Государственную Думу 2021 г. в очередной раз подтвердили влияние этнического фактора на политические процессы в Восточной Сибири. В региональном разрезе преимущественно (за исключением Якутии) обнаружена средняя теснота положительной связи между долей коренных народов и уровнем явки, более высокие коэффициенты корреляции проявились к политическим предпочтениям: относительно ЕР чаще наблюдается средняя и высокая положительная корреляция, ЛДПР — высокая отрицательная теснота связи. Указанные результаты свидетельствует о политическом поведении коренных народов, которое выражается в

стремлении к личному участию в выборах (высокая явка), положительном отношении к правящей партии и ее лидеру во многом благодаря дотациям из федерального центра и негативном восприятии оппозиционных партий, ранее использовавших в своих предвыборных кампаниях националистические лозунги.

Таблица 2

Количество голосов за ЛДПР (%) в Республике Тыва на выборах в Государственную Думу 2021 г.

<i>Муниципальное образование</i>	<i>Доля коренных народов, %</i>	<i>Количество голосов за ЛДПР, %</i>
г. Ак-Довурак	94,9	2,0
Бай-Тайгинский	99,9	0,3
Барун-Хемчикский	99,5	0,9
Дзун-Хемчикский	99,6	0,7
Каа-Хемский	64,5	1,1
г. Кызыл	68,8	3,5
Кызыльский	79,1	1,3
Монгун-Тайгинский	99,6	0,1
Овюрский	98,9	0,09
Пий-Хемский	69,8	1,7
Сут-Хольский	99,9	0,3
Тандинский	78,4	1,0
Тере-Хольский	97,2	0,6
Тес-Хемский	98,5	0,1
Тоджинский	82,2	3,3
Улуг-Хемский	92,6	0,9
Чаа-Хольский	99,7	0,8
Чеди-Хольский	93,8	0,4
Эрзинский	99,3	0,2

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Размахнина Ю.С. Этнический фактор в электорально-географических процессах Восточной Сибири (на примере Иркутской области) / Ю.С. Размахнина // Географический вестник. 2020. № 2. С. 48–62.
2. Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and electoral manipulation in Russia / R. Goodnow, R.G. Moser, T. Smith // Electoral Studies. 2014. № 36. Pp. 15–27.
3. Туровский Р.Ф. Политическая география / Р.Ф. Туровский. М., Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.

**INFLUENCE OF ETHNICITY ON THE RESULTS
OF THE STATE DUMA ELECTIONS (BY THE EXAMPLE
OF EASTERN SIBERIAN REGIONS)**

***Annotation.** The impact of the ethnic factor on the results of the elections to the State Duma in 2021 is studied. The indicators of electoral behavior — turnout and political preferences are analyzed.*

***Key words:** the elections to the State Duma in 2021, indigenous ethnic groups, Eastern Siberia, turnout, political preferences.*

УДК 504.062.2:911.6

Рыбкина И. Д.

*Институт водных и экологический проблем
СО РАН, г. Барнаул*

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ ГАРАНТИРОВАННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ**

***Аннотация.** В статье представлены результаты изучения территориальной организации водопользования регионов Обь-Иртышского бассейна, а также анализа динамики систем водопользования за последние два десятилетия.*

***Ключевые слова:** системы водопользования, Обь-Иртышский бассейн, управление водными ресурсами, региональное развитие.*

Введение. Идеи пространственного развития территорий вновь на пике своей актуальности и широко обсуждаются в научных и деловых кругах. Этому способствовало и принятие Стратегии пространственного развития России [1], в которой раскрывается смысл основного понятия документа как совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития. Целью последней, как известно, является повышение благосостояния и качества жизни населения.

Не вдаваясь в детали термина «развитие», отметим, что обычно оно подразумевает увеличение сложности и структурированности объекта или системы; улучшение их приспособленности к внешним условиям; увеличение размеров явления. Следствием развития в общественных системах является, как правило, количественный рост экономики, её качественное улучшение и, как следствие, социальный прогресс. При этом категория

«пространственное развитие» включается в себя, в первую очередь, геоэкономические аспекты развития регионов путем организации производственной, градостроительной, социально-экономической и иных видов деятельности [2].

В ряду этих аспектов не последнее место занимает водохозяйственная отрасль, от которой напрямую зависит благосостояние и качество жизни населения, совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, а также другие особенности развития регионов.

Материалы и методы. Западная Сибирь как макрорегион характеризуется значительной степенью протяженности и большой площадью, сравнительно малой освоенностью и неравномерным заселением территорий, отличается ресурсной направленностью развития экономики. Эти известные факты имеют пространственное отражение и региональную специфику при формировании и использовании водно-ресурсного потенциала изучаемых территорий.

Материалов и работ, содержащих оценки водных ресурсов Западной Сибири, достаточно много. Только в последние один-два десятилетия изданы крупные и обобщающие труды по оценке водообеспеченности территорий России и мира [3-9]. Над этой проблемой трудятся коллективы таких научных организаций, как ГГИ, ИГ РАН, Институт глобального климата и экологии им. академика Ю.А. Израэля Росгидромета и РАН и др.

Для оценки формирования и использования водных ресурсов в регионах Западной Сибири на примере Обь-Иртышского бассейна нами применялись ландшафтно-бассейновый подход, принципы устойчивого развития и рационального природопользования, методология интегрированного управления водными ресурсами, современные методики оценки водообеспеченности населения и экономики вододефицитных территорий (потенциальная и реальная водообеспеченность), способы и приемы определения антропогенных нагрузок на водные объекты и их водосборные территории (прямые и косвенные воздействия), картографическое моделирование и ГИС-технологии, а также широко применяемые в научных исследованиях статистический и системный анализ [10]. В данной работе обратим внимание на трех моментах: водоресурсной составляющей пространственного развития регионов, территориальной организации систем водопользования и проблемах управления водными ресурсами регионов.

Обсуждение результатов. В целом для Обь-Иртышского бассейна, по данным Института глобального климата и экологии им. академика Ю.А. Израэля Росгидромета и РАН, удельная водообеспеченность составляет 54,5 тыс. м³/чел. в год [8]. Значительные ежегодные естественные ресурсы территорий Западной Сибири связаны, прежде всего, с бассейнами

рек Оби (405 км³) и Иртыша (86,4 км³), а также Западно-Сибирским (71,06 км³) артезианским бассейном и Алтае-Саянской (26,09 км³) гидрогеологической складчатой областью [7].

Как показывают наши расчеты, водообеспеченность Обь-Иртышского бассейна в среднемноголетние годы достигает 18 тыс. м³/ чел. в год [11], что существенно ниже соответствующих показателей по России и СФО (соответственно около 30 и 66,5 тыс. м³/чел. в год) [4], однако в несколько раз выше таковых в федеральных округах европейской части России (например, в Центральном и Приволжском — чуть более 3 и 9 тыс. м³/чел. в год).

В пределах бассейна условия для формирования ресурсов речного стока крайне неравномерны. Так, более 68% стока приходится на малообжитые и малопригодные для сельскохозяйственного освоения лесотундровые и таежные территории среднего и нижнего течения р. Оби, в то время как аграрные и индустриально развитые степные и лесостепные регионы южной части бассейна испытывают недостаток в водных ресурсах. Неодинаков и качественный состав природных вод. Наиболее острый водodefицит — в пределах бессточной области Обь-Иртышья в степной зоне, где формируется всего 1,5% поверхностного стока бассейна, а также качество вод не соответствует питьевым требованиям, и в регионах Южного Урала и Зауралья — менее 1% стока [11].

Анализ полученных результатов оценок водообеспеченности указывает на ее взаимосвязь с общей закономерностью формирования стока и увлажнения территорий. Ресурсы общего речного и подземного стока ландшафтных провинций Западной Сибири возрастают при продвижении с юга на север, но не имеют прямой широтной зависимости.

Системы водопользования (ВП) как исторически сложившиеся формы использования водных ресурсов, нашедшие отражение в особенностях территориальной структуры водопользования, в значительной степени определяются действием антропогенного фактора их формирования и функционирования. Этот факт в полной мере доказывается теснотой корреляционной связи между показателями использования водных ресурсов и численности проживающего населения в ландшафтных провинциях Западной Сибири: $r=0.90$ (коэффициент корреляции Спирмена) при $p<0.05$.

Действие антропогенного фактора имеет обратную зависимость с природообусловленным характером развития систем водопользования. При расчетах корреляции между показателями потенциальной водообеспеченности общим речным стоком и использования водных ресурсов из поверхностных источников, а также показателями водообеспеченности подземными водами и использования водных ресурсов из подземных водных

источников коэффициент Спирмена характеризуется отрицательным значением и соответственно равен -0,73 и -0,68 при $p \leq 0,05$, тем самым определяя территориальное несоответствие водно-ресурсного потенциала существующим потребностям населения и экономики.

Территориальная организация водопользования призвана устранить указанное несоответствие. Ранее мы подробно с соавторами публиковали результаты такого исследования [12-13]. На примере регионов бассейна Верхней Оби нами выделено порядка 30 крупноочаговых и более 80 очаговых систем ВП [10], а также линейные, площадные и дисперсные системы (в трактовке понимания [14]).

В пределах Обь-Иртышского бассейна главные водозаборы (сбросы сточных вод) приурочены к крупнейшим городам и промышленным центрам основной полосы расселения, охватывающей лесостепь, южную тайгу и северную степь. В индустриально развитых субъектах федерации основные заборы воды осуществляют предприятия энергетики и металлургии. Здесь ситуация наиболее стабильна. На юге макрорегиона в аграрно-развитых территориях происходит сокращение орошаемых площадей сельхозугодий, уменьшение доли населенных пунктов, охваченных услугами централизованного водоснабжения, рост протяженности сетей, требуемых замены и как следствие падение обеспеченности сельского населения доброкачественными питьевыми водами. Анализ показал, что наибольшие изменения во временной динамике 2000-2020 гг. претерпели именно линейно-площадные и дисперсные системы. Эти данные подтверждаются результатами обобщения статистической информации и полученными сведениями в ходе выполнения экспедиционных работ в муниципальных образованиях регионов [15].

В настоящее время нами проводятся научно-исследовательские работы на примере бессточной области Обь-Иртышского междуречья в рамках выполнения гранта РФФИ №21-55-75002[16]. Для этого объекта характерны все перечисленные выше проблемы, а именно снижение объемов хозяйственно-питьевого водоснабжения, ухудшение предоставляемых услуг, недостаточность финансирования водохозяйственных систем сельских населенных пунктов и как следствие сжатие социально-экономического пространства в сельской местности регионов.

Между тем, изучение водоресурсных возможностей перспективного развития этой территории [17] свидетельствует о том, что водные ресурсы не являются лимитирующим фактором. Для бесперебойного и гарантированного хозяйственно-питьевого водоснабжения здесь требуется только водоподготовка и финансовые вложения. Однако в документах стратегического планирования эти территории, как правило, не упоминаются, финан-

сируются по остаточному принципу или остаются без такового в пользу точек роста, которые признаны более перспективными.

Выводы. Водные ресурсы Западной Сибири являются стратегическим резервом развития страны, их пространственно-временная дифференциация обусловлена совокупным проявлением зональных и азональных условий формирования водно-ресурсного потенциала.

Современные системы водопользования в регионах имеют природообусловленный характер формирования, существенно детерминированный действием антропогенных факторов; отмечается территориальное несоответствие водно-ресурсного потенциала потребностям населения и экономики.

Для долгосрочного планирования развития регионов предложено использовать индикаторы развития водохозяйственной отрасли в прогнозах социально-экономических показателей субъектов федерации, что будет способствовать совершенствованию государственного управления в сфере водопользования, а также координировать действия органов исполнительной власти, водопользователей и ведомственных водохозяйственных организаций в целях устойчивого регионального развития Западной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р.
2. Сизов А.П. Локальный мониторинг земель в регионе как инструмент управления земельными ресурсами и сохранения средоформирующего потенциала территории // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2021. № 4. С. 43-50.
3. Водные ресурсы России и их использование / под ред. И.А. Шикломанова. СПб: Государственный гидрологический институт, 2008. 600 с.
4. Шикломанов И.А., Бабкин В.И., Балонишニコва Ж.А. Водные ресурсы, их использование и водообеспеченность в России: современные и перспективные оценки // Водные ресурсы. 2011. Т. 38. № 2. С. 131-141.
5. Демин А.П. Использование водных ресурсов России: современное состояние и перспективные оценки: автореф. на соиск. уч. ст. д.г.н. по спец. 25.00.27. М., 2011. 52 с.
6. Коронкевич Н.И., Барабанова Е.А., Бибикина Т.С., Зайцева И.С. Россия на водохозяйственной карте мира // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 1. С. 7-18.
7. Ресурсы поверхностных и подземных вод, их использование и качество. Водный кадастр Российской Федерации: ежегодное издание. 2015 год. СПб: Изд-во ООО «Эс Пэ Ха», 2016. 163 с.
8. Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2016 году». М.: НИИ-Природа, 2017. 300 с.

9. Государственный доклад «О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2017 году». М.: НИИ-Природа, 2018. 298 с.

10. Рыбкина И.Д. Водоресурсное обеспечение долгосрочного регионального развития Западной Сибири (на пример Обь-Иртышского бассейна): дисс. ... д.г.н. по спец. 25.00.36 «Геоэкология». Барнаул, 2020. 249 с.

11. Стоящева Н.В., Рыбкина И.Д. Водные ресурсы Обь-Иртышского бассейна и их использование // Водные ресурсы. 2014. Т. 41. № 1. С. 3-9.

12. Винокуров Ю.И., Рыбкина И.Д., Стоящева Н.В., Курепина Н.Ю. Территориальная организация водопользования в бассейне реки Алей // География и природные ресурсы. 2014. № 3. С. 133-140.

13. Винокуров Ю.И., Рыбкина И.Д., Стоящева Н.В., Губарев М.С., Курепина Н.Ю., Резников В.Ф., Магаева Л.А. Ландшафтно-бассейновый подход в оценках водообеспеченности населения и экономики регионов Западной Сибири // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 31-41.

14. Рунова Т.Г., Волкова И.Н., Нефедова Т.Г. Территориальная организация природопользования. М.: Наука, 1993. 208 с.

15. Рыбкина И.Д. Территориальная организация водопользования в регионах Верхней Оби // Известия АО РГО. 2020. № 2 (57). С. 5-20.

16. Промежуточный отчет по гранту РФФИ БФ Почвы № 21-55-75002 «Разработка рекомендаций в целях устойчивого совместного использования почв и грунтовых (подземных) вод: принятие решений при поддержке и участии заинтересованных сторон». 2022. 210 с.

17. Рыбкина И.Д., Магаева Л.А., Губарев М.С. Ограничения и возможности развития водоснабжения муниципальных образований бессточной области Обь-Иртышского междуречья // Вода: химия и экология. 2015. № 3 (81). С. 83-90.

Irina D. Rybkina

*Institute for Water and Environmental Problems
of the SB RAS, Barnaul*

SPATIAL DEVELOPMENT OF WESTERN SIBERIA AND GUARANTEED WATER SUPPLY OF THE POPULATION AND THE ECONOMY

***Annotation.** The article presents the results of a study of the territorial organization of water use in the regions of the Ob-Irtysh basin, as well as an analysis of the dynamics of water use systems over the past two decades.*

***Key words:** water use systems, Ob-Irtysh river basin, water management, regional development.*

ЛАНДШАФТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК БАЗА УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЭКОСИСТЕМ АЛТАЯ

***Аннотация.** На основе инвентаризации и оценки социально-экономических условий, современного землепользования и компонентов природы, анализа социально-демографической ситуации и расселения населения, социальной инфраструктуры, экономического развития района, антропогенной нарушенности территории, оценки в категориях значения и чувствительности современного состояния климата, почв, видов и биотопов, ландшафтно-рекреационного потенциала района сформулированы цели их использования и дальнейшего развития, разработана интегрированная концепция целей территориального развития.*

***Ключевые слова:** ландшафтное планирование, ландшафтная карта, природные компоненты, социально-экономические условия.*

Ландшафтное планирование (ЛП) направлено на формирование экологически ориентированной политики землепользования. Наиболее целесообразно ЛП использовать в решении таких задач, как планирование создания и функциональное зонирование особо охраняемых природных территорий (ООПТ), включая их землеустройство [1].

Методика ландшафтного планирования, разработанная в ИГ СО РАН, предполагает, что оценка природных компонентов и определение целей их развития проводятся специалистами-отраслевиками, благодаря чему учет природных особенностей получается более корректным и детальным [2]. В настоящее время оценка и определение целей развития ведутся по единой контурной сетке ландшафтных выделов с использованием ГИС. Значительное внимание уделяется социально-экономическим аспектам землепользования [3].

При составлении ландшафтного плана природного парка «Зона покоя «Укок» [4] использована ландшафтная карта Кош-Агачского района Республики Алтай Г.С. Самойловой [5], которая была адаптирована к требованиям ландшафтного планирования и конкретного проекта. В итоге была создана ландшафтная ГИС, визуализация базы данных которой позволяет строить новые карты разного тематического содержания.

Природный парк «Зона покоя «Укок», расположенный на территории Кош-Агачского района в самой южной части Республики Алтай, где на протяжении 50 км стыкуются границы четырех стран (России, Монголии,

Китая и Казахстана), был создан как резерват природных комплексов и этноисторических памятников для последующих поколений [6].

Для анализа природных условий были выбраны следующие природные компоненты: виды и биотопы, почвы, поверхностные воды, климат, ландшафтное разнообразие. На оценочном этапе производилась оценка современных природных условий территории планирования природного парка в обобщенных категориях (потенциалах) значения и чувствительности отдельных компонентов природной среды и ландшафтов в целом, оценивалось и реальное использование территории. Проведенная работа позволила сформулировать цели развития, которым в пространственном отношении соответствуют конкретные территории (рис. 1, табл. 1).

На примере парка «Зона покоя «Укок» были исследованы возможности применения космической информации, ландшафтных методов и ГИС к решению задач ландшафтного планирования, подготовлены условия для внедрения методов ландшафтного планирования с использованием новых информационных технологий в практику природопользования [7], которые затем были использованы и при разработке ландшафтного рамочного плана всей территории Кош-Агачского района [8].

Таблица 1

Интегрированные цели развития природного парка «Зона покоя «Укок»

<i>Тип цели</i>	<i>Цель</i>	<i>Краткая характеристика объектов</i>
Сохранение	Отказ от использования	Высокочувствительные средообразующие водораздельные крутосклонные гляциально-нивальные комплексы. Высокозначимые, высокочувствительные тундровые комплексы с лиственничным редколесьем. Воспроизводство краснокнижных и редких видов.
	Сохранение существующего экстенсивного использования	Высоко- и среднезначимые высокочувствительные альпийские и субальпийские луговые и горно-долинные комплексы. Стокоформирующие и стокорегулирующие функции. Воспроизводство краснокнижных и редких видов. Высоко- и среднезначимые среднечувствительные склоновые леса. Буферная полифункциональная зона с природо-защитными функциями.
Развитие	Экстенсивное развитие	Территории сохранения историко-культурного наследия и традиционных видов природопользования. Высоко- и среднезначимые высокочувствительные тундры и тундростепи, местами заболоченные, преобразованные хозяйственной деятельностью.

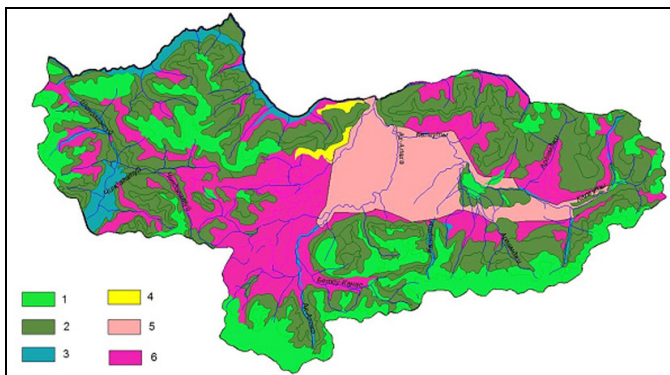

Рис. 1. Интегрированные цели развития природного парка «Зона покоя «Укок»

В результате проведенной работы на территории Кош-Агачского района выделено 5 типов экологических территорий (зон) — от полного запрета на хозяйственную деятельность (ядерные зоны природного и национального парка) до регламентированного интенсивного развития с максимальным воздействием на природную среду. На базе установленных целевых типов развития территории разработана система мероприятий по реализации интегрированных целей территориального развития (рис. 2). На основе карты с отображением целевых концепций развития территории показаны также конфликты в сфере природопользования и позволяющие их ликвидировать или минимизировать режимы использования.

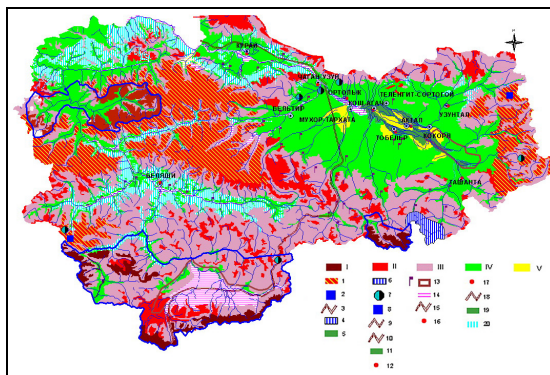

Рис. 2. Основные направления действий и мероприятия по реализации целевой концепции развития территории Кош-Агачского района Республики Алтай

Цели развития: I — отказ от использования; II — сохранение современного экстенсивного землепользования; III — экстенсивное использование; IV — регламентированное экстенсивное использование; V — улучшение с последующим переводом в категорию экстенсивного использования. 1-20 — конфликты и режимы природопользования.

Таким образом, в результате работ по созданию рамочных ландшафтных планов Кош-Агачского района и природного парка «Зона покоя Укок» созданы предпосылки для внедрения инструментов ЛП в Республике Алтай, как основы устойчивого территориального развития. Вместе с результатами планирования территории Майминского, Чемальского и Усть-Коксинского районов при надлежащем правовом оформлении процедуры и результатов они помогут решить территориальные проблемы региона с сохранением его уникальных природных богатств и без ущерба для социально-экономического состояния.

Для усовершенствования и отработки на модельных полигонах методики оценки и определения целей развития природных компонентов территории Майминского и Чемальского районов Республики Алтай была подготовлена специальная ландшафтная основа [9]. При ее составлении наряду с собственными результатами полевых исследований были использованы и опубликованные материалы: карта Д.В. Черных и Г.С. Самойловой «Ландшафты Алтая (Республика Алтай и Алтайский край)» [10] и коллективная монография сотрудников ГАГУ под редакцией А.В. Шитова «Природные комплексы Майминского района Республики Алтай» [11]. Путем совмещения на одной карте компонентных целей с использованием тех же целевых типов и конкретных целей была разработана интегрированная концепция целей территориального развития природного парка.

Это позволило разграничить территории, рекомендуемые для сохранения природной среды или социально-экономического развития, определить территории с наиболее острыми экологическими проблемами и наметить пути их восстановления, уточнить направления развития территории и конкретизировать базовые структуры развития Майминского (рис. 3, табл. 3) и Чемальского (рис. 4) районов Республики Алтай.

Особенностью природопользования Майминского района является высокий уровень антропогенного давления на ландшафты и отсутствие особо охраняемых территорий. С точки зрения возможностей реализации средоформирующих и функциональных свойств в наибольшей охране нуждаются геосистемы верховья р. Маймы (выше с. Александровка по течению), а также ее притоков Карасук, Сайдыс, Бирюля.

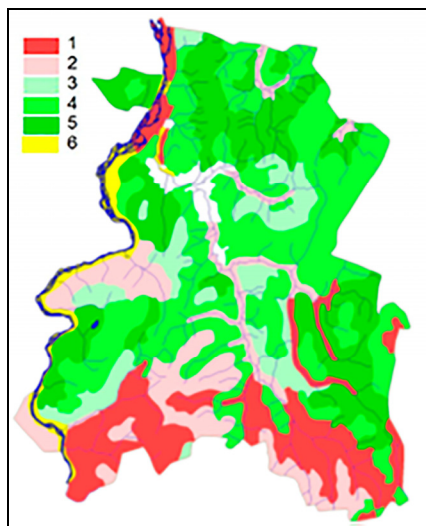

Рис. 3. Интегрированные цели территориального развития Майминского района Республики Алтай

Таблица 3

Интегрированные цели территориального развития Майминского района

Тип цели	Цель	Краткая характеристика объектов
1	2	3
Сохранение	Отказ от использования	Высокозначимые высокочувствительные геосистемы, местообитания краснокнижных видов
	Сохранение существующего экстенсивного использования	Высоко- и среднезначимые высоко- и среднечувствительные высокогорные леса, местообитания краснокнижных видов
Развитие	Регламентированное экстенсивное развитие с локальным сохранением	Высоко-и средне чувствительные геосистемы верховьев рек бассейна Катуня
	Развитие в соответствии с направлениями деятельности: лесное хозяйство, туристическая деятельность	Средне-и низко значимые среднечувствительные геосистемы
	Развитие с возможной интенсификацией и локальным улучшением	Средне-и высокозначимые средне- и низкочувствительные лесные и лесостепные геосистемы

1	2	3
Улучшение	Регламентированное использование и улучшение нарушенных участков	Высоко-и среднечувствительные геосистемы долин Катуни и нижнего течения ее притоков, подвергающиеся нарастающему антропогенному прессингу, наносящему ущерб средоформирующим свойствам ландшафта

Геосистемы Чемальского района менее нарушены антропогенным воздействием, поэтому среди типов целей улучшение не упомянуто. Вместе с тем и здесь бесплановое развитие туризма вносит серьезный отрицательный вклад в развитие и функционирование природных объектов, что требует учета этого фактора в последующем крупномасштабном ЛП.

Таким образом, выявление закономерностей организации геосистем и последующая интерпретация данных для создания региональных систем природопользования, базирующиеся на ландшафтном картографировании и ландшафтном планировании, позволяют наиболее корректно определить потенциал, оценить ландшафтно-экологические условия и наметить пути территориальной оптимизации природопользования горных территорий.

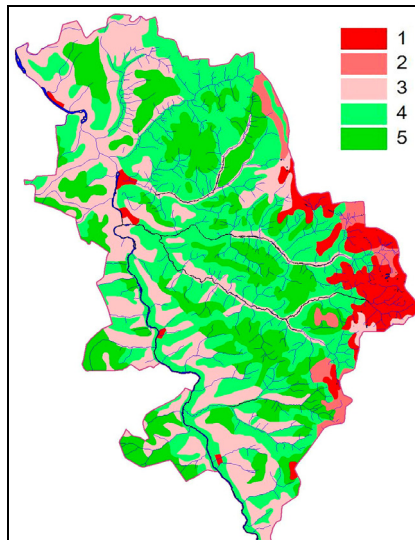

Рис. 4. Интегрированные цели территориального развития Чемальского района Республики Алтай

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антипов А.Н., Семенов Ю.М. Ландшафтное планирование как инструмент управления природопользованием (на примере Байкальского региона) // Известия РАН. Серия географическая. 2006. № 5. С. 82-91.
2. Ландшафтное планирование: принципы, методы, европейский и российский опыт / Антипов А.Н., Дроздов А.В., Кравченко В.В. и др. Бонн; Москва; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2002. 141 с.
3. Семенов Ю.М., Суворов Е.Г., Лысанова Г.И., Семенова Л.Н., Шитов А.В. Опыт ландшафтного планирования и ландшафтно-оценочного картографирования горных территорий // Экологическое планирование и управление. 2013. № 2 (15). С. 23-30, 98-100.
4. Бабин В.Г., Семенов Ю.М., Шитов А.В. и др. Ландшафтное планирование природного парка «Зона покоя Укок» (Республика Алтай) // География и природ. ресурсы. 2011. № 3. С. 38-45.
5. Самойлова Г.С. Ландшафтная карта Кош-Агачского района Республики Алтай // Оценка местообитаний некоторых ключевых видов млекопитающих в Алтае-Хангае-Саянском регионе с помощью специализированной геоинформационной системы. М.: Российское представительство WWF, 2005. — Электронная версия.
6. Алтай. Всемирное наследие: Алтайский заповедник, Катунский заповедник, Зона покоя «Укок», озеро Телецкое, гора Белуха / Маринин А.М., Манеев А. Г., Малков Н. П. и др. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 1999. 68 с.
7. Бабин В.Г., Семенов Ю.М., Шмаудер Г., Шитов А.В. и др. Геоинформационные технологии для ландшафтного планирования Кош-Агачского района (Республика Алтай) // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2011. Т. 17. С. 312-317.
8. Экологически ориентированное планирование землепользования в Алтайском регионе. Кош-Агачский район / Семенов Ю.М., Бабин В.Г., Кочеева Н.А., Шитов А.В. и др. — Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013. 132 с.
9. Семенов Ю.М., Лысанова Г.И. Картографирование геосистем для ландшафтного планирования районов Республики Алтай // География и природ. ресурсы. 2016. № 4. С. 66-75.
10. Черных Д.В., Самойлова Г.С. Ландшафты Алтая (Республика Алтай и Алтайский край). Карта. Новосибирск: ФГУП Новосибирская картографическая фабрика, 2011.
11. Природные комплексы Майминского района Республики Алтай / Шитов А.В., Минаев А.И., Федоткина Н.В. и др. Горно-Алтайск: РИО, 2006. 200 с.

Yuri M. Semenov¹, Alexander V. Shitov², Oksana V. Klimova²,
Elena V. Merdesheva E.²

¹ V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk
²Gorno-Altai State University, Gorno-Altai

LANDSCAPE PLANNING AS A BASIS FOR SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND CONSERVATION OF ALTAI ECOSYSTEMS

***Annotation.** Based on the inventory and assessment of socio-economic conditions, modern land use and nature components, analysis of the socio-demographic situation and population settlement, social infrastructure, economic development of the district, anthropogenic disturbance of the territory, assessment in the categories of significance and sensitivity of the current state of climate, soils, species and biotopes, landscape and recreational potential of the district formulated the goals of their use and further development, an integrated concept of territorial development goals has been developed.*

***Keywords:** landscape planning, landscape map, natural components, socio-economic conditions.*

УДК 910.3:556 (477.75)

Соцкова Л. М.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
институт «Таврическая академия» (Симферополь)*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЛИОРАЦИИ В КРЫМУ

***Аннотация.** Потребности в мелиорациях, их взаимосвязи и реализация играют исключительно важную роль, как одного из главных стратегических направлений устойчивого развития Крыма. В статье охарактеризованы унаследованные и современные особенности размещения основных типов мелиораций, проанализированы особенности трансформации водных, земельных и почвенных ресурсов под влиянием мелиоративных воздействий.*

***Ключевые слова:** типы мелиораций, орошение, подъем уровня грунтовых вод, подтопление, трансформация земельных и почвенных ресурсов.*

Цель исследования заключалась в проведении анализа экологической целесообразности и эффективности мелиораций, как активного механизма рационального природопользования в условиях функционирования Северо-Крымского канала.

Введение. К облигатным, незаменимым факторам устойчивого развития Крыма, в первую очередь относится доступность водных ресурсов. На протяжении длительного исторического периода именно дефицит воды

препятствовал использованию богатейшего природно-ресурсного потенциала региона. Стремительные темпы роста сельскохозяйственного и промышленного производства и, соответственно, мелиоративного воздействия, связаны с вводом Северо-крымского канала (СКК), на протяжении более, чем полувекового своего функционирования, являвшегося каркасом экономического развития Крыма.

Канал пересекает Северо-Крымскую низменность, Центрально-Крымскую равнину, Керченский полуостров и заканчивается стальными трубопроводами у очистных сооружений г. Керчи. Пропускная способность СКК до 3,0-3,5 км³ воды.

Построенные вдоль магистрального наливные водохранилища, аккумулируют более 139 млн м³ днепровской воды [1].

Водные мелиорации в Крыму — самостоятельный вид спроектированного изменения и управления территориями, с целью оптимизации условий жизни в регионе и рационального использования его ресурсов. Окончание водной блокады Крыма и перспективы дальнейшего расширения орошения стимулирует необходимость анализа унаследованных проблем широко-масштабной ирригации прошлых лет для принятия превентивных мер, способствующих управлению водными ресурсами при восстановлении орошаемого земледелия Крыма.

Изложение основного материала. Обратная широтная биоклиматическая зональность, обусловленная повышением гипсометрического уровня территории региона с севера на юг, и исконное маловодье степных и предгорных ландшафтов определили широкое развитие оросительных (ирригационных) мероприятий в степной и лесостепной зонах Крыма. Резкое развитие промышленного производства и агрокомплекса, получение максимальных экономических результатов привели к существенным нарушениям природной среды. Противоречия между экономическими прерогативами и интересами охраны окружающей среды определили актуальность научных исследований и масштабное внедрение широкого спектра мелиораций. В комплексе с орошением применялись и сопутствующие виды, и разновидности мелиораций в зависимости от характера природных и природно-антропогенных процессов, подлежащих нейтрализации и противодействию мелиоративными приемами (табл. 1).

Практика мелиораций в Крыму накопила значительный опыт, необходимый в современных реалиях. Широкое внедрение в регионе мелиоративных мероприятий, выполняет особо важные экологические функции — стабилизирующие, средоформирующие и средозащитные, противодействующие снижению биологической и вещественно-энергетической продуктивности экосистем.

Водные мелиорации. В 80-е годы XX века, в период наиболее эффективного развития орошаемого земледелия в Крыму, по СКК поступало до 3,0 млрд. м³ днепровской воды. В 1980-х годах прошлого века воды канала обеспечивали 92 % всей влаги, поданной на орошаемые нужды. В связи с широким использованием вод канала постоянно увеличивались площади орошаемых водами СКК земель, и на 01.01.2000 г в Крыму они составили 365,5 тыс. га. Общая длина оросительной сети превышала 10700 км [2]. Широкое территориальное внедрение оросительных мелиораций и расточительный характер водопользования в сельском хозяйстве, сопровождались колоссальными непроизводительными затратами (потерями) оросительной воды (до 30% от водозабора [3]).

Средний подъем уровня грунтовых вод составлял до 30 см в год, а на отдельных участках до 1-1,5 м в год, что и привело к их круглогодичному подтоплению и заболачиванию.

Таблица 1

Основные типы и виды мелиораций

<i>Типы мелиораций</i>	<i>Виды</i>	<i>Основные способы</i>
Водные	Оросительные	Поверхностное Подземное
	Осушительные	Открытый дренаж Закрытый дренаж Обвалование
	Обводнительные	Региональные переброски речных вод, строительство и эксплуатация каналов, создание гидротехнических сооружений и искусственных водоемов
Климатические	Микроклиматические	Мульчирование, кулисные посадки, обогрев плантаций дымлением, оставление высокой стерни
Земельные	Почвозащитные	Противоэрозионные и противодефляционные
	Химические	Известкование, гипсование, мелиорации почв, засоленных легко растворимыми солями
	Удобрительные	
Фито-мелиорации	Лесомелиорации	Лесонасаждение на полях и орошаемых землях
	Кустарниковые и травянистые	Использование псаммофитов и кустарников

Например, на Керченском полуострове, на поливных землях Приазовья произошел резкий подъем УГВ. В пределах приморских, приозерных и прибалочных ландшафтов глубина залегания уровней грунтовых вод от поверхности часто не превышал 0-1 м (рис. 1).

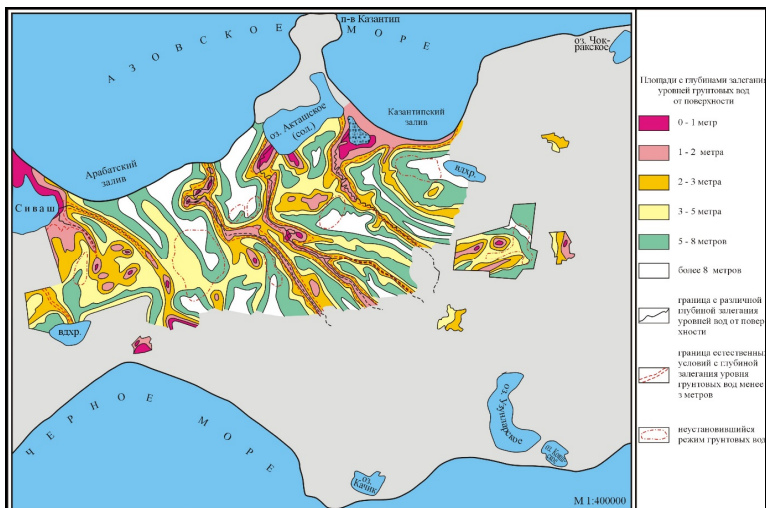

Рис. 1. Глубина залегания грунтовых вод на поливных и прилегающих землях Керченского полуострова

Протяженность построенной в целях улучшения гидромелиоративной обстановки коллекторно-дренажной сети превышала 15 тыс. км.

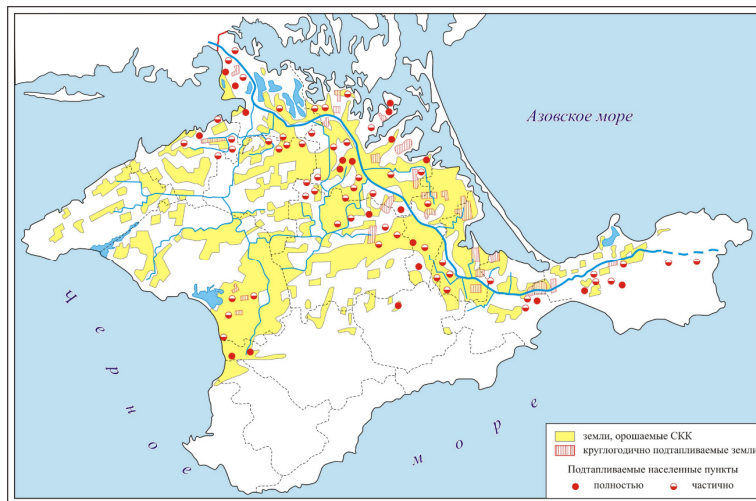
Сезонное пополнение приходной части водного баланса, превышение оросительных норм, непроизводительные потери воды спровоцировали как поднятие уровня грунтовых вод и вторичное засоление почв (табл. 2, табл. 3), так и подтопление населенных пунктов (рис. 2).

Таблица 2

Показатели уровней залегания грунтовых вод на орошаемых землях Крыма [4]

Годы	Площади, охваченные наблюдениям, тыс. га %	В том числе с уровнем залегания грунтовых вод				
		от 0 до 1 м	от 1 до 2 м	от 2 до 3 м	от 3 до 5 м	более 5 м
1980	265,2	18,9	22,8	65,4	42,6	115,5
	100 %	7,1 %	8,5 %	24,7 %	16,0 %	43,5 %
2000	397,7	10,8	20,9	65,1	89,8	211
	100 %	2,8 %	5,2 %	16,4 %	22,5 %	53,1 %

Начиная со второй половины 1990-х годов, площади поливных земель неуклонно сокращались; эта тенденция сохранилась и в начале XXI века. Площади подтопленных сельскохозяйственных угодий составляли в 2008 — 21402, а в 2009 году — 17733 гектар. На рис. 2 заметно, что в 2009 г. из 77 населенных пунктов, располагающихся вдоль магистрального канала и его основных ответвлений, 21 полностью подтоплены.

М 1:600000 Рис. 2.

Подтопление земель и населенных пунктов [3]

Согласно данным последних исследований после прекращения подачи воды по СКК, по состоянию на конец поливного сезона 2017 г. на общей площади орошаемых земель в 401533 га, земли с глубиной залегания УГВ до 2 м занимают 2421 га [5].

Таблица 3

Динамика уровней грунтовых вод на орошаемых землях Крыма (включая город Севастополь) [5], в га

УГВ	Год				2010. 2017 (+ -)
	2010	2014	2016	2017	
0 - 1	4965	33	17	29	-4936
0 - 2	27715	20515	3146	2421	-25294
0 - 3	53700	50017	25873	17553	-36147
3.0 - 5.0	90427	85307	100370	104121	+13694
Более 5 м	257406	266209	275290	279859	+22453

Почвенные мелиорации. Региональный подъем уровней грунтовых вод и проявление процессов подтопления, естественно отразились и на состоянии почвенного покрова. Пополнение приходной части водного баланса, повышенное увлажнение, несвойственное природному генезису почв, создает тенденции глубоких изменений в направлении и интенсивности химических, физико-химических, биологических и других почвенных процессов.

Важнейшие из них — засоление, осолонцевание, слитизация, дегумификация. Наибольшие площади засоленных орошаемых земель были сосредоточены в Советском и Джанкойском районах.

К 2017 году площадь поливных земель сократилась до 14,3 тыс. га в сравнении с 2013 годом в 136,8 тыс. га. Средне- и сильно солонцеватые почвы площадью в 31,5 тыс. га располагаются преимущественно в Присивашье. В 2016-2017 гг. реализовано гипсование почв фосфогипсом в 14,2 тыс. т. на площади 1,9 тыс. га [5].

Таблица 4

Засоленность орошаемых земель Крыма [4]

Год	Площадь орошаемых земель тыс. га, %	Площадь засоленных земель тыс. га, %	В том числе		
			Слабо-засоленные	Средне-засоленные	Сильно-засоленные
1980	265,2	42,4	36,0	6,2	0,2
	100 %	16,9 %	13,8%	2,3%	0,7%
2000	401,9	27,7	23,5	4,0	0,2
	100%	6,9%	5,8%	1,0 %	0,04%

Во избежание ошелачивания почв применялось внесением кислот и кальцинированных мелиорантов, с добавлением в почву фосфогипса, вызывающего ослабление щелочности почв и вытеснение натрия из поглощающего комплекса. Внесение сернокислого железа (пиритные огарки) способствовало как оструктуриванию почв, так и снижению их щелочности. В целях профилактики вторичного засоления почв, рекомендовалось внесение кислых мелиорантов в сочетании с фосфогипсами сернокислым железом. Такие мелиоративные приемы, как внесение минеральных и органических удобрений, подбор солевыносливых культур, рыхление верхнего горизонта почвы с целью разрушения капилляров противодействовали опасным элементам почвообразования — оглеению и засолению.

Выводы. Орошение и функционирование СКК привели к феноменальному пространственно-временному перераспределению водных ресурсов Крыма и широкому развитию негативных экологических процессов. Но в

период наиболее эффективного развития орошаемого земледелия, население региона было обеспечено продукцией собственной растениеводства, работой и доходом.

Окончание водной блокады и восстановление функционирования Северо-Крымского канала и, соответственно, восстановления орошения требует поэтапного решения и учета опыта прошлого. Программа развития мелиорации в Крыму предполагает реконструкцию существующих и создание новых ирригационных систем. Обоснование проектов мелиорации на региональном уровне должно базироваться на научно обоснованных расчетах потребности в водных мелиорациях, объемов необходимого производства сельскохозяйственной продукции для обеспечения продуктами питания и сырьем населения региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устойчивый Крым. Водные ресурсы. Симферополь: Таврида, 2003. С. 183-198.
2. Годовые отчеты по технической эксплуатации оросительных систем канала за 1998-2010 гг. Симферополь. Рескомводхоз Крыма.
3. Соцкова Л.М. Использование транзитных вод в Крыму: проблемы и экологические последствия / Мат. Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты». Воронеж, 12-16. С. 314-319.
4. Водное хозяйство Крыма. Симферополь: Доля, 2008. 264 с.
5. Ляшевский В.И., Вердыш М.В. Мелиоративная характеристика орошаемых земель Крыма. Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации, №3 (31), 2018. С. 86-99.

Lydia M. Sotskova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

THE CURRENT STATE AND CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LAND RECLAMATION IN THE CRIMEA

Annotation. *The needs for land reclamation, their interrelationships and implementation play an extremely important role as one of the main strategic directions of sustainable development of the Crimea. The article describes the inherited and modern features of the placement of the main types of land reclamation, analyzes the features of the transformation of water, land and soil resources under the influence of reclamation impacts.*

Key words: *types of land reclamation, irrigation, groundwater level rise, flooding, transformation of land and soil resources.*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

***Аннотация.** В статье рассматриваются аспекты оптимизации пространственной организации общества. Для этого приводится понятие территориально-общественной системы (ТОС), географического, общественного и институционального пространства. Обосновывается необходимость реформирования территориально-административного деления регионов. Выявляются плюсы и минусы данного реформирования. Приводится пример совершенствования институционального пространства Пермского края.*

***Ключевые слова:** общественная система, пространство, организация, управление, территориально-административное деление.*

Регион представляет собой специфическую географическую систему, имеющую определённую пространственную структуру, которая в ходе развития требует оптимизации или даже изменения принципов организации.

Географические системы состоят из взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, находящихся в разнообразных связях, отличаются сложностью, иерархичностью и непрерывностью. Территориальная общественная система (ТОС) выступает одним из видов геосистем. Её системообразующим ядром является территориальная общность людей, которая находится в тесной взаимосвязи со своим природным и антропогенным окружением. Каждая ТОС или её компонент обладает собственным физическим, в данном случае индивидуальным пространством и ареалом его ближайшего воздействия. Вместе с другими аналогичными системами они формируют сложные групповые пространства [1].

Географическое пространство можно представить как реальное пространство географических объектов в сочетании с абстрактным пространством вещественных, энергетических и информационных связей и отношений между ними. Пространство тесно связано со временем и является базисом пространственно-временной организации общества.

Принимая во внимание институциональные процессы, возникает необходимость определиться с социальным (общественным) пространством, частью географического пространства. Оно имеет вполне конкретный смысл — это метрико-морфологическая характеристика социальных явлений. Оно не тождественно и не подменяет собой «социум» или общество. По мнению П. Бурдьё социальное пространство — это многомерное про-

странство, в котором на основе принципов дифференциации и распределения разнообразных свойств (качеств, признаков) возникает система социальных позиций, определяющих силу и власть агентов и групп в социальном универсуме. Однотипные свойства приводят к группировке агентов и групп в определенные классы и их размещению в определенные области социального пространства [2].

Институциональное пространство (пространство власти) является интегральным и формируется в результате всего функционирования системы, ее «осознания» и регулирования, поэтому данное пространство не может существовать отдельно и абстрактно. Территорией можно управлять извне и изнутри, следовательно, данное пространство иерархично. На конкретной территории регулирование и управление осуществляется органами власти федерального, регионального и муниципального уровня.

Пространственно-временная организация человеческого общества проявляется в двух формах: дискретно-системной и континуально-сетевой. Первая форма организации общества проявляется в дискретно-системной регионализации жизнедеятельности людей [3]. В ходе регионализации географического пространства и времени происходит территориальная концентрация и локализация деятельности населения, формирование территориальных природных, общественных и природно-общественных систем, в которых «обособляются» физико-географические, общественно-географические и природно-общественные (социально-экологические) регионы. Каждый из них, развиваясь под влиянием пространственно-временных факторов, имеет «собственное» пространство и сложную пространственно-временную организацию жизнедеятельности людей. Из чего следует, что вся жизнь в системах и ее регулирование до недавнего времени вписывалось в рамки территориально-административного деления, сдерживающего свободу населения в выборе мест проживания, приложения труда и отдыха. Такое устройство территории было необходимо в условиях плановой экономики, когда рассчитывалась обеспеченность населения административных образований услугами, рабочими местами, жильем и т.д. Население имело конкретную «приписку» к территории и услуги «шли к населению».

При переходе к социэкономике принципы организации общества меняются. Появляется конкуренция, свобода выбора товаров и услуг, свобода перемещения населения и административное деление теряет свою значимость, особенно на поселенческом уровне, что приводит к необходимости новой пространственной организации общества: континуально-сетевой структуризации разных видов деятельности людей. В результате непрерывной послышной структуризации пространства усиливаются процессы

агломерирования и глобализации. Наибольшая взаимосвязанность и взаимообусловленность элементов проявляется в послойных структурах, как экономическая, политическая, культурная и информационная. В них организуется деятельность людей в конкретных сетях, и создаются соответствующие институты, корпорации, концерны, фирмы и другие объекты. При данной ситуации население тяготеет к месту предоставления услуг — центру укрупненного территориального образования.

Разделение территории региона на определенные части — территориальные округа (выделение определенного институционального пространства) необходимы для целей управления, в соответствии с которыми строится и функционирует система органов государственной власти.

Формирование округов позволит не только повысить сбалансированность социально-экономического (общественного) пространства региона (ТОС), но и решить проблемы межмуниципальных хозяйственных и бюджетных отношений, а также совершенствовать систему территориального управления путем синтеза регионального (государственного) управления и местного самоуправления.

Данный процесс неоднозначно оценивается как органами власти, так и населением. Вместо «размытых» полномочий при его реализации появляется «единое окно» власти, упрощается участие территории в программах регионального и муниципального развития, экономия средств за счет сокращения управленческого аппарата направляется в бюджет. Развитие инфраструктуры, особенно транспортной и информационной позволит обеспечить «сжатие пространства», его доступность, а также повышение качества жизни населения. На муниципальном уровне эти задачи нереализуемы.

В качестве рисков данных преобразований следует отметить организацию управления на местном уровне. Упразднение органов власти на уровне поселений помимо упрощения управления может привести к конфликтам, как среди представителей муниципальной власти, так и со стороны населения. Особенно это может затронуть сельскую местность и территории средней и дальней периферии.

Примером таких преобразований может служить опыт Пермского края, в котором институциональные изменения проходят с 2018 г. Они осуществляются на основе укрупнения территории по двум сценариям. Сначала «стирались» границы между сельскими поселениями, затем происходило слияние самостоятельных муниципалитетов. Муниципальные районы объединялись с городскими и трансформировались в городские округа — 25 (Березниковский, Соликамский, Лысьвенский и др.), муниципальные районы с поселениями объединяются в муниципальные округа — 19 (Александровский, Березовский, Гайнский и др.). В то же время в крае остался 1 муниципальный район с 17

поселениями (Пермский). Таким образом, за период 2018-2021 г. численность муниципальных образований сократилась с 337 до 62.

Следующий этап реформирования может быть представлен выделением укрупненных управленческих округов. На территории края предлагалось выделить 7 таких укрупненных образований (территориальных сетей) [4, 5]. Сейчас в крае прорабатывается вопрос объединения муниципалитетов Коми-Пермяцкого округа и образования укрупненного муниципального образования. Кроме того, рассматривается вопрос укрупнения муниципальных образований на севере и в горнозаводской части края.

Создание гармоничных ячеек жизни населения необходимо для эффективного использования потенциала территории, производства и потребления всей продукции и благ, саморазвития населения, повышения их творческой активности, уровня и качества жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шарьгин М.Д. Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни управления). Избранные труды. Пермь: Изд.-во ПГУ, ПСИ, ПССГК, 2003. 260 с.
2. Бурдые П. Социология политики / П.Бурдые; пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. Шарьгин М.Д. Современные проблемы пространственно-временной организации общества // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Материалы международной научно-практической конференции (г. Пермь, 07-11 ноября 2018 г.). Пермь, 2018. С. 40-45.
4. Субботина Т.В. Пространственная организация общества через призму системно-сетевых подходов // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Материалы международной научно-практической конференции (г. Пермь, 07-11 ноября 2018 г.). Пермь, 2018. С. 34-40.
5. Шарьгин М.Д. Пермский край: проблемы пространственного развития // Избранные труды. Пермь: Изд.-во ПГНИУ, 2018. С. 504-521.

Tatyana V. Subbotina, Larisa B. Chupina

Perm State National research university, Perm

INSTITUTIONAL ASPECT OF SPATIAL ORGANIZATION OF TERRITORIAL-PUBLIC SYSTEMS

Annotation. *The article discusses aspects of optimizing the spatial organization of society. For this purpose, the concept of a territorial-social system (CBT), geographical, public and institutional space is given. The necessity of reforming the territorial and administrative division of regions is substantiated. The pros and cons of this reform are revealed. An example of improving the institutional space of the Perm Region is given.*

Keywords: *social system, space, organization, management, territorial and administrative divisions.*

**ОБРАЗ ТЕРРИТОРИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА:
МЕТОДИКА АНАЛИЗА И СТРУКТУРА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)**

***Аннотация.** В статье предлагается методика полимасштабного мониторинга образа территорий в соцмедиа, которая может быть адаптирована и для других территорий. С помощью данных ИАС «Медиалогия» проводилось исследование географии публикаций, их авторов, аудитории. Определены интенсивность и тональность информационного потока, выделены ведущие информационные центры. Рассмотрены наиболее часто упоминаемые темы, слова и хэштеги. Полученные результаты имеют практическую значимость для продвижения региона в соцмедиа.*

***Ключевые слова:** образ территории, социальные медиа, социальные сети, Республика Дагестан, полимасштабный анализ, социально-экономическая география.*

Анализ данных соцмедиа является новым методом в отечественной географии. Интерес к нему, в первую очередь, связан с уникальной информацией, которую сложно получить при проведении исследований классическими методами и широкими возможностями его использования в научно-познавательном процессе и прикладном аспекте.

За последние 20 лет Интернет стал как средством получения информации, так и средством коммуникации. Сайты, основанные на принципе взаимодействия людей друг с другом обобщенно называют социальными медиа [1]. К ним относятся социальные сети, блоги, видео-, фотохостинги и форумы.

На сайтах популярных социальных медиа зарегистрировано более 400 млн пользователей. В России аккаунты в социальных сетях и других видах социальных медиа имеют около 70 млн человек [2].

Часто объектами коммуникации в социальных медиа становятся географические объекты различного территориального уровня: государства, субъекты, города, муниципальные районы, сельские поселения и др. При этом соцмедиа не просто отображают различные места: они приписывают им определенные характеристики, значения и смыслы, побуждая аудиторию воспринимать эти места особым образом. Очевидно, что социальные медиа становятся актуальным источником информации для анализа образа территории.

Проведенные ранее исследования позволяют говорить о том, что Дагестан — особый регион, имеющий ряд специфических черт с точки зрения трансляции и восприятия образа территории в медиапространстве. Он представлен и в СМИ, и в соцмедиа достаточно широко, но при этом в его образе явно доминируют отрицательные черты. Преобладают стереотипизированные и не переосмысленные образы. Это объясняется и историческими, и культурными, и политическими факторами [3]. Но исследования, позволившие это понять, проводились только на региональном уровне. Возникает необходимость анализа репрезентации образа региона в соцмедиа на уровне муниципальных образований, ведь только так можно лучше понять причинно-следственные связи тех или иных образных характеристик и выявить «слабые места» и возможные точки роста для дальнейшего грамотного выстраивания информационной политики региона.

Социальные медиа имеют ряд специфических характеристик, которые необходимо учитывать при использовании данного ресурса для географического анализа: оперативность; отсутствие пространственных ограничений; большие объемы и неструктурированность информации; различные форматы ее представления информации; субъективность оценочных характеристик; преобладание определенных возрастных параметров пользователей; широкий охват аудитории.

Учитывая все вышеперечисленные параметры, наиболее целесообразно проводить сбор информации и формирование базы данных с помощью информационно-аналитической системы мониторинга социальных медиа «Медиадиалогия» [4].

Временные рамки исследования — один календарный месяц с 1 по 28 февраля 2020 г. Очевидно, что этот период слишком короток для получения всестороннего детального анализа, однако, для апробации методики исследования и получения предварительных данных, его следует считать достаточным.

Исследование проводилось в 4 этапа:

Разработка и апробация системы поисковых запросов.

Сбор информации и формирование базы данных.

Картографирование.

Анализ информации.

В базу данных вошли все сообщения с упоминанием названий всех МО каждого субъекта, входящего в состав Республики Дагестан (во всех лингвистических формах). Не включались сообщения, попадающие под категорию «спам», «реклама», «рассылка», «репост». Итоговая база данных включает в себя 290 тысяч сообщений.

Уточним некоторые показатели, которые будут использоваться в работе в дальнейшем. Под аудиторией понимается число пользователей, увидевших данную публикацию. Показатель «вовлеченность» отражает число пользователей так или иначе отреагировавших на сообщение (лайк, репост, комментариев и др.). Тональность публикаций определялась автоматически с помощью алгоритмов ИАС «Медиалогия». При оценке тональности применяются технологии лингвистического анализа, разработанные системой [4].

Цифра в 290 тысяч сообщений распределяется неравномерно, выделяются крупнейшие информационные центры — города Дагестана. Абсолютный лидер — Махачкала (116 тыс. сообщений), лидеры второго порядка — Дербент (35 тыс.) и Каспийск (32 тыс.). Муниципалитеты аутсайдеры — это периферийные сельские территории: Рутульский, Ногайский, Чародинский районы. На первый взгляд, может показаться, что есть прямая корреляция между количеством публикаций и численностью населения МО, но при более детальном изучении мы видим исключения, например, при небольшой численности населения достаточно много публикаций о Новолакском и Гумбетовском районах, при этом меньше тысячи сообщений о Левашинском и Кизилюртовском районах. Если рассматривать относительный показатель — количество сообщений на 1000 населения, — то лидерами остаются города, а явными аутсайдерами становятся Каякентский и Тарумовский районы.

Лидерами по аудитории в регионе также являются его крупнейшие города — Махачкала, Каспийск, Дербент. Для сельских МО зависимость аудитории от численности населения работает не так однозначно. Среди лидеров по аудитории есть, как муниципалитеты с большой численностью населения — Урус-Мартановский (159,5 тыс. человек) и Дербентский (101,6 тыс. человек), так и средней — Кизлярский (74,6 тыс. человек), Ботлихский (59,8 тыс. человек), и даже малой — Бабаюртовский (48,4 тыс. человек), Хунзахский (33,3 тыс. человек) (рис. 1). Очевидно, что на уровне сельских МО вступают в силу дополнительные факторы, увеличивающие аудиторию. Так, для Урус-Мартановского района значение имеет «эхо войны» — годовщина боя псковских десантников в феврале 2000 г. Кизлярский и Дербентский районы испытывают позитивный эффект от довольно мощных брендов своих городов-центров — Кизляра и Дербента. Новолакский район получил большую аудиторию ввиду резонансного убийства главы одного из сел, освещаемого на федеральном уровне.

На примере Бабаюртовского района Дагестана видно, как социальные медиа раскрывают существующие проблемы расселения и миграции. В равнинной части Дагестана еще с 1970-х гг. стали появляться временные

населенные пункты — кутаны. В них размещались жители горных районов на время выпаса скота, покидая их в зимний период. При этом, эти населенные пункты имели статус анклавов и входили в состав горных районов республики. На данный момент кутаны стали фактически нелегальными постоянными населенными пунктами. В результате к официально зарегистрированному населению Бабаюртовского района добавляется около 60 тыс. человек, живущих в 166 незарегистрированных населенных пунктах. Реальная численность населения Бабаюртовского района превышает 100 тыс. человек, что и подтверждается достаточно большим показателем аудитории [5].

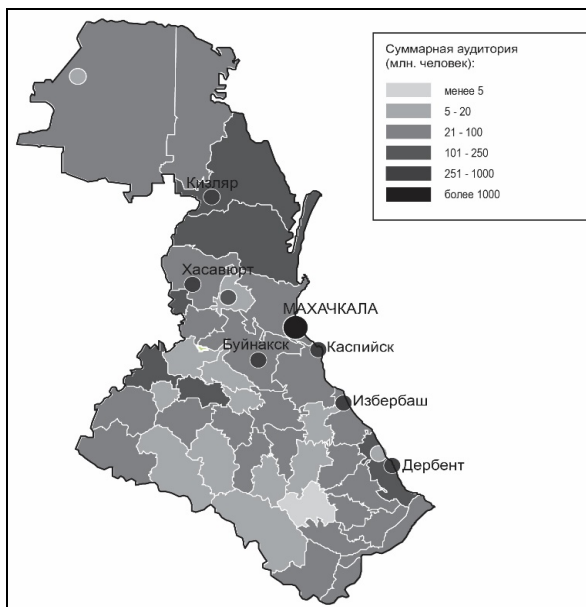

Рис. 1. Аудитория публикаций о МО Республики Дагестан в соцмедиа

Также стоит отметить разнонаправленное действие пригородного положения сельских муниципалитетов на показатель суммарной аудитории. В одних случаях, наличие города значительно «оттягивает» информационный поток на себя, например, Карабудахкентский и Кумторкалинский районы. В других случаях, город и окружающий его муниципальный район образуют взаимовыгодные «связки», формируя встречные информационные потоки. Здесь главные примеры города Дагестана с районами — Дербент и

Дербентский район, Хасавюрт и Хасавюртовский район, Буйнакск и Буйнакский район, Кизляр и Кизлярский район.

А по показателю вовлеченности на 100 аудитории лидерами выступают города: Махачкала, Кизилюрт, Избербаш и 2 района: Кизлярский и Рутульский. При большом объеме аудитории сохраняется и большое количество вовлечений. Это может свидетельствовать о том, что население именно этих территорий наиболее заинтересовано проблемами и новостями малой родины. По показателю вовлеченности установлена географическая детерминанта: равнинная часть республики — менее вовлеченное население, горные районы — более (рис. 2).

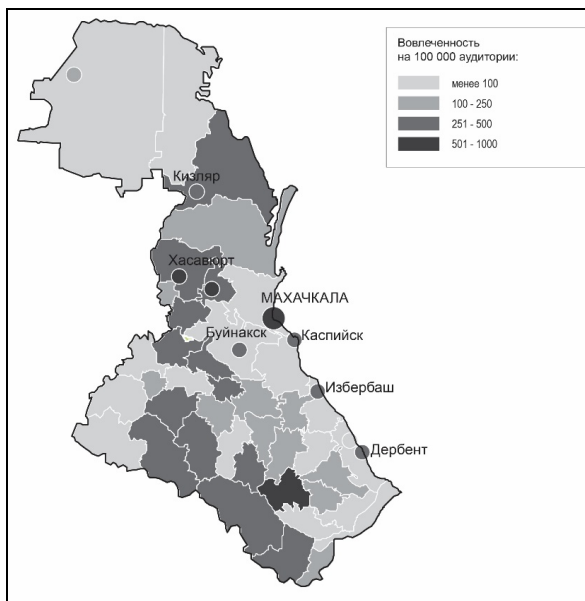

Рис. 2. Показатель относительной вовлеченности на 100 тыс. аудитории публикаций о МО Республики Дагестан в соцмедиа

Часто вовлеченность выступает как маркер «острых» событий разного характера, которые могут вызывать реакции у пользователей соцмедиа. Особенно это видно на примере небольших муниципалитетов. К примеру, высокий показатель вовлеченности в Кизлярском районе обусловлен произошедшей там в феврале дракой со стрельбой, а в Каспийске — массовым отравлением людей.

Тональность публикаций — один из важнейших показателей для оценки образа территории в социальных медиа. Во всех МО Дагестана значительно превалирует нейтральная тональность сообщений, на позитивные и негативные публикации приходится не более 6% и 13% соответственно, однако, особый интерес представляет анализ именно этих сообщений. Он может раскрыть составляющие внешнего и внутреннего образа территорий, выявить наличие острых проблем и даже наличие или отсутствие стратегий продвижения муниципалитетов в соцмедиа.

«Центрами негатива» республики можно назвать Ботлихский, Казбековский, Кумторкалинский районы, именно в этих муниципальных образованиях доля негативно окрашенных публикаций достигает наибольших значений. Среди высоконегативных территорий можно проследить связь с конкретными факторами и событиями, определившими такую тональность. Например, для Казбековского района важной составляющей негативного образа выступает спорность и приграничность. На территории данного района до депортации проживали чеченцы, которые после реабилитации не получили свои земли обратно. Конфликт, связанный с репатриацией чеченцев в Дагестане не имеет яркого политического выражения, но на бытовом уровне стабильно существует, что и отражают соцмедиа.

Из всех городов республики только Дербент имеет преобладающую позитивную тональность, это можно объяснить возросшим к нему в последнее время туристским интересом. В свою очередь, негативные черты «городского роста» (неконтролируемая застройка, цены на недвижимость, инфраструктурная обеспеченность) начинают поглощать и пригородные муниципалитеты (к примеру, Кумторкалинский район в Махачкалинской городской агломерации). Условными «Центрами позитива» можно считать Ахвахский, Унцукульский, Тарумовский районы.

Рейтинг самых упоминаемых слов и хэштегов и тематика публикаций о Дагестане позволяют сделать ряд интересных заключений. 91% сообщений о муниципалитетах Дагестана содержат в себе слово или хэштег «Дагестан» и 86% — слово или хэштег «Махачкала», это может говорить о том, что даже самые дальние районы подчеркивают свою причастность к республике и ее столице. Также благодаря рейтингу упоминания слов удалось проследить устойчивые ментальные связи между городами: Кизилюрт — Хасавюрт, Дербент — Каспийск, Дербент — Кизляр, Буйнакск — Каспийск. Анализ тематики сообщений позволил выделить несколько приоритетных тем, которые наиболее волнуют пользователей социальных медиа. Тема COVID-19 и вакцинации от него является абсолютным лидером среди публикаций о МО Дагестана, помимо этого темами-лидерами стали мероприятия ко Дню Защитника Отечества и Дню столетия ДАССР, а также

публикации, которые можно отнести к категории «криминал». Важно отметить, что среди тем-лидеров ни об одном МО нет ничего о туризме, рекреации, природном и культурном наследии региона. Отдельные сообщения все-таки есть, но они теряются в общем потоке информации и регионе.

Анализ географии публикаций о МО Дагестана показал, на мировом уровне абсолютное большинство сообщений приходится на пользователей из России, за рубежом публикаций немного, в основном это постсоветские страны, и основная их часть содержит упоминание крупных городов. На федеральном уровне показатели разнятся. Например, о горных районах Дагестана крайне мало пишут за пределами субъекта (менее 10% сообщений), а о «самом древнем городе России» — Дербенте около половины публикаций написано в других субъектах страны. В остальных МО данный показатель колеблется в пределах 20-30%. Подавляющее большинство таких публикаций приходится на Москву соседние субъекты (рис.3).

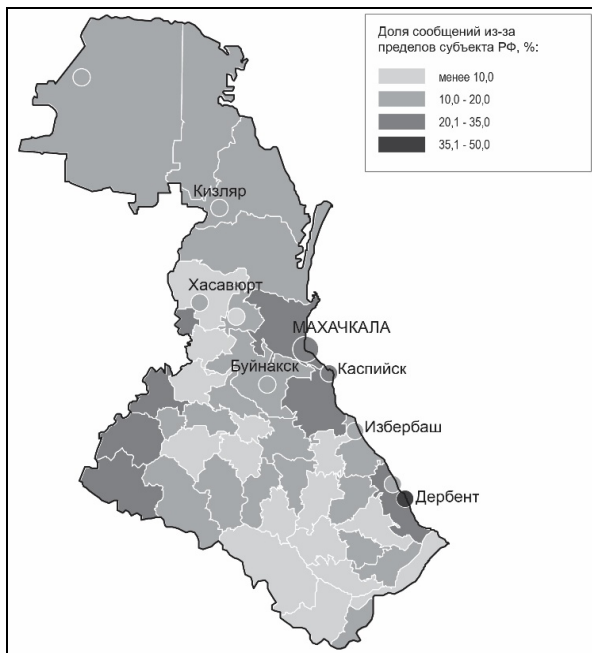

Рис. 3. Доля сообщений о МО Дагестана, опубликованных в соцмедиа за пределами республики

Выводы. Анализ данных соцмедиа следует рассматривать как эффективный метод географического исследования. Он позволяет не только исследовать сложившийся образ территории, но «поднять на поверхность» проблемы территорий, которые сложно увидеть в процессе других исследований, в случае с Дагестаном — это конфликты на территории приграничного Казбековкого района и проблема расселения и миграции в Бааюртовском районе.

Географический анализ образа Дагестана показал, что публикаций о республике достаточно много, на ее территории имеются информационные центры и информационная периферия. Популярность муниципалитета в соцмедиа не всегда обусловлена его численностью населения, вступают в силу и такие факторы как резонансные события, плотность интернет-покрытия, туризм, инвестиционные проекты, реже — продуманная информационная политика. На сегодняшний день негативные черты образу республики придают и осовремененные происшествия, и «эхо давних событий». Среди образных характеристик МО республики не выявлено ничего, на что обычно делают упор власти при продумывании информационной политики регионов, в топе популярных тем нет ни туризма, ни культуры, ни природы региона. Позитивно и достаточно ярко на фоне всего региона выглядит пока только город Дербент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лебедев П., Петухова С. Социальные медиа: показатель развития информационного общества? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 16-25.
2. Отчёт The State of Social 2018, подготовленный Social Media Week. Электронный ресурс: <https://blog.bufferapp.com/state-of-social-2018> (дата обращения 08.08.2021)
3. Ткачева Т. А. Географический анализ репрезентации образа Северного Кавказа в социальных медиа / Т. А. Ткачева // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2020. Т. 26. — № 2. С. 224-239. DOI 10.35595/2414-9179-2020-2-26-224-239
4. ИАС Медиалогия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mlg.ru>/ дата обращения 03.09.2021
5. Счетная палата Республики Дагестан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://riaderbent.ru/schetnaya-palata-dagestana-vyuavila-pochti-200-naselennyh-punktov-bez-pravoustanavlivayushhih-dokumentov.html> (дата обращения 20.12.2021).

**IMAGE OF THE TERRITORY IN SOCIAL MEDIA:
METHODOLOGY OF ANALYSIS AND STRUCTURE
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)**

***Annotation.** The article proposes a method of multi-scale monitoring of the image of territories in social media, which can be adapted for other territories. With the help of data from the IAS "Medialogia", a study of the geography of publications, their authors, and audience was conducted. The intensity and tonality of the information flow are determined, the leading information centers are identified. The most frequently mentioned topics, words and hashtags are considered. The results obtained have practical significance for the promotion of the region in social media.*

***Keywords:** image of the territory, social media, social networks, Republic of Dagestan, multi-scale analysis, socio-economic geography.*

УДК 911.3:32

Фартышев А. Н.

*Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

**ТРАНСПОРТНАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОСТЬ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРА ИМПОРТА И ЭКСПОРТА РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ КНР)**

***Аннотация.** На примере трёх регионов Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Шэньси и Хэбэй), репрезентирующих три зоны удалённости от моря (более 2000 км от моря, 1000 км от моря и прибрежный соответственно) рассматривается географическая структура импорта и экспорта по зонам удалённости от региона и трёхсекторальная структура экономики регионов. Доказывается, что чем больше континентальность региона, тем более регионы ориентированы на рынок непосредственно близлежащих стран и тем выше доля первичного сектора и меньше третичного сектора экономики.*

***Ключевые слова:** геоэкономика, экономическая география, континентально-океаническая дихотомия, континентальность, Китай, Синьцзян.*

Одной из базовых теорий отечественной общественной географии является концепция континентально-океанической дихотомии, которая в общих чертах гласит, что существуют коренные различия в эффективности сухопутных и морских перевозок и макроположении стран и районов относительно моря. Сухопутные транспортные издержки в среднем примерно в 5 раз выше морских. Это означает, что территории, удалённые от морей,

доступных для круглогодичного судоходства, развиваются иначе в силу своего экономико-географического положения: товары с ультраконтинентальных регионов вынуждены преодолевать большие расстояния по суше, что существенно удорожает их конечную цену, причём для товаров с низкой транспортабельностью (понимаемой как цена за единицу объёма продукции) это влияние сильнее. Хотя принцип дуальности Суши и Моря прослеживается ещё в классических работах по геополитике, (например, П. Савицкий, Х. Маккиндер, А. Мэхэн, К. Шмидт), и его современных последователей (например, Р. Ауайр, Л. Хекимоглу), полноценное научное обоснование ввел Безруков Л.А. в 2007 г. [1], и далее развивались в работах Дружинина А.Г., Лачининского С. С., Никольского А.Ф., Бонадысенко Е.А., Фартышева А.Н., Ломакиной А.И. и др. [2-6].

Вместе с тем, новейшие достижения в области институциональной экономики, теории «эффекта колеи» и «новой экономической географии» ставят под всё большее сомнение принципы географического детерминизма, на которых построена данная концепция. Более того, глобализационные процессы и два мировых экономических кризиса значительно изменили архитектуру межрегиональных экономических отношений. Главный вопрос, ставящийся сегодня перед экономической географией состоит в том, существует ли спустя 15 лет фундаментальное различие внутриконтинентальных и прибрежных регионов и какие следствия из этого существуют?

Наиболее контрастны пространственные различия в Китае, где есть сверхразвитая и населённая прибрежная полоса (особенно 200 км от моря) и ультраконтинентальный Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее СУАР). На примере Китая и рассмотрим влияние континентальности, выделив три провинции, наиболее ярко отражающие три зоны континентальности: более 2000 км от моря (СУАР), ~1000 км от моря (провинция Шэньси, с центром в городе Сиань) и прибрежная (пристоличная провинция Хэбэй).

Для того, чтобы понять, насколько экономика регионов зависима от своего степени континентальности своего экономико-географического положения, рассмотрим географическую структуру экспорта по зонам удалённости. Одно из следствий концепции континентально-океанической дихотомии заключается в том, что для внутриконтинентальных регионов характерно повышенная зависимость от торговли в ближайшими сухопутными соседями, в то время как приморские регионы менее зависят от непосредственных соседей и структура экспорта более дифференцирована по дальности стран-контрагентов. Для анализа географической структуры экспорта применяется методика Л.А. Безрукова, по которой выделяются зоны удалённости и проводится валовый и процентный расчёт зон экспорт-

ных потоков. Выделяются 5 зон: в первую зону входят страны, удалённые не более чем на 2000 км от границы, вторую — 2000–4000 км, третью — 4000–6000 км, пятую 6000–10000 км, шестую 10000 км и более [5]. Морские расстояния имеют поправочный коэффициент (~0,2), поскольку, как было сказано выше, транспортировки по морю в среднем в 5 раз дешевле сухопутных. Для разных рассматриваемых нами провинций состав зон различен. Результат распределения по трём выделенным провинциям Китая представлен на рис. 1.

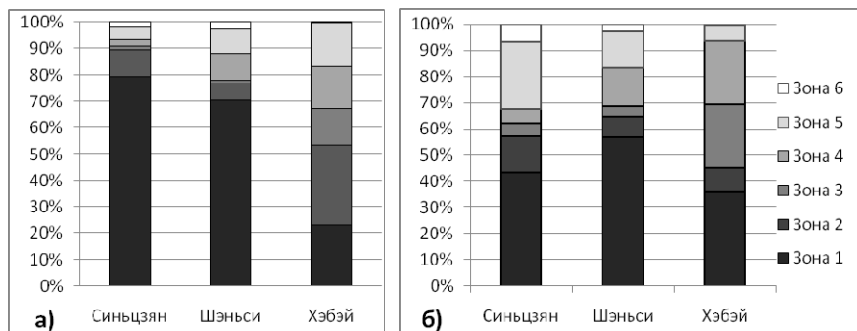

Рис. 1. Географическая структура внешнеторговых отношений провинций Китая по зонам удалённости в 2018 г.* а) импорт, б) экспорт

*составлено по данным Xinjiang Statistical Yearbook 2019, Shaanxi Statistical Yearbook 2019, Hebei Economic Yearbook 2019.

Распределение по зонам удалённости импорта показывает яркую выраженность зависимости континентальности провинции от удалённости стран-контрагентов. В ультраконтинентальном СУАР практически 80% импорта приходит из стран, удалённых не более ~2000 км от места производства, а зона остальных пяти зон чрезвычайно мала. Такая структура также характерна для ресурсодобывающих стран, транспортабельность которых существенно ниже на единицу объёма, чем продукции высокой степени переработки. В провинции Шэньси существенно больше доля стран 4 и 5 зоны удалённости, а доля близлежащей 1 зоны находится на уровне 70%. Для прибрежной провинции Хэбэй характерно более равномерное географическое распределение по зонам удалённости, кроме самой удалённой ввиду её малочисленности (для провинции Хэбэй в неё входят только внутриконтинентальные страны Латинской Америки и Африки).

Географическая структура экспорта более дифференцирована во всех рассматриваемых нами регионах. Особо выделяется пятая зона удалённо-

сти, куда попадают практически все развитые страны Запада. Однако выраженной зависимости удалённости здесь не наблюдается. Даже напротив, СУАР больше остальных отправляет товаров в относительном выражении в две наиболее удалённые зоны. Это связано с тем, что страны Европы и США, являясь основными потребителями китайских товаров попадают именно в эту зону. В экспорте Китая преобладают товары с высокой добавочной стоимостью, которые менее зависимы от континентальности благодаря упомянутой нами ранее низкой транспортноёмкости. Однако в экспортной структуре в случае провинции Шэньси закономерность нарушается — в первой зоне особенно выделяется доля Гонконга (18% всего экспорта), выделяющийся в отдельную страну-контрагент.

Помимо собственно товаров, в Китае существует обширный сектор услуг, который, на первый взгляд не зависит от географического положения, однако, как показывает нижеследующая таблица, это тоже не так — существует пространственное распределение регионов в зависимости от удалённости регионов Китая. Синьцзян обладает наиболее высокой долей первичного сектора, в который входит добывающая промышленность и сельское хозяйство, а наиболее ближайший к морскому побережью регион Хэбэй напротив, имеет высокую долю третичного сектора. Небольшой перевес является скорее не статистической погрешностью, сколько особенностью провинции Хэбэй, в которой крупнейшие города региона (Пекин и Тяньцзинь) не включены административно в состав провинции.

Таблица

Доля секторов экономики в ВРП регионов Китая

	<i>Синьцзян</i>	<i>Шаньси</i>	<i>Хэбэй</i>
Первичный сектор	14,3	7,7	10,3
Вторичный сектор	39,8	46,4	39,71
Третичный сектор	45,9	45,8	50,0

Представленные данные на примере регионов Китая убедительно доказывают, что транспортная континентальность оказывает существенное влияние на региональную экономику через географическую структуру импорта-экспорта региона и доли секторов экономики. При росте удалённости региона от морей наблюдается повышение доли близлежащих стран в внешнеторговой структуре и повышение доли первичного сектора в доле ВРП региона. В дальнейшем предполагается расширение выборки регионов и распространение пространственного анализа географической структуры экспорта-импорта на регионы России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2008. 369 с.
2. Дружинин А. Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 6. С. 7-16.
3. Лачининский С. С., Семенова И. В. Санкт-Петербургский приморский регион. Геоэкономическая трансформация территории. СПб.: «Лема», 2015. 191 с.
4. Ломакина А.И. Трансконтинентальные мосты vsконтинентальность: случай России и Канады // Экономические отношения. 2018. Том 8, № 4. С. 555-565. DOI: 10.18334/eo.8.4.39629.
5. Российские особенности глобального кризиса: территориальный анализ / Безруков Л.А., Бонадысенко Е.А., Кoryтный Л.М. и др.– Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2010. 137 с.
6. Фартышев А.Н. Сибирь в концепции Большой Евразии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 40-49. DOI: 10.26516/2073-3380.2021.37.40
7. Фартышев А.Н. Развитие и позиционирование Сибири: геополитическая и геоэкономическая оценка приоритетности концепций: диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Иркутск, 2018. 220 с.

Arseniy N. Fartyshev

*V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS,
Irkutsk State University, Irkutsk*

TRANSPORT CONTINENTALITY AND GEOGRAPHICAL STRUCTURE OF IMPORT-EXPORT OF REGIONS (ON THE EXAMPLE OF CHINA)

***Annotation.** Using the example of three regions of China (Xinjiang Uygur Autonomous Region, Shaanxi and Hebei), representing three zones of remoteness from the sea (more than 2000 km from the sea, 1000 km from the sea and coastal, respectively), the geographical structure of imports and exports by zones of remoteness from the region and three-sector structure of the regional economy. It is proved that the greater the continentality of the region, the more the regions are oriented to the market of immediately neighboring countries and the higher the share of the primary sector and the smaller the tertiary sector of the economy.*

***Keywords:** geo-economics, economic geography, continental-oceanic dichotomy, continentality, China, Xinjiang.*

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИИ)

***Аннотация.** Рассматривается значение культурных коммуникаций в сохранении культуры коренных малочисленных народов Севера Якутии (эвенков, эвенов, долган, юкагиров, чукчей). Традиционные национальные праздники являются способом передачи культурно-исторического наследия. В арктических районах республики национальные праздники проходят локально, в местах их проведения. Праздники, которые проводятся в п. Иенгре, п. Хатыстыр и г. Якутске имеют региональный и межрегиональный статус.*

***Ключевые слова:** культура, традиционный национальный праздник, культурная коммуникация, коренные малочисленные народы Севера, Республика Саха (Якутия).*

На сегодняшний день национальные праздники проходят во всех районах Якутии, где проживают коренные малочисленные народы Севера. Основной целью проведения является сохранение традиционного культурного наследия, а также взаимобмен между районами Якутии, других регионов России. Изучение территориальной удаленности и отсутствие транспортной доступности показало, что большинство арктических районов является труднодоступным для их посещения, где традиционные национальные праздники проходят локально в местах его проведения. Исключением является территория Южной Якутии, где проходит Амуро-Якутская железнодорожная магистраль и автомобильная федеральная трасса «Лена». Здесь в п. Иенгра (Нерюнгринского района) и п. Хатыстыр (Алданского района) традиционно на эвенкийские национальные праздники приезжают эвенки, проживающие в Южной Якутии и Амурской области.

В последние годы столица республики — г. Якутск превратился в центр проведения различных культурно-массовых мероприятий, куда съезжаются представители всех родовых общин республики. С 2013 года по распоряжению Главы республики все праздники коренных малочисленных народов Севера вошли в план республиканских мероприятий. Каждый год в окрестностях г. Якутска эвенки встречаются на «Бакалдыне», эвены проводят «Эвинек», юкагиры — «Шахадыбэ», русские старожилы отмечают «Праздник первой путины», долганы — «Хэйро», чукчи — «Кильвэй» [1]. Приезжают все творческие коллективы, участники Ассоциаций КМНС

РС(Я), оленеводы, представители районов и гостей из других регионов. Большинство мероприятий проводятся национально-культурными объединениями республики и Ассамблеей народов Республики Саха (Якутия). Эти праздники, вызывают большой интерес у жителей и гостей города Якутска. Так, количество участников и зрителей принявший участие в эвенкийском обрядовом празднике “Бакалдын” в 2018 г. составило 1300 человек, то в 2019 году уже более 2000. Эвенкийский обрядовый праздник “Эвинек” проведенный в 2018 г. посетило более 250 человек, а через год 3000 человек. [2]. Национальный обрядовый праздник «Кочевье» проходит в г. Якутске 9 августа в Международный день коренных малочисленных народов мира. В 2019 г. на этот праздник собралось около 1,5 тысяч представителей коренных малочисленных народов Севера из семнадцати районов республики и пяти регионов Дальнего Востока и Сибири. Такие праздники, которые проводятся на главной площади города повышают интерес к традициям и культуре коренных народов Севера и привлекают большое внимание широкой общественности к вопросам ее сохранения.

В 2020-2021 гг. в связи с пандемией коронавируса многие национальные праздники в республике были отменены или проведены в формате онлайн, например, видео-выпуски проведения национальных праздника по архивным данным, проведение онлайн-флэшмобов, выставки изделий декоративно-прикладного искусства, онлайн-конкурсов исполнителей песен, чтецов, национального танца и детских рисунков и т.д. Дистанционная форма, как новая форма проведения культурно-массовых мероприятий позволила расширить географию и количество участников.

Национальные праздники являются неотъемлемой частью культуры и способом передачи культурно-исторического наследия коренных народов Севера. Именно потребность общения и взаимодействия между собой способствуют объединению и позволяет почувствовать себя частью принадлежности к народу, что способствует сохранению и развитию культуры коренных малочисленных народов Севера.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №21-17-00250

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), официальный сайт. Обновляется в течение суток. URL: <http://yakutiakmns.org/> (дата обращения: 05.02.22). Текст: электронный.
2. Дом дружбы народов им. А.Е. Кулаковского, официальный сайт. Обновляется в течение суток. URL: ddnykt.ru (дата обращения: 05.02.22). Текст: электронный.

THE ROLE OF CULTURAL COMMUNICATIONS IN PRESERVING THE CULTURE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

***Annotation.** The importance of cultural communications in preserving the culture of the indigenous peoples of the North of Yakutia (Evenks, Evens, Dolgans, Yukagirs, Chukchi) is considered. Traditional national holidays are a way of transmitting cultural and historical heritage. In the Arctic regions of the republic, national holidays are held locally, in the places where they are held. The holidays that are held in the village of Iengre, the village of Khatystyr and the city of Yakutsk have a regional and interregional status.*

***Keywords:** culture, traditional national holiday, cultural communication, indigenous peoples of the North, Republic of Sakha (Yakutia).*

УДК 911.3

Фролова И. В.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

САКРАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ

***Аннотация.** Методические вопросы определения, выделения, выявления свойств сакральных ландшафтов и их соподчиненности ждут своего решения. На примере сакральных ландшафтов ключевых районов Пермского края определены критерии их выделения и особенности расположения. Выделяются два типа сакральных ландшафтов: православные сакральные ландшафты и языческие сакральные ландшафты, последние приурочены к долинам рек.*

***Ключевые слова:** геоландшафт, сакральный ландшафт, священное, Пермский край.*

Сакральный ландшафт как предмет исследования в понятийно-терминологическом ключе не имеет устоявшегося определения. Библиографический анализ базы публикаций НЭБ [1] позволяет разделить представления о сакральном ландшафте в первом приближении на несколько групп. К первой группе (самой обширной по представленным исследованиям) относятся сакральные ландшафты народов как часть этнокультурного/культурного ландшафта, обусловленные нахождением этносов в определенных природных условиях и формированием духовно-исторического мировоззрения и обрядовых практик. Ко второй группе относятся ландшафты, сакральность которых рассматривается в философско-этическом и

социальном контекстах, не затрагивая конкретную территориальную привязку. Самую малочисленную группу образуют исследования, где сакральность территории и, соответственно, сакральные ландшафты рассматриваются через призму литературной географии, художественного анализа текста, устного народного творчества, брендинга и легендирования территории в целях туризма. Историко-культурный и культурно-географический подходы являются основными подходами трактования и понимания сакральных ландшафтов в исследованиях второй половины 2010-х гг.

Н.Н. Лавринова [2], рассматривая взаимодействия между географическим, культурным и сакральным ландшафтом, отмечает несколько концептуальных решений проблемы соподчинения разных представлений о ландшафте (от географических до сакральных): 1) представление о географическом ландшафте как геоландшафте, под которым автор понимает суперсистему (интегральную территорию), объединяющую природные и социокультурные комплексы, в структуре которой отдельно выделяются природные территориальные и культурные территориальные комплексы, 2) сакральный ландшафт «одновременно является частью географического пространства, природных комплексов и частью культурного ландшафта, социокультурных комплексов». По мнению автора, сакральный ландшафт — это антропологическая составляющая геоландшафта, значимый итог духовно-интеллектуальной деятельности человека в создании его облика.

Этимологически понятие «сакральный», пришедшее в русский язык как полагают из латыни, вполне соотносимо с традиционным синонимом «священный»: «В узком смысле «священным» называется нечто, «обладающее святостью, освященное, связанное с религиозным культом»; также священным может называться и «нечто, вездущее в интересах религии» [3].

В основе особого отношения к отдельным объектам природных ландшафтов и деятельности человека лежат представления о святости разных религиозных культур. В ранних формах религии (анимизм, пантеизм, генотеизм), выражавших идеологию первобытнообщинных, раннеродовых и рабовладельческих обществ, было свойственно сакрализовать среду обитания, т.е. наделять «священным» содержанием окружающий мир. В более поздних формах религии (монотеизм) начинается процесс разделения и противопоставления «святого», «священного» и «мирского», «светского», что в итоге привело к атеизму и вытеснению религии из общественной и личной жизни людей.

Философские и религиозные представления о святости в целом сводятся к следующим определениям: 1) святость — это естественное проявление высших сил в феноменах мира; 2) святостью обладает то, что порождает

высокие духовные чувства; 3) святостью является также соответствие религиозному идеалу [4].

А.П. Забияко [3] говоря о сакральном, включает его не только в сферу религиозного, но и как широкий спектр представлений, относящихся к магии, эзотерике, мистике и холистическим учениям. Л.С. Казаков [5] определяет сакральное место как геоактивную зону с явным положительным воздействием на человека, местную флору и фауну, отличается красивым ландшафтом и окружающими пейзажами. Встречаются также следующие названия: божьи, святые, благодатные места. Сакральные — это священные, святые, молитвенные намоленные места: храмы, часовни, священные роши, камни, родники, деревья. Это места подвигов боевых и подвигов духа [6].

Следует отметить, что граница между «священным» и просто «особенно ценным» (в обыденном, не сакральном смысле) часто трудноуловима.

В данной работе сакральные ландшафты понимаются как природные, природно-антропогенные и антропогенные геосистемы, имеющие для множества людей особую ценность, выполняющие духовную функцию, связанную с религиозными запросами человечества, с потребностями историко-культурного обогащения, вызывая у определенной категории населения стремление к общению с ними.

Вопросами, которые мало освещаются в современных исследованиях, являются вопросы влияния и значимости природной основы территории в выявлении и определении ее духовного/сакрального значения, а также вопросы границ сакральных ландшафтов (возможно ли картирование сакральных ландшафтов по правилам ландшафтного картирования природных ландшафтов, используемых объективных критериев пространственного положения природных компонентов).

В настоящее время результаты географических исследований сакральных ландшафтов Пермского края практически не представлены в открытой печати, поэтому мы опирались на исследования в области истории, археологии, краеведения, этнографии Пермского края, которые наиболее полно отражены в трудах В.Н. Берха, В.А. Оборина, Г.Н. Чагина, А.В. Черных, Л.С. Грибова, И.Я. Кривошекова, А.В. Фирсовой и др., а также материалы краеведческих музеев.

Цель данного локального исследования заключалась в выявлении и определении зависимости между природной составляющей территории и формированием ее духовно-культурного пространства в форме сакральных ландшафтов (на примере территорий Чердынского и Суксунского муниципальных районов Пермского края). Выбранные территории отвечают нескольким критериям: расположены в различных природных условиях,

имеют различия в историческом развитии и освоении, сохранности историко-культурных объектов, расселения населения.

Предлагается три критерия выделения данных ландшафтов: наличие культовых сооружений, ансамблей, являющихся или являвшихся объектами паломничества (местом поклонения), играющие роль узловых точек в природно-культурном каркасе ландшафта; уникальность, живописность ландшафта; духовная значимость, ценность для этноса, проживавшего или проживающего на данной территории.

Необходимость ландшафтного подхода к изучению сакральных ландшафтов неоспорима, т.к. только при изучении святых мест на основе ландшафтной структуры мы можем определить сложность, уникальность и взаимозависимость процесса сакрализации территории от природных факторов, сформировавшихся на данной территории [7].

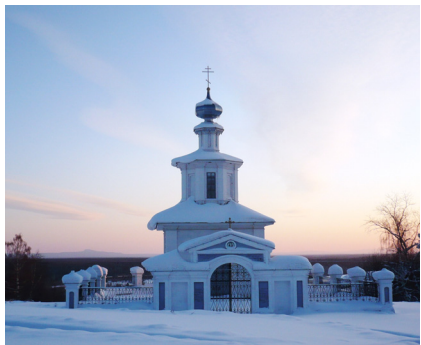
В методическом аспекте были проделаны взаимосвязанные логические операции: определение сакрального ландшафта и критериев его выделения — привязка священных культовых мест на карту ландшафтов Чердынского и Суксунского районов, их описание и дальнейший анализ структуры на основе методики выделения святых мест В. Н. Калуцкого [8] — сравнительный анализ сакральных ландшафтов исследуемых районов края, основанный на сопоставлении истории возникновения, развития святых мест, их структуры, приуроченности к тем или иным ландшафтам и основным типам рельефа данных районов — основные результаты исследования.

Основные результаты. Компонентами сакрального ландшафта являются: 1) святое место, располагающееся на определенной территории (фрагменте ландшафта), 2) история и культура, сформированная народом, населением, проживающим или проживавшим на этой территории и выделяющих в ходе истории своего существования область влияния святого места — сакральное пространство.

В Чердынском и Суксунском районах Пермского края выделяются два типа сакральных ландшафтов: православный сакральный ландшафт, образованный православными христианскими святынями, и языческий сакральный ландшафт, включающий в себя языческие культовые святыни с образующим ими сакральным пространством (рис. 1, 2). Но, несмотря на выделение в этих районах одинаковых типов сакральных ландшафтов, они значительно различаются как в этнокультурном отношении, так и природной составляющей этих ландшафтов.

Чердынский район, прежде всего, прародина коми-пермяков и их предков с языческим прошлым, что отражается в сохранившихся до наших времен их культовых святых местах, расположенных в большинстве своем на возвышенных формах рельефа (холмы, скалы, камни). Христианская вера «пришла» на

Чердынскую землю раньше, чем в южные районы Пермского края и, казалось бы, должна была искоренить язычество в этих землях. Но, несмотря на это, языческая вера отразилась в православных христианских святынях в виде деревянных пермских богов, так внешне похожих на самих коми-пермяков, а также в преемственности некоторых культовых обрядов, традиций из язычества, расположении христианских святынь на месте языческих. Вследствие этой преемственности многие христианские культовые объекты расположены на возвышенных участках в большинстве своем в пределах Нижне-Вишерского и Камско-Вишерского ландшафтов, как и языческие.

Рис. 1. Православный сакральный ландшафт. Часовня во имя Образа Спаса Нерукотворного, г. Чердынь, Чердынский район, Пермский край

Рис. 2. Языческий сакральный ландшафт. Гора Городище, с. Ключи, Суксунский район, Пермский край

Сакральные ландшафты Суксунского района отличаются от таковых Чердынского района. В Суксунский районе проживают народы многих национальностей, принявших в ходе развития и исторического формирования христианство, что отражено в наличии православных культовых местах (церкви, часовни, святые источники) на этой земле, расположенных в большинстве своем на возвышенных местах, холмах, недалеко от речных водоемов в основном в пределах Тисовско-Суксунского ландшафта. Особенностью сылвенской земли является проживание здесь «сылвенских» мариийцев с их языческой верой, где основу представления о природе составляет так называемый «аграрный культ». Культовые святые места расположены в пределах речной долины р. Сылва Тисовско-Суксунского ландшафта на юго-востоке района.

Между природной составляющей территории Чердынского и Суксунского районов и формированием духовно-культурного пространства дан-

ных территорий в форме сакральных ландшафтов прослеживается прямая взаимообусловленность. Сакральность сопровождает и отличает любую национальную культуру, в данном случае коми-пермяков в Чердынском районе и «сылвенских» марийцев в Суксунском районе, концентрирует самые сокровенные и значимые знания об окружающей среде, существовании в ней человека. Она формируется посредством культа обожествления и почитания тех или иных природных объектов, сохранения народных традиций, развития этнического природопользования, сохранения в первоизданном виде природы и окружающих ее ландшафтов в качестве жизненного пространства самого народа, что служит основой устойчивого развития территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. База публикаций Научной электронной библиотеки по тематике «Сакральные ландшафты». URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 01.02.2022).
2. Лавринова Н.Н. Модель взаимодействия географического, культурного и сакрального ландшафтов // Вестник Тамбовского университета. Сер. Филологические науки и культурология. 2015. №2(2). С. 44–51.
3. Забияко А. П. Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. 246 с.
4. Пивоваров Д.В. Философия религии. М.: Академический проект, 2006. 640 с.
5. Казаков Л.С. Ландшафтоведение: природные и природно-антропогенные ландшафты. Л.: МНЭПУ, 2004. 264 с.
6. Сакральные места России: методика изучения, итоги, перспективы. URL: <http://www.iga1.ru/sakr/doc> (дата обращения 28.02.2012).
7. Романчук С.П. Сакральные ландшафты / Ландшафт як інтегруюча концепція XXI сторіччя. Збірка наукових праць. Київ, 1998. С. 144–146.
8. Калущков В.И. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Irina V. Frolova

Perm State National Research University, Perm

SACRED LANDSCAPE OF THE PERM REGION

***Annotation.** Questions of definition, selection, identification of the properties of sacred landscapes and their subordination await their decision. On the example of sacred landscapes of the key territories of the Perm Region, the criteria for their selection and location features are determined. There are two types of sacred landscapes: Orthodox sacred landscapes and Pagan sacred landscapes. The Pagan sacred landscapes are confined to river valleys.*

***Keywords:** geolandscape, sacred landscape, sacral, Perm region.*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРЫМА

***Аннотация.** Рассмотрено содержание геополитической и геоэкономической детерминант современного территориального развития Крыма. Отмечены проблемные вопросы формирования новой территориальной структуры хозяйства Крыма. Выявлены перспективные направления трансформации элементов территориальной структуры крымского региона. Определены тенденции развития крымского хозяйства в условиях санкционной политики западных стран.*

***Ключевые слова:** география, социокультурные детерминанты, территориальное развитие, Крым.*

В современном социокультурном развитии Крыма выделяются две детерминанты: *геополитическая* и *геоэкономическая*. Геополитическая связана с углублением стратегически важной для страны функции обеспечения территориальной целостности и безопасности южных рубежей России. Геоэкономическая детерминанта определяется сменой модели территориального развития Крыма: с инерционной, сформированной в условиях большого пространства бывшего Советского Союза, на разноскоростную для отдельных секторов экономики модель догоняющего встраивания в структуру российского социокультурного пространства.

Цель работы — выявить проблемные ситуации в процессе территориального развития Крыма для объяснения перспектив реализации его социокультурных детерминант.

В *геополитической детерминанте* современного развития Крыма выделяется тренд модернизации его военно-стратегического потенциала как южного форпоста России в Причерноморье.

Модернизация военной инфраструктуры в Крыму оправдывается его новой ролью в Причерноморье. Современный Крым — это плацдарм, где открыто противопоставлены геополитические интересы России и США. Здесь, как ни в каком ином причерноморском регионе, проявлена *социокультурная рубежность*, понимаемая как характеристика территории, где разграничиваются ценностные комплексы государств.

В настоящее время Причерноморье превращено в точку напряжённости. Здесь регулярными стали появления натовских военных кораблей с крылатыми ракетами, способными долететь до Центральной России. Над акваторией Чёрного моря ежемесячно баражируют разведывательные и боевые самолеты западных государств, «отрабатывающие удары крылаты-

ми ракетами по территории России, в том числе и в черноморском регионе» [1]. А в ноябре 2021 года в Чёрное море зашел флагман Шестого флота США штабной корабль Mount Whitney, способный управлять боевыми операциями флота и авиации. По мнению военных экспертов, это посещение демонстрирует американские отношения к региону как потенциальному театру военных действий [2].

В крымской геополитической детерминанте выделяется тренд неопределённости будущего региона, зависимость его развития от множества факторов, комбинации которых трудно предусмотреть. Геополитические сценарии развития Крыма в Причерноморье вписываются большинством аналитиков в две схемы: процветания или упадка [3]. Слом этой схемы возможен только в условиях сохранения военного и экономического присутствия России в Причерноморье, её твёрдого намерения вернуться в число мировых сил, способных бросить вызов цивилизации Запада.

Твёрдая политическая позиция России в отношении Крыма позволяет говорить о том, что российское государство формирует в Причерноморье *новый рубеж геополитического равновесия*, утерянный Россией в конце XX – начале XXI веков, когда контроль над этим регионом перешел к Турции и частично её партнерам по НАТО.

Геоэкономическая детерминанта территориального развития Крыма формируется под влиянием двух трендов: необходимости смены экономической модели региона и обязательного учета во всех сценариях этой смены наличия неоднозначной реакции международного сообщества на результаты крымского референдума 2014 года, проявленной в экономических санкциях. Кроме того, следует принимать в расчёт наличие в Крыму географической дихотомии. Полуостров административно поделён на два субъекта — Республику Крым и город федерального значения Севастополь. У каждого из этих субъектов своя миссия и доминанта развития: быть территориальным базисом и инфраструктурным каркасом Крымского полуострова — у первого и выполнять функции военно-морского форпоста России в Причерноморье — у второго. Административно-географическая дихотомия дополнена в Крыму социокультурной. Она проявлена в различных образах жизни населения рекреационных территорий крымских побережий и жизнью в пределах Иного Крыма — многочисленных степных посёлков, небольших районных центров и моногородов с промышленным производством, сохранившимся со времён плановой экономики [4], находящихся в информационной тени. Эти разные в социокультурном плане территории решают в настоящее время общую задачу полноценной интеграции в государственное пространство России, которая по мнению авто-

ров ещё не завершилась по всем направлениям, несмотря на распространённые в публичной политике заявления об обратном.

Процессы всё возрастающей поляризации социально-экономической активности Крыма из-за её концентрации в главных центрах региона, переориентация главной транспортной оси с направления «юг–север» на направление «запад–восток» после строительства трассы «Таврида» и Крымского моста усиливают периферизацию территорий полуострова к северу от условной линии Евпатория — Симферополь — Белогорск — п. Приморский (городской округ Феодосия), способствуют увеличению разрыва в скоростях социально-экономического развития и интегрирования в общероссийское социокультурное пространство крымских территорий с различными типами экономико-географического положения. Перечисленные процессы осложняют территориальное неравенство внутри крымского региона в разрезах «центр — периферия», «рекреационные — аграрные территории», «горно-приморский юг — равнинно-степной центр и север».

Эффективным средством реализации ресурсного, производственного и кадрового потенциалов Крыма, выхода региона из статуса дотационных и перехода от «догоняющих» к опережающим тенденциям развития может стать переход к инновационно-инвестиционной модели стратегического регионального развития.

В территориальном отношении инновационно-инвестиционный сценарий развития Крыма предполагает действие фокусов развития (и сопредельных территорий) двух порядков [5]. Во-первых, это фокусы поддержки сформированного в прошлом развития (Симферополь, Севастополь, Ялта, Алушта и некоторые другие). Они имеют сложившийся производственный профиль, высокую интенсивность инновационных и инвестиционных процессов, сохраняют намеченную траектории развития и корректируют её стратегию при возникновении геополитической турбулентности в Причерноморье. Во-вторых, это множество фокусов вновь формируемого развития. В них должны генерироваться инновации в различных практиках коммуникаций (Евпатория, Белогорск, Гурзуф, Судак, Феодосия), рекреационной активности (Бахчисарай, Судак, Феодосия, Евпатория, Белогорск, Саки, населённые пункты между Алуштой и Судак, западного и северо-западного Крыма), обеспечения продовольственной безопасности (центры сельскохозяйственного производства в предгорном и равнинном Крыму).

Появление новых и оживление старых центров развития Крыма должны быть направлены на решение проблем его сельской глубинки, усиление ценности проживания в крымских сёлах.

Общекрымкой проблемой выбора приоритетов развития и освоения территорий полуострова является совмещение его аграрно-индустриаль-

ных, рекреационных и природоохранных функций, которые по некоторым направлениям деятельности в их территориальном сочетании выступают антагонистами по отношению друг к другу.

Хозяйствующие субъекты Республики Крым и г. Севастополя вынуждены адаптироваться к условиям изоляционистского сценария развития экономики региона, который подразумевает поиск вариантов обхода санкционного режима и переориентацию на внутренний рынок с учётом сложившейся конкурентной среды.

Для Крымского региона сохраняется тенденция превалирования геополитической детерминанты развития над геоэкономической.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крецул Р., Степовой Б. Полный комплект для полуострова: системы «Панцирь-М» встанут на защиту Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru / 1234628 / roman-kretcul-bogdan-stepovoi/polnyi-komplekt-dlia-poluostrova-sistemy-pancir-m-vstanut-na-zashchitu-kryma> — (дата обращения 20.01.2022).

2. Крецул Р., Забродин А., Рамм А., Федоров А. Рейс из Стамбула: зачем США направили Mount Whitney в Чёрное море [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1245501/izvestia/reis-iz-stambula-zachem-ssha-napravili-mount-whitney-v-chernoe-more> — (дата обращения 21.01.2022).

3. Киселёв С.Н., Киселёва Н.В. Крымский сюжет геополитической истории Причерноморья. / Социокультурная трансформация регионального развития Крыма / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швеца. Симферополь, 2021. С.6–12 (рукопись).

4. Швец А.Б., Киселева Н.В., Воронин И.Н., Вольхин Д.А., Яковлев А.Н. Сельские территории Крыма: границы и содержание образа // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 3. С. 128–153.

5. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. И. Н. Воронина, И. М. Яковенко, А. Б. Швеца, Д. А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 196 с.

Alexandra B. Shvets, Denis A. Volkhin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS OF THE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF CRIMEA

***Annotation.** The content of the geopolitical and geo-economic determinants of the modern territorial development of Crimea is considered. The problematic issues of the formation of a new territorial structure of the economy of Crimea are noted. Promising directions of transformation of elements of the territorial structure of Crimean region are revealed. The parameters for the development of the Crimean economy under the sanctions policy of Western countries have been determined.*

***Keywords:** geography, sociocultural determinants, territorial development, Crimea.*

СЕКЦИЯ 4
ДИХОТОМИЯ УНАСЛЕДОВАННОГО И ИННОВАЦИОННОГО
В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

УДК 332.1

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю.

*Уральский государственный экономический
университет, г. Екатеринбург*

**ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ УРАЛА**

***Аннотация.** В статье анализируются процессы трансформации урбанистической структуры Уральского федерального округа за 15 лет, как одного из самых урбанизированных регионов страны. Показано, что урбанистическая структура Урала характеризуется центристскими тенденциями и усилением роли крупных и крупнейших городов и агломераций, что соответствует общероссийским трендам концентрации населения.*

***Ключевые слова:** пространственное развитие, урбанистическая структура, город, агломерация, регион, макрорегион, Урал.*

Уральский федеральный округ является одним из наиболее урбанизированных территорий РФ. В 2019 г. удельный вес населения, проживающего в городах, составлял в среднем по округу 81,6% (в 2005 г. — 79,6%). По уровню урбанизации УрФО находится на третьем месте в РФ после Центрального и Северо-Западного федеральных округов, но там значительное влияние на этот показатель оказывают Москва и Санкт-Петербург.

Среди субъектов РФ, входящих в УрФО, лидером по уровню урбанизации является Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (92,5% городского населения в 2019 г.); на втором месте — Свердловская область (85%). Наименее урбанизированной остается Курганская область, где доля городского населения в 2019 г. составляла 62,2% [6].

Урбанистическая структура регионов УрФО неоднородна. Если Курганская область отличается значительной поляризацией (более 65% городского населения проживает в областном центре), то в Свердловской и Челябинской областях городское население распределено более равномерно по разным типам населенных пунктов и доля региональных столиц не превышает 45%. В целом можно отметить незначительный удельный вес малых городов в системе расселения УрФО — отсутствует группа городов с численностью населения менее 5 тыс. чел., доля населения, проживающего

в населенных пунктах с численностью до 10 тыс. чел. составляет менее 1% и с численностью от 10 тыс. до 20 тыс. чел. — менее 5% в общей численности городского населения региона (табл. 1).

Таблица 1

**Урбанистическая структура регионов УрФО в 2020 г.
(в % от общей численности городского населения) [6]**

Субъект РФ	Города с числом жителей, тыс. чел.							
	5-9,9	10-19,9	20-49,9	50-99,9	100-249,9	250-499,9	500-999,9	1 млн и более
Курганская обл.	3,6	14,5	-	15,8	-	66,1	-	-
Свердловская обл.	1,3	4,5	17,8	15,7	8,2	10,0	-	42,6
Тюменская область без АО	-	0,0	6,4	15,7	0,0	0,0	77,8	-
ХМАО — Югра	-	2,7	23,5	9,2	16,6	47,9	-	-
ЯМАО	-	-	35,7	11,9	52,4	-	-	-
Челябинская обл.	0,7	4,7	12,8	7,3	16,6	14,9	-	43,0
УрФО	0,8	4,1	15,9	12,2	12,5	18,1	8,4	28,0

Количество больших городов, с численностью населения от 100 тыс. чел. до 500 тыс. чел., которые, по мнению Г.М. Лаппо являются авангардом урбанизации и позволяют судить об ее уровне [3], в УрФО в целом насчитывается пятнадцать (из 122 городов). По четыре таких города находится в Челябинской области и Ханты-Мансийском АО, три — в Свердловской области, два — в Ямало-Ненецком АО и один — в Курганской области. В округе два города миллионника — Екатеринбург и Челябинск. Численность населения Тюмени на 01.01.2021 г. составляла 816,8 тыс. человек и продолжает расти. При этом все крупнейшие города Уральского федерального округа являются центрами городских агломераций (табл. 2).

Таблица 2

Количество городов УрФО в разрезе субъектов РФ [6]

Субъект РФ	Количество городов	Кол-во городов с числ. нас. 100 - 999,9 тыс. чел.	Кол-во городов с числ. нас. более 1 млн чел.	Площадь территории, приходящейся на один город, тыс. кв. км.
1	2	3	4	5
Курганская обл.	9	1	-	7,9
Свердловская обл.	47	3	1	4,1
Тюменская область без АО	12	1	-	13,3

1	2	3	4	5
ХМАО — Югра	16	4	-	33,4
ЯМАО	8	2	-	9,6
Челябинская обл.	30	4	1	2,9
Итого по УрФО	122	15	2	14,9

Пространственный каркас территории формируют населенные пункты и система транспортных магистралей. При рассмотрении системы населенных пунктов важны такие показатели, как плотность городов, расстояния между ними и их величина. В ряде исследований рассчитываются такие величины, как сила притяжения между населенными пунктами. Например, Преображенский Ю.В. выявляет промышленно-урбанизированный каркас макрорегиона на основе сочетания каркасного подхода и модели гравитационного взаимодействия для городов Волго-Уральского макрорегиона [5].

Площадь территории, приходящаяся на один город, говорит о потенциальной зоне обслуживания и о плотности городского каркаса. Безусловно, реальная зона влияния города будет варьировать в зависимости от величины города и от развитости транспортной системы, но даже эти усредненные показатели демонстрируют разреженность городской сети в северных регионах УрФО (табл. 2).

За прошедшие 15 лет в урбанистической структуре региона сократилось присутствие городов с численностью населения от 10 тыс. до 250 тыс., в то время как города с численностью населения более 250 тыс. имеют тенденцию к росту (рис. 1.).

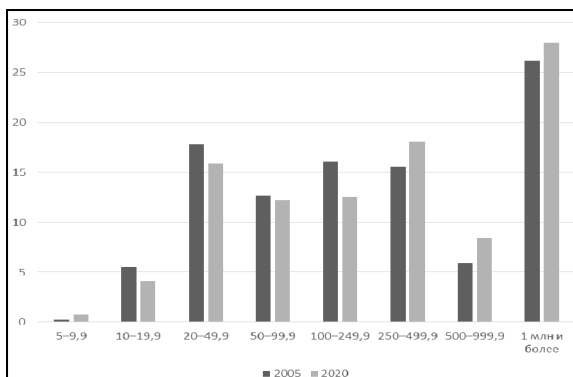

Рис. 1. Изменение урбанистической структуры УрФО (по численности городского населения)

Это подтверждают исследования Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, которые, изучая степень фрагментации и поляризации социально-экономического пространства Свердловской и Челябинской областей, показывают, что пространственные тенденции находятся в русле общероссийских трендов концентрации населения и экономической активности в крупных и крупнейших городах [4].

Козлова О.А. и Соськова О.Н. также подтверждают гипотезу о тенденции нарастания диспропорций в распределении городского населения в региональном разрезе, особенно это заметно на территориях промышленных регионов [2].

Подобные тенденции исследователи связывают со значительной дифференциацией пространства, со спецификой глубинности территорий, которая характеризуется неблагоприятными условиями проживания [8]. Исследователи подчеркивают, что отсутствие развитой транспортной и социальной инфраструктуры будет создавать дополнительные стимулы для оттока населения, так же как более низкий уровень социально-экономического развития. В частности, разрыв между регионами, входящими в УрФО, по величине душевого ВРП за период с 2005 по 2019 г. увеличился, хоть и незначительно. К положительным моментам можно отнести снижение за этот же период межрегиональной разницы между среднедушевыми денежными доходами населения (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели социально-экономического развития субъектов РФ УрФО [7]

Субъект РФ	ВРП на душу населения, руб.		Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.		Кэфф. миграц. прироста на 10000 чел.	
	2005	2019	2005	2020	2005	2019
Курганская обл.	51724,0	280971,3	4 800	21 860	-124	-30
Свердловская обл.	108697,2	586468,3	9 022	37 374	-23	15
Тюменская область без АО	673208,3	2733622,7	-	31 151	1	102
ХМАО — Югра	955182,9	5710467,4	18 115	54 443	-27	1
ЯНАО	856078,1	821610,6	22 231	89 928	-24	-24
Челябинская обл.	99159,8	445276,7	6 554	26 628	-12	5
Разница между максимальным и минимальным значением, раз	18,5	20,3	4,6	4,1	-	-

На урбанистическую структуру оказывают существенное влияние направления и величина миграционных потоков, как внутрирегиональных, так и внешних.

Следует отметить, что уровень дифференциации по показателям социально-экономического развития субъектов УрФО меньше, чем межрегиональные различия в целом по стране [1].

Что касается системы транспортных магистралей, то для УрФО большое значение имеют реализация планов по строительству высокоскоростных железнодорожных магистралей (Екатеринбург–Челябинск, Екатеринбург — Казань).

Процессы трансформации урбанистической структуры регионов Уральского федерального округа находятся в целом в русле общероссийских трендов и при их сохранении в долгосрочной перспективе могут приводить к достаточно серьезным диспропорциям и проблемам. Из пространственного каркаса все в большей степени выпадают сельские поселения и малые города. Масштабные проекты развития транспортно-дорожной инфраструктуры жизненно необходимы для формирования пространственной структуры региона, но они сами по себе не способны повернуть вспять усиливающуюся концентрацию населения и производства в крупных и крупнейших городах и их агломерациях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антипин И.А., Власова Н.Ю., Иванова О.Ю. Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России // Управленец. 2020. Т. 11. № 6. С. 28- 43.
2. Козлова О.А., Соськова О.Н. Факторы пространственной дифференциации городского расселения промышленных регионов Урала и Зауралья //ArsAdministrandi. 2018. Т. 10. №. 1. С. 64 - 79.
3. Лаппо Г. М. Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны//Региональные исследования. 2004. № 1 (3). С. 3-12.
4. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов //Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. №. 5. С. 3 - 25.
5. Преображенский Ю. В. Урбанизированный каркас Волго-Уральского макрорегиона: оценка потенциала интенсивности экономических связей //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Науки о Земле. 2021. Т. 21, № 3. С. 159–165.
6. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210>
8. Ткаченко А.А., Смирнов И. П., Фомкина А. А. Подходы к оценке территориально-урбанистической структуры нестоличных областей центральной России //Региональные исследования. 2015. №. 4. С. 105– 112.

TRENDS OF THE URALS URBAN STRUCTURE TRANSFORMATION

***Annotation.** The paper analyzes the processes of the urban structure transformation of the Ural Federal District over 15 years as one of the most urbanized Russian region. It is shown that the urban structure of the Urals is characterized by centripetal trends and the strengthening of the role of large and largest cities and agglomerations, which corresponds to the Russian trends of population concentration.*

***Key words:** spatial development, urban structure, city, agglomeration, region, macro-region, Urals, strategy*

УДК 911.37:339.138 (470-25)

Аксёнов К.А., Елманова Д.С., Мельникова Е.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ПОИСК БРЕНДА СРЕДИ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЛОМОНОСОВСКОГО РАЙОНА МОСКВЫ)

***Аннотация.** Поиск бренда является затруднительной задачей для внутригородских районов, не имеющих ярко выраженной функции кроме жилой. В данном случае возможным выходом является использование названий исторических объектов, известных старожилам. Для Ломоносовского района была проведена работа по определению таких объектов, существовавших во второй половине XX в., и рассмотрению изменения их функций. В результате были выявлены ключевые исторические объекты, преимущественно относящиеся к сфере услуг, которые отличаются наибольшей известностью. Именно они могут быть использованы для создания бренда Ломоносовского района.*

***Ключевые слова:** брендинг места, район города, функция места, исторические названия, Москва*

Для районов Москвы актуален поиск брендов, что повышает их узнаваемость и привлекательность. Некоторым районам довольно просто определить свой бренд, например, Метрогородку, большую часть территории которого занимает национальный парк «Лосиный остров». А есть такие районы, для которых сложно найти определённый символ, который ассоциировался бы именно с этим местом. Ломоносовский район является представителем второй группы.

Ломоносовский район расположен на юго-западе Москвы. По площади небольшой — 3,3 км² (на 119 месте из 125). Зато плотность населения очень

высокая — 26,4 тыс. чел/км² (3 место). Основная функция района — жилая. Здесь нет крупных офисных и торговых центров, ландшафтно-рекреационных территорий, высших учебных заведений, почти все здания являются жилыми домами с предприятиями сферы услуг, расположенными на первом этаже. Однако Ломоносовский район сложно назвать стереотипно спальным, поскольку под такими районами обычно подразумеваются периферийные территории (как, например, Чертаново Южное, Бирюлёво Западное и т. д.). Почти весь юго-запад Москвы выступает престижным жилым массивом, но другие районы этой части Москвы имеют какие-то отличительные места, которые можно назвать их брендами: Раменки — МГУ, Воробьёвы горы; Гагаринский — памятник Гагарину, РАН, Большой Московский цирк. В Ломоносовском районе таких мест нет, что делает более сложной задачу поиска бренда.

Для решения проблемы поиска бренда можно обратиться к прошлому рассматриваемого места и взять один из старых, всем известных символов, вложив в него новый смысл сообразно современным веяниям.

Выпущено немало работ о значении старых символов (названий) для создания бренда места. Грегори Эшворт и Брайан Грэм писали о фундаментальной роли наследия в создании идентичности места [1]. Более того, определяя наследие просто как «современное использование прошлого», они также подчёркивали его роль в брендинге территорий. Они указывали на то, что люди как личности и места как сообщества нуждаются в своём прошлом, чтобы показать свою идентичность. Все места имеют свою собственную историю, и история оказывает сильное влияние на идентичность как места, так и его жителей [2]. Пока наследие и история могут быть актуальными, они могут играть роль в позиционировании бренда [3]. Построение прочной связи между названием места и его наследием могло бы усилить идентичность жителей с ним, что можно было бы в дальнейшем использовать для создания сплочённого и последовательного бренда.

Существуют примеры создания бренда с помощью исчезнувших с карты объектов и для районов Москвы. Например, подобный подход применялся в соседнем районе — Гагаринском. Здесь с 1996 г. существует Московский драматический театр под руководством Армена Джигарханяна, который в 2021 г. стал называться «Прогресс Сцена Армена Джигарханяна». Данное название было выбрано по прежнему объекту, находившемуся в данном здании — кинотеатру «Прогресс».

Целью данной работы является определение исторических мест Ломоносовского района Москвы, которые могут стать его брендом. При этом во внимание брались только объекты второй половины XX в. (с 1945 г.), поскольку современные застройка и население района сформировались именно в этот

период. Ранее на территории района было частично расположено только село Семёновское, от которого к настоящему времени следов не осталось.

Для поиска исторических мест в Ломоносовском районе использовались два источника информации: сайт PastVu.com [4], где люди размещают на карте старые фотографии (до 2000 г.), своеобразная открытая база данных, и интервью со старожилами Ломоносовского района.

Основным и более объективным источником выступил сайт PastVu.com, где фотографии снабжены указанием места и комментариями (наличие комментариев позволило оценить степень значимости места). Были проанализированы все фотографии, отмеченные на карте в границах исследуемого района за рассматриваемый период.

Со старожилами района было проведено пять интервью, два из них прошли во время полевых маршрутов по району, другие два в центре социального обслуживания («Мой социальный центр»), ещё одно интервью было взято дома у пенсионера. Они помогли определить главные символы района — культовые магазины, в которые приезжали жители со всей Москвы. Среди всей Москвы наиболее известны такие магазины, как «Берёзка», «Власта», «Лейпциг», «Школьник» и «Детский мир». Результаты работы с данными сайта PastVu.com и интервью были отражены на карте (рис. 1).

Прежде всего выделяются коммерческие объекты — и на сайте PastVu.com, и в интервью большее внимание было уделено бывшим предприятиям сферы услуг. Магазины сосредоточены вдоль основной магистрали, пересекающей район — Ленинского проспекта. Такая локализация в целом сохраняется до сих пор.

Лишь магазины сохранили свои названия и функции. Так, жители района отмечают магазин «Марина», который стал торговым центром с одноимённым названием. По результатам глубинных интервью можно сделать вывод, что это место было важно для местного населения, вероятно, это и стало причиной сохранения исторического названия. «Марина» до сих пор является одним из ярких примеров узловых вернакулярных районов, расположенных полностью на территории Ломоносовского района.

Многие магазины, сохранив функции, претерпели ребрендинг. Так, на углу улицы Строителей и проспекта Вернадского сохранился магазин кройки и шитья, который сменил название на «Рукоделие». Многие продуктовые магазины приобрели названия торговых сетей. Так, гастроном на улице Строителей стал «ВкусВиллом», а продуктовый на углу Ленинского проспекта и улицы Строителей теперь называется «Лента». О значимости этих мест говорит то, что раннее остановки, находящиеся около этих магазинов, назывались в их честь. Причём названия остановок сохранялись дольше, чем сами магазины.

Известные исторические места	1 — Дом технической книги	24 — Магазин культтоваров
Места, содержащие в названии слово «Дом»	2 — Дом пионеров	25 — Потребительский рынок
Магазины	3 — Дом моделей	26 — Магазин «Марина»
Предприятия общественного питания	4 — Дом слушателей Академии Генерального штаба	27 — Магазин «Берёзка»
Прочие предприятия сферы услуг	5 — Дом проектных организаций	28 — Книжный магазин
Площадные объекты	6 — Гастроном	29 — Гастроном
Указатели	7 — Магазин кройки и шитья	30 — Магазин «Хлеб»
	8 — Магазин «Электронприборы», затем «Свет»	31 — Ресторан «Кура»
	9 — Продуктовый магазин	32 — Кафе-мороженое
	10 — Магазин «Телевизоры», затем «Спектр»	33 — Ресторан «Кристалл», затем «Гавана», потом казино Фарсон
	11 — Галантерей	34 — Ателье от ВЦСПС
	12 — Булочная	35 — Парикмахерская
	13 — Молочный магазин	36 — Союзпечать
	14 — Мясной магазин	37 — Гостиница «Южная»
	15 — Магазин «Школьник»	38 — Детская поликлиника
	16 — Магазин «Власта»	39 — Аптека
	17 — Магазин посуды	40 — Почта
	18 — Магазин мужской одежды	41 — Ателье
	19 — Магазин «Лейпциг», затем «Электроника»	42 — Село Семёновское
	20 — Рыбный магазин	43 — Пруд
	21 — Магазин «Журналист»	44 — Парк «Собачка»
	22 — Молочный магазин	45 — Фруктовый сад
	23 — Магазин женской одежды	46 — Указатель «Москва — столица СССР»

Рис. Исторические места Ломоносовского района
Составлено авторами по данным [4] и авторских интервью

Помимо магазинов интерес представляют и другие объекты сферы услуг, например, гостиница «Южная», которая пользуется известностью внутри района, её можно также, как и «Марину» отнести к узловому вернакулярному району.

Исторические функции далеко не всегда удаётся сохранить. Одним из наиболее ярких примеров выступает дом 83 на Ленинском проспекте, в котором ранее располагалось четыре продуктовых магазина, но к нашему времени не сохранился ни один из них. В ходе глубинного интервью стало известно, что в 1990–е гг. продуктовые магазины стали массово закрываться, а на их местах открывались магазины непродовольственных товаров, которые функционировали непродолжительное время, а затем меняли своих владельцев. Целью предпринимателей было не развитие бизнеса, а спекулятивная продажа недвижимости. Это и стало причиной того, что ряд магазинов не сохранил свою историческую роль. Ещё один тип мест — те, которые пользовались популярностью раньше и остаются востребованными сейчас. Такое место расположено по адресу улица Крупской, дом 9А. Ранее там находился ресторан «Кура», который спустя время стал продовольственным магазином «Диета», сегодня на этом месте расположен «Центр московского долголетия Ломоносовский». Это место представляет интерес по той причине, что, если обратиться к старожилу района и спросить, что находилось по названному выше адресу, с большой вероятностью он назовёт все три места. Схожая ситуация характерна для здания по адресу Ленинский проспект, дом 88. Изначально на этом месте был расположен ресторан «Кристалл», который были переименовал в «Гавану», а позже на его месте было открыто казино «Фараон», которое было известно и за границами района. Сейчас на этом месте расположен офис букмекерской компании «Фонбет».

Таким образом, для создания бренда городского района в отсутствие ярко выраженной функции (за рамками жилой) и богатой истории могут применяться исторические места второй половины XX в. В Ломоносовском районе среди них наиболее массовым и известным типом объектов являются магазины, менее широко представлены и известны другие объекты сферы услуг — рестораны, гостиницы и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ashworth G. J., Graham B. Heritage, identity and Europe // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 1997. Vol. 88, Issue 4. P. 381–388.
2. Urde M., Greyser S. A., Balmer J. M. T. Corporate brands with a heritage // *Journal of Brand Management*. 2007. Vol. 15, Issue 1. P. 4–19.

3. Hakala U., Sjöblom P., Kantola S.-P. Toponyms as carriers of heritage: implications for place branding // Journal of Product & Brand Management. 2015. Vol 24, Issue 3. P. 263–275.

4. PastVu. Фотографии прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pastvu.com/> (дата обращения 17.06.2022).

Kirill Aksenov, Daria S. Elmanova, Ekaterina A. Melnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

SEARCH OF BRAND AMONG HISTORICAL OBJECTS OF THE SECOND HALF OF 20TH CENTURY (CASE OF LOMONOSOVSKY DISTRICT OF MOSCOW)

***Annotation.** Finding a place brand is a complicated task for urban districts, as many of them do not have any significant function outside residential. In this case a brand can be created using names of historical objects, known among long-term residents. In this article historical objects of the second part of 20th century in Lomonosovsky district (Moscow) were found, change of their functions was analyzed. Results of the article include key historical objects, mainly associated with service industries, as such objects are well-known. These objects can be used to create a brand for Lomonosovsky district.*

***Keywords:** place branding, urban district, place function, historical names, Moscow.*

УДК 911.6

Горбанёв В.А.

*Московский государственный институт
международных отношений МИД РФ, г. Москва*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЮГ В НОВОМ ФОРМАТЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ РОССИИ

***Аннотация.** Цель исследования — выделить Юг Европейской части России, как географический регион. Выделенный район — самый комфортный для жилья в России. Главные направления развития района — сельское и рекреационное хозяйство. Промышленность развита слабее. Социальная сфера находится в сложном положении. Окружающая среда района отличается довольно значительным загрязнением.*

***Ключевые слова:** комплексное районирование, Южный район Европейской части России, сельское хозяйство, промышленность, рекреационное хозяйство, региональная политика РФ.*

Введение. Научно обоснованное районирование страны всегда имело первостепенную важность, так как оно способствует гармоничному и оптимальному развитию страны.

Россия уже многие годы не имеет комплексного районирования. Без научно обоснованного районирования невозможно осуществлять эффективную региональную политику, невозможно строить планы по социально-экономическому развитию страны.

В связи с изложенным, мы разработали новое районирование России, выделив 10 географических районов. Именно географических, а не экономических, поскольку в полной мере мы учитывали не только экономические, но и социальные, природные и геоэкологические особенности районов [1].

Один из выделенных районов — это Европейский юг. Наша задача — обосновать такое выделение и дать географическую характеристику района.

Материалы и методы исследования. Комплексный географический подход имеет теоретическую основу, которая предполагает тот факт, что география должна стремиться к комплексности. Деление географии на физико-географическую и социально-экономическую — это уже вчерашний день, соответственно и старые экономические районы не отражают в полной мере сущность территории. Они должны иметь комплексный характер [2].

Однако, к сожалению, разделение географии на эти два направления, не только не ослабевает, но даже усиливается. Крупнейший советский географ академик К.К.Марков писал [3]: «Отрицательное решение (проблемы единства географии — В.Г.) представляло бы собой акт самоубийства и предредило бы упадок географии как науки и как единства учебных дисциплин».

По своей сути географические районы можно и нужно интерпретировать, как часть окружающей среды, под которой мы понимаем сложную геосферу, в которой переплетаются, проникают друг в друга природная, антропогенная (экономическая) и социальная среды.

Полученные результаты и обсуждение. Европейский Юг — крупнейший район в Европейской части страны. По площади он очень немного уступает только Европейскому Северу (1 025 200 км²). В его состав входят 22 субъекта РФ (рис. 1).

Район Европейский Юг, пожалуй, самый комфортный. Он расположен на холмистой Восточно-Европейской равнине с высотами до 300 м. И только на северо-западе, востоке и юге имеются возвышенности. На юго-востоке раскинулась Прикаспийская низменность, находящаяся ниже уровня моря.

Почти весь район находится в условиях умеренного климата. И только вдоль черноморского побережья узкой полосой от Крыма до Краснодарского края протянулась зона субтропиков. Причем в северной части этой

полосы (примерно, до Туапсе) — преобладают сухие субтропики, а южнее — влажные.

Рис. 1. Административная карта Южного географического района

Преобладающая часть Южного района находится в зоне степей, которая практически вся распаханна. Климат степей отличается большой сухостью, поэтому проблема района — дефицит влаги. Земли отличаются плодородием. На Прикаспийской низменности преобладают полупустыни.

В целом Южный район достаточно богат природными ресурсами. Здесь необходимо выделить богатейшие почвенные ресурсы. И еще одно богатство района — минеральные ресурсы. Это, прежде всего, — крупнейший железорудный бассейн Курская магнитная аномалия (КМА). Другие минеральные ресурсы играют меньшую роль. Особенно следует выделить Астраханское газоконденсатное месторождение — это крупнейшее месторождение в Европейской части страны.

Южный район обладает богатейшими рекреационными ресурсами.

На всем Европейском юге сложилась тяжелая демографическая ситуация: естественный прирост равен (-4,1)%. Если еще в 2013 г. в районе проживало 37 681,1 тыс. человек, то в 2018 уже 37 486 тыс., т.е. за пять лет район потерял почти 200 тыс. жителей. Плотность населения в Южном районе значительно выше, чем в среднем по России — 36,6 чел./км². Наиболее высокая плотность наблюдается в Краснодарском крае и в Республике Крым — около 74 чел./км². Самые населенные субъекты Федерации в Южном районе — Краснодарский край (5,6 млн чел. — 3-е место в России после Москвы и Московской области) и Ростовская область (4,2 млн чел.).

Уровень урбанизации в районе довольно низкий, что объясняется преимущественно сельскохозяйственной направленностью экономики района — около 66%.

По национальному составу в районе преобладает русское население — 81%. В то же время в Республиках Чувашии и Калмыкии титульное население преобладает над русским — 68% и 57%.

Валовой региональный продукт на душу населения в Южном районе по сравнению с 2013 г. несколько вырос и составил в 2018 г. 306,5 тыс. руб. (примерно 5400 долл. США по курсу на 2017 г.). Это, конечно, очень низкая цифра по сравнению с другими странами мира. Наибольший ВРП на душу населения наблюдается в Белгородской (506,4 тыс. руб), Липецкой (431,8 тыс. руб), Астраханской (413,4 тыс. руб) областях, в Краснодарском крае (398,4 тыс. руб). В то же время в Севастополе и в Крыму эта цифра падает ниже 200 тыс. руб.

Если проанализировать долю населения, находящегося ниже величины прожиточного уровня, то получим следующую картину: в среднем 13,3% населения Южного района находятся ниже черты прожиточного уровня. Наиболее тревожная ситуация сложилась в Республике Калмыкия, где почти 24% населения находятся за чертой бедности. Относительно лучше ситуация в Белгородской, Липецкой, Воронежской, Курской, Тамбовской областях: там за чертой прожиточного минимума находятся 7,5-10,0% жителей.

Важнейшая отрасль специализации Европейского Юга — аграрно-промышленный комплекс. Сельское и рыбное хозяйство дают более 13% ВРП. В Тамбовской области сельское хозяйство дает даже почти 22% ВРП, в Калмыкии — 30%. Посевная площадь в районе составляет 36% земельного фонда. А в Краснодарском крае, в Орловской, Белгородской, Курской, Липецкой, Воронежской, Тамбовской областях посевная площадь превышает 50%. Обеспеченность пахотными землями в районе выше, чем в среднем по России.

В целом по району растениеводство преобладает над животноводством. На него приходится 56% продукции.

Обрабатывающая промышленность на Европейском Юге достаточно хорошо развита, но все же она не определяет лицо района (19% ВРП). Ведущее место занимает черная металлургия, являющаяся отраслью специализации, базирующаяся в основном на запасах железной руды КМА.

Машиностроение является также отраслью специализации Южного района и характеризуется многоотраслевой структурой.

Важнейшей отраслью является пищевая промышленность. Она имеет мощную развитую собственную сырьевую базу и также является многоотраслевой.

Что касается добывающих отраслей промышленности, то они занимают очень скромную роль в ВРП района — всего 3,2%. Хотя в Белгородской и Курской областях (район КМА) их доля в 4-5 раз выше.

Отдельно следует упомянуть о нефтегазовой отрасли, которая наиболее активно развивается в Астраханской области и опирается на крупнейшее в Европе серо-газоконденсатное месторождение с газодобывающим и перерабатывающим комплексом. Доля добывающей отрасли в Астраханской области составляет почти 38% ВРП.

Что касается сферы обслуживания, то ее доля в ВРП составляет 57,2%. Среди отраслей сферы услуг необходимо выделить транспортный комплекс. Важнейшую экономическую и геополитическую роль сыграл мост, связывающий основную территорию России с Крымом. Крайне важны морские порты. Всего на долю морских портов Южного района приходится около 35% перевалки всех российских грузов.

Еще одна важнейшая отрасль сферы услуг — рекреационное хозяйство, базирующееся на богатейших рекреационных ресурсах района.

Нельзя не отметить научную и образовательную роль Южного района. В декабре 2017 года здесь был создан Федеральный исследовательский центр (ФИЦ) — Южный научный центр (ЮНЦ) РАН. В районе работают крупнейшие федеральные университеты — Южный, Северо-Кавказский, Крымский, классические университеты в Волгограде, Воронеже, Белгороде, Саранске и во многих других городах.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться — это на проблемах загрязненности окружающей среды в Южном районе[4]. Степень загрязненности Южного района довольно высокая и соответствует рангу 5,9 (максимальный ранг — 7). Но распределено загрязнение крайне неравномерно по району (рис. 2).

Наибольшая загрязненность наблюдается на северо-западе района (ранг 7). Здесь сказывается влияние сильно загрязненного Центрального района и КМА.

В Крыму значительную отрицательную роль сыграл Северо-Крымский канал, приведший к повышению уровня грунтовых вод и засолению почв. Как ни удивительно, но Крым вошел в десятку российских регионов с наиболее загрязненным воздухом.

Довольно высокая загрязненность характерна для крайнего востока района, где отрицательное влияние оказывает нефтегазовая промышленность. Но следует отметить, что уровень загрязнения Каспийского моря нефтяными углеводородами несколько снизился.

В то же время в центральных регионах загрязненность относительно ниже.

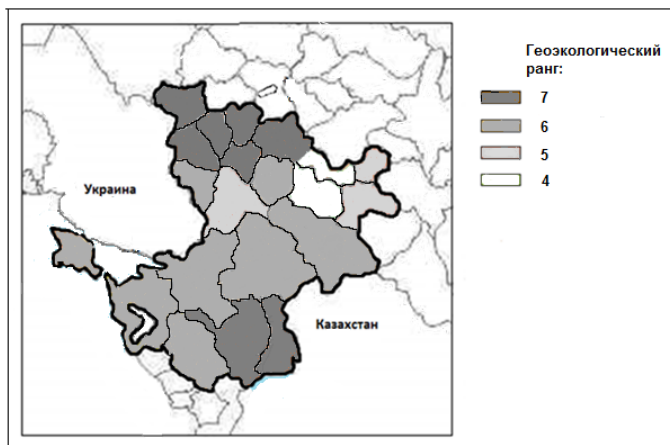

Рис. 2. Загрязненность Европейского Юга России

Заключение. Нами выделен Юг Европейской части России. Как видно, он значительно отличается от Южного федерального округа. Только учитывая комплексное развитие районов можно эффективно планировать региональную политику Российской Федерации. Не имея комплексного географического районирования России вряд ли возможно осуществлять научно-обоснованный социально-экономический прогноз развития нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горбанёв В.А. Общественная география зарубежного мира и России. 2-е изд., М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 760 с.
2. Горбанёв В.А., Кочуров Б.И. Окружающая среда в меняющемся мире. М.: КноРус, 2020. 274 с.
3. Марков К.Е. Географическая наука и высшее образование в университете // Вестник МГУ, сер. География. № 3. 1965. С. 55-65.
4. Кочуров Б.И., Антипова А.В., Костовска С.К., Лобковский В.А. Комплексное районирование территории России по экологической и социально-экономической ситуации: карта, М-6 1:8 000 000. М.: ООО «АКЦ», 2002.
5. Росстат. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации, М.: 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Reg_sub19.pdf (Дата обращения 24.01.2022).

Vladimir A. Gorbanyov

*Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow*

EUROPEAN SOUTH IN A NEW FORMAT OF GEOGRAPHIC ZONING OF RUSSIA

Annotation. *The Aim is to single out the South of the European part of Russia as a geographical region. The allocated area is the most comfortable for housing in Russia. The main branches of development of the region are agriculture and recreation. Industry is less developed. The social sphere is in a difficult position. The environment of the region is characterized by rather significant pollution.*

Key Words: *integrated zoning, Southern region of the European part of Russia, agriculture, industry, recreational facilities, regional policy of the RF.*

УДК 910.3; 332.365

Даньшин А. И.

*Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова, г. Москва*

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются важнейшие меняющиеся тенденции территориальной организации сельского хозяйства России в связи с мировыми, российскими и локальными трендами. Показаны изменения в отдельных отраслях, связанные с влиянием факторов разной природы. Рассчитаны коэффициенты локализации отраслей растениеводства, показаны территориальные тренды, выявлено своеобразие современного развития отраслей животноводства.*

Ключевые слова. *сельское хозяйство, тренды развития, влияние факторов, территориальная организация сельского хозяйства, территориальные особенности.*

Сельское хозяйство России за постсоветский период сформировало определённые тренды поступательного движения и в то же время изменило подходы к территориальной организации, к пространственному сопряжению отраслей, формированию производственно-территориальных сочетаний, вызванных трансформацией позиции России в международном сельскохозяйственном разделении труда, а также изменениями собственно отрасли под влиянием меняющихся климатического и институционального факторов.

За последние 30 лет Россия стала в значительной мере одним из основных участников мирового сельскохозяйственного рынка, включившись в

процессы удовлетворения обеспеченности населения мира отдельными продуктами питания, что требует поиска подходов в решении этих глобальных задач мировым сообществом, а Россия должна найти дальнейшие пути интеграции в мировое сельскохозяйственное сообщество, участвуя в сельскохозяйственном разделении труда.

Один из важнейших трендов развития сельского хозяйства — значительный рост мировой торговли сельскохозяйственной продукцией. Только за последние 20 лет рост мирового экспорта продуктами сельского хозяйства составил 300% (с 411 до 1218 млрд долл. США) [1]. Россия старается занять место в группе основных экспортеров продукции. Если в 1992 г. экспорт сельскохозяйственной продукции нашей страной составлял 297,5 млн долл. США, то сейчас он приближается к 20 млрд долл. США. Этот показатель пару лет назад превысил российский экспорт военной продукции. Россия выделяется экспортом зерновых, в первую очередь, пшеницы (стоит на 1 месте в мире), в последние годы всё больше экспортируется продукции животноводства.

Данный общемировой тренд требует внутрироссийской корректировки отрасли в связи с наличием определенной группы факторов, влияющих на развитие сельскохозяйственного производства в нашей стране. Существенное влияние оказывают: глобальное изменение климата (имеются территории как с положительным для сельского хозяйства эффектом потепления, так и с отрицательным [2]), существенное снижение численности сельского населения в районах ранее важных для развития сельского хозяйства (за прошедшие 30 лет некоторые регионы потеряли до четверти сельского населения, выделяются как бы 2 пояса: западный (северо-западный) и восточный), институциональные факторы, обеспечивающие поступательность развития сельского хозяйства и вовлечение в оборот ранее заброшенных земель.

За последние 20 лет при практически неизменной посевной площади (разница всего в 6%, 2000 г. — 85419 тыс. га, 2019 г. — 79881 тыс. га) [3] некоторые группы культур имели изменения площадей в несколько раз. В группе зерновых культур существенно увеличились посевы одной из самых выгодных экспортных культур — пшеницы озимой, а также кукурузы, тритикале. Рост площадей под этими культурами характерен для степных частей страны. Почти все технические культуры дают существенный рост площадей, но особенно быстро растут показатели у сои (в первую очередь, на Дальнем Востоке), рапса (Европейская часть), льна-кудряша (сухостепные районы, в том числе Крым), подсолнечника (ареал экологически устойчивого выращивания). Данные культуры наряду с зерновыми становятся элементами экспортной специализации России, в связи с востребо-

ванностью их для получения альтернативных экологически чистых видов топлива (в данном случае биодизеля). Всё это требует поиска площадей для этих культур, в том числе за счет снижения показателей по кормовым культурам, картофелю и овощам открытого грунта. Но последние две культуры, так же, как и сахарная свекла за счет интродукции новых сортов при уменьшении площадей увеличивают показатели продуктивности.

Структура производства основных продуктов растениеводства показывает снижение значения хозяйств населения по всем позициям. Но при этом происходит явный рост показателей в крестьянских (фермерских) хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей. Пока еще сильное ЛПХ характерно для южных районов России, где традиционно в сельской местности большие семьи, а собственное сельскохозяйственное производство дополняет невысокий доход от других источников заработка. В тоже время территории со сложными климатическими условиями ведения хозяйства, при резком снижении значения общественного сельскохозяйственного производства, ориентируются только на те продукты, которые позволяют обеспечить желательный рацион питания населения. Редко, когда в этих районах наблюдается положительный тренд в развитии. Но Ленинградская область за последние годы увеличила урожайность зерновых культур почти в 2 раза.

Рассчитанный коэффициент локализации по отдельным отраслям сельского хозяйства по посевным площадям для 1990 и 2019 гг. позволяет иметь более четкую картину смещения тех или иных ареалов за весь постсоветский период.

Коэффициент локализации зерновых культур показывает изменение ареалов максимального производства и сдвиг зернового хозяйства в более южные районы. Коэффициент локализации картофеля показывает явно выраженный тренд на самообеспечение северных районов (узкая специализация территории только на нем, при снижении значения других культур) и рост производства раннего картофеля на юге. По овощам наблюдается усиление специализации вблизи крупных городов, в районах Севера, районах районирования овощей. Причем таких резких изменений и контрастов, как это было по зерновым нет. По кормовым культурам прослеживается природообусловленное распределение посевов в прошлом и примитивизация систем земледелия в неосновных районах сельского хозяйства сейчас. Именно в северных и северо-восточных районах роль кормовых культур в использовании пашни оказывается определяющей. Главнейшие технические культуры — подсолнечник и сахарная свекла — заняли оптимальные районы выращивания с частичным сдвигом к северу (возможное влияние глобального потепления).

Обобщая рассмотрение коэффициентов локализации по основным сельскохозяйственным культурам можно утверждать, что современные системы земледелия в их территориальной организации претерпели изменения в сторону примитивизации. Примитивизация происходит под влиянием двух факторов:

- природного (северная): сужение набора культур (до 1-2): кормовые и/или картофель, обеспечивающие продовольственную потребность;
- рыночного (южная): сужение набора культур (до 2-3) до самых товарных, в том числе экспортных (зерновые (пшеница, ячмень), подсолнечник).

В животноводстве, как более консервативной отрасли тренды сглаживаются, если нет серьезных территориальных «революционных» изменений. В общероссийской картине резкий провал в поголовье в 1990-х сменился увеличением численности самых «быстрых» технологических отраслей: птицеводства — в конце 1990-х, свиноводства — в середине 2000-х, частичным, не таким большим ростом поголовья в овцеводстве и плавным снижением численности крупного рогатого скота вплоть до настоящего времени (с 1990 г. по 2019 г. более чем в 3 раза). Естественно, ни одна отрасль советских показателей не достигла.

Большинство отраслей животноводства с точки зрения территориальной организации имеют сходные с растениеводством тренды. Северные и южные территории с бедным населением пытаются за счет отдельных отраслей (молочное скотоводство, козоводство, птицеводство) обеспечить наличие хоть какого-то элемента продовольственной обеспеченности. Районы с депопуляцией сельского населения и районы индустриального развития сельского хозяйства резко снижают значение ЛПХ, но по разным причинам. В первом случае в связи с экономической и физической невозможностью заниматься сельским хозяйством, во втором — в связи с эпизоотическими запретами со стороны власти и развивающихся здесь холдингов.

Самый новый тренд с точки зрения территориальной организации — продвижение животноводческих холдингов на территории с невысоким агроклиматическим потенциалом для выстраивания экстенсивных площадных отраслей («Мираторг» мясное скотоводство, юг Смоленской области [4]) или же в связи с необходимостью поиска территории (земли) как операционного базиса для высокоинтенсивных промышленных отраслей сельского хозяйства (Великолукский мясокомбинат, свиноводство, Псковская область). Правда в последнем случае это еще и приближение к месту переработки.

Таким образом, животноводство увеличивает размер производственно-го предприятия, его локализацию, при пока еще незначительном участии мелкотоварных ферм, хотя государство начинает финансировать и малые формы хозяйств.

В итоге последние 10-20 лет развития сельского хозяйства формируют новую территориальную организацию как отдельных подотраслей, так и их сочетаний в виде типов сельского хозяйства, создающих не похожие на советские территориальные ареалы.

Исследование выполнено на основе НИР Государственного задания: «Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья (ГЗ)»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН [сайт]. URL: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data>(дата обращения 12.01.2022).
2. Эколого-географические последствия глобального потепления климата XXI века на Восточно-Европейской равнине и в Западной Сибири: Монография / под ред. Н.С. Касимова и А.В. Кислова. М.: МАКС ПРЕСС, 2011. — 496 с.
3. Федеральная служба государственной статистики РФ [официальный сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277>(дата обращения 12.01.2022).
4. Эффект колес: традиционное и инновационное в развитии Смоленской области / В.Л. Бабурин, А.И. Даньшин, П.Л. Караваев и др. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2021. 172 с.

Alexander I. Danshin

Lomonosov Moscow State University, Moscow

MODERN FEATURES OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF AGRICULTURE IN RUSSIA

***Annotation.** The article discusses the most important changing trends in the territorial organization of agriculture in Russia in connection with global, Russian and local trends. Shows changes in individual sectors, associated with the influence of factors of different nature. The coefficients of localization of crop production sectors are calculated, territorial trends are shown, and the originality of the modern development of livestock industries is revealed.*

***Keywords:** agriculture, development trends, influence of factors, territorial organization of agriculture, territorial features.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА И ВОЛГОГРАДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

***Аннотация.** Выявлены периоды исторических и перспективных изменений в пространственном развитии Волгограда и Волгоградской агломерации. Представлены причины и особенности формирования линейного города, возможной потери линейной структуры Волгограда в новых административных границах; территориального развития Волгоградской агломерации в форме подковы, переход к территориальному каркасу агломерации более сложной нестандартной формы. Показана возможная перспектива пространственной организации Волгоградской агломерации.*

***Ключевые слова:** агломерация, линейный город, пространственная организация, русло расселения,*

В своём развитии пространственная организация населённых пунктов, субъектов страны претерпевает существенные разнонаправленные изменения. Особенностью Волгоградской области является формирование областного центра линейной планировочной организации и Волгоградской агломерации с нестандартной территориальной структурой. Интересным представляется констатация и анализ причин сдвигов в территориальной организации города Волгограда и Волгоградской агломерации, исторические и перспективные изменения в пространственном развитии которых автор предлагает рассмотреть в виде выделения отдельных периодов.

Период существования сторожевой крепости на острове продолжался немногим более четверти века — со времени основания в 1589 г. крепости Царицын на острове Голодном для охраны Волжского судоходного пути до разрушения построек во время половодья в 1615 г.

Период точечного поселения. В 1615 г. крепость Царицын перенесли на высокий правый берег Волги в месте впадения притока Царица. К функции охраны Волжского торгового пути добавилась охрана Волго-Донской переправы — проходящего здесь самого короткого пути от Волги до Дона. Все жилые и хозяйственные постройки располагались внутри крепостных стен, редкое гражданское население занималось выловом рыбы и выпасом скота. За пределами крепости поселения не создавались из-за опасности постоянных набегов кочевников.

Период ареального развития поселения в форме прямоугольника. К 1775 г. границы Российской империи отодвинулись на юг, упраздняется Царицынская сторожевая линия, функции крепости Царицын теряет, становясь мирным уездным городом. В 1820 г. утверждён новый план городской застройки, в основе имеющий форму прямоугольника и территориально примерно соответствующий ныне двум самым маленьким по площади прибрежным районам современного Волгограда — Центральному и Ворошиловскому.

Период начала формирования «линейной» структуры города. После отмены крепостного права территории около Царицына активно заселялись крестьянами из центральных губерний, основывающих вдоль берега Волгисёла, со временем сливающиеся с городом. В период развития капитализма в России выгодное экономико-географическое положение, железнодорожное строительство способствовали бурному экономическому росту Царицына, созданию с опорой на Волжский транспортный путь и водные ресурсы крупнейшей реки Европы крупных промышленных предприятий металлургии, машиностроения, химической промышленности. Индустриальное развитие продолжилось и в социалистическом Сталинграде, сопровождаемое формированием при заводах как отдельных поселков промышленно-селитебных районов, «нанизанных» на водный транспортный коридор. Такие промышленные поселения последовательно включались в черту города. Продвижению городских кварталов на запад препятствовали расположенный в сравнительной близости возвышенный рельеф (водораздел), который, прижимал город к реке, и отсутствие мощных правых притоков Волги. Вследствие большой ширины Волги, невозможности построить мосты, затопляемости левого берега, город на левый берег так же перешёл [1]. К началу Великой Отечественной войны обозначилась особая территориальная структура Сталинграда — линейная, руслом расселения населения в которой стал берег судоходной реки. Город имел протяжённость 30 км, состоял из 5 районов.

Период усиления «линейности» (рис. 1) связан с развитием Сталинграда-Волгограда как мощного транспортного и индустриального узла в 50-80 гг. XX в. Строительство Волжской ГЭС на севере от Волгограда, постройка Волго-Донского канала на юге дали толчок развитию северных и южных территорий, появлению новых предприятий цветной металлургии, химической промышленности, транспортных услуг, продвижению границ города в северо-южном направлении. К 80-м годам XX в. соединение городков и поселений привело к созданию самого длинного в СССР города типичной линейной структуры, где длина (65 км) во много раз превышала его шири-

ну (в среднем 4 км), состоящего из 8 районов без существенных территориальных разрывов (в отличие от Большого Сочи).

Рис. 1. Карта-схема г. Волгограда (1980-е гг.)

Период потери «линейности» пространственной структуры Волгограда. На современном этапе, в связи с продолжающимся с 1992 г. отрицательным естественным приростом населения в Волгограде, для того, чтобы не утратить статуса города-миллионера, происходило неоднократное административное расширение городской черты, что резко изменило пространственную конфигурацию города. С 2010 г. территория Советского района расширилась на запад до 15 км от берега Волги, а с присоединением самого большого в Европе острова Сарпинский, территория города «ушла» и на восток (рис. 2). Можно констатировать, что типичную конфигурацию линейного города в новых административных границах Волгоград де-юре теряет.

Период формирования Волгоградской агломерации в форме подковы. Начало формированию Волгоградской агломерации было положено в советский период, когда строительство Волжской ГЭС и создание по её плотине мостового перехода привело к появлению и росту на левом берегу Волги города-спутника Волжский со специализацией на электроэнергетике, химии органического синтеза и металлургии, и, в целом, оживлению хозяйственной жизни в левобережье.

Создание Волго-Донского канала привело к росту числа поселений вдоль шлюзов. Эти компоненты и обозначили подковообразную форму формирующейся агломерации (рис. 3), и в настоящее время составили ядро агломерации.

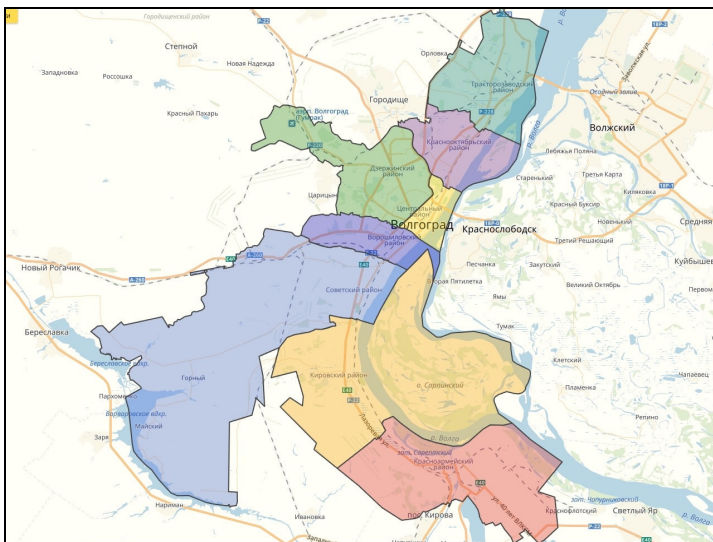

Рис. 2. Административные границы г. Волгограда с 2010 г.

Рис. 3. Аэрофотоснимок Волгоградской агломерации

Период изменения и усложнения пространственного рисунка Волгоградской агломерации, приобретения крестообразной конфигурации. На современном этапе подковообразность структуры Волгоградской агломерации уходит в прошлое под воздействием новой городской застройки, происходящих процессов реурбанизации, интенсивной дачной субурбанизации, сопровождающихся усилением транспортных и прочих видов связей коттеджных и дачных массивов с Волгоградом и формированием новых урбанизированных зон. Ныне северный край геопространства агломерации дотянулся до г. Дубовка, на юг вдоль Волги урбанизированные территории протягиваются до р. п. Светлый Яр, формируя почти 100-километровый изгиб северо-южного направления, который западнее и восточнее усиливают урбанизированные территории, располагающиеся по направлениям основных междугородных транспортных артерий (рис. 4). Введение в эксплуатацию в 2009 г. нового моста через Волгу повлекло за собой быструю застройку территории Волго-Ахтубинской поймы. Этот процесс усиливает левобережную часть Волгоградской агломерации, формируя западно-восточную ось, протяжённостью также около 100 км, и придавая геопространству сложную, ни на что непохожую крестообразную форму. Автор попыталась очертить приблизительные границы территорий, де-факто на сегодняшний день составляющих Волгоградскую агломерацию, участвующих в различных видах агломерационных связей. Это, в целом, согласуется с документом «Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года», в котором в состав Волгоградской агломерации включались площади именно городских округов и поселений: Волгоград, Волжский, Краснослободск, Городище, Светлый Яр, Средняя Ахтуба [3].

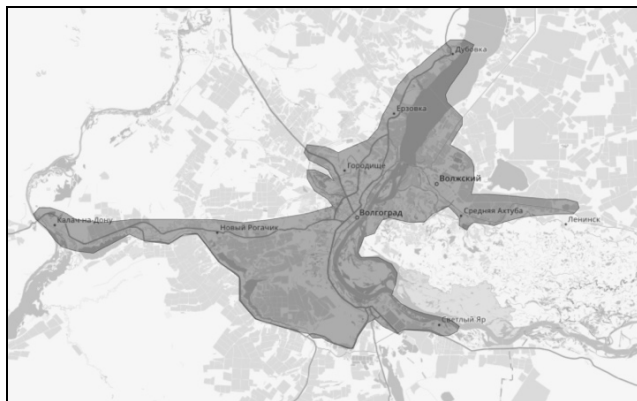

Рис. 4. Реальное геопространство Волгоградской агломерации в настоящее время

В перспективе возможен период приобретения пространственного рисунка территории Волгоградской агломерации в форме компактного ареала. Это согласуется с общей концепцией развития населённых местностей в стремлении к форме, близкой к окружности. Документ «Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года» [4], предполагает включение в состав Волгоградской агломерации к 2030г. не отдельных населённых пунктов, а муниципальных образований: город-герой Волгоград, г.Волжский, Среднеахтубинский, Городищенский, Светлоярский, Ленинский, Дубовский муниципальные районы. Соответственно, в перспективе форма пространственной организации агломерации, предположительно, снова претерпит изменения и будет иметь границы, представленные на рис. 5. В данном документе предложено называть агломерацию не Волгоградской, а Волгоградско-Волжской, подчёркивая возрастающую роль города-спутника Волжский в формировании урбанизированных территорий, особенно в левобережье.

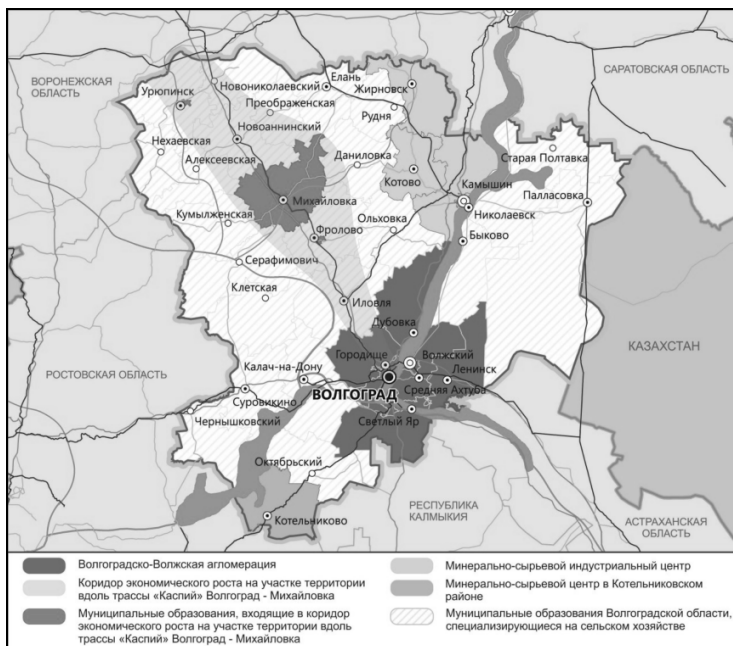

Рис. 5. Перспективные границы Волгоградской агломерации и центры экономического роста Волгоградской области [4]

По мнению автора, роль левобережных заволжских территорий в пространственной организации агломерации в перспективе усилится, но остальные направления не имеют значительных перспектив агломерационного роста в силу отсутствия быстрых темпов роста экономики Волгоградской области и призрачных их дальнейших перспектив, особенно, в пандемийную эпоху; резкого снижения уровня благосостояния населения; миграционного оттока; всё усиливающейся естественной убыли населения. Реальные границы и форма Волгоградской агломерации в ближайшей перспективе сохранятся примерно в том виде, как представлено на рисунке 4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Деточенко Л.В. «Линейный» город: историко-географические особенности территориальной организации, хозяйственной и транспортной составляющих (на примере Волгограда)//Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о земле. 2018. Том 28, № 2. С. 200-210.

2. Фесенко В.В., Деточенко Л.В. Волгоградская агломерация: специфика формирования, современное состояние и пространственные перспективы // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований: матер. Междунар. науч. конф., г. Симферополь. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 118-126.

3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 18.01.2022).

4. Проект закона Волгоградской области «О стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года». URL: https://economy.gov.ru/material/file/2753c0c8f95af35f9357eb724b635e2c/proekt_strategii.pdf (дата обращения 25.01.2022).

Lilia V. Detochenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd

HISTORICAL AND PERSPECTIVE CHANGES IN THE FORMS OF THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE CITY OF VOLGOGRAD AND VOLGOGRAD AGGLOMERATION

***Annotation.** The periods of historical and prospective changes in the spatial development of Volgograd and the Volgograd agglomeration are revealed. The reasons and features of the formation of a linear city, the possible loss of the linear structure of Volgograd in the new administrative boundaries are presented; territorial development of the Volgograd agglomeration in the form of a horseshoe, the transition to the territorial framework of the agglomeration of a more complex non-standard form. A possible perspective of the spatial organization of the Volgograd agglomeration is shown.*

***Keywords:** agglomeration, linear city, spatial organization, channel of settlement.*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАЗЛИЧНОГО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ТИПА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

***Аннотация.** За последние два десятилетия процессы урбанизации в пределах Санкт-Петербургской городской агломерации перешли на новый качественный уровень, характеризуемый быстрым ростом диспропорций в развитии территорий различного функционального типа. В ходе исследования было выделено четыре типа пригородных территорий, отличающихся как динамикой численности населения, так и ситуацией на рынке жилья.*

***Ключевые слова:** пригородная территория, функциональный тип, муниципалитет, Санкт-Петербургская агломерация.*

За последние два десятилетия процессы урбанизации в пределах Санкт-Петербургской городской агломерации перешли на новый качественный уровень, характеризуемый быстрым ростом диспропорций в развитии территорий различного функционального типа.

Сегодня в пригородной зоне Санкт-Петербурга, за пределами городского «ядра» находится 111 муниципалитетов, из которых 32 административно относятся к Санкт-Петербургу, а 79 — к Ленинградской области. Рассматриваемые муниципалитеты значительно различаются по площади территории и по численности населения. Но более важны их функциональные различия. С некоторой степенью условности все муниципалитеты пригородной зоны Санкт-Петербурга можно разделить на 4 типа: 1) *старые индустриальные центры*; 2) *дачно-рекреационные поселки*; 3) *новые спальные районы*; 4) *сельские территории* (рис. 1).

К первой группе (*старые индустриальные центры*) относится 23 города и поселка, в которых главным источником занятости населения в советский период были промышленные (или — транспортные) предприятия. В постсоветский период эти предприятия пережили тяжёлый экономический кризис, что негативно отразилось на социальной ситуации в муниципалитетах, где они расположены.

Дачно-рекреационные территории (31 МО), относящиеся к второму типу территорий, легче адаптировались к изменившимся условиям постсоветской действительности, а экономический подъём начала 2000-х гг. привёл к тому, что эти муниципалитеты стали активно осваиваться формирующимся средним классом жителей Санкт-Петербурга.

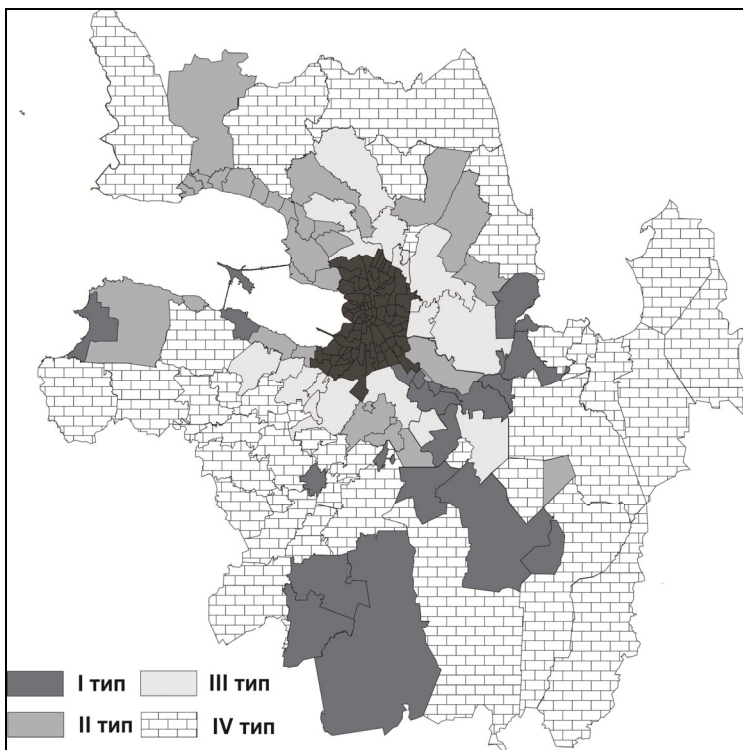

Рис. 1. Функциональные территории пригородной зоны Санкт-Петербурга

Бурный рост строительства жилья в последние два десятилетия, при дефиците доступных для застройки территорий в «городском ядре», привёл к формированию вокруг Санкт-Петербурга пояса *новых спальных районов* (18 муниципалитетов), составивших третий функциональный тип.

К четвёртому типу муниципалитетов относятся *сельские территории*, расположенные, как правило, на периферии пригородной зоны Санкт-Петербурга. Можно сказать, что по сравнению с перечисленными ранее типами, в этой зоне в постсоветский период произошли наименьшие изменения, и она остаётся сегодня, в определённой степени, «резервной территорией» в процессе пространственного развития Санкт-Петербургской агломерации.

Рассмотрим, как развивались в текущем столетии различные типы пригородных территорий Санкт-Петербурга.

Динамика численности населения. К 2002 г. численность населения рассматриваемых функциональных зон составляла, соответственно, 604, 318, 272 и 225 тыс. человек. За 2002-2020 гг. численность населения в первой группе (*старых индустриальных центрах*) увеличилась всего на 6,6% (рис. 2). Также незначительно — на 10,5% — выросло количество жителей и в *сельских территориях* пригородной зоны Санкт-Петербурга. На 27,1% за период 2002-2020 гг. увеличилась численность населения в *дачно-рекреационных* муниципалитетах. Но наибольший рост — более чем в 2,6раза — наблюдался в *новых спальньих районах* Санкт-Петербургской агломерации. *Городское ядро* Санкт-Петербурга в рассматриваемый период характеризовалось незначительным увеличением численности населения: за 2002-2018 гг. количество жителей здесь увеличилось на 11,0 %. Наиболее быстрый рост численности населения в *дачно-рекреационных поселках* и *новых спальньих районах* приходится на последнее десятилетие (2011-2020 гг.)

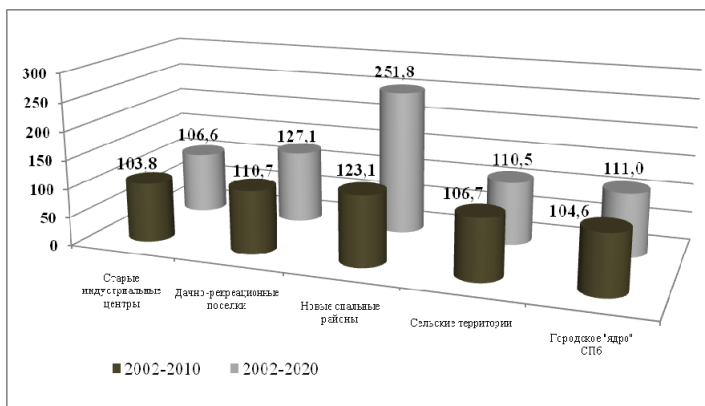

Рис. 2. Рост численности населения пригородной зоны и «ядра» Санкт-Петербурга в 2002-2010 и 2002-2020 гг., %

Учитывая пространственные особенности размещения функциональных территорий пригородной зоны можно сделать вывод о том, что в постсоветский период происходит довольно быстрая децентрация населения Санкт-Петербургской агломерации. Если в 1989 году на *городское ядро* приходилось 76,8 % общей численности населения агломерации (ядро + пригородная зона), то 2021 году данный показатель снизился до 69,2 %.

Строительство жилья. Динамика строительства многоквартирных жилых домов по функциональным территориям пригородной зоны Санкт-

Петербурга за последние два десятилетия в целом повторяло пространственные особенности изменения численности населения (рис. 3).

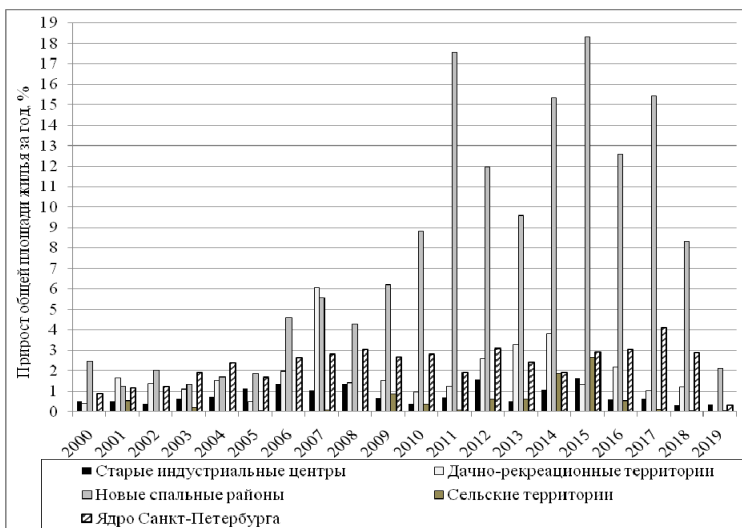

Рис. 3. Динамика роста общей площади жилья в многоквартирных домах по функциональным территориям пригородной зоны Санкт-Петербурга в 2000-2019 гг., в % (1999 = 100).

Наибольшие темпы строительства жилья ожидаемо наблюдаются в *новых спальных районах* — более чем в 4,1 раза за 2000-2019 гг. За этот же период жилой фонд в *старых индустриальных центрах* пригородной зоны увеличился на 17,2%, а в *сельских территориях* — только на 9,0%. В *дачно-рекреационных* городах и посёлках рост общей площади жилого фонда составил +41,5%, а в *городском ядре* Санкт-Петербурга +57,3%. Во всех типах функциональных территорий пригородной зоны, как и в городском ядре, темпы прироста жилого фонда многоквартирных домов значительно превышали темпы прироста численности населения (рис. 4). Это свидетельствует об увеличении площади жилья приходящейся на 1 жителя в новостройках последних лет по сравнению с советским периодом.

В целом, за последние двадцать лет жилой фонд муниципалитетов пригородной зоны увеличился на 45%, при том, что внутри Санкт-Петербургской агломерации наблюдается значительная территориальная дифференциация (рис. 5). Есть основания считать, что в настоящее время

Санкт-Петербургская агломерация находится в процессе перехода от четвёртой к пятой фазе развития (по Дж. Джиббсу).

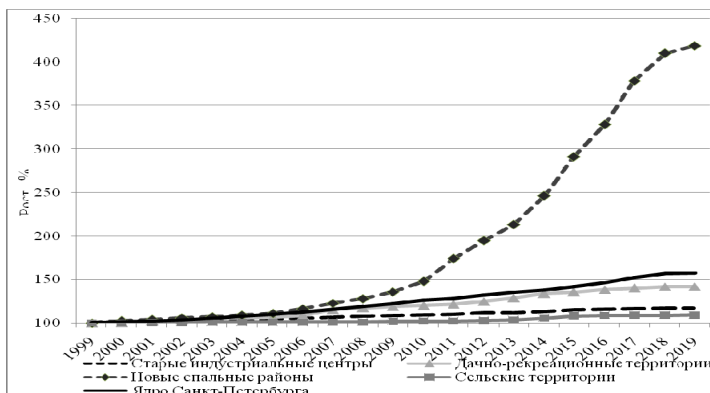

Рис. 4. Темпы прироста общей площади жилья в пригородной зоне Санкт-Петербурга в 2000-2019 гг., %

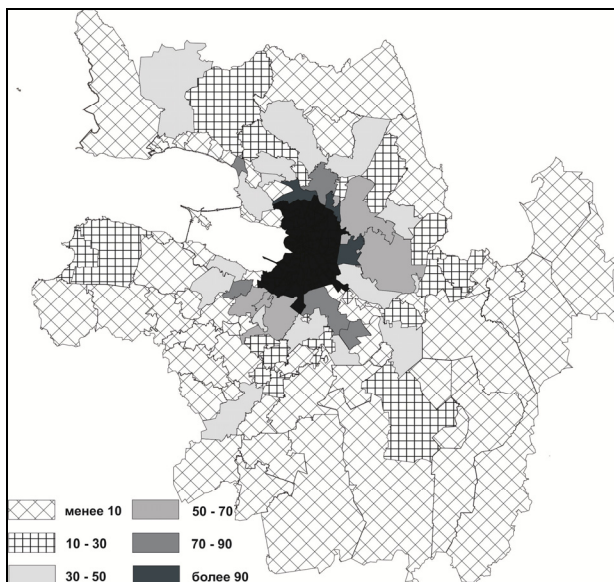

Рис. 5. Удельный вес жилья, построенного в 2000-2019 гг. от общей площади жилого фонда МО, %

Замеры стоимости жилья, сделанные накануне начала пандемии коронавируса (I квартал 2020 г.) показали существенные различия данного показателя между территориями различного функционального типа. Ожидается, стоимость жилья в пригородной зоне достигала наибольших значений в самых престижных городах и поселках, расположенных на побережье Финского залива в Курортном районе Санкт-Петербурга, а также в известном своим дворцово-парковыми комплексами XVIII в. городе Пушкин [1]. Стоимость одного квадратного метра в начале 2020 г. достигала здесь 1300-1500 €, что соответствовало средней стоимости жилья в *городском ядре* Санкт-Петербурга, и было в 1,5-2,0 раза ниже цен на недвижимость в историческом центре города [2]. По мере удаления от границ городского ядра стоимость жилых помещений постепенно снижается: от 1000-1100 €/кв. м в ближних пригородах, до 300-400 € за кв. м, в расположенных на удалении 60-80 км от Санкт-Петербурга сельских муниципалитетах [3].

Между муниципалитетами пригородной зоны Санкт-Петербурга, относящимися к различным функциональным типам, наблюдается значительная дифференциация в стоимости жилья: разрыв между стоимостью 1 кв. м в *сельских территориях* (49,2 тыс. Р = 615 €) и в *дачно-рекреационных поселках* (91,5 тыс. Р = 1144 €) достигает почти двукратной величины (рис. 6). Стоимость жилья в *старых индустриальных центрах* составляет 69,8 тыс. Р (872 €), а в *новых спальнях районах* - 80,2 тыс. Р (1000 €), что делает эти муниципалитеты более доступными для расселения внутрироссийских и иностранных мигрантов, чем районы *городского ядра* Санкт-Петербурга. Но для первой группы муниципалитетов (*старых индустриальных центров*) важным фактором, ограничивающим приток мигрантов, является дефицит рабочих мест.

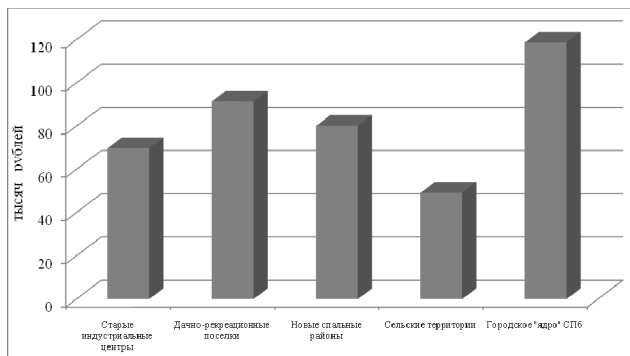

Рис. 6. Стоимость 1 кв. метра жилья по муниципалитетам различных функциональных типов, март 2020, тыс. рублей

Различия в скорости (а где-то — и в направленности) развития пригородных территорий Санкт-Петербурга не исчерпываются динамикой численности населения и состоянием рынка жилья. Более важным является изучение социально-пространственных различий в пределах крупных городских агломераций России, имеющих своим следствием территориальную сегрегацию. Но это тема дальнейшего, более масштабного исследования, которое выходит за рамки данной работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Житин Д.В. Пространственная изменчивость социально-демографической структуры населения Санкт-Петербурга // сб.: Балтийский регион — регион сотрудничества — 2019. Материалы III международной научно-практической конференции: в 2 частях. Под редакцией Г.М. Фёдорова, Л.А. Жиндарёва, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. 2020. с. 137-152.

2. Zhitin D.V., Sechi G., Krisjane Z., Berzins M. 2020, Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet Saint Petersburg and Riga. BalticRegion, Vol. 12, No. 1, p. 85-114. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-6

3. Житин Д.В. Социальная дифференциация в пригородной зоне Санкт-Петербурга // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / под ред. А. Г. Дружинина и В.П. Сидорова. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск, 2021. — с. 440-449.

Dmitry V. Zhitin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF VARIOUS FUNCTIONAL TYPES WITHIN THE ST. PETERSBURG URBAN AGGLOMERATION

***Annotation.** Over the past two decades, the processes of urbanization within the St. Petersburg urban agglomeration have moved to a new qualitative level, characterized by a rapid growth of disproportions in the development of territories of various functional types. In the course of the study, four types of suburban territories were identified, differing both in the dynamics of the population and the situation on the housing market.*

***Keywords:** suburban area, functional type, municipality, St. Petersburg agglomeration.*

ТЕНДЕНЦИИ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** Проведена оценка индекса регионального развития и экологической емкости развития регионов Сибири за период 1990-2019 гг. Анализ полученных результатов позволяет сделать выводы об «отстающем» развитии регионов СФО по сравнению с другими территориями России на фоне роста экологоемкости их экономик. Ухудшение эколого-экономических параметров является, по мнению авторов, следствием низкой инвестиционной привлекательности большинства регионов СФО, высокого износа основных фондов, слабого технического перевооружения предприятий.*

***Ключевые слова:** индекс регионального развития, экологическая емкость, регионы Сибири, эколого-экономическая оценка.*

Повышенный интерес последних лет к евразийскому вектору развития России определяет актуальность общественно-географических исследований азиатской территории страны с позиций оценки потенциала и перспектив развития этого макрорегиона. Объектом данного исследования являются регионы СФО в его современных границах. Для сравнения в ряде случаев рассматривается Тюменская область с округами, которая входит в состав Уральского федерального округа, но в природном отношении — это значимая часть Обь-Иртышского речного бассейна, который их объединяет.

Хозяйственное освоение/развитие Сибири всегда шло за счет эксплуатации ее природных ресурсов и параллельно — загрязнения окружающей среды. По оценкам Роспотребнадзора в 2020 г. крупнейшие промышленные центры — Норильск, Новокузнецк, Омск, Красноярск, Братск — входят в десятку самых загрязненных городов России, а 41 % городского населения СФО проживает в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха. Доля загрязненных сточных вод в общем объеме сбросов в 1,3 раза выше среднероссийского показателя. Поэтому анализ экономического развития регионов Сибири важно сопоставлять с динамикой основных экологических индикаторов состояния окружающей среды.

Методической основой исследования является системно-диалектический подход с применением сравнительно-географических и математико-статистических методов. По официальным материалам Росстата были исчислены суммарные индексы регионального развития и экологической ем-

кости этого развития за 30-летний период — 1990-2019 гг. Для сравнения разноплановой информации использован метод линейной стандартизации.

Суммарный индекс регионального развития рассчитан как среднеарифметическая сумма индексов, отражающих долю отдельных регионов в общеэкономических показателях страны. Среди них: численность населения, валовой региональный продукт, производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, стоимость основных производственных фондов и инвестиции. Спектр показателей может быть расширен.

Индекс экологической емкости регионального развития рассчитан также как среднеарифметическая сумма индексов, отражающих долю отдельных регионов в экологических параметрах. К сожалению, официальная статистика регулярно меняет спектр показателей в свободном доступе, характеризующих состояние окружающей среды, что несколько сокращает возможность их полного учета. В основном доступны показатели выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников и их улавливание; использование свежей воды; объем оборотной и последовательно используемой воды; сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты; затраты на охрану окружающей среды.

Анализ полученных результатов (рис. 1) отражает сокращение суммарного индекса регионального развития практически во всех регионах Сибири. Особенно существенны потери Алтайского края (индекс в 2019 г. составил 68 % от уровня 1990 г.), Республики Хакасия (70 %), Кемеровской (76 %) и Омской (79 %) областей. Общий вклад СФО в экономический потенциал страны сократился на 17 %, что свидетельствует об «отстающем» развитии этих регионов в сравнении с иными территориями РФ. А вот Тюменская область существенно нарастила экономический потенциал: индекс ее регионального развития вырос более чем в 1,5 раза, составив в 2019 г. 152% к аналогичному показателю 1990 г. И хотя ситуация в регионах меняется по годам, общая тенденция сохраняется. Например, на рынке труда отмечаются потери потенциала во всех регионах, кроме Новосибирской и Томской областей, которые в основном сохранили свою долю и по общей численности, и по экономически активному населению. По объему ВРП регионы СФО сократили свой вклад в общероссийский показатель на 28,3 %. Особенно существенны потери Омской области, Алтайского края и Кемеровской области: они составили 45,6; 43,4; 41,9 % соответственно.

Индекс экологической емкости регионального развития показывает, насколько развитие региона «экологично»: чем он выше, тем больше степень воздействия хозяйственной деятельности на компоненты окружающей среды и ее загрязнение. Среди регионов Сибири наибольшие значения отмечаются у Красноярского края, Тюменской, Кемеровской и Иркутской

областей, наименьшие — у республик Алтай, Тыва и Хакасия. За исследуемый период произошли разнонаправленные изменения. Позитивные тенденции наблюдались в республиках Алтай и Тыва, Новосибирской и Омской областях: в них индекс экологической емкости регионального развития уменьшился. Негативные тенденции характерны для Красноярского края, Кемеровской и Томской областей. Региональное развитие Тюменской области отличает высокая экологическая емкость и ее существенный рост — почти в 2 раза за рассматриваемый период.

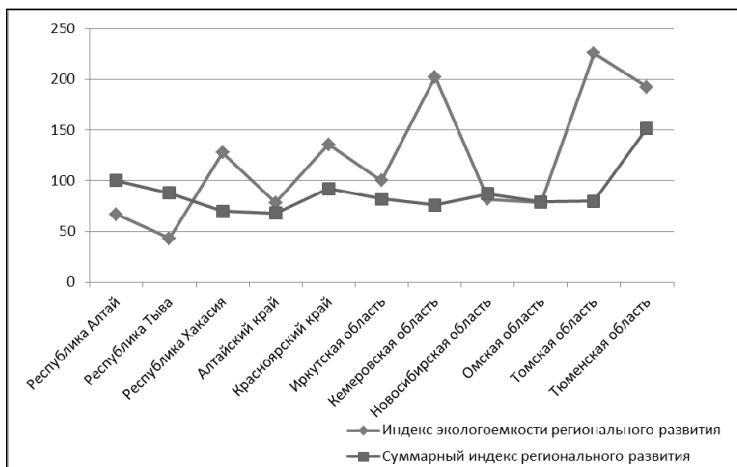

Рис. 1. Изменение индексов регионального развития и его экологической емкости в 2019 г. в % к 1990 г.

Анализ динамики основных компонентов, слагающих индекс экологической емкости (рис. 2), показал существенный рост доли сибирских регионов в выбросах загрязняющих веществ при сокращении их улавливания. Доля объема оборотной и последовательно используемой воды увеличилась к 2000 г., затем постепенно уменьшилась до уровня 1990 г. При этом сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты остается практически неизменным с 1995 г. Выявленные тенденции свидетельствуют о низком уровне внедрения экологически ориентированных технологий на сибирских предприятиях и их недостаточном техническом перевооружении.

Сравнительный анализ динамики индексов регионального развития и его экологической емкости (рис. 1) демонстрирует эколого-экономическую «сбалансированность» регионального развития. Республики Алтай, Тыва и

Новосибирская область улучшили свои позиции в экологическом рейтинге регионов Сибири. Здесь значения индекса регионального развития выше его экологической емкости, что можно объяснить интенсивным развитием отраслей третичного сектора экономики в Новосибирской области и отсутствием загрязняющих промышленных производств — в республиках. А вот развитие остальных регионов сопровождается ростом антропогенной нагрузки и загрязнением окружающей среды. Ухудшение эколого-экономических параметров развития большинства регионов СФО является, на наш взгляд, следствием низкой инвестиционной привлекательности их экономик и, соответственно, высоким износом основных фондов. Так, доля СФО в общероссийских показателях стоимости основных производственных фондов уменьшилась почти в два раза и составила в 2019 г. всего 52 % аналогичного показателя 1990 г., а доля инвестиций — практически на треть, составив 69,8 % от показателя 1990 г. и 9,3 % общероссийского объема инвестиций в основной капитал. В то же время доля основных фондов Тюменской области выросла почти в 1,4 раза и составила 9,4 % от общероссийского показателя. Доля инвестиций в 2019 г. в экономику Тюменской области с округами составила 11 %, выросла по сравнению с 1990 г. на 5,8 %. Хотя в отдельные годы этот показатель колеблется, но не существенно, составляя около 10 %.

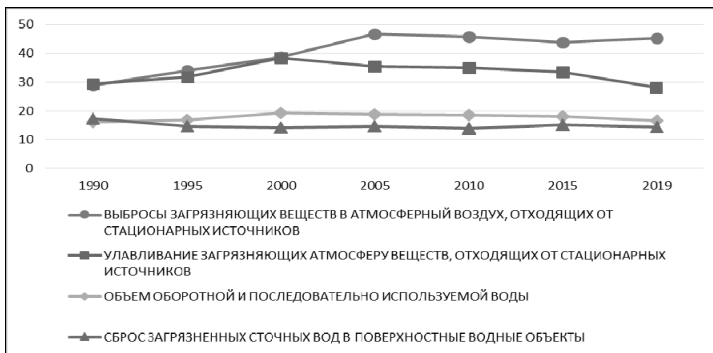

Рис. 2. Доля регионов Сибири в экологических показателях РФ

Проведенный анализ развития сибирских регионов за пореформенные 30 лет показал снижение индекса регионального развития практически всех регионов СФО и одновременный рост экологического индекса. Общий вклад СФО в экономический потенциал страны сократился на 17%, что свидетельствует об «отстающем» развитии сибирских регионов в сравнении с иными территориями России. В то же время Тюменская область с

округами относится к регионам, существенно нарастившим экономический потенциал. Но если индекс регионального развития области вырос более чем в полтора раза, то индекс экологоемкости — почти в два раза, то есть сохраняется экологоемкий тип развития региона.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИВЭП СО РАН (Прокт № 1021032422891-7).

Bella A. Krasnoyarova, Sofia N. Sharabarina

Institute of Water and Environmental Problems SB RAS, Barnaul

TRENDS IN THE ECOLOGICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SIBERIAN REGIONS IN THE SPACE OF RUSSIA

***Annotanion.** The assessment of the index of regional development and the ecological capacity of the development of the Siberian regions for the period 1990-2019 was carried out. The analysis of the obtained results allows us to draw conclusions about the "lagging" development of the SFD regions in comparison with other territories of Russia against the background of the growing ecological intensity of their economies. The deterioration of ecological and economic parameters is, according to the authors, a consequence of the low investment attractiveness of most regions of the SFD, high depreciation of fixed assets, weak technical re-equipment of enterprises.*

***Keywords:** regional development index, ecological capacity, Siberian regions, ecological and economic assessment.*

УДК 913

Куричев Н.К.

*Высшая школа экономики,
Институт географии РАН, г. Москва*

КОНЦЕНТРАЦИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК ФАКТОРЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** Цель работы — осмысление роли в долгосрочном пространственном развитии России ряда фундаментальных процессов: концентрации населения и экономической активности в Московской агломерации, цифровизации и начинающегося энергетического перехода. Эти процессы вызывают противоречивые тренды: цифровизация и институциональные факторы стимулируют стягивание экономической активности в крупнейшие города, а использование территориально распределенных ресурсов стимулирует сохранение освоенности территорий.*

***Ключевые слова:** пространственное развитие, концентрация, цифровизация, энергетический переход.*

Пространственное развитие России в перспективе нескольких ближайших десятилетий определяется масштабными технологическими, институциональными и структурными факторами — как внутренними, так и внешними.

Ключевым внутренним трендом пространственной трансформации России является концентрация населения и экономической деятельности в Московской агломерации, а также в других крупнейших городских агломерациях страны. В населении страны доля Московской агломерации (МА) выросла за 1990-2020 гг. с 10,6% до 14,0%. Чистый миграционный приток в МА составил за это время 6,4 млн человек. На рубеже 2010-х гг. до 60% чистой миграции внутри России оседало в Москве и Подмосковье. На фоне убыли населения страны, это перераспределение остро ощущается в глублинке, которая теряет громадную часть молодежи и людей среднего возраста, в т.ч. наиболее активных и образованных. Сохраняется по меньшей мере 2-кратный отрыв Москвы от средних по стране уровней зарплаты и доходов населения, что в сочетании с разрывом в состоянии инфраструктуры, качестве жизни и карьерных возможностях формирует мощные стимулы для миграции в столичный регион.

Дальнейшей концентрации населения и экономической активности способствуют цифровизация, которая резко увеличивает возможности удаленного управления бизнес-процессами. Компании переходят от сети сравнительно автономных региональных филиалов к модели единого центра принятия бизнес-решений, а роль местных филиалов сводится к узким производственным задачам или непосредственному обслуживанию клиентов. Данная тенденция, тесно взаимосвязанная с процессами монополизации российской экономики, проявляется в разных отраслях: в розничной торговле по мере проникновения на локальные рынки крупнейших сетей, в девелопменте по мере экспансии крупнейших застройщиков, в сельском хозяйстве по мере увеличения доли агрохолдингов, в сфере услуг. Эти тенденции ведут к концентрации центров принятия решений в одном месте, в случае России — почти всегда в Москве, где уже сейчас сосредоточены штаб-квартиры 225 из 400 крупнейших компаний страны [1]. Для компаний единый центр обработки данных и принятия решений обеспечивает наилучшее быстроедействие, «время отклика», надежность и информационную безопасность.

Развитие сетей мобильной связи пятого поколения (5G) и взаимосвязанное с ними развитие «интернета вещей» станет фактором дальнейшей концентрации современных видов экономической активности в ограниченных локальных зонах [2]. Каждое следующее поколение мобильной связи для повышения скорости передачи данных использует более высокие ча-

стоты, что приводит к снижению дальности связи с базовой станцией. Уже сейчас мобильная связь 3-4-го поколения (3G/4G) является обязательным условием для развития современной постиндустриальной экономики — деловых услуг, медиа и коммуникаций и т. д. В России связь 4G доступна только в крупных городах, их пригородных зонах и вдоль крупнейших магистралей, фактически повторяя контуры основной полосы расселения без зоны «внутренней периферии» регионов. Зоны покрытия сети 5G будут еще более ограничены и, возможно, не охватят даже окраины городских агломераций. Развитие интернета вещей и его внедрение в производство приведут к тому, что для любых технологических процессов доступность высокоскоростного интернета станет обязательной. Такая экономика приобретет выраженный очаговый характер в крупных городах и вдоль крупнейших магистралей. Усилится роль невидимой, но важной границы между «зоной высокоскоростного доступа», в пределах которой функционирует высокотехнологичная экономика, и «зоной низкоскоростного доступа», где она функционировать не может, что уже сейчас оказывает влияние на развитие и делимитацию городских агломераций [3].

Данные процессы усиливаются с оттоком наиболее качественного человеческого капитала из регионов России в Московскую агломерацию и в другие крупнейшие города, что ведет к примитивизации региональных и локальных экономик, где остается только ограниченный круг функций, востребованных компетенций, возможностей для рыночной занятости с низкими уровнями оплаты труда. Это ограничивает потенциал технологического развития, предпринимательства, структурной трансформации регионов.

С другой стороны, одним из важных факторов пространственной трансформации России в XXI веке будет энергетический переход в мировой экономике и неизбежное в долгосрочной перспективе снижение использования ископаемого топлива. Для России он станет крупнейшим вызовом из-за высокой зависимости экспорта и энергоснабжения от ископаемого топлива, а сокращение «углеродной ренты» изменит условия пространственного развития страны. Многие регионы и города России (в частности, моногорода) уязвимы для шоков, связанных с климатической политикой и энергетическим переходом, поскольку в их экономике углеродоемкие отрасли играют ключевую роль. Но трансформация мировой экономики открывает перед Россией и новые возможности, связанные с использованием обширных территориально распределенных ресурсов. Помимо земельных, почвенно-климатических, водных, лесных ресурсов (по сравнению с месторождениями ключевых полезных ископаемых, сравнительно равномерно распределенных по территории), в перспек-

тиве могут возникнуть и механизмы монетизации экосистемных услуг [4], предоставляемых обширными территориями России, сравнительно слабо затронутыми человеческой деятельностью. Примером таких механизмов являются первые лесоклиматические проекты, монетизирующие дополнительные усилия по увеличению поглощения CO₂. Но для реализации потенциала территориально распределенных ресурсов, которые становятся все более дефицитными в мировой экономике, необходим определенный минимальный уровень освоенности территории. Без этого условия (дороги, связь, энергоснабжение, социальный контроль над территорией, базовая рыночная и социальная инфраструктура в опорных населенных пунктах, определенный уровень изученности территорий и мониторинга состояния природной среды) невозможно продуктивное ведение ни сельского, ни лесного хозяйства, ни развитие туризма.

Таким образом, цифровизация и институциональные факторы способствуют дальнейшей концентрации населения и экономической активности в Московской и немногих других крупнейших агломерациях, что ведет к деградации сложившейся системы расселения. С другой стороны, использование территориально распределенных ресурсов становится одним из ключевых естественных преимуществ России в XXI веке, но требует определенного уровня освоенности и развития территорий. В связи с этим задача освоения или ре-освоения территорий становится одной из ключевых в долгосрочной пространственной политике страны, и для нее появляются экономические стимулы и ресурсы. Фактически складываются предпосылки для новой волны ресурсного освоения территорий России, определяемой потребностями мировой экономики, и формирования соответствующих систем расселения, как это было и в 17-20 веках [5].

Исследование выполнено в рамках темы государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рейтинг Эксперт-400 по результатам 2020 год. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2021/43/spetsdoklad/41/>
2. Werner, P.A. and Porczek, M., 2019, July. Spatial patterns of development of mobile technologies for 5G networks. In International Conference on Computational Science and Its Applications (pp. 448-459). Springer, Cham.
3. Блануца В.И. Территориальная структура цифровой экономики России: предварительная делимитация «умных» городских агломераций и регионов. Пространственная экономика. 2018/ № 2, с. 17-35. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2018.2.017-035>
4. Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Том 2. Био-разнообразие и экосистемные услуги: принципы учёта в России / Сост.: Е.Н. Буква-

рёва; Ред.: Е.Н. Букварёва, Т.В. Свиридова. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2020. 252 с.

5. Савченко А.Б. Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013;(2):7-18. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2013-2-7-18>

Nikolay K. Kurichev

*Higher School of Economics, Institute of Geography
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

CONCENTRATION, DIGITALIZATION AND ENERGY TRANSITION AS LONG-TERM DRIVERS OF SPATIAL DEVELOPMENT

***Annotation.** The study aims to conceptualize the role of several fundamental processes in long-term spatial development of Russia, i.e., the concentration of economic activity in Moscow, digitalization and the energy transition. These processes cause contradictory trends. Digitalization, as well as current institutional conditions, leads to further concentration of economic activity in a few major cities. But the use of spatial distributed resources leads to the reclamation of the vast abandoned territories.*

***Keywords:** spatial development, concentration, digitalization, energy transition.*

УДК 911.5

Кушнир К. В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЯРИЗОВАННЫХ ЛАНДШАФТОВ РОССИЙСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

***Аннотация.** Особенностью пространственного развития территорий Российского Приазовья является выраженная поляризация с негативной тенденцией к усилению разрыва в показателях туристско-рекреационного развития. Основными факторами поляризации в Российском Приазовье является неравномерная обеспеченность природными ресурсами, неравномерное размещение трудовых, материальных, финансовых и других ресурсов. Поляризация ТПС Российского Приазовья требует решений по построению рационального сценария развития региона с помощью формирования функциональных туристско-рекреационных зон.*

***Ключевые слова:** поляризованный ландшафт, пространственное зонирование, Российское Приазовье*

Для решения противоречивых представлений о пространственной организации внутрирегиональных территорий Российского Приазовья автор предлагает использовать принцип Б.Б. Родмана о поляризованном ландшафте [1]. Он представляется крайне адаптивным поскольку поляризация территориальной туристско-рекреационной системы в Российском Приазо-

вые являет собой устойчивую во времени и пространстве неравномерность освоения территории региона, неравномерность размещения предприятий туристской отрасли, и как следствие — усиление антропогенного воздействия на определенных территориях.

В ходе интерпретации результатов комплексных исследований азовского побережья России [2,3,4], автором выделены 6 видов поляризации. Принимая во внимание туристско-рекреационную поляризацию, следует отметить, что в пространственном аспекте она представляет собой явление рекреационной географии и региональной экономики, обусловленное не только различиями в уровне развития индустрии туризма, но также различиями в моделях управления туристским сектором и целевых показателей развития туризма.

Различия в туристско-рекреационном потенциале муниципальных территорий РП определяют поляризационный эффект развития туристско-рекреационной системы территории. Среди основных факторов, которые позволяют обозначить поляризационный эффект в РП — неравномерное распределение природно-ресурсного потенциала, связанного с качеством береговой линии Азовского моря, морфологическими характеристиками пляжей [2]; социально-экономические и инфраструктурные факторы, демографический фактор. Исследование показало, что основные человеческие, в том числе экономически активные трудовые ресурсы региона сегодня сконцентрированы в Восточном Приазовье.

Существующие ландшафтные, социально-экономические и экологические контрасты представляется возможным трансформировать из источника диспропорций в средство формирования экологически целесообразной территориальной организации. В условиях современной территориальной организации туризма в Российском Приазовье следует опираться не только на наиболее приоритетное функциональное соответствие ландшафтной среды, но и учитывать позиционный принцип географического расположения, руководствоваться принципом «поляризованного ландшафта» [1].

Основываясь на результатах многолетних исследований региона, автор определяет следующую функциональную модель организации поляризованных ландшафтов в Российском Приазовье, сопряженную с его туристско-рекреационным освоением (см. рис. 1):

1. Не урбанизированные, не освоенные территории в туристско-рекреационном плане. Исключение составляют Казантипский и Арабатский заливы, на территории которых частично организована рекреационная деятельность. Территории 1-й зоны рекомендуется использовать для сохранения природного ландшафта (создание зон сезонного отдыха с экстенсивной умеренной эксплуатацией). Кроме того, в пределах этих территорий

целесообразно располагать научные станции, как реперные точки в программах познавательного, образовательного и экспедиционного туризма.

2. Территории с выгодным экономико-географическим положением, но с активными абразионно-оползневыми процессами в береговой зоне. Также в эту зон следует отнести территории приазовских лиманов и плавней. Территории этой зоны следует использовать для организации туристско-рекреационной деятельности с созданием искусственного концептуального рекреационного ресурсного багажа. Учитывая небольшую площадь таких земель, целесообразно использовать эти территории для организации ленточных заповедников.

3. Участки с выраженной антропогенной нагрузкой. Их необходимо дифференцировать и предусмотреть фрагментарное восстановление природного ландшафта, создав необходимые ландшафтные коридоры и ленточные заповедники.

Функциональная организация поляризованных ландшафтов Российского Приазовья		
ЗОНА № 1 Не урбанизированные, не освоенные в туристско-рекреационном плане территории → природные парки	ЗОНА №2 2.1. Территории с выгодным ЭПП, но активными абразионно-оползневыми процессами в береговой зоне 2.2. Территории лиманов, плавней → ленточные заповедники	ЗОНА № 3 Территории с выраженной антропогенной нагрузкой → ландшафтные коридоры
Косы: Беглицкая, Семенова, Петрушина; Глафиrowsкая (Найденная), Камышевская, Ясенская; Дельта Кубани: Территория примыкающая к Темрюку; Побережье от п. Курортного до п.Юркино, побережье Казантипского и Арабатского заливов.	Балки и устья малых рек: Чумбурка, Самбек, Очаковская; Абразионно-оползневые берега: п. Пересьпь, Кучугуры; Лиманы и плавни: дельта р. Кубань, лиманы Сладкий, Горький, Кущеватый, Долгий, берега оз. Сиваш.	побережье Таганрога; Павло-Очаковская коса, Кагальник, Чумбурская коса, Ейская коса, Должанская коса, береговая зона Приморско-Ахтарска, Голубицкая, п. Ильича, коса Чушка, п. Щелкино, Золотой, Курортное Нижнезаморское

Рис. 1. Функциональные ландшафтные зоны в Российском Приазовье
Составлено автором

Наиболее отчетливой пространственной структурой в территориальной туристско-рекреационной системе Российского Приазовья, представляющей ландшафтные рубежи контрастности [2,3,4], является береговая линия Азовского моря. Ее природно-географические и морфологические характеристики. Именно они обосновывают причины неравномерного освоения побережья [1]. При этом следует рассматривать функциональное назначение и прилегающих к берегам территорий в административных границах муниципальных районов. Это позволит представить функциональные зоны комплексно и реализовать эту концепцию на практике с помощью муниципальных административных структур.

Понимая природные и антропогенные различия в Российском Приазовье, рекомендуется использовать поляризацию геопространства в интересах территориального развития региона. Такая организация сглаживает полярные элементы, при этом оставляя контрастные территории, создает зоны декультивации и регенерации естественных природных условий. По мнению автора, этот подход позволяет решить дилемму и соблюсти баланс в сценариях территориального развития внутрирегиональных территорий Российского Приазовья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера // Сборник статей. Смоленск: Изд. «ОЙКУМЕНА», 2002. С. 19–29.
2. Ivliyeva O.V., Kushnir K.V. Ecological and geomorphological assessment in the structure of natural potential for the Russian coast of the Azov Sea // 2019 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 320 012023, p. 1–5.
3. Кушнир К.В. Параметрическая оценка туристско-рекреационного потенциала муниципальных территорий // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Естеств. науки. 2020. N 4. С. 82-87. DOI 10.18522/1026-2237-2020-4-82-87
4. Кушнир К.В. Туризм специальных интересов в региональном контексте (на примере Российского Приазовья) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021 Т.15. N2. С. 27-35. DOI:10.24412/1995-0411-2021-2-27-35

Ksenia V. Kushnir

Southern Federal University, Rostov-on-Don

SPATIAL ORGANIZATION OF THE RUSSIAN AZOV SEACOAST'S POLARIZED LANDSCAPES

***Annotation.** Specific feature of the spatial development of the Russian Azov region's territories is pronounced polarization a negative tendency to strengthen the gap by indicators of tourist and recreational development. The main factor of polarization in the Russian Azov Sea region is the uneven availability of natural resources. In addition, spatial heterogeneity of territories is associated with uneven placement of labor, material, financial and other resources. The polarization of the territorial tourism and recreational sys-*

tem of the Russian Azov Sea region requires decision to build a rational scenari of or the regional development by forming functional tourism and recreational zones.

Keywords: *polarized landscape, spatial zoning, Russian Azov Sea coast.*

УДК 911.37

Лекомцев А. Л.

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ УДМУРТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. *Приведены результаты процесса трансформации функций сельских населенных пунктов Удмуртии в постсоветский период. Выделены новые функции сельских поселений. Описана методика определения функций населенных пунктов.*

Ключевые слова: *сельские населенные пункты, функции населенных пунктов, изменение функций населенных пунктов.*

Авторы, изучающие функции сельской местности, отмечают значительную трансформацию функций сельских населенных пунктов в постсоветский период. В частности, Е.С. Гусева отмечает появление в сельской местности все большего числа объектов, которые никак не связаны с данной сельской территорией, активную индустриализацию села, а также массовое превращение сельских поселений в коттеджные и дачные поселки [1].

Необходимость изучения функций сельских населенных пунктов и их трансформацию с течением времени можно связать с тем, что они напрямую коррелируют с условиями жизнедеятельности людей, их занятостью, доходами, уровнем жизни и многим другим [2]. В зависимости от функций населенных пунктов в них происходят различные социально-экономические процессы. Ярким примером может служить разница в социально-экономическом положении лесохозяйственных (или торфодобывающих) и сельскохозяйственных поселений Удмуртии в 90-е годы XX века, когда промышленные предприятия первых практически перестали существовать в отличие от большинства агропроизводителей. Несомненно, подобные социально-экономические процессы оставляют серьезный отпечаток на демографических характеристиках населения территории, прежде всего, изменяя его половозрастной состав. Так, если социально-экономическое положения села можно назвать благополучным, то отток населения, в частности его молодой части, будет не столь стремительным, как в поселениях с неблагополучной обстановкой [3].

Основой для определения функционального типа сельского поселения, как и полагается, послужила структура занятости населения. По данным справочника «Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление.» [4], были проанализированы все населенные пункты Удмуртии, а после, расписаны их преобладающие функции на 1980 год. Основной народнохозяйственной функцией сельской местности на 1980 г, несомненно, была сельскохозяйственная (производство сельскохозяйственной продукции). Кроме того, были выделены: транспортная, здравоохранения (рекреационная), образовательная, а также промышленная. Крупный блок промышленных функций был разделен, отдельно отмечены: функция добычи и производства строительных материалов; торфодобывающая функция; лесная или лесохозяйственная; текстильная и пищевая.

Для того чтобы выявить, какие функции выполняют поселения Удмуртии в 2020 г., были рассмотрены такие их характеристики, как: динамика численности населения; возрастная структура населения; доля трудоспособного населения, работающего вне данного населенного пункта и доля работающих в другом субъекте России и, конечно, наличие сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Путем сопоставления функций сельских населенных пунктов Удмуртии за 1980 г. и 2020 г. были определены некоторые результаты трансформации функций сельских населенных пунктов Удмуртии в постсоветский период:

- Количество сельских населенных пунктов с 1980 по 2020 год сократилось с 2569 до 1958;
- К 2020 г. значительно увеличилось количество мелких населенных пунктов с численностью до 50 человек, но также возросло количество крупных поселений с численностью более 1000 человек;
- В 1980 году было выделено 10 функций, а в 2020 году количество функциональных типов увеличилось до 16;
- К 2020 году уменьшилось количество поселений с сельскохозяйственной функцией;
- Пищепромышленная функция наряду с сельскохозяйственной в настоящее время присвоена почти 50 населенным пунктам, в то время, как в 1980 году их было всего два;
- Количество населенных пунктов с лесохозяйственной функцией, осталось на неизменном уровне, при этом часть Советских поселений исчезло, но появились новые.
- Транспортная функция, остается присущей тем же поселениям, что и в 1980 г., однако стоит отметить резкое сокращение количества самых мелких поселений с данной функцией, которые в разное время именовались «Казармы» или «Дома» на соответствующем километре путей;

- Образовательную функцию имело небольшое количество поселений и с 1980 г. их число сократилось до 1;

- Поселений с функцией рекреации и здравоохранения стало больше, сейчас такие поселения представлены домами отдыха, санаториями и спортивно-туристическими комплексами;

- Один из новых функциональных типов — пригородные поселения, в таких населенных пунктах практически отсутствует занятое в сельском хозяйстве население, они расположены близи городов и крупных поселков, а большая часть населения работает не в своем населенном пункте;

- Также была выделена «пензионерская» функция в связи с достаточно большим количеством населенных пунктов с абсолютным преобладанием (более 90%) населения старше трудоспособного возраста в них. Она характерна для мелких населенных пунктов численностью до 50 человек;

- Еще одной разновидностью, были выделены поселения с преобладанием среди жителей, работающих вахтовым методом. В основном это небольшие населенные пункты в периферийных районах, где отсутствуют крупные сельскохозяйственные организации.

Также многие крупные сельские населенные пункты не отграничиваются одной определенной функцией, а имеют несколько, то есть они многофункциональны. В основном, это центры Муниципальных образований и бывшие поселки городского типа.

В зависимости от функций населенных пунктов в них происходят различные социально-экономические процессы. Ярким примером может служить разница в социально-экономическом положении лесохозяйственных (или торфодобывающих) и сельскохозяйственных поселениях Удмуртии в 90-е годы XX века, когда промышленные предприятия первых практически перестали существовать в отличие от большинства агропроизводителей, с трудом, но переживших годы экономического кризиса. Несомненно, подобные социально-экономические процессы оставляют серьезный отпечаток на демографических характеристиках населения территории, прежде всего, изменяя его половозрастной состав [5]. Таким образом, изучение функционального типа сельских поселений может стать основой для характеристики их современного социально-экономического положения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гусева Е.С. Трансформация функций сельской местности Подмосковья за 20 лет рыночных преобразований // Региональные исследования. 2012. №2 (36). С. 47–58.

2. Гаева И.В. Влияние природного и историко-геополитического факторов на изменение функций сельских населенных пунктов Еврейской автономной области // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 336. С. 132-135.

3. Лекомцев, А. Л. Некоторые подходы к изучению социально-экономических факторов динамики численности сельского населения Удмуртии [Электронный ресурс] / А. Л. Лекомцев // Пространственная организация общества: теория, методология, практика : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (7-11 нояб. 2018 г.) / М-во науки и ВО РФ, ФГБОУ ВО "Перм. гос. нац. исслед. ун-т" ; под ред.: Т. В. Субботиной, Л. Б. Чупиной. Пермь, 2018. С. 450-452.

4. Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление. Ижевск: Удмуртия, 1980. 144с.

5. Лекомцев А.Л. Социально-экономические факторы развития сети систем расселения Удмуртии // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования. материалы международной научной конференции в рамках X научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Ассоциация российских географов-обществоведов. 2019. С. 172-175.

Alexander L. Lekomtsev,

Udmurt State University, Izhevsk

TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONS OF RURAL SETTLEMENTS IN UDMURTIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

***Annotation.** The results of the process of transformation of the functions of rural settlements in Udmurtia in the post-Soviet period are presented. New functions of rural settlements are highlighted. The technique for determining the functions of settlements is described.*

***Key words:** rural settlements, functions of settlements, change in the functions of settlements.*

УДК 330.34: 316.4(082)

Павлов К. В.

*Полоцкий государственный университет,
г. Полоцк, Республика Беларусь*

ОСОБЕННОСТИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ПАТОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ И ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация:** Определяются основные факторы развития белорусской экономики как негативного, так и позитивного характера, а также предлагаются направления формирования эффективной организационно-экономической среды использования инновационных цифровых технологий, как условие роста производительности экономики.*

***Ключевые слова:** новые патологические вызовы, процессы цифровизации, Республика Беларусь, социально-экономические особенности, факторы развития.*

В последнее время существенно возрос уровень неопределенности и изменчивости организационно-экономической и экологической среды. Особенно это стало очевидным в условиях пандемии COVID-19, когда даже в развитых странах уровень ВВП сократился на 7-8 %, усилилась социальная напряженность в обществе, а вместе с этим возросла и вероятность возникновения так называемых цветных революций со всеми вытекающими отрицательными последствиями. В народно-хозяйственном комплексе Республики Беларусь, как и во многих других странах, особенно сильно снизился уровень развития услуг (сфера туризма, транспортное сообщение и т.д.), хотя в целом уровень снижения ВВП здесь был не столь существенен, как в большинстве развитых стран. Связано это с мерами государственного регулирования, принятыми правительством страны.

Все эти негативные явления, нередко называемые вызовами современного мира, обобщенно можно назвать **патологиями** социально-экономического и экологического характера (этот термин образован от греческого «патос», что означает болезнь). Учитывая, что в последние десятилетия на разных уровнях общественной иерархии участились всевозможные кризисы, которые весьма болезненно переживаются населением, представляется, что развитие различного рода патонаук является весьма актуальным. И речь здесь идет не только об известных традиционных науках медико-биологического характера (патоанатомии, патопсихологии, патофизиологии и т.п.), но и о новых научно-учебных дисциплинах общественного характера. Начиная с 90-х годов XX века автор в ряде научных работ уже высказывал идею о целесообразности возникновения и развития такого рода патонаук [1], которые было предложено называть патоэкологией [2], патоэкономикой [3] и пр.

Влияние пандемии COVID-19 на функционирование социально-экономической системы практически всех стран мира воочию показало, насколько серьезно может быть влияние патогенных факторов на систему общественного воспроизводства, на сколько может измениться функционирование так называемой нормальной социально-экономической и экологической системы вплоть до появления общественных закономерностей патологического типа.

Однако наряду с негативными факторами на функционирование общественных систем большое влияние оказывают и прогрессивные факторы, особенно связанные с передовыми технологиями и другими направлениями современного научно-технического прогресса. Таким образом, равновесное функционирование общества в значительной мере зависит от соотношения (даже можно сказать — от противодействия) этих двух групп факторов — патологических вызовов современного мира и факторов, связанных с НТП.

В настоящее время к последней группе относятся процессы цифровизации общества на разных уровнях управленческой иерархии.

Таким образом, факторы общественного развития и возникающие вследствие их действия социально-экономические тенденции с достаточной степенью условности можно разбить на две большие группы. К первой группе следует отнести факторы и тенденции негативного характера, связанные с действием всевозможных патологий (экономических, социальных, экологических, территориальных, правовых и т.п.), отрицательно влияющих на функционирование воспроизводственной системы. Ко второй группе, наоборот, можно отнести позитивные факторы и тенденции, прежде всего связанные с прогрессивным влиянием НТП и таким его перспективным направлением, как цифровизация общества.

Проведенный анализ свидетельствует, что в обозримой перспективе влияние этих двух групп факторов и тенденций окажет существенное воздействие на уровень равновесия и устойчивости общественных систем, во многом определяет динамику и перспективы развития социума и его различных составляющих. От того, какая из этих двух групп факторов и тенденций возобладает, во многом и будет зависеть состояние общественного устройства: будет ли оно деградировать или, наоборот, прогрессировать и развиваться. Очевидно, что от этого зависит динамика многих важнейших экономических показателей – уровня и темпов роста ВВП, качества жизни, инфляции и многих других значимых параметров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лузин Г.П. Патоекономика: задачи, проблемы, направления исследований. Монография / Г.П. Лузин, К.В. Павлов. Апатиты: Изд-во Кольского НЦ РАН, 1995. 111 с.
2. Павлов К.В. Патологические процессы в эколого-экономической сфере: монография / К.В. Павлов. Германия: Изд-во LAP LAMBERT, 2011. 438 с.
3. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике: монография / К.В. Павлов. М.: Магистр, 2009. 461 с.

Konstantin V. Pavlov

Polotsk State University, Polotsk, Republic of Belarus

FEATURES AND FACTORS OF DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN ECONOMY UNDER THE CONDITIONS OF NEW PATHOLOGICAL CHALLENGES AND DIGITALIZATION PROCESSES

Annotation. The main factors of the development of the Belarusian economy, both negative and positive, are determined, and directions for the formation of an effective

organizational and economic environment for the use of innovative digital technologies are proposed as a condition for the growth of economic productivity.

Key words: new pathological challenges, digitalization processes, the Republic of Belarus, socio-economic characteristics, development factors.

УДК 911

Преображенский Ю. В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

КАРКАСНЫЙ И СЕТЕВОЙ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПРИРОДНЫХ СИСТЕМ

***Аннотация.** В современном научном географическом дискурсе для анализа структуры пространственных общественных систем активно применяются каркасный и сетевой подходы. Однако не сложилось общего понимания касательно их сходств и различий. В настоящем тексте представлена попытка разграничить два данных подхода на основании функции каркаса и сети, а также их структуры.*

***Ключевые слова:** каркасный подход, сетевой подход, каркас, сеть, пространственные общественно-природные системы*

П.Я. Бакланов группирует все элементы географического пространства в пять типов, среди которых узлы, линейные элементы, ареалы, сети и районы. Сети в его понимании «образуются пересечением ряда взаимосвязанных линейных образований и узловых» [1, с. 10]. При этом, если суммировать теоретическое представления о каркасе, его можно описать такими же словами. Последнее обуславливает правомерность вопроса: в чём разница между сетью и каркасом? Попробуем ответить на него.

Понятие «сеть» уже несколько десятилетий присутствует в географическом дискурсе. В понятийно-терминологическом словаре Э.Б. Алаева под ней понимается «группа объектов одного вида, квалифицированная степенью упорядоченности их размещения на данной территории (с точки зрения размерности, плотности)» [2, с. 55]. При этом термин «сеть» у Э.Б. Алаева по определению географичен, это всегда территориальная (или акваториальная) сеть.

В словаре-справочнике географических терминов от 2013 года отдельной статьи, посвящённой сети, нет, есть статья «Сетевые и иерархические структуры в экономике», в которой говорится о том, что «...современные формы объединения в сетевые структуры в экономике связаны с достаточно четким разделением труда в пространстве» [3, с. 231]. Это приближает понятие сети к понятию цепочки добавленной стоимости. П.Я. Бакланов, рассуждая о современной кластерно-сетевой территориальной структуре

хозяйства, пишет о «...линейно-узловых структурах и сетях, формируемых практически каждым предприятием из ... кластеров в процессе получения ресурсов и реализации готовой продукции и услуг в форме соответствующих рыночных структур» [4, с.10], т.е. понимает под сетями экономические образования.

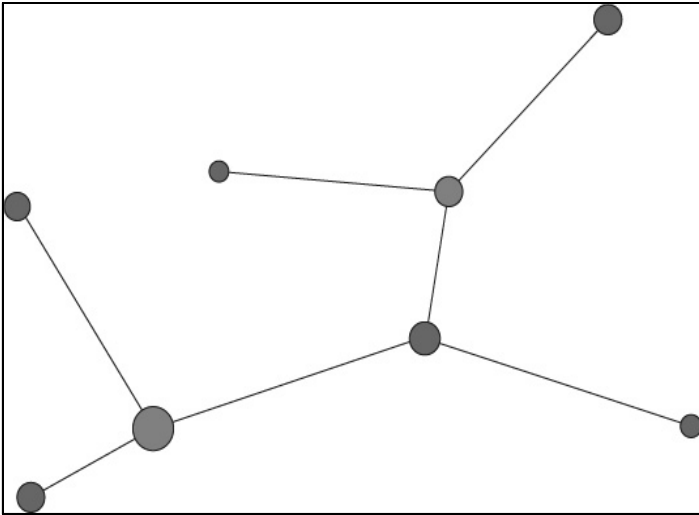
В отечественной литературе, на наш взгляд, не сложился консенсус по поводу того, что считать сетью. Так, В.И. Блануца в таком качестве рассматривает и почтовую сеть [5], и интернет [6]. Устоялось выражение транспортная сеть, однако примеров её исследования с позиции собственно сетевого подхода не столь много. Отметим прежде всего здесь монографию С.А.Тархова [7].

Каркасный подход позволяет выделять наиболее существенные элементы пространственной общественно-природной системы (ПОПС), некий скелет, поддерживающий функционирование и развитие последней. Каркасы расположены в географическом пространстве, поэтому интерес представляет исследование тех частей, которые были обособлены, фрагментированы в результате формирования линейных элементов. Например, можно рассматривать достаточность площади, ограниченной элементами каркаса, для формирования ООПТ, в более узком плане — для выделения ареала, достаточного для жизнедеятельности того или иного вида фауны (известно, что, чем крупнее животное, тем больший по площади ареал требуется ему для питания и размножения). Рассматривая же сети, мы не обращаем внимание на пространство между её линейными элементами.

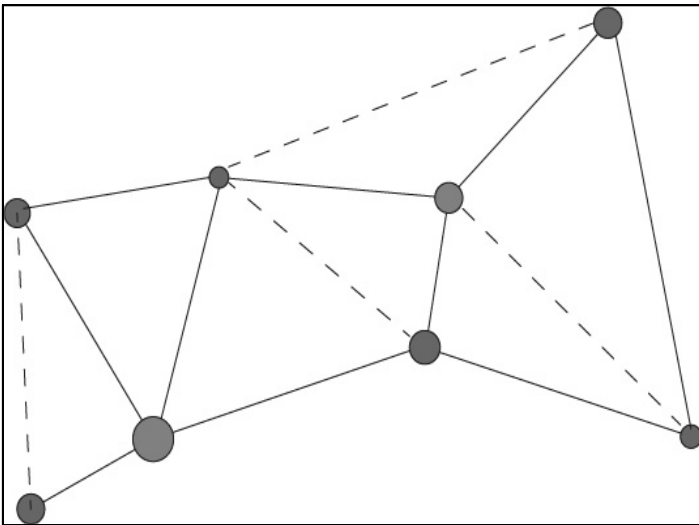
В большинстве известных нам работ различных типов каркасы даются в текущем моменте, генезис и будущее их формирования, как правило, остаются за пределами исследования (обратный пример — статья [8]). Вместе с тем, рассмотрение каркаса как динамичной во времени категории представляет существенный интерес для вскрытия внутренних противоречий в ПОПС и прогноза её развития. Можно говорить о завершённой и незавершённой структуре каркаса (см. примеры на рисунках 1 и 2).

Завершённый каркас (в котором все или почти все ядра соединены между собой) в большей степени фрагментирует территорию, чем незавершённый, характерный прежде всего для районов пионерного основания.

Если каркас можно наблюдать на картах, космоснимках, то в отношении сети это возможно только с помощью ГИС, когда ядра сети и потоки между ними визуализированы. В результате, когда мы говорим про каркас, то обращаем внимание на те физико-географические, ландшафтные предпосылки, которые определяют ту или иную его конфигурацию. Большое влияние на зарождение узлов и формировании линейных связей каркаса оказывают природные рубежи контрастности. Поэтому каркас сложно отделить от физико-географической основы, на которой он формируется.

Рис. 1. Незавершённый (формирующийся) каркас

Рис. 2. Завершённый каркас
(пунктиром показаны потенциальные оси)

В свою очередь для сети среда важна в меньшей мере. Для описания свойств сети часто прибегают к её анализу в качестве графа. Так, говоря о сети, мы обращаем внимание на такие её ключевые свойства, как показатель степени влияния (*eigenvectorcentrality*) ядер, плотность и модульность графа.

Это говорит о том, что сети имеет смысл рассматривать в специфическом сетевом пространстве (здесь мы ставим под сомнение определение Э.Б.Алаева), для которого важны не расстояния, а показатели связности и роли узлов. Другим следствием разной степени проявленности в географическом пространстве будет являться различие в скорости трансформации линейно-узловой структуры.

В рамках каркасного подхода на определённом этапе комплексного анализа неизбежно наложение каркасов разного типа. Так, урбанизированный каркас в большинстве случаев будет антагонистичен природно-экологическому каркасу, разные ситуации складываются при наложении на исследуемую территорию историко-культурного каркаса. В рамках сетевого подхода наложение сетей разных типов может быть рассмотрено, но такой анализ нуждается в теоретическом развитии.

Другим отличием двух подходов является то, что для структуры сети представляет важность направление связей между узлами. С этой позиции различают горизонтальные и релятивные сети. Признаком иерархической структуры (для которой характерны вертикальные связи) являются односторонние связи (ориентированные рёбра) от узлов нижнего ранга к более высоким. Каркас с таких позиций не рассматривается.

Суммируя вышесказанное, обозначим ключевые отличия каркасного подхода от сетевого (таблица).

Таблица

Ключевые отличия при применении каркасного и сетевого подхода

<i>Свойства линейно-узлового образования</i>	<i>Каркас</i>	<i>Сеть</i>
Натурная (географическая) выраженность	Ярко проявляется	Не проявляется
Скорость трансформации	Низкая	Высокая и очень высокая
Ориентация (направление) связей между узлами	Не фиксируется	Может фиксироваться (иерархические сети)

Каркасный подход в современных (и вероятно, будущих) российских реалиях представляет большую эвристическую ценность с учётом поляризации социально-экономического пространства в пределах как раз прежде всего урбанизированного каркаса [9], сетевой — при исследовании цепочек добавленной стоимости и пространственного взаимодействия индивидов.

Таким образом, основным выводом настоящей работы является то, что хотя и каркас, и сеть являются линейно-узловыми структурами, примененные соответствующих подходов в исследовании ПОПСбудет существенно отличаться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакланов П.Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 5. С. 7-18.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география : Понятийно-терминологический словарь. / Э. Б. Алаев. М.: Мысль, 1983. 290 с.
3. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
4. Бакланов П.Я. Новые тенденции в территориальной организации хозяйства на этапе перехода к постиндустриальному обществу // В сборнике: Социально-экономическая география — 2011: теория и практика. материалы международной научной конференции. Ассоциация российских географов-обществоведов; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 2011. С. 9-11.
5. Блануца В. И. Типология региональных почтовых сетей досоветской Сибири // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 143-150.
6. Блануца В. И. Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // География и природные ресурсы. 2012. № 1. С. 5-13.
7. Тархов С.А. Анализ топологических дефектов сухопутной транспортной сети регионов Сибири и Дальнего Востока // Региональные исследования. 2019. №3. С. 53–62. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-3-5>
8. Кириллова С.А. Эволюция пространственного каркаса от экономического к туристическому опорному каркасу // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2010. Т. 14. № 5 (40). С. 225-232.
9. Преображенский Ю.В. Формирование осей развития как результат поляризации социально-экономического пространства // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 196-206.

Yury V. Preobrazhenskiy

N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University, Saratov

FRAMEWORK AND NETWORK APPROACHES IN STUDYING OF SPATIAL SOCIAL-NATURAL SYSTEMS

***Annotation.** In modern scientific geographical discourse, framework and network approaches are actively used to analyze the structure of spatial social systems. However, there is no common understanding regarding their similarities and differences. This text attempts to distinguish between these two approaches based on the function of the framework and network, as well as their structure.*

***Keywords:** framework approach, network approach, framework, network, spatial social-natural systems.*

АНАЛИЗ ПОЗИЦИЙ РОССИИ В МИРОВОМ РЕЙТИНГЕ ЦИФРОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

***Аннотация.** Цель статьи — выявление особенностей развития процесса цифровизации в России на основе оценки позиций страны в международных рейтингах. Методология анализа базируется на принципах системного подхода и методе компаративного анализа. Информационная база основана на данных международных рейтингов, отражающих тенденции цифровой трансформации общества. На основе проведенного исследования выявлено отставание России от стран-лидеров в сфере цифровой трансформации экономики и общества, и определены наиболее болезненные точки в развитии данного процесса.*

***Ключевые слова:** Россия, цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровая конкурентоспособность*

В условиях жесткой самоизоляции населения во многих странах мира (в том числе в России), связанной с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, цифровизация в разных секторах экономики, сфере здравоохранения и в образовательном пространстве приняла вынужденный и (в некотором смысле) даже революционный характер. Стоит подчеркнуть, что процесс цифровизации бизнеса и общественной жизни к настоящему времени далеко не всегда в достаточной степени был подготовлен даже в более развитых странах, и еще в меньшей степени — в остальных странах. Россия (как и другие государства постсоветского пространства) по многим показателям инновационного развития и уровня цифровизации всех сфер общественной жизни все еще отстает от стран-лидеров мировой экономики. А ведь именно с наличия или, напротив, отсутствия имеющейся базы для цифровой трансформации общества (экономической, научной, инновационной) может начаться отсчет побед или поражений России после окончания пандемии COVID-19. Хотя в сфере здравоохранения и медицины (как показывают результаты борьбы с коронавирусом в 2020-2021 гг.) наше государство находится в числе мировых лидеров.

Эксперты и исследователи характеризуют возможности адаптации России к цифровой трансформации общества. При этом для выявления уровня готовности стран мира к цифровизации экономики следует обратить внимание на анализ показателей различных международных индексов инновационного развития и цифровой конкурентоспособности, и полученные в результате сопоставления показателей рейтинги стран. К тому же на основе

данного анализа можно определить те сферы, где Россия значительно уступает странам-лидерам инновационного процесса.

Так, Россия в 2021 году в рейтинге по Индексу глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index) заняла 43 место из 141, в Глобальном индексе инноваций (Global Innovation Index) — 45 место из 132, в Индексе готовности к сетевой экономике (Networked Readiness Index) — 43 место из 134, в Индексе инновационного развития Bloomberg (Bloomberg Innovation Index) — 24 место из 60, в Индексе цифровой конкурентоспособности (IMD World Digital Competitiveness Index) — 42 место из 64. В последние годы позиции России в международных рейтингах то ухудшаются, то — улучшаются. Так, например, в рейтинговой таблице 2021 г. по Глобальному индексу кибербезопасности стран мира (Global Cybersecurity Index), где лидируют США, Россия переместилась на пятую позицию.

Цель данной статьи в проведении сравнительного анализа основных тенденций развития процесса цифровизации в странах мира и выявлении готовности РФ к цифровой трансформации экономики на основе определения позиций страны в международном рейтинге цифровой конкурентоспособности (IMD World Digital Competitiveness Index, 2021) [1]. Проведенный анализ всех составляющих данного индекса по 3-м категориям-субиндексам: «знания», «технологии», «готовность к будущему» позволяет констатировать, что Россия находится в рейтинговой таблице слишком далеко от лидеров (табл.).

Таблица

Позиции России в рейтинге «Индекс цифровой конкурентоспособности», 2017-2021 гг. [1]

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Позиция России в итоговом рейтинге:					
	42	40	38	43	42
Позиция России по 3-м субиндексам рейтинга:					
Знания	24	24	22	26	24
Технологии	44	43	43	47	48
Готовность к будущему	52	51	42	53	47

Позиция России — 42-я (между Польшей и Кипром). Самые конкурентоспособные в цифровой среде страны мира (согласно 52-м показателям данного индекса): США, Гонконг, Швеция, Дания, Сингапур, Швейцария, Нидерланды, Тайвань, Норвегия, ОАЭ. Отметим при этом, что Китай раз-

местился на 15-й позиции и опережает ныне Германию (18-я позиция), Францию (24-я позиция) и Японию (22-я строка интегрального рейтинга).

По критерию «Знания» — общее место в рейтинге у России — 24-е (три категории: «talанты», «обучение и образование», «научные кадры»). Очень невысокие позиции в категории «talанты» (44 из 64) и несколько лучшие в категории «научные кадры» (24), и «образование» (6 место). По группе показателей субиндекса «Технологии» (где страны оцениваются с позиции использования Интернета и информационно-коммуникационных и цифровых технологий, по показателям объема финансового капитала в ИКТ-отрасли, а также с учетом состояния регуляторной среды) Россия занимает 48-ю позицию из 64-х. Наша страна ближе по уровню развития технологий к государствам Центрально-Восточной, но не Западной Европы. В категории: «нормативно правовая база» у России 39-я позиция; в категории «капитал» — 58-я, и «технологическая инфраструктура» — 45-я. Иными словами, дела у России (в сравнении с более развитыми странами и даже отдельными развивающимися) обстоят далеко не лучшим образом, и год от года положение лишь ухудшается. В блоке критериев «Готовность к будущему» Россия находится лишь на 47-й позиции из 64-х. По всем категориям данного блока: «готовность населения к изменениям» и «готовность бизнеса к изменениям» и «IT-интеграция» наша страна в рейтинге располагается ближе к концу списка.

Таким образом, приходится констатировать, что наша страна по-прежнему очень сильно проигрывает лидерам по степени готовности к цифровой трансформации экономики позиции России невысокие. Особенно серьезные провалы отмечаются по составляющим двух категорий: «Технологии» и «Готовность к будущему». При этом достаточно хорошо известны региональные диспропорции в социально-экономическом развитии в России (как и в процессе цифровизации регионов). Анализ и предложения по изменению современной ситуации к лучшему изложены в следующих работах, включая работы автора данной статьи [2-8], а реальные шаги представлены в Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [8].

Заключение. Можно, конечно, не соглашаться с оценкой позиций нашей страны в международных рейтингах инновационного развития. Тем более, что все они фиксируют факт отставания России в развитии цифровой экономики от мировых лидеров. Но никто не станет спорить, что действительно имеются большие недостатки в сфере правового регулирования процесса цифровизации, полноценного применения цифровых технологий бизнес-структурами, а также фиксируется недостаточное для такой крупной страны государственное финансирование науки и низкий уровень ин-

вестиций в технологическое развитие. И если имеется опыт более успешных государств, то его целесообразно изучать. России нельзя потерять свой шанс на цифровую трансформацию экономики и развитие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. IMD World Digital Competitiveness Rankings 2021. IMD Business School. World Competitiveness Center. [DoA: 07.12.2021]. Available from: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2021>

2. Kokuytseva, T.V., Rodionova, I.A., Damnjanovic, V. (2020) Preconditions for the transition of developed and developing countries to the cyber economy through the process of digital modernization. The Cyber economy. Opportunities and Challenges for Artificial Intelligence in the Digital Workplace. /Ed. V.M.Filippov, A.Chursin, J.Ragulina, E.Popkova. Contributions to Economics. Springer Nature Switzerland 2019. Pp. 51-59.

3. Rodionova, I.A., Kokuytseva, T.V., Semenov, A.S. (2018) Mathematical Model of the Influence of Innovative Development Factors on the Economy of Leading Countries and Russia. International Journal of Engineering & Technology. Vol. 7, No 4.38 (2018): Special Issue 38. P. 406-41.

4. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. (2019) The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Market in Russia. *Foresight and STI Governance*, 13 (2): 84-96. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.84.96

5. Капранова Л.Д. (2018) Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. № 2, 2018. С. 58-69.

6. Королев И. Как робототехника и искусственный интеллект продвинул Россию в мировых рейтингах цифровизации (2020). https://gov.cnews.ru/articles/2020-05-22_kak_robototehnika_i_iskusstvennyj

7. Кузовкова Т.А., Алмаева О.П., Старовойтова А.С., Шаравова М.М. (2020) Характеристика международного уровня развития цифровой экономики и инфокоммуникаций России // Экономика и качество систем связи, 2/2020. С. 3-13.

8. Родионова И.А., Кокуйцева Т.В., Харламов М.М. (2020) Особенности развития цифровизации в Российской Федерации и в развитых странах мира: анализ позиций в международных рейтингах // Экономические отношения. — 2020. — Том 10. — № 2. — С. 381-394. — doi: 10.18334/eo.10.2.110130.

9. «Цифровая экономика Российской Федерации». Национальная программа, утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

Irina A. Rodionova

*Central Research Institute of Economics,
Control Systems and Information "Electronics", Moscow*

ANALYSIS OF RUSSIA'S POSITIONS IN THE WORLD DIGITAL COMPETITIVENESS RANKING

***Annotation.** The purpose of the article is to identify the features of the development of the digitalization process in Russia based on an assessment of the country's position in international rankings. The analysis methodology is based on the principles of the systems approach and the method of comparative analysis. The information base is based on data from international rankings reflecting trends in the digital transformation of society. Based on the study, the lag of Russia behind the leading countries in the field of digital transformation of the economy and society was revealed, and the most painful points in the development of this process were identified.*

***Keywords:** Russia, digital economy, digital transformation, digital competitiveness.*

УДК 911.373.3

Саввинова А. Н.

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова, г. Якутск*

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В МЕСТАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

***Аннотация.** Одной из наиболее важных проблем, стоящих перед регионами Российской Федерации, является низкий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. В статье выполнен анализ и выделены уровни обеспеченности информационно-коммуникационной инфраструктурой мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия).*

***Ключевые слова:** коренные малочисленные народы Севера, обеспечение связи, информационно-коммуникационная инфраструктура.*

Качество жизни населения во многом определяется мобильностью, возможностью коммуницировать и быть на связи со всем миром. Кардинальной задачей любой развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры (ИКИ) является обеспечение взаимного соединения абонентов вне зависимости от их географического местоположения. Цель развития и использования современной ИКИ состоит в поддержке всеобъемлющей и полной коммуникации для всего общества, важно при этом

обеспечить стабильное снижение стоимости этих услуг. [1] В указе Президента Российской Федерации №203 от 09.05.2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» определена цель развития информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации [2]. Приоритеты развития цифровой экономики отражены в утвержденной Правительством РФ программе № 1632-р от 28.07.2017 г. «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. В рамках реализации федеральной программы по устранению цифрового неравенства между городскими и сельскими поселениями в России начатому в 2014 г., поставлена задача создания точек доступа в населенных пунктах численностью от 250 до 500 человек и предоставление населению доступа к интернету на скорости не менее 10 Мбит/с [4].

Вопросы обеспечения населенных пунктов проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС) надежными средствами и качественными услугами связи имеет стратегическое значение. Особенно актуальными становятся вопросы построения современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры Арктических регионов РФ и обеспечения информационно-коммуникационными услугами и связью мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. С учетом многих производственных, климатических, экономических и других факторов развития территории, основными видами связи, используемыми на Крайнем Севере являются: радиорелейная, волоконно-оптическая и спутниковая связь, которые являются резервными друг для друга [5].

Республика Саха (Якутия) представляет собой регион, в котором проживают 5 из 40 представителей коренных малочисленных народов Севера, утвержденных в Перечне коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [6]. В Законе Республики Саха (Якутия) от 10.07.2003 г. 59-3 N 121-III «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» включены 70 населенных пунктов в 62 наслегах, 21 районах Республики Саха (Якутия) [7]. Из них 56 населенных пунктов (80%) входят в перечень труднодоступных и отдаленных местностей согласно Закону Республики Саха (Якутия) №47-3 №429-II «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей в Республике Саха (Якутия)» от 04.10.2002 г. [8].

В удаленных поселениях Республики Саха (Якутия) существуют значительные проблемы в развитии транспортной, информационно-коммуникационной инфраструктуры, в обеспечении надежной телефонной связью, средствами радио и телевидения, экстренной связи. В эпоху пере-

хода на цифровую экономику, развития телемедицины, дистанционного образования, в том числе связанного с ограничениями COVID-19, наличие информационно-коммуникационной инфраструктуры и устойчивой связи поселений с центрами районов и региона имеет жизненную необходимость. В некоторых удаленных населенных пунктах требуется замена устаревших систем связи, строительство новых объектов связи и информатизации для обеспечения доступа в Интернет. Устранение цифрового неравенства является одним из приоритетов развития для республики.

Нами выполнен анализ обеспеченности информационно-коммуникационной инфраструктурой мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) по данным публичного реестра инфраструктуры связи и телерадиовещания РФ [9]. Информационной базой для проведения анализа также явились данные отчетов об итогах деятельности исполнительных органов государственной власти по районам Республики Саха (Якутия) за 2020 год [10].

Сформирована база данных по всем 70 населенным пунктам, включенным в перечень. В структуру базы данных внесены данные о наличии и/или отсутствии: почтовой связи, местной телефонной связи, внутризоновой междугородней и международной связи, передачи данных, телематических услуг связи, мобильной связи (GSM, UMTS, LTE, NMT-450, IMT-TC-450 (CDMA), эфирного телевидения, радиовещания, кабельного телевидения, почтамтов, отделений связи, таксофонов, пунктов коллективного доступа, точек доступа.

Для анализа обеспеченности населенных пунктов проживания КМНС информационно-коммуникационной инфраструктурой использован метод балльной оценки, который является одним из самых простых и доступных. При данном методе отдельные компоненты обеспеченности информационно-коммуникационной инфраструктурой и их характеристики выражаются соответствующими количественными значениями (баллами) в определенных пределах, по шкале индивидуальной для каждого компонента. Анализ полученных результатов позволил выявить следующие уровни обеспеченности информационно-коммуникационной инфраструктурой мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): низкий (менее 10 баллов), ниже среднего (11-15 баллов) баллов, средний (16-20 баллов), выше среднего (21-25 баллов) и высокий (более 30).

В результате применения методики балльной оценки выявлено, что низкий уровень наблюдается в 13 поселениях проживания КМНС, что составляет 19% от общего числа поселений их проживания, в основном они

расположены в Арктических районах (по два населенных пункта в Усть-Янском, Верхнеколымском, Момском, по одному населенному пункту в Булуномском, Оленекском, Среднеколымском). Также низкий уровень имеют два поселения вне арктической зоны — в Олекминском и Усть-Майском районах. Данные поселения характеризуются малой людностью — средняя численность населения 200 чел., удаленностью от центров районов, отсутствием практически всех объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, в том числе пунктов коллективного доступа, наличием только аналогового телевидения и радиовещания, во многих из них отсутствует сотовая связь и интернет.

Наиболее многочисленная градация по уровню обеспеченности ИТИ ниже среднего — сюда отнесены 31 населенный пункт, что составляет 44% от общего числа поселений проживания КМНС (из них 27 поселений расположены в арктической зоне — по 4 населённых пункта в Булуномском, Аллаиховском, по три — Усть-Янском, Момском, Жиганском, по два — в Оленекском, Верхнеколымском, Нижнеколымском, по одному — в Среднеколымском, Эвено-Бытантайском). В южной Якутии три поселения в Олекминском районе и один в Усть-Майском. Населенные пункты, отнесенные к данному уровню, в основном являются средними поселениями со средней численностью населения 350 чел. с низким развитием ИТИ.

Средний уровень обеспеченности ИТИ присущ для 15 населенных пунктов, что составляет — 21% от общего числа поселений проживания КМНС. Из них 7 населенных пунктов расположены в Арктической зоне (по одному в Булуномском, Усть-Янском, Нижнеколымском, Эвено-Бытантайском, Анабарском, Абыйском, Верхоянском), три поселения в восточной зоне (два в Усть-Майском, и один в Томпонском), по два в Южной Якутии (Алданском) и Центральной Якутии (Кобяйском) и один в западной Якутии (Мирнинском). Населенные пункты, отнесенные к данному уровню, характеризуются средней численностью населения 650 чел., наличием отдельных объектов ИТИ, почти во всех пунктах имеется сотовая связь, отделения связи, телевидение и радиовещание.

Уровень выше среднего наблюдается в 9 населенных пунктах (13% от общего количества населенных пунктов проживания КМНС), из них шесть расположены в арктической зоне (по одному пункту в Булуномском, Оленекском, Усть-Янском, Момском, Эвено-Бытантайском, Жиганском), 2 населенных пункта в южной Якутии — в Олекминском и Алданском районах и один в восточной Якутии в Томпонском районе. В основном эти населенные пункты являются центрами наслегов и районов со средней численностью населения 1750 чел. с достаточно развитой инфраструктурой.

Высокий уровень обеспеченности (более 30 баллов) наблюдается всего в двух населенных пунктах — с. Иенгра Нерюнгринского района, что объясняется близостью расположения села к центру района г. Нерюнгри, хорошей транспортной и инфраструктурной доступностью, наличием операторов сотовой связи, бесперебойным почтовым обеспечением, наличием цифрового телевидения и радио. Вторым населенным пунктом с высоким уровнем обеспеченности ИТИ является с. Саскылах Анабарского района. В отличие от других населенных пунктов, расположенных в Арктической зоне в с. Саскылах услуги сотовой связи предоставляются всеми тремя операторами связи, услуги доступа к сети Интернет и телематические услуги предоставляют 6 операторов, также имеется цифровое теле и радиовещание.

Проведенный анализ позволил выявить, что развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС РС(Я) не соответствует уровню развития инфо-телекоммуникационных технологий в масштабе страны. Однако, активное включение интернета, сотовой связи, цифрового телевидения и радиовещания в жизнь коренных малочисленных народов Севера, проживающих в удаленных поселениях, стали основой появления новой системы коммуникаций. Появились новые способы и формы передачи информации, скорость ее распространения стала выше, а обеспечение потребностей населения неразрывно связаны с дальнейшим развитием телекоммуникационной инфраструктуры, заменой морально устаревших видов связи с целью их полного соответствия современным требованиям перехода на цифровую экономику.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №21-17-00250

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Смолян Г.Л., Черешкин Д.С., Штрик А.А. Информационно-коммуникационная инфраструктура — технологический фундамент информационного общества (некоторые проблемы использования зарубежного опыта) // Информационное общество, 1999, вып. 5, с. 50-55. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/9de1639e49259795c32568fe002f81c1> (дата обращения 16.01.2022).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 02.02.2022)
3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» № 1632-р от 28.07.2017 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 08.02.2022).
4. «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» ФЗ №9 от 03.02.2014 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158410/ (дата обращения 25.12.2021)

5. Гурлев И.В. Проблемы и перспективы обеспечения связью добывающих предприятий на Крайнем Севере // Вестник Евразийской науки, 2020 №2, URL:<https://esj.today/PDF/22ECVN220.pdf> (дата обращения 19.01.2022).

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 марта 2000 г. №255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» URL:<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057> (дата обращения 05.03.2022).

7. Закон Республики Саха (Якутия) от 10.07.2003 г. 59-3 N 121-III «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» в новой редакции с изменениями на 30.01.2019 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553108258> (дата обращения 08.02.2022).

8. Закон Республики Саха (Якутия) №47-3 №429-II «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей в Республике Саха (Якутия)» от 04.10.2002 г. с изменениями на 25.04.2017. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802010254> (дата обращения 27.01.2022).

9. Публичный реестр инфраструктуры связи и телерадиовещания РФ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ URL: <http://reestr-svyaz.rkn.gov.ru/> (дата обращения 25.02.2022).

10. Социально-экономическое развитие муниципальных районов и городских округов РС(Я) URL: <https://www.sakha.gov.ru/mestnoe-samoupravlenie/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-mr-i-go> (дата обращения 14.01.2022).

Antonina N. Savvinova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION INFRASTRUCTURE IN THE PLACES OF RESIDENCE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

***Annotation.** One of the most important problems facing the regions of the Russian Federation is the low level of development of information and communication infrastructure. The article analyzes and highlights the levels of provision of information and communication infrastructure for places of traditional residence and traditional economic activity of indigenous peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia)*

***Keywords:** indigenous minorities of the North, communication, information and communication infrastructure.*

РОЛЬ КОСМИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. *С начала космической эры освоение ближнего космоса и развитие информационных технологий тесно связаны друг с другом. Симбиоз цифровых и космических технологий позволяет снимать ограничения в пространственной доступности все более широкого набора функций, территорий и акваторий, параллельно расширяет возможности для их консолидации и интеграции, а также максимальной концентрации. Его положительные эффекты для пространственной организации наиболее отчетливо проявляются на двух ее полюсах — на слабоосвоенных территориях, с одной стороны, и в крупнейших мегаполисах, с другой.*

Ключевые слова: *геопространство, космос, киберпространство, цифровая экономика, Россия.*

Глобальное распространение сети Интернет к началу 2000-х гг., бурное развитие цифровой экономики [1] открыло цифровой этап освоения геопространства, когда оно расширяется в двух новых “измерениях” — стало включать киберпространство, с одной стороны, и околоземное космическое пространство, с другой. Можно сказать, что на цифровом этапе освоения геопространство, от трех сред — суша, океан, воздушное пространство, — перешло к пяти — взаимосвязанным и взаимозависимым.

Уже с начала космической эры развитие космонавтики и информационных технологий оказалось накрепко связанным, причем связи были и прямыми, и обратными — обе сферы взаимно усиливались. Информационные технологии и сопутствующий спектр математических и физических дисциплин необходимы для того, чтобы, во-первых, создавать и рассчитывать все более сложные математические модели как в науке, так и в технике и промышленности, работающих по космической тематике, а, во-вторых, с переходом космонавтики в практическую фазу, встают все новые задачи развития дальней связи, а параллельно, открываются для нее все новые возможности.

В СССР, самой большой по площади стране мира, пионере освоения космоса, а также использования «мирного атома», естественно зарождались и реализовывались, помимо геополитических, и пионерные проекты использования космических аппаратов для освоения обширных (и часто мало обжитых) территорий. Телекоммуникации, наряду с мониторингом и кос-

мическими снимками для самых разных прикладных задач, выступали здесь наиболее очевидными направлениями. Менее чем за 15 лет – с 1967 г., когда система “Орбита” стала первой в мире орбитальной цифровой телевизионной распределительной спутниковой системой, обеспечившей вещание из Москвы на Дальний Восток, до 1980 г., когда была организована межконтинентальная телевизионная спутниковая трансляция московской летней Олимпиады, — СССР удалось создать трансконтинентальную, евразийско-космическую телекоммуникационную систему, а затем преобразовать ее, по сути, в глобальную.

В настоящее время в состав Международной организации космической связи “Интерспутник”, созданной еще в 1971 году, входят 26 стран из Европы, Азии, Латинской Америки. Основная деятельность Интерспутника заключается в предоставлении заинтересованным пользователям по всему миру емкости геостационарных космических аппаратов для организации всего спектра услуг спутниковой связи. Объединенная спутниковая инфраструктура участников МОКС “Интерспутник” составляет порядка 30 собственных и арендованных космических аппаратов и разнесенную по миру сеть телепортов, что делает возможным оказание услуг спутниковой связи на единых условиях с покрытием всего земного шара и с единой круглосуточной службой технической поддержки.

В 2000-е гг. развитие глобального медиарынка обеспечило соединение технологий мобильной связи и сети Интернет. Такой технологический тренд был жизненно важен для России, где именно в это время рынок мобильной связи относился к наиболее быстро растущим, а количество мобильных телефонов ежемесячно увеличивалось на один миллион. В этом секторе медиарынка шло реальное быстрое сближение нашей страны с показателями Запада. [2, с. 40]. Но здесь необходимо учитывать, что огромные, часто весьма неплотно освоенные пространства вне основной полосы расселения резко ограничивали возможности распространения кабельных и даже проводных линий связи. Мобильная связь с опорой на вышки-ретрансляторы могла быть только паллиативом. Именно (чтобы не сказать — только) симбиоз информационно-коммуникационных космических технологий позволял разрешить эту ситуацию.

Поэтому ФГУП “Космическая связь” (ГПКС) в период с 2003 по 2009 г. пополняет свою спутниковую группировку семью аппаратами серии “Экспресс-АМ” и одним малым космическим аппаратом “Экспресс-МД1”, что позволило значительно повысить качество и надежность предоставляемых услуг. Накануне принятия госпрограммы “Цифровая экономика” в 2017 г. и трансформации ее в дальнейшем в национальную программу в 2018 г., спутниковая орбитальная группировка ГПКС в 2014–2015 гг. пополнилась

еще семью новыми космическими аппаратами, ресурс российской государственной спутниковой орбитальной группировки увеличился в два с половиной раза. Весной 2015 г. российские операторы впервые приступили к оказанию услуг спутникового ШПД в Ka-диапазоне через отечественные космические аппараты на Дальнем Востоке и в Сибири. С апреля 2016 г. территория обслуживания спутниковой системы высокоскоростного доступа (ССВД) расширилась и охватила Центральный и Южно-Уральский регионы нашей страны. На территории Европейской части Российской Федерации ГП КС продолжает оказывать услуги ШПД (сервис Tooway) с использованием спутника KA-SAT.

Проект ССВД формирует новый рынок услуг в Ka-диапазоне частот, позволяющий удовлетворить постоянно растущий спрос физических лиц, коммерческих и государственных структур на доступные услуги спутникового Интернета¹.

Результаты усилий по освоению киберпространства в т. ч. с использованием космических возможностей демонстрируют рис. 1 и 2, на которых представлено распространение на 2019 г. по регионам России информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), относимых, соответственно, к первой и второй волне цифровизации [3], — фиксированного и мобильного широкополосного доступа в Интернет (рис.1) и использования облачных сервисов организациями (рис. 2).

Рисунок 1 показывает решающий вклад спутниковой системы высокоскоростного доступа в обеспечение высокоскоростной Интернет-связью отдаленных регионов России — в число регионов с обеспеченностью выше среднероссийской вошли многие дальневосточные субъекты федерации — Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Магаданская и Сахалинская области, — а также Иркутская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа и Мурманская область.

Более высокая стоимость спутниковых каналов связи отчасти сказывается на уровне использования бизнесом цифровых технологий, требующих большого интернет-трафика, как в случае с облачными сервисами в условиях удаленности основных центров обработки данных (ЦОД). Это хорошо видно при сравнении рисунков 1 и 2: ни один из удаленных регионов с обеспеченностью ШПД выше среднероссийского, представленных на рис. 1 и перечисленных выше, не превысил среднероссийского уровня по доле организаций, использующих облачные сервисы (рис. 2).

---

¹ <https://www.rscs.ru/about/#>, дата обращения 16.09.2021.

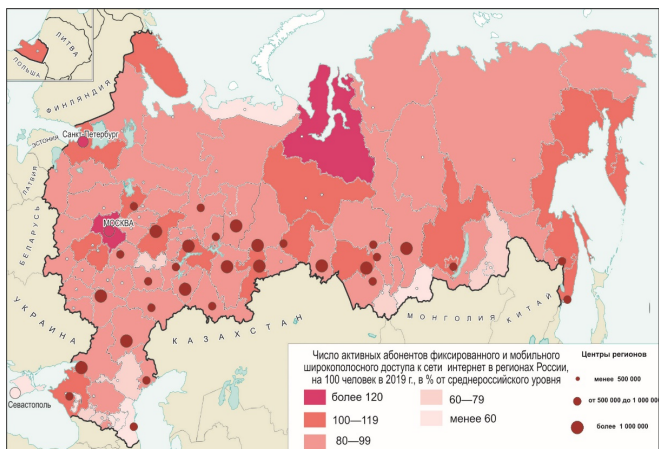

Рис. 1. Число активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет в регионах России на 100 человек в 2019 г. (% от среднероссийского уровня)

Составлено авторами по данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>)

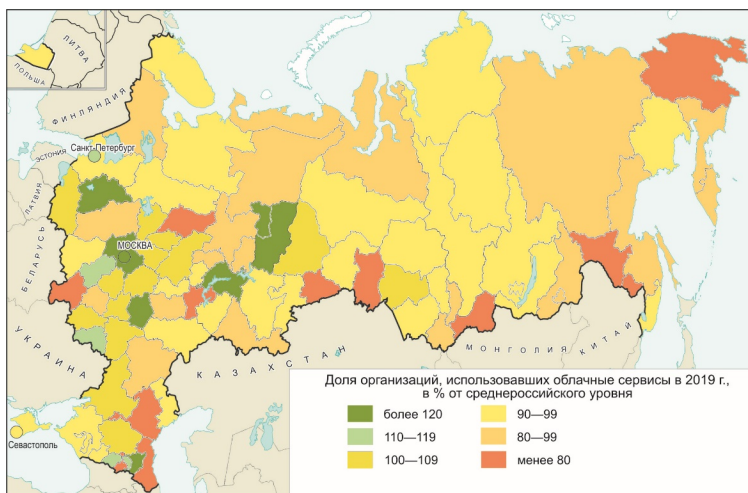

Рис. 2. Доля организаций, использующих облачные сервисы в регионах России в 2019 г. (в % от среднероссийского уровня)

Составлено авторами по данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>)

Благодаря использованию современных спутников и собственной волоконно-оптической сети, ГПКС оказывает полный пакет услуг передачи информации в интересах государственных и коммерческих компаний, Интернет-провайдеров, операторов сетей связи, а кроме того, занимается созданием и интеграцией корпоративных сетей связи, организацией каналов телефонной связи, широкополосного доступа к сети Интернет, видеоконференцсвязи, IP-телефонии. Возможно и подключение подвижных объектов к сети VSAT iDirect ГПКС: она обеспечивает покрытие акваторий Атлантического, Тихого и Северного Ледовитого океанов: Средиземного, Черного, Балтийского, Северного, Каспийского, Японского, Охотского и всех северных морей, омывающих Россию (включая практически всю протяженность Северного морского пути). Связь по широте доступна от 79°–80° ю.ш. до 79°80° с.ш. Основным диапазоном частот работы сетей VSAT является Ku-диапазон, но возможен и C-диапазон. В настоящее время в сети VSAT ГПКС работает более 330 морских судов. На них предоставляется доступ к сети Интернет, к корпоративной ЛВС, VoIP-телефонии, получение картографической информации, в отдельных случаях возможен прием телерадиопрограмм¹ Сеть VSAT ГПКС особенно важна для освоения Арктической зоны и Дальнего Востока России.

Цифровая трансформация экономики и освоение ближнего космоса открывают новый этап пространственной организации России: становится возможным обеспечить предоставление все более широкого набора функций и услуг на всей территории страны по единым стандартам. При этом необходимо отметить, что стоимость доступа в Интернет в регионах Дальнего Востока существенно дороже, чем в регионах Европейской части России [4]. Происходит это вследствие более дорогих каналов передачи интернет-трафика и низкого уровня конкуренции на региональных рынках. Более высокой стоимостью спутниковых каналов связи можно частично объяснить существенное превышение объема телекоммуникационных услуг на душу населения в удаленных регионах, особенно на Дальнем Востоке, как это видно на рис. 3.

Симбиоз цифровых и космических технологий позволяет снимать ограничения в пространственной доступности все более широкого набора функций, территорий и акваторий, параллельно расширяет возможности для их консолидации и интеграции. Этот симбиоз способствует и эффективной концентрации функций в крупнейших мегаполисах (подробнее — [5]).

---

¹ <https://www.rscs.ru/about/#> дата обращения 16.08.2021.

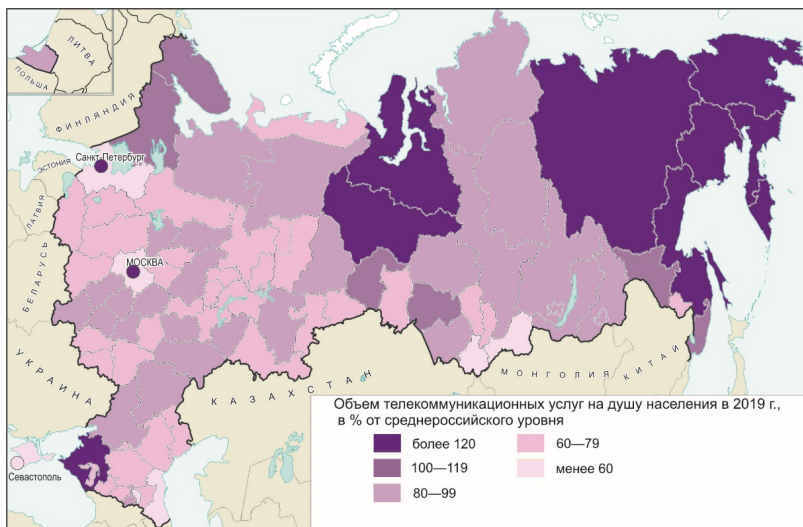

Рис. 3. Объем телекоммуникационных услуг на душу населения в 2019 г. (в % от среднероссийского уровня)

Составлено авторами по данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. Mc-Graw-Hill, 1996.
2. Титов А.В. Медиарынок в мировой экономике: российские перспективы. М., «Научная книга», 2006.
3. Katz R. Social and economic impact of digital transformation on the economy. ITU, GSR-17 Discussion paper. 2017.
4. Нагирная А.В. Анализ развития информационно- коммуникационных технологий в российских регионах // Инновации в территориальном развитии / под ред. В.Н. Стрелецкого и А.В. Стариковой. М.: ИП Матушкина И.И., 2020. С. 13–24.
5. Савченко А.Б., Бородин Т.Л. Зеленая и цифровая экономика как инструмент устойчивого развития урбанизированных территорий // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. №2. С. 310–320.

Alexander B. Savchenko ¹, Tatiana L. Borodina ²

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow

² Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

THE ROLE OF SPACE TECHNOLOGIES IN THE DIGITALIZATION OF RUSSIAN REGIONS

Annotation. Since the beginning of the space age, the exploration of near space and the development of information technologies have been closely linked with each other. The symbiosis of digital and space technologies makes it possible to remove restrictions in the spatial accessibility of an increasingly wide range of functions, territories and water areas, while simultaneously expanding opportunities for their consolidation and integration, as well as maximum concentration. Its positive effects for spatial organization are most clearly manifested at its two poles — in underdeveloped territories, on the one hand, and in the largest metropolitan areas, on the other.

Key words: geospace, space, cyberspace, digital economy, Russia.

УДК 332.13

Сафиуллин Р. Г.

Институт социально-экономических исследований
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ РОССИИ ИЗ-ЗА ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

Аннотация. Глобальная декарбонизация экономики ставит научно-прикладную задачу типологии региональных систем по степени зависимости территориально-структурной трансформации от процессов декарбонизации. Вводимые ограничения для стран с высоко углеродной экономикой создают риски для региональных систем России. В статье представлена авторская типология региональных систем страны по степени зависимости от процессов декарбонизации. Выделены семь типов региональных систем с различной степенью производственно-функциональной зависимости от декарбонизации.

Ключевые слова: глобальная декарбонизация, региональные системы, производственная специализация, типология, Россия.

Процесс глобальной декарбонизации экономики, набирающий с каждым годом все большие обороты, ставит перед регионами России научно-прикладную задачу типологии региональных систем по степени зависимости территориально-структурной трансформации от процесса декарбонизации экономики. Вводимые ограничения для стран с высоко углеродной

экономикой: новые технико-технологические требования, ограничения на импорт товаров и услуг, введение углеводородного налога, снижение объемов инвестиций, запрет на участие в проектах, не соответствующих условиям декарбонизации экономики, создают территориально-структурные риски для региональных систем России. Географические исследования проблем территориально-структурной трансформации региональных систем России в связи с декарбонизацией экономики немногочисленны и посвящены отдельным частным проблемам [1, 2, 3].

Трансграничное углеводородное регулирование касается всего мирового рынка, в том числе стран СНГ и развивающихся стран (Индия, Бразилия, Мексика, Аргентина и др.), а не только рынка стран ЕС. По нашим расчетам, под углеводородное налогообложение подпадает до 86% российского экспорта (367 млрд долларов) и ежегодный совокупный размер углеводородного налога российского бизнеса в бюджеты внешнеторговых партнеров оценивается от 13 до 100 млрд. долларов.

Декарбонизация экономики — это сформировавшийся мировой тренд. Позиция Российского союза промышленников и предпринимателей в отношении введения странами ЕС углеводородного налога крайне негативная. В этом они видят протекционизм экономики стран ЕС и ограничение конкурентоспособности экономики других стран. В ответ предлагается принять ответные ограничительные меры: пересмотреть торговый баланс России со странами Евросоюза, ужесточить условия инвестирования для компаний из стран ЕС [4].

Вводимые ограничения для стран с высоко углеродной экономикой: новые технико-технологические требования, ограничения импорта экологически грязных товаров, введение углеводородного налога, снижение объемов инвестиций, запрет на участие в проектах, не соответствующих условиям декарбонизации, создают территориально-структурные риски для региональных систем России. Однако территориально-структурная трансформация региональных систем России в связи с процессами декарбонизации является единственным вариантом дальнейшего развития с учетом введения ЕС трансграничного углеводородного регулирования с 2023 года.

Степень территориально-структурной зависимости декарбонизации экономики региональных систем России может определяться совокупностью интегральных, частных социо-эколого-экономических параметров и показателей. В качестве интегрального критерия оценки степени зависимости региональных систем от процессов декарбонизации, нами предлагаются количественные параметры производства ВРП, функциональной специализации на добыче полезных ископаемых, топливно-энергетических видах деятельности, сельском, лесном и рыбоводческом производствах, строи-

тельстве, грузо- и пассажироперевозках различными видами транспорта и отраслевой структуры валовой добавленной стоимости [5, 6]. Масштабы производства ВРП региональных систем определяют абсолютную степень территориально-структурной зависимости от декарбонизации.

Нами выделены следующие семь типов региональных систем России по степени зависимости от процессов декарбонизации исходя из объемов производства ВРП, функциональной производственной специализации и отраслевой структуры валовой добавленной стоимости:

1. Региональные системы преимущественно обрабатывающей специализации с высокой степенью зависимости от процессов декарбонизации (Владимирская, Волгоградская, Калужская, Кировская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Омская, Рязанская, Свердловская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Республика Башкортостан, Мордовия, Чувашская, Красноярский, Пермский край).

2. Региональные системы преимущественно электроэнергетической специализации с высокой степенью зависимости от процессов декарбонизации (Костромская, Саратовская, Смоленская, Тверская области, Республика Хасасия, Чукотский АО).

3. Региональные системы преимущественно сырьевой специализации с высокой степенью зависимости от процессов декарбонизации (Астраханская, Белгородская, Иркутская, Кемеровская, Магаданская, Оренбургская, Самарская, Сахалинская, Томская области, Ненецкий АО, ХМАО, ЯНАО, Республики Коми, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Удмуртская Республика, Чукотский АО).

4. Региональные системы преимущественно аграрной, лесохозяйственной и рыболовческой специализации с высокой степенью зависимости от процессов декарбонизации (Брянская, Воронежская, Курская, Мурманская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Тамбовская области, Республики Адыгея, Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Калмыкия, Марий-Эл, Мордовия, Северная Осетия — Алания, Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Ставропольский края).

5. Региональные системы преимущественно строительной специализации с высокой степенью зависимости от процессов декарбонизации (Амурская, Ленинградская области, Республики Чеченская, Крым).

6. Региональные системы преимущественно транспортной специализации с высокой степенью зависимости от процессов декарбонизации (Архангельская, Вологодская, Новосибирская области, Республики Карелия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Еврейская АО).

7. Региональные системы без выраженной производственной специализации с низкой степенью зависимости от процессов декарбонизации (Ива-

новская, Калининградская, Курганская, Тюменская, Московская области, Республика Бурятия, гг. Москва, Санкт-Петербург, Севастополь).

На основе такой интегральной типологии региональных систем можно перейти к долгосрочному территориально-структурному моделированию динамики зависимости от декарбонизации. Формирование проектов территориально-структурной трансформации региональных систем страны в связи с процессами декарбонизации является новым актуальным научно-прикладным направлением экономико-географических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крюков В.А., Миляев Д.В., Савельева А.Д., Душенин Д.И. Вызовы и ответы экономики Республики Татарстан на процессы декарбонизации // Георесурсы / Georesursy. 2021. Т. 23. № 3. С.17-23.

2. Пакина А.А., Тульская Н.И. Оценка углеродоемкости экономики Татарстана в целях управления природопользованием // Вестник МГУ. Серия 5. География. 2021. № 2. С. 110-115.

3. Гайнанов Д.А., Сафиуллин Р.Г. Институциональные основы глобальной декарбонизации экономики. XIII Международная научно-практическая конференция ИСЭИ УФИЦ РАН. В сб.: Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов. — Уфа. ИСЭИ УФИЦ РАН. 2021.

4. Начало подготовки контрмер для противостояния углеродному налогу ЕС // Нефтегазовая вертикаль. 2021. № 1-2. С. 74.

5. Сафиуллин М.Р. Экономико-географическая эффективность территориальных общественных систем // В сб.: Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования. Материалы международной научной конференции в рамках X научной Ассамблеи АРГО. Казань: 2019. С. 71-73.

6. Сафиуллин Р.Г. Типология регионов России по степени зависимости от процесса глобальной декарбонизации // Успехи современного естествознания. 2021. № 11. С. 126-131.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г.

Radik G. Safiullin

*Institute of Socio-Economic Research of the Ufa
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa*

PROBLEMS OF TERRITORIAL AND STRUCTURAL TRANSFORMATION OF RUSSIA'S REGIONAL SYSTEMS DUE TO GLOBAL DECARBONIZATION

***Annotation.** The global decarbonization of the economy poses a scientific and applied task of the typology of regional systems according to the degree of dependence of territorial and structural transformation on the processes of decarbonization. The restrictions imposed on countries with high carbon economies create risks for Russia's re-*

gional systems. The article presents the author's typology of the country's regional systems according to the degree of dependence on decarbonization processes. Seven types of regional systems with varying degrees of production and functional dependence on decarbonization are identified.

Keywords: global decarbonization, regional systems, industrial specialization, typology, Russia.

УДК 910.3

Сафиуллин М. Р.

Институт стратегических исследований
Республики Башкортостан, г. Уфа

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ

Аннотация: В статье определены основные теоретико-методологические проблемы трансформации городских агломераций России. Нерешенность проблем социо-эколого-экономической трансформации городских агломераций усиливает территориальную неравномерность развития страны. Определены актуальные теоретико-методологические направления исследований социо-эколого-экономической трансформации агломераций России.

Ключевые слова: агломерации, трансформация, анализ, проблемы, тенденции, Россия.

При анализе теоретических проблем городских агломераций, В.В. Бирюлина, И.И. Юрасова отмечают, что до сих пор понятие «городская агломерация» в Российской Федерации не закреплено в нормативно-правовых актах и используется как теоретическое понятие для оценки особенностей территориальной трансформации региональных городских систем [1]. Это определяет существование множества различных классификаций, методологий и отсутствие единого перечня существующих агломераций, а также усложняет практическое применение имеющихся методик для качественной оценки агломераций. В результате на практике «...отсутствие правового обеспечения и законодательно закрепленного статуса понятия «городская агломерация» не позволяет органам местного самоуправления крупных городов стимулировать и поддерживать развитие взаимодействующих и взаимосвязанных с ними муниципалитетов региона в качестве городской агломерации [2, с. 60].

Назрела практическая необходимость в принятии закона, позволяющего формировать городские агломерации и управлять ими на межмуниципальной договорной основе. В рыночных условиях важен дифференциро-

ванный подход, позволяющий выделить несколько типов агломераций с соответствующими каждому типу механизмами формирования, трансформации, регулирования и управления. Для достижения эффективной социо-эколого-экономической трансформации агломераций России в условиях неопределенности требуется более масштабное ресурсное и административное обеспечения, которое не под силу органам только муниципальной власти. Это требует концентрации ресурсов и полномочий нескольких уровней управления: местного самоуправления, регионального и федерального уровней [3, 4].

В Стратегии пространственного развития России до 2025 года крупнейшие города и агломерации рассматриваются в качестве драйверов социально-экономической трансформации в регионах. Однако внимание сконцентрировано исключительно на роли в пространственном развитии страны крупных и крупнейших агломераций [5]. Политика пространственного развития страны за счет крупнейших городов и агломераций ведет к дальнейшему разрушению целостности городской системы и усилению территориальной социально-экономической дифференциации и неравенства.

Актуальные теоретико-методологические направления исследований пространственной социо-эколого-экономической трансформации агломераций России в условиях циклически повторяющихся социально-экономических кризисов в стране и периодической смены приоритетов и задач трансформации городов различных типов [6, 7, 8]:

1. Обостряющиеся «старые» проблемы трансформации агломераций: демографическая (падение рождаемости и рост смертности, старение населения), стихийная трудовая миграция, жилищная, инфраструктурная (транспортная, тепло- и водоснабжение), здравоохранения, экологическая [9].

2. Накопившиеся «новые» рыночные проблемы трансформации агломераций: деиндустриализация, субурбанизация, джентрификация, автомобилизация, хаотичная миграция населения, социальный дискомфорт проживания, наркомания, хронический дефицита бюджета городов миллионеров и крупнейших городов, низкие реальные доходы населения и др. [10, 11].

3. Эволюции городских агломераций, малых и средних городов происходит в отрыве от сложившейся региональной и российской системы городского расселения.

4. Теория единой системы расселения и каркаса городского расселения страны игнорируются в территориальном управлении. В результате исследования закономерностей трансформации региональных городских систем не находят практического спроса.

5. Сформировавшаяся система управления регионами (субъектами федерации) ведет к поглощению региональных экономик государственными корпорациями и федеральными бизнес — структурами, которых интересуют максимальная прибыль.

6. Продолжающийся рост территориальной концентрации видов хозяйственной деятельности в крупнейших городах и агломерациях. Например, агломерации России занимают монопольное положение в нештеторговом экспорте региональных систем в страны дальнего зарубежья. До 70,0% внешнеторгового экспорта региональных систем России в страны дальнего зарубежья сконцентрировано всего в шести регионах страны. Целый ряд региональных систем страны (Северного Кавказа, Южного Поволжья, Восточной Сибири и Дальнего Востока) очень слабо вовлечены во внешнеторговый экспорт региональных систем в страны дальнего зарубежья (табл. 1).

Таблица 1

Территориальная концентрации и дифференциация внешнеторгового экспорта региональных систем РФ в страны дальнего зарубежья (2019)

№ п/п	Региональные системы	Внешнеторговый экспорт в страны дальнего зарубежья	
		Млрд долларов	Доля от российского экспорта, %
1	г. Москва и Московской области	170,6	46,0
2	г. С.-Петербург и Ленинградской области	30,5	8,3
3	ХМАО	18,4	5,0
4	Сахалинской области	15,2	4,1
5	Кемеровской области	13,5	3,6
6	Республики Татарстан	11,0	3,0
...			
7	Республики Башкортостан	3,3	0,9
9	Республики Адыгея, Алания, Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Крым, Тыва, Чеченская, Чувашская	0,075	0,07

Составлена и рассчитана автором по: [12, с. 1214-1217].

7. Отсутствуют исследования географии и масштабов перетока денежных доходов трудовых мигрантов из крупных, крупнейших городов и агломераций в регионы России. Например, в Башкирии до 190 тысяч трудоспособного населения (около 10%) работает вахтовым методом в нефтегазодобывающих регионах страны (ХМАО, ЯНАО, Иркутская об-

ласть), а также в Московской, Ленинградской, Казанской городских агломерациях. Каковы масштабы доходов трудовых мигрантов, привносимые в экономику регионов? Как они распределяются по территории регионов? Какова социально-экономическая роль «вымывания» финансового капитала трудовыми мигрантами из экономик сырьевых регионов и городских агломераций России? [13].

8. Переход к проектному финансированию в решении социо-эколого-экономических проблем региональных городских систем за счет не взаимоуязванных между собой национальных проектов с постоянно не реализуемыми целями, создает ситуацию рыночной конъюктуры этих проектов в «поедании» госкорпорациями, бизнес-структурами бюджетных средств, без заинтересованности в конечных результатах ввиду неопределенности будущего таких проектов в перспективе.

Совершается методологическая ошибка за счет унификации целей и задач реализации проектов социо-эколого-экономической трансформации региональных систем с игнорированием природного, исторического, демографического, этнокультурного, экономического, экологического, социального разнообразия. Это ошибка определяется отсутствием понимания своеобразия трансформации региональных городских систем от региона к региону.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бирюлина В.В., Юрасова И.И. Особенности агломерационного мышления: отечественная и зарубежная практика // Российские регионы в фокусе перемен. Сборник докладов XI Международной конференции: в 2 т. Екатеринбург, 2016. ООО «Издательство УМЦ УПИ». С. 217-226.
2. Ёлшина А.А. Городские агломерации: теоретические проблемы и анализ зарубежного опыта // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/07/56419> (дата обращения: 16.12.2021).
3. Швецов А.Н. Зачем и как следует управлять городскими агломерациями // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 65-75.
4. Одинцова А.В. Проблемы развития агломераций в России // Федерализм. 2021. № 2. С. 65–83.
5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. — Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года. № 207-р.
6. Диков Я.А. Тенденции развития городских агломераций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №7. С. 24-28.
7. Сафиуллин М.Р. Исследование общероссийских трендов развития городских агломераций // В сб.: Международный демографический форум: материалы заседания. Воронеж: «Цифровая полиграфия». 2020. С. 250-255.

8. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 18-22.

9. Сафиуллин М.Р. Территориальные особенности социодемографического развития Уфимской агломерации // Успехи современного естествознания. 2020. № 9. С. 88-93.

10. Гаврикова А.В., Сафиуллин Р.Г. Территориально-структурные особенности развития наркоситуации в регионе (на примере Республики Башкортостан). Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. 168 с.

11. Дегтярев А.Н., Кузнецова А.Р., Сафиуллин М.Р. Эколого-экономические проблемы развития агломераций Башкирии // Успехи современного естествознания. 2020. № 12. С. 68-73.

12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32 Статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

13. Сафиуллин М.Р. Территориальные особенности миграционных процессов в агломерациях Башкирии: тренды и проблемы // Успехи современного естествознания. 2020. № 11. С. 114-119.

Marat R. Safiullin

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF URBAN AGGLOMERATIONS IN RUSSIA

***Annotation.** The article defines the main theoretical and methodological problems of transformation of urban agglomerations in Russia. The unresolved problems of socio-ecological and economic transformation of urban agglomerations increases the territorial unevenness of the country's development. The actual theoretical and methodological directions of research of socio-ecological and economic transformation of agglomerations of Russia are determined.*

***Keywords:** agglomerations, transformation, analysis, problems, trends, Russia.*

УДК 914/919

Сидоров И. В.

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕФТЯНЫХ И ГАЗОВЫХ ВЫСТАВОК РОССИИ

***Аннотация.** Исследование посвящено выявлению общих и географических особенностей формирования и функционирования выставок в нефтяной и газовой отраслях национальной экономики России. Выявлены особенности выставочной деятельности по степени активности, территориальной концентрации, тематики выставок, факторов размещения. Выделены основные выставочные районы в*

исследуемой отрасли. Определены факторы, влияющие на локацию выставок нефтяной и газовой отраслей России.

Ключевые слова: *экономическая география, отраслевая выставка, выставочная деятельность, нефтяная и газовая отрасли, Россия.*

Конгрессно-выставочная деятельность, представляющая собой совокупность предприятий (организаторов, операторов, поставщиков сопутствующих услуг, специализированной инфраструктуры), занятых организацией и проведением конгрессных и выставочных мероприятий [1; 2] — относительно новый вид экономической деятельности в России (ОКВЭД 82.3), что определяет его слабую изученность. Как правило, каждое мероприятие проходит в одном и том же месте и в одно и тоже время, что придает им географическую стабильность, а значит, возможность и целесообразность исследования с экономико-географической точки зрения.

Данное исследование ориентировано на выявление географических аспектов конгрессно-выставочных мероприятий в области нефтегазовой индустрии, как одной из наиболее важных отраслей национальной экономики России. В условиях отсутствия разработанной географической методики и методологии изучения отраслевых выставок, автор отталкивался от опыта их изучения, изложенного в работах Т.И. Потоцкой, Е.В. Поповой [3; 4; 5], рассматривающих особенности территориальной организации выставочной деятельности.

В основу изыскания положена база данных, составленная автором с учетом открытой информации, размещенной на официальных сайтах компаний, занимающихся организацией выставок; сайтах выставок нефтегазовой индустрии. При сборе информации учитывались только ежегодные выставки в период 2011 — 2019 гг.

В работе были изучены выставки, обладающие постоянным характером функционирования. Ежегодно на территории России проводится 35 выставок (2% от всех отраслевых выставок России), посвященных нефтегазовой отрасли, в них участвует свыше 3,5 тыс. экспонентов (около 2% совокупного количества участников всех отраслевых выставок России). При этом большая часть выставок (около 85%) является международными.

В ходе изучения географии нефтегазовых выставок было выявлено несколько особенностей.

Во-первых, на выставках нефтяной и газовой отраслей экспонируются не только товары и услуги, ориентированные на их потребности, но и в зависимости от условий и места проведения, ориентированные на потребности смежных видов экономической деятельности, затрагивающие в целом, интересы топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Такой многоотраслевой характер не только позволяет демонстрировать новые

технологии, товары, услуги в рамках ТЭК, но и обеспечивает выставкам привлечение большего количества участников — экспонентов и посетителей.

Во-вторых, проявляется связь организаторов выставок с местом их проведения. Так 15 нефтегазовых выставок (40% от всех выставок) проходили в специализированных выставочных комплексах, которые, как правило, располагаются в крупных городах с развитой инфраструктурой. Такие комплексы привлекают международных организаторов выставок и иностранных экспонентов (формирование выставок с международным участием, где более 10 % экспонентов иностранные).

В городах, где отсутствуют специализированные выставочные комплексы, выставки нефтегазовой отрасли (60% от всех подобных выставок), проходят в многофункциональных спортивных и культурных центрах, при этом часть выставок носит лишь межрегиональный характер. Организаторами таких выставок являются только региональные компании.

В-третьих, проведенный анализ выставок нефтяной и газовой отраслей позволил выделить 35 выставок, ежегодно организуемых в 22 городах на территории 19 субъектов РФ (табл.). При этом выставочные мероприятия распределены по территории России неравномерно. Большая часть проводится в Европейской части страны (71%).

Рассматривая выставочные мероприятия на уровне федеральных округов (ФО), можно констатировать лидерство Приволжского ФО, где ежегодно организуется 9 выставок (25% от совокупного числа рассматриваемых выставок) с более 1000 участников (экспонентов) (34% от совокупного количества участников рассматриваемых выставок).

Стремление выявить географические аспекты функционирования выставки нефтяной и газовой промышленности, диктует необходимость выделения факторов, влияющих на их локацию.

Можно отметить, что деятельность выставок нефтяной и газовой промышленности во многом ориентируется на потребителя, которым в основном являются предприятия по добыче нефти / газа. В связи с этим, субъекты РФ, специализирующиеся на данных видах деятельности, как правило, заинтересованы в организации профильных выставок. Отсюда возникает «связка» между районом добычи нефти / газа и районом проведения выставки нефтяной и газовой отрасли. Например, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Тюменская область, Удмуртская Республика и др. В удаленных субъектах РФ с малой численностью населения, отраслевые выставки носят универсальный характер, ориентируясь не только на места добычи нефти / газа, но и в целом на места добычи топливно-энергетических ресурсов (Республика Якутия).

Выставки нефтяной и газовой отраслей по субъектам РФ

Субъект РФ	Кол-во выставок	Кол-во экспонентов	Кол-во иностранных экспонентов	Кол-во посетителей
г. Москва	5	1043	13	1224
Республика Башкортостан	1	352	16	8173
Республика Татарстан	3	320	13	6124
Тюменская область	2	269	9	7830
Санкт-Петербург	6	203	24	5655
Пермский край	1	161	19	2560
Краснодарский край	2	146	-	-
Республика Удмуртия	1	143	-	3400
Ханты-Мансийский АО	2	137	-	-
Волгоградская область	2	116	-	-
Томская область	2	111	-	-
Астраханская область	1	89	-	-
Ямало-Ненецкий АО	1	76	0	-
Оренбургская область	1	75	3	4830
Самарская область	1	75	4	1452
Саратовская область	1	67	2	1500
Республика Саха (Якутия)	1	62	0	-
Красноярский край	1	61	-	2455
Новосибирская область	1	36	7	1045

- Информация отсутствует

Составлено автором по [6; 7].

Потребителем товаров и услуг, экспонируемых на рассматриваемых выставках, являются и предприятия нефте- и газопереработки. В связи с этим, субъекты РФ, специализирующиеся на этих видах деятельности, как правило, занимаются организацией на своей территории профильных выставок. Так, в 15 субъектах РФ можно увидеть такую «связку» (нефтеперерабатывающие заводы — выставки нефтяной и газовой отрасли). Наиболее ярко данная закономерность прослеживается в Республике Татарстан, Тюменской области Ханты-Мансийском АО, Волгоградской области, Краснодарском крае, Томской области. В целом, около 70% всех рассматриваемых выставок имеют в качестве основного фактора размещения, наличие НПЗ [8].

Организация же выставок в Москве и Санкт-Петербурге, в отличие от других регионов обусловлена, в первую очередь, наличием хорошо развитой деловой инфраструктуры; наличием хорошо развитой выставочной инфраструктуры; наличием ёмкого рынка, хорошей транспортной доступностью.

Итогом проделанного исследования можно считать выделение выставочных районов в нефтяной и газовой области, которые отличаются друг от друга не только разной степенью активности, но и степенью территориальной концентрации, тематикой, факторами размещения.

Всего выявлено три выставочных района. *Центрально-Европейский* объединяет выставки, проходящие в Москве, Санкт-Петербурге и Краснодарском крае. Здесь выявлено 13 выставок (37% совокупного числа рассматриваемых выставок). Они обладают только международным статусом. Организаторами выступают крупные международные компании. Все выставки — специализированные. Выставочная деятельность характеризуется высоким уровнем территориальной концентрации. Основные факторы размещения: наличие хорошо развитой деловой и выставочной инфраструктуры, ёмкого рынка, хорошей транспортной доступностью. Специализация территории имеет второстепенное значение.

Урало-Поволжский район объединяет выставки, проходящие в Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Самарской, Саратовской областях, Пермском крае, Республиках Башкортостан, Татарстан, Удмуртская Республика. Выявлено 12 выставок (34% совокупного числа рассматриваемых выставок). Они обладают только международным статусом. Организаторами выступают как региональные, так и межрегиональные операторы. Выставочная деятельность характеризуется высоким уровнем деконцентрации. Тематика выставок объединяет нефтяную и газовую отрасли со смежными видами экономической деятельности. Основные факторы размещения: ориентация на потребителя, которым в основном выступают предприятия по добыче и переработке нефти / газа.

Сибирский район объединяет выставки Красноярского края, Новосибирской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского АО, Ямало-Ненецкого АО, Республики Саха (Якутия). Выявлено 10 выставок (29%) международного и межрегионального значения. Организаторами выступают региональные и межрегиональные операторы. Тематика выставок представлена широким спектром видов деятельности, связанных с ТЭК. Характерны территориальные диспропорции в организации выставочной деятельности. Основные факторы размещения: транспортная доступность; ориентация на потребителя, которым в основном являются предприятия по добыче и переработке нефти / газа.

Основным географическим выводом, можно считать выделение факторов, влияющих на локацию выставок нефтяной и газовой отраслей России:

наличие хорошо развитой деловой и выставочной инфраструктуры, наличие ёмкого рынка, хорошей транспортной доступности, специализация территории на добыче и переработке нефти и газа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГОСТ 32608-2014 «Межгосударственный стандарт РФ. Деятельность выставочно-ярмарочная. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 11.06.2014 № 550-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200111315> (дата обращения 20.01.2022).

2. Концепция развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства РФ от 10 июля 2014 г. № 1273-р) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: <https://docs.cntd.ru/document/420207757> (дата обращения 17.11.2021).

3. Потоцкая Т.И. Международные ювелирные выставки. Смоленск: Маджента, 2005. 160 с.

4. Потоцкая Т.И. Ювелирное выставочное движение России // Маркетинг в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 47-52.

5. Потоцкая Т.И., Попова Е.В. Туристские Выставки России: региональные особенности развития // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 47. С. 44-50.

6. Российский союз выставок и ярмарок [Электронный ресурс]. URL: <https://ruef.ru> (дата обращения 27.11.2021).

7. EXPONET.RU — профессиональный интернет-портал выставочной индустрии [электронный ресурс], URL: <https://www.exponet.ru> (дата обращения 27.11.2021).

8. Реестр НПЗ России. Министерство энергетики РФ [электронный ресурс], URL: <https://minenergo.gov.ru/opendata/7705847529-reestrnpz> (дата обращения 06.12.2021).

Igor V. Sidorov

Smolensk State University, Smolensk

TERRITORIAL ORGANIZATION OF OIL AND GAS EXHIBITIONS OF RUSSIA

***Annotation.** The research is devoted to the identification of general and geographical features of the formation and functioning of exhibitions in the oil and gas sectors of the national economy of Russia. The features of the exhibition activity according to the degree of activity, territorial concentration, exhibition topics, placement factors are revealed. The main exhibition areas in the industry have been identified. In conclusion, the factors influencing the location of exhibitions of the oil and gas industries of Russia are highlighted.*

***Keywords:** economic geography, industry exhibition, exhibition activity, oil and gas industry, Russia.*

ГЕОГРАФИЯ СПОРТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

***Аннотация.** Одним из новых направлений в общественной географии является география спорта. В отечественной науке ее развитие находится на начальной стадии. География спорта обладает фундаментальным и прикладным потенциалом, изучая спорт как аспект экономической, социальной и политической жизни. Спорт представляет собой сложный междисциплинарный объект, для которого разработана исследовательская схема направлений географии спорта и представлен их потенциальный инструментарий.*

***Ключевые слова:** география спорта, новые направления социально-экономической географии, спорт и физическая культура.*

В последние десятилетия, под влиянием гуманизации, в общественной географии активно формируются новые направления — география образа жизни, поведенческая география, география искусства и многие другие. Одним из таких направлений считается и география физической культуры и спорта. Однако, в отечественной общественно-географической науке ее развитие имеет эпизодический, зачаточный характер. При этом, пренебрежение спортом географами парадоксально по нескольким причинам. Во-первых, спорт является важным аспектом экономической, социальной и политической жизни. Он играет огромную роль в средствах массовой информации и общественном дискурсе. Во-вторых, география спорта — это пространственная наука. Пространство и место, рассматриваемые многими как две географические основы, играют важную роль, как в географии, так и в спорте. И спорт, и география фокусируются на том, как люди перемещаются и взаимодействуют в пространстве.

Основной идеей российских географов является представление о формировании географии физической культуры и спорта в рамках географии социальной инфраструктуры [1]. При этом, можно говорить о существовании научного направления «география спорта» в зарубежной географии. В связи с этим, представляется актуальной задача поиска конструкций и методов, позволяющих организовать географическое изучение спорта.

Для начала необходимо решить, на первый взгляд, очевидную задачу — определить объектную область научного направления. Так, Большая олимпийская энциклопедия определяют спорт как «соревнования по различным физическим упражнениям и их комплексам, а также система их организации и проведения, а также подготовка к соревнованиям (трениров-

ка), специфические социальные отношения в этой области человеческой деятельности и общественно значимые результаты такой деятельности» [2]. В российской практике близким по смыслу выступает понятие «физическая культура». Она представляет собой «...совокупность ценностей и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путём физического воспитания, физической подготовки и физического развития» [3]. Главным разделяющим критерием между спортом и физической культурой, является элемент состязательности и результата.

С начала XX века идет процесс профессионализации спорта, в результате которого сформировалась отрасль профессионального или коммерческого спорта, где к традиционным спортивным целям добавляется элемент экономического прибыли. Таким образом, можно предположить, что объектом для географического изучения в данном случае становится триада «физическая культура — любительский спорт — профессиональный спорт».

К этой объектной группе сформировали свои подходы многие науки (рис. 1). Так, в результате синтеза медицинских, биологических и психолого-педагогических научных направлений возникло понятие спортивной науки. Прикладным изучением спорта также занимаются в рамках юриспруденции, политических наук.

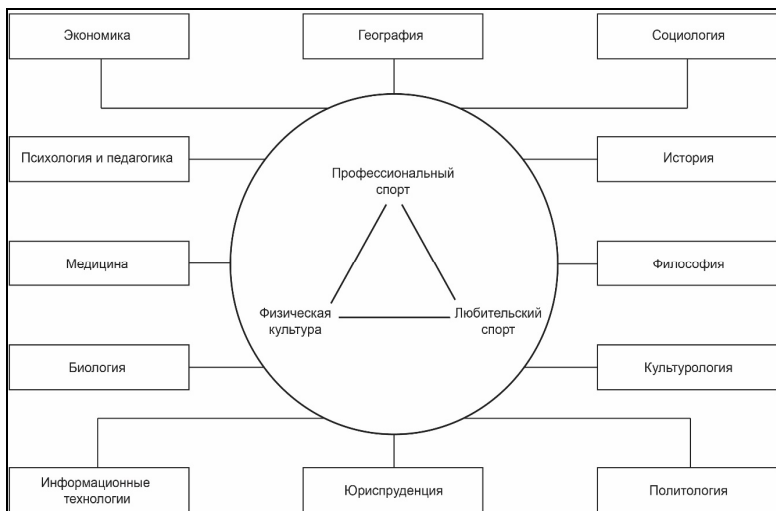

Рис. 1. Спорт — объект изучения научных направлений

Спорт выступает объектом исследования целого блока социально-гуманитарных наук. Спорт активно начинает попадать в их фокус со второй половины XX века [4]. Это происходит параллельно его распространению в форме оздоровительной и социальной практики среди населения по всему миру. В данном случае спорт представляется широким социально-культурным феноменом. Через его изучение можно прийти к пониманию основ функционирования сложных социальных систем. Важной идеей, развиваемой в рамках антропологии и культурологии, является представление о связи разных видов спортивных практик и типов структур человеческих обществ [5]. С развитием общества будут меняться и практикуемые виды спорта. В таком случае сфера спорта может быть качественным индикатором социальной динамики.

Таким образом, можно предположить, что в рамках социально-гуманитарного изучения спорта важное место может занять и география. Так, один из основоположников географии спорта в Великобритании Д. Бэйл предлагает выделять три направления, в которых география может исследовать спорт:

- пространственное распространение спортивной деятельности;
- связи между участниками спортивной деятельности и их изменения;
- прогнозирование пространственных изменений спортивной среды, в том числе с точки зрения экологии [6].

Можно выделить несколько уже сформировавшихся географических взглядов на спорт. Так, советская рекреационная география определяла спорт как тип рекреационных занятий [7]. Рекреационно-спортивные занятия направлены преимущественно на развитие физических сил человека. К ним отнесены спортивные игры, парусный и моторный водный спорт, лыжный спорт, длительные пешие переходы, восхождение на горные вершины [8]. В свою очередь, они могли входить в состав циклов рекреационной деятельности [9]. Наконец, следует отметить вклад рекреационной географии в изучении условий и факторов развития спортивного туризма.

В зарубежной географии спорта большее внимание отведено спорту высших достижений, чем спорту как рекреационной деятельности. Особенно выделяется тема анализа и прогноза результатов Олимпийских игр [10, 11, 12]. Причем, спортивные успехи отдельных стран в данных работах сопоставляют с их экономическим и политическим влиянием на мировой арене.

Наконец, следует сказать несколько слов о современных исследованиях спорта российскими географами. По мнению некоторых авторов, неразвитость географического изучения спорта в России связана как с двойственностью его положения (между здравоохранением и культурой), так и с не-

ясностью практического приложения результатов [13]. В результате, за исключением нескольких работ в духе западной школы анализа олимпийского спорта [14, 15], сформировался специфический взгляд на спорт как вид социальной инфраструктуры [16, 17, 18].

По итогу анализа сложившихся взглядов на географическое изучение спорта, представляется возможным предложить обобщающую исследовательскую схему (рис. 2). Спорт является комплексным и сложным объектом для изучения, поэтому для географии спорт можно выделить в нем несколько блоков, требующих специфических подходов.

ОБЪЕКТ	МЕТОД / ПАРАДИГМА	ГИПОТЕЗА / ИДЕЯ
профессиональный спорт, спорт высоких достижений, «большой спорт»	<i>экономическая и политическая география</i>	Спорт отражает борьбу стран, регионов, городов за политическое и экономическое влияние
спортивная индустрия (одежда, оборудование, питание, медицины, туризм, СМИ и т.д.)	<i>комплексный и отраслевой подход, концепция территориальных структур, модель «центр-периферия» и др.</i>	Территориальный аспект функционирования спортивной индустрии
спорт и образ жизни, «массовый спорт» (фитнес-культура, спортивная идентичность)	<i>культурная география, география образа жизни, гуманитарная география, медицинская география, рекреационная география</i>	Спорт как форма идентичности
спортивная инфраструктура	<i>нормативный подход, территориальное планирование, социально-экономическая география</i>	Спорт как часть социального обслуживания населения
спорт и окружающая среда	<i>культурная география, геоэкология, устойчивое развитие, рекреационная география</i>	Как спорт использует и влияет на окружающую среду

Рис. 2. Потенциальные направления исследований в географии спорта

Одним из объектов географии спорта может выступать профессиональный спорт. Как широкое явление он достаточно молод, но к современному моменту уже хорошо структурирован и сильно институализирован. Главным вопросом является попытка найти связи между успехами страны в спорте и ее местом в экономической и политической мировой структуре. Основной идеей является представление о том, что спорт на глобальном уровне (Олимпийские игры, чемпионаты мира) отражает борьбу стран за экономическое и политическое доминирование. Несмотря на ее неодно-

значность, спорить о прямой связи между экономической мощью, политическим весом страны и ее достижениями в профессиональном спорте сложно. Существует также очевидный путь географического осмысления этого объекта — выделение отдельных «географий» по видам спорта (география футбола, география хоккея, география легкой атлетики и т.п.), с более пристальным вниманием к факторам появления, распространения, развития и территориальной организации.

Помимо результатов спорт имеет и экономико-техническое измерение. С этой точки зрения, объектом для изучения выступает спортивная индустрия, а спорт может быть представлен как отдельная отрасль мирового хозяйства. В свою очередь, спортивная индустрия делится на ряд подотраслей, через которые связывается с другими отраслями и комплексами. Самыми крупными такими подотраслями является производство спортивной одежды, производство спортивного оборудования, спортивная медицина и фармакология, спортивные СМИ и телевидение. С позиции экономической географии к их изучению можно применять весь наработанный за десятилетия методологический аппарат — комплексный и отраслевой подходы, концепцию территориальных структур, различные модели и многое другое.

Третьим объектом географии спорта может стать понимание спорта как части деятельности человека. Сюда относится и традиционное представление о физической культуре как рекреационно-оздоровительной деятельности, характерной для каждого человека. Важным моментом в данном направлении выступает сопричастность к спорту вообще. То есть не только через непосредственное занятие определенным видом спорта, но и через фанатскую культуру и поддержку местных спортсменов. В данном случае спорт может отражать многочисленные идентичности людей, а иногда и их формировать.

Специфическим объектом в географии спорта может выступать спортивная инфраструктура. В России спортивные объекты включены в состав социальной инфраструктуры, которой должно быть обеспечено население при проектировании и осуществлении градостроительной деятельности. Выработка нормативов обеспеченности спортивными сооружениями, определение их емкости при проектировании возможны только с использованием серьезных географических исследований. К тому же, территориальное неравенство в России, в том числе и по уровню обеспеченности спортивной инфраструктурой, продолжит сохраняться, а соответствующие нормативные показатели могут быть увязаны в дальнейшем и с развитием профессионального спорта в регионах.

Уникальным объектом для географии спорта представляется взаимосвязь спорта и окружающей среды. В данном направлении на первый план

выходит вопрос о том, как ландшафт влияет на появление и развитие видов спорта, а также на особенности подготовки профессиональных спортсменов. Несмотря на многочисленные установленные стереотипы природного детерминизма в спорте, этот вопрос гораздо сложнее. Более того, в последнее время спорт начинает влиять на окружающую среду, как непосредственно используя ее для соревнований, так и оставляя за собой экологический след.

Таким образом, очерчен лишь круг гипотетических направлений в географии спорта. Некоторые из них поступательно развиваются и уже сформировали определенный научный задел, некоторые, в силу разных причин, находятся на начальном этапе своего развития, обладая при этом значительным потенциалом. Безусловно, представленная схема не может отразить всего возможного многообразия исследований в географии спорта, и должна в последующем обсуждаться и дополняться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новые направления в общественно-географических науках / С. Ю. Корнекова, В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 107 с.
2. Спорт // Большая олимпийская энциклопедия: в 2 т. / автор-сост. В. Л. Штейнбах. М.: Олимпия Пресс, 2006. 968 с.
3. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/
4. Морган У. Философия спорта: исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего // Логос. 2006. № 3 (54). С. 147-158.
5. Caillois R. Les Jeux et les homes. Paris, Callimard, 1958.
6. Bale J. Sports geography. Routledge, 2003. 209 p.
7. Теоретические основы рекреационной географии / отв. редактор В.С. Преображенский. М.: Наука, 1975. 222 с.
8. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 207 с.
9. Веденин Ю. А. Динамика территориальных рекреационных систем М.: Наука, 1982. 190 с.
10. Johnson D., Ali A. A tale of two seasons: participation and medal counts at the summer and winter Olympic games//Social Science Quarterly. 2004. V. 8. P. 974-993.
11. Bernard A.B., Busse M.R. Who Wins the Olympic Games: Economic Resources and Medal Totals//Review of Economics and Statistics. 2004. V. 86(1). P. 413-417.
12. Andreff W., Andreff M. Economic prediction of medal wins at the 2014 winter Olympics// North American Association of Sports Economists. Working Paper Series. October, 2011. № 11-16. 28 p.
13. Новые направления в общественно-географических науках / С. Ю. Корнекова, В. Л. Мартынов, Э. Л. Файбусович. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. 107 с.

14. Горохова Е. В. Влияние Олимпийских зимних игр (2002, 2006, 2010 и 2014 гг.) на развитие спорта в мире // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. №2. С. 97-101.

15. Горохова Е. В. Методика оценки олимпийского успеха страны // Региональные исследования. 2018. №1 (59). С. 13-21.

16. Кузьмин А.В., Балина Т.А. Роль спортивной инфраструктуры в региональной политике: механизмы реализации, проблемы и перспективы развития (на примере Пермского края) // Инновационная экономика. 2016. №4.

17. Балина Т.А., Кузьмин А.В., Столбов В.А. Роль спортивной инфраструктуры в наращивании регионального капитала // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дизинтеграционных процессах. Материалы международной научной конференции в рамках VIII Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Пермь : Издательство ПГНИУ. 2017. С. 195-199.

18. Лаврова Е.В., Яковлева С.И. Спортивная инфраструктура Тверской области: статистика и география // Вестник ТвГУ. Серия «География и Геоэкология». 2017. № 4. С. 55-76.

Цыа Р. Suprunchuk

North Caucasus Federal University, Stavropol

GEOGRAPHY OF SPORTS AS A DIRECTION IN SOCIAL GEOGRAPHY

***Annotation.** One of the new directions in social geography is the geography of sports. In Russian science, its development is at an early stage. The geography of sports has fundamental and practical potential, studying sports as an aspect of economic, social and political life. Sport is a complex interdisciplinary object for which a research scheme of sports geography directions has been developed and their potential tools are presented.*

***Keywords:** geography of sports, new directions of socio-economic geography, sports and physical culture.*

УДК 911.9

Чугунова Н.В., Кухарук Н. С., Полякова Т. А., Морковская Д. Н.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород*

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ С УКРАИНОЙ ТЕРРИТОРИЙ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

***Аннотация.** На основе полевых исследований сделаны выводы о неустойчивости развития граничащих с Украиной территорий Центрально-Черноземного района РФ. Отмечено отсутствие во многих населенных пунктах возможностей удовлетворения базовых потребностей населения; выявлены рост поляризации,*

социального неравенства центра и периферии; определено вступление собственно приграничных с Украиной территорий в фазу глубокой депрессии.

Ключевые слова: *устойчивость, социально-экономическое, приграничье, деградация, метрополизация, поляризация.*

Введение. Устойчивое развитие конкретной территории включает обеспечение высокого качества среды обитания населения, установленные стандарты уровня жизни, равновесие окружающей среды. Устойчивое развитие населенного пункта должно гарантировать жителям удовлетворение базовых потребностей в труде (работе), образовании, первичной медицинской помощи, включать стандартный уровень благоустройства населенного пункта.

Основные задачи работы: выявление уровня устойчивости систем расселения приграничных территорий Центрально-Черноземного района; определение территориальной дифференциации социально-экономико-экологического состояния муниципальных образований.

Методы исследования: полевые — экспедиционный, социологические опросы, анкетирование, интервью, включенные наблюдения.

Основные результаты и обсуждение. Экспедиционные исследования, проведенные в муниципальных образованиях (МО) Белгородской, Воронежской, Курской областей, отвечали градиенту «центр», «полупериферия», «периферия-приграничье». К «центру» отнесены городские округа Белгород, Воронеж, Курск, Старый Оскол и их первые пригородные зоны; «полупериферии» — окраины пригородной зоны метрополисов (о метрополисах, метрополизации, метрополитенских ареалах см.: [1, 2, 3]); «периферии-приграничью» — глубинные, окраинные районы областей, граничащие с Украиной.

Полученные ранее материалы [4], новые результаты исследований свидетельствуют о процессах интенсивного развития метрополий и метрополизации, доминировании в Белгородской области не только столичного центра, но и города Старый Оскол, Старооскольско-Губкинского ареала; в Воронежской области — городского округа (ГО) г. Воронеж, Курской — ГО г. Курск. Установлены процессы «расползания» городских территорий (спрол метрополисов); рост неравенства экономических, социальных, инфраструктурных показателей между центром, полупериферией, периферийно-приграничными с Украиной территориями; выявлены значительные пространственные различия условий жизнедеятельности населения. Нарастает деградация сельских периферийных территорий, снижается демографический потенциал, усиливается демографический кризис, нарастает локационное сокращение [5] освоенного пространства.

Метрополисы и подконтрольные им территории все больше поляризуются, трансформируется их социально-экономическое, демографическое пространство, растет социальное неравенство по уровню доходов, образования, занятости, профессиям: показатели естественной убыли населения метрополисов в два раза ниже периферии; заработная плата, доход жителя ГО в 2,5-3 раза выше. Уровень благоустройства значительной части сельских населенных пунктов и жилых домов не соответствует стандартам XXI в., более чем в 70% небольших населенных пунктов (до 100 жителей) отсутствуют средняя школа, кабинет врача или ФАП, водопровод и канализация.

Выявлено сложное экологическое состояние населенных пунктов (НП) в зоне влияния свиноводческих и откормочных комплексов, птицефабрик. Жители многих НП жаловались на рост аллергических и онкологических заболеваний из-за интенсивного использования агрохолдингами гербицидов и пестицидов. Индустриальные способы производства в сельском хозяйстве привели к системно высокой безработице на селе с максимальными показателями в малых по людности сельских поселениях (СП). От 10% до 100% населенных пунктов людностью до 50 чел. не имеют рабочих мест. В центрах СП в структуре занятых лидирует бюджетная сфера, основными источниками средств существования респондентов села являются пенсия, заработная плата, дифференцированная, невысокая (15-20 тыс. руб.) и низкая (менее 13 тыс. руб.). До 100% экономически активного населения отдельных сельских населенных пунктов являются вынужденными маятниковыми мигрантами или отходниками (возвратная трудовая миграция). Личное подсобное хозяйство с трудом удовлетворяет часть потребностей в продуктах питания, не носит товарного характера в связи с высокой стоимостью кормов для животных и проблемами сбыта продукции.

Во всех домохозяйствах муниципальных образований (включая метрополисы) доля расходов на питание составляет 35-60% семейного бюджета респондентов, что свидетельствует о невысоком и низком уровне жизни. На вопрос «У Вас (Вашей семьи) есть финансовые возможности улучшения жилищных условий?» 95% респондентов ответили отрицательно, 5% положительно — «только по ипотеке».

Установлено, что от 97% до 100% выпускников средних школ уезжают учиться в вузы и колледжи областных и районных центров; низка доля (1-28%) желающих вернуться в родной дом после получения образования, что приводит к снижению демографического и изменению качества человеческого потенциалов вне метрополисов и метрополисных ареалов, возникновению проблем проникновения инноваций в сельскую местность.

Камеральная обработка полевых исследований сельских территорий, позволила выделить три типа территорий: 1) «центр» — первая пригородная зона (изохрона 30-45 км); 2) «полупериферия» — окраина пригородной зоны метрополиса; 3) «периферийно-приграничный» тип с выделением подтипа «собственно приграничные сельские территории».

1) «Центр»: жители работают в основном в метрополисах (за исключением работников бюджетной сферы, торговли), используя свои населенные пункты в качестве «сел-спален»; доля лиц с высшим образованием высокая; доли занятых в торговле, индивидуальном предпринимательстве повышенные; транспортная инфраструктура доступна; маятниковая миграция населения высокая; есть возможность получения медицинских услуг в метрополисе. Численность населения во многих СНП увеличилась в результате процессов субурбанизации спрлового типа и притока мигрантов из Украины, Узбекистана, Киргизии, Молдовы. Основная часть выпускников колледжей и вузов, проживающих в первой пригородной зоне, работает в метрополисах. Устойчивость сельских поселений высокая.

2) «Полупериферия» характеризуется худшим социально-экономическим развитием. По сведениям администрации СП, часть трудоспособного населения живет на случайные заработки или занимается ЛПДХ не товарного характера, большая часть жителей поселений — вынужденные отходники. Сокращение численности населения, рост трудодивиденческого баланса является стойкой тенденцией.

3) «Периферийно-приграничные» районы: непосредственное влияние метрополисов на население минимально, условия и уровень жизнедеятельности населения зависят от расположения села в «центро-периферийном» градиенте мини-масштаба, где «центром» является административный районный центр — конкретная экзометрополия [6] области. Тенденция высокой территориальной мобильности населения (оттока и отходничества) усиливается, ухудшая качество человеческого капитала, затрудняя диффузию инноваций. Устойчивость сельских поселений низкая.

Подтип «собственно приграничные сельские территории», граничащие с Украиной, характеризуются худшими показателями на рынке труда, получения социальных услуг, высоким оттоком населения со средним и высшим образованием, снижением качества человеческого потенциала, широким распространением вынужденного отходничества населением среднего возраста, лишаящих периферию лучших, квалифицированных работников — «утечкой умов».

Выводы. Результаты исследования позволяют делать предварительные выводы об углублении поляризации, социального неравенства центра и полупериферии, периферии; вступлении собственно приграничных с Укра-

иной территорий в фазу неустойчивого развития, глубокой депрессии с точкой невозврата. Необходимы региональные меры ослабления диспропорций.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного Проекта № 20-05-00074.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дружинин А.Г. Метрополизация и региональные метрополии: универсальное и специфическое в южнороссийском контексте // Научная мысль Кавказа. 2010. (3). С. 57-62.
2. Kinossian N. State-led metropolisation in Russia. *Urban Research & Practice*, 2016. P. 466–476. DOI: 10.1080/17535069.2016.1275619.
3. Чугунова Н. В., А. Г. Нарожняя, Т. А. Полякова, Н. С. Кухарук, Д. Н. Морковская. Поляризация пространства Белгородской, Воронежской, Курской областей: роль региональных столиц // Известия РГО.2021. Т. 153. № 2С. 18-29.
4. Chugunova N., Narozhnaya A., Polyakova T., Kuharuk N., Morkovskaya D. Spatial differentiation of border areas of the Central Black Earth Region in metropolisation processes. *Atlantis Press International B.V.*2021:14-19.
5. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенного пространства в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т.7. №2. С. 31-53.
6. Чугунова Н.В., А.Г. Нарожняя. Внутренняя структура агломераций и городского пространства Центрально-Черноземного района средствами ГИС // Управление городом. Теория и практика. №3 (37). 2020. С. 56-62.

Nadezhda N.V. Chugunova, Natalia S. Kukharuk,

Tatiana A.Polyakova, Daria N. Morkovskaya

Belgorod State National Research University, Belgorod

PROBLEMS OF SUSTAINABILITY OF TERRITORIES BORDERING WITH UKRAINE IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN CONDITIONS OF SOCIO-ECONOMIC POLARIZATION

***Annotation.** Based on field studies, conclusions are drawn about the instability of the development of the territories of the Central Chernozem region bordering Ukraine. The absence of opportunities to meet the basic needs of the population in many localities was noted; the growth of polarization, social inequality of the center and periphery was revealed; the entry of the territories bordering Ukraine proper into the phase of deep depression was determined.*

***Key words:** sustainability, socio-economic, borderland, degradation, metropolization, polarization.*

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ИЗУЧЕНИИ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы использования научно-образовательного и инновационного потенциала Республики Корея в целях изучения освоения российской Арктики. Определено значение данного потенциала в устойчивом развитии региона.*

***Ключевые слова:** научно-образовательный и инновационный потенциал, Республика Корея, российская Арктика.*

Введение. Актуальность поставленной в данной публикации проблемы определяется потребностью в изучении научно-технического, образовательного и инновационного потенциала Республики Корея в изучении освоения арктического пространства. В предшествующий период не было специальных исследований по изучению взаимодействия научного, образовательного и инновационного потенциала Республики Корея в целях освоения Арктики и развития Северного морского пути. Следовательно, объективно существует актуальная необходимость подготовки материалов, определяющих научные основы комплексного изучения освоения Арктики с позиций Республики Корея.

Проведенные ранее исследования анализируют и решают проблемы формирования и развития образования и науки в контексте их взаимодействия, не используя соответствующий аппарат системного воздействия (путем создания интегрированных региональных учебно-научно-инновационных комплексов и результатов их деятельности).

В Республике Корея имеется богатый опыт использования научного, образовательного и инновационного потенциала в различных отраслях и сферах деятельности в том числе с использованием потенциала других стран [1, 2]. В этом плане взаимодействие Российской Федерации и Республики Корея в данном вопросе может быть плодотворным и результативным.

***Объект исследования:** научное обеспечение изучения освоения российской Арктики в Республике Корея.*

Методология исследования. Проведенное исследование основано на междисциплинарном подходе, который выявляет специфичность и универсальность той или иной области знаний. В результате исследования изуче-

ны политика и стратегия стран, в том числе Республики Корея которые заинтересованы в контактах в исследовательском арктическом пространстве и в получении комплексных научных и практических результатов. Процесс исследования проведен с применением инструментария экономической географии, региональной экономики, регионалистики и других наук.

Методы исследования: теоретические, статистические, картографические и др.

Научная новизна исследования: Впервые рассмотрены научные подходы ученых Республики Корея в изучении освоения российской Арктики.

Результаты исследования и обсуждение. Нами изучена политика отдельных стран, в том числе Республики Корея в контексте международной обстановки. Большой интерес к освоению Арктики и развитию Северного морского пути проявляет Республика Корея, где созданы государственные, корпоративные, академические и университетские структуры соответствующего профиля. Считается, что Республика Корея также признана в качестве будущего драйвера развития Арктики. Российской Федерации необходимо взаимодействовать с азиатскими странами в том числе с Республикой Корея в целях освоения новых рынков и освоения Дальнего Востока, Сибири и Арктики.

Поэтому сотрудничество Российской Федерации и Республики Корея в данном вопросе является жизненно важным и необходимым. Использование сырьевых и топливных ресурсов северных регионов России с привлечением южнокорейского опыта, принесет общие выгоды участникам соглашений между Российской Федерацией и Республикой Корея за счет двухстороннего сотрудничества. Республика Корея, недостаточно обеспеченная природными ресурсами, сможет получить необходимые природные ресурсы и найти способ дифференциации и выбора ресурсных поставщиков, в том числе российских, а Российская Федерация — ускорить освоение арктических территорий.

Таким образом, необходимо предпринять совместные усилия для установления и реализации согласованной международной политики, в том числе между Российской Федерацией и Республикой Корея, благодаря которой Северный Ледовитый океан и арктическое пространство будут представлять общий интерес в целях обеспечения экономического и социального прогресса и безопасной жизнедеятельности всего мирового сообщества.

Сотрудничество Российской Федерации и Республики Корея в Арктике, Сибири и на Дальнем Востоке, как ожидается, не только усилит развитие этого региона и экономическую мощь России, но и будет играть роль лейтмотива для экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. Республика Корея, по нашему мнению, должна четко выразить свое отношение и содействие в участии реализации своих возможностей в рассматриваемом реги-

оне, она должна разработать конкретные стратегические планы развития и осуществить практические действия в различных отраслях и сферах деятельности.

Проведенное исследование связано с анализом проблем изучения освоения зарубежной и российской Арктики и развития Северного морского пути. Такой подход, с позиций корейских ученых, к арктическому пространству, как ожидается, сможет обеспечить новые перспективы и направления исследований в академических кругах и практические действия как в России, так и за рубежом, в том числе в Республике Корея.

Особенности развития научно-образовательного и инновационного потенциала Республики Корея отвечают поставленным задачам. В стране имеется большое количество промышленных и инновационных комплексов, университетов и научно-исследовательских институтов. В то же время здесь проводятся конкретные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и имеются производственные объекты. Вместе с тем в республике НИОКР и производственные мощности отделены друг от друга и выполняются индивидуально. Целью будущего единого инновационного кластера Республики Корея является объединение этих функций в единое целое.

Формы территориальной организации науки, образования и инноваций в Республике Корея связаны с проводимыми научными исследованиями, опытно-конструкторскими работами в IT, вычислительной технике, транспорте, судоходной логистике, судостроении, рыболовстве, индустрии туризма и с конкретными производствами, которые используются и будут использованы для освоения Российской Арктики и развития Северного морского пути и могут являться примером многостороннего плодотворного сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея, в том числе в вопросах освоения Арктики [3].

Теоретическое и практическое значение в данном направлении имеют исследования, проводимые в Корейско-Сибирском центре (университете Пай Чай) Республики Корея. Цель исследований: установление сотрудничества с Россией в области экономики, науки, образования, культуры, техники и технологий. Здесь определены цели и задачи проведения научных и прикладных исследований, выявлены национальные интересы, подведены итоги и используются полученные результаты ранее проведенных исследований [4].

Выводы. Проведение разнообразных научных арктических исследований в Республике Корея может быть основано на сложных политических, географических, исторических, экономических, социальных, научных, технических, инновационных, этнических, демографических и других конкретных факторах, с учетом специфики стран и регионов, и конкретных

интересов, преследуемых соответствующими государственными и научными организациями, университетами и конкретными личностями.

Главнейшим условием осуществимости позитивных преобразований в вопросах взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея по исследованию освоения Арктики и развитию Северного морского пути корейские ученые считают ликвидацию геополитических рисков и решение проблемы объединения Севера и Юга Кореи и проведение совместных мероприятий по реализации перспективных инвестиционных проектов разных стран, в том числе в Российской Федерации.

Проводимые в Республике Корея исследования направлены на комплексное изучение освоения и развития данного региона, на анализ и синтез взаимосвязи всех элементов с точки зрения геополитических, геоэкономических, геоэкологических и геокультурных аспектов и представляют новый подход Республики Корея к Арктике в рамках всесторонних знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бэк Енчжун, Хан Джонман, Шадрин А. И. Направления взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея по освоению Арктики и развитию северного морского пути // Материалы междунар. научно-практической конференции, «География арктических регионов», РГПУ им. А. И. Герцена, СПб., 2017. С. 223-226.

2. Бэк Енчжун, Хан Джонман, Шадрин А. И. Участие Республики Корея в освоении Арктики: перспективы и противоречия, Наука Красноярья, 2019. Т. 8, № 1, С. 89-113.

3. 지금북극은 제1권북극, 개발과생존의공간25. 08. 2020. Nakyeonmunhwasa. 519 p.

4. Бэк Енчжун, Шадрин А.И. Особенности функционирования национальных научно-образовательно-инновационных комплексов в Республике Корея// Материалы Ежегодной международной научно- практической конференции LXXI Герценовские чтения «География: развитие науки и образования» в СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 257-260.

Alexander I. Shadrin

*V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical
University, Krasnoyarsk*

SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND INNOVATIVE POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF KOREA IN STUDYING OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

***Annotation.** The article introduces the issues of using the scientific, educational and innovative potential of the Republic of Korea in order to study the development of the Russian Arctic. The significance of this potential in the sustainable development of the region has been determined.*

***Key words:** scientific, educational and innovation potential, Republic of Korea, Russian Arctic.*

СЕКЦИЯ 5
ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 338.48

Алексушин Г. В.

Самарский государственный экономический университет, г. Самара

**«ДВИЖУЩАЯСЯ ГРАНИЦА» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СИБИРИ И
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС
СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу истории пространственного освоения Сибири и Дальнего Востока с позиций теории moving frontier и синтезу технологий и методик использования этого материала в современном историко-культурном туризме.*

***Ключевые слова:** moving frontier, фактор, Сибирь, Дальний Восток, освоение, историко-культурный туризм, экскурсия.*

В процессе проведения экскурсий и создания туров для иностранных туристов нередко можно столкнуться с непониманием принципов развития территорий иностранцами. Эффективным и апробированным средством для решения этой проблеме в знакомстве с историей Сибири и Дальнего Востока является теория moving frontier и те возможности, которая она даёт экскурсоводу и турмейкеру.

Сама по себе теория moving frontier («движущейся границы») разработана Ф.Дж. Тёрнером [1] для понимания пространственного развития США, весьма схожего с российским. Их границы, с его точки зрения, всегда должны двигаться, а территория влияния — расширяться. В 1880 г., когда вся Северная Америка перешла под контроль США, они устремились за океан.

Тёрнер считал, что география определяет характер людей и, в зависимости от ситуации, формирует их преимущества и недостатки.

Россия с XV в. развивается [2, 3] по тем же принципам и законам из-за сходства условий Вызова. У американцев был Дикий Запад и индейцы, у россиян — Сибирь и народы тюркской группы. Почти в одно время (в середине XIX в.) Россия отказалась от крепостного права, США — от рабства. Подобных сходств много. Но, как одинаковые полюса магнитов, обе страны «отталкиваются» [4].

Наглядно демонстрирует достоверность этой теории в российском материале хроно-географическая последовательность дат основания сибирских городов России, предполагающая постепенное движение общей границы от Урала в 2-х направлениях: до Тихого океана, и к реке Амур: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Берёзов (1593), Сургут (1594), Обдорск (1595), Мангазея (1601), Томск (1604), Туруханск (1607), Кузнецк (1618), Енисейск (1619), Красноярск (1626), Киренск (1630), Братск (1631), Якутск и Жиганск (1632), Олекминский острог (1635), Нижне-Колымск (1644) Охотск (1648), Чита и Нерчинск (1653), Иркутск (1661), Селенгинск (1665), Улан-Удэ (1666), Кемерово (1701), Барнаул (1730), Благовещенск (1856), Хабаровск (1858), Владивосток (1860).

Ради интереса туристов, можно выстроить пространственные вектора развития российской *moving frontier*. Помимо этой динамики, описания и иллюстрации всех технологий засек и засечных черт, крепостей и острогов становятся прекрасным дополнением к туристским продуктам.

Для начала необходим анализ историко-культурных особенностей региона и города как туристских дестинаций с точки зрения этой теории [5, 6]. Это действие можно считать 1-й необходимым шагом.

2-й потребный шаг — вырастить плеяду готовых к использованию таких концептов специалистов в туризме, для этого необходима интеграция этих материалов в краеведение конкретных регионов, в учебных пособиях к которому должна быть изложена эта теория в доступном для школьников и студентов формате [7, 8].

3-й шаг уже профессиональный — разработка конкретных туров и экскурсий с использованием материалов на базе теории *moving frontier*. Так, в разработанном автором данной публикации комплексе экскурсий для разных иностранных групп [9], апробированном на разных группах, в т.ч. в период проведения в Самаре матчей мундиала, среди 8-ми экскурсий для разных иностранных групп выделена американская, для которой использованы данные материалы.

Апробация этих разработок составляет 4-й шаг, а 5-й — осмысление результатов практических шагов, которые дают новые идеи и результаты. Так, проведение в Самаре экскурсий гидами выявило их неподготовленность к адекватному переводу ряда терминов. Так, например, термины «крепость» и «острог» они старались перевести как «*fortress*» (большая крепость), «*temple*»(замок) или в менее профессиональном варианте — «*city*» и «*town*» (город в разных смыслах). На самом деле, самым точным значением для американцев является «*fort*» (малая крепость, острог). В ходе проектной деятельности со студентами разных специальностей был подготовлен Словарь гида [10] и его модификации [11], в котором эти термины

(как и другие, для других тем) были предложены гидам для профессиональной подготовки.

Высшим (дополнительным или возможным 6-м) шагом развития этой темы может быть пополнение историко-культурного пространства под разработку туров и экскурсии: например, создание памятников — как в Самаре, посвящённой здешнему «форту» мемориальной доски (12).

Таким образом, использование теории *moving frontier* для понимания истории пространственного освоения Сибири и Дальнего Востока даёт качественный результат систематизации, намного лучше понимаемый американцами, чем иные варианты попыток объяснить непростую историю России. И уже не просто очевидны, но и в ряде регионов России отработаны технологии и методики развития историко-культурного туризма в плане турмейкинга и экскурсоведения, что позволяет экстраполировать их с ожиданием позитивного эффекта на любые регионы Сибири и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History. 1893.
2. Горожанин А.В., Рыбников В.В., Ипполитов Г.М., Ефремов В.Я., Алексушин Г.В. «Россия — священная наша держава»: прошлое с нами: учебное пособие: в 5 книгах / под общей редакцией В.В. Рыбникова. Т.2. От Руси изначальной к России императорской: «дистанция огромного размера». Самара, 2003. С. 159.
3. Горожанин А.В., Рыбников В.В., Ипполитов Г.М., Ефремов В.Я., Алексушин Г.В. Русь — Россия — СССР — Россия: этапы большого пути: Учебное пособие для вузов по курсу «Отечественная история» / под общ. ред. В.В. Рыбникова. Т.1. От Руси изначальной к году 1917: «Из мрачной глубины веков ты поднималась исполином...». Самара, 2004. С.234-235.
4. Алексушин Г.В. Постиндустриальная Россия и Запад. Завершение «холодной войны» СССР и США — «конец» истории? // Вестник университета Наевой. 1998. Самара, 1999. С. 114-121.
5. Алексушин Г.В. Развитие Самары как элемент российской «*movingfrontier*» // Социально-экономические проблемы Российского государства на рубеже XXI века. Материалы 1-й межвузовской научно-практической конференции (26 октября 2001 г.). Самара, 2002. С.13-16.
6. Алексей Владимиров. Развитие Самары как элемент российской «*moving-frontier*» // Самарские губернские ведомости-150. 2002. № 3. С. 4.
7. Алексушин Г.В. Самароведение: Учебное пособие. Самара, 2015. 92 с.
8. Алексушин Г.В. Самароведение: Учебное пособие. Самара, 2017. С. 28.
9. Алексушин Г.В. Экскурсии по Самаре для иностранных групп. Самара, 2014. С. 6-7.
10. Словарь гида/ под ред. Алексушина Г.В. Самара, 2016. С. 6.
11. Словарь гида-переводчика/ под ред. Алексушина Г.В. Самара, 2021. С. 6.
12. Алексушин Г.В. Самарская память: памятники, скульптуры, малые формы и мемориальные доски: Научно-справочное пособие. Самара, 2013. С. 122.

MOVING FRONTIER AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SIBERIA AND THE FAR EAST AND AN INNOVATIVE RESOURCE OF MODERN HISTORICAL AND CULTURAL TOURISM

Annotation. The article is devoted to the analysis of the history of spatial development of Siberia and the Far East from the standpoint of the theory of moving frontier and the synthesis of technologies and methods of using this material in modern historical and cultural tourism.

Keywords: moving frontier, factor, Siberia, Far East, development, historical and cultural tourism, excursion.

УДК 332.1

Адашова Т.А.¹, Крейденко Т.Ф.², Роготень Н.Н.³

¹ ООО «ФОКСФОРД», г. Москва

² Российский университет дружбы народов, г. Москва

³ Московский педагогический государственный университет, г. Москва

ЭКОТУРИЗМ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Рассматривается опыт развития экологического туризма обширного и малозаселенного региона российского Дальнего Востока, на долю которого приходится 41% территории страны. В статье анализируются факторы, обуславливающие приоритетность именно этого направления индустрии туризма, даётся оценка деятельности направленной на его продвижение. Вместе с тем, рассматриваются основные причины, сдерживающие развитие набирающего популярность экотуризма.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, экологический туризм, туристические природные ресурсы.

Индустрия туризма — сфера приоритетных государственных интересов многих стран мира. Одно из перспективных направлений — экологический туризм. По оценкам экспертов Всемирной Туристской Организации (UNWTO) в мире, где ежегодно увеличивается доля горожан (как ожидается, к 2050 г. она составит 68%, в России — более 83%), доля экологического туризма составляет примерно 10-15%. В России несмотря на имеющийся колоссальный природно-ресурсный потенциал и возрастающую потреб-

ность в отдыхе экологической направленности на неё приходится не более 1% туристского рынка.

Принято считать, что в России термин «экологический туризм» появился в середине 80-х годов XX в., когда были разработаны и внедрены первые экологические туры по территории Сибири. Тогда этот вид отдыха подразумевал знакомство с природными ландшафтами. В настоящее время, в соответствии с предъявляемыми требованиями, выдвигаемым природоохранными органами, экологический туризм обеспечивает тесную взаимосвязь интересов охраны природы и индустрии туризма.

Основной ресурс для организации экологического туризма в России — хорошо развитая сеть особо охраняемых природных территорий (ООПТ). В 2020 г. их насчитывалось 296: 109 государственных природных заповедников (46% от общей площади ООПТ), 64 национальных парка (36%), 60 государственных природных заказников (около 18%) [1]. В целом на долю ООПТ приходится 14% площади РФ, в том числе около 3% морских акваторий. Однако в соответствии с положениями Конвенции о биологическом разнообразии этого не достаточно. Площадь, отведенная под ООПТ в РФ должна быть не меньше чем 17% на суше и 10% в акватории.

В России вопросы расширения ООПТ решаются на уровне государственных программ. К примеру, Федеральным проектом «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» в реализации которого задействовано 44 субъекта РФ с 2018 по 2024 г. предусмотрено создание 24 новых ООПТ. Ожидается, что в дальнейшем создание современной инфраструктуры и проведение эколого-просветительских мероприятий позволит привлечь около 8 млн чел туристов (в 2019-2020 гг. около 6 млн).

Самое большое количество всех ООПТ приходится на долю Центрального федерального округа — 32% от общего количества ООПТ в России. Наибольшая площадь территории всех ООПТ характерна для Дальневосточного федерального округа — почти 65%.

Дальневосточный регион — самый большой по занимаемой площади российский регион (41% территории России). Его развитие обусловлено особенностями географического положения: омывается 6 морями двух океанов (Северного Ледовитого и Тихого океана), имеет государственную границу с четырьмя странами (КНР, Япония, США, КНДР), на территории сконцентрированы огромные природные ресурсы, а лесные массивы составляют более 30% общей площади лесов России.

Все субъекты Дальневосточного региона имеют окраинное и пограничное положение. Для многих из них, учитывая характер экономического освоения и военно-стратегическую специализацию, была характерна

закрытость территории. Поэтому туристическая деятельность там имела существенные ограничения и связывалась с развитием внутреннего туризма.

После распада СССР Дальневосточный регион стал активно выстраивать взаимоотношения со своими зарубежными соседями: с 2000 г. появилась возможность осуществления российско-китайских безвизовых групповых туристических поездок, был упрощён порядок въезда, в том числе и по электронным визам. До 2020 г. Российский Дальний Восток был одним из самых популярных регионов РФ, посещаемых иностранными туристами. Главным образом это были туристы из КНР (1/3 всех посещений по России). В стремлении сделать регион более доступным с 2014 г. все российские порты открыты для захода иностранных судов.

Постепенно на смену экскурсионным турам, стали приходить экологические туры. Во многом это объясняется тем, что Дальневосточный регион — один из самых заповедных в России. На его территории размещаются 31 Государственный заповедник (из 109 в России), 15 Национальных парков (из 64), 15 государственных природных заказников (из 60) и крупнейшие памятники природы федерального значения. Ещё 6 природных объектов, которые входят в список Всемирного наследия ЮНЕСКО — озеро Байкал (1996 г.), вулканы Камчатки (1996 г.), хребет Сихотэ-Алинь (2001 г.), остров Врангеля (2004 г.), Ленские столбы (2012 г.), Ландшафты Даурии (2017 г.). На Дальнем Востоке находится старейший заповедник России — Баргузинский (1917 г.).

Вместе с тем, приходится признать, что даже самые популярные для туристов места посещения, не всегда могут эффективно использоваться. К примеру, на одном из самых привлекательных для экотуристов объектов — полуострове Камчатка доля туризма составляет всего около 2% ВВП, а туристическая посещаемость до 2020 г. в среднем составляла около 200 тыс. человек [2]. Для сравнения: самый высокий показатель — около 300 тыс. пришелся на середину 1980-х годов, и это при том, что до 1989 г. Камчатка в силу своей военно-стратегической значимости была закрытая для иностранных гостей и ставка делалась на отечественных туристов. Поэтому даже хорошо узнаваемый бренд и наличие уникальных природных достопримечательностей не может превратить всю эту территорию в зону экологического туризма и гарантировать стабильный рост туристских показателей.

Несмотря на очевидную привлекательность природных объектов развитие сферы экологического туризма сдерживает ряд объективных факто-

ров — отдаленность от центральных районов страны, основной транспорт, осуществляющий доставку до туристских центров — воздушный (реже морской). Это существенно сказывается на итоговой стоимости турпакета. Подобная ситуация характерна практически для всего региона.

Огромные территории, отведенные под ООПТ тоже не могут быть использованы более эффективно. В большинстве случаев там созданы только базовые условия: проложены экологические тропы, сохраняется относительно не высокий уровень комфорта в местах проживания. К тому же, соответствии с российским законодательством на территории ООПТ предоставление туристических услуг не является обязательным. Каждая организация самостоятельно расставляет приоритеты своего развития. Поэтому на сегодняшний день турпоток поддерживается энтузиастами, которых не останавливают высокие затраты на отдых.

Правительство России заинтересовано в развитии туризма в отдаленном и малозаселенном Дальневосточном регионе. Благодаря реализации инвестиционных проектов свои возможности постепенно расширяет туристская инфраструктура. При этом не предусматривается строительство новых гостиниц на ООПТ. Размещение экотуристов организуется вблизи их расположенных населенных пунктах. В конечном итоге это позволяет минимизировать возможное негативное воздействие человека на природу.

Безусловно, при разработке стратегии развития индустрии туризма на Дальнем Востоке, в частности экологического туризма учитывается специфика этой обширной территории. По прежнему большое внимание уделяется развитию популярных у туристов природных объектов. Большое значение имеют проводимые в регионе экономические форумы, позволяющие привлечь дополнительное внимание к проблемам территории и раскрыть потенциал для инвесторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. 864 с.

2. Адашова Т.А., Роготень Н.Н. Полуостров Камчатка: опыт развития экологического туризма // Географические проблемы и возможности развития туризма и рекреации в Узбекистане (город Чирчик, 11-12 октября 2019 года). С. 9-14.

Tatiava A. Adashova¹, Tatyana F. Kreydenko, Natalia N. Rogoten

¹ OLR «FOXFOR»», Moscow

² Moscow Pedagogical State University, Moscow

³ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ECOTOURISM AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FAR EAST

Annotation. The article talks about the experience of eco-tourism development in the vast and scarcely populated region of Russian Far East which forms 41% of the country territory. The author analyses factors granting the priority of this very direction of tourist industry and gives the mark to the activities pointed at its promotion. Along with it, some words are said of the main reasons that hold back the development of highly growing eco-tourism.

Key words: Russian far East, ecological tourism, tourism natural resources.

УДК 338.48

Антюфеева Т.В., Есипова С.А.

Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ В РЕСУРСОДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНАХ

Аннотация. Особенности природно-ресурсного потенциала ресурсодобывающих регионов определило специализацию хозяйства. Устойчивое развитие данных территорий возможно при сбалансированном сочетании использования природных ресурсов и охраны природных экосистем. Одной из форм охраны окружающей среды в ресурсодобывающих регионах является создание сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Расширение сети ООПТ и развитие экологического туризма на их территориях являются приоритетными направлениями в регионах.

Ключевые слова: ресурсодобывающий регион, особо охраняемые природные территории, экологический туризм

Особенности природно-ресурсного потенциала ресурсодобывающих регионов определили специализацию хозяйства. Устойчивое развитие данных территорий возможно при сбалансированном сочетании использования природных ресурсов и охраны природных экосистем. Одной из форм охраны окружающей среды в ресурсодобывающих регионах является создание сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Расширение сети ООПТ и развитие экологического туризма на их территориях являются приоритетными направлениями в регионах [1].

В настоящее время, понятие «экологический туризм» не закреплено в законодательстве Российской Федерации [2], но, в целом ряде документов, в том числе в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, экологический туризм рассматривается как вид туризма, требующий «...формирования специальных мер государственной поддержки, снятия административных и социально-экономических ограничений» [3]. Согласно ГОСТ Р 56642-2015 «Туристские услуги. Экологический туризм» экологический туризм — это деятельность (оказание услуг) по организации путешествий, включающая все формы природного туризма, при которых основной мотивацией туристов является наблюдение и приобщение к природе при стремлении к ее сохранению [4].

Следует отметить, что экологический туризм может быть связан не только с изучением экологических систем и природных процессов, но и с изучением культурных, этнических особенностей народов, проживающих на таких территориях. Одним из приоритетных направлений в настоящее время, согласно Указу Президента РФ № 204 от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5], является создание инфраструктуры экологического туризма в национальных парках страны.

Национальный проект «Экология» определяет основные приоритеты по сохранению биологического разнообразия и развитие экологического туризма. Одной из целей национального проекта является создание условий устойчивого развития особо охраняемых природных территорий и экологического туризма. В рамках данного направления основными показателями проекта являются: увеличение количества посетителей особо охраняемых природных территорий; увеличение количества федеральных особо охраняемых природных территорий; увеличение площади федеральных особо охраняемых природных территорий [6].

Национальным проектом «Экология» предусматривается в рамках программы развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях увеличение числа российских и иностранных граждан — посетителей таких территорий — не менее чем на 4 млн. Необходимо учитывать, что увеличение количества посетителей ООПТ возможно только при условии организации их потоков, создания условий и инфраструктуры.

Следует подчеркнуть, что национальные парки, находящиеся в федеральном ведении, и природные парки, относящиеся к ведению субъектов Российской Федерации, по аналогии с другими странами мира были ориентированы в своей деятельности на развитие экологического туризма. Особую роль такие ООПТ имеют в активно осваиваемых — ресурсодобывающих регионах Российской Федерации, значительная часть которых

расположена в Западной Сибири. Здесь сосредоточена большая часть добычи и первичной переработки топливно-энергетических и других ресурсов. К примеру, в структуре валового регионального продукта Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на долю добывающей промышленности относится 72,1%, в Ямало-Ненецком автономном округе — 95,4%, в Кемеровской области (Кузнецкий угольный бассейн) — 21% [7].

Таблица

**Оценка туристско-рекреационного потенциала ООПТ
некоторых ресурсодобывающих регионов Российской Федерации**

ООПТ \ Критерии	Биоресурсы	Гидроресурсы	Геолого-геоморфологические ресурсы	Культурно-исторические ресурсы	Этнографические	Экологические тропы	Организованные экскурсионные программы / туры	Наличие инфраструктуры	Доступность для посещения	Узнаваемость территории	Итого баллов
Шорский национальный парк (Кемеровская область)	3	3	3	2	1	2	1	1	2	2	20
Природный парк «Нумто» (Ханты-Мансийский АО)	3	3	1	2	3	0	1	1	1	2	17
Природный парк «Сибирские увалы» (Ханты-Мансийский АО)	3	3	3	2	1	0	2	1	1	1	17
Природный парк «Кондинские озера» (Ханты-Мансийский АО)	3	3	1	2	1	2	2	1	2	2	19
Природный парк «Самаровский чугас» (Ханты-Мансийский АО)	3	1	3	3	3	3	3	2	3	2	26
Природный парк «Полярно-Уральский» (Ямало-Ненецкий АО)	2	3	3	2	1	1	1	1	1	1	16

Примечание. Оценочная шкала, баллы: отсутствует — 0, низкий — 1, средний 2, высокий — 3.

По данным Федеральной службы национальной статистики [8], доля ООПТ в этих регионах составляет: ХМАО—Югра — 4,8%, ЯНАО — 11,1%; Кемеровская область — 13,8%. Это невысокие показатели, особенно для

регионов, подверженных интенсивной техногенной нагрузке. В каждом из них реализуется программа по расширению сети ООПТ.

В ходе исследования была проведена оценка туристско-рекреационного потенциала ООПТ данных ресурсодобывающих регионов Российской Федерации для целей развития экологического туризма (табл.). Оценивалось наличие 10 показателей, способствующих развитию экологического туризма, в том числе и наличие сети экологических маршрутов и троп. Балльная оценка туристско-рекреационного потенциала ООПТ подразумевала оценку по трем категориям: низкий (0-10), средний (11-20), высокий (21-30) уровни развития. По итогам оценки ООПТ, к имеющим высокий туристско-рекреационный потенциал относятся природный парк «Самаровский чугас», Шорский национальный парк; имеющим средний потенциал — природный парк «Кондинские озера», природный парк «Нумто», природный парк «Сибирские увалы», природный парк «Полярно-Уральский».

В целом, ООПТ ресурсодобывающих районов обладают значительным природным и историко-культурным потенциалом для разработки разнообразных туристских продуктов, в том числе экологических маршрутов (троп) в соответствии с запросами современного потребителя. Серьезным препятствием развития экологического туризма на этих территориях является проблемы инфраструктурного характера (отсутствие средств размещения, транспортная доступность, наличие стоянок для автотранспорта, информация об экологических маршрутах, экскурсоводах и т.д.). Совокупность данных факторов приводит к низкой узнаваемости территорий, и, как следствие, небольшому количеству посетителей.

Анализ имеющихся предложений по развитию экологического туризма предполагают использование к месту проведения тура транспортными средствами (вертолётами, лодками с бензиновыми моторами), что является фактором нарушения режимов охраны в ООПТ. Лишь немногие программы предусматривают активное вовлечение посетителей в природоохранную деятельность. В целом, можно говорить об успешной реализации только отдельных принципов экотуризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства ХМАО-Югры от 5.10.2018 года №352-п «О государственной программе ХМАО-Югры «Экологическая безопасность» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/550199960>

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития экологического туризма // СОЗД ГАС «Законотворчество» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/970499-7>

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 года №2129-р «О стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // Информационно-правовой портал Гарант.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/#1000>

4. ГОСТ Р 56642-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200124943>

5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.20218 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Информационно-справочная служба Администрации Президента [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

6. Паспорт национального проекта «Экология» // Справочно-правовая система Консультант Плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394077

7. Национальные счета. Валовый внутренний продукт // Федеральная служба национальной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/accounts>

8. Сведения об особо охраняемых природных территориях // Федеральная служба национальной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/mediabank> > ООПТ_2019

Tatyana V. Antyufeeva, Svetlana A. Esipova

Yugra State University, Khanty-Mansiysk

ECOLOGICAL TOURISM: ASPECTS OF DEVELOPMENT IN RESOURCE-PRODUCING REGIONS

***Annotation.** Features of the natural resource potential of the resource-producing regions determined the specialization of the economy. Sustainable development of these territories is possible with a balanced combination of the use of natural resources and the protection of natural ecosystems. One of the forms of environmental protection in resource-producing regions is the creation of a network of specially protected natural areas (SPNA). Expansion of the network of protected areas and the development of ecological tourism in their territories are priority areas in the regions.*

***Keywords:** resource-producing region, specially protected natural areas, ecological tourism*

УСТОЙЧИВЫЙ ДАЙВ-ТУРИЗМ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены российские территориально-природные комплексы для дайвинга в аспекте их инфраструктурных, естественно-природных и иных преимуществ и недостатков. Россия является крупнейшей страной мира и окружают её не только европейские и азиатские государства, но и большие океанические водные пространства, в том числе Тихий и Северный Ледовитый океаны. Россия привлекает любителей такого спорта, как дайвинг, со всего мира; водные ресурсы России скрывают в себе целый новый мир, с таинственными пещерами, затонувшими кораблями, множеством морских животных и рыб. Значительный объем информации, который концептуализирует вопросы, связанные с подводным туризмом сейчас и в будущем, является ценным чтением для всех тех, кто заинтересован в российском морском досуге и туризме. В данной статье мы расскажем о пяти главных местах для занятий дайвингом в России.*

***Ключевые слова:** спортивный туризм; дайвинг; устойчивый туризм; Скуба дайвинг.*

Введение. Рост морского туризма приводит к все возрастающему экологическому давлению и сокращению биоразнообразия, что проявляется главным образом в районах с особым интересом к дайвингу во всем мире [1]. Эти негативные эффекты в основном обусловлены наличием самих дайверов по мере погружения на естественные рифы либо с автономным водолазным аппаратом (аквалангисты), либо с помощью маски наблюдения и snorkеля [2].

Благодаря непосредственным наблюдениям на местах было установлено, что почти в каждом рекреационном погружении регистрируются случаи преднамеренных или бессознательных контактов водолазов с чувствительными морскими организмами, которые в совокупности приводят к ранениям или убийствам многих из них. Это сохраняющееся негативное воздействие посещения дайверов постепенно приводит к деградации экосистемы, которая может даже на местном уровне привести к серьезному и необратимому ущербу окружающей среде. Наблюдаемая в последнее время деградация многих мест подводного дайвинга в связи с массовым морским туризмом обуславливает необходимость принятия управленческих мер, направленных на прекращение посещений, таких, как сокращение числа дайвингов и отвлечение части посетителей от уязвимых морских природных районов, имеющих высокую экологическую и эстетическую ценность.

Одним из решений, предлагаемых для решения этой проблемы, является создание искусственных подводных экотуристических аттракционов с

использованием специально построенных искусственных рифов, пытающихся имитировать функциональные и морфологические характеристики сублиторальных скалистых субстратов, известных как природные рифы. Тем не менее, значительная часть общественного мнения и в основном посетители подводных районов с искусственными рифами, имеющими эстетику и образующимися далеко от рифов природы, отвергают эти формы вмешательства в природную среду. Некоторые даже считают, что эта практика является притворством и на самом деле это не что иное, как практика загрязнения морского дна путем удаления или даже преднамеренного сокрытия «мусорного» материала [3].

Материалы и методы. Дайвинг является одним из наиболее активно развивающихся видов спорта и рекреации [4]. Степень развития этой деятельности в конкретной стране обусловлена как естественно-природными особенностями, так и социально-экономической компонентой. Специфика развития дайвинга в России определяются уникальностью комплекса таких факторов, как природно-географическое положение, экологическая составляющая и культурно-исторический фон, а также уровнем развития туристической инфраструктуры, подготовкой профессиональных кадров, финансовой доступностью и коммерческой привлекательностью такого рода деятельности.

Черное море является очень популярным местом для дайверов со всего мира [5]. Дайвинг в Черном море это одно из лучших решений для начинающих спортсменов, проживающих и посещающих Россию, желающих испытать удивительное чувство подводного плавания, но не совсем готовым ко встрече с гневом ледяной воды. Воды Черного моря являются самым теплым местом для дайвинга на территории нашей страны, но это лишь одно из преимуществ, самым замечательным в черноморском дайвинге являются частые встречи с морскими млекопитающими. Колыбелью черноморского дайвинга считается Севастополь [6], где доступны глубинные погружения, до 200 метров, на такой глубине морская живность редка из-за высокого уровня сероводорода, зато замечательно сохраняются затонувшие корабли, что привлекает дайверов со всей страны. В отношении развития инфраструктуры черноморский регион отмечается наибольшим уровнем развития. Сюда относится и большое количество объектов воздушного, железнодорожного транспорта. Чёрное море обладает множеством объектов санитарно-курортного комплекса, поэтому высокая конкуренция, а, следовательно, и относительно невысокие цены позволяют как новичкам, так и опытным дайверам осуществлять погружения со всем необходимым сопровождением гораздо доступнее, в сравнении с другими объектами.

Озеро Байкал является один из самых ценных водных владений России [6]. Байкал — самое глубокое и полноводное пресноводное озеро в мире,

максимальная глубина Байкала 1 642 м. Байкал самое древнее озеро планеты и содержит в себе 20% всей имеющейся пресной воды. Узнавая о таких фактах многие люди стремятся исследовать данный водный ресурс поближе. Чтобы люди не упустили такой возможности в водах озера разрешено подводное плавание. Здесь насчитывается около 50 мест для дайвинга и множество сервисов для спортсменов, а продвинутые дайверы-инструктора могут сделать процедуру для новичков немного проще. От дайв-сафари до индивидуальных дайверов — дайвинг на озере Байкал в России известен во всем мире. Это озеро в форме полумесяца украшено богатой флорой и фауной, а также высокой видимостью, что делает и без того удивительный опыт подводного плавания еще более захватывающим. Это место можно посещать круглый год, но единственное, что может насторожить спортсменов, это постоянно холодная вода, температура воды может опускаться до 3°C в июне, и до 7°C в августе. С точки зрения инфраструктуры следует выделить относительно низкий уровень обеспеченности транспортом. Именно поэтому дайвингом на Байкал приезжают заниматься целенаправленно, что, безусловно, сдерживает коммерческую привлекательность развития данной сферы активности до уровня мировых дайвинг-курортов.

Белое море, являющееся южным заливом Баренцева моря, — одно из четырех морей, названных в честь цветов, другие — Красное, Черное и Желтое моря. Находясь под российским суверенитетом, Белое море считается частью внутренних вод России. Богатое водной жизнью, море насчитывает более 700 видов беспозвоночных, около 60 видов рыб и около 5 видов морских млекопитающих [7]. Белое море имеет максимальную глубину 340 метров и является одним из важнейших транспортных центров России, поскольку не только соединяет различные экономические регионы, но и обеспечивает выход для зарубежных маршрутов. Иногда температура в этом месте опускается очень низко, но, несмотря на мороз, море остается судоходным в течение всего года благодаря размещению ледоколов. Белое море — это не что иное, как еще одно ледяное место для подводного плавания. Хотя подледный дайвинг может быть довольно сложным, но, как говорится, тяжелая работа приносит сладкие плоды и дайвера со всего мира об этом знают и едут на Белое море ради того, чтобы увидеть белух, также известных как морские канарейки. Благодаря удивительному разнообразию фауны и отличной видимости, Белое море является прекрасным местом для занятий подводным плаванием в России. Недостатком данного объекта является, безусловно, что подводный дайвинг- не только очень интересное занятие, но и дорогое, как в вопросе подготовки кадров, так и в вопросе обеспечения экипировки и других компонентов зимней активности. То обстоятельство, что Белое море также слабо обеспечено инфраструктурой

может быть не столь значимым в сравнении с тем, что дайвинг в нём не всегда подойдёт для новичков или любителей в виду специфики зимнего дайвинга.

Камчатский полуостров является один из немногих мест на Земле, оставшихся нетронутым активной и губительной рукой прогресса. Нетронутый и прекрасный полуостров Камчатка с восточным побережьем Тихого океана и западным побережьем Охотского моря является идеальным местом для дайвинга. Имея большую площадь в 270 000 км² и самую высокую точку в 4 750 м, это место также отличается прекрасной водной жизнью. В акватории полуострова Камчатка обитает около 350 видов рыб, тюленей, морских львов, морских выдр, моржей, касаток и китов [8]. Основной проблемой, с которой дайверы сталкиваются на Камчатке, является частое колебание погодных условий, что нередко влечет за собой плохую видимость даже под водой. Дайвинг на Камчатке, как и в целом на побережье Тихого океана, является не детской забавой, и требует серьезной подготовки спортсменов. Мы снова должны указать, что транспортная доступность, низкий объём населения и другие социально-экономические особенности данного природного комплекса создаёт основные проблемы для его становления в центр значительного притяжения российских дайверов, тогда как дайверы из азиатско-тихоокеанского региона имеют возможность приехать в Австралию, которая является мировым лидером в данной сфере.

Санкт-Петербург — это не только второй по величине город в России после Москвы, но и второй по численности населения город России с населением около пяти миллионов человек [9]. Когда-то Санкт-Петербург был столицей страны, а сегодня он является одним из самых популярных туристических направлений в России, в том числе благодаря своим водным ресурсам, и важным портом на Балтийском море. Погружение в балтийские воды разительно отличается от тропического дайвинга. Дайвинг в Балтийском море увлекателен, красив и опасен. Низкая температура воды, частые изменения погодных условий и опасные течения, всё это требует от спортсменов-дайвером высокого класса подготовки. Также воды Балтики не отличаются отличной видимостью, и погружаться часто приходится с фонарем. Однако дайверов не только не пугают такие трудности, но даже стимулируются на покорение этих неприветливых вод. Популярными объектами, ради изучения которых совершаются частые погружения спортсменов, являются затонувшие корабли, в основном эпохи второй мировой войны. Северная столица обладает конкурентной инфраструктурой, высокой степенью развития профессиональной подготовки кадров в данной отрасли. Данный объект будет являться наилучшим выбором для дайверов, предпо-

читающих погружение в холодные воды и не желающих мириться с транспортными и иными инфраструктурными проблемами. Большая численность населения, относительная близость с Москвой создаёт большой коммерческий потенциал Санкт-Петербурга в аспекте его становления, по крайней мере, в регионального лидера.

Заключение. Дайвинг в России становится популярным [10], однако на данном этапе большое разнообразие природных комплексов и их локализация, в большей степени, создают комплекс проблем потенциального расширения популярности дайвинга в России. Ключевыми слабыми местами являются: неразвитая инфраструктура, низкий интерес к дайвингу со стороны населения, слабая обеспеченность оборудованием и, соответственно, дороговизна данного вида активности. На данном этапе Россия может конкурировать с мировыми лидерами в данной сфере за счёт естественно-природных факторов, но их содержание и реализация не осуществимы без надлежащей инвестиционной активности и повышения культурно-физического потенциала населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Hodeck A., Tuchel J., Hente L., von Reibnitz C. The Importance of Sustainability in Diving Tourism — The Case of German Speaking Diving Tourists // *Sustainability Journal*, 2021, V.13, 11, pp. 6485
2. Anderson, L.; Loomis, D. SCUBA Diver Specialization and Behavior Norms at Coral Reefs // *Coast Manag.* 2011,39, P. 478–491
3. Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия / Информационный комплект, 2001 33 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Infokit%20russe.pdf>
3. Jonas, A.G.; Radder, L.; van Eyk, M. The influence of cognitive dimensions on memorable experiences within a marine tourism context. *S. Afr. J. Econ. Manag. Sci.* 2020, 23, P. 1–14.
4. Сахнова Н.С., Шумский В.М., Сидорчук И.Б. Развитие экстремального туризма в Крыму // *Культура народов Причерноморья*. 2009. № 176. С. 89-92.
5. Логвина Е.В. Проблемы и перспективы развития дайвинга в Крыму // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2017. Том 3, 2, С. 56-66.
6. Калихман Т.П., Калихман А.Б. Озеро Байкал в природоохранной парадигме // *Известия Алтайского отделения РГО*. Том 45(2), 2017. С. 24-46.
7. «Хели-ски». Камчатский туристический портал, все о туризме на Камчатке. Retrieved November 8, 2021.
8. Санкт-Петербург признан туристической столицей Мира. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. [accessed Dec 10 2021]
9. Николаев И.Р. Развитие дайвинга в России: взаимосвязь предпочтений и опыта погружений // *Ученые записки Крымского федерального университета имени Вернадского*. 2021, Том 7 (73). С. 58-71.

A SUSTAINABLE DIVE TOURISM IN RUSSIA

Annotation. *The article examines the Russian territorial natural complexes for diving in terms of their infrastructural, natural and other advantages and disadvantages. Russia as the largest country in the world and is surrounded not only by European and Asian states, but also by large oceanic water areas, including the Pacific and Arctic oceans. Russia attracts fans of such sports as diving from all over the world, the water resources offer a whole new world, with mysterious caves, sunken ships, many marine animals and fish. This significant volume which conceptualizes the issues surrounding scuba diving tourism now and in the future is a valuable reading for all those interested in Russian marine leisure and tourism. In this article, we will highlight the top five diving spots in Russia.*

Key words: *Sports tourism; diving; sustainability; scuba diving.*

УДК 338.46

Валеева Г.Ф., Бунаков О.А., Эйдельман Б.М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация. *В Республике Татарстан за последние годы (за исключением 2020 года) фиксируется устойчивая положительная динамика по основным показателям развития сферы туризма, регион вносит огромный вклад в развитие туризма Российской Федерации. В связи с этим, планирование социально-экономического и пространственного развития республики происходит во взаимосвязи со сферой туризма и гостеприимства.*

Ключевые слова: *туризм, Республика Татарстан, пространственное развитие, развитие туризма, Visit Tatarstan.*

«Сбалансированное территориально-пространственное развитие обеспечивает высокую конкурентоспособность среды»: именно так сформирована одна из стратегических целей Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [1]. В тексте документа отмечается, что пространственное развитие республики ориентировано на ее социально-экономические факторы, а также выгодное и уникальное географическое расположение — в центре Евразии.

В республике управление пространственным развитием осуществляется в рамках городских агломераций (Казанской, Камской и Альметьевской).

В Концепции пространственного развития Республики Татарстан выделены 4 типа пространств концентрации имеющихся ресурсов и разграничены 13 зон активного развития, включающих, в том числе, шесть зон трансграничного сотрудничества [1].

Одна из целей пространственного развития — развитие сферы туризма и гостеприимства. Власти республики, осознавая высокий доход от данных сфер деятельности, выстраивают грамотную стратегию развития отрасли, поддерживая ее в эпоху ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией.

В 2021 году ее распространение продолжило оказывать негативное воздействие на развитие сферы туризма, однако основные показатели развития отрасли начали восстанавливаться до уровня 2019 года.

Объем оказанных услуг в сфере туризма с учетом смежных отраслей (расходы туристов на проживание, питание, транспорт, покупки и развлечения) составили в 2020 году 17,9 млрд рублей, за 9 месяцев 2021 года — 20,5 млрд рублей.

Доход коллективных средств размещения от предоставляемых услуг в 2020 год зафиксирован на уровне 5,5 млрд рублей, за 9 месяцев 2021 г. — 4,1 млрд рублей.

Численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения в республике в 2020 году — 1,02 млн человек, за 9 месяцев 2021 года — 1,61 млн человек.

Туристский поток в Республику Татарстан в 2020 году составил 1,9 млн человек, за 9 месяцев 2021 года — 3,3 млн человек. Рассмотрим посещаемость наиболее популярных среди туристов объектов республики в 2021 году:

- Казанский Кремль — 3 029 068 человек;
- Остров-град Свияжск — 899 412 человек;
- Великий Болгар — 411 491 человек;
- Елабуга — 487 174 человек;
- Чистополь — 55 391 человек;
- Тетюши — 109 607 человек.

В Государственной программе «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан на 2014–2024 годы» предусматривается создание на территории республики туристско-рекреационных и автотуристических кластеров, которые способны стать точками роста развития региона [3]. На сегодняшний день структурообразующими функциональными элементами Государственной программы являются туристско-рекреационные кластеры «Казань», «Древний город Болгар», «Остров-град Свияжск», «Берега Елабуги», «Свияга-Лэнд», «Волжская Булгария», в рамках которых на

отдельных территориях региона будут формироваться условия для более быстрого и эффективного развития туристской инфраструктуры: это будет способствовать поступательному приросту внутреннего и въездного туризма, а также оказывать мультипликативный эффект на развитие смежных отраслей экономики.

Для улучшения развития туристической отрасли Республики Татарстан разработана специальная программа под названием *Visit Tatarstan*. Программа «1001 удовольствие за выходные» разработана Государственным комитетом Республики Татарстан по туризму совместно с муниципальными районами и туроператорами. Она представляет собой недорогой двухдневный комплексный тур по одному из предложенных районов республики. Реализация этого турпродукта содействует развитию муниципальных районов Республики Татарстан, в том числе позиционированию их как туристских направлений, загрузке гостиничных предприятий и объектов туристского показа, а также активизации и популяризации индивидуальных путешествий местных жителей и гостей республики, что является перспективным в республике [4]. Помимо этого, гости могут приобрести тур прямо в муниципальном районе. Маршруты разработаны по 10 муниципальным районам республики — Елабужскому, Чистопольскому, Спасскому, Камско-Устьинскому, Кукморскому, Сабинскому, Мамадышскому, Рыбно-Слободскому, Арскому и Алексеевскому.

Госкомитетом совместно с Государственным Советом Республики Татарстан проведена работа по созданию иллюстрированного альбома, включающего объекты туристского показа и туристские маршруты по муниципальным районам Республики Татарстан. По итогам анализа в девяти районах разработаны маршруты историко-культурного, сельского и экологического туризма, определены возможные точки притяжения туристов [2]. В 2021 году Госкомитетом подготовлено окончательное издание «Проект историко-культурного, экологического и сельского туризма в северо-восточной части Республики Татарстан «Эко-тат». Издание включает 9 муниципальных районов, расположенных на северо-востоке Татарстана: Арский, Атнинский, Балтасинский, Высокогорский, Кукморский, Мамадышский, Пестречинский, Сабинский и Тюлячинский. Материалы данного проекта будут использованы муниципальными районами республики для формирования и развития туристических маршрутов и туристической инфраструктуры [2].

Рассмотренные программы, реализуемые Госкомитетом по туризму Республики Татарстан, способствуют развитию туризма не только в больших кластерах, но и в муниципальных образованиях республики и влияют на пространственное развитие республики.

Очевидна взаимосвязь пространственного развития и туризма Республики Татарстан. Туризм — важная составляющая сферы услуг Российской Федерации, которая активно развивается, и, являясь фактором пространственного развития, она также выполняет функции увеличения занятости и повышения качества жизни местного населения, обогащения инфраструктуры и межрегионального сотрудничества и многие другие [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [электронный ресурс] // Режим доступа: https://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1766090.pdf (дата обращения 30.01.2022).

2. Итоги работы Государственного комитета Республики Татарстан по туризму за 2021 год [электронный ресурс] // Режим доступа: https://tourism.tatarstan.ru/documents.htm?pub_id=3108929 (дата обращения 31.01.2022)/

3. Государственная программа «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан на 2014 — 2024 годы» [электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/412383352> (дата обращения 24.01.2022)/

4. Туризм в малых исторических городах Республики Татарстан как фактор сбалансированного развития // Рубцов В.А., Байбаков Э.И., Биктимиров Н.М., Габдрахманов Н.К., Булатова Г.Н. — Казань: Отечество, 2016. — 180 с.

5. Валеева Г.Ф. Тенденции развития индустрии туризма в Российской Федерации // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / под общей ред. А. Г. Дружинина и В.П. Сидорова. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск: ИЦ «Удмуртский университет», 2021. — С. 812-817.

**Gulnara F. Valeeva, Oleg A. Bunakov,
Boris M. Eydel'man**

Kazan Federal University, Kazan

TOURISM AS A FACTOR IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

***Annotation.** In the Republic of Tatarstan in recent years (with the exception of 2020), there has been a steady positive trend in the main indicators of the development of the tourism sector, the region makes a huge contribution to the development of tourism in the Russian Federation. In this regard, the planning of socio-economic and spatial development of the republic takes place in conjunction with the sphere of tourism and hospitality.*

***Keywords:** tourism, Republic of Tatarstan, spatial development, tourism development, Visit Tatarstan.*

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА ДЛЯ ПРОГНОЗИРУЕМОЙ ОЦЕНКИ ТУРИСТСКО- РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕСТИНАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация.** В статье рассматривается опыт применения методики экспертного опроса для прогнозируемой оценки туристско-рекреационного потенциала дестинаций. Описывается последовательность процесса применения методики экспертного опроса. Определяется уровень влияния внешних и внутренних факторов на формирование и развитие туристско-рекреационного потенциала Волгоградской области. Анализируется экспертный прогноз развития различных видов рекреации на территории Волгоградской области в зависимости от имеющихся условий туристско-рекреационного потенциала дестинаций.*

***Ключевые слова:** территория; регион; туризм; туристские дестинации; туристско-рекреационный потенциал; метод экспертных оценок.*

В современных условиях возрастает роль территориальных аспектов развития экономики России. Это вызвано отсутствием комплексности в развитии многих регионов страны, наличием серьёзных диспропорций между различными элементами хозяйственной, социальной и природной систем. С другой стороны, переход к устойчивому развитию Российской Федерации будет возможен только тогда, когда будет обеспечено устойчивое развитие всех её регионов, предполагающее формирование эффективной пространственной структуры экономики. Очевидно, что одним из факторов, способствующих достижению комплексности развития региона, способно стать многопрофильное рекреационное хозяйство, последовательное развитие которого, в свою очередь, определяется совершенствованием туристско-рекреационного потенциала территории, а также выявлением факторов, способствующих или ограничивающих возможность оптимизации использования туристских ресурсов дестинации в различных социально-экономических условиях.

В этой связи, очевидно, что одним из ключевых этапов стратегического управления туристскими дестинациями следует признать проведение последовательной и верифицируемой оценки туристско-рекреационного потенциала дестинации, на основании которой возможно принятие тех или иных управленческих решений.

Авторская позиция исходит из того, что важно оценить потенциал избранной локации в плане создания и реализации туристических и спортив-

ных событий не только посредством количественных методик, но и в контексте проведения возможной экспертной оценки.

В рамках данной публикации представлен вариант применения методики экспертного опроса для прогнозируемой оценки туристско-рекреационного потенциала дестинаций Волгоградской области — регионе, весьма привлекательном для развития регионального туризма, но недооценённом на туристическом рынке страны и мира в целом. Данный метод позволил определить базовые изучаемые параметры (условия) туристско-рекреационного потенциала региона, а также — перспективные, на экспертный взгляд, направления развития туризма в Волгоградской области.

Специфика применения метода экспертных оценок в исследовании в сфере туризма и рекреации заключается в тщательном подборе и выборе консультантов с высоким уровнем профессиональных знаний и компетентности, отлично ориентирующихся в особенностях региона, в отношении которого ведется прогнозирование.

Данный метод осуществляется путём проведения открытой или закрытой (удалённой) беседы с человеком, относящимся к категории специалистов в изучаемом в данном исследовании вопросе. Интервьюирование таких респондентов именуется экспертным, а определённые ими мнения — экспертными оценками, то есть экспертная оценка — это профессиональная позиция специалиста, эксперта по данному вопросу [1].

Экспертами изучаемой проблематики выступал ряд туроператоров, зарегистрированных и ведущих деятельность в Волгоградской области, профессиональные туристы в сфере спортивно-оздоровительного туризма, инструктора по туризму». Кроме того, большую выборку, для повышения репрезентативности исследования, составили активные туристы, то есть те, кто непосредственно потребляют туристский продукт. Все перечисленные эксперты живут и работают на территории Волгоградской области и имеют представление о её рекреационных возможностях и характере их использования в туристской деятельности. Эксперты были объединены в три категории, соответственно занимаемой должности и роду деятельности в туризме (рис. 1).

В процессе исследования было проведено анкетирование, которое включало в себя вопросы разного вида. Интервьюируемые указывали фамилию, имя, отчество, пол, возраст, деятельность, — которую ведут в туризме, стаж в данной деятельности. Кроме этого, опрошенным необходимо было отнести себя к одной из трех имеющихся экспертных категорий. После заполнения полей анкеты, участником необходимо было оценить значимость влияния предложенных нами условий территории региона на ту-

ристско-рекреационный потенциал. Следующим шагом нашего анкетирования было распределение видов туризма и рекреации относительно определённых условий местности.

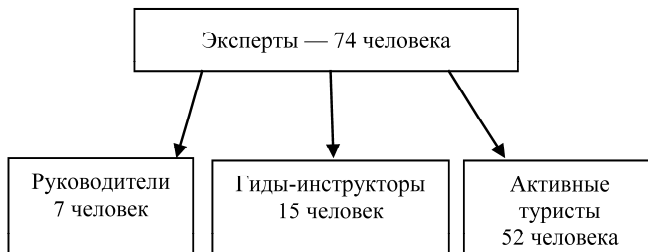

Рис. 1. Экспертные категории участников опроса
Составлено авторами

Правилом анкетирования была информационная прозрачность, отсутствие анонимности в опросе. Интегрированные результаты работы экспертов приведены в таблице 1.

Эксперты группы «руководители» высоко оценили влияние всех предложенных к рассмотрению условий местности на развитие рекреации и туризма. Максимальные оценки (более 90%) получили геоморфологические, климатические, культурно-исторические и социально-экономические особенности территории. Респонденты группы «гиды и инструктора» наиболее высоко оценили гидрологические и социально-экономические характеристики территории региона, дав, при этом, невысокую оценку влиянию рельефа на развитие туризма.

Опрошенные эксперты группы «активные туристы» минимальную оценку дали гидрологическим и ландшафтно-биологическим условиям местности, отметив, при этом максимальным баллом социально-экономические, культурно-исторические и климатические условия территории. Наглядно, результаты данного исследования отражены на рисунке 2.

Параллельно с решением заявленной выше задачи, эксперты определили возможности реализации отдельных перспективных видов рекреации, на территории Волгоградской области исходя из имеющегося комплекса природных и социально-экономических условий. Каждый вид рекреации оценивался в % относительно перспектив его развития под влиянием имеющихся условий местности. Все выставленные процентные оценки были интегрированы в финальную оценку по 100-балльной шкале, дающую представление о перспективах каждого вида рекреации на изучаемой территории (табл. 2).

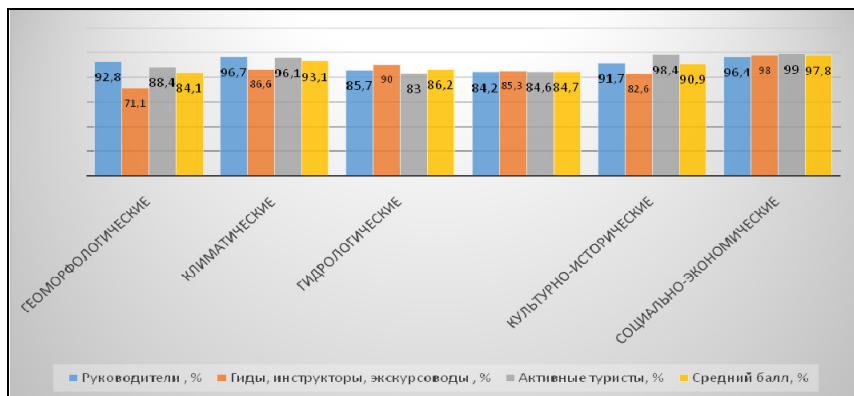

Рис. 2. Экспертная оценка влияния внешних и внутренних факторов на формирование и развитие туристско-рекреационного потенциала Волгоградской области
Составлено авторами.

Таблица 1

Влияние внешних и внутренних факторов на формирование и развитие туристско-рекреационного потенциала Волгоградской области на основании использования метода экспертной оценки, %

Группа экспертов / Условия территории	Руководители (лица, формирующие туристские предложения на рынке данных услуг), %	Гиды, инструкторы, экскурсоводы (лица, реализующие тур. услуги), %	Активные туристы (потребители туристских услуг), %	Средний балл, %
Геоморфологические	92,85	71,1	88,46	84,1
Климатические	96,71	86,66	96,15	93,1
Гидрологические	85,71	90	83	86,2
Ландшафтно-биологические (ООПТ)	84,28	85,33	84,61	84,7
Культурно-исторические (памятники археологии, архитектуры)	91,71	82,66	98,46	90,9
Социально-экономические (коллективные средства размещения, транспортная инфраструктура)	96,42	98	99	97,8

Составлено авторами.

**Вероятность развития различных видов рекреации
на территории Волгоградской области в зависимости от имеющихся условий
туристско-рекреационного потенциала дестинаций, % и баллы**

Условия региона Виды рекреации	Геоморфологические	Климатические	Гидрологические	Ландшафтно-биологические (ООПТ)	Культурно-исторические	Социально-экономические	Сумма в баллах	Средний балл
Спортивно-оздоровительный (пешеходный, водный, велосипедный, конный, парусный, авто-мототуризм)	83	79	83	50	12	75	382	63,6
Этнографический туризм	4	11	15	10	100	100	240	40
Агротуризм	16	64	25	37	30	90	262	43,6
Санаторно-курортная деятельность	10	87	74	30	10	97	308	51,3
Экскурсионный туризм	86	52	70	100	100	100	508	84,6
Кемпинговый туризм	67	88	92	80	23	46	396	66
Пляжно-бивуачный туризм	33	100	100	33	0	30	296	49,3

Составлено авторами.

Анализ, проведённый на основании работы экспертов, показал, что ландшафтно-географические и социально-инфраструктурные условия Волгоградской области максимально подходят для занятий спортивно-оздоровительным, экскурсионным, а также пляжно-бивуачным и кемпинговым туризмом.

Исходя из климатических условий Волгоградской области, эксперты выше всего оценили возможности пляжно-бивуачного (100%), кемпингового (88%) и санаторно-курортного туризма (87%). Кроме того, высокой оценки заслужил спортивно-оздоровительный туризм (79%). Экспертами, исходя из гидрологических условий местности, были выставлены высокие баллы таким видам рекреации как: пляжно-бивуачный туризм (100%), кемпинговый (92 %) и спортивно-оздоровительный туризм (83 %). Кроме того, эксперты оценили важность данного условия для экскурсионного (70 %) и санаторно-курортного туризма (74%).

Наличие особо охраняемых природных территорий (ландшафтно-биологические условия) были оценены экспертами как предпочтительный фактор для организации экскурсионного (100%), кемпингового (80%) и спортивно-оздоровительного туризма (50%). Культурно-историческое наследие региона оказалось наиболее значимо для развития этнографического (100%) и экскурсионного туризма (100%).

Особое внимание эксперты уделили социально-экономическим условиям Волгоградской области. По пяти видам рекреации из семи данная характеристика развития территории получила максимальные оценки. Это этнографический (100%), экскурсионный (100%), санаторно-курортный (97%), спортивно-оздоровительный (75%) и агротуризм (90%). Кроме того, данный показатель, по мнению экспертов, оказался значим и для кемпингового (46%) и для пляжно-бивуачного туризма (30%).

Таким образом, выше проведенный анализ позволил определить, что исходя из географических и социально-экономических особенностей Волгоградской области, наиболее перспективными для организации на её территории видами туризма являются: экскурсионный, кемпинговый, спортивно-оздоровительный и санаторно-курортный. Меньшими перспективами для развития в регионе эксперты наделили пляжно-бивуачный, этнографический и агротуризм.

Авторская позиция исходит из того, что это достаточно реалистичная картина на современной туристической карте России. Её изменение в направлении популяризации Волгоградской области как перспективного туристско-рекреационного региона на внутрироссийском и международном туристическом рынке видится в проведении более эффективной региональной социально-экономической политики, направленной на поступательное развитие многопрофильного рекреационного хозяйства, что, в свою очередь, будет способствовать достижению комплексности развития региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вишняков Н.В. Методические основы развития активного туризма в малой излучине Дона. / Вишняков Н.В., Зеленская О.Ю., Семенова Д.А., Анучина Н.А. Сервис plus . Том 11. Черкизово, изд. РГУТИС, №4, 2017. С. 55-64.

Nikolay V. Vishnyakov, Vladimir V. Fesenko
Volgograd State University, Volgograd

EXPERIENCE OF APPLICATION OF THE EXPERT SURVEY METHOD FOR A PREDICTION ASSESSMENT OF THE TOURISM AND RECREATION POTENTIAL OF DESTINATIONS (BY THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

Annotation. The article discusses the experience of using the expert survey methodology for predictive assessment of the tourist and recreational potential of destinations.

The sequence of the process of applying the expert survey methodology is described. The level of influence of external and internal factors on the formation and development of the tourist and recreational potential of the Volgograd region is determined. An expert forecast for the development of various types of recreation on the territory of the Volgograd region is analyzed depending on the existing conditions of the tourist and recreational potential of destinations.

Keywords: territory; region; tourism; tourist destinations; tourist and recreational potential; method of expert assessments.

УДК 332.12

Волков А.В.¹, Широ М.С.²

¹ Общественный Союз Индустрии Гостеприимства, г. Керчь

² Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград

БРЕНДИРОВАНИЕ «УМНЫХ ГОРОДОВ» КАК КАНАЛ РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. На современном этапе развития экономической науки существует методологическая проблема подмены понятий маркетинга и его составляющей брендинга территорий. Целостный образ позволяет нерезидентам идентифицировать территорию. Территории с развитыми «умными технологиями» воспринимаются как резидентами, так и нерезидентами, как комфортные для проживания, посещения и ведения бизнеса. Кроме того, применение цифровых инструментов предполагает «самопрезентацию» территории, что позволяет сократить издержки резидентов на формирование образа бренда.

Ключевые слова: брендинг территории, маркетинг территорий, цифровизация экономики, «умный город», цифровизация социальных технологий

Понимание необходимости идентификации потенциала территорий в условиях глобальной конкуренции за инвестиции, туристов и трудовые ресурсы возникло во второй половине прошлого века. Впервые термин «маркетинг мест» был введен в научный оборот в 1993 году Ф. Котлером [4], а позже уточнен С. Вардом [2], Т. Мойланен и С. Райнисто [1].

Развитие «умных городов» предполагает внедрение цифровых технологий в таких социально-экономических сферах как управление городской системой, безопасность, здравоохранение, образование туризм. Формирование среды, обеспечивающей высокие стандарты жизни для стейкхолдеров, происходит путем принятия соответствующих управленческих решений на основе полученных с различных датчиков данных.

На сегодняшний день существуют различные подходы к определению индикаторов развития «умных городов». Согласно отчету «Индикаторы

умных городов НИИТС 2017» [3] следует выделять несколько направлений внедрения технологий, в частности экономическое развитие территории, управление городскими системами, управляемые финансовые потоки, транспортная, образовательная и здравоохранительная инфраструктура, система обучения населения умным технологиям.

Весомое значение в формировании образа территории и ее позиционировании имеет вовлеченность населения в социально-экономические процессы и создание комфортной и безопасной для проживания среды, чему способствует создание «умного города» при помощи таких технологий, как:

- формирование коммуникативного пространства между населением и представителями органов государственной власти;
- развитие системы банковского обслуживания;
- внедрение системы безналичной оплаты проезда в общественном транспорте;
- создание системы безопасной транспортной инфраструктуры, путем автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения;
- стабильное функционирование транспортных сервисов (каршеринг, такси);
- повышение эко-активности населения и применение «зеленых технологий».

С точки зрения потенциала для брендинга территории следует выделить отдельные направления «умных технологий». В частности, это технологии, способствующие развитию туристической отрасли территории:

- создание систем интернет-бронирования мест временного проживания;
  - формирование базы данных достопримечательностей и виртуальной карты территории;
  - внедрение гид-приложений для посетителей.
- Кроме того, с точки зрения экономической эффективности большое значение имеют технологии, позволяющие упростить ведение бизнеса на территории, такие как:
- создание системы «единого электронного окна» ведения бизнеса;
  - развитие системы доступного банковского обслуживания;
  - создание информационных баз данных о рынке труда и т.д.

Создание «умных городов» длительный и дорогостоящий процесс, поэтому на сегодняшний день сложно выделить территории, которые могут быть названы таковыми в полном смысле слова. Однако анализ мировой практики показывает, что данная тенденция набирает стремительные темпы. В 2019 году была создана база данных мировых практик «умных горо-

дов» [5], которая включила 195 проектов. Крупнейшими мировыми центрами внедрения «умных технологий» стали Сингапур, Нью-Йорк, Сеул, Стокгольм, Шанхай и Сан-Франциско. В этих городах внедрены технологии городской информатики, которые развивают крупные IT-компании. Лидирующие позиции на протяжении последних нескольких лет занимает Сингапур, чей опыт наиболее привлекателен для внедрения в нашей стране.

Образ «умного бизнес-города» Сингапур получил после осуществления ряда национальных проектов под общим брендом SmartNation, цель которого состоит в улучшении взаимодействия между органами государственной власти, бизнесом и гражданами с целью повышение производительности при рациональном использовании ресурсов [6]. Подобный подход позволяет создать благоприятную экосистему для быстрого внедрения инноваций в стране. Для реализации проекта создана система VirtualSingapore, которая позволяет в реальном времени анализировать основные социально-экономические процессы и прогнозировать их развитие [7].

Российский опыт пока нельзя отнести к передовому, несмотря на то, что отдельные «умные технологии» уже достаточно распространены в нашей стране. На сегодняшний день в большинстве городов уже внедрены технологии, способствующие развитию транспортной системы, безопасности, упрощению документооборота. Однако этого недостаточно для того, чтобы считать темпы внедрения технологий удовлетворительными т.к. на территории России только единицы городов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) могут претендовать на образ «умного города». Основным препятствием на пути создания действительно «умных городов», так же как и в других странах, является необходимость значительных капиталовложений.

Одним из контролируемых инструментов цифрового маркетинга могут стать информационные порталы, размещающие информацию систематически. Потенциальный потребитель туристических услуг обращаясь к такому ресурсу получает всю необходимую информацию для выбора направления путешествия и составляет целостную картину о месте, что является обязательным элементом бренда территории.

В 2019 году в РФ был запущен портал «Живое наследие». Это первый в стране ресурс, созданный для позиционирования территориальных брендов. Портал носит общественный характер, то есть сами жители территорий и туристы публикуют материалы, которые модерятся администраторами. Пройдя авторизацию пользователь может оценивать конкретные территориальные бренды, отмечать уже посещенные места, составлять свою карту уже состоявшихся путешествий и маршрутов на будущее.

Наибольший результат достигается именно в туристической сфере, т.к. инструменты цифрового маркетинга в данной сфере позволяют продвигать туристические объекты через консолидацию информации из различных источников, в том числе социальных сетей. Что позволяет увеличить уровень заинтересованности аудитории и вовлечь туристов в создание контента в процессе путешествия.

Существующие на сегодняшний день тренды к созданию умных городов требуют сосредоточения дополнительных ресурсов для популяризации подобных подходов, что позволит привлечь инвестиции для дальнейшего развития таких территорий. «Умные технологии» позволяют систематизировать информационные потоки и сформировать единство образа территории у стейкхолдеров. Вовлеченность населения в социально-экономические процессы, достигаемая применением «умных технологий» в системе управления городским хозяйством, позволяет снизить темпы оттока трудоспособных жителей территории, а в перспективе — привлечь новые трудовые ресурсы. Свойственная устойчивым территориям-брендам, открытость стимулируется путем применения инструментов цифрового маркетинга и повышает конкурентоспособность в привлечении инвестиций. Таким образом, брендинг «умных городов» является значимой задачей для стейкхолдеров (жителей и органов местного самоуправления), а с другой стороны применение умных технологий само по себе упрощает процессы территориального маркетинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Moilanen, T. (2009) *How to Brand Nations, Cities and Destinations: A Planning Book for Place Branding*.
2. Ward, S. (1998) *Selling Places: The Marketing and Promotion of Towns and Cities 1850-2000* (Planning, History and Environment Series).
3. Индикаторы умных городов НИИТС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf> (Дата обращения 22.01.2022).
4. Котлер, Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. *Маркетинг мест*. СПб., 2005. 378 с.
5. Мировые практики SmartCity: открытая база знаний [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ict.moscow/projects/smart-cities/> (Дата обращения 22.01.2022).
6. Почему Сингапур — самый умный город планеты [Электронный ресурс]. Режимдоступа: <https://econet.ru/articles/121882-pochemu-singapur-samyu-umnyu-gorod-planety> (Дата обращения 22.01.2022).
7. Сингапур выводит на новый уровень понятие «умный город [Электронный ресурс]. Режимдоступа: <https://rb.ru/story/smart-nation/> (Дата обращения 22.01.2022).

Alexey V. Volkov ¹, Maria S. Shiro ²

¹ National Union of the Hospitality Industry, Kerch

² Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd

BRANDING OF "SMART CITIES" AS A CHANNEL FOR THE REALIZATION OF THE TOURIST POTENTIAL OF THE TERRITORIES

Abstract. *At the present stage of the development of economic science, there is a methodological problem of substituting the concepts of marketing and its component of branding territories. A holistic image allows non-residents to identify the territory. Territories with developed "smart technologies" are perceived by both residents and non-residents as comfortable for living, visiting and doing business. In addition, the use of digital tools involves the "self-presentation" of the territory, which allows residents to reduce the costs of forming a brand image.*

Keywords: *branding of the territory, marketing of territories, digitalization of the economy, "smart city", digitalization of social technologies*

УДК 81'373.211

Ермошкина Г.Ф.

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

ТУРИСТКАЯ КОММОДИФИКАЦИЯ ТОПОНИМИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Автор предпринимает попытку проанализировать географические названия в контексте критической топонимики. В статье рассматриваются конкретные примеры коммодификации топонимов Смоленской области, особое внимание уделено данному процессу в сфере туризма. Выявлено, что наиболее активно подвергаются туристкой коммодификации «сверхтопонимы», формирующие региональные геоконцепты.*

Ключевые слова: *топоним, туризм, коммодификация, геоконцепт*

Топонимы — как социо-культурный феномен, являются частью географического пространства и могут рассматриваться в качестве определенного индикатора его трансформации.

Степень и интенсивность процессов расширения зрелых топонимических систем, к которым можно отнести топонимию Смоленщины, определяется историческими условиями. Наиболее сложные преобразования связаны с переходом географических названий одного этнического пласта в зону влияния другой этнической группы. В процессе фонетической и морфологической трансформации, переосмысления части современных топо-

нимов региона получили гибридную форму и имеют гетерогенное происхождение. По мнению, В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева ряд географических названий, на первый взгляд имеющих прозрачную, славянскую этимологию, являются продуктом сложного взаимодействия балтийской основы и славянского менталитета, «славянское продвижение протекало как постепенное естественное проникновение с ассимиляцией балтийского элемента...» [4]. Являясь прежде зоной интенсивных контактов основных восточно-европейских этнических комплексов, сегодня топонимию Смоленской области можно рассматривать как стабильно функционирующую систему. Значимые изменения карты географических названий происходят на уровне микротопонимов и неофициальных названий внутригородских объектов, дополнение, расширение топонимии региона связано с номинацией новых объектов.

В современных исследованиях вектор все больше смещается к анализу политики топонимической номинации и трансформации [5]. Процессы переименования и наименования, демонстрирующие взаимодействие географического пространства, государственных органов управления и бизнес-сообщества, целесообразно рассмотреть через призму критической топонимики [2].

В частности, представляет интерес процесс коммодификации — вовлечения нематериальных областей жизни в сферу капитала. Сегодня, по мнению С.Н. Басика: «Топоним, как элемент образа территории и вербальное выражение культурно-географического сегмента территориальной системы, также подвергается трансформационным процессам, связанным с коммерциализацией» [1].

Выявление основных типов топонимической коммодификации в системе географических названий Смоленской области является целью нашего исследования и данной статьи.

Развитие туристской сферы региона связано с вовлечением природного и историко-культурного потенциала, поиском новых путей активизации туристской привлекательности. Географические названия Смоленщины — не просто составляющая бренда, а самостоятельная туристская достопримечательность, которая привлекает потребителей, «конвертируя символический капитал топонимов в капитал экономический» [1]. В этом отношении целесообразно рассматривать топоним как составляющую геоконцепта, под которым «понимается любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом» [3]. Действительно, отдельные географические названия, так называемые «сверхтопонимы», вызывают определенные ассоциации и маркируют территорию. Формирование геоконцептов как продуктов концептуализации территории «проеис-

ходит через наделение отдельных мест или территорий более высоким культурным статусом. Геоконцептами становятся места-топонимы, связанные со значимыми событиями истории, жизни и деятельности выдающихся людей...» [3].

История Смоленщины богата на события и насыщена известной персоналией, что нашло широкое отражение в процессе номинации. На карте региона ярко выделяются ойконимы Глинка, Гагарин, Пржевальское.

Наиболее полно в обсуждаемом контексте реализует свой потенциал мемориальный кономим Пржевальское. В одноименном геоконцепте, органично переплетаются устойчивый образ великого русского путешественника и исследователя Н.М. Пржевальского, географическое название населенного пункта (поселка городского типа) и конкретная территория, место на карте. Привлекая туристов, благодаря ассоциации с именем известного человека, «сверхтопоним» регионального уровня, безусловно, усиливает привлекательность национального парка «Смоленское Поозерье». Одновременно являясь центром этой особо охраняемой природной территории, он в определенной степени поглощает, иногда замещает новый хороним. Успешной коммерциализации данного топонима благоприятствуют уникальные природные ландшафты и былая слава здравницы федерального уровня.

Еще большей, на наш взгляд, туристской привлекательностью обладает астионим Гагарин. Паломничество на родину первого космонавта является основой для развития интереса к другим достопримечательностям города и его окрестностей (и не только связанных с темой космоса). Геоконцепт «Гагарин» как значимое место с устойчивым образом стимулирует развитие туристской дестинации и является примером коммодификации топонима.

Соловьева переправа — микротопоним, давший название важному мавневу начала Великой Отечественной войны. Обладая устойчивым образом с весьма конкретным историческим наполнением, на региональном уровне мы можем рассматривать его как ядро геоконцепта. Сегодня Соловьева переправа — это главная достопримечательность одноименного самостоятельного туристско-патриотического тура и важная составляющая целого ряда туристских маршрутов. Близок в своем развитии к уровню регионального геоконцепта и астионим Елья, информационнообразная составляющая которого связана с историческим событием рождения советской гвардии.

Напротив, кономим Глинка, не смотря на мемориальный характер своей этимологии, не отвечает критериям геоконцепта. Он остается обычным топонимом, не наполненным особым культурным содержанием, по причине разрыва между слоями «информационнообразного, ономастического (назывного) и территориальной основы» [3]. С личностью великого русско-

го композитора сегодня больше ассоциирует Новоспасское, в свою очередь лишенное топонимической составляющей геоконцепта.

Коммодификация как следствие заинтересованности определенных групп может быть связана с религиозно-культурными событиями. Так деревня Любавичи (Руднянский район) как бывший крупный религиозный центр и сегодня является местом паломничества хасидов. Необходимо подчеркнуть, что название Любавичи встречается на карте Смоленщины не единожды, что лишило «имя» уникальности и претензии на геоконцепт.

Туристская коммодификация, как наиболее распространенный тип коммерциализации топонимии характерна, в первую очередь, именно для зрелых географических названий, «сверхтопонимов».

Целый ряд географических названий Смоленщины сегодня включены в сферу туризма посредством использования их в качестве названий экодеревень, агроусадеб, баз отдыха. Лимнонимы Витрино, Бакланово, потапоним Вазуза сегодня являются частью известных туристских объектов: «Вазуза кантри клуб», Экоусадыба «Витрино», база отдыха «Бакланово». Комонимы Зазерки, Емельяново, Высокое, Бодровка, Прудок, Логи как элементы бренда территории, реализуют свою символическую ценность, и вносят вклад в социально-экономическое развитие муниципалитетов и региона. В целом, каждый третий туристский объект подобного рода на Смоленщине в своем названии содержит уже существующий топоним.

Таким образом, в Смоленской области идет процесс коммодификации топонимов посредством переноса (метонимии) географического названия природного или социально-экономического объекта на новые объекты, являющиеся продуктом коммерческих проектов, прежде всего в сфере туризма.

Характерен для региона в определенной степени, и процесс джентрификационной коммодификации топонимов, связанный с созданием новых названий. В частности, речь идет о жилых комплексах, в процессе номинации которых «используют географические названия для создания тематического урбандолянда, проектирования новых микрорайонов и продвижения коммерческих интересов с целью повышения спроса на недвижимость» [1]. Для большей привлекательности новостроек в Смоленске представители строительных компаний вводят в географическое пространство новые топонимы. Предпочтение отдается символическим, привлекательным названиям, которые должны подчеркнуть элитность (иногда мнимую) и создать позитивное отношение к данному месту. В качестве примера можно привести названия жилищных комплексов: Жемчужина, Лазурный, Аллея звезд, Звездный, Атлант, Европейский, Моцарт, Багратион, Губерния. Привилегированный статус отражают названия «Новый Смоленск», «Боровая — Парк», «Набережная Днепра», «Шоколад».

Применение уже существующих топонимов позволяет перенести положительные ассоциации на предлагаемые на рынке жилья новостройки. Позитивное восприятие жилищного комплекса «Соловьиная роща» связано с одноименным парком, «Нахимовский», «Красный Бор», «Серебряные ключи» четко ориентируют потенциального потребителя на местоположение предлагаемых объектов. Название жилого комплекса «Самолет» является примером коммерциализации неофициального топонима.

Использование органами управления топонимов как источников пополнения бюджета, безусловно, следующий этап трансформации топонимического пространства. Очевидно, что в ближайшее время смолян ждет коммерциализация названий транспортных остановок, возможно и аренда отдельных топонимов. Так в Калининграде с 2016 года «компания или торговый центр за определенную плату в городской бюджет сможет получить право давать свое название ближайшим остановкам» [6].

Таким образом, можно говорить о трансформации топонимического пространства Смоленщины. Процесс номинации приобретает контролируемый характер, становится частью маркетинга и рекламы. Названия внутригородских объектов сегодня зачастую неестественны, в меньшей степени определяются спецификой ландшафта, мемориальными аспектами. Они ориентированы на создание элитарного, привлекательного, но ложного урбандишафта. Эту тенденцию можно считать негативной, так как она ведет к обезличиванию региональной топонимической системы, обеднению «карты» региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Басик С.Н. Коммодификация топонимии как феномен социально-экономической и культурной географии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2018. № 2. С. 59–70. DOI: 10.18384/2310-7189-2018-2-59-7
2. Басик С.Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник = Geographical bulletin. 2018. №1(44). С.56–63. doi 10.17072/2079-7877-2018-1-56-63
3. Калущков В. Н. «Имя « в географии: от топонима — к геоконцепту // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. №2. С. 100-107.
4. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 271 с., карты.
5. Cosimo Palagiano, Franco Fatigati. Use of place names in maps of the world enclosed in brochures of international airline companies // Practical Geography and XXI Century Challenges. International Scientific and Practical Conference, 4-6 June 2018, Moscow. Conference Book. Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 2018. P. 338.

6. Горсовет Калининграда решил зарабатывать на названиях остановок // Ведомости. Электронная газета, 04 ноября 2016. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/11/04/663637-kaliningrada-ostanovok> (дата обращения 21.02.22).

Galina F. Ermoshkina

Smolensk State University, Smolensk

TOURIST COMMODIFICATION OF THE SMOLENSK REGION TOPONYMY

***Annotation.** The author attempts to analyze geographical names in the context of critical toponymy. The article deals with specific examples of the commodification of the Smolensk region toponyms. Our special attention is paid to this process in the tourism industry. The study has revealed that the "supertoponyms" forming regional geoconcepts are most actively subjected to tourist commodification.*

***Key words:** toponym, tourism, commodification, geoconcept*

УДК 379.85

Забураева Х. Ш.

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

***Аннотация.** В статье анализируются особенности развития туристско-рекреационного потенциала Чеченской Республики. Выявлены благоприятные предпосылки для развития разных направлений туризма. Обозначен круг проблем, решение которых позволит создать в регионе динамично развивающуюся туристическую индустрию.*

***Ключевые слова:** туристско-рекреационный потенциал, устойчивое развитие, предпосылки, горный регион.*

Под туристско-рекреационным потенциалом территории понимают совокупность природных, культурно-исторических ресурсов и социально-экономических, технологических предпосылок для развития туризма и рекреации. Актуальность оценки туристско-рекреационного потенциала в современных условиях динамичности развития индустрии туризма и гостеприимства во всем мире и его значимости в качестве катализатора социально-экономического роста неуклонно возрастает. Особенно это проявля-

ется в условиях горных регионов, для которых рекреационная деятельность значится в числе приоритетных направлений развития. К ним относится и объект данного исследования — Чеченская Республика.

В Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2025 года в качестве приоритетной цели обозначена необходимость создания условий, обеспечивающих опережающее развитие важнейших отраслей реального сектора экономики региона, снижение уровня безработицы, повышение качества жизни населения. Доминирующая роль в реализации целей указанной Стратегии отведена туристско-рекреационной сфере.

В Чеченской Республике имеются уникальные возможности (природно-климатические условия, высокое ландшафтное и биологическое разнообразие, богатое историко-культурное наследие и др.) для развития самых разнообразных направлений туризма, включая лечебно-оздоровительный, спортивный, водный, экстремальный, научно-познавательный, водный, гастрономический и др. [1, 2 и др.].

Характер рекреационной деятельности во многом определяется разнообразием форм рельефа, как важнейшего природного эстетического ресурса, который в сочетании с особенностями геологического строения и различными гидрологическими объектами создает предпосылки для практически круглогодичной рекреационной деятельности в этом регионе. Несмотря на незначительную площадь территории, здесь гармонично сочетаются низменности, возвышенности, предгорья и горы (местами высотой свыше 4000 мн.у.м.). Дифференцированный характер рельефа обусловил разнообразие почвенно-климатических условий, флоры и фауны.

В исследуемом регионе имеются многочисленные геологические (место первой скважины, пробуренной в Грозненском нефтеносном районе, Нефтяной источник в долине р. Большой Ярык-Су), гидрологические (озера Кезеной-Ам, Капустино) и палеогеоморфологические (останцы «Арка», «Братья») памятники природы. Важнейший компонент рекреационного потенциала республики — гидрорекреационные ресурсы (минеральные источники, реки, озера, водохранилища и др.). Особого внимания заслуживает озеро Кезеной-Ам — самый крупный высокогорный водоем не только в республике, но и на всем Северном Кавказе. Озеро расположено на склоне Андийского хребта у самой границы с Дагестаном, на высоте 1870 м в зоне горных лугов и степей.

Чеченская Республика обладает значительным культурно-историческим наследием, которое представлено архитектурно-историческими и археологическими памятниками. В их числе одна из главных достопримечательностей — Аргунский государственный историко-архитектурный и

природный музей-заповедник. Это огромный замковый комплекс, построенный в XIII веке в горной части.

Туристическая отрасль региона имеет свою историю развития. Она традиционно играла важную роль в хозяйственном комплексе и специализировалась на санаторно-курортном отдыхе, экскурсионном деле и спортивном туризме. Периодизация истории развития туризма и гостеприимства в регионе включает четыре этапа, каждый из которых имеет свои особенности: ранний (1848–1935 гг.); советский (1936–1990 гг.); стагнационный (1991–2011 гг.) и восстановительный (2012 г. — н. время) [2].

За последние годы сфера туристских услуг начинает играть все более заметную роль в экономике региона, поскольку оказывает влияние на особенности использования природно-ресурсного потенциала территории, уровень занятости населения, качество жизни и другие процессы. К настоящему времени в регионе проложено порядка двух десятков экологотуристических маршрутов преимущественно по бассейнам Чанты-Аргуна, Шаро-Аргуна, Хулхулау, Гехи, Рошни и других рек, функционирует множество туристических фирм, организующих туристические поездки в разные регионы России и страны мира [3].

Динамика развития туристского рынка в Чеченской Республике за последние годы в целом положительна. Число туристских фирм за период 2014–2020 гг. возросло более чем в три раза, а число гостиниц и аналогичных средств размещения за этот период возросло в 7 раз [4].

Природно-ресурсный потенциал Чеченской Республики позволяет развивать различные виды туризма и рекреации, однако с геоэкологических позиций приоритеты следует отдавать более щадящим и экологически ориентированным направлениям (экологический туризм, фототуризм, паломничество и др.) [5]. Фототуризм, к примеру, позволяет сочетать активный отдых с прогулками на свежем воздухе, получать новые впечатления и совершенствовать фотографическое мастерство. В Чеченской Республике утверждены 50 особо охраняемых природных территорий и объектов, включая 9 государственных природных заказников регионального значения и памятники природы [4].

Достаточно актуально в условиях исследуемого региона развитие религиозного туризма, а точнее его разновидности — паломнического туризма как совокупности поездок представителей различных религий с паломническими целями. Принципиальное отличие религиозных туров или паломнических поездок от традиционных видов туризма в том, что они не предполагают развлечений и нацелены на поиск возможностей обогащения внутреннего мира паломников, переосмысление жизненных принципов и ценностей [6].

Подавляющая часть населения исследуемого региона исповедует ислам. Здесь сосредоточено множество святых мест (зияраты), мечетей, которые становятся объектами паломничества. Имеются также храмы и церкви. В последние годы Чечня стала центром притяжения для паломников не только из российских регионов (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Татарстана и др.), но и Саудовской Аравии, Турции, Иордании и др. Главная духовная достопримечательность — крупнейшая в Европе мечеть «Сердце Чечни».

Тем не менее позитивные тенденции последних лет не обеспечили использования рекреационного потенциала республики на достаточном уровне. Отчасти это обусловлено тем, что инфраструктура туризма за годы военных действий была полностью разрушена. К лимитирующим факторам данной отрасли можно отнести и низкое качество сервиса, недостаточную транспортную доступность перспективных курортных зон, недостаточно развитую систему обеспечения безопасности туристов (преимущественно в горных районах). Кроме того, из-за последствий пандемии COVID-19 руководители туристических фирм не только в Чеченской Республике, но и в стране, и в мире в целом, столкнулись со значительными трудностями и задались целью поиска путей сохранения позиций на туристском рынке с минимальными убытками [7].

Решение обозначенных проблем в перспективе позволит вывести Чеченскую Республику на другой уровень развития — в ранг крупнейших туристических регионов Российской Федерации и обеспечить значительный объем туристических прибытий, что также положительно отразится и на уровне занятости населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Забураева Х.Ш. Природные и культурно-исторические предпосылки развития туризма в горной Чечне // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Проблемы управления социально-экономическими процессами регионов». Калининград, 2012. С. 19-22.
2. Ильясова К.Х., Загалаева Ж.А., Кукаева М.Х. Развитие туризма в Чеченской Республике // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 6. С. 162-166.
3. Забураева Х.Ш. Современное состояние и перспективы развития туристского рынка в Чеченской Республике // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / под общей ред. А. Г. Дружинина и В.П. Сидорова. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 831-836.
4. Чеченская Республика в цифрах. 2020: Краткий стат. сб. / Чеченстат. Грозный. 2020. 161 с.

5. Zaburaeva Kh.Sh., Abumuslimov A.A., Daukaev A.A., Abumuslimova I.A. Eco-tourism in the Chechen Republic: resource potential // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science, Vol. 579. 2020. pp. 1-6.

6. Фейгельман Н.В. К вопросу о развитии паломнического и религиозного туризма в России // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 15. С. 105-106.

7. Черкашина И.В., Адамюк А.П., Пшеничных Ю.А. Основы антикризисного управления: влияние и пути дальнейшего развития международного туризма в условиях пандемии // Вестник молодежной науки. 2020. № 2 (24). С. 1-8.

Khava Sh. Zaburaeva

*H.I. Ibragimov Comprehensive Research Institute
of the Russian Academy of Sciences, Grozny*

THE TOURIST AND RECREATION POTENTIAL OF THE CHECHEN REPUBLIC IN THE CONTEXT SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

***Annotation.** The article analyzed features of the development of the tourist and recreational potential of the Chechen Republic. Favorable prerequisites for the development of various areas of tourism have been identified. A range of problems is outlined, the solution of which will allow creating a dynamically developing tourism industry in the region.*

***Key words:** tourist and recreational potential, sustainable development, possibilities, mountain region.*

УДК 911.3(075.8)

Зиганшин И.И.

*Институт проблем экологии и недропользования Академии наук
Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ТУРИСТКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОСТРОВОВ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

***Аннотация.** В статье представлены результаты комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала островов Казанского района переменного подпора Куйбышевского водохранилища. При оценке туристско-рекреационного потенциала учитывались такие показатели как природная привлекательность, культурно-познавательная ценность, транспортная и инфраструктурная доступность, наличие экологических рисков для природных объектов и их посетителей. По результатам исследования выявлены островные территории с высоким, средним и низким туристско-рекреационным потенциалом. Работа обобщает резуль-*

таты полевых исследований, проведённых автором на островных территориях Куйбышевского водохранилища в 2018–2021 гг.

Ключевые слова: *островные территории; туризм; рекреация; туристско-рекреационный потенциал; Куйбышевское водохранилище.*

Наличие условий для отдыха является одним из ведущих критериев качества жизни населения. Снижение реальных располагаемых доходов населения и карантинные ограничения, обусловленные развитием пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) делают недоступным отдых для многих россиян на популярных зарубежных и отечественных курортах. В этих условиях, создание условий для полноценного отдыха в местах постоянного проживания населения становится актуальной задачей. Сдерживающим фактором ее решения является отсутствие комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала имеющихся в регионах рекреационных зон.

Важнейшим структурным элементом туристско-рекреационного потенциала Республики Татарстан (РТ) являются островные территории Куйбышевского водохранилища, представляющие собой наиболее высокие пойменные и террасные геоморфологические структуры долинного ландшафта, возникшие при заполнении ложа водоема в 1957 году. Наибольшее количество островных территорий приходится на Казанский район переменного подпора Куйбышевского водохранилища, расположенный на участке от г. Зеленодольск до устья р. Камы. На данном участке при нормальном подпорном уровне воды выделено 284 островных территории, которые в зависимости от местоположения, относительно населенных пунктов, были объединены в 5 систем: Зеленодольскую, Займищенскую, Кузметьевскую, Казанскую и Тетевскую (рис. 1).

Несмотря на свою многочисленность, имеющийся рекреационный потенциал островов используется недостаточно при организации туристско-рекреационной деятельности. Имеющиеся рекреационные ресурсы островов либо не используются, либо используются стихийно неорганизованными отдыхающими, что приводит к ухудшению их экологического состояния и потере рекреационной привлекательности [1].

Исследуемые островные территории весьма разнообразны по своим характеристикам и сложившимся природно-антропогенным условиям, что предопределяет специфику каждой отдельной островной территории по рекреационным возможностям. Изучение туристско-рекреационного потенциала островов предполагает оценку величины и особенностей каждого параметра, включая оценку возможностей его использования.

Материалом для настоящей статьи послужили результаты полевых исследований, проведённых автором на островных территориях Казанского района переменного подпора Куйбышевского водохранилища в 2018–2021 гг.

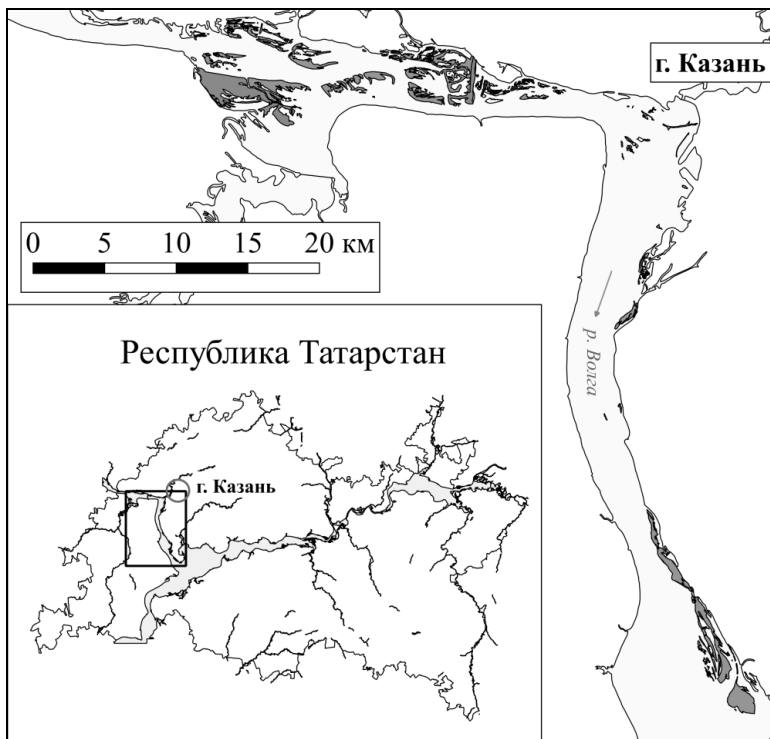

Рис. 1. Островные системы Казанского района переменного подпора Куйбышевского водохранилища

Для комплексной оценки рекреационного потенциала островных территорий использовалась модифицированная методика комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала природных объектов [2]. Рекреационный потенциал (РПО) рассчитывался как сумма баллов благоприятности по отдельным параметрам для конкретной островной территории:

$$\text{РПО} = \sum(\text{ПП}_1 + \text{ПП}_2 + \dots + \text{ПП}_n) + \sum(\text{КПЦ}_1 + \text{КПЦ}_2 + \dots + \text{КПЦ}_n) + \sum(\text{ТД}_1 + \text{ТД}_2 + \dots + \text{ТД}_n) + \sum(\text{ИД}_1 + \text{ИД}_2 + \dots + \text{ИД}_n) + \sum(\text{ЭК}_1 + \text{ЭК}_2 + \dots + \text{ЭК}_n),$$

где РПО — рекреационный потенциал объекта; ПП — природная привлекательность; КПЦ — культурно-познавательная ценность; ТД — транспортная доступность; ИД — инфраструктурная доступность; ЭК — экологический риск.

По каждой группе были выделены показатели, наиболее значимые с точки зрения развития рекреационной деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Критерии оценки компонентов рекреационного потенциала островов

Группы	Степень благоприятности параметров		
	Благоприятно	Относительно благоприятно	Неблагоприятно
Природная привлекательность	пейзажное разнообразие, визуальная привлекательность, благоприятные рекреационные условия, наличие уникальных объектов	относительная скудность флоры и фауны, отсутствие уникальных природных объектов, нужда в технических решениях для усиления привлекательности	однообразие и высокая степень трансформации ландшафтов, бедность видового состава биоценозов, неблагоприятные природные и экологические условия, низкая обеспеченность водными ресурсами
Культурно-познавательная ценность	на территории имеются объекты материального и нематериального культурного наследия	имеются рядовые объекты, формирующие культурно-историческую среду	отсутствует культурно-историческая ценность территории
Транспортная доступность	в пределах 1 часа по автомобильной дороге с твердым покрытием	в пределах 1-2 часов по грунтовой дороге	значительная удаленность от населенных пунктов (более 2 часов езды)
Инфраструктурная доступность	объекты туристкой инфраструктуры доступны для всех слоев населения	имеются необходимые условия для большей части туристов (экскурсантов)	туристская инфраструктура отсутствует
Экологический риск	благоприятная экологическая обстановка, риск возникновения неблагоприятных экологических событий минимален	имеется риск возникновения неблагоприятных экологических событий	превышение допустимых рекреационных нагрузок, значительная антропогенная трансформация ландшафтов, загрязнение среды, высокий риск возникновения неблагоприятных экологических событий

Сопоставление результатов оценки степени благоприятности параметров островных территорий Казанского района переменного подпора Куйбышевского водохранилища для развития различных направлений рекреационной деятельности на их территории позволяет их ранжировать на три группы по степени рекреационного потенциала – с низким, с средним и высоким рекреационным потенциалом.

Большая часть исследуемых островов (81%) относится к группе с низким рекреационным потенциалом (рис. 2). Они имеют неблагоприятные условия для развития туризма и рекреации на их территории. В основном, это не большие по площади острова, находящиеся в подтопленном состоянии, густо заросшие высшей водной растительностью, с невыраженной пляжной полосой.

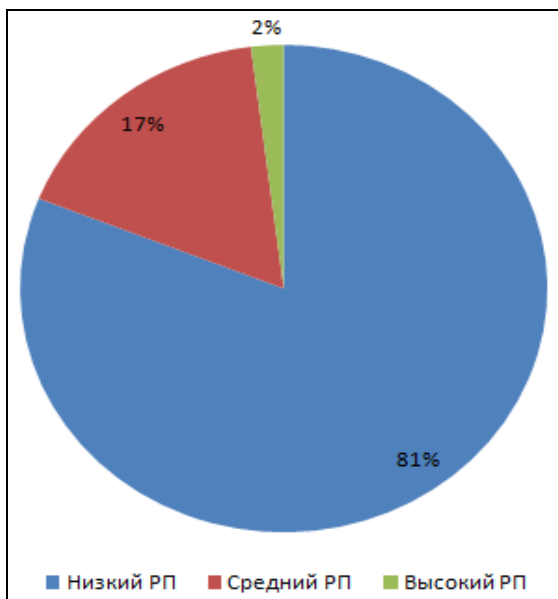

Рис. 2. Распределение островов Казанского района переменного подпора Куйбышевского водохранилища по рекреационному потенциалу

Использование этой группы островов для отдыха на берегу (пикникового отдыха, палаточного туризма) ограничено в силу их малой площади и отсутствием открытых, относительно ровных, сухих, не заросших мест пригодных для организации туристских стоянок.

48 островов имеют средний рекреационный потенциал. Наибольшее их количество сосредоточено в Тетеевской системе (табл. 2). Как правило это относительно большие по площади острова, имеющие благоприятное территориальное местоположение по отношению к крупным населенным пунктам, что обуславливает их рекреационную привлекательность для владельцев маломерных моторных судов и других плавательных средств. При этом для большинства из них характерно не благоприятные условия для развития пляжно-купальной рекреации (пляжная полоса плохо выражена, нет удобных подходов к воде, берега закустаренные, закрытые, открытых пространств мало). В основном здесь развивается пикниковый отдых и любительский лов рыбы с берега.

Таблица 2

Распределение островов по рекреационному потенциалу

<i>Системы островов</i>	<i>Количество островов с различной степенью рекреационного потенциала</i>		
	<i>Низкий</i>	<i>Средний</i>	<i>Высокий</i>
Зеленодольская	75	13	2
Займищенская	61	6	1
Куземецьевская система	38	2	0
Казанская система	27	10	1
Тетеевская система	29	17	2
Все системы островов	230	48	6

Остров с высоким рекреационным потенциалом всего 6. Это наиболее красивые острова, обладающие высокой эстетической ценностью территории, складывающейся из разнообразия имеющихся ландшафтов и внешнего пейзажного разнообразия, благоприятно расположенные по отношению к г. Зеленодольск и Казань, имеющие хорошие песчаные пляжи с высокой рекреационной емкостью и удобные места для отдыха на побережье. Наличие высокого рекреационного потенциала обуславливают их популярность у местного населения и туристов.

Таким образом, развитие туризма и рекреации на островных территориях сдерживается прежде всего отсутствием туристской инфраструктуры и проблемой транспортной доступности. Важным моментом является проблема информированности туристов и местного населения об экологических маршрутах и местах туристского показа на островах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зиганшин И.И., Иванов Д.В. Методика комплексной оценки рекреационного потенциала особо охраняемых природных территорий // Российский журнал прикладной экологии. 2017. № 2. С. 52-56.

2. Зиганшин И.И., Иванов Д.В. Оценка рекреационного природопользования на островах Казанского района переменного подпора Куйбышевского водохранилища // Российский журнал прикладной экологии. 2019. № 4. С. 22-27.

Irek I. Ziganshin

*Institute of Ecology and Subsoil Use Problems
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan Federal University, Kazan*

TOURIST AND RECREATIONAL POTENTIAL OF THE ISLANDS KUIBYSHEV RESERVOIR

***Annotation.** The article is devoted to the issues of comprehensive assessment of the tourism and recreational potential of the islands of the Kazan region of the Kuibyshev reservoir. When assessing the tourism and recreational potential of it is suggested to take into account such indicators as natural attractiveness, cultural and cognitive value, transport and infrastructural accessibility, the presence of environmental risks for natural objects and their visitors. According to the results of the study, island territories with high, medium and low tourist and recreational potential were identified. This work is a generalization of the results of field studies carried out by the author on the island territories of Kuibyshev reservoir in 2018–2021.*

***Keywords:** island territories; tourism; recreation; tourist and recreational potential; Kuibyshev reservoir.*

УДК 911.3:33

Зиновьева А. А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены основные последствия влияния пандемии COVID-19 на современное состояние мировой индустрии туризма в целом, так и России в частности. Также выявлены основные перспективные направления развития индустрии туризма в Российской Федерации на ближайшее время.*

***Ключевые слова:** перспективные направления развития туризма в Российской Федерации, пандемия COVID-19.*

Пандемия коронавируса COVID-19 и постоянное появление его новых штаммов, таких как «дельта» и «омикрон», оказывают серьезное влияние на тренды и направления путешествий по всему миру. При этом потери индустрии туризма за 2021 год составили порядка 950 млрд долларов. По оценке Всемирной туристской организации, экономические показатели отрасли откатились к периоду конца 1990-х — начала 2000-х годов [1].

По прогнозам европейского поставщика передовых информационных технологий Amadeus (с помощью которого более чем 1,6млрд путешественников ежегодно получают доступ к услугам туристических агентств, авиакомпаний, гостиниц и других трэвел поставщиков), путешествия мечты, активный экотуризм и дружеские поездки станут ключевыми мотивами для путешественников в 2022 году [3].

Например, отдых на свежем воздухе — один из основных видов досуга во время пандемии в 2020 году не потерял актуальности в 2021 и может стать еще более популярным в 2022 году. Так, по данным портала, в отелях близ национальных парков США количество бронирований увеличилось на 71%, а в списке наиболее популярных направлений крупные мегаполисы стали уступать лидерство природным локациям. При этом, согласно недавнему опросу, проведенному туристским сервисом Contiki, 70% туристов в возрасте от 18 до 35 лет предпочитают пляжный отдых горным пейзажам, выбирая при этом более экзотические направления [3].

При этом путешественники стремятся «наслаждаться моментом», выбирая путешествие всей жизни. Исследование, проведенное британской туркомпанией Unforgettable Travel в разгар пандемии, подтвердило, что наибольшей популярностью пользуются те направления, которые позволяют получить уникальные впечатления, например, совершить восхождение к базовому лагерю Эвереста в Непале. Резко вырос спрос на Танзанию: число поисковых запросов на поездки в страну, известную своими сафари, увеличилось на 36%. Большой интерес также вызывают пирамиды Египта, а поиск рейсов в Петру вырос на 22%. Все указывает на то, что данная тенденция будет сохраняться и в будущем, учитывая возросший спрос на туры на острова Индийского океана и даже в Антарктику [4]. В 2022 году многие люди забронируют наконец столь значимые для них, экстремальные или прежде невообразимые путешествия.

Также туристы стремятся провести отпуск в компании друзей. Ожидается, что 2022 год будет ознаменован большими и малыми поездками для возобновления социальных связей. По данным аналитической платформы Amadeus Demand 360, групповые бронирования выросли на 83% с осени прошлого года. Данные говорят о том, что тренд уже прочно закрепился [5]. Благодаря появлению новых технологий, например паспортов здоровья,

которые позволяют выполнять автоматическую идентификацию пассажиров и верификацию документов по COVID-19 в любом пункте обслуживания, поездки будут становиться все более безопасными и удобными. В 2022 году продолжится рост групповых поездок — компаний друзей, семейных пар, путешествующих большими группами.

Активный экотуризм — еще одна тенденция, возникшая после пандемии. Путешественники заинтересованы в активных действиях, при этом растет спрос на поездки в поддержку различных глобальных сообществ. Путешественники стремятся включить в свои отпуска дополнительные значимые элементы, например, работу по восстановлению местных сообществ в рамках поездки. Также они хотели бы убедиться в том, что их расходы оказывают непосредственное положительное влияние на людей и населенные пункты, в которые они приезжают. Предоставление путешественникам возможностей по охране туристических направлений поможет сделать отрасль более экологичной и устойчивой в долгосрочной перспективе.

Также 2022 год станет годом возвращения деловых поездок, и драйвером этого тренда станут новые технологии. Работа в удаленном формате дает еще больше стимулов для людей встречаться лично, с коллегами, партнерами и клиентами. При этом ожидания путешественников сильно изменились, выдвинув требования к безопасности и информированности в связи с COVID-19 на первый план. Инновационные технологии призваны повысить уверенность туристов, сократив время пребывания в аэропорту и межличностные контакты. Популярными становятся мобильные приложения с функцией онлайн-оповещений во время поездки, бесконтактные платежи, самостоятельная регистрация на рейс, сдача багажа, автоматизированные и гибкие правила отмены бронирования. Кроме того, с появлением новых типов медицинских документов (паспортов здоровья, сертификатов вакцинации, QR кодов и т.п.), перед туротраслью встала задача по автоматизации процессов.

Таким образом, основными трендами развития индустрии туризма для России в 2022 году станут изменения предпочтений путешественников, к ним относятся прежде всего отдых на свежем воздухе, спонтанные поездки, обмен жильем по аренде, работа на удаленке, бронирование нескольких поездок подряд и упор на удобства во время проживания.

Отметим, что туристическая отрасль сейчас находится на переломном этапе. С одной стороны, наблюдается растущий спрос на поездки, с другой — необходимо учитывать влияние ограничений COVID-19. Эта ситуация требует от всех участников индустрии туризма большей изобретательности и сплочения. Вынужденное затишье привело к созданию множества новых увлекательных маршрутов и программ по всей России. Стали воз-

рождаться культурные традиции, повысилась привлекательность регионов как для отдыха, так и проведения деловых мероприятий. Внутренний турпоток в пандемию вырос на 20%, по сравнению к 2019 году. Интерес к поездкам по России продолжит расти и будет подкреплен самыми разными цифровыми технологиями — от обеспечения безопасности поездок «Safe Travel» до создания вдохновляющего контента и персонализации туристских предложений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. UNWTO: Statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unwto.org/ru/node/116> (дата обращения 27.01.2022).
2. Главные туристические тренды 2022 года по версии Amadeus — Рамблер/путешествия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://travel.rambler.ru/news/47689613/?utm_content=travel_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 23.01.2022).
3. «Бронирование в последнюю минуту». Каким будет туризм в 2022 году / TengriTravel [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tengritravel.kz/around-the-world/bronirovanie-poslednyuyu-minutu-kakim-turizm-2022-godu-457821/> (дата обращения 18.01.2022).
4. «В 2022 году 75% россиян выберут внутренний туризм, показал опрос» — РИА Новости, 11.01.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220111/puteshestviya-1767264273.html> (дата обращения 15.01.2022).
5. Тренды в туризме в 2022 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://welcometimes.ru/opinions/trendy-v-turizme-v-2022-godu> (дата обращения 15.01.2022).

Alfia A. Zinovyeva

Kazan Federal University, Kazan

PROMISING AREAS OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION DUE TO THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC

***Annotation.** This article examines the main consequences of the impact of the COVID-19 pandemic on the current state of the global tourism industry in general, and Russia in particular. The main promising directions for the development of the tourism industry in the Russian Federation in the near future have also been identified.*

***Keywords:** promising directions of tourism development in the Russian Federation, COVID-19 pandemics.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

***Аннотация.** Самостоятельный туризм как массовое современное явление требует изучения и поиска новых путей исследования. Постепенно происходит осознание вклада самостоятельных туристов в развитие территорий и туристской индустрии. Государственные программы и законодательные документы начинают включать в себя интересы самостоятельных туристов. Туроператоры предлагают продукты разного насыщения, которыми также могут пользоваться и самостоятельные туристы. В статье рассматриваются два уровня самостоятельности при планировании маршрутов и структура самостоятельного туризма.*

***Ключевые слова:** самостоятельный туризм, государственное регулирование, самодеятельный туризм.*

Самостоятельный туризм (СТ) развивается в мировом масштабе и служит индикатором преобразований в обществе. Это явление демонстрирует возрастающую мобильность и высокую скорость внедрения новых технологий. Самостоятельный туризм — это форма организации путешествия с использованием современных информационных технологий и частичным или полным отказом от профессиональных туристских услуг [1]. Его проблематично вычленять из общего количества туристов для статистического подсчета и пространственного анализа. Несмотря на то, изучать его необходимо, поскольку это один из основных трендов в современном туризме.

Повышение информированности населения, улучшение туристской инфраструктуры, автомобилизация населения, обустройство природной среды дают положительные результаты для массового развития самостоятельного туризма. Сегодня, как в практической, так и в научной сферах увеличивается внимание к данной категории туристов. Появляется интерес к экономическому эффекту от самостоятельного потока.

Государственные программы начали включать пункты о необходимости развития информационных технологий для самообслуживания туристов и внедрения маркетинговой стратегии. В «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» отмечается, что самостоятельный туризм способствует росту сегментации туристского продукта и увеличению разнообразия видов туризма [2]. Появился ГОСТ Р 57806-2017 «Туристские услуги в области самодеятельного туризма», который устанавливает общие требования и распространяется на туристские услуги в

области путешествий [3]. Самодетельный туризм был включен в приоритетные направления государственного регулирования туристской деятельности [4]. При этом СТ рассматривается как социально-ориентированный вид туризма, требующий поддержки государства [5], например, через создание комфортной инфраструктуры в местах отдыха самостоятельных туристов. В то же время в региональных программах затрагиваются трудности управления туристским комплексом от высокой доли неорганизованного сектора, доля которого составляет более половины от общего турпотока. Выделяется проблема официальной статистики, не дающей объективную оценку и объемы туристского потока, влияющего на экономику региона [6]. Создание туристской инфраструктуры сможет помочь с регулированием неорганизованных туристских потоков [7].

Программа государственного субсидирования поездок по России, разработанная Федеральным агентством по туризму «Туристический кешбэк», в рамках которой туристы могут оплатить путешествие картой «Мир» и получить кешбэк 20% от его стоимости, также направлена на поддержку внутреннего туризма в целом, учитывая интересы самостоятельных туристов. Надо заметить, что на наш взгляд эта программа повысила уровень самостоятельности в бронировании санаторно-курортных услуг, так как они «встали в один ряд» с гостиницами и другими КСР.

Если внутренний самостоятельный туризм рассматривается как социально значимый, то в отношении выездного самостоятельного туризма идёт политика сдерживания через «искусственную конкуренцию» [8]. Интерес к самоорганизации путешествий вырос с появлением проблем у туроператоров, но постоянное ослабление рубля, строгость визового режима затрудняет осуществление поездок. «Кризис стимулирует развитие локального и неорганизованного туризма, а также прямого бронирования, — отметил в своей речи президент Российского союза туриндустрии С.П. Шпилько [9]. Резко сократилось число выезжающих за пределы РФ на личном транспорте. В условиях пандемии произошло закрытие российских границ от выезда на личных автомобилях с целью туризма [10, 11], введение санитарно-эпидемиологических норм во всех государствах, не признание вакцин от коронавируса российского производства.

В России региональные администрации стараются определить турпоток СТ и их влияние на развитие территории. Поддерживаются инициативы по повышению информированности туристов в виде бесплатных экскурсий, установки информационных стендов, туристской навигации. В Перми создан маршрут «Зеленая линия», в Твери продвигается бренд «Welcome Tver» [12]. За рубежом также осуществляется анализ расходов самостоятельных туристов в поездках [13].

Рост самостоятельного туризма происходит во всем мире. Полных статистических подсчетов самостоятельных потоков практически нет. Всемирная туристская организация ведёт статистику международных туристских прибытий, которые до 2019 года показывали устойчивый прирост и составили 1460 млн прибытий [14]. При этом в ежегодных обзорах ЮНВТО с 2012 по 2015 г. фигурирует цифра внутренних туристов 5-6 млрд туристов в год. Самостоятельный туризм является массовым явлением, дающим новые впечатления и подчеркивающим некоторую элитарность (продвинутость, информированность) самостоятельных путешественников.

Спрос на самостоятельные путешествия постоянно растет. По результатам исследования Аналитического центра НАФИ за последние три года не совершали туристских поездок 56% россиян, из оставшихся 44% — 29% туристов организовывали свой отдых самостоятельно и только 10% обращались к туроператорам [15].

Индивидуальность составления маршрутов и программ путешествий лежит в основе самостоятельного туризма. Самоорганизованный тур будет отражать только личные мотивы. В то же время и самостоятельные туристы, и организованные пользуются услугами практически одних и тех же организаций. Поэтому современная структура самостоятельного туризма представляет из себя совокупность объектов туристской индустрии, объединенных использованием сети Интернет, и зависящая от условий и ресурсов региона (рис. 1). Информационные ресурсы вырабатывают технологию составления маршрутов, объединяют весь туристский спектр. При этом все объекты системы взаимозависимы и эффективны только при устойчивой связи между собой.

Уровень развития туристской инфраструктуры и информационных технологий, транспортная сеть, обеспечивающая доступность к аттрактивным ресурсам, государственное регулирование в виде поддержки развития отрасли туризма и наличие потребителей (туристов) в регионе способствуют устойчивому развитию самостоятельного туризма в регионе.

Рассматриваемый вид туризма, может быть раскрыт через более широкое понятие — самостоятельность в туризме, зависящее от степени самостоятельности планирования путешествия туристом. Если основным понятием организованного туризма является «туристский продукт», то в самостоятельном туризме напротив нет единого комплексного продукта, точнее он индивидуален для каждой поездки. Поэтому мы выделяем два уровня самостоятельности туриста.

Полная самостоятельность. Подразумевается самостоятельный поиск всего спектра составляющих путешествия — транспорта, проживания, питания и развлечения одним или группой туристов.

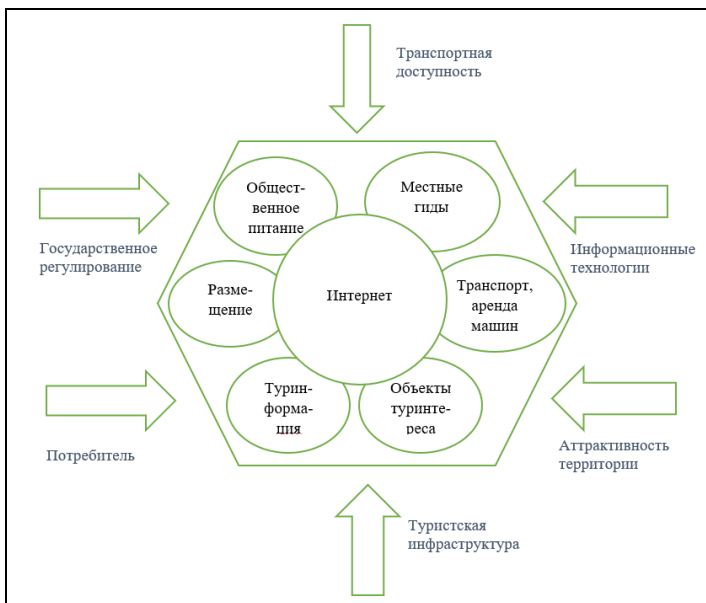

Рис. 1. Структура самостоятельного туризма

Составлено автором.

Частичная самостоятельность. На втором уровне туристом выбирается сочетание использования турпродуктов, созданных туристскими компаниями, и дополнительными услугами, выбираемыми самостоятельно туристами. Предложения туроператоров повышают свою вариативность, тем самым вовлекая в свой оборот и самостоятельных путешественников. Именно частичная самостоятельность, по нашему мнению, будет востребована из-за удобства, повышения профессионализма, гибкости туроператоров и стремительного внедрения интеллектуальных информационных систем.

Таким образом, самостоятельный туризм, используя современные технологии, стремительно развивается, становится массовым. Государственные органы начинают осознавать необходимость поддержки самостоятельного туризма. Разрабатываются программы его поддержки. Улучшение инфраструктуры и повышение информированности туристов приводит к переходу от «дикого» к «осознанному» туризму. Уровень самостоятельности в туризме путешественники проявляют индивидуально исходя из собственного опыта, возможностей и предложений туроператоров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зырянова, И. С. Самостоятельный туризм: определение понятия и синонимов // И. С. Зырянова // Географический вестник. 2021. № 1(56). С. 109-118.
2. Стратегия развития туризма в РФ в период до 2035 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda/>.
3. ГОСТ Р. 50690–2000. Туристские услуги. Общие требования. Введен 01.07.2001, М.: Изд-во стандартов, 2001.
4. Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" от 24.11.1996 N 132-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/
5. Трофимов Е. Н. Социальный туризм в России и в Европе // Вестник РМАТ. 2014. №. 3. С. 3-11.
6. Концепция развития санаторно-курортного и туристского комплекса Краснодарского края до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://strategy24.ru/23/news/v-krasnodarskom-kraeye-razrabotali-kontseptsiyu-razvitiya-turotrasli-regiona-do-2030-goda>
7. В Горном Алтае для «диких» туристов будут созданы караван-парки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=262071> (Дата обращения 10.10.2021).
8. Нестеров А. В. Организация государственного регулирования выездного самодельного туризма в современных условиях // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 340-343.
9. Шанс для регионов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=272516> (Дата обращения 12.12.2021).
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. N 635-р <https://www.alt.ru/tamdoc/20rs0635/> (Дата обращения 06.02.2022).
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2021 г. N 2259-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/21rs2259/> (Дата обращения 06.02.2022).
12. Итоги года туристической отрасли: Тверская область вошла в общероссийский тренд роста спроса на внутренний туризм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--g1abnnjg.xn--80aacrp4ajwpkgbl4lpb.xn--p1ai/novosti/?ELEMENT_ID=102961 (Дата обращения 01.02.2022).
13. Александрова А. Ю. Формирование интегрированной системы статистики туризма в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. №. 1.
14. World Tourism Organization (2021), International Tourism Highlights, 2020 Edition, UNWTO, Madrid, DOI: <https://doi.org/10.18111/9789284422456>
15. В тренде — самостоятельные поездки в отпуск. Как туроператорам сохранить клиентов? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/v-trende-samostoyatelnye-poezdki-v-otpusk-kak-turoperatoram-sokhranit-klientov/> (Дата обращения 21.11.2021).

STATEREGULATION AND STRUCTURE OF INDEPENDENT TOURISM

***Annotation.** Independent tourism is a mass modern phenomenon, it requires the study and search for new ways of research. Gradually, there is an understanding of the benefits of independent tourists in the development of territories and the tourism industry. State programs and legislative documents are beginning to include the interests of independent tourists. Tour operators offer different types of products, which can also be used by independent tourists. The article discusses two levels of independence in planning routes and the structure of independent tourism.*

***Keywords:** independent tourism, state regulation, amateur tourism.*

УДК 796.5

Ивлиева О.В., Ма Цзя

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

***Аннотация:** В настоящее время туристическая индустрия Китая вступила в стадию быстрого развития, стала важным промышленным сектором национальной экономики. Комплексный вклад туризма в ВВП Китая достиг примерно 11%. Среди стран доноров въездных туристов лидируют Южная Корея, Япония, США и Россия. Период быстрого роста въездного туризма Китая начался с 1986 года. Общее количество прямых и косвенных рабочих мест сферы туризма в настоящее время составляет 10,3% от общего числа занятого населения страны.*

***Ключевые слова:** въездной туризм, дестинация, туристский продукт, туристская индустрия*

С углублением реформ, устойчивым экономическим ростом Китая и быстрым ростом национального дохода, туристическая индустрия Китая вступила в стадию быстрого развития, а также стала важным промышленным сектором национальной экономики.

Развитие международного въездного туризма является не только источником валютных поступлений в экономическую систему страны, фактором стабилизации региональных рынков труда, но и дает импульс экономического роста регионам страны. С 1978 года рынок въездного туризма Китая поддерживает стабильную и быструю тенденцию развития, которая внесла значительный вклад в валютные доходы Китая и международный

платежный баланс, и оказала положительное влияние на экономическое развитие Китая. Китай является не только одной из крупнейших стран мира, но и одним из самых популярных в настоящее время туристских направлений в мире. Более 55 миллионов путешественников со всего мира посещают Китай ежегодно.

По данным отчета конкурентоспособности туризма, составленного аналитиками Всемирного экономического форума (ВЭФ), рейтинг туристской отрасли Китая поднялся с 69-го места в 2009г. до 13-го в 2019 г. по глобальной конкурентоспособности туризма [1]. Китай стал важной силой в мировом туризме.

На современном этапе сфера туризма стала одной из основных отраслей экономики Китая. Не только сама индустрия туризма способствует быстрому развитию экономики Китая, но и способствует развитию отраслей хозяйства, которые могут быть интегрированы с туризмом, таких как технологии, культура и спорт. В 2019 г. комплексный вклад туризма в ВВП Китая достиг 10,94 триллионов юаней, составляя примерно 11% от общего ВВП Китая, в то время как уровень вклада для развитых стран находится в пределах 5-9%. В то же время индустрия туризма создает год от года все больше рабочих мест. В 2019 г. 28,3 млн человек были напрямую заняты в сфере туризма и 51,6 млн человек были заняты в сфере туризма косвенно. Общее количество прямых и косвенных рабочих мест сферы туризма составило 10,3% от общего числа занятого населения страны [2].

Согласно статистике, опубликованной Бюро статистики и Министерством культуры и туризма, в 2018 г. было зарегистрировано 47,95 млн въездных иностранных туристов (включая туристов из соседних с Китаем стран). В период 2008-2019 гг. рейтинг международных туристских прибытий в Китай оставался стабильным. Согласно последним данным, опубликованным ЮНВТО, в 2018 году въездной туризм Китая занял четвертое место в мире после Франции, Испании и США [3]. Доход от международного туризма достиг 127,103 миллиардов долларов США. Сегодня Китай занимает пятое — шестое место в мире от валютных поступлений в доход страны от туризма.

Въездной туризм был определен в качестве одной из основных точек роста национальной экономики как основного промышленного сектора, стимулирующего экономическое развитие, он постоянно придавал новый импульс росту национальной экономики. Положительное влияние на въездной туризм в Китай оказало: все более совершенная цепочка поставок китайских туристических продуктов, стабильное и быстрое развитие мировой экономики и продолжающийся рост экономики Китая, а также увеличение иностранных обменов в Китае и укрепление регионального сотрудничества.

Среди стран доноров въездных туристов сохраняется лидерство Южной Кореи, что связано с географической близостью, усиленным деловым кооперированием между предпринимателями из Китая и Южной Кореей, а также высоким уровнем дохода корейских граждан. Ежегодно Китай принимает около 5 млн туристов из этой страны. На втором месте по количеству туристов пребывающих в Китай следует Япония, откуда приезжало до пандемии около 3 млн туристов, третье и четвертое место принадлежит США и России, которые обеспечивают приток туристов из своих стран на уровне 2,5-2,7 млн человек в год. Хотя Европа и Америка являются наиболее важными туристическими направлениями в мире, они не являются крупнейшими туристическими направлениями для въездного туризма Китая из-за больших расстояний, исторической культуры, образа жизни и различий в ценностях. Тем не менее, эти страны имеют высокий ВВП на душу населения и обеспечивают также большой поток туристов. Австралия, Новая Зеландия и Океания являются важными объектами обмена туристами с Китаем, причем в двустороннем порядке.

Число въезжающих иностранных туристов, которые приезжают в Китай с целью осмотра достопримечательностей и отдыха, составляет около половины от общего числа въездных иностранных туристов. Конгрессный и выставочный туризм занимает второе место, доля лиц посещающих родственников и друзей невелика [3].

В первой десятке рейтинга популярности въездного туризма в 2019 году были Шанхай, Пекин и Гуанчжоу, которые вошли в тройку лидеров, за которыми следуют Шэньчжэнь, Чэнду, Ханчжоу, Циндао, Нанкин, Сиань, Сямьнь и другие города.

Существуют большие различия между провинциями в уровне развития въездного туризма. Среди тридцати одного провинциального района Китая наибольшее количество прибывающих туристов, более 3 млн человек отмечается в Пекине, Ляонине, Шанхае, Цзянсу, Чжэцзяне, Шаньдуне и Гуандуне, находящихся в экономически развитых провинциях и прибрежных районах восточной и южной частях страны. Среднее количество пребывающих туристов в оставшихся 24 провинциях ниже 1млн.человек. Динамика посещаемости туристами этих провинций выросла значительно в последние годы. За 2000-2018 гг. количество туристов в провинциях выросло в 6-12 раз [4].

Развитие въездного туризма Китая может быть условно разделено на три периода. Первый период развития международного туристического рынка (1949-1977 гг). На первом этапе туризм использовался в качестве дипломатического средства с сильной политической окраской, с целью «содействия дружеским обменам между китайцами и людьми всего мира и

содействия модернизации экономики Китая». В то время Китай рассматривал развитие туризма как способ углубления дипломатических отношений и стремления к национальной дружбе. В этот период туризм не являлся экономической отраслью.

Период запуска международного туристического рынка состоялся в Китае в восьмидесятые годы. (1978–1980 годы). Первым результатом открытости страны был доступ для людей со всего мира к путешествиям в Китай. Однако туризм в это время считался частью работы по иностранным делам, и он не рассматривался как экономическая отрасль.

Период быстрого роста на международном туристическом рынке начался с 1986 года, когда Китай полностью вступил в стадию развития туризма с экономическим приоритетом. После ряда лет устойчивого роста въездного туризма мировые рейтинги Китая взлетели на пятое место, и Китай стал мировой туристической державой.

Историческое прошлое Китая, великолепная культура, огромная территория, богатые туристические ресурсы и растущая международная популярность в последние годы, стимулируют иностранных туристов к осмотру достопримечательностей Китая. Льготные условия бизнеса, большое количество дешевой рабочей силы вынуждают развитые страны выбирать для своих инвестиции Китай, поэтому все больше людей приезжают в Китай для ведения бизнеса.

Поэтому насущной задачей является увеличение новых предложений туристского продукта, новых туристских маршрутов, планирование широкого спектра привлекательных туристических проектов, дальнейшее внедрение инновационных услуг и повышенное отношение к удовлетворенности желаний иностранных туристов. В последнее время были значительно упрощены ограничения въездного туризма в страну. Была введена 30-дневная безвизовая политика для въездного туризма на Хайнане. Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй, дельта реки Янцзы, Гуандун и другие места ввели политику освобождения от транзитных виз на 144 часа для иностранцев. Ускорена работа службы пограничной инспекции «Интернет +». Более 1900 китайских и иностранных предприятий пользовались удобством онлайн-декларации, что еще больше способствовало упрощению трансграничной торговли и оптимизации портовой бизнес-среды. В 2019 году в 18 портах, в том числе в Пекине и Шанхае, создано 89 пограничных контрольно-пропускных каналов «Пояс и дорога», чтобы обеспечить быстрое таможенное прохождение для 300 тысяч пассажиров. В последние годы в Китае активно развивается RV-туризм и яхтенный туризм.

Туризм способствовал открытию китайской железной дороги Цинхай-Тибет, вызвал к жизни проект — строительство большой протяженности

скоростных железных дорог в целях развития внутреннего и международного туризма (30 тыс. км к 2030 году), имеющих скорость свыше 300 км/час. В стране или регионе где хорошо развита индустрия туризма, туда, как правило, стекаются деловые и инвестиционные возможности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. TheWorldEconomicForum. P. 65. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf (Дата обращения 18.07.2021).
2. OECD. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm> (Дата обращения: 10.07.2021).
3. Количество въезжающих туристов в Китай: цель визезда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ceicdata.com/zh-hans/china/visitor-arrival-by-visiting-purpose>
4. Бай Сяюнь и Ли Яньпин. Анализ развития въездного туризма Китая [J]. Мировой рынок. 08.2017.

Olga V. Ivlieva, Ma Jia

Southern Federal University, Rostov-on-Don

TOURISM AS A FACTOR OF SPATIAL DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF CHINA)

***Annotation.** Currently, the tourism industry of China has entered the stage of rapid development, has become an important industrial sector of the national economy. The combined contribution of tourism to China's GDP has reached about 11%. Among the countries of donors of inbound tourists are South Korea, Japan, the United States and Russia. The period of rapid growth of china's inbound tourism began in 1986. The total number of direct and indirect jobs in the tourism sector currently accounts for 10.3% of the total employed population of the country.*

***Keywords:** inbound tourism, destination, tourist product, tourism industry.*

УДК 379.85+911.6

Кайзер Ф. Ю., Брель О. А.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ГОРНОЛЫЖНОГО ТУРИЗМА В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ — КУЗБАССЕ

***Аннотация.** В статье проанализирована территориальная организация горнолыжного туризма Кемеровской области в контексте кластерного подхода. Авторами выделены три горнолыжных кластера на территории Кузбасса («Северный», «Западный» и «Южный»), объединяющие ряд горнолыжных курортов и*

комплексов. Также составлена карта-схема горнолыжных кластеров Кемеровской области с использованием ГИС-технологий.

Ключевые слова: горнолыжный туризм, кластер, территориальная организация, Кемеровская область, Кузбасс.

Рост популярности горнолыжного туризма в Кемеровской области — Кузбассе связан с уникальными природно-ландшафтными возможностями, наличием достаточно развитой инфраструктуры и дорог, связывающих крупные города региона и места отдыха, продолжительностью горнолыжного сезона (с ноября по апрель), заинтересованностью региональных властей и бизнеса в развитии туризма в Кузбассе. Кемеровская область по общей протяженности горнолыжных трасс и количеству подъемников занимает одно из лидирующих мест среди регионов Сибири и Дальнего Востока.

В настоящее время горнолыжный туризм в Кемеровской области наиболее активно развивается в Таштагольском, Промышленновском, Тисульском, Гурьевском районах, городах Междуреченск, Новокузнецк, Кемерово. Актуальность исследования особенностей расположения и туристско-рекреационных функций горнолыжных курортов и комплексов отдельных территорий Кемеровской области, на наш взгляд, связана с преобладанием в структуре регионального туристского потока горнолыжного туризма [1].

Возрастающая роль внутреннего и въездного туризма в развитии экономики Кемеровской области требует изучения территориальной организации горнолыжного туризма с целью оптимизации и прогнозирования туристской деятельности, а также сохранения равновесия между экологической составляющей и туристско-антропогенной нагрузкой региона. Одним из вариантов территориальной организации горнолыжного туризма Кузбасса является использование кластерного подхода, так как для этого уже существуют некоторые предпосылки [2, 3].

Анализ литературы по теме исследования, показал, что использование кластерного подхода возможно для всех видов туристских услуг. В то же время существует и специфика, определяемая видом туризма и степенью адаптивности в использовании кластеризации. Кластерный подход в настоящее время может служить базой не только для изучения территориальной организации горнолыжных курортов, но и для разработки эффективных инструментов, обеспечивающих их дальнейшее развитие, направленное на увеличение туристского потока в регион, что особенно актуально для развития внутреннего и въездного туризма.

Основой для применения кластерного подхода является территориальная близость объектов туристской индустрии и инфраструктуры, что актуально для

компактной по площади территории Кемеровской области — Кузбасса. Принимая это во внимание, кластерный подход возможно рассматривать как основу для формирования синергетического эффекта, который будет ощущать на себе не только отдельный горнолыжный курорт, но и вся туриндустрия, расположенная в непосредственной близости от него. С этих позиций горнолыжный курорт следует рассматривать как кластерообразующий центр или ядро кластера [4].

В связи с этим, авторами предложены три горнолыжных кластера на территории Кузбасса, сконцентрированных вокруг конкретных горнолыжных курортов, и объединяющих несколько курортов в единую горнолыжную дестинацию, позволяющую усилить конкурентные преимущества не только самих курортов, но и прилегающих к ним туристских объектов (табл. 1).

Таблица 1

Горнолыжные кластеры и подкластеры Кемеровской области

<i>Горнолыжные кластеры</i>	<i>Горнолыжные подкластеры</i>	<i>Горнолыжные курорты и комплексы</i>
Северный	-	ГК «Люскус» ГК «Горная Саланга» ГК «Зеленогорский»
Западный	-	ГК «Танай» ГК «Золотая гора» ГК «Маяк»
Южный	Новокузнецко-Междуреченский,	ГК «Гора Солнечная» ГК «Лесная республика» ГК «Гора Маяковая» ГК «Соколиная гора» ГК «Мрас-Су» ГК «Ягодка-1» ГК «Ягодка-2» ГК «Югус»
	Таштагольско-Шерегешский	ГК «Таштагол-Буланже-Туманная» СТК «Шерегеш»

Источник: составлено авторами.

Предложенные горнолыжные кластеры «Северный», «Западный» и «Южный» в соответствии с особенностями их расположения, позволят удовлетворить туристско-рекреационные потребности, прежде всего, местного населения без дополнительных временных и финансовых затрат (рис. 1).

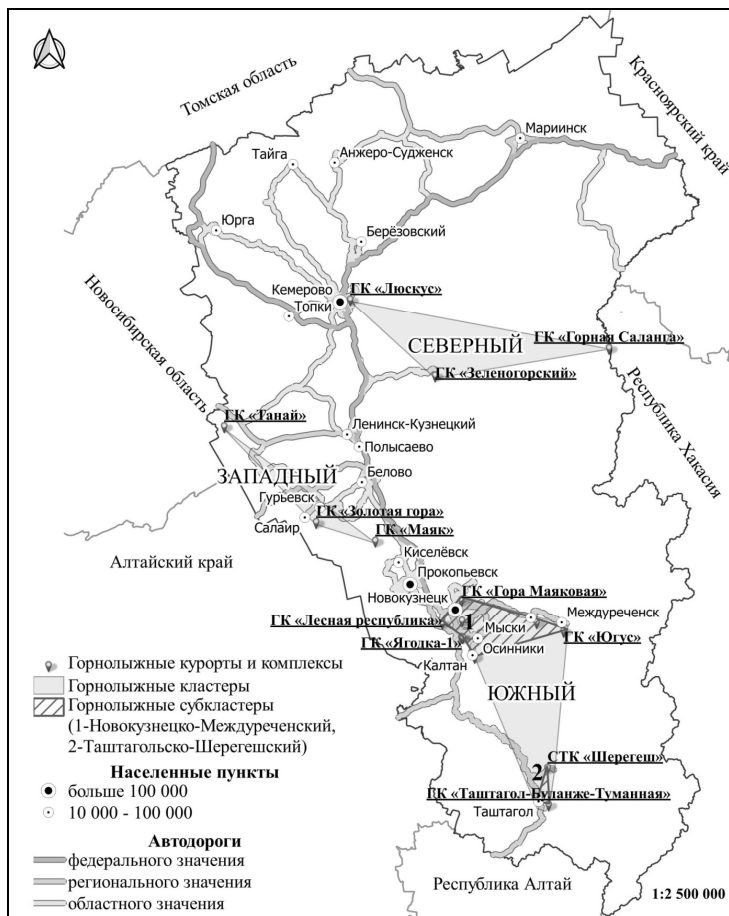

Рис. 1. Карта-схема горнолыжных кластеров Кемеровской области

Составлено авторами

Например, жителям г. Кемерово необязательно уезжать на выходные в СТК «Шерегеш» и тратить около шести часов на трансфер, когда существует возможность покататься на горных лыжах в черте города и посетить горнолыжный комплекс «Зеленогорский», расположенный в полуторачасовой доступности или горнолыжный курорт «Горная Саланга», до которого ехать чуть более трех часов. Кроме того, для гостей региона кластеры уси-

ливают его привлекательность как центра горнолыжного туризма, демонстрируя, что помимо известного всей стране Шерегеша в Кузбассе есть еще целый ряд горнолыжных комплексов и курортов. Выделение и продвижение трех кластеров в разных частях региона позволит помимо прочего перераспределить туристские потоки внутри региона.

Далее ввиду ограничения объема публикации приведем краткую характеристику предложенных горнолыжных кластеров.

Горнолыжный кластер «Северный» включает в себя горнолыжный курорт «Горная Саланга» (Тисульский район), горнолыжные комплексы «Люскус» (г. Кемерово) и «Зеленогорский» (Крапивинский район). Кластер представляет собой перспективную территорию развития горнолыжного туризма преимущественно для жителей городов севера Кемеровской области, а именно Кемерово, Анжеро-Судженск, Мариинск, Юрга и другие. Следует отметить, что ГК «Горная Саланга» позиционируется органами региональной власти и бизнесом как прямая альтернатива СТК «Шерегеш». Это связано, в том числе, с тем, что в настоящее время наблюдается увеличение туристского потока на юг области при практически не используемом туристском потенциале севера Кузбасса.

Горнолыжный кластер «Западный» включает горнолыжный курорт «Танай», горнолыжные комплексы «Гора Золотая» и «Маяк». Дестинация является центром притяжения туристов преимущественно из западных и центральных территорий Кемеровской области (г. Белово, г. Ленинск-Кузнецкий, г. Полысаево, г. Салаир, г. Гурьевск и др.), а также туристов из Новосибирской области. При этом для жителей г. Кемерово данный кластер также является весьма привлекательным с точки зрения территориальной близости и транспортной доступности.

Горнолыжный кластер «Южный» включает два субкластера «Новокузнецко-Междуреченский» и «Таштагольско-Шерегешский».

К субкластеру «Новокузнецко-Междуреченский» относится ряд горнолыжных комплексов, таких как: «Гора Солнечная», «Лесная республика», «Гора Маяковая», «Соколиная гора», «Мрас-Су», «Ягодка-1», «Ягодка-2», ГК «Югус». Главной особенностью субкластера является непосредственная близость к городам Новокузнецк, Междуреченск и Мыски, генерирующих основной турпоток внутри субкластера.

Субкластер «Таштагольско-Шерегешский» включает в себя спортивно-туристский комплекс «Шерегеш» и горнолыжный комплекс «Таштагол-Буланже-Туманная». Это ведущая горнолыжная дестинация региона, активно развивающаяся, ядром которой выступает СТК «Шерегеш» — современный горнолыжный курорт федерального значения с развитой инфраструктурой, позволяющей выбирать различные варианты отдыха,

способы подъема, виды катания и досуга. Кроме того, согласно комплексной программе «Развитие спортивно-туристического комплекса «Шерегеш»» на 2020–2025 годы (№ 249 от 22.04.2020) суммарный объем необходимых инвестиций на развитие инфраструктуры комплекса. оценивается почти в 6 млрд руб., из которых средства из областного бюджета достигают 1,3 млрд руб. [5].

Следует отметить, что в основе выделенных кластеров лежит не только принцип территориальной близости субъектов кластера, но и общность используемых ими туристско-рекреационных ресурсов, наличие вертикальных и горизонтальных взаимосвязей между участниками кластера. Также, помимо конкуренции, что неизбежно и необходимо внутри кластера, участники усиливают кооперацию и конкурентные преимущества друг друга за счет: реализации совместных комплексных программ развития, разработки новых комплексных турпродуктов, общей маркетинговой политики, новых возможностей использования трудовых ресурсов и предпринимательских идей, инновационности и адаптивности к изменениям на туристском рынке страны и региона, взаимозаменяемости в случае необходимости, взаимодополняемости и т.д.

Предложенные авторами кластеры в дальнейшем могут быть использованы при разработке новых и модернизации существующих стратегий и целевых программ развития туризма в Кемеровской области — Кузбасса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Правительства Кемеровской области — Кузбасса от 20.10.2020 № 630 «Об утверждении государственной программы Кемеровской области-Кузбасса «Туризм, молодежная политика и общественные отношения Кузбасса» на 2021–2026 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570956529> (дата обращения: 16.01.2022).
2. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 03.06.2015 года № 301-р «Об утверждении стратегии развития туристско-рекреационного кластера Кузбасса на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/428564318> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Зайцева, А. И. Концепция формирования кластерной политики и создания туристско-рекреационного кластера в Кемеровской области / А. И. Зайцева // Туризм: право и экономика. 2015. № 2. С. 20–24.
4. Хлуткова, С. Л. Использование кластерного подхода для развития современного горнолыжного курорта / С. Л. Хлуткова // Петербургский экономический журнал. 2017. № 1. С. 173–178.
5. Постановление Правительства Кемеровской области-Кузбасса от 22.04.2020 № 249 «О комплексной программе Кемеровской области — Кузбасса «Развитие спортивно-туристического комплекса Шерегеш» на 2020–2025 годы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570745092> (дата обращения: 28.12.2021).

CLUSTER APPROACH TO THE ORGANIZATION OF SKI TOURISM IN THE KEMEROVO REGION — KUZBASS

***Annotation.** The article analyzes the territorial organization of ski tourism in the Kemerovo region in the cluster approach context. The authors have identified three ski clusters on the territory of Kuzbass («Northern», «Western» and «Southern»), combining a number of ski resorts and complexes. A map-scheme of ski clusters of the Kemerovo region using GIS technologies has been compiled.*

***Key words:** ski tourism, cluster, territorial organization, Kemerovo region, Kuzbass.*

УДК 379.851

Каледин В. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

АТОМНЫЙ ТУРИЗМ В РОССИИ

***Аннотация.** Рассмотрено современное состояние атомного туризма в России. Выявляются объекты и группы объектов, способные стать основой для развития атомного туризма в стране.*

***Ключевые слов:** атомный туризм, туризм в России, объекты туризма в России.*

Все большую популярность в мире приобретают различные специальные виды туризма, интерес к которым все чаще проявляют не только «фанаты» этих тематик, но и, с распространением информации, обычные туристы, интересующиеся необычными объектами. К числу подобных, не так давно появившихся направлений туристской активности, можно отнести и атомный туризм.

Атомный туризм связан с исследованием достижений «века покорения атома» и включает в себя знакомство с разнообразными разработками в этом направлении, как в мирной, так и в военной сферах. Список объектов, относящихся к этой теме достаточно большой — музеи атомной тематики, в том числе выведенные из эксплуатации атомные подводные лодки и надводные суда, действующие АЭС, исследовательские, выведенные из эксплуатации и недостроенные атомные реакторы, военные испытательные полигоны, средства доставки ядерного оружия и площадки их размещения, противоатомные бункеры-бомбоубежища и т.д.

Атомный туризм как самостоятельный специфичный вид туризма начал оформляться в мире совсем недавно, хотя в США предложения дан-

ного вида туристской деятельности имели место быть с самого начала интенсивного развития атомных технологий. В отличие от стран запада в России это направление туризма получило развитие только в последние десятилетия. Атомную тематику, особенно в СССР, всегда сопровождал высокий уровень секретности, что обусловило закрытость для посторонних посетителей большинства потенциально интересных для туристов научно-исследовательских организаций, предприятий, связанных с производством ядерного топлива и оружия, военных объектов, мест испытаний ядерного оружия. И в настоящее время в России для посещения ряда доступных для экскурсий объектов, АЭС и музеев зачастую требуются согласования и оформления разрешительных документов. Для сравнения, в США атомный туризм стал популярным ещё в середине XX века и во многом благодаря большей открытости объектов для широкой публики. Имеется возможность посетить места испытаний ядерного оружия на полигонах в штатах Невада и Нью-Мексико, причем в 1960-х годах туристы даже имели возможность наблюдать атмосферные ядерные испытания на Невадском испытательном полигоне — грибовидные облака от взрывов были видны даже в Лас-Вегасе.

Объекты атомного туризма можно разделить на две группы — военной и гражданской тематики. Для желающих ознакомиться с первыми этапами освоения атомной энергии в СССР доступны для посещения музей первого отечественного ядерного реактора Ф-1 в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» (г. Москва) и мемориальный комплекс-музей Обнинской АЭС (г. Обнинск, Калужская обл.) — первой в мире атомной электростанции.

В России к наиболее популярным и доступным для посещения военным объектам атомного туризма можно отнести экспозиции ряда музеев, средства доставки ядерных зарядов и позиции их размещения.

Наибольший интерес у туристов, интересующихся военными разработками, вызывает открытый в 1992 году Музей ядерного оружия Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (г. Саров), ключевого российского центра по разработке и производству ядерных боеприпасов. Музейная экспозиция включает более 200 экспонатов, в том числе макетов ядерных устройств, большое количество документов, исторических кадров фото- и видеохроники связанных с разработкой ядерного оружия. Именно здесь можно увидеть макет и ознакомиться с историей создания и испытанием знаменитой «Царь-бомбы». Музей ежегодно посещает более 10 тыс. человек [1].

Музей ракетных войск стратегического назначения, расположенный в пгт Власиха (Московская обл.), фонды которого насчитывают более 30 ты-

сяч единиц хранения, дает возможность ознакомиться со средствами доставки ядерного оружия. Музей имеет филиалы в г. Знаменск (ракетный полигон Капустин Яр в Астраханской обл.) и в г. Балабаново (Калужская обл.). Во Власихе также расположены штаб Ракетных войск стратегического назначения и центральный командный пункт наземных стратегических ядерных сил Вооружённых сил России.

Уникальным объектом, представленным в Санкт-Петербурге в музее Октябрьской железной дороги на бывшем Варшавском вокзале, является боевой железнодорожный ракетный комплекс «Мóлодец», стоявший в числе подобных ему на боевом дежурстве до 1994 года.

В разных регионах страны туристы могут ознакомиться с макетами-памятниками баллистических ракет от первой принятой на вооружение ракеты-носителя ядерных зарядов Р-5 до современных межконтинентальных ракет "Тополь-М". Особый интерес у туристов вызывают экспозиции с подвижными грунтовыми ракетными комплексами РСД-10 «Пионер», сохранившиеся экземпляры которого представлены в Центральном музее Вооружённых Сил (г. Москва) и в музее полигона Капустин Яр (г. Знаменск), с транспортно-пусковыми установками ПГРК РТ-2ПМ «Тополь» в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург), Центральном музее Вооружённых Сил (г. Москва), в филиале Центрального музея РВСН в Военной академии РВСН им. Петра Великого (г. Балабаново, Калужская обл.), на экспозиции у краеведческого музея города Одинцово (Московская обл.).

Одним из самых интересных объектов атомного туризма в России может стать первая советская атомная подводная лодка К-3 «Ленинский комсомол», которую в 2022 году планируется превратить в один из экспонатов Музея военно-морской славы Кронштадте [2]. В настоящее время во многих городах России экспонируются мемориалы-ограждения рубки утилизированных атомных подводных лодок.

Безусловный интерес у туристов могли бы вызвать места испытаний ядерного оружия, однако в России имеется возможность посетить лишь труднодоступные Тоцкий полигон (Оренбургская обл.) и Капустин Яр (Астраханская обл.). Крупнейший в России ядерный полигон на Новой Земле закрыт для посещений. В то же время во многих регионах страны есть места, где с 1965 по 1988 год осуществлялись мирные подземные ядерные взрывы, проводившиеся в СССР рамках государственной программы «Ядерные взрывы для народного хозяйства». Всего тогда для промышленных применений было произведено 124 ядерных взрыва, в том числе 80 взрывов — на территории России. С помощью взрывов пытались увеличить нефтеотдачу пластов, захоранивали химические отходы, но

наиболее широка география взрывов с целью глубинного сейсмического зондирования Земли [3]. Самостоятельные туристы бывают в этих местах, однако посещение таких объектов не регламентировано, площадки не оборудованы, радиационная обстановка зачастую не контролируется должным образом, что влечет опасность для людей. Некоторые из этих мест могли бы быть вовлечены в организованную туристско-познавательную деятельность.

Бункеры-бомбоубежища являются также объектом изучения любителей атомной тематики. В России некоторые из них в свое время были командными пунктами и к настоящему времени превращены в музейные комплексы, например — Музей холодной войны («Бункер-42») и музей «Бункер-703» в Москве, бывший Командный пункт Северо-Кавказского военного округа (Ростовская обл., г. Аксай), Музей «Подземный Севастополь», Балаклавский подземный музейный комплекс.

Объекты атомного туризма военной тематики во многих регионах могли бы стать очень интересными туристскими аттракциями, в том числе и для целей военно-патриотического воспитания. Выводящиеся из эксплуатации шахтные пусковые установки, снимающиеся с боевого дежурства и выводящиеся из эксплуатации передвижные ракетные комплексы, места их базирования, могли бы стать основой для создания экспозиций, проведения экскурсий, показывающих уровень достижения современных военных ядерных технологий.

В сфере «мирного атома» доступными для туристов являются ныне действующие АЭС России. АО «Концерн Росэнергоатом», оператор российских атомных электростанций, дает возможность организованным группам посетить большинство из 11 эксплуатирующихся АЭС. При некоторых из АЭС есть музеи и информационные центры, экскурсии проводятся бесплатно. Также на сайте «Росэнергоатома» в разделе, посвященном Ленинградской АЭС можно совершить информативные виртуальные 3D-экскурсии по музею и энергоблокам [4]. В Свердловской области до недавнего времени предлагался, пожалуй, единственный в России тур непосредственно атомной тематики — двухдневный маршрут «Атомные выходные», предусматривающий посещение Белоярской АЭС.

Среди других объектов гражданской атомной тематики можно отметить музей Радиевого института им. Хлопина (г. Санкт-Петербург) и ограниченно доступный для посетителей единственный в системе вузов в России исследовательский ядерный реактор при Томском политехническом университете. Заслуживает внимания Музей ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС (г. Москва).

Уникальным туристским объектом является ледокол «Ленин» — первое в мире надводное судно с ядерной силовой установкой. После 30 лет эксплуатации он был поставлен на вечную стоянку в Мурманске и превращен в музей. Ледокол является объектом культурного наследия федерального значения [5].

К числу объектов атомного туризма гражданской направленности можно отнести и площадки недостроенных Башкирской АЭС, Воронежской АСТ, Горьковской АСТ, Татарской АЭС и наиболее известной и посещаемой туристами — Крымской АЭС, к моменту приостановки строительства которой в 1987 году первый энергоблок был готов на 80%. Потенциально сооружения этих «недостроенных» могли бы стать привлекательными объектами не только для любителей атомного и промышленного туризма, но и для обычных туристов. Успешные примеры туристского использования таких объектов в мире есть — например, в Германии построенный при ГДР по проекту СССР (ВВР-440/230) и не запущенный в эксплуатацию шестой энергоблок закрытой в 1990 году АЭС Грайфсвальд. Однако в настоящее время в России подобные площадки для организованного туризма не используются, более того в 2021 году принято решение о сносе сооружений Крымской АЭС. Необходимо задуматься о сохранении части оборудования и элементов зданий недостроенных АЭС, которые могли бы стать интересными объектами туристского показа, напоминающими об истории этих мест.

Значительная часть атомного наследия СССР, как гражданского, так и военного, в России утрачена. Но многие объекты сохранились, зачастую благодаря энтузиастам, как, например, Балаклавский подземный музейный комплекс, и являются важными свидетелями атомных достижений недавнего прошлого.

Есть и радующие любителей атомной тематики перспективы — в России предпринимаются определенные усилия по созданию музейных комплексов, посвященных освоению ядерной энергии. В Обнинске создается Музей мировой атомной энергетики, в Кронштадте планируется открыть музей-атомную подводную лодку «Ленинский комсомол». В Москве на ВДНХ на месте павильона № 19 ведется строительство Музея атомной энергии, который станет крупнейшей в России экспозицией, посвященной достижениям советской и российской атомной промышленности. Планируется что площадь комплекса составит более 25 тыс. кв. метров, и он будет способен принимать до 3 тысяч посетителей в день [6].

Атомный туризм представляется достаточно перспективным направлением туристской деятельности в России. Этот вид туризма может быть успешно использован как элемент программ в рамках познавательных туров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный интернет портал ФГУП Российский Федеральный Ядерный Центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Музей РФЯЦ-ВНИИЭФ. Режим доступа: <http://www.vniief.ru/about/museum/> (дата обращения: 26.02.2022).
2. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Электрон. дан. В Кронштадте приступают к ремонту легендарной подводной лодки К-3 «Ленинский комсомол». Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/terg/reg_kronsht/news/228468/ (дата обращения: 25.02.2022).
3. «МИР 24» информационно-аналитический интернет-портал. Сетевое издание [Электронный ресурс]. Не очень мирный атом: как в СССР проводили взрывы в хозяйственных целях. Режим доступа: <https://mir24.tv/articles/16358401/ne-ochen-mirnyi-atom-kak-v-sssr-provodili-vzryuvy-v-hozyaistvennyh-celyah>(дата обращения: 25.02.2022).
4. Официальный сайт АО «Концерн Росэнергоатом» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. Станции и проекты / Сайт Ленинградской АЭС / 3D-экскурсии. Режим доступа: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-leningradskoy-aes/3d-excursion/ (дата обращения: 23.02.2022).
5. Официальный сайт ФГУП «Атомфлот» [Электронный ресурс]. Атомоходу «Ленин» вручили паспорт объекта культурного наследия федерального значения. Режим доступа: <http://www.rosatomflot.ru/press-centr/novosti-predpriyatiya/2018/10/19/11214-atomohodu-lenin-vruchili-pasport-obekta-kulturnogo-naslediya-federalnogo-znacheniya/page,3/> (дата обращения: 18.02.2022).
7. Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. Сергей Собянин: Павильон «Атом» будет новой жемчужиной ВДНХ. Режим доступа: <https://www.mos.ru/mayor/themes/3299/6648050/> (дата обращения: 21.02.2022).

Vladimir N. Kaledin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

ATOMIC TOURISM IN RUSSIA

***Annotation.** The article deals with the current state of atomic (nuclear) tourism in Russia. Objects and groups of objects that can become the basis for the development of atomic tourism in Russia are identified.*

***Keywords:** nuclear tourism, atomic tourism, tourism in Russia, tourism objects in Russia.*

Куклина М. В.¹, Дирин Д. А.², Красноштанова Н. Е.³,
Богданов В. Н.³, Труфанов А.И.¹

¹ Иркутский национальный исследовательский
технический университет, г. Иркутск,

² Тюменский государственный университет, г. Тюмень

³ Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ТОДЖИНСКОМ КОЖУУНЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Аннотация. Для достижения устойчивого развития локального сообщества очень важен баланс его трех основных компонентов — экономического роста, социальной интеграции и охраны окружающей среды. При этом в реализации территориальных и отраслевых планов развития, часто возникают противоречия, обусловленные разнонаправленными интересами многих участников этих процессов. Такие противоречия отчетливо видны в развитии туризма на удалённых территориях с компактным проживанием коренного населения, ведущего традиционный образ жизни. В настоящей работе была поставлена задача выявления деталей взаимодействия и взаимовлияния развития туризма и состояния транспортной инфраструктуры в Тоджинском кожууне Республики Тыва.

Ключевые слова: удаленные территории, кроенные малочисленные народы Сибири, туризм, транспортная удаленность/доступность, Тоджинский кожуун.

К настоящему времени коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока сформировали особые локальные этнические группы со своими культурными особенностями и хозяйственной деятельностью в местах расселения. Большое влияние на расселение оказало административно-территориальное деление, промышленное и транспортное освоение в XX в. Историческая ретроспектива развития межрегиональных и внутрирегиональных коммуникаций в местах проживания коренных малочисленных народов показывает, что испокон веков они коммуницировали между собой несмотря на удаленность и отсутствие официальных дорог. Здесь на первый план выходит роль неофициальных (неформальных) дорог в коммуникации коренных народов. В районах развития добывающей промышленности такие неформальные дороги представлены также сетями различных технологических дорог [1]. В настоящее время роль неформальных дорог еще недостаточно изучена, несмотря на её важную составляющую в жизнедеятельности коренных народов. Нередко люди по неформальным дорогам посещают своих родственников из других поселений и даже субъектов России, ездят на праздники, где есть возможность пообщаться на родном языке и показать свою культуру. В труднодоступных районах дорогами местных жителей пользуются также туристы, что

вызывает неоднозначное мнение со стороны местных. Тем не менее, развитие туризма в местах проживания коренных народов рассматривается как один из путей устойчивого развития этих территорий. В данной работе предпринята попытка систематизировать имеющийся опыт развития туризма в Тоджинском кожууне республики Тыва.

Использованные методы исследования включают глубинные и групповые интервью с местными жителями, включенные наблюдения, экспертные интервью, анализ статистических данных, муниципальных отчетов и архивных материалов. Полевые исследования проводились в августе 2021 в Тоджинском кожууне. Респонденты набраны методом «снежного кома». Продолжительность интервью составляла от двадцати пяти до девяноста минут. Общее количество интервью — 15. В качестве респондентов выступали представители местных сообществ, среди которых были люди от 18 до 58 лет, обоих полов, как включённые в туристскую индустрию, так и не связанные с туризмом.

Территория исследования. Тоджинском кожуун с севера ограничен Восточным Саяном, с юга хребтом Академика Обручева и Западным Саяном с запада. Центральная часть представлена обширной Тоджинской котловиной, основными реками которой являются Большой Енисей, Азас, Хамсара. На дне котловины расположены достаточно крупные и живописные озера — Нойон-Холь и Тоджа (Азас). Транспортная инфраструктура слаборазвита. В основном это автомобильный и авиационный транспорт с незначительной долей водного и конного. Хотя в связи с разработкой месторождений полезных ископаемых дорожная сеть начала активно развиваться. В настоящее время районный центр Тоора-Хем связан с Кызылом, столицей Республики Тыва и другими кожуунами грунтовой автодорогой.

На территории района известно 32 минеральных источника, из которых наиболее популярны для лечения группы источников «Чойган», Кижихемская, Олбукский, Маймалыш (Мья-Хаш). Реки и озера Тоджинской котловины, богатые ценной рыбой, привлекают внимание любителей водного туризма и спортсменов-рыболовов.

Для охраны природы северо-восточной Тувы в 1985 году в Тоджинском районе образован государственный природный заповедник «Азас». Заповедник включает приустьевую часть оз. Азас и далее простирается вдоль р. Азас до приграничных с Бурятией гор Восточного Саяна.

Результаты. Согласно туристскому паспорту Тоджинского кожууна 2020 года [2] наиболее перспективными видами туризма в районе с учетом тенденций туристического спроса на российском рынке являются: лечебно-оздоровительный; событийный (Фестиваль оленоводов Тоджинского кожууна, Национальный праздник «НААДЫМ»), Международный день КМНС

Сибири и Дальнего Востока, Республиканский конкурс с тоджинскими зарисовками «Тожуаяннары»); культурно-познавательный; рекреационный туризм (озера Азас, Доруг-Хол, Олбук).

В целом живописные ландшафты местности привлекают достаточно большое количество туристов. Минеральные источники традиционно используются как промежуточный пункт туристскими группами, заходящими из Бурятии и посещающими пик Топографов, а также группами водных туристов, переходящих затем в истоки р. Бий-Хем к озеру Кара-Балык. Отсюда они совершают сплав по реке. Давняя туристская тропа проходит по р. Кок-Хем, захватывая уникальный каскад водопадов у истока реки Бий-Хем из оз. Устю-Кок-Холь. В настоящее время тропа находится на территории заповедника.

Следует констатировать крайне низкий уровень развития туристской инфраструктуры. Всего на территории Тоджинского района находится 6 туристических баз и коллективных средств размещения. Туристские достопримечательности и подходы/подъезды к ним практически не обустроены. Туристический поток на территории района в 2018 году зарегистрирован в количестве 3,7 тыс. чел., в 2019 году — более 6 тыс. чел. С целью увеличения внутреннего и въездного туристического потока администрацией Тоджинского кожууна обеспечивается грейдеровка и профилирование дорог в сторону озер Азас и Олбук, сел Адыр-Кежиг, Ий [3].

Важно также, что значимым компонентом в анализе территориального развития выступает горнодобывающая промышленность. Продолжается совершенствование дорожной инфраструктуры. Голевская горнорудная компания с 2020 год осваивает Ак-Сугского медно-порфировое месторождение и ведет работы по строительству ЛЭП 220 кВ и автомобильной дороги Туран — Ырбан. Именно в связи с развитием добывающих предприятий в 2020 году началось строительство моста через Бий-Хем (Большой Енисей), что позволит обойтись без сдерживающей транспортный поток паромной переправы.

Анализ интервью выявляет ряд различных мнений местных жителей относительно тем развития туризма и труднодоступности территории.

Отношение местного населения к развитию туризма и туристам

«Иностранцы приезжали до ограничений по Covid: китайцы, турки, с Литвы. Приезжали и научные работники с Таджикистана, других стран, с Владивостока, с Хабаровска. Туристов таблеточки (*автомобиль УАЗ — авт.*) увозят/привозят... Туристов некоторые возят на верховье Енисея, там водопад есть, просто посмотреть возят... Количество постояльцев не убавляется, постоянно заселяются. На работу сюда приезжают, командированные. Когда пандемия была, туристов и командировочных не было, сюда

редко приезжали. ... Туристов много было перед ковидом, с других регионов приезжали. ... Когда мост построят, сюда будут чаще приезжать [жен., 74 года, с. Тоора-Хем].

Отношение местных жителей к удаленности территории проживания

«Плюсы-это конечно же: сохранение природы, быта, обычаев. Это самое главное. Минусы, сразу видно, в связи с отдаленностью — отсталость. У нас нет тут новостроек, заметили? Если в Кызыле, например, можно строить школу или детский сад за 100 млн., у нас получается 130-140, и вопрос: где взять эти проценты? Поэтому получаем отказ...» [муж., 40 лет, с. Тоора-Хем].

«Туристов у нас немерено. Я не знаю, вывозят ли туристы рыбу, думаю, что нет. Они больше для души ездят. У меня есть знакомые, которые возят этих туристов. Но это именно про туристов, а браконьеры бывают» [жен., 35 лет, с. Тоора-Хем].

Также следует отметить, что местные жители начинают видеть положительные стороны развития туризма в виде дополнительного источника доходов от оказания транспортных услуг, продажи сувениров, предоставление услуг проживания. Проведение таких праздников как «День оленьевода» и «Наадым» теперь рассматриваются не только как элементы поддержки национальной культуры и традиций, но и как возможность развития событийного и этнотуризма. А удаленность территории позволяет сохранить традиционный образ жизни, культуру, язык, тем самым увеличивается привлекательность территории с точки зрения туризма. Мастерицы традиционных ремесел, которые участвуют в этих праздниках, отмечают такие положительные стороны как обмен опытом, получение новых знаний, возможность продажи изготовленной продукции. Удаленность территории местными жителями воспринимается с точки зрения спокойствия, размеренности, сохранения традиций во благо, но отрицательно с точки зрения доступа к медицинским и прочим услугам.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-57-44002.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Биличенко И.Н., Кобылкин Д.В., Куклина, В.В., Богданов, В.Н. Развитие сети неформальных дорог и ее влияние на трансформацию таежных геосистем // География и природные ресурсы, 2021, 42(2), 148–155.
2. Туристический паспорт МО «Тоджинский кожуун Республики Тыва», 2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://todzhinsky.ru/page.php? copy-encs=omsu&id_omsu=17/](http://todzhinsky.ru/page.php?copy-encs=omsu&id_omsu=17/) (дата обращения: 10 ноября 2021 г.)
3. План мероприятий «Дорожная карта» Тоджинского кожууна по развитию туризма на 2019 год.

Mariya V. Kuklina ¹, Denis A. Dirin ², Natalya E. Krasnoshtanova ³,
Victor N. Bogdanov ³, Andrey I. Trufanov ¹

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk,

² Tyumen State University, Tyumen

³ V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE TODZHINSKY KOZHUUN OF THE REPUBLIC OF TYVA

Annotation. To achieve sustainable development of the local community, it is extremely important to agree on its three main components — economic growth, social integration and environmental protection. At the same time, in the implementation of territorial and sectoral development plans, contradictions often arise due to the divergent interests of many participants in these processes. Contradictions of this kind are clearly visible in the development of tourism in remote areas with a compact residence of the indigenous population, leading a predominantly traditional way of life. In this work, the task was to identify the details of the interaction and mutual influence of tourism and the state of the road transport infrastructure in the Todzhinsky kozhuun of the Republic of Tyva.

Key words: remote territories, indigenous peoples of Siberia, tourism, transport remoteness/accessibility, Todzhinsky kozhuun.

УДК 338.486.41

Максимов Д. В., Сапожникова Т. Ю.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ РЕКРЕАЦИОННЫЕ И ОБСЛУЖИВАЮЩИЕ ЦИКЛЫ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Аннотация. На примере особо охраняемого эколого-курортного региона Кавказских Минеральных вод рассматриваются элементарные рекреационные и обслуживающие циклы разного иерархического уровня.

Ключевые слова: иерархия туристско-рекреационной системы, туристско-рекреационный сервисно-производственный цикл, Кавказские Минеральные Воды.

В более ранних работах нами была предложена концепция туристско-рекреационного сервисно-производственного цикла (ТРСПЦ), являющегося базой функционирования туристско-рекреационной системы (ТРС) [1, 2]. Участвующие в нем циклы рекреационных занятий (ЦРЗ) базируются на определенных элементарных рекреационных циклах (ЭРЦ) и обслуживающих циклах (ОЦ). Однако они могут участвовать в формировании ЦРЗ (и соответственно, ТРСПЦ), действующих не только на территории «родной» ТРС, но и расположенных на территории других, сопредельных ТРС.

При этом возникают не только горизонтальные связи (при формировании и развитии ТРС одного иерархического уровня — например, муниципалитета), но и вертикальные, встраивающиеся в иерархическую структуру более высокого ранга (ТРС района, региона, субъекта, округа, страны, макрорегиона мира) и развивающие ее.

Рассмотрим ЭРЦ и ОЦ отдельных ТРС муниципалитетов и участвующие в местных ТРС, а также ТРС более высокого порядка (региона, округа, страны) на примере курортов Кавказских Минеральных Вод. Данные курорты (Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск и Железноводск), расположенные на территории Ставропольского края (рис. 1), являются основой особо охраняемого эколого-курортного региона Кавказских Минеральных Вод, который помимо перечисленных городов-курортов включает в себя еще следующие районы: Минераловодский, Георгиевский, Предгорный районы Ставропольского края, а также Малокарачаевский, Прикубанский районы Карачаево-Черкессии и Зольский район Кабардино-Балкарии. Кавминводская ТРС органично входит в иерархическую структуру ТРС Северного Кавказа и является самой развитой ее подсистемой. Население агломерации (в части Ставропольского края) достигло 1 млн чел., а с учетом туристов — в пик сезона — 1,1 млн чел.

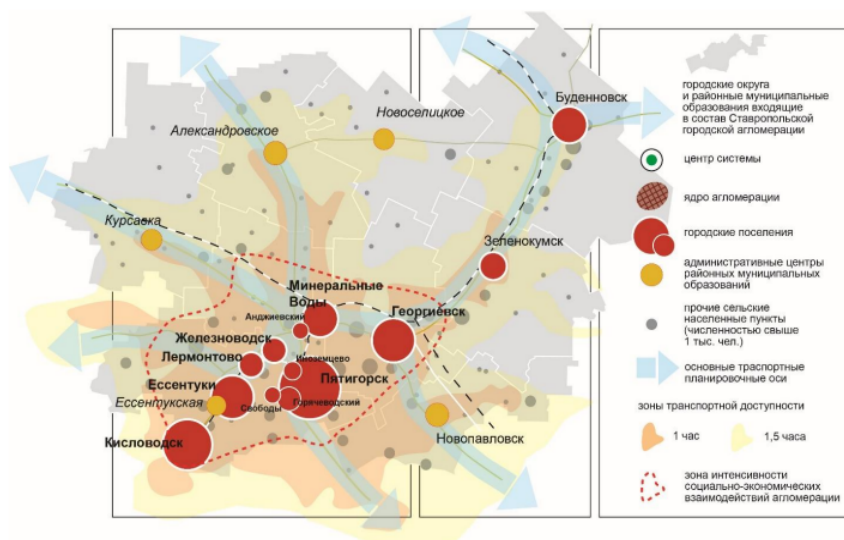

Рис. 1. Перспективная структурно-планировочная модель агломерации КМВ [3]

Входящие в них ЭРЦ и ОЦ также могут быть разного масштаба и нести важные функциональные нагрузки для подсистем разного уровня: федерального и окружного, регионального и районного, местного. Кроме того, ОЦ не только могут, но и должны использоваться (и используются) в других территориальных общественных системах (ТОС), расположенных на этой или сопредельной территории.

Так, например, Пятигорский хладокомбинат осуществляет поставки своей продукции по всей европейской территории страны (в т.ч. и г. Москву), что говорит о федеральном уровне предприятия. Минераловодский международный аэропорт является крупнейшим хабом в Северо-Кавказском федеральном округе, что также относит его минимум к разряду окружных предприятий. В то же время Кисловодская ТЭЦ способна обеспечить электроэнергией только 40% одного города — Кисловодска (местный уровень).

Вследствие того, что зачастую сложно определить точный масштаб функционирования отдельных циклов (например, аэропорт в г. Минеральные Воды — федерального или окружного уровня?), представляется целесообразным объединить близкие по масштабу уровни: федеральный и окружной в один макроуровень, а также региональный (субъекта РФ) и районный (район КМВ) — в один мезоуровень. Это не повлечет существенных последствий, т.к. деятельность предприятия окружного масштаба может часто выходить за пределы округа (появление подрядов в других округах, установление связей с зарубежными странами — как приводимый в пример аэропорт). Однозначно можно утверждать, что предприятий глобального масштаба (хотя бы со штаб-квартирой в КМВ) здесь не существует.

Кроме того, в иерархической «лестнице» уровень района (или региона — имеется ввиду КМВ) можно считать и уровнем региона (субъекта), т.к. Кавминводская агломерация по масштабам превосходит агломерацию краевого центра (Ставрополя), а г. Пятигорск в прошлом неоднократно становился административным центром и региона, и округа (Кавказской области, Пятигорского округа, Северо-Кавказского края, Северо-Кавказского федерального округа) [4].

В результате проведенной экспертной оценки циклов (ЭРЦ и ОЦ) отдельных муниципальных ТРС Кавминводской агломерации по масштабу и значимости для административно-территориальных образований разного иерархического уровня (и соответствующих ТОС) была составлена следующая таблица.

Уровень элементарных рекреационных и обслуживающих циклов муниципалитетов Кавминводской агломерации

Циклы	Элементарные рекреационные циклы								Обслуживающие циклы							
	лечебный	деловой	спортивный	развлекательный	шопинг	религиозный	научно-познавательный	Этнический (этно-, агро-)	транспорт	профобразование	строительство	АПК	Мебельная пром.	Легкая пром.	энергетика	Фарфоро-фаянсовая
Кисловодск																
Ессентуки																
Пятигорск																
Железноводск																
Минераловодский																
Лермонтов																
Георгиевский																
Предгорный																
Малокарачаевский																
Прикубанский																
Зольский																
Условные обозначения (цвет) уровня ЭРЦ и ОЦ:																
	федеральный и окружной (ФО)															
	региональный и районный (Кавминводы)															
	местный-муниципальный															

Часть ОЦ, участвующих в функционировании данной ТРС не представлены в таблице, т.к. расположены за пределами КМВ (машиностроение, приборостроение, радиоэлектроника и проч.) и относятся к федеральному уровню (их развитие на территории ТРС экономически нецелесообразно).

Несомненно, лечебные циклы (ЭРЦ) Кавминвод имеют федеральное значение, в отличие от обслуживающих циклов, из которых подавляющая часть функционирует в рамках Кавминводской ТРС, и при этом около 50% — в границах муниципальных ТРС курортных центров. В то же время ряд ОЦ Пятигорска, Минеральных Вод и Лермонтова участвует в ТРС более высокого ранга (округа и страны): транспортный, образовательный, строительный циклы, а также легкой промышленности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Статистика и динамика развития туристско-рекреационной системы региона: Краснодарский край: Монография / коллектив авторов; под ред. Д.В. Максимова. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2016. — 184 с.
2. Максимов Д.В. Туристско-рекреационный производственный цикл // Географический вестник. 2018. № 4 (47). С. 123-132.
3. Панин А.Н., Эшроков В.М., Махмудов Р.К., Верозуб Н.В. Геоинформационный анализ агломерации Кавказских Минеральных Вод: градостроительные и функционально-планировочные аспекты // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф. М.: Издательство Московского университета, 2020. Т. 26. Ч. 1. — С.79-94.
4. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год: [арх. 22 декабря 2017] / Комитет Ставропольского края по делам архивов, Государственный архив Ставропольского края сост. Г. А. Никитенко (отв. сост.), Е. Б. Громова, М. И. Кривнева. — Ставрополь: ОАО «Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье», 2008. — 399 с. URL: <http://www.stavkomarchiv.ru/print/article-36.html>.

Dmitry V. Maksimov, Tatyana Yu. Sapozhnikova

Kuban State University, Krasnodar

ELEMENTARY RECREATIONAL AND SERVICE CYCLES OF THE TOURIST-RECREATIONAL SYSTEM OF CAUCASIAN MINERAL WATERS

***Annotation.** On the example of a specially protected ecological and resort region of the Caucasian Mineral Waters, elementary recreational and service cycles of different hierarchical levels are considered.*

***Keywords:** hierarchy of tourist-recreational system, tourist-recreational service-production cycle, Caucasian Mineral Waters.*

УДК 338.48-44(23.0)

Миненкова В. В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

УСТОЙЧИВЫЙ ТУРИЗМ В ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

***Аннотация.** Статья посвящена отдельным особенностям устойчивого развития горных территориально-рекреационных систем за рубежом и в России.*

***Ключевые слова.** Горные территориально-рекреационные системы, устойчивое развитие.*

В современном мире устойчивое развитие (УР) стало центральным вопросом для будущего планирования и развития туристской отрасли во многих странах. Такие подходы в полной мере, а возможно и в большей степени имеют отношение к развитию горных территориально-рекреационных систем (ТРС). Горы являются ценным природным достоянием, которое активно и широко используется в индустрии туризма. 10% туристических дестинаций мира развивают горный туризм, только в Альпах насчитывается более 50 средних и крупных туристических центров с горным туризмом [1].

Этапы развития концепции УР в западном мире и России отличаются в своей содержательной части и хронологии в силу особенностей исторического развития. К отдельным особенностям УР горных ТРС на западе можно отнести следующие.

1. На уровне политики Европейского союза (ЕС) интеграция принципов УР в договоры ЕС создала институциональную основу, которая впоследствии позволила управлять туризмом и создавать туристическую политику на этих принципах. После этого наиболее важные процессы управления туризмом ЕС проводились рабочими группами Европейской комиссии, а затем принимались посредством коммуникаций в ЕС.

2. На первых этапах устойчивость в туризме была принята на абстрактном стратегическом уровне и слабо воплощалась в жизнь. Предполагалось, что ответственность за внедрение принципов УР должны были взять на себя местные органы власти, которые столкнулись с проблемами из-за отсутствия знаний и навыков для практической реализации УР. Это оказалось новой ролью, с которой местные власти не в полной мере справились. Еще в публикациях 2012 г. авторы по-прежнему призывают заполнить этот пробел путем обучения муниципальных менеджеров тому, как реализовать устойчивость, прежде чем обращаться к местным сообществам для участия в этом процессе [2]. Источник знания в Европе видели исключительно в научных сообществах, на которые и предлагалось возложить функцию просвещения власти.

3. В настоящее время в Европе в процессе внедрения устойчивого туризма выделяются три концептуальные группы участников: агенты изменений (правительство, промышленность, образование), лидеры мнений (директора, лидеры сообществ, предприниматели) и локальные сообщества. Принципиальным является вовлечение в политику устойчивого туризма всех трех групп. Реализация устойчивого туризма должна включать информирование об устойчивом туризме местных заинтересованных сторон и граждан, а также потребителей (туристов).

4. Важным аспектом развития горных ТРС и их устойчивости в западной науке является их частый трансграничный характер. Политические

границы влияют на все сферы жизни географических ТРС. Трансграничное сотрудничество крайне важно для обеспечения развития туристических направлений на основе моделей потребления, а также взаимного сотрудничества и партнерства, а не на политико-административных границах. На уровне ЕС было признано, что устойчивость зависит от сотрудничества соседних стран, поэтому трансграничное сотрудничество используется в качестве важного инструмента для продвижения принципов устойчивости в ЕС [1]. В результате на туристских картах появляются единые трансграничные зоны горнолыжного катания, единые ски-пассы для разных зон катания, трансграничные горные пешеходные маршруты и т.д.

От открытости и активного приграничного сотрудничества особенно выигрывают два вида турпродукта: однодневные экскурсии и тематические маршруты. Тематические маршруты считаются особенно интересными, поскольку они могут охватывать две, а в некоторых случаях даже три страны, принося разнообразие и универсальность туристам на маршруте. Например, *Via Claudia Augusta* (Германия, Австрия, Италия), *Lechweg* и *Salzalpensteig* (Германия, Австрия), др.

5. Важным является развитие наднациональных институтов (Альянс в Альпах, Альпийская комиссия и т. д.), цель этих организаций состоит в том, чтобы ни одна дестинация не была «борцом-одиночкой», а чтобы каждая могла учиться у других дестинаций и находить решения своих нынешних проблем. Важнейшим элементом такого сотрудничества является то, что дестинации находят общую актуальную тему, делятся своим опытом и извлекают уроки из опыта других стран.

6. Вовлечение в разработку и реализацию программ УР всех стейкхолдеров (любое лицо или группу, которые могут повлиять или быть затронутыми достижением целей процесса). Право на участие в процессе принятия решений в сфере туризма должно основываться на ресурсах и навыках для участия [3]. В этом смысле участие заинтересованных сторон является одновременно важной частью УР туризма и серьезным препятствием, поскольку в академической среде мало ясности в отношении того, как улучшить, форсировать участие заинтересованных сторон, сделав его более эффективным и действенным.

7. Принцип биосфероцентризма. В силу высокой уязвимости горных экосистем многие их территории охраняются государством в различном статусе ООПТ. Вследствие несущая способность горных экосистем достаточно ограничена, поэтому любая чрезмерная хозяйственная деятельность в этих районах, в том числе и туризм, вызывает большие опасения по поводу воздействия на культурную и природную среду, а также соблюдения природоохранного законодательства.

8. Формирование устойчивого турпродукта, который характеризуется конкурентоспособностью, всесезонностью и пользуется спросом среди потребителей. Изменение климата рассматривается как одна из главных угроз горнолыжным курортам, направленная на сокращение сезона и определяющая необходимость поиска новых путей развития с опорой на культурные и природные ценности горных территорий. Отмечается, что новые концепции предполагают значительно меньшие расходы на создание необходимой инфраструктуры.

9. Экопросвещение. Туристская навигация и информация, направленные на повышение осведомленности туристов об устойчивых моделях потребления.

10. Разработка и применение показателей УР и устойчивого туризма. Требования к финансированию для различных программ, таких как LEADER, ясно демонстрируют, что аспект устойчивости играет решающую роль в предоставлении финансирования конкретной организации. В этом смысле важными показателями являются доля региональной продукции, добавленная стоимость туризма, доля занятости в индустрии гостеприимства и гостиничного бизнеса, продолжительность пребывания туристов, природоохранная деятельность, качество воздуха, доступность, удобство для детей, туристическая привлекательность, удовлетворенность и др. Важный импульс для разработки и проведения мероприятий на устойчивой основе исходит от программ ЕС, где устойчивость является предпосылкой и решающим фактором для получения первоначального финансирования.

11. В странах Европы большое внимание уделяется исследованиям потребительских моделей поведения рекреантов, в том числе в контексте выявления особенностей такого потребления в горном туризме, связанных с ориентацией на потребление именно устойчивого турпродукта. Так ученые Университета Турина внимательно изучают молодое поколение потребителей туруслуг в горных территориях — миллениалов (1980-1995 г.р.), подчеркивая их приверженность принципам УР в целом, а также их покупательское поведение, ориентированное на устойчивость [4].

12. Сертификация предприятий, применяющих зеленые технологии, а также туристских дестинаций, развивающихся на принципах УР. В июле 2017 г. Глобальный совет по устойчивому туризму (GSTC) официально признал стандарт и программу сертификации Mountain IDEAL. Стандарт был разработан компанией Sustainable Travel International, научным центром Walking Mountains (США) для обеспечения устойчивости в горной среде, включая зимние и летние мероприятия. Чтобы стать сертифицированной устойчивой дестинацией, горный курорт должен соответствовать

более чем 40 критериям устойчивости, в том числе рациональное использование окружающей среды, адаптация к изменению климата, сокращение выбросов парниковых газов, защита культурного наследия, транспорт с низким уровнем воздействия, сокращение отходов, общественное здравоохранение и безопасность, рабочая сила, жилье, устойчивое образование и многое другое.

Эксперты едины во мнении, что опыт западных стран нужно учитывать при формировании политики УР туристских центров в России, при этом поддаваться полному их копированию нельзя. На сегодняшний день окончательного понимания, что такое устойчивый туризм в РФ нет ни на федеральном, ни на региональном уровне, ни на уровне бизнеса. По факту устойчивый туризм представлен разовыми акциями на уровне отдельных предприятий, событий. Проблемы внедрения практик УР связаны с отсутствием заинтересованности у стейкхолдеров (бизнес не видит целесообразности применения технологий УР, которые отличаются большим сроком окупаемости), отсутствие критериев и мер поддержки зеленых решений в регионах, отсутствие системы добровольной сертификации, а также информирования потребителей о применяемых решениях на сервисных предприятиях, с одной стороны, с другой — об устойчивых потребительских моделях поведения самих туристов.

В России количество предприятий, осуществляющих свою деятельность в соответствии с концепцией УР, крайне мало. В горных ТРС такой пример один — Курорт Красная поляна, который на всем протяжении своего функционирования позиционирует себя как социально ответственную компанию [5].

Устойчивый туризм — это неотвратимый путь цивилизованного развития туристских дестинаций. УР — это не вызов, не угроза, а здравый смысл каждого члена общества (как со стороны бизнеса, так и потребителей). Программы УР должны носить долговременный характер, что определяет большое поле деятельности и зону роста для туристских предприятий России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Paunović, I. Jovanović, V. Implementation of Sustainable Tourism in the German Alps: A Case Study // Sustainability. 2017. № 9 (7): 1219. <https://doi.org/10.3390/su9020226>.
2. Dabphet, S.; Scott, N.; Ruhanen, L. Applying diffusion theory to destination stakeholder understanding of sustainable tourism development: A case of Taiwan. J. Sustain. Tour. 2012, 20, 1107–1124.
3. Jamal, T.B.; Getz, D. Collaborative Theory and Community Tourism Planning. Ann. Tour. Res. 1995, 22, 186–204.

4. Bonadonna, A.; Giachino, C.; Truant, E. Sustainability and Mountain Tourism: The Millennial's Perspective // Sustainability. 2017. № 9 (7): 1219. <https://doi.org/10.3390/su9071219>.

5. Миненкова В.В. Устойчивое развитие туристско-рекреационных систем в горных территориях // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз: матер. междунар. науч. конф. Ижевск, 2021.

Vera V. Minenkova

Kuban State University, Krasnodar

SUSTAINABLE TOURISM IN MOUNTAIN TERRITORIES: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

***Annotation.** The article is devoted to the peculiarities of the development of mountain territorial and recreational systems abroad and in Russia.*

***Keywords.** Mountain territorial and recreational systems, sustainable development.*

УДК 911.3

Поздеев А. О.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТУРИЗМ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

***Аннотация.** В статье рассматривается литературный туризм, приобретающий в последние годы всё большую популярность. Территория Оренбургской области обладает значительными литературными ресурсами, способствующими развитию и организации данного вида туризма. В работе предпринята попытка выделения литературных районов-ареалов, в которых, на наш взгляд, целесообразно организовать и развивать литературный туризм.*

***Ключевые слова:** литературный туризм, литературный район-ареал, литературное место, литературный центр.*

Одним из видов культурно-познавательного туризма, активно развивающегося и получившего популярность в последнее время, является литературный туризм. Подобные тенденции, прежде всего, связаны с выходом в свет работ на данную тематику. Среди них: «Москва Пастернака» А. Сергеевой-Клятис, «Путешествие с Доктором Живаго» В. Абашева, «Литературная карта России» С. Богатырёвой, «Путеводитель по Юрятину» С. Ваксмана, «Москва Мандельштама. Книга-экскурсия» Л. Видгофа, «Чехов и Пермь: Легенда о трёх сёстрах» В. Гладешева, «Благословенная Таврида» Г. Кунцевской, «Оренбург: литературные прогулки» А. Прокофьевой, В. Прокофьевой, «Скотопригоньевск и Старая Русса» Г. Смирнова и т. д.

Литературный туризм — вид культурно-познавательного туризма, направленный на посещение литературных мест. Под литературным местом понимается локус географического пространства, образ которого непрерывно связан с определенным литературным именем [1].

В литературной географии литературные места подразделяют на 3 большие группы. К первой относятся мемориальные литературные места (связаны с жизнью и деятельностью литератора), ко второй — ассоциативные литературные места (связаны с произведениями и их героями), а к третьей — комбинированные литературные места (образуются в результате размывания и соединения границ между мемориальными и ассоциативными литературными местами) [2]. Фирсова А.В. в своей работе «Литературное картирование пространства» предлагает развернутую классификацию литературных мест (рис. 1) [3].

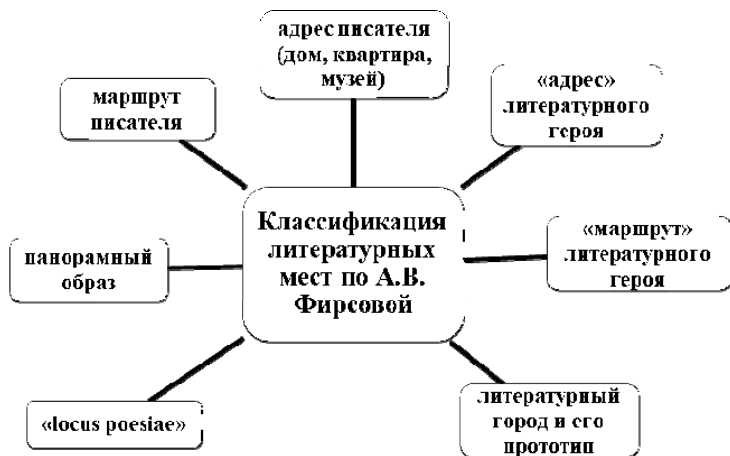

Рис. 1. Классификация литературных мест по А.В. Фирсовой [3]

С Оренбургской областью связано значительное количество литературных деятелей. Их имена отражены как в мемориальном, так и в ассоциативном литературном пространстве. К центральным фигурам относят С.Т. Аксакова, В.И. Даля, А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, Г.Р. Державина, В.П. Правдухина, Н.М. Карамзина и Мусу Джалиля. Среди других стоит отметить В.С. Высоцкого, С.А. Есенина, В.А. Жуковского, И.А. Крылова, П.П. Свинына, А.Н. Плещеева.

Наличие региональных выразителей территории позволяет сделать нам вывод, что территория Оренбургской области может обладать литературными туристскими ресурсами, являющимися одним из структурных компонентов литературного туризма. Литературные туристские ресурсы — вид туристских ресурсов, связанных с жизнью, деятельностью и творчеством литературных деятелей, которые под воздействием ряда факторов могут стать объектами туристской аттракции. Выделяют две большие группы. Первая включает природные литературные ресурсы (геоморфологические, гидрологические, ботанические). К геоморфологическим ресурсам относят горы, пещеры, например, г. Карагач из работы В.И. Даля или Губерлинские горы из повести Т.Г. Шевченко. Гидрологические — реки, озёра, например, р. Урал в творчестве В.П. Правдухина и многих других или о. Ачулы из «Башкирской русалки» В.И. Даля. Мы считаем, что к данной группе следует добавить ещё природный литературный ландшафт, отображенный в литературном произведении, не обязательно отражающий реальное географическое пространство. Ко второй — антропогенные литературные ресурсы. Сюда относят литературные музеи (историко-литературные, литературно-мемориальные, музеи литературным героям и музеи книг) и памятники и бюсты (памятники и бюсты автором произведений, памятники и бюсты героям произведений) [4].

В силу многообразия туристских литературных ресурсов нами была предпринята попытка выделения видов литературного туризма, основанная, прежде всего, на классификации литературных ландшафтов, которая непосредственно связана с литературным туризмом и туристскими литературными ресурсами. В конечном результате у нас получилось 3 вида литературного туризма.

Ассоциативный литературный туризм — вид литературного туризма, подразумевающий посещение литературных мест, связанных с жизнью литературных героев и произведениями. Если бы мы рассматривали Оренбургскую область в её исторических границах, то одним из ассоциативных литературных маршрутов мог бы стать маршрут «В мир башкирской русалки» (рис. 2).

Мемориальный литературный туризм — подразумевает посещение мест, связанных с жизнью, деятельностью и творчеством литературных деятелей. В Оренбургской области установлено порядка 30-40 мемориальных объектов литературным деятелям, которые могут быть использованы в ходе организаций экскурсий (рис. 3).

Рис. 2. Литературные места «Башкирской русалки»
(авторы: Поздеев А.О., Любичанковский А.В.)

Рис. 3. Мемориальные объекты деятелям литературы в Оренбургской области
(автор: Поздеев А.О.)

Комбинированный литературный туризм сочетает в себе элементы ассоциативного и мемориального литературного туризма. На наш взгляд, именно комбинированный вид литературного туризма оказывает наибольшее эмоциональное воздействие на туриста. Это объясняется тем, что турист соприкасается не только с реальным миром, но и с литературным.

В каких же районах Оренбургской области возможно организовать литературный туризм? Чтобы ответить на данный вопрос, мы провели собственное туристское районирование территории. Стоит отметить, что подобных обобщающих работ в нашем регионе не было. Мы выделили 4 литературных района-ареала, в которых, на наш взгляд, литературный туризм может полноценно организовываться и развиваться (рис. 4).

Рис. 4. Основные литературные районы-ареалы Оренбургской области (автор: А.О. Поздеев)

Литературный район-ареал — качественно внутренне однородная часть территории, в пределах которой проявляются явления или процессы, не наблюдаемые на сопряженных территориях. Выделение литературного района-ареала связано с вычленением территории с компактным или кластеризованным размещением литературных мест.

В северо-западной части Оренбургской области отчетливо выделяется Северо-Западный литературный район-ареал, с литературными местами в Бузулуке, Бугуруслане, Воронцовке, Преображенке, Державино и Аксаково.

В Бузулуке жили или были проездом Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, В.И. Даль, С.Т. Аксаков, Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, В.А. Жуковский, Д.А. Фурманов. В сквере им. Л.Н. Толстого установлен памятник Л.Н. Толстому. Помимо Льва Николаевича, в мемориальном пространстве города отображены и другие литературные деятели. Так, на фасаде дома 28 на ул. Чапаева, установлена мемориальная доска (памятник регионального значения) Д.А. Фурманову, проживавшему здесь в 1919 г. с марта по апрель. На пересечении ул. Ленина и ул. О. Яроша установлена мемориальная доска А.С. Пушкину, останавливавшегося в 1833 г. На ул. 1 Линия, 40 установлена мемориальная доска Е.В. Курдакову.

Село Воронцовка знаменито, прежде всего, тем, что в период с 1941 г. по 1943 г., находясь в эвакуации, в нём с матерью проживал В.С. Высоцкий. В честь этого в Воронцовке установлена мемориальная доска.

Село Преображенка основано в 1743 году отцом Н.М. Карамзина — Михаилом Егоровичем Карамзиным. Своё нынешнее название село получило в 1786-1787 гг. после постройки церкви во имя Преображение Господне. До этого именовалось как Карамзиха и Михайловское. К сожалению, на сегодняшний день в Преображенке не сохранилось усадебного дома Карамзиных, но в 2016 г. был торжественно открыт памятник Карамзину. Также на фасаде школы в Преображенке установлена мемориальная доска Н.М. Карамзину.

Село Державино основано в 1756 г. отцом Гавриила Романовича Державина — Романом Николаевичем Державиным. Г.Р. Державин прибывал в Державино во время Пугачевского восстания, после которого уехал и больше не посещал его. В 2018 г. в честь 275-летия Державина, в Державино был установлен памятник Г.Р. Державину.

В Бугуруслане останавливался русский писатель — В.Г. Короленко, к сожалению, место, где останавливался в то время писатель, неизвестно. В 1919 г. на станции Бугуруслан редактором газеты «Красноармейская гвардия» работал чешский писатель — Ярослав Гашек. Упоминания Бугуруслана встречаются в цикле его рассказов «Славные дни Бугульмы». В 2015 г. в Бугуруслане был установлен памятник Н.В. Гоголю.

Село Аксаково основано Степаном Михайловичем Аксаковым — дедом Сергея Тимофеевича Аксакова. Свои воспоминания и впечатления от пребывания в Оренбургской губернии С.Т. Аксаков изложил в стихотворениях «У казаков», «Послание к брату», «Осень», «Послание в деревню», в очерке «Буран», а также в работах: «Записки об уженье рыбы», «Записки

ружейного охотника Оренбургской губернии», «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». На сегодняшний день в Аксаково функционирует «Музей-заповедник С.Т. Аксакова» (ул. Аксаковская, 83а). Здание, в котором располагается музей-заповедник, является памятником регионального значения. Также ряд объектов и построек, находящихся на территории комплекса имеют статус памятников федерального значения.

В центральной части Оренбургской области выделяется Центральный литературный район-ареал (Оренбургский, Саракташский, Переволоцкий и Сакмарский р-н), с литературным центром в г. Оренбурге. С Центральным районом связаны П.П. Свиньин («Картина Оренбурга и его окрестностей»), В.И. Даль, для которого Оренбургский период многие исследователи считают переломным в творчестве, А.С. Пушкин («Капитанская дочка», «История Пугачёва»). А.Н. Плещеев, С.И. Гусев-Оренбургский, В.П. Правдухин, Муса Джалиль, Т.Г. Шевченко. Все выше перечисленные писатели оставили значительное литературное наследие, касающееся Оренбургской области. Их имена так же отобразились в мемориальном пространстве. Так, например, в Оренбурге действует музей-гауптфахта Т.Г. Шевченко, а в Саракташском районе — Историко-литературный музей «Капитанская дочка».

Восточный литературный район-ареал включает в себя Гайский, Кваркенский и Новоорский р-н, а также территории г. Новотроицка и г. Орска. Литературным центром восточного литературного района-ареала является г. Орск. Центральной литературной фигурой Орска, да и всего восточного района, безусловно, считается выше упомянутый Т.Г. Шевченко, проживавший в Орской крепости с июня 1847 г. по 1848 г. За всё время пребывания в столице восточного Оренбуржья, Шевченко создаёт более 20 произведений. Среди них: «Княжна», «Чернец», «Сон», «Варнак» и другие. Первые впечатления от Орской крепости можно встретить в повести «Близнец». Проанализировав данное произведение, мы построили литературный маршрут одного из главных героев (рис. 5). В старой части города, по адресу ул. Шевченко, 33, где раньше располагалась Орская крепость, находится музей «Т.Г. Шевченко в Орской крепости».

Кроме Т.Г. Шевченко Восточный литературный район ассоциируется с В.П. Правдухиным, родившимся в станице Таналыкской. На сегодняшний день на месте станице расположено Ириклинское водохранилище, на котором есть «остров Правдухина», где установлен памятный знак. К сожалению, также не сохранился хутор, в котором писатель прожил порядка 20 лет.

В мемориальном пространстве Восточного литературного района также нашел своё отображение и Муса Джалиль, проживавший по адресу ул. Карла Маркса, 19 (дом сохранился и по сей день).

*Рис. 5. Маршрут Савватия из повести Т.Г. Шевченко «Близнецы»
 (автор А.О. Поздеев)*

Последний литературный район, выделенный нами, охватывает часть Илекского района, с литературными местами в Илеке, Кардаилово, Нижнеозёрном и Рассыпном. Илекский литературный район-ареал связан с В.Г. Короленко, В.П. Правдухиным. В Нижнеозёрном находится прототип места дуэли Гринёва и Швабрина, а также бывшая крепость станицы Нижнеозёрной, точнее, то, что от неё осталось.

Также на литературной карте Оренбургской области следует выделить с. Мустафино, родину поэта Мусы Джалиля, где сохранился мемориальный музейный комплекс имени Мусы Джалиля.

Проанализировав туристическое предложение, мы пришли к выводу, что существует несколько маршрутов, связанных с литературным туризмом. Самый известный — «Литературное кольцо Оренбуржья», разработанный Министерством экономического развития, инвестиций, туризма и внешних связей Оренбургской области совместно с экспертами [6]. Данный маршрут охватывает Северо-Западный и Центральный литературные районы. Местами посещения станут Оренбург, Бузулук, Преображенка, Державино, Бугуруслан, Аксаково и Мустафино.

В самом Оренбурге туристам предлагается 6 литературных маршрутов, разработанных А.Г. Прокофьевой и В.Ю. Прокофьевой: «От вокзала к центру», «По пушкинским местам», «Литературные места Оренбурга», «Предместья Оренбурга», «Национальные писатели в Оренбурге», «Поэтические места Оренбурга» [7].

Что касается востока и юга области, то здесь нет ни одного туристского маршрута, несмотря на то, что территория обладает литературными ресурсами. Для решения данной проблемы в лаборатории туристско-рекреационного проектирования и географического мониторинга кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета ведется разработка маршрутов в области литературного туризма. На сегодняшний день их 8.

1. Литературный маршрут, связанный с жизнью, творчеством и деятельностью В.П. Правдухина (двухдневный маршрут).

2. Литературный маршрут, связанный с жизнью, деятельностью и творчеством Т.Г. Шевченко,

3. «По стопам Сокирина».

4. Комбинированный литературный маршрут — «Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае».

5. Литературный маршрут, направленный на соединение Илекского литературного района-ареала и Соль-Илецка.

6. Литературный маршрут, связанный с жизнью, творчеством и деятельностью Мусы Джалиля.

7. «Литературные места востока».

8. Виртуальная экскурсия по значимым литературным местам Оренбургской области.

Таким образом, на территории Оренбургской области в ходе исследования нами было выделено 4 литературных района-ареала: Северо-Западный, Центральный, Восточный и Илекский. Несмотря на большое многообразие литературных ресурсов, в организации литературного туризма задействовано всего лишь два района: Северо-Западный и Центральный. Восточный район обладает значительными ресурсами, но здесь, литературный туризм находится в стадии зарождения. В лаборатории географического мониторинга и туристско-рекреационного проектирования ведется работа по созданию перспективных литературных маршрутов, способных расширить рынок предложений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калущков В. Н. Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы. Учебное пособие. М.: факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 2016. 140 с.

2. Веденин Ю. А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15 — 21.

3. Фирсова А.В. Литературное картирование пространства // Региональные исследования №3 (37). 2012. С. 53-61.

4. Литературный туризм: систематика и географические тенденции развития Гуров С.А., Страчкова Н.В., Алексеенко М.А. Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Том 4 (70). № 3. 2018 г. С. 3-16.

5. Даль, В. И. Башкирская русалка // Даль Владимир Иванович. Оренбургский край в художественных произведениях писателя / сост. А. Г. Прокофьева [и др.]. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2001. С. 192-212.

6. TRAVELZONE — Автобусный двухдневный тур «Литературное кольцо Оренбуржья» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://travel.zone56.ru/turyi/turyi-po-orenburzhyu/11-6-literaturnoe-kolczo-orenburzhya-2019.html>

7. Прокофьева А.Г., Прокофьева В.Ю. Оренбург: Литературные прогулки / А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева. Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева, 2019. 128 с.

Alexander O. Pozdeev

Orenburg State University, Orenburg

LITERARY TOURISM IN THE ORENBURG REGION

***Annotation.** The article deals with literary tourism, which has become increasingly popular in recent years. The territory of the Orenburg region has significant literary resources, contributing to the development and organization of this type of tourism.*

The paper attempts to identify literary areas, in which, in our opinion, it is advisable to organize and develop literary tourism.

***Keywords:** literary tourism, literary district-area, literary place, literary center.*

УДК 338.48-44

Рауфов Р. Н., Азизов Н.Х., Кулматова Л. С.

Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни, г. Душанбе (Таджикистан)

АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКИСТАНА

***Аннотация.** В статье рассматриваются и анализируются возможности организации и перспектив развития некоторых видов туризма в горном районе Таджикского Бадахшана. Следует отметить, что в нем также анализируется организация и развитие альпинизма, пешего туризма, боулинг (по потамогенным*

ручьям) и направлений этно-туризма и другие, которые для данного региона весьма благоприятны и выгодно с экономической точки зрения.

Ключевые слова: возможности, анализ, боутинг, альпинизм, туризм, этно-туризм, Горно-Бадахшан, район.

Таджикистан — страна в Центральной Азии, не имеющая выхода к морю: граничит с Афганистаном на юге, Китаем на востоке, Кыргызстаном на севере и Узбекистаном на западе и северо-западе. Горы занимают более 97% территории страны. Путешествуя пешком, на яке, мотоцикле, велосипеде или полноприводном автомобиле, вы постепенно откроете для себя Таджикистан как поистине редкое и уникальное место для приключений. Страна предлагает путешественникам потрясающие пейзажи и головокружительные горные вершины высотой более 7000 м [1].

История Горного Бадахшана. Первыми жителями Горного Бадахшанского региона (Памир), стали первобытные люди каменного века. В конце эпохи бронзы Памир стали заселять сначала протоиндийские племена, а затем и древние иранцы. При этом языки и культура пришельцев стали ассимилироваться с местными традициями и диалектами. Таким образом была образована группа восточно-иранских языков.

Горный Бадахшан с древних времен населяли оседлые племена земледельцев, до сих пор называющие себя «памирцами». В свое время по Пянджу проходили ветви Великого Шелкового Пути, здесь побывало множество завоевателей, поэтому на формирование местной народности оказали влияние персидская, арабская и китайская культуры. Этнически и культурно бадахшанцы — это потомки древнеиранских племен. Распространено мнение, что именно от них произошли арийские народности, расселившиеся затем в Европе, Индии, Иране. До сих пор памирцы общаются на древних восточноиранских языках — ваханском, шугнанском, ишкашимском. По сей день эти уникальные люди хранят свои вековые традиции, соблюдают обычаи, которые интересны для каждого путешественника, добравшегося до этих заповедных мест [4].

Памирская ассоциация эко-культурного туризма (РЕСТА) была создана в 2008 году при содействии Программы поддержки развития горных сообществ (MSDSP), проекта Фонда Ага Хана. Она нацелена на эффективное решение проблемы нищеты и обеспечение устойчивости. Деятельность ассоциации заключается в продвижении региона в качестве нового туристического направления. Кроме того, она оказывает поддержку населению отдаленных горных сел Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), помогая людям развивать навыки, необходимые в туристическом секторе. В настоящее время ассоциация РЕСТА включает 22 участника: 14 туроператоров и 8 поставщиков услуг. Кроме того, ассоциация сотрудничает с

другими туроператорами, поставщиками услуг, владельцами домов «принимающих семей» («хоум-стэй»), водителями, гидами, носильщиками и другими соответствующими секторами в ГБАО. Сегодня в ГБАО насчитывается более 150 домов «принимающих семей», около 90% их владельцев — женщины, которые получают дополнительный доход от этого нового вида бизнеса [3].

Ассоциация РЕСТА работает с широким кругом местных жителей, включая молодых выпускников университетов, планирующих открыть новые предприятия в секторе туризма; матерей-одиночек, работающих в домах «принимающих семей» и гостевых домах; людей из отдаленных и бедных районов, работающих носильщиками, гидами, туроператорами, переводчиками и т. д.

Помимо маркетинга страны пребывания и разработки продукции, ассоциация РЕСТА работает над сохранением исторического наследия Памира, в том числе над охраной природных ресурсов. Поддержка Таджикского национального парка, являющегося объектом природного наследия ЮНЕСКО, входит в число инициатив по охране природных ресурсов.

Памирские горы Таджикистана были включены в список 100 лучших устойчивых туристических направлений и завоевали 1-е место на шоу *ITB Berlin 2018 в категории «Лучшие направления в Азиатско-Тихоокеанском регионе»*. На шоу ITB Berlin 2019 это направление заняло 3-е место в той же категории. Эта престижная награда стала отправной точкой для содействия развитию устойчивого туризма в Памирских горах, а также для завоевания популярности на глобальном туристическом рынке. Привлечение большего числа туристов в Таджикистан улучшит не только жизнь местного населения, занятого в этой сфере, но и общую экономическую ситуацию в стране (рисунок).

Горный Бадахшан (Памир) — это удивительная горная страна. Во всем мире есть только два подобных места: Тибетские и Боливийские высокогорья.

Горно-Бадахшанская автономная область граничит на севере с Киргизией, на востоке — с Китаем, на юге и западе — с Афганистаном. Территориально Горно-Бадахшанская зона совпадает с Горно-Бадахшанской автономной областью и занимает восточную часть Таджикистана (45% территории республики). Территория области включает в себя самые разнообразные ландшафты: альпийские луга, высокогорные пустыни, глубокие и узкие ущелья рек, сжатые скалистыми хребтами, живописные долины, лежащие на высоте 2000-3000 м, прекрасные высокогорные озера и стремительные реки, необычная архитектура горных поселений. Здесь находятся также и самые высокие хребты, самые мощные ледники, самые высоко расположенные поселения страны (до 4000 м). Ледники этой зоны дают начало практически всем рекам Средней Азии [3].

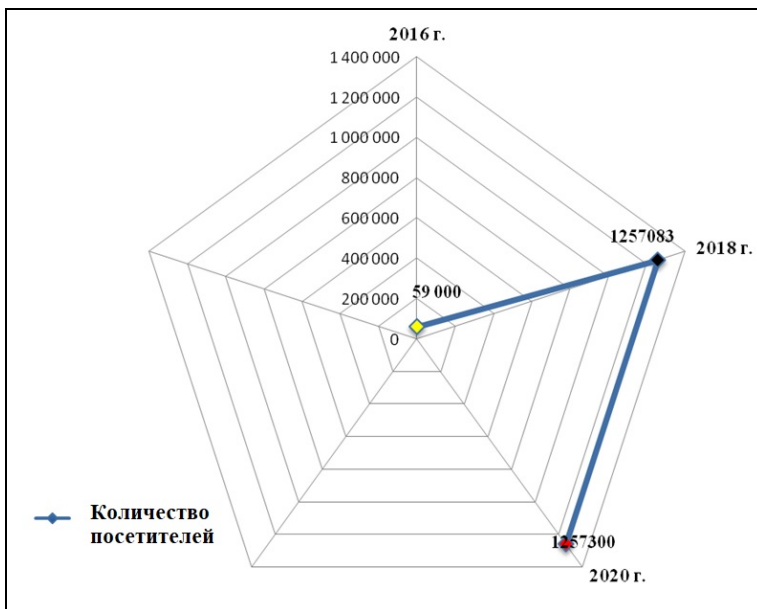

Рис. Иностранные туристы, посетившие Республику Таджикистан

Составлено авторами по данным Таджикского телеграфного агентства, 2020

Большую часть области занимает высокогорье Памира, высшей точкой которого является пик Коммунизма (ныне пик Исмаила Самани), благодаря которому высокогорье часто называют «Крышей мира».

Административным, промышленным и культурным центром области является город Хорог, расположенный в глубоком каньоне на высоте 2200 метров над уровнем моря, на берегу реки Гунт, на месте ее впадения в Пяндж.

Судя по таким ценным природным объектам Горного Бадахшана, у туристов есть целый спектр возможностей насладиться живописными природно-горными ландшафтами многочисленных хребтов (Ванчский, Рушанский, Шохдаринский, Зулумарт, Заалайский), а также афганским Гиндукушем и китайским Кунь-Лунь с вершинами пик Патхор (6093 м), пик Маяковского (6095 м), пик К. Маркса (6723 м), пик Советских офицеров (6233 м), пик Ленина (7134 м), пик Музтаг-Ата (7556 м) и многими другими живописными вершинами, разнообразными высокогорными озе-

рами (Каракуль, Булункуль, Зорошкуль, Турумтыкуль, Сарез, Яшилькуль, Зоркуль, Ронкуль и сотни других более мелких озер), межгорными долинами (Аличурская, Ваханская, Шохдарьинская, Ванчская) с множеством горных кишлаков, где можно понаблюдать за реальной жизнью памирцев и их традициями, остатками древних крепостей (Каахка, Ямчун, Ратм), а также многочисленными гробницами и святилищами.

Наибольший интерес данный регион вызывает у иностранных туристов, что достоверно подтверждается ежегодным притоком путешественников из стран Европы, Азии (особенно стран СНГ) и Америки.

Каждый год в Таджикистане проводятся Международные альпинистские экспедиции, во время которых альпинисты из различных стран мира совершают восхождения на высочайшие горные вершины Памира.

Уникальный рельеф этой таджикской области благоприятствует развитию туристских походов и треккингов различной категории сложности, занятию такими специальными видами спорта, как скалолазание, альпинизм, горнолыжный спорт, горный туризм в сочетании с охотой и фотоохотой, рафтингом, парапланеризмом, спелеотуризмом и другими видами экстремального туризма [2].

Привлекают сюда туристов также охотничьи хозяйства, пещеры и, главным образом, минеральные источники термальных и холодных, углекислых и кремнекислых вод.

Итак, Горный Бадахшан ждет Вас у себя в гостях и искренне надеется, что путешествие в этот таджикский регион надолго живо останется в Вашей памяти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Давлятшоева, З.М. Эффективность формирования и функционирования сельского хозяйства высокогорного района в условиях территориальной разнообразности: (на материалах хозяйств Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана): автореф. дис. ... канд. экон. наук / Давлатшоева Зарина Мехтарбодовна. Душанбе, 2009. 10 с.
2. Мухаббатов, Х.М. Рекреационные ресурсы и проблемы и развития туризма в Таджикистане/ Х.М. Мухаббатов, Х.Х. Кудусова // Изв. АН РТ. Отд-ние обществ. наук. 2003. №4. С. 43-50.
3. Мухаббатов Х.М. Проблемы природопользования в горных регионах Таджикистана/ Х.М. Мухаббатов. Душанбе: «Дониш». 2015. 565 с.
4. Шарафиева, О.Х. Горный Бадахшан после распада СССР/ О.Х. Шарафиева // Вестн. Том.гос. ун-та. 2009. №3. С. 194-196.

**Rahmatullo N. Raufov, Nematullo H. Azizov,
Lutfiya S. Qulmatova**

*S. Aini Tajik State Pedagogical University (TSPU),
Dushanbe (Republic of Tajikistan)*

ANALYSIS OF TOURISM DEVELOPMENT PROSPECTS IN GORNO-BADAKHSHAN AUTONOMOUS REGION OF TAJIKISTAN

Annotation. The article discusses and analyzes the possibilities of organizing and development prospects some types of tourism in the mountainous region of Tajik Badakhshan. It should be noted that it also analyzes the organization and development of alpinism (mountaineering), hiking, boating (along the potamogenic streams) and ethno-tourism and other directions, which for this region are very favorable and profitably from economical point of view.

Key words: opportunities, analysis, boating, alpinism (mountaineering), tourism, ethno-tourism, Gorno-Badakhshan, region.

УДК 338.48

Рубцов В. А., Рожко М. В., Булатова Г. Н.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.
АО «Центральный научно-исследовательский институт геологии
нерудных полезных ископаемых», г. Казань*

СТРУКТУРА ЭЛЕКТРОННОГО КАТАЛОГА ТУРИСТСКОГО БАНКА ДАННЫХ

Аннотация. Туристский банк данных является одной из эффективных форм централизованного хранения и просмотра пространственных туристских данных. Данная система позволяет хранить и использовать не только обширный массив информации о состоянии объектов, но и их аттрактивности. Для создания туристского банка данных необходимо разработать структуру электронного каталога данных. На основе анализа фактографической информации разработана обшая модель данных, состоящая из нескольких блоков.

Ключевые слова: электронный каталог данных, банк данных, туризм, географическая информационная система, туристские ресурсы.

Одной из эффективных форм централизованного хранения и просмотра пространственных туристских данных является система, которая позволяет хранить и использовать в базе данных не только обширный массив информации о состоянии объектов, но и их аттрактивности.

Банки данных образуются совокупностью баз данных и средств управления ими. Базы данных — упорядоченные массивы данных по какой-либо теме, представленные в цифровой форме [1].

В Татарстане имеется опыт по разработке геоинформационной системы в области геологии неметаллических полезных ископаемых, которая включает соответствующий банк данных [2]. Подобная система может быть экспортирована в сферу туризма.

Туристский банк должен обеспечивать выполнение следующих функций:

- создание и ведение баз и банков данных, содержащих необходимую документальную, экономическую, аналитическую информацию по отдельным туристским объектам;
- организация и поддержка централизованного хранения информационных ресурсов (фактографических и картографических);
- информационно-аналитическое обеспечение научно-исследовательских и практических работ.

Банк данных туристско-рекреационных ресурсов направлен на формирование в Республике Татарстан современного конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса. Он должен содержать информацию (статистическую, картографическую, прогнозную и др.) направленную на развития туризма в целях создания гостеприимной, высокотехнологичной, территориальной, инфраструктурной, правовой, организационно-управленческой и экономической среды, благоприятной для дальнейшего развития туристской индустрии в Республике Татарстан [3].

При создании электронного каталога данных, на первом этапе необходимо разработать его структуру.

Целесообразно выделить несколько тематических блоков, каждый из которых будет иметь свою структуру, включающую определенный набор показателей. При чем количество показателей в блоке может варьироваться в зависимости от поставленных цели и задач.

При разработке проектов в области туристских геоинформационных систем по-разному подходят к формированию тематических блоков. Например, в работе А.Н. Панина, В.С. Тикунова, М.А. Фуршица [4] приводятся четыре тематических блока: природно-ресурсный потенциал; население и социальная сфера; социально-экономический потенциал; туристско-рекреационный потенциал.

Система тематических блоков должна соответствовать цели и задачам разработки туристского банка данных. Также необходимо учитывать региональные особенности и имеющийся туристско-рекреационный потенциал территории.

В работе Рубцова В.А., Биктимирова Н.М., Рожко М.В. [5] был рассмотрен перечень ключевых туристских объектов, расположенных в Республике Татарстан. В данной работе объекты были сгруппированы в одиннадцать блоков, в зависимости от вида туризма.

На основе анализа фактографической информации разработана общая модель данных, состоящая из нескольких блоков. Данная модель разрабатывается как комплексное произведение, включающее несколько разделов. Часть из них посвящается характеристике сферы туризма и гостеприимства Республики Татарстан в ее динамике и структуре. Другая — отображению наличия, состава, условий и особенностей использования туристско-рекреационного потенциала.

Ниже приведена предполагаемая структура модели (рис. 1). Информационно-аналитическая модель по оценке и прогнозированию туристских процессов Республики Татарстан состоит из двух основных блоков: информационно-статистического и прогнозно-аналитического.

Информационно-статистический блок — самый крупный в модели, включающий два каталога данных.

Это фактографический и картографический каталоги.

Первый предназначен для ввода, корректировки, поиска и печати информации по туристическим объектам, условиям развития туризма и туристским потокам. Здесь обобщается информация о историко-культурном, природно-рекреационном потенциалах, туристской инфраструктуре, туристских потоках и экономическом результате туристской деятельности. Дается представление о современном состоянии сферы туризма и гостеприимства и динамике соответствующих структурных показателей.

Второй содержит тематические карты, отображающие современное состояние и перспективы развития туризма в Татарстане. Здесь предполагается размещение векторных слоев электронных карт, интерактивных карт и, в перспективе, ГИС-атласов.

Прогнозно-аналитический блок предназначен для анализа ретроспективных данных, оценки современного состояния сферы туризма и гостеприимства, а также прогноза основных показателей, характеризующих туристскую инфраструктуру, туристские потоки и ожидаемые экономические и финансовые результаты.

Представление информации о туристских ресурсах в банке данных позволит существенно повысить оперативность и надежность результатов, привлекательность и конкурентоспособность территориальных образований различного иерархического уровня.

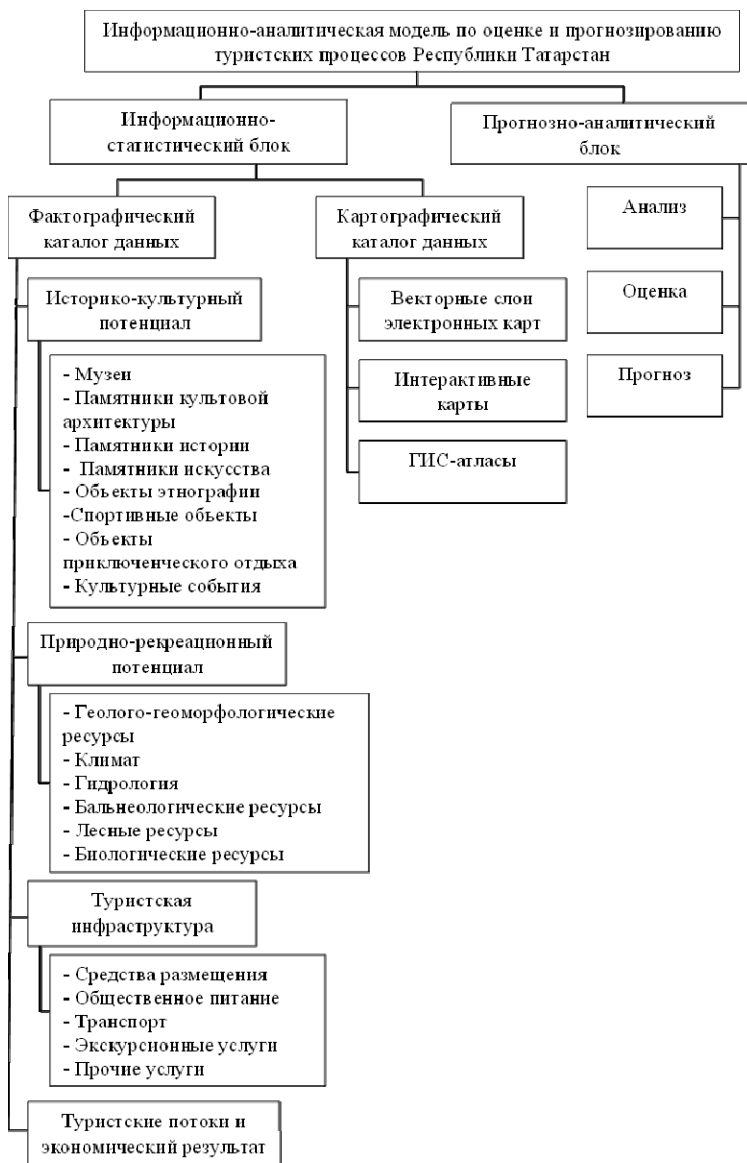

Рис. 1. Структура информационно-аналитической модели туристских процессов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берлянт А.М. Картография: учебник. 3-е изд., доп. М.: КДУ, 2011. 464 с.
2. Булатова, Г.Н., Афанасьева Н.И., Семанов Д.А. Интегральное эколого-экономическое моделирование регионов с использованием ГИС-технологий // Георесурсы. 2017. Т. 19. № 4. Ч. 2. С.383-392.
3. Рубцов В.А., Рожко М.В. Туристский банк данных как инструмент для развития внутреннего туризма // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / под общей ред. А. Г. Дружинина и В.П. Сидорова. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 883-888.
4. Панин А.Н., Тикунов В.С., Фурщик М.А. Геоинформационное обеспечение туризма в России: Подходы, методы, технология. М.: АНО «Диалог культур», 2014. 80 с.
5. Рубцов В.А., Биктимиров Н.М., Рожко М.В. Систематизация туристских ресурсов как фактор развития внутреннего туризма (на примере Республики Татарстан) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 1. С.163-169.

Vladimir A. Rubtzov ¹, Mikhail V. Rozhko ¹, Gulnara N. Bulatova ²

¹ Kazan Federal University, Kazan

²JSC «Central Research Institute of Geology of Non-metallic Minerals», Kazan

STRUCTURE OF THE ELECTRONIC CATALOG OF THE TOURIST DATA BANK

Annotation. *In modern conditions, the tourist data bank is one of the most effective forms of centralized storage and viewing of spatial tourist data. This system allows you to store and use not only a vast array of information about the state of objects, but also their attractiveness. To create a tourist data bank, it is necessary to develop the structure of an electronic data catalog. Based on the analysis of factual information, a general data model consisting of several blocks has been developed.*

Key words: *electronic data catalog, data bank, tourism, geographic information system, tourism resources.*

**ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ГОРНОЛЫЖНОГО КУРОРТА «ЦЕЙ»
В ЭКСКУРСИОННЫЙ ОБЪЕКТ ЭКОФИЛЬНОГО ТУРИЗМА**

***Аннотация.** Рассмотрены пределы роста и развития горнолыжного курорта «Цей», обоснована невозможность увеличения численности одновременно отдыхающих. Показаны пути перепрофилирования курорта в экскурсионный объект познавательного экофильного туризма.*

***Ключевые слова:** горнолыжный курорт, места размещения, экотропы, туристские услуги*

В последние два десятилетия в экономике РСО-Алания произошли существенные положительные сдвиги: сельское хозяйство приобрело многоотраслевой характер, в промышленности лидируют инновационные высоко технологичные предприятия и сохранились традиционные отрасли. Однако, до сих пор крайне неэффективно используются рекреационные ресурсы (природные и культурно-исторические) [1].

Пандемическая ситуация заставила россиян повернуться «лицом» к внутреннему туристическому потенциалу, благодаря чему, туристическая отрасль — наиболее перспективное, на наш взгляд, направление социально-экономического развития Северной Осетии, постепенно стала набирать «обороты». О каких-либо положительных сдвигах в туризме можно судить только по косвенным качественным показателям, так как официальная статистика практически отсутствует. Существуют трудно преодолимые проблемы, решение которых возможно благодаря новациям, применяемым пока еще на ограниченных территориях мира, но надо стремиться к внедрению их в ценные рекреационные дестинации, к каковым относится Цейское ущелье — старейший на Северном Кавказе горнолыжный курорт. Цейское ущелье называют «жемчужиной» за живописность, компактность, доступность, возможность заниматься разными видами туризма и рекреации.

Ущелье, протяженностью всего около 25 км, располагается между Цейским и Кальперским хребтами — северными отрогами Главного Кавказского хребта, сложенными палеозойскими гранитами с внедрением андезито-дацитов, образующими своеобразную подкову, открывающуюся на северо-восток. Дно ущелья — типичный узкий отрог с остатками морен и нагромождением крупных валунов, — резко поднимается по вертикали. Перепад высот дна составляет 900 м, в нижней части абсолютная высота

1300 м над у.м., в верхней — 2200, высота окружающих хребтов превышает 4000 м (рис. 1) [2].

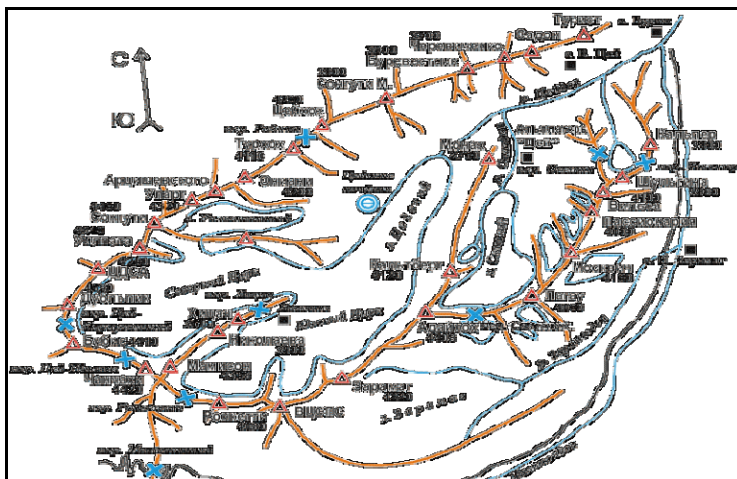

Рис. 1. Орографическая схема Цейского ущелья

Структура высотной поясности в целом соответствует поясам высокогорного яруса восточной части Центрального Кавказа, но в лесном поясе, густо покрывающем дно и склоны ущелья, преобладают не обычные сосновые, а смешанные леса из сосны, липы, клена, граба, дуба и бука с богатым подлеском. На влажных местообитаниях — заросли ольхи. В субальпах обычны рододендрон кавказский, азалия, в нижних частях по берегам реки Цейдон — облепиха.

В последние годы происходит восстановление субальпийских разнотравных и разнотравно-злаковых лугов, пострадавших в прошлом от перевыпаса и трансформировавшихся в манжетково-разнотравные пастбища [3].

Верхний луговой пояс представлен альпийскими лугами и завершают высотный ряд субнивальный и нивальный пояса с многолетней мерзлотой, каменными глетчерами, фирновыми полями и ледниками. Последние десятилетия фиксируется интенсивное отступление Цейского и Сказского ледников. Общая деградация оледенения в среднем составляет 40%.

Средние многолетние показатели, характерные для высокогорного умеренно-холодного климата в целом сохраняются. По данным метеостанции Цей (1910 м над у.м.), средняя температура июля — 13,2°С, января — -6,5°. Сумма температур выше 10° составляет 1140°, абсолютный максимум и

минимум температуры — соответственно-33° и +31°. Безморозный период достигает 116 дней. Годовое количество осадков — 909 мм, снежный покров залегает 120 дней в году. Средняя высота составляет 1,5 м, но от года к году сильно колеблется. Продолжительность солнечного сияния в часах составляет в Цее 2240-2256 (почти на 400 часов больше, чем в Приэльбрусье — 1849).

Долгое время, местные жители рассматривали Цейское ущелье как место для лечения легочных больных, основываясь на чистоте и прозрачности богатого фитонцидами воздуха и повышенном ультрафиолетовом излучении, и ехали в ущелье, устраивая самодеятельные палаточные курорты. В советское время, когда началось массовое увлечение туризмом строились небольшие турбазы и альплагеря. Через Цейское ущелье проходили Все-союзные туристические маршруты № 12 — «Северная Осетия» и № 42 — «Военно-Осетинская дорога». Средства размещения, общей вместимостью до 500 человек, были представлены двумя турбазами, одна из которых довоенная, и ныне функционирующая, двумя альплагерями, центром реабилитации космонавтов «Орбита» и 6-тиэтажной гостиницей «Горянка», которую Совет профсоюзов после развала СССР не смог выгодно продать, здание быстро обветшало и, наконец, было разобрано по «кирпичику».

Как горнолыжный курорт, «Цей» сильно уступает соседнему «Гудаури» по качеству обслуживания, по протяженности и ширине трасс, по количеству мест размещения (55 гостиниц). Последние годы лыжный сезон в Цее длится не с декабря по апрель, как пишут в рекламе, а начинается не раньше февраля из-за недостаточной высоты снежного покрова. По экологическим и природоохранным соображениям численность отдыхающих на таком ограниченном пространстве не должна превышать 500 человек. Но несмотря на все недостатки горнолыжного «отдыха», есть любители, которые ни на что не променяют притягательную красоту и экзотику, этого крошечного ущелья.

В настоящее время круглогодично функционируют четыре гостиницы 2- и 3-этажные с двухместными и четырехместными номерами, в некоторых отелях имеются улучшенные номера и люксы. Питание, как правило 2-х разовое. Цены колеблются от 4000 до 6500 рублей за номер. При гостиницах имеются кафе, бары, сауны, летние бассейны, караоке-клубы, бильярдные и теннисные столы, тренажерные залы, теннисный корт, пейнтбол, конные прогулки и другие услуги за отдельную плату.

Помимо отелей в ущелье располагается Учебно-тренировочный центр «Цей», в котором ведется групповая (от 10 человек) подготовка будущих альпинистов, скалолазов, промышленных альпинистов, горнолыжников. Цена подготовки от 20000 рублей за 10-12-ти дневный курс.

Неразрешимой проблемой курорта является невозможность его экстенсивного развития из-за отсутствия свободного пространства, с одной стороны, и интенсивного развития из-за недопустимости увеличения рекреационной нагрузки на хрупкие горные ландшафты, с другой.

Выход из сложившейся ситуации нами видится в том, чтобы превратить Цейское ущелье в один из экскурсионных объектов познавательного экофильного туризма. Осмотреть достопримечательности можно за 6-7 часов, включая подъем на ледник и к Цейскому водопаду, осмотр святилища «Реком» и т.п.

В Цейском ущелье проложены две учебно-познавательные экотропы, которые легко преодолеваются участниками любого возраста, проводниками выступают профессиональные инструкторы и сотрудники Северо-Осетинского природного заповедника, которому принадлежит часть территории ущелья.

То, до чего невозможно добраться из-за сложности и опасности маршрута, теперь легко можно увидеть в очки дополненной виртуальной реальности. Чтобы избежать застоя и наконец, начать зарабатывать на турпотоках, необходимо руководствоваться концепцией SmartCity, то есть применить на маленьком горном участке все те подходы, которые реализуются в городах [4].

Но до этого необходимо провести инфраструктурные улучшения: обустроить пешеходные дорожки, провести освещение вдоль транспортной и пешеходной сети, построить канализацию и определить места для твердых бытовых отходов. Все жилые комплексы и, прилегающие к ним, территории должны быть оснащены звуковыми домофонами, на случай экстренных оповещений и объявлений. Думается, что навязывать отдыхающим музыкальные или другие радио-развлечения, а также рекламу, не позволено. В ущелье необходим современный медицинский пункт. Парковочная площадка для экскурсантов должна быть обеспечена полным набором туристских услуг от санузлов и мест общественного питания — «fast food» из национальной осетинской кухни, аптеки, магазина с сувенирами и изделиями народных промыслов до штата фотографов и видеографов. В будущем непременно услугой должны стать интерактивные киоски и очки виртуальной реальности. На законодательном уровне пора, наконец, решать вопрос курортного сбора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Туаев Г.А., Дряев М.Р., Тебиева Д.И. Оценка рекреационного потенциала территории РСО-Алания // Устойчивое развитие горных территорий. 2013. Т. 5. № 4. С. 76-82.

2. Тебиева Д.И. Ландшафты восточной части Центрального Кавказа и их хозяйственная оценка [Текст]: Монография/Д.И.

3. Тебиева. Владикавказ, Изд. СОГУ, 2013. 200 с. Тебиева Д.И. Структура высотной поясности восточной части Центрального Кавказа (на примере Северо-Осетинской АССР) // Вестник Ленинградского университета. Серия: Геология и география. 1978. № 4. С. 139-141.

4. Жертовская Е.В., Якименко М.В. Возможности и перспективы использования технологий SmartCity для развития туризма территории // Фундаментальные исследования. 2018. — № 2. С. 83-89; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42079> (дата обращения: 18.01.2022).

Delyara I. Tebieva

K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz

TRANSFORMATION OF SKI RESORT "TSEI" INTO EXCURSION OBJECT OF ECOPHILE TOURISM

Annotation. *The limits of growth and development of the ski resort "Tsei" are considered, the impossibility of increasing the number of simultaneously vacationers is justified. The ways of re-profiling the resort into an excursion object of cognitive ecophile tourism are shown.*

Keywords: *ski resort, accommodation, ecotrails, tourist services.*

УДК 913

Титова Т. Н., Новосельский К. И.

*Союз архитекторов России, г. Екатеринбург
Русское географическое общество, г. Москва*

СИНТЕЗ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРОВ НА УРАЛЕ

Аннотация. *Анализируются причины невысокого рейтинга туристической привлекательности Урала, который не соответствует подлинному историко-культурному потенциалу региона. Уникальность региона состоит прежде всего в длительном развитии особой "уральской цивилизации", формировании непрерывной сети горнозаводских округов, которые на современном этапе можно положить в основу концепции развития интерактивного туризма. В качестве опытного полигона для её внедрения избран бывший Сысертский горнозаводской округ — родина сказочника П.Бажова.*

Ключевые слова: *Урал, Сысерть, граница Европы и Азии, Бажов, уральская горнозаводская цивилизация, интерактивный туризм, тайные сказки.*

Не секрет, что даже для “внутреннего туриста” Урал не является самым приоритетным в планах на отпуск и поиск впечатлений. Согласно рейтингу привлекательности за 2021 год, ведущие регионы Урала находятся лишь в середине второй десятки [1]. Тому есть много причин: многовековой имидж чисто промышленного региона, не самая благостная экологическая ситуация, обилие абсолютно закрытых для посещения территорий, представление о суровом характере местных жителей, глубинное географическое положение и многое другое. Но возможно ли перевернуть картину: обратить трудности в преимущества? В нашей работе мы предприняли попытку реанимации имиджа пока отдельных локальных ареалов Урала, используя совместно историю, миф и новые технологии.

Огромным подспорьем для нас стала раскрученная пермским писателем-документалистом А. Ивановым концепция “уральской горнозаводской цивилизации”, ярко описанная в его книге [2] и в показанном по Первому каналу телевидения снятого им совместно с Л. Парфёновым сериала “Хребет России” [3]. Горнозаводская цивилизация — уникальный феномен в истории страны, существовавший в основном на Урале с XVIII века и до середины XIX века. Основу горнозаводской цивилизации составляли города-заводы. Горный завод — главная структурная единица Урала, общность поселения и предприятия, уникальная в мировом масштабе. Горные заводы бывали чугунолитейными, медеплавильными, железоделательными, золотопромывными. Города-заводы отличались от других промышленных поселений принципом построения и архитектурным обликом. Энергетической основой заводов служили вододействующие машины и механизмы, объединённые в единые системы с огромными плотинами и находящимися за ними прудами. Термин «горнозаводская цивилизация» ввел в оборот профессор Пермского университета П. Богословский. В 1927 году он сформулировал главные принципы всестороннего культурно-исторического изучения Урала [4], обосновал наличие на Урале своеобразной “горнозаводской цивилизации” с особой идеологической сущностью, специфическим стилем художественного оформления, исторически сложившимся комплексом предприятий с принадлежавшими им землями и лесами, рудниками, приисками и проживавшим на территории горнозаводским населением. После длительной паузы, уже в 90-е годы XX века специфику уральского образа жизни на примере Верхнекамья ярко и подробно рассмотрел пермский географ Л. Баньковский [5].

В результате на рубеже веков сложилось представление о горнозаводских округах (которых на Урале к середине XIX века насчитывалось около полусотни) как о присущих этому региону прототипах комплексной территориальной организации производства и расселения [6]. Но тем не менее,

тема горнозаводской цивилизации и окружных комплексов до сих пор изучалась в основном в парадигме исторической науки, без приложения к современным потребностям постиндустриальной экономики и перспективам развития активного туризма.

Совместить традиции и современные требования мы решили на примере южных пригородов Екатеринбурга — Сысертском и Полевском городских округах [7]. Это каким-то чудом сохранившаяся природная территория немалым размером 60x60 километров с населением всего 130 тыс. человек буквально зажата между двумя главными агломерациями-миллионниками Урала (Екатеринбургом и Челябинском). И хотя общий разрыв между “столицами” Среднего и Южного Урала более 200 километров, полноценная рекреация возможна только на рассматриваемой нами территории, так как ближе к Челябинску тянется по-прежнему экологически опасная зона Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС), размещаются предприятия атомной промышленности, открытые шламохранилища, “чёрная точка Планеты” — металлургический город Карабаш (рис. 1). Как контраст, в Сысертско-Полевском ареале находятся здравницы и охотничьи угодья, верховья и истоки легендарной сплавной реки Чусовой, культовая на Урале гора Азов и даже правительственный бункер, который готовился принять Первого президента РФ Б.Н.Ельцина в случае победы ГКЧП в 1991 году.

В настоящее время оба городских округа развиваются совершенно оторвано друг от друга, они управленчески даже подчиняются разным внутриобластным координирующим органам: Полевской — “Западному”, а Сысертский — “Южному”. Хотя исторически, с XVIII века, оба центра составляли единый Сысертский горнозаводской округ. Роднит два города очень многое: жизнь и творчество писателя П.Бажова, соратник Петра I В. де Геннин, который основал в 1732 году казённые Полевской, Северский и Сысертский заводы, и владевший всем этим хозяйством впоследствии род Турчаниновых [8]. Повезло ареалу и с делящей его по долготе строго пополам утверждённой с лёгкой руки В.Н.Татищева границей частей Света. Именно отмеченный здесь особыми знаками рубеж Европы и Азии позволил нам рассматривать территорию как “дихотомическую игровую площадку” двух совершенно противоположных миров и приступить к проектированию интерактивного природно-исторического парка “Страна тайных сказов”.

Суть нашего подхода заключается в следующем: работа группы специалистов разных направлений (программист-картограф, географы, архитекторы, дизайнеры — графики, аниматоры) создают “Концепт образа территории” через культурные практики: вербальные, визуальные, перформансные,

мифологические, художественно-ассоциативные коммуникации, которые актуализируют историческую и культурную память территории [9]. Целевая установка Концепта — восстановление чувства соучастия человека в судьбе своей земли.

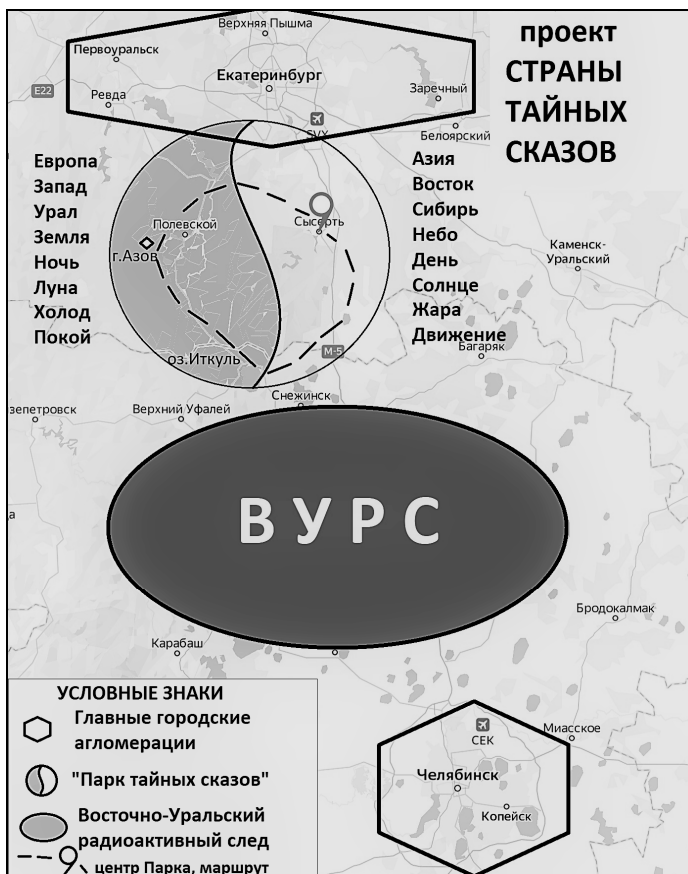

Рис. 1. Проект туристского кластера «Страна тайных сказов».

Пилотный проект «Путешествие по горнозаводской Стране тайных сказов» оформляется как виртуальную модель пути в пространствах географии, истории и мифологии Сысертского «мира». Образ «Страны» и ментальную карту её пространства мы создаём на основе исторической

карты Сысертского горнозаводского округа Турчаниновых-Соломирских (XVIII-XIX вв.). Наша виртуальная модель объединяет образ горнозаводского мира: производство металла с образом архаики природного окружения [10]. При этом мемы — топонимы природных ландшафтов — позволяют читать в ярких образах ментальный (нематериальный) культурный ресурс территории на всю его глубину. Как герои сказов Бажова, так и архаические культы и мифы мира природы, их персонажи имеют точные координаты места и действия. Виртуальная же реальность при любом образном подходе должна переживаться как полноценная реальность. Ментальную карту «Путешествие по горнозаводской стране тайных сказов» мы создаём на основе реального исторического маршрута «Поход на священное башкирское озеро Иткуль». В своё время П.П. Бажов предпринял путешествие по этому маршруту. Озеро Иткуль одно из красивейших озёр среднего Урала, описывается как место действия в его сказах «Демидовские кафтаны», «Золотой волос», «Надпись на камне». Разработанный маршрут похода на Иткуль мы рассматриваем как сценарный план предлагаемых туристам сюжетов для потребления ими мультимедиа, интерактивных игр и анимаций с персонажами — «гениями места». Здесь различные графические подходы становятся инструментами, с помощью которых все эти увлекательные и вовлекающие человека в действие средства представляют в наиболее доступной, детальной и запоминающейся форме уникальную культуру Урала. Считаем, что только таким путём можно восстановить чувство соучастия человека в судьбе своей земли и на этой базе уже строить «малую экономику» и развивать внутренний туризм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Опубликовано рейтинги туристической привлекательности регионов РФ за 2021 год / Интерфакс-Туризм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/84509/>
2. Иванов А.В. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014. 283 с.
3. Парфёнов Л.Г. Хребет России. М: Намедни, 2010. Фильм в 4 частях. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://youtube.com/playlist?list=PLZXNFbCtUjWXPvrP9z_e6N5e3Qli_JyL
4. Богословский П.С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. Вып.1. Свердловск, 1927. С. 35
5. Баньковский Л. В., Лотарева Л. М. Города-заводы Верхнекамья в системе Уральской горнозаводской цивилизации XVIII-первой половины XIX веков // Малые города Верхнекамья: Экономика, экология и культура. Сб. статей и очерков. Березники, 1994. С. 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.academia.edu/20787288/>
6. Неклюдов Е. Г. Горнозаводские округа на Урале в XVIII — начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. Номер 2 (139), 2015. С. 119-133

7. Историко-культурная карта Сысертского горного округа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ecourals.ru>

8. Пирогова Е.П., Ларионова М.Б., Неклюдов Е.Г. Род Турчаниновых. М.: Сократ, 2008.

9. Замятин Д.Н. Бренды малых и средних городов России. Материалы научно-практической конференции. г. Екатеринбург. Издательство Урал ун-та, 2015. С. 29-39. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clar.urfu.ru/handle/10995/35067?locale=en>

10. Титова Т.Н., Захарова Г.Б., Новосельский К.И. Интерактивная география старопромышленных территорий Урала // Новые информационные технологии в архитектуре и строительстве. Материалы IV Международной научно-практической конференции, 2021, 2-3 ноября. Екатеринбург: Уральский государственный архитектурно-художественный ун-т, 2021. С. 27.

Tatiana N. Titova, Kirill B. Novoselskiy

Union of Architects of Russia, Yekaterinburg Russian Geographical Society, Moscow

SYNTHESIS OF HISTORICAL REALITIES AND MYTHOLOGICAL CONTEXT WHEN DESIGNING TOURIST CLUSTERS IN THE URALS

Annotation. *The reasons for the low rating of the tourist attractiveness of the Urals, which do not correspond to the true historical and cultural potential of the region, are analyzed. The uniqueness of the region lies primarily in the long-term development of a special "Ural civilization", the formation of a continuous network of mining districts, which at the present stage can be used as the basis for the concept of interactive tourism development. The former Sysert mining district, the birthplace of the storyteller P. Bazhov, was chosen as an experimental testing ground for its implementation.*

Key words: *Ural, Sysert, border between Europe and Asia, Bazhov, Ural mining civilization, interactive tourism, secret stories.*

УДК 913.1

Шабалина С. А.

Казанский федеральный университет, г. Казань

ЗОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

Аннотация. *Республика Татарстан с её длительной историей, выгодным географическим положением, имея множество достопримечательностей мирового масштаба, может стать развитым туристско-рекреационным районом страны. На основании проведенного комплексного исследования были выделены районы разного статуса и значения.*

Ключевые слова: *рекреационная система, внутренний туризм, международный туризм, районирование, туристская зона.*

Для осуществления рекреационной деятельности необходима организация среды, сохранение и поддержание ее состояния в соответствии с требованиями рационального природопользования. В связи с этим полноценная организация рекреационной деятельности возможна, только если в качестве исходных положений принимаются рекреационные потребности [1, С. 21-24; 2, С. 34-45]. При исследовании организации рекреационной деятельности выявляются сложные образования, элементы которых тесно связаны между собой прямыми и обратными связями. Таким образом, формируется и складывается система, состоящая из разнородных, но взаимосвязанных компонентов — природных и культурно-исторических рекреационных ресурсов, инженерных и инфраструктурных объектов, организаторов отдыха и отдыхающих. В рамках этой территориально-рекреационной системы (ТРС) осуществляется рекреационная деятельность, для которой характерна функциональность, целостность, иерархичность, устойчивость и динамичность [3, С. 30]. Как любая сложная система, она будет состоять из подсистем, которые образуют целостные образования. Поэтому целесообразно ее рассматривать как отраслевую и территориальную модель. Предлагается различать две группы факторов, порождающих потребность в создании ТРС и реализующих эту потребность. Первая группа определяет основные свойства ТРС: целостность, разнообразие, динамичность и надежность. Вторая группа факторов связана со свойствами и процессами, происходящими в системе (рекреационные ресурсы, расселение, производство, транспорт и др.).

В качестве модели процесса исследования рекреационного комплекса как системы, предлагается концепция пространственно-сетевого анализа. Характер исследования целесообразно провести по двум направлениям: изучение объектно-центрированных систем в ареалах территориальной концентрации природно-географических и социально-культурных рекреационных ресурсов региона и субъектно-центрированных рекреационных систем, формирующихся в городах и их пригородных зонах. Результатом первого этапа стала интегральная картина распределения по территории величин рекреационно-туристского потенциала (ТРП), полученная в границах ОТЕ, в качестве которых выступили административные районы РТ.

Анализ оценки рекреационного потенциала Республики Татарстан и возможность его использования показал, что по-прежнему остается нерешенным целый комплекс задач, среди которых следует особо выделить методологический аспект: проблема оценки рекреационных ресурсов, определение степени возможности соотношения различных компонентов среды, проблема территориальной дифференциации и рекреационного районирования и построение серии одномасштабных функциональных карт-моделей [4, С. 206-225; 5, С. 21-24].

Были проанализированы природные, культурно-исторические и социально-экономические ресурсы. В результате были определены 3 блока показателей, по которым производился анализ, с последующим получением частных интегральных оценок и интерпретацией результатов. Главным принципом оценки был принцип объективности и сопоставимости результатов. Для расчёта блоковых значений природно-рекреационных, культурно-исторических, инфраструктурных и рекреационно-туристских потенциалов был использован широко применяемый в статистике и географии метод суммы нормированных значений по максимальному показателю с использованием формулы:

$$\text{ИП}_i = \sum_{j=1}^m k_j a_{ij}$$

где ИП_i — интегральный показатель соответствующего блока i ,

a_{ij} — нормированное значение j -го показателя ресурсной обеспеченности i -го района;

k_j — весовой коэффициент j показателя;

$k_j = \frac{I_j}{I_{\max}}$, где I_j — информативность j -го показателя, определяемая суммированием всех коэффициентов корреляции j -го показателя с другими; $I_{\max}$ — максимальное значение информативности среди всех используемых показателей.

Такая форма расчёта блокового показателя позволяет определить балл рекреационно-ресурсной обеспеченности каждого района, а с помощью весовых коэффициентов, определяемых экспертным путём, и долю показателя в рекреационно-туристском потенциале. Существенную роль в формировании рекреационно-туристского потенциала играет культурно-историческое наследие региона. В результате оценки обеспеченности территории РТ рекреационного-туристического потенциала по трем блоковым показателям был получен интегральный суммарный показатель искомого потенциала (табл. 1).

Учитывая имеющиеся статистические данные, характеризующие уровень развития рекреационного хозяйства в муниципальных образованиях был получен инфраструктурный потенциал. Комплексирование блоковых оценок позволило получить обобщенный интегральный рекреационно-туристский потенциал.

Для оценки современного состояния и перспективы развития системы требуется комплексный анализ рекреационного использования территории. Одним из ключевых методов анализа является рекреационное районирование — членение территории региона по однородности признаков и харак-

теру рекреационного использования. Была использована процедура проверки на граничность, где выделяют ОТЕ с близкими значениями, имеющими тенденцию к локализации в определенной части территории и образующих ядро.

Таблица 1

Рекреационно-туристический потенциал районов РТ

Район	Блоки формирования рекреационно-туристического потенциала			Интегральный суммарный рекреационно-туристский
	Природно-рекреационный	Культурно-исторический	Инфраструктурный	
1	2	3	4	5
Агрызский	1,8	2,3	3,5	7,6
Азнакаевский	2,3	3,1	3,3	8,7
Аксубаевский	2,7	2,3	2,5	7,5
Актанышский	4,0	3,3	3,1	10,4
Алексеевский	3,7	2,5	3,4	9,6
Алькеевский	2,0	2,7	3,0	7,7
Альметьевский	2,6	2,7	3,1	8,4
Апастовский	2,2	3,2	2,8	8,2
Арский	3,3	2,7	2,7	8,7
Атнинский	3,0	3,3	2,8	9,1
Бавлинский	2,0	2,3	2,4	6,7
Балтасинский	3,1	3,4	3,3	9,8
Бугульминский	3,0	3,3	2,3	8,6
Буинский	4,3	3,3	2,4	10
Верхнеуслонский	2,7	3,0	3,1	8,8
Высокогорский	3,3	3,3	3,1	9,7
Дрожжановский	3,3	2,5	2,7	8,5
Елабужский	3,7	3,3	3,5	,5
Заинский	2,3	2,3	3,4	8
Зеленодольский	4,5	2,9	3,3	10,7
Кайбицкий	2,5	3,1	3,0	8,6
Камско-Устьинский	2,2	2,5	3,4	8,1
Кукморский	3,6	3,4	2,9	9,9
Лаишевский	3,3	3,3	3,4	10
Лениногорский	3,2	2,4	3,3	8,9

1	2	3	4	5
Мамадышский	3,0	3,1	2,7	8,8
Менделеевский	2,7	3,1	3,7	9,5
Мензелинский	3,0	2,9	3,4	9,3
Муслумовский	2,8	2,4	3,5	8,7
Нижнекамский	3,7	3,1	3,3	10,1
Новошешминский	2,0	2,8	3,3	8,1
Нурлатский	4,1	3,2	2,7	10
Пестречинский	3,2	3,4	3,4	10
Рыбно-Слободский	3,0	3,1	2,7	8,8
Сабинский	3,7	3,4	3,5	10,6
Сармановский	2,4	3,4	3,1	8,9
Спасский	2,4	2,3	3,4	10,1
Тегюшский	1,9	3,0	3,2	8,1
Тукаевский	3,5	3,3	3,7	10,5
Тюлячинский	3,6	2,9	3,0	9,5
Черемшанский	3,0	3,4	2,7	9,1
Чистопольский	3,0	2,7	3,3	9
Ютазинский	1,9	3,2	3,2	8,3

Результатом исследования стала карта территории РТ, позволяющая говорить о сложившихся объектно-центрированных системах в ареалах территориальной концентрации административных районов. В географическом отношении функциональная структура республики имеет полицентрическое строение территориально-рекреационной системы. Типология РТР определяется по трем направлениям: функциональная основная направленность, ориентированность на внешние или местные потребности и степень развитости структуры.

Была проведена типология районов РТ с определением таксономического ранга (первого, второго и третьего). Третий уровень с наименьшими показателями (6,7-8,3) будут составлять рекреационно-туристские территории, местного значения (РТТ). Второй уровень — рекреационно-туристские районы (РТР) регионального значения со значениями в пределах от 8,4 до 10. Первый уровень — рекреационно-туристские комплексы (РТК) федерального и может быть международного значения с показателями более 10. По окончательному суммарному показателю рекреационно-туристского потенциала природно-рекреационных, культурно-исторических ресурсов

и условий социально-экономического развития, представленных в муниципальном образовании, в пределах республики можно выделить 10 рекреационно-туристских районов (рис. 1).

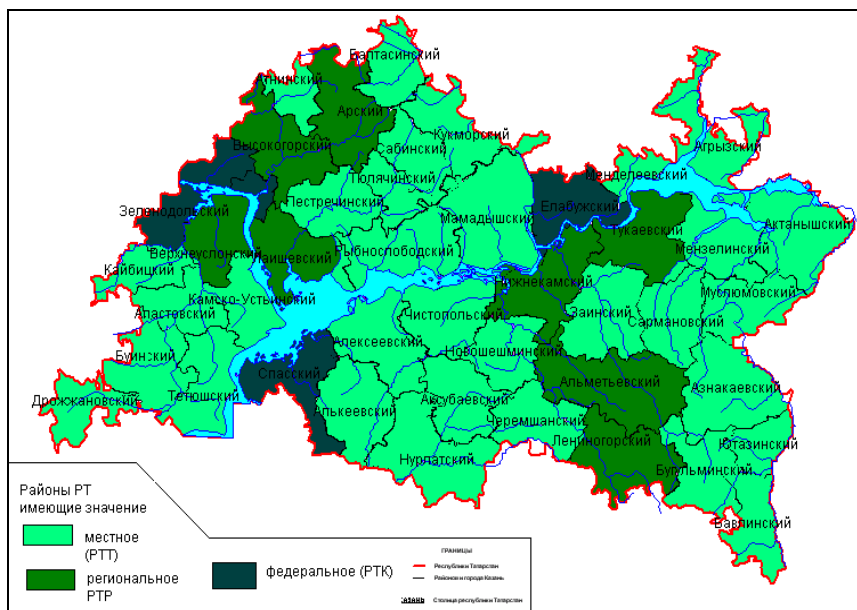

Рис. 1. Рекреационно-туристские зоны РТ (Составлено автором)

Три района республики (Зеленодольский, Елабужский и Спасский) имеют федеральное значение для развития рекреации и туризма. Отсутствие общих границ и удаленное положение друг от друга позволяет рассматривать их как самостоятельные и самодостаточные центры развития. Проведенный анализ факторов формирования и развития каждого в отдельности районов показывает, что они есть и останутся центрами организации отдыха. Это обусловлено наличием уникальных рекреационных ресурсов, которые отвечают потребностям в наиболее массовых циклах занятий. Территории районов исторически характеризуются как наиболее освоенная часть. Рекреационная специализация влияет на организацию территории. Важную роль будут играть процессы оптимизации и повышение эффективности обслуживания рекреантов.

Приказанский РТР включает 3 муниципальных образования (Лаишевский, Высокогорский и Верхнеуслонский). Общая площадь составляет 5139,3 км². Территорию можно рассматривать как формирующийся рекреационный комплекс, функциональная специализация которого носит рекреационно-познавательный характер ориентирующий местное население на реализацию отдыха выходного дня. Анализ факторов формирования и развития показывает, что районы вблизи крупной агломерации (г.Казань), с высоким потенциалом рекреационного спроса и высоким коэффициентом транспортной доступности превратятся в ареалы с высокой концентрацией учреждений рекреационно-туристской сферы, рассчитанной на кратковременный отдых.

Перспективным направлением является экологический и событийный туризм. Актуальными проблемами организации будет создание самых разнообразных типов рекреационных парков, организация и проведение фестивалей народного творчества.

Арский РТР отвечает одноименному муниципальному образованию и представляет самостоятельную целостную систему. Такое обособленное положение связано с удаленностью от столицы и наличием богатого культурно-исторического потенциала, что позволяет развивать рекреационно-познавательное и этнографическое направление.

Прикамская РТТ включает территорию 4 районов, что составляет 8 010 км². Ее можно рассматривать как молодую рекреационную территорию лечебно-оздоровительного направления. Наличие курорта общероссийского значения (Бакирово) и региональной сети санаториев ОАО «Татфеть» благоприятствует формированию зоны для обслуживания потребностей населения промышленных городов. Дальнейшие перспективы связаны с освоением природно-рекреационных ресурсов. Все эти районы примерно одинаковы по уровню материально-технической базы и транспортно-географическому положению. Имеющиеся запасы бальнеологических ресурсов невелики, но позволяют построить ряд санаторно-курортных учреждений республиканского масштаба. Тукаевский и Нижнекамский районы могут стать как республиканским, так и федеральным центром развития лечебно-оздоровительного и экологического направлений.

Предволжская РТТ включает 6 районов (Кайбицкий, Камско-Устьинский, Апастовский, Тетюшский, Буинский, Дрожжановский). Общая площадь составляет 7 453,2 км². Рекреационный потенциал низкий. Группа районов не приспособлена и не перспективна для развития рекреационно-туристской отрасли, за исключением Тетюшского. Отдельные территории можно использовать только для кратковременного отдыха и создания летних лагерей и баз отдыха местного значения.

Предкамская РТТ включает 8 муниципальных района общей площадью 11 222,3 км². Значения отдельных потенциалов как правило средние и ниже среднего. Уровень потенциала инфраструктуры средний. Территория характеризуется сочетанием относительно неизменённой природой и хозяйственной освоенностью. Имеются предпосылки для организации некоторых видов рекреационной деятельности (особенно промыслово-охотничьей).

Закамская РТТ включает 7 районов, общей площадью 12 049,3 км². Это преимущественно район сельских поселений. Наблюдается тесная связь особенности расселения населения с историко-культурными ресурсами (г. Чистополь, г. Билярск). Положение районов можно определить как «резервное» для обеспечения организации отдыха не только близлежащих к нему промышленных районов, но и более отдаленных территорий. Рекреационная деятельность будет участвовать только в локальных образованиях, узкой специализации в развитии культурно-познавательной рекреации.

Восточная РТТ включает 11 районов, общей площадью 16 831,2 км². Группа в ближайшем будущем не будет повсеместно и равномерно освоена. Общее рекреационное пространство территории освоено слабо (Заинский, Бугульминский, Мензелинский), или не освоено. Можно предположить, что в ней сформируются рекреационные районы вокруг городов или районных центров для кратковременного отдыха местного населения.

Структура рекреационно-туристских ресурсов республики сопоставима с тенденциями развития, действующими в мировом туризме, и позволяет говорить о необходимости преимущественного развития таких его направлений, как круизный, познавательный, событийный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм и отдых. Однако пока приходится говорить именно о потенциале республиканского туризма, как о возможности его развития в большей мере, чем о его реальном освоении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Преображенский В.С. Шеломов Н.П. Проблемы использования естественных ресурсов для отдыха и туризма. М., 1967. 84 с.
2. Багрова Л.А., Багров Н.В., Преображенский В.С. Рекреационные ресурсы: (подходы к анализу понятий) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1977. № 2. С. 34-45.
3. Чиряева Н.Г. Эффективность комплексного освоения природных ресурсов.- Новосибирск, 1989. 238 с.
4. Шабалина С.А., Рубцов В.А. Рекреационная специализация региона (на примере Поволжского федерального округа)//Математика в географии (вчера, сегодня, завтра). Казань, 2006. 276 с.
5. Дубнов А.П. Вопросы методологии изучения спроса в туризме// Проблемы развития индустрии туризма. Новосибирск, 1970. 103 с.

DIFFERENTIATION OF THE TERRITORY OF TATARSTAN REPUBLIC INTO ZONES DUE TO THEIR SIGNIFICANCE FOR NATIONAL TOURISM

Annotation. *Using a method of a component analysis the most significant indexes for differentiation of territory of Republic Tatarstan with the purposes of recreation and tourism were detected. Map-models were constructed and by their superposition the integrated map of a recreational potential of Tatarstan Republic was obtained and the attractive areas for rest and tourism were detected.*

Key words: *recreational system, internal tourism, the international tourism, division into districts, tourist zone.*

УДК 338.48/379.85:712.253

Яковенко И. М., Страчкова Н. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПАРКИ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРИСТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *Рассмотрена роль и место тематических парков в пространственной организации туристских территорий. Выявлены закономерности развития и размещения тематических парков мира. Дана сравнительная характеристика тематических парков России в разрезе федеральных округов. Сформулированы приоритетные направления развития тематических парков в Крыму.*

Ключевые слова: *тематический парк, туристская территория, пространственная организация.*

Всемирная туристская организация объявила развитие тематических парков одной из важнейших тенденций развития международного туризма. Тематические парки являются наиболее посещаемыми туристскими объектами, создающими мощный импульс туристской активности в регионе. Для сравнения: ежегодная посещаемость Лувра — около 8 млн чел., парка "MagicKingdom" во Флориде — более 17 млн чел. [1]. Большинство исследователей рассматривают тематический парк как элемент туристской инфраструктуры региона, посредством которого возможно реализовать такие свойства туристского предложения, как оригинальность (уникальность), креативность, инновационность, проектное развитие, сочетание разнообразия и доступности, что в совокупности способствует формированию благоприятного имиджа и ярких впечатлений о туристской территории [1-6].

Несомненным достоинством парков в формировании социокультурного пространства является их универсальность, что проявляется в возможности развития на их основе не только познавательных и развлекательных, но и событийных, спортивных, гастрономических, литературно-социальных и иных видов туристско-рекреационной деятельности.

Анализ факторов размещения тематических парков мира показывает, что они преимущественно располагаются в экономически развитых регионах. По мнению О.Ю. Нельзиной, на сам концепт, плотность размещения парков и эффективность экономической деятельности напрямую влияет климат [5]. Среди прочих факторов отмечаются также хорошо отлаженная транспортно-логистическая система, обеспечивающая паркам постоянно высокий уровень посещаемости.

Лидером по уровню развития системы тематических парков считаются США, где реализованы наиболее крупные по инвестициям, инновационным технологиям, разнообразию программных продуктов и уровню доходности проекты. В основе большинства парков лежит концепция Уолта Диснея и пионерного парка «Диснейленд». Американские парки оказали и продолжают оказывать воздействие на развитие тематических парков всего мира, в т.ч. посредством транснационализации. Продвигая свой продукт на иностранные рынки, корпорация «Уолт Дисней Компани» принимает во внимание определенный уровень страны в целом и уровень доходов населения. При этом, как правило, выбирается столичный регион, крупная городская агломерация или курортная зона.

История развития тематических парков в Европе относится к XVI–XVII вв. («Парк Пратера» в Вене, «Баккен» в Копенгагене и др.). Пространственно-временная эволюция европейских парков представлена следующими типами: балтийско-североморские «протопарки (до 1920-х гг.); североморские парки (1950-60-е гг.), германские парки (1970-е гг.); французские парки (1980-е гг.), средиземноморские парки (1990-е гг.) [4]. Не отличаясь масштабными инвестициями, парки Европы часто размещаются в местах с культурно-историческими артефактами и имеют стабильную посещаемость в течение года.

В развивающейся модели азиатских парков преобладает мультипликационная концепция, расширенный сегмент образовательных услуг и усложнение маркетинговых технологий.

В России тематические парки в соответствии с мировыми тенденциями также набирают популярность, но имеют иной масштаб и в большинстве своём представлены развлекательными комплексами в составе торгово-развлекательных центров и городских парков отдыха. Наиболее полноценными тематическими парками в нашей стране являются «Сочи Парк» и

«Моя Россия» в Сочи, «Этномир» в Калужской области, «Мастерславль» и «Остров мечты» в Москве, «Юркин парк» в Кирове, «Сафари Парк» в Геленджике, Парк «Тайган» в Крыму и «Приморский Сафари-парк» в Приморском крае и др.

Наиболее привлекательными для создания и деятельности тематических парков являются экономически развитые, густо заселенные и хорошо освоенные в туристско-рекреационном отношении территории. Значительная часть тематических парков страны расположена в Центральном и Южном федеральных округах (рис. 1). Лидером по количеству тематических парков выступает Краснодарский край, в котором располагается 11.3% всех тематических парков страны, в том числе такие крупные парки, как «Сочи-парк» и «Сафари-парк» в Геленджике. Вторую позицию занимает г. Москва, на территории которой располагается самый крупный тематический парк России — «Остров мечты». Санкт-Петербург предлагает, главным образом, парки павильонного закрытого типа на территории крупных ТРЦ (парк развлечений «Диво-Остров»). Тематические парки Свердловской области ориентированы на детскую аудиторию и не являются крупными, в отличие от Республики Татарстан, тематические парки которой интересны для более широкой потребительской аудитории.

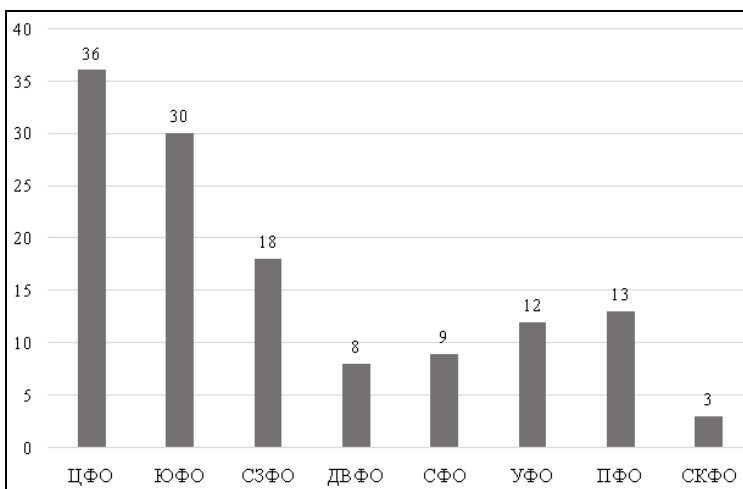

Рис. 1. Распределение тематических парков РФ в разрезе федеральных округов

Изучение тематического разнообразия парков показало, что если в мировой практике наиболее востребованы темы мультипликации и кинемато-

графа, то в России преобладающими являются темы города и профессии, динозавров, литературы и эпоса (рис. 2).

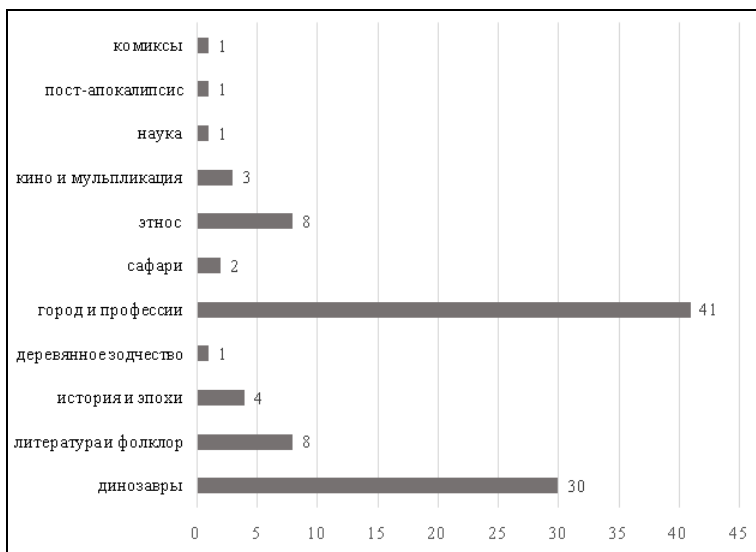

Рис. 2. Тематика парков РФ, %

Преобладающей темой российских парков является тема города и профессий. Данные парки, в большинстве своем небольшие, расположенные в ТРЦ и ориентированные на детскую аудиторию, имеются более чем в половине субъектов Российской Федерации. За редким исключением, они не подходят для семейного времяпрепровождения и имеют узкий сегмент потребителей. Наибольшую долю по тематике города и профессии имеет г. Москва — 60% от всех тематических парков на территории субъекта; Москва также лидирует по числу тематических парков литературной и фольклорной направленности.

Проблемой многих тематических парков является их однотипность. Инновационной направленностью отличается парк павильонного типа в ТРЦ «Алиса. Возвращение в Страну чудес» в г. Москва, основой тематического пространства которого служит анимация и проекция.

Тематика парков Республики Крым и г. Севастополь представлена одним из лучших сафари-парков России «Тайган», парком динозавров (Евпатория) и формирующимся парком военно-исторической тематики «Федюхины высоты» (Севастополь). Учитывая богатую историю и высокую

этнографическую мозаичность региона, большие перспективы имеют темы парков, связанные с историческими эпохами освоения полуострова и древними и современными народами Крыма. Территориальная структура парков должна быть расширена за счет слабо освоенных в рекреационном отношении степных районов, где данные объекты могут сыграть роль консолидации социокультурного пространства и могут изменить традиционные направления туристских потоков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова А.Ю., Сединкина О.Н. Тематические парки мира. М.: КНОРУС, 2017. 208 с.
2. Клиндух Р.В. Тематические парки в системе факторов формирования и развития благоприятного имиджа территории // Сервис в России и за рубежом. 2017. №8 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tematicheskie-parki-v-sisteme-faktorov-formirovaniya-i-razvitiya-blagopriyatnogo-imidzha-territorii> (дата обращения: 29.01.2022).
3. Крутиков В.К., Хыски М., Станайтис С. Современные особенности развития тематических парков // Экономика. Социология. Право. 2016. №3. С. 14-21.
4. Луговской А. М., Межова Л.А. Экономическая оценка потенциала при формировании кластерно-логистической структуры туристско-рекреационной системы // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма исервиса. 2014. Т. 8. No 3. С. 4–10.
5. Нельзина О.Ю. Географические особенности размещения и эффективность деятельности тематических парков (на примере США, Канады, Европы, стран Азии, ОАЭ и Австралии) // Журнал Института Наследия. 2018. №1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geograficheskie-osobennosti-razmescheniya-i-effektivnost-deyatelnosti-tematicheskikh-parkov-na-primere-ssha-kanady-evropy-stran-azii-oae> (дата обращения: 29.01.2022).
6. Рысаева М.А. Тематические и развлекательные парки мира, их использование в туризме // Экологический консалтинг. 2012. No4. С. 35-39.

Irina M. Yakovenko, Natalya V. Strachkova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

THEME PARKS IN THE SYSTEM OF SPATIAL ORGANIZATION OF TOURIST TERRITORIES

Annotation. *The role and place of theme parks in the spatial organization of tourist territories is considered. Patterns of development and placement of theme parks of the world are revealed. A comparative characteristic of the theme parks of Russia in the context of federal districts is given. Priority directions for the development of theme parks in the Crimea are formulated.*

Keywords: *theme park, tourist territory, spatial organization.*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНО-ЛЮБИТЕЛЬСКОГО РЫБОЛОВСТВА НА ВНУТРЕННИХ ВОДОЕМАХ АРКТИКИ НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТАЙМЫРА

Аннотация: Статья рассматривает проблемы развития спортивно-любительского рыболовства на внутренних водоемах Арктики. Представлены основные этапы проведения научного мониторинга водных биоресурсов в малоизученных водоемах Севера. Рассматриваются особенности влияния СЛР на состояние ихтиокомплекса арктических водоемов. Показывается значимость определения приемной емкости водоемов для устойчивого развития рекреационного рыболовства.

Ключевые слова: спортивно-любительское рыболовство, рекреация, Норило-Пясинская водная система, Арктика, ихтиофауна, кормовая база рыб, мониторинг, приемная емкость.

Крупные озера северо-западной части Плато Путорана (Пясино, Мелкое, Глубокое, Лама, Собачье, Кета, Катарамакан и Капчук) и крупные реки Пясины, Норильская и Рыбная составляют обширную гидрологическую сеть, объединенную в Норило-Пясинскую водную систему. Данные водоемы являются уникальными природными объектами, обладающими значительной привлекательностью для развития туризма в условиях Российской Арктики. Наличие рядом крупных полярных городов — Норильска и Дудинки, аэропорта — Алыкель способствуют относительной доступности этих водоемов для использования богатств местной ихтиофауны как объектов спортивно-любительского (рекреационного) рыболовства. Развитие рыболовства осуществляется как за счет местных жителей, обладающих современными средствами передвижения по сложной местности и водоемам (катера, моторные лодки, вездеходы, снегоходы и др.), так и за счет приезжающих групп туристов, для которых рыбалка в северных водоемах пользуется возрастающей популярностью.

Ихтиофауна рассматриваемых водоемов представлена ценными, особо ценными и туводными видами рыб, являющихся представителями арктического пресноводного, бореального предгорного и бореального равнинного фаунистических комплексов. Видовой состав бассейна озер и рек западной части Плато Путорана насчитывает около 35 видов рыб и рыбообразных, из них 15 имеют промысловое значение. Ихтиофауна характеризуется следующими особенностями: своеобразное распространение видов, преоблада-

ние сиговых и лососевых, образование озёрных форм от проходных, тенденция к образованию нескольких экотипов в одном и том же водоёме. Все эти особенности являются отражением условий, в которых формировалась ихтиофауна, и в первую очередь отражением истории гидрографической сети в течение четвертичного периода. Данные особенности именно озёрной ихтиофауны подчеркивают важность сохранения их уникальных популяционных групп.

Развитие туризма, особенно связанного с спортивно-любительским (рекреационным) рыболовством, в значительной степени влияет на формирование видового состава и численность ихтиофауны озёр и рек Плато Путорана. При этом более интенсивно изымаются определенные виды рыб, что сказывается на изменении их состава и использование кормовой базы рыб в водоёмах. До настоящего времени данные крупные озера и реки очень слабо изучены в гидробиологическом отношении.

Развитие спортивно-любительского рыболовства (ЛСР) в последние годы получает значительное развитие, особенно в регионах Сибири и Дальнего Востока по следующим причинам [1-4]:

- по разным оценкам, любительским рыболовством занимается от 10 до 20% населения нашей страны, а это значит, что численность рыбаков-любителей составляет не менее 15 млн человек. Если предположить, что один рыбак-любитель за год вылавливает хотя бы 20 кг рыбы, то их суммарный улов будет равен 300 тыс. тонн. Эта величина значительно превосходит объёмы промышленного рыболовства в пресноводных водоёмах нашей страны, которые по данным ВНИРО в последние годы составляют 65-80 тыс. тонн;

- ЛСР является мощным фактором воздействия на водные биологические ресурсы, а в отдельных водоёмах — формирует структуру и численность промысловых запасов рыб и их продукционных характеристики;

- организация ЛСР может стать весьма успешной коммерческой деятельностью, в которую вовлекается значительная часть населения нашей страны, и государство заинтересовано в том, чтобы этот бизнес развивался в чётком и всем понятном правовом пространстве;

- рыба, выловленная рыбаками-любителями, во многих районах нашей страны, особенно в Сибири и в Арктике, играет важную роль в пищевом рационе;

- рекреационное рыболовство занимает важное место в обеспечении населения высококачественными продуктами питания и создаёт здоровую альтернативу многим социальным порокам, в том числе и наиболее актуальному для водоемов Сибири на современном этапе — браконьерству.

Учитывая тот факт, что информация о реальном состоянии рыбных запасов в водоемах Норило-Пясинской водной системы, как и большинства водоемов Арктики крайне скудна, необходимо выполнение мониторинговых исследований. Разработка научного обоснования начинается с инвентаризационной оценки рыбного населения в каждом водоеме, на котором будет проводиться любительский лов.

Инвентаризационная оценка рыб в водоемах включает:

- определение видового состава рыб;
- определение внутривидовой структуры, разнообразия жизненных стратегий тех видов, которые рассматриваются как целевые объекты спортивного и любительского лова;
- определение категории видов (массовые, редкие, виды Красной книги Российской Федерации и региональных Красных книг);
- выявление видов-индикаторов состояния экосистемы рек;
- выявление видов-индикаторов ранней диагностики изменений;
- оценка состояния видов — объектов любительского и спортивного рыболовства (численность, сроки хода и нереста, длина и масса тела, возрастной и половой состав, распределение и локализация в реке нерестилищ, места обитания и плотность молоди);
- оценка источников антропогенного воздействия, угроз и рисков для объектов любительского рыболовства;
- соответствие целей и задач организуемого рекреационного рыболовства действующим региональным правилам любительского и спортивного рыболовства и иным нормативным актам, устанавливающим ограничения или запреты в этой области.

Цель научного мониторинга — оперативный сбор информации для отслеживания изменения состояния популяций рыб — объектов любительского и спортивного рыболовства, для принятия управленческих решений по обеспечению устойчивого использования биоресурсов и, соответственно, устойчивого развития предпринимательской деятельности в сфере спортивного рыболовства [5].

На основе этих данных должны быть определены приоритетные и второстепенные объекты рекреационного рыболовства в каждом конкретном водоеме. Кроме того, должны быть выявлены редкие и особо охраняемые виды, вылов которых запрещен и которые нуждаются в особых природоохранных мероприятиях.

Основой благополучного состояния ихтиокомплекса водоемов является его кормовая база. Развитие кормовой базы рыб (фитопланктон, зоопланктон, зообентос, перифитон, водная растительность) имеют огромное значение в формировании как видового состава ихтиофауны, так и ее количе-

ственных показателей в каждом конкретном водоеме. Очень важна и сезонная динамика видового состава, численности и биомассы организмов кормовой базы водоемов.

Сбор полевого материала по видовому составу, численности и биомассе гидробионтов и ихтиофауны, а также по гидрохимическому составу воды в исследуемых точках водоемов необходимо проводить в период сезонных полевых экспедиционных работ.

В качестве основных индикаторов интенсивности нагрузки и для оценки экологического состояния объектов любительского лова по Шатило и Леману [3] предлагается принять:

- количество человеко-дней пребывания рыболовов на реке;
- количество безмоторных плавсредств на реке в сезон;
- количество лодок с моторами на реке в сезон;
- количество стационарных лагерей и баз;
- уловистость по видам в штуках на человека в день (шт./день);
- максимальную, минимальную и среднюю длину рыб в уловах по видам;
- максимальную, минимальную и среднюю массу рыб в уловах по видам;
- возрастной состав рыб в уловах по видам;
- соотношение полов по видам;

При увеличении рыболовной нагрузки на хрупкую ихтиофауну арктических водоемов, особенно на ее более ценные и редкие виды, мы не обойдемся без искусственного пополнения их запасов для сохранения стабильного развития СЛР.

На основании общего объема информации по кормовой базе, видовом и количественном составе ихтиофауны и спектре питания различных видов рыб необходимо рассчитать приемную емкость водоемов.

Знание приемной емкости крупных озер и рек северо-западной части Плато Путорана позволит:

- планировать оптимальную нагрузку рекреационного рыболовства на каждый из водоемов;
- сохранить в стабильном состоянии качественный и количественный состав ихтиофауны этих водоемов;
- планировать объем ежегодного зарыбления рек и озер молодью ценных и редких видов рыб;
- планировать мощности рыбоводного завода для выращивания молодых ценных и редких видов рыб;
- формирование дополнительных рабочих мест для местного населения, занятых в рыбоводстве и туристическом бизнесе;
- повышение налоговых отчислений в местный бюджет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крохалевский В.Р. Проблемы организации любительского и спортивного рыболовства // Журнал "На привале" Тюменская область, 2019.
2. Огнев Е. Спортивное и любительское рыболовство: проблемы и перспективы // Рыболов-спортсмен: альманах, № 39. М., 1979. С. 38-42.
3. Шатило И.В., Леман В.Н. Любительское и спортивное рыболовство на Камчатке: современное состояние, проблемы и подходы к их решению, перспективы развития // Петропавловск-Камчатский: Проект Программы Развития ООН, 2008. 80 с.
4. Васильева М.И. Любительское рыболовство: проблемы и перспективы правового регулирования // Хозяйство и право. 2012. № 3. С. 26–42.
5. Скопец М.Б. Спортивное рыболовство на северо-востоке СССР. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1990. 107 с.

Sergey V. Yakovlev

Volgograd State Agrarian University, Volgograd

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF SPORTS AND AMATEUR FISHING IN THE INLAND WATERS OF THE ARCTIC ON THE EXAMPLE OF THE CENTRAL AND SOUTHERN PART OF TAIMYR

Annotation. *The article examines the problems of the development of sports and amateur fishing in the inland waters of the Arctic. The main stages of scientific monitoring of aquatic biological resources in poorly studied reservoirs of the North are presented. The peculiarities of CPR influence on the state of the ichthyocomplex of Arctic reservoirs are considered. The importance of determining the receiving capacity of reservoirs for the sustainable development of amateur recreational fishing.*

Key words: *sport and amateur fishing, recreation, Noril-Pyasinskaya water system, Arctic, ichthyofauna, fish food base, monitoring, receiving capacity.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абдуллаев Александр Максимович**, младший научный сотрудник, Центр пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва
2. **Адашова Татьяна Алексеевна**, кандидат географических наук, ведущий специалист Отдела образовательного контента ООО «ФОКСФОРД», г. Москва
3. **Азизов Ньматулло Хасанович** ассистент кафедры физической географии, Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни, г. Душанбе (Таджикистан);
4. **Акимова Варвара Владимировна**, кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Центр стратегий регионального развития, Институт прикладных географических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
5. **Аксёнов Кирилл Андреевич**, студент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва
6. **Аксёнов Константин Эдуардович**, доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
7. **Алексеев Алексей Владиславович**, инженер, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
8. **Алексушин Глеб Владимирович**, доктор исторических наук, доцент, профессор Самарского государственного экономического университета, г. Самара
9. **Аникина Мария Леонидовна**, аспирант, ассистент кафедры туризма, геоурбанистики и экономической географии Факультета наук о Земле и туризма, Башкирский государственный университет, г. Уфа
10. **Анимица Евгений Георгиевич**, Заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор, главный советник при ректорате, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и

управления Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

11. **Антюфеева Татьяна Валерьевна**, кандидат географических наук, доцент, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
12. **Аюшеева Валентина Гармаевна**, младший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
13. **Бабкин Роман Александрович**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва
14. **Бабурин Вячеслав Леонидович**, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
15. **Бадина Светлана Вадимовна**, кандидат географических наук, научный сотрудник географического факультета Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва
16. **Бадмаев Алдар Геннадьевич**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
17. **Базаржапов Цогто Жалсанович**, научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ; аспирант Института географических наук и исследования природных ресурсов, г. Пекин (Китай)
18. **Балина Татьяна Анатольевна**, кандидат географических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
19. **Банзаракцаев Зорикто Евгеньевич**, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
20. **Батомункуев Валентин Сергеевич**, кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
21. **Баугишта Хьюго**, кандидат биологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань
22. **Безруков Леонид Алексеевич**, доктор географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

23. **Белозеров Виталий Семенович**, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
24. **Биктимиров Нияз Миннахматович**, кандидат географических наук, доцент, кафедра сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
25. **Бобровский Роман Олегович**, лаборант-исследователь, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, научная лаборатория «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы», г. Москва
26. **Богатуров Дмитрий Сергеевич**, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
27. **Богданов Валерий Николаевич**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, г. Иркутск
28. **Болхосоева Елена Борисовна**, кандидат географических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
29. **Бородина Татьяна Львовна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва
30. **Бочарников Владимир Николаевич**, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток
31. **Брель Ольга Александровна**, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой геологии и географии Кемеровский государственный университет, г. Кемерово
32. **Булатова Гульнара Нуровна**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник АО «Центральный научно-исследовательский институт геологии нерудных полезных ископаемых», г. Казань
33. **Бунаков Олег Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
34. **Быков Николай Иванович**, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
35. **Валеева Гульнара Фаридовна**, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

36. **Вишняков Николай Владимирович**, старший преподаватель кафедры географии и картографии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград
37. **Власова Наталья Юрьевна**, доктор экономических наук, профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург
38. **Водичев Евгений Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск; профессор Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск
39. **Волков Алексей Витальевич**, президент Общенационального союза индустрии гостеприимства, г. Керчь
40. **Волкова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии, Институт географии РАН, г. Москва
41. **Вольхин Денис Антонович**, кандидат географических наук, старший преподаватель Крымского федерального университета, г. Симферополь
42. **Воронин Игорь Николаевич**, доктор географических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
43. **Гайсин Ильгизар Тимергалиевич**, доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики географического и экологического образования, Казанский федеральный университет, г. Казань
44. **Галустов Кирилл Артёмович**, директор проекта Центра городских технологий и пространственного развития, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
45. **Гнатюк Галина Анисимовна**, кандидат географических наук, доцент, профессор Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова», г. Якутск
46. **Гомбоев Баир Октябрьевич**, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения, заведующий кафедрой географии и геоэкологии, профессор Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
47. **Гонтарь Николай Владимирович**, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

48. **Горбанёв Владимир Афанасьевич**, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (МГИМО), г. Москва
49. **Горочная Василиса Валерьевна**, кандидат экономических наук, специалист по учебно-методической работе, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
50. **Грибанова Галина Исааковна**, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
51. **Григорьев Иван Иванович**, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
52. **Гусаков Тимур Юрьевич**, научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
53. **Даньшин Александр Иванович**, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии России Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва
54. **Демидова Ксения Викторовна**, аспирант, техник лаборатории регионального анализа и политической географии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва
55. **Деточенко Лилия Валерьяновна**, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, геоэкологии и методики преподавания географии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград
56. **Джумаев Бобур Аскарлович**, аспирант кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
57. **Диденко Ольга Валериевна**, кандидат географических наук, доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж
58. **Дирин Денис Александрович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии и экологии Тюменского государственного университета, г. Тюмень
59. **Добрякова Валентина Аркадьевна**, кандидат географических наук, доцент, кафедра картографии и геоинформационных систем, Институт наук о Земле, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
60. **Дойникова Екатерина Евгеньевна**, младший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ

61. **Дружинин Александр Георгиевич**, доктор географических наук, профессор, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва
62. **Еланцева Алина Алексеевна**, бакалавр, Институт наук о Земле, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
63. **Елманова Дарья Сергеевна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва
64. **Ермошкина Галина Федоровна**, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой географии, Смоленский государственный университет, г. Смоленск
65. **Есипова Светлана Александровна**, кандидат географических наук, доцент, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
66. **Жамьянов Даба Цыбан-Доржиевич**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
67. **Жирнова Лидия Сергеевна**, научный сотрудник Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (МГИМО), г. Москва
68. **Житин Дмитрий Викторович**, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
69. **Жук Сергей Иванович**, кандидат экономических наук, доцент, Набережночелнинский филиал Казанского национального исследовательского технического университета – КАИ им. А.Н. Туполева, г. Набережные Челны
70. **Заборцева Татьяна Ивановна**, доктор географических наук, доцент, зав. лабораторией экономической и социальной географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
71. **Забурасва Хава Шахидовна**, доктор географических наук, доцент, главный научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный
72. **Закиров Ильнур Вагизович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, геоурбанистики и экономической географии факультета наук о Земле и туризма, Башкирский государственный университет, г. Уфа

73. **Замятин Дмитрий Николаевич**, доктор культурологии, главный научный сотрудник факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
74. **Зангеева Наталья Робертовна**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
75. **Зяц Дмитрий Викторович**, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; доцент кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, г. Москва
76. **Землянский Дмитрий Юрьевич**, кандидат географических наук, директор Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва
77. **Зиганшин Ирек Ильгизарович**, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории биогеохимии ИПЭН Академии наук Республики Татарстан, доцент *кафедры* теории и методологии географического и экологического образования Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань
78. **Зиновьева Альфия Альбертовна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра сервиса и туризма Института управления экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
79. **Зольникова Юлия Федоровна**, кандидат географических наук, доцент, кафедра социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
80. **Зырянов Александр Иванович**, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
81. **Зырянова Инна Станиславовна**, старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
82. **Ибрагимов Айдын Исмаил оглы**, доктор географических наук, профессор, профессор департамента международных отношений Эгейского университета, г. Измир (Турция)
83. **Ивлиева Ольга Васильевна**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры туризма, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

84. **Ма Цзя**, аспирант кафедры туризма Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
85. **Истомина Лада Сергеевна**, бакалавр, Институт наук о Земле, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
86. **Итегелова Анна Петровна**, старший преподаватель, эколого-географического отделения, Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск
87. **Кайзер Филипп Юрьевич**, старший преподаватель кафедры геологии и географии, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово
88. **Каледин Владимир Николаевич**, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры страноведения и международного туризма, Институт наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
89. **Каледин Николай Владимирович**, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
90. **Калиновский Леонид Викторович**, младший научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва
91. **Калуцков Владимир Николаевич**, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
92. **Карабатов Владислав Александрович**, магистрант кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
93. **Карачурин Лилия Борисовна**, кандидат географических наук, доцент, академический руководитель магистерской программы «Демография», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
94. **Касимов Денис Ильяфович**, аспирант кафедры географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета, г. Казань
95. **Кашин Алексей Александрович**, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
96. **Климова Оксана Викторовна**, кандидат географических наук, доцент, декан естественно-географического факультета Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск

97. **Ковалев Юрий Юрьевич**, кандидат географических наук, доцент Уральского федерального университета, г. Екатеринбург
98. **Колдобская Наталья Андреевна**, кандидат географических наук, младший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
99. **Колосов Владимир Александрович**, доктор географических наук, профессор, заместитель директора Института географии РАН, вице-президент Русского географического общества, г. Москва
100. **Колян Шогик Меружановна**, учитель школы 105, г. Ереван (Армения)
101. **Комов Игорь Владимирович**, кандидат географических наук, доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж
102. **Коньшев Евгений Валерьевич**, кандидат географических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
103. **Конюхова Алина Дмитриевна**, бакалавр, Институт наук о Земле, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
104. **Королёв Андрей Юрьевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры туризма, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
105. **Коськин Алексей Александрович**, магистрант кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, сотрудник ООО «ДубльГИС», г. Санкт-Петербург
106. **Красноштанова Наталья Евгеньевна**, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии СО РАН им. В.Б. Соцавы, г. Иркутск
107. **Красноярова Бэлла Александровна**, доктор географических наук, профессор, заведующая лабораторией, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
108. **Крейденко Татьяна Федоровна**, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов, г. Москва
109. **Крупко Анатолий Эмануилович**, кандидат географических наук, доцент, кафедра социально-экономической географии, Воронежский государственный университет, г. Воронеж
110. **Крылов Петр Михайлович**, кандидат географических наук, доцент; и. о. заведующего кафедрой социально-экономической и физической

- географии, Московский государственный областной университет, г. Москва
111. **Кузнецов Алексей Владимирович**, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва
  112. **Кузнецова Ольга Владимировна**, доктор экономических наук, профессор заведующая лабораторией «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; профессор кафедры экономической и социальной географии России Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва
  113. **Кузнецова Эльза Афанасьевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и экологии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
  114. **Куклина Мария Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск
  115. **Кулаковский Евгений Сергеевич**, кандидат географических наук, преподаватель кафедры социально-экономической географии и регионоведения Воронежского государственного университета; ассистент кафедры географии и туризма Воронежского государственного педагогического университета, г. Воронеж
  116. **Кулматова Лутфия Сафаровна**, ассистент кафедры физической географии, Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни, г. Душанбе (Таджикистан).
  117. **Куница Марина Николаевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, экологии и землеустройства Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск
  118. **Куричев Николай Константинович**, кандидат географических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва
  119. **Кухарук Наталья Степановна**, кандидат биологических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
  120. **Кушнир Ксения Владимировна**, старший преподаватель, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

121. **Лаврикова Юлия Георгиевна**, доктор экономических наук, доцент, директор Института экономики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург
122. **Лазовская Снежана Владимировна**, доктор экономических наук, директор Колледжа права экономики и управления, г. Краснодар
123. **Лекомцев Александр Леонидович**, старший преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
124. **Любичанковский Алексей Валентинович**, кандидат географических наук, доцент, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург
125. **Лялина Анна Валентиновна**, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
126. **Макар Светлана Владимировна**, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
127. **Макарова Кристина Ивановна**, бакалавр, Институт наук о Земле, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
128. **Максимов Дмитрий Васильевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры международного туризма и менеджмента, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
129. **Маменов Сергей Даниярович**, старший преподаватель кафедры физической географии и ГИС, Алтайский государственный университет, г. Барнаул
130. **Марциневская Лариса Владимировна**, кандидат географических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
131. **Медведникова Дарина Михайловна**, младший научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва
132. **Медведникова Дарина Михайловна**, младший научный сотрудник, Центр пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва
133. **Мельников Егор Романович**, заведующий отделом природы ГКБУК «Пермский краеведческий музей» (Музей Пермских древностей), г. Пермь

134. **Мельникова Екатерина Александровна**, студентка кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва
135. **Мердешева Елена Владимировна**, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой географии и природопользования Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск
136. **Меркушев Сергей Александрович**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
137. **Миненкова Вера Владимировна**, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической, социальной и политической географии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
138. **Михайлова Анна Алексеевна**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
139. **Михеева Наталия Михайловна**, кандидат политических наук, доцент, кафедра региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
140. **Диденко Дмитрий Юрьевич**, магистрант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
141. **Морковская Дарья Николаевна**, студентка кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
142. **Мотошкина Марина Александровна**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
143. **Мустафин Марат Рафаэльевич**, кандидат географических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань
144. **Нагиев Салех Касум оглы**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии Азербайджана и методики преподавания географии, Бакинский государственный университет, г. Баку (Азербайджан)
145. **Надыров Шерипжан Марупович**, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии, землеустройства и кадастра, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алма-Аты (Казахстан)

146. **Николаев Роман Сергеевич**, кандидат географических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
147. **Новосельский Кирилл Игоревич**, кандидат географических наук, доктор экономических наук, профессор, Русское географическое общество, г. Москва
148. **Овсянников Евгений Игоревич**, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
149. **Орехова Анна Алексеевна**, студентка Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань
150. **Осоргин Константин Сергеевич**, ассистент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
151. **Павлов Константин Викторович**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Полоцкий государственный университет, г. Полоцк (Белоруссия)
152. **Панкратов Алексей Алексеевич**, кандидат экономических наук, инженер кафедры макроэкономической политики и стратегического управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, г. Москва
153. **Пермяков Максим Александрович**, специалист по УМР кафедры географии, картографии и геоинформатики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
154. **Пилипенко Игорь Валерьевич**, кандидат географических наук, МРА, директор Института конкурентоспособности и интеграции (НИИКИ), г. Москва
155. **Писаренко Сергей Васильевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Пушкин
156. **Подосян Аксель Арутюнович**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии Ереванского государственного университета, г. Ереван (Армения)
157. **Поздеев Александр Олегович**, аспирант, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург
158. **Полякова Татьяна Анатольевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

159. **Поспишенко Мария Александровна**, аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
160. **Потоцкая Татьяна Ивановна**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет, г. Смоленск
161. **Преображенский Юрий Владимирович**, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов
162. **Размахнина Юлия Сергеевна**, кандидат географических наук, ведущий инженер, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
163. **Рауфов Рахматулло Ньматович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии, Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни, г. Душанбе (Таджикистан)
164. **Роготень Наталья Николаевна**, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максакковского, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
165. **Родионова Ирина Александровна**, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник ЦНИИ «Электроника», г. Москва
166. **Рожко Михаил Викторович**, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
167. **Романова Елизавета Петровна**, учитель географии МБОУ «СОШ №5» г. Можги, Удмуртская Республика
168. **Ротанова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры физической географии и ГИС, Алтайский государственный университет, г. Барнаул
169. **Рубцов Владимир Анатольевич**, доктор географических наук, профессор, кафедра сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
170. **Рыбкина Ирина Дмитриевна**, доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
171. **Рыгзынов Тумун Ширавович**, младший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ

172. **Саввинова Антонина Николаевна**, кандидат географических наук, доцент эколога-географического отделения Института естественных наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
173. **Савченко Александр Борисович**, доктор географических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва
174. **Сазонова Нина Васильевна**, кандидат географических наук, доцент, кафедра природопользования и земельного кадастра, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
175. **Сазонова Оксана Александровна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, г. Воронеж
176. **Сакаев Василь Тимерьянович**, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
177. **Сапожникова Татьяна Юрьевна**, старший преподаватель кафедры международного туризма и менеджмента, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
178. **Сафиуллин Марат Радикович**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, г. Уфа
179. **Сафиуллин Радик Газизович**, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа
180. **Сафонова Ирина Вячеславовна**, преподаватель, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж
181. **Семенов Юрий Михайлович**, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Лаборатория физической географии и биогеографии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН», г. Иркутск
182. **Сидоров Валерий Петрович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии, картографии и геоинформатики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
183. **Сидоров Игорь Васильевич**, аспирант, Смоленский государственный университет, г. Смоленск

184. **Сикач Ксения Юрьевна**, кандидат географических наук, старший преподаватель, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
185. **Ситников Павел Юрьевич**, преподаватель, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
186. **Соколов Сергей Николаевич**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск
187. **Соловьев Иван Алексеевич**, кандидат географических наук, доцент, кафедра социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
188. **Сопнев Николай Владимирович**, аспирант кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
189. **Соцкова Лидия Михайловна**, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, институт «Таврическая академия», г. Симферополь
190. **Столбов Вячеслав Алексеевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
191. **Страчкова Наталья Васильевна**, кандидат географических наук, доцент, кафедра туризма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
192. **Стрелецкий Владимир Николаевич**, доктор географических наук, заведующий отделом социально-экономической географии, Институт географии РАН, г. Москва
193. **Субботина Татьяна Васильевна**, кандидат географических наук, доцент, кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
194. **Суворова Арина Валерьевна**, кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, Институт экономики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург
195. **Супрунчук Илья Павлович**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
196. **Тебиева Деляра Иосифовна**, кандидат географических наук, доцент, заведующая кафедрой физической и социально-экономической географии, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

197. **Титова Татьяна Николаевна**, архитектор, преподаватель, Союз архитекторов России, г. Екатеринбург
198. **Ткачева Татьяна Александровна**, ассистент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский Федеральный университет, г. Ставрополь
199. **Труфанов Андрей Иванович**, кандидат физико-математических наук, доцент, института ИТиАД ИрННТУ, г. Иркутск
200. **Уставщикова Светлана Владимировна**, кандидат географических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов
201. **Устинов Кирилл Николаевич**, бакалавр, Институт наук о Земле, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
202. **Фартышев Арсений Николаевич**, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; доцент кафедры истории, политологии и регионоведения Иркутского государственного университета, г. Иркутск
203. **Федорко Виктор Николаевич**, доктор философии (PhD) по географическим наукам, средняя общеобразовательная школа № 233, г. Ташкент (Узбекистан)
204. **Фёдоров Геннадий Михайлович**, Заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
205. **Фёдорова Алла Семеновна**, зав. учебно-научной лабораторией электронных картографических систем, старший преподаватель эколого-географического отделения Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск
206. **Фесенко Владимир Владимирович**, кандидат географических наук, доцент, кафедра географии и картографии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград
207. **Филиппова Виктория Викторовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент эколого-географического отделения Института естественных наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
208. **Фролова Ирина Викторовна**, кандидат географических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой физической географии и ландшафтной экологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

209. **Хуснутдинова Светлана Рустемовна**, кандидат географических наук, доцент кафедры географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета, г. Казань
210. **Цыбикова Арюна Баировна**, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
211. **Цыдыпов Виталий Эдуардович**, младший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
212. **Чекменева Лариса Юрьевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
213. **Чиждова Лия Олеговна**, магистрантка, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
214. **Чистобаев Анатолий Иванович**, Заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор, почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
215. **Чихичин Василий Васильевич**, кандидат географических наук, доцент, кафедра социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
216. **Чугунова Надежда Васильевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород
217. **Чуженькова Валерия Александровна**, научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва
218. **Чупина Лариса Борисовна**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
219. **Шабалина Светлана Александровна**, кандидат географических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань
220. **Шадрин Александр Иванович**, доктор экономических наук, профессор, кафедра географии и методики обучения географии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, г. Красноярск
221. **Шарабарина Софья Николаевна**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул

222. **Шаралдаев Баянжаргал Бальжинмаевич**, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН; профессор кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции, Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления, г. Улан-Удэ
223. **Шахойн Карине Вазгеновна**, преподаватель кафедры социально-экономической географии Ереванского государственного университета, г. Ереван (Армения)
224. **Швец Александра Борисовна**, кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, ландшафтоведения и геоморфологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
225. **Шигимага Анна Александровна**, аспирант Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
226. **Широ Мария Станиславовна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра права и методики преподавания права Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград
227. **Шитов Александр Викторович**, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры географии и природопользования Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск
228. **Шупер Вячеслав Александрович**, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва
229. **Щитова Наталия Александровна**, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
230. **Эйдельман Борис Мойшевич**, кандидат экономических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
231. **Яковенко Ирина Михайловна**, доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой туризма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
232. **Яковенко Наталия Владимировна**, доктор географических наук, доцент, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж

Научное издание

ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ПРИОРИТЕТЫ ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

TRENDS IN THE SPATIAL DEVELOPMENT
OF MODERN RUSSIA AND PRIORITIES
OF ITS REGULATION

Материалы
Международной научной конференции
(XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО)

Тюмень, 12-17 сентября 2022 г.

В авторской редакции

Верстка

Обложка

Печать

С. Ф. Обрядова

Е. Г. Шмакова

А. В. Башкиров, В. В. Торопов

Подписано в печать 12.09.2022. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 44,76. Тираж 200 экз. Заказ 346.

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
Тел.: (3452) 59-75-34, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru